

А.Н. Боханов

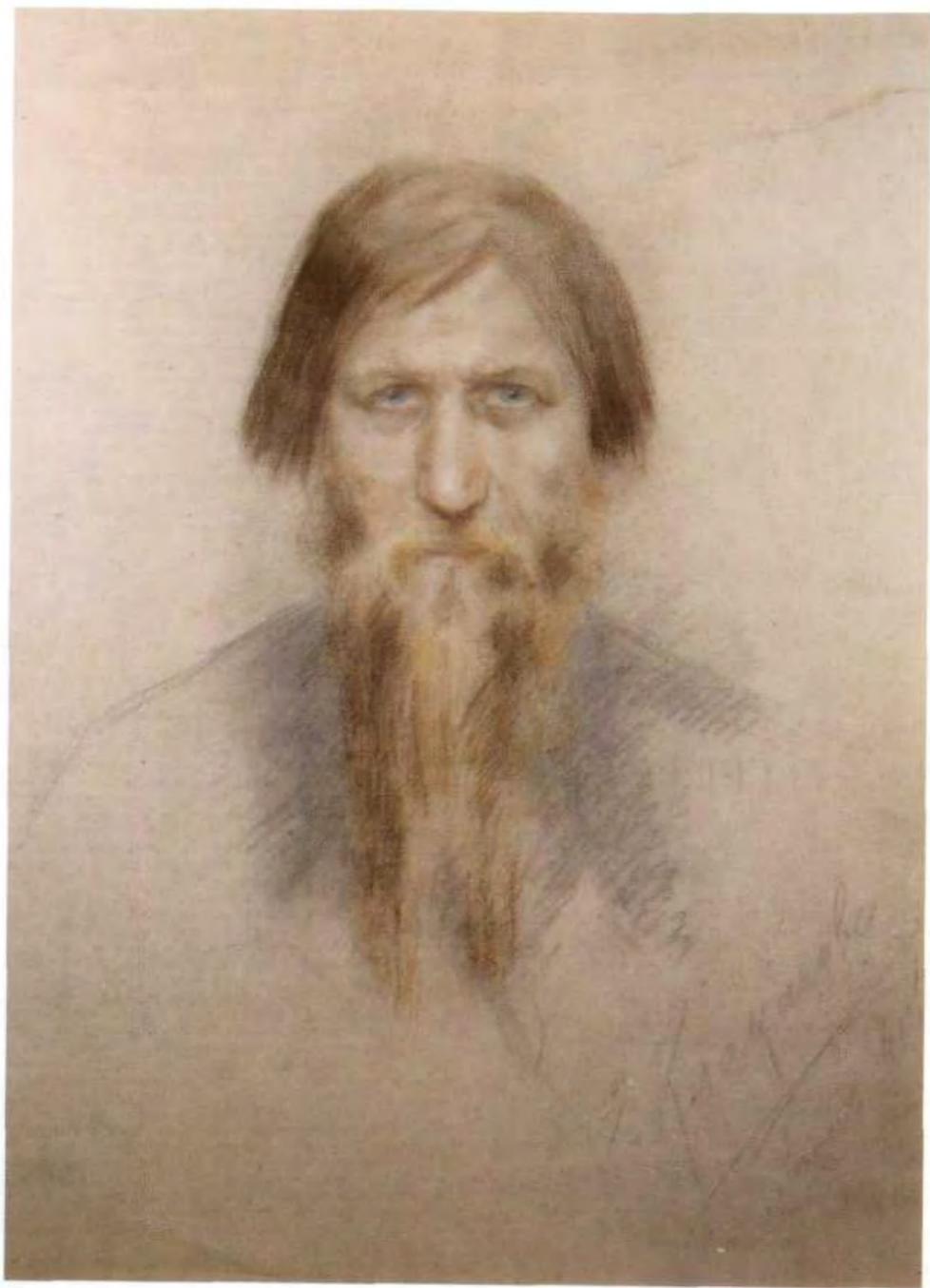
ПРАВДА

о Григории Распутине

Против фальсификации российской истории

А.Н. БОХАНОВ

ПРАВДА
О ГРИГОРИИ РАСПУТИНЕ

Москва
Русский издательский центр
2011

Боханов А.Н.

Б 86 Правда о Григории Распутине. — М.: Русский издательский центр, 2011. — 608, [48] с.: ил.

ISBN 978-5-4249-0002-0

Книга посвящена одному из самых загадочных и наиболее известных персонажей не только отечественной, но и мировой истории — Григорию Распутину. Чаще всего публике его представляют не в образе реального человека, а в облике демонического антигероя, мрачного символа последнего периода существования монархической России. Это один из первых и наиболее живучих продуктов черного исторического пиара.

Доктор исторических наук, автор нескольких десятков книг по истории России проводит расследование, профессионально и непредвзято исследуя разнообразный документальный материал. В книге представлены реальные подробности биографии сибирского крестьянина, причины его общественной известности, действительная роль этого человека в истории. Одна из целей расследования — установить, как и почему возникла распутинская «черная легенда», кто являлся ее инспиратором и ретранслятором, по каким причинам сплетни и слухи подменили действительные факты, став «надежными» документами и «бесспорными» свидетельствами.

Книга дополнена сочинениями Григория Распутина.

© Русский издательский центр, сост., илл., 2011

© Боханов А.Н., 2011

© Клокачева Е.Н. Портрет Г.Е. Распутина. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2011

ISBN 978-5-4249-0002-0

Введение

Григорий Распутин — известнейший персонаж русской истории XX века. Об этом легендарном герое невероятно много написано и сказано. Однако мало кто может достоверно изложить его биографию. Да этого, как кажется, и не требуется. Как сто лет назад, так и сейчас многие сочинители убеждены: какая же может быть «биография» у малограмотного русского крестьянина из далекого сибирского села? Он же не был ни полководцем, ни мыслителем, ни государственным деятелем, ни «пламенным революционером», ни церковным иерархом, ни «творцом изящного».

Поклонники Распутина называли его старцем, но в бездуховном мире, как раньше, так и сейчас, сочинители просто не в состоянии понять подобную категорию¹. Для них «духовность» — некая сумма интеллектуаль-

¹ Ярчайшим образцом подобной беспомощности является вышедшее не так давно сочинение: *Варламов А.Н. Григорий Распутин-Новый*. М., 2007, переизданное в 2008 году в серии «Жизнь замечательных людей». обстоятельный анализ тенденциозных варламовских измышлений произведен С.В. Фоминым. См.: *Фомин С.В. Григорий Распутин: расследование*. «Боже, храни Своих!». М., 2009. *Он же. Григорий Распутин: расследование*. «Судья же мне Господь!». М., 2010. На поверку «новые сочинения» — только по дате и есть «новые». В основе своей по преимуществу это «перелопачивание» слухов и сплетен столетней давности.

ных знаний и представлений. И всё. Но при этом надо как-то объяснить феноменальность исторической роли Григория Распутина. Её и объясняют просто, «без затей», создавая бесчисленное множество в той или степени неизменно пошленьких произведений. Суть их проста, ведь, как кажется немалому числу людей, главное о Распутине «давно известно».

Сибирский крестьянин, обладавший чудодейственными способностями и невероятным половым магнетизмом, сумел подняться на самый верх общества, покорить «сильных мира того», смог «втереться в доверие к самому Царю», «став соправителем» Российской Империи. Перед ним заискивали придворные и сановники, известные политики домогались его благорасположения, а первые красавицы Империи «готовы были на всё», лишь бы этот «бородатый мужлан» заключил их в свои объятия.

Без тени сомнения во многих сочинениях утверждается, что этот «нахальный бражник» и «бесстыжий блудник» предавался «необузданному разврату без устали», а в числе его интимных партнерш фигурировали как дамы высшего света, представительницы самых именитых дворянских родов, «сиятельные» графини и княгини, так и простые белошвейки, и дешевые проститутки с Сенной площади и Невского проспекта. Даже звучание фамилии — РАСПУТИН — невольно вызывает у многих эротические ассоциации самого безудержного свойства.

Описание же так называемых распутинских оргий — отдельное направление в кино и литературе. «Бойкие мастера» на яркие краски и мистериозные подробности здесь никогда не скупилась: патологическое воображение получает широчайший простор. Золоченые хоромы особняков и дворцов знати, отдельные ка-

бинеты самых фешенебельных ресторанов, изысканные интерьеры, уникальные меха и баснословные драгоценности, надрывные песни и зажигательные пляски цыган — таков дежурный антураж, в котором обычно и изображают «распутинский разгул».

Игра шампанского в хрустале, бархатные и шелковые обивки и портьеры, переливы бриллиантов, мерцающий огонь свечей в причудливых бронзовых канделябрах, а на первом плане похотливый бородатый мужик, или сжимающий в своих грубых руках заколдованную, беспомощную аристократку, или вертящийся в бесноватом плясе, напоминающем ритуальные танцы диких племен. Этот «видеоряд» давно стал как бы обязательным и в литературе, и в кино. На протяжении XX века голливудские кинокомпании сумели многократно воспроизвести подобную, потрясающую воображение «русскую экзотику».

Однако распутинская тема — не только объект бытового любопытства, а тиражирование этой истории не объясняется лишь распространенным людским интересом к скрытому, непристойному. Здесь фокусируются вполне определенные политические интересы, мировоззренческие пристрастия, психологические комплексы не только отдельных людей, но и конкретных общественных групп и политических направлений. «Распутиниада» — инструмент идеологических манипуляций, удобный способ объяснить изломанные судьбы стран, народов, империй и правителей простыми формулами и ходячими приемами.

Много десятилетий назад один из самых известных отечественных политиков XX века, герой, кумир и проклятие судьбоносного 1917 года Александр Керенский изрек: «Без Распутина не было бы Ленина». Иными словами, если бы этот сибирский мужик не появился в

Царских чертогах, а еще лучше и не родился на свет во все, то Россию не постигли бы испытания и мучения, которые она выдерживала почти столетие под игом беспощадных коммунистов. При таком взгляде на ход времен фигура Распутина приобретает магический ореол «могильщика» Царской Империи, посланца inferнальных сил, открывшего «врата ада» для погубителей и притеснителей.

Постулирование подобной «истины», принятие ее на веру позволяло таким деятелям, как Керенский, удачно выгораживать себя, затемнять и умалять свои личные «заслуги» в деле крушения монархической России и «торжестве апокалипсиса», наступившего потом.

Действительно, если Распутин стал демиургом крушения, знаком распада, то историческая вина за это лежит не только и даже не столько на нем, сколько на тех силах и людях, кто вызвал из небытия это «исчадие ада». И здесь на первое место сочинители непременно выдвигают Императора Николая II и Императрицу Александру Фёдоровну.

Вульгарная схема оказалась чрезвычайно живучей; сходные утверждения звучат снова и снова. Их озвучивали и «мэтры» околоисторической литературы, такие как Валентин Пикуль и Эдвард Радзинский, и просто «табуны» безответственных сочинителей рангом помельче. Недалеко ушли от уровня таких «знатоков» и авторы из круга «историков-профессионалов». Даже носители профессорских званий и докторских степеней нередко писали (да и пишут) нечто подобное!

Эта вакханалия невежества, пошлости и предубеждения поражает. Поражает тем, насколько люди, сочиняющие опусы на исторические темы, имеют об истории весьма туманные и деформированные представления. Наверное, о конфигурации, биологической природе,

флоре и фауне моря можно судить и по морской капле. Можно, но при одном неизменном условии: надо уж если и не знать, то хотя бы иметь достаточное представление об океанографии...

Существует и прямо противоположная, но столь же расхожая точка зрения, согласно которой вся «Распутинада» — тонкая инспирация антирусских сил из числа «революционеров», «масонов» и «евреев», зловещий заговор, приведший в итоге к падению Царства. Это тоже не только событийное упрощение, но и примитивизация многосложной и многовековой обусловленности крушения великого духовного феномена — Царской России.

Врагов у исторической России действительно было много. Однако их было много всегда! Утверждать же, что именно их «конспирологическая деятельность» в определённой временной точке и привела к торжеству революции — значит идти путем Керенского — «просто» и «доходчиво» обрисовывать грандиозную духовную катастрофу. Распутин никоим образом не был виновником этой катастрофы. Однако «простота» и «доходчивость» заставляют авторов, даже из круга симпатизантов Распутина, заниматься подменами, выпячивая на передний план факторы и причины третьестепенного порядка.

Почему элитарная Россия — аристократия, интеллигенция и даже некоторые представители церковной иерархии, поверили не Царю и Царице, благочестие Которых, как и Их любовь к России были бесспорными? Почему они поверили тому, что умаляло и отрицало русские исторические духовные ценности? Почему люди периода заката Монархии видели то, чего не существовало в природе, воспринимали ложь как «объективную реальность», не утруждая себя хоть каким-то критиче-

ским анализом циркулировавших слухов? Здесь ключ к пониманию и всей распутинской темы, а шире — революционной катастрофы, а совсем не в том, столько было «масонов» и как изоциренно они плели свои адские сети «заговора». Распутинская история — ярчайший показатель тяжелейшего духовно-психологического раскола страны, раскола, ставшего детонатором революционного взрыва 1917 года. Ибо сказано было Спасителем на все времена: «Если царство разделится само в себе, не может устоять царство» (Марк. 4, 23).

Массовый психоз приводил к тому, что современники полагали, что осуждают Распутина, а на самом деле обсуждали некий виртуальный образ, не существовавший в действительности. По этому же пути потом устремились и толпы сочинителей всех мастей. В области истории до сего дня люди позволяют без всякого стеснения озвучивать любые умозаключения, строить самые немислимые гипотезы, делать сенсационные широковещательные заявления, нисколько не заботясь об их исторической обусловленности. Зачем? По мнению этих «свободных интерпретаторов» и «новых знатоков» истории, публика ведь «глупа», она примет на веру любую нелепость и скабрзность, если ей заявить: «я первый открыл», а раньше же «никто этих материалов никогда не видел».

Хотя все эти «уникальные материалы» давным-давно известны, а многие и опубликованы, но кто о том ведает? Историки? Но ведь достаточно заклеить их как «адептов идеологии», и сразу же, как кажется, получишь от публики право на забвение собственных «творческих грешков» и предстанешь чуть ли не оракулом и «бесстрастным срывателем» покровов с тайн истории.

Насмехаясь над читателем и зрителем, окарикатуривая прошлое страны и народа, оборотистые «истори-

ки-драматурги» и «лауреаты» каких-то доморощенных литературных «премий» при этом делают вполне конкретный гешефт. Непристойность получает надлежащую рекламу, и выгодная финансовая результативность очередного «эпохального проекта» обеспечивается надежно.

Ни в какой иной теме по истории России, как в теме о Распутине, вульгарная заданность сочинителей всех мастей не проступает так наглядно. «Распутиниада», «распутинщина» давно стала обиходным мифом, питаемым не только историческим невежеством производителей и потребителей, но и неприкрытым коммерческим расчетом. Бульварная литература во все времена имела неоспоримое тиражное превосходство перед всей прочей. «Раскрученное» дает заводую потребительскую «фору» нетипичному, сложному, эксклюзивному. Так устроен коммерческий рынок вообще и информационно-книжный в частности.

При всей растиражированности распутинского сюжета невольно бросается в глаза куцый набор «базовых документов», на основании которых обычно строится сюжет. Да и сам перечень «волнующих эпизодов» весьма ограничен. Каковы были сексуальные потенции сибирского крестьянина? Как и где «общался он с проститутками»? Сколько у него вообще было любовниц? Как много он потреблял алкоголя? Как в пьяном угаре назначал министров? В каких ресторанах Распутин устраивал оргии, как они проходили и кто был на них «завсегдаем»? Вот современный перечень вопросов к загадочному персонажу.

Естественно, что при таком «ракурсе» духовный контекст, духовное содержание общения Распутина с людьми, в первую очередь с Царской Семьей, а это смысловой стержень всей «распутиниады», исчезает из поля

зрения. Большинство же сочинителей и потребителей и представления не имеют о том, что такое духовные искания. Антиправославность и порождает опусы о мужике-гипнотизёре, не отражающие действительность, но выражающие крайнюю, варварскую форму духовного одичания нынешнего человека. Вне духовного же контекста невозможно понять, что объединяло сибирского крестьянина и «Самодержца всея Руси».

Современников Распутина в первую очередь занимали совсем другие проблемы. Кем был ангажирован Распутин, кто им управлял, какие иностранные круги стояли за ним, работал ли он на врагов России? Но и сто лет назад, когда Россия ещё значилась православной страной, распад цельного православного миропонимания, приведший в конечном счете к падению Православного Царства, давал о себе знать.

Моңархический бомонд порождал кликуш, головивших на весь свет о «распутинской угрозе», и тем дискредитировал монархическую власть. В авторитарно-монархических системах сила власти и престиж власти существуют в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Если умаляется престиж, то ослабляется и власть.

Однако калибр русских монархистов за двести лет петровской «европеизации» настолько измельчал и деградировал, что люди просто теряли способность ответственно и адекватно себя вести. Бесконечными разговорами о «распутинском зле» высшее общество довело себя до исступления и стало невольным, но очевидным политическим сообщником тех, кто жаждал крушения Монархии, кто грезил о нем.

Это может показаться парадоксальным, но такие персонажи, как генерал Владимир Джунковский, аристократка Зинаида Юсупова или председатель Госу-

дарственной думы Михаил Родзянко, сделали для ослабления Монархии больше, чем известный радикал Владимир Ульянов-Ленин. Именно в кругах «именитых и родовитых» родились самые грязные измышления, именно там был центр инспираций, а совсем не во французских кафе и швейцарских пивных, где обреталась большая часть «пламенных революционеров».

Если и не вся распутинская история, то самые «смачные» ее эпизоды опираются обычно на некие виртуальные свидетельства, подлинность которых доныне, как правило, не удосуживаются проверить. Так повелось с начала создания распутиниады. Откуда известно, что Распутин предавался необузданному пьянству? Ответ: об этом все знали. Никто не рассказал о собственных впечатлениях, никто не зафиксировал личное участие в «разнузданных оргиях». Все лишь ссылались на неизвестных информаторов и анонимных очевидцев.

Или вот другой «горячий сюжет». На чем основаны утверждения о сексуальной разнузданности царева друга? Объяснение: о том рассказали жертвы его похоти. Правда, никто не называл имен этих «жертв», да и сами эти легендарные «оскорбленные создания», которые, судя по многообразию и выразительности циркулировавших подробностей, хотя и рассказывали об «ужасном насилии» над собой чуть ли не на всех углах, но ни к судебной, ни к общественной защите своей чести не прибегали.

Однако об этом, как говорилось, опять «все знали».

По сходным лекалам смонтированы и иные страницы «распутиниады».

Хотя сто лет назад понятия «пиар-технологии» еще не существовало, а из средств массовой информации имелась в наличии лишь пресса, однако «черный пиар»

уже давал о себе знать. Можно смело утверждать, что «распутиниада» — первый грандиозный продукт подобной технологии. Однако хорошо известно, что информационный прессинг срабатывает лишь тогда, когда не только имеются намерения и возможности у неких групп утвердить в общественном сознании желательный стереотип, но и само общество подготовлено к его принятию и усвоению. Поэтому только сказать, как это порой делается, что растиражированные рассказы о Распутине — сплошная ложь, даже если это и действительно так, — значит не прояснить сути, почему же измышления о нем принимались на веру. Этот базовый вопрос остается без ответа до сих пор.

Многие современники тех событий, которые или Распутина вообще не видели, или где-то лицезрели мельком, в своих мемуарах зафиксировали скандальные подробности его биографии и поведения в качестве реальных фактов. Здесь уже речь надо вести о болезненных деформациях мировосприятия людей в переломные исторические эпохи: они видели то, что хотели видеть, верили тому, во что желали верить. Действительность тут определяющей роли не играла. Желаемое и возможное приобретало в сознании немалого числа людей характер подлинного и свершившегося. Этот психологически-мировоззренческий коллапс явился детонатором русской катастрофы 1917 года.

Подобный синдром массового психоза наблюдался в эпохи канунов и крушений во многих странах. В России он наиболее выразительно проявился как раз в распутинском феномене. Об этой социальной паранойе далее придется говорить еще не раз. Пока же лишь уместно заметить, что многие десятилетия лживые скабрзные пассажи и рассказы воспроизводятся в качестве «надежного документа».

Данная книга не нацелена на полемику с конкретными авторами и определенными псевдоисторическими работами. «Распутиниада» будет исследоваться не через призму отражения и преломления, а через источники излучения. Можно даже сказать, что данная работа не столько о самом Распутине, сколько о восприятии его. Хотя, конечно же, многие исходные обстоятельства и факты биографии окажутся предметом рассмотрения.

Кем Распутин был на самом деле? Благодаря чему добился такой оглушительной известности? Как он жил и как погиб?

И самое важное: как и почему возник пошлый распутинский миф, кто его создавал и популяризировал?

Автор намеревается, опираясь на аутентичные документы, составить исторический портрет сибирского крестьянина Григория Ефимовича Распутина, сумевшего стать не только одним из известнейших героев российской истории, но и занявшего видное место в мировом пантеоне наиболее примечательных и узнаваемых персонажей. Портрет этот будет даваться в реальном историческом интерьере, в конкретных условиях времени и места.

Уважение к предкам, к величию и красоте былого России требует преодоления устоявшихся пошлых стереотипов, все ещё толстым слоем покрывающих русскую историю периода заката Монархии.

Глава I. Костёр на снегу

Погода на исходе февраля 1917 года в Петрограде ничем не отличалась от традиционной: серые, тусклые дни с пронизывающим ветром и нередкой пургой. Температура же воздуха была необычно холодной: от 8 до 10 градусов мороза. Как правило, в такое неуютное время гуляющей публики на улицах первой Имперской столицы почти не было, а по тротуарам сновали лишь те, кто вынужден был покинуть теплые квартиры и насиженные углы по деловым надобностям.

Однако в тот год конец февраля — начало марта стали временем небывалого людского половодья, запрудившего на несколько дней все магистрали в центре города. Такого многолюдства более чем за два века своей истории Петербург-Петроград еще не видел¹. Тысячи жителей различного звания и состояния, несхожего общественного положения и имущественных возможностей, словно зачарованные, как из клетки, вырвались на улицу, влекомые единой, загадочной, пьянящей и неодолимой силой, имя которой — революция. Общественный восторг носил форму какой-то безумной истерии. Никто толком не знал, что такое «свобода», но это слово околдовало множество людей. Как бы оживали строки А.С. Пушкина из его «Бесов»:

¹ Санкт-Петербург был переименован в Петроград после начала Первой мировой войны в августе 1914 года.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! Куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

События, закончившиеся эпохальным падением многовекового Царства, начались довольно буднично. В феврале у хлебных лавок, где отпускали хлебопродукты по фиксированным ценам, стали выстраиваться очереди. Слух прошел, что запасы муки и хлеба в столице на исходе, что скоро наступит голод. Хотя официальные власти сразу же развесили объявления, что припасов вполне достаточно и причин для беспокойства нет, но таким заверениям не верили. Задолго до рассвета у дверей лавок возникали длинные «хвосты», где только и разговоров было, что про грядущее бедствие. Преобладали здесь простые бабы с окраин, замордованные трудностями жизни, давно разуверившиеся во всем, в том числе и в начальстве. А многие и того больше: не верили уже ни в Бога, ни в Царя.

Хлебные очереди очень быстро стали превращаться в несанкционированные митинги, где звучали возмущенные восклицания не только бедных, перепуганных и озлобленных простолюдинок. Появились бойкие молодые люди, по виду студенты, за ними — сытые господа, некоторые из них в добротных дорогих пальто, которые, переходя от одной толпы к другой, произносили уже страстные речи, обличали все власти без разбора, но особенно Царя и Его близкое окружение. Ситуация час от часу накалялась. В разных частях го-

рода возникли баррикады, начались грабежи лавок и магазинов.

Правительство сначала не придало событиям должного значения, перекидывая ответственность на городские власти. Последние же тоже фактически бездействовали. Паралич воли и отсутствие плана противодействия расширявшейся стихии через два-три дня превратил бабий бунт в целенаправленное выступление против государственной системы. К мятежникам стали присоединяться некоторые воинские части столичного гарнизона.

Во главе движения оказалось руководство Государственной думы — русского парламента, которое не только не собиралось следовать данной при вступлении в состав депутатов клятве служить Царю и Отечеству, но в конце концов поддержало идею о необходимости отречения Императора Николая II.

В нарушение всех норм и традиций 27 февраля 1917 года был сформирован «Временный комитет Государственной Думы», провозгласивший себя «новой властью». Во главе его оказался председатель Думы, «камергер Двора Его Императорского Величества» М.В. Родзянко. Власть эта санкции Коронованного правителя не получила. Через два дня самозванный комитет преобразовался во Временное правительство...

Начались преследования должностных лиц, погромы полицейских участков и судов; запылали костры, на которых жгли «регалии ненавистного режима», главным образом двуглавых орлов. Там же, где не удалось их отодрать или сжечь, например на чугунных решетках мостов, начали выламывать короны из гербов...

Император Николай II в первые дни петроградских беспорядков находился в Ставке Верховного главно-

командующего в Могилёве. Монарх не бездействовал. Столичным властям, как гражданским, так и военным, отдавались распоряжения «навести порядок», но власти эти впали в состояние летаргии. Никто не соби-рался выполнять волю Монарха, а своей воли охранять существующий порядок высокопоставленные лица не проявляли.

28 февраля 1917 года Император покинул Ставку и выехал в Петроград. Почти за сто верст до столицы выяснилось, что далее железнодорожная магистраль находится в руках восставших. Царский поезд повернул на Псков, где располагался штаб Северо-Западного фронта. Однако здесь Монарх оказался, по сути дела, в западне, в кругу должностных лиц, придерживавшихся «переворотных настроений».

Его просили, умоляли и заклинали во имя России, ради мира и спокойствия отказаться от власти. Эту идею поддержали все командующие фронтами. Царя уверяли, что «вся Россия» требует этого, что «весь народ» взывает к Нему, что «для окончательной победы над врагом», необходимо «принести эту жертву». И Он её принес.

2 марта 1917 года Царь согласился сложить властные полномочия и передать их брату Михаилу. Всё это не имело юридической силы, так как русские законы не предусматривали ни в какой форме возможности отречения Самодержца. Фактически произошло свержение законной монархической системы на основе «захватного», или «революционного», права¹.

¹ Хотя эта огромная тема не может в данном случае стать предметом рассмотрения, но один её аспект нуждается в особом пояснении. Так как власть Династии Романовых на Руси была установлена в 1613 году Земским собором, т.е. свободным волеизъявлением «всей Земли Русской», то отмена этой власти могла

Не прошло и суток, как стало известно, что Михаил Александрович отказался от принятия короны, потому что новые правители определенно заявили претенденту, что не гарантируют тому не только воцарения, но даже и саму жизнь. История Царской России фактически и завершилась актом 2 марта 1917 года. Далее началась совсем другая история, являвшаяся удивительным смешением великой трагедии и бездарного фарса.

Падение Царской власти немалое число современников восприняло с восторгом. Грустили немногие, но и те публично своих переживаний не выказывали. Боялись. Боялись стать жертвами восторженных толп, вожаки которых с первых мгновений своего торжества стали выявлять и преследовать «сторонников ненавистного режима». Сановников, министров, генералов, лидеров проправительственных партий арестовывали на улицах, в квартирах, в присутственных местах и под конвоем препровождали в Таврический дворец, где заседала Государственная дума и где оказался центр новой власти. Первоначально «врагов народа» размещали в так называемом «министерском павильоне», но скоро их число превысило возможности этого флигеля и «бывших» начали переправлять в камеры Петропавловской крепости.

9 марта 1917 года появилось позорно-незабвенное обращение Святейшего Синода, начинавшееся словами: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь стать законной, легитимной только в том случае, если бы подобное решение было санкционировано новым полномочным всероссийским органом. Так как в начале 1918 года большевики разогнали Учредительное собрание, фактически, де-юре монархическая власть в России до сего дня не упразднена. То, что 1 сентября 1917 года кучка политических авантюристов провозгласила Россию «республикой», дела не меняет, потому что никакая общественная группа в таком судьбоносном деле не может принимать решение от лица всех граждан.

новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на её новом пути». Архиереи, назначенные в Синод ещё Царской властью, вмиг как будто забыли многовековой канон православного мироустройства, забыли о том, что Царь и Царство — устройство Божие...

Во Временное правительство вошли некоторые известные общественные деятели, главным образом из числа тех, кто снискал себе популярность своими громкими выступлениями против курса государственной политики, своей страстной критикой «произвола» и «антинародной деятельности» различных должностных лиц. Пост министра иностранных дел получил лидер конституционно-демократической партии Павел Николаевич Миллюков. Другой видный деятель — оппозиционер Александр Иванович Гучков стал военным министром. Во главе же кабинета и Министерства внутренних дел оказался бывший думец, председатель Земского союза князь Георгий Евгеньевич Львов.

Подлинным же «революционным украшением» правительства «свободной России» стал 36-летний адвокат и депутат Думы Александр Федорович Керенский, составивший себе имя погромными антигосударственными выступлениями на политических процессах и на заседаниях Государственной думы.

Он с ранних пор придерживался «социалистических убеждений» и уже в годы студенчества в Петербургском университете лелеял заветную мечту взорвать Зимний дворец вместе со всеми членами Царской фамилии. Позже он «расширил политический кругозор» и пришел к убеждению, что надо разрушить всю монархическую систему и тогда «народ обретет свое счастье».

Зимний дворец был спасен, и это имело свою приятность для «убежденного социалиста». В 1917 году в

главной Царской резиденции и разместился пламенный страдалец за народное счастье, занявший в первом составе Временного правительства пост министра юстиции, а по совместительству и генерального прокурора. Через четыре месяца он станет и главой кабинета. Передавали, что спал он теперь на кровати Александра III, и столичные остроловы тут же окрестили Керенского Александром IV.

С первых дней победы революции жизнь в стране изменялась с космической быстротой. Уже 6 марта обнародуется политическая программа правительства. Она провозглашала всеобщую амнистию (свободу получили не только враги прежней власти, но и уголовные преступники), полную политическую свободу, всеобщее избирательное право и созыв Учредительного собрания. Декреты и указы новой власти сыпались как из рога изобилия.

Были отстранены от управления все должностные лица прежней администрации, запрещался национальный гимн «Боже, Царя храни», отменялись присяга в армии и отдание чести, предписывалось снять с вывесок и реклам Царские гербы и орлов с коронами, отменялось церковное помяновение Царя, ликвидировались переводные экзамены в гимназиях и вступительные в университетах. Много и других невиданных новшеств внедрялось в повседневность.

Россия вдруг в одночасье превратилась в страну, где все оказалось дозволенным. После почти недельного перерыва 5 марта вышли вновь газеты, которые просто захлебывались от восторженных славословий. Газетные развороты запестрели откровениями различных лиц, которые сообщали интервьюерам, какое «счастье они испытали», дожив наконец «до эры свободы». Славили «славную революцию» и «великую свободу» даже те,

кто прекрасно себя чувствовал при павшем режиме, кто был его продуктом и составной частью.

Двоюродный брат Царя Великий князь Кирилл Владимирович, успевший еще до отречения Монарха перебежать на сторону новой власти и присягнуть ей, откровенничал выше всякой меры. Оказалось, что только теперь он по-настоящему счастлив, так как живет «в свободной стране» и «может говорить все, что думает», а раньше же все время «чувствовал притеснения», слезку. Князь уверял, что в последнее время «бывший Царь» был «явно не в себе», что «все дела вершила Александра Фёдоровна». Оклеветав родственников, внук Императора Александра II выразил полную поддержку новому правительству.

Подобный паралич сознания среди членов поверженной Династии демонстрировал в те дни не только Кирилл Владимирович. Дядя Царя Великий князь Александр Михайлович писал своей супруге — сестре Николая II Великой княгине Ксении Александровне 15 марта 1917 года. «Что должна думать А. (Александра Фёдоровна. — А. Б.), виновница всего происшедшего, ведь сколько Она народа пустила теперь по миру, прямо ужас, неужели Она не осознаёт, что это Она привела к этому Н. (Николая II. — А. Б.) и Россию, да, поистине Она была злым гением России». Эти глупости писал тот, кто, казалось бы, должен был знать поверженных Царя и Царицу, но так ничего за многие годы и не уразумел.

В конце своего послания Александр Михайлович присовокупил: «Ты читала, вероятно, разные подробности о Распутине, какая всё мерзость, и подумать, что действительно это всё было, и мы были бессильны помочь». Но если уж близкий родственник Царя верил потоку вранья, публиковавшемуся в газетах, что же говорить о других...

Столичная газета «Русская воля», созданная за год до того группой столичных банков при заинтересованном участии последнего министра внутренних дел А.Д. Протопопова, сидевшего теперь в казематах Петропавловской крепости, просто задышалась от избытка экстатических чувств. «Мы можем гордиться той исключительной красотой общего движения, той высокой его культурностью, какими ознаменовались святые освободительные дни с первой минуты своей исключительно до настоящих минут, знаменующих полную победу русского народа над вековым игом деспотического самодержавия».

Газеты переполняла радужная информация о грандиозном преображении России, о «великой бескровной революции». Хотя в разных частях Империи были убиты сотни людей, а тюрьмы, невзирая на «всеобщую амнистию», заполнялись новыми заключенными — «врагами свободы и народа», на эти «эксцессы» мало кто обращал внимания.

Несмотря на то что правительство и МВД возглавлял князь Г.Е. Львов, он активной роли не играл, являясь лишь декорацией. Направлением внутренней политики заведовал министр юстиции. Как убежденный социалист, он стремился «ежеминутно углублять революцию», чтобы сделать «возврат к старому невозможным».

Керенского отличала невероятная активность. За день он успевал побывать на многих заседаниях, выступить на нескольких митингах, подписать ворох воззваний и указов. Он рьяно отстаивал мысль об «изоляции» «бывшего Царя», и 7 марта Временное правительство издало распоряжение об аресте Императора Николая II и членов Его Семьи. Поверженные были заключены под арест в Александровском дворце Царского Села. Режим содержания определяла инструкция, составленная лично Керенским.

Сразу же после принятия на себя функции шефа российской юстиции «любимец Февраля» постоянно публично выказывал уверенность, что «отныне произволу положен конец», что теперь «все граждане России могут вдыхать полной грудью воздух свободы», что они «могут не бояться за свою жизнь». Керенский очень быстро превратился в кумира столичной публики, стал своего рода «прима-актером», постоянно окруженным толпой поклонников и поклонниц. Он был таким великолепным, таким «душкой», так потрясал впечатлительные натуры, что на некоторых собраниях и митингах молодые барышни падали в обморок, а юноши рыдали от восторга.

Однако не только экзальтированные курсистки и восторженные студенты трепетали при виде Керенского. Восторгались и более зрелые дамы, имевшие «шумную биографию». Одна из самых известных в этом ряду — Зинаида Гиппиус. «Жрица декаданса», поэтесса, критикесса, публицистка, эссеистка и социалистка. Она и ее муж, популярный писатель Д.С. Мережковский, знали «милого Александра Федоровича» давно, но только в те мартовские дни он им открылся всей своей революционной монументальностью.

Через несколько дней после переворота он нанёс визит «неистойой Зинаиде», и та записала в дневнике: «Он, конечно, немного сумасшедший. Но пафотически-бодрый... Это всё тот же Керенский. Тот же... и чем-то неуловимо уже другой. Он в черной тужурке (министр-товарищ), как никогда не ходил раньше. Раньше он даже был „элегантен“, без всякого внешнего „демократизма“. Он спешит, как всегда, сердится, как всегда. Честное слово, я не могу поймать в его словах перемену, и однако она уже есть. Она чувствуется».

Изменялись все, и менялось всё. Причем некоторые перемены просто резали глаз. Еще совсем недавно бле-

стящая столица Российской Империи превратилась за несколько дней в заплеванный и замызганный город. Горы мусора во дворах и скверах (дворники перестали работать — революция!), толпы неопрятных людей на улицах, расхристанные солдаты, задирающие прохожих компании наглых проституток (никто не мог подумать, что их такое количество!), группы празднующихся, фланирующих с утра до вечера по центральным улицам Петрограда. Толпа лузгала семечки, и немалая ее часть, невзирая на введенный еще в 1914 году сухой закон, была явно навеселе. И бесконечные манифестации, демонстрации, митинги. Это стало главным развлечением толпы.

Полиция исчезла, зато появились во множестве вооруженные патрули, состоявшие из солдат и молодых людей в штатском платье с красными бантами на груди и такого же цвета нарукавными повязками. Эти «рыцари революции» прославились не только рвением в выявлении и аресте бывших «слуг прогнившего режима», но и своими «экспроприациями». Множество богатых квартир и особняков было ограблено во время поисков и арестов «врагов народа».

Вскоре после падения Царской власти в Петрограде оказался писатель И.А. Бунин. Потрясённый увиденным, он писал: «Невский был затоплен серой толпой, солдатней в шинелях внакидку, неработающими рабочими, гуляющей прислугой и всякими ярыгами, торговавшими с лотков и папиросами, и красными бантами, и похабными карточками, и сладостями, и всем, чего попросишь. А на тротуарах был сор, шелуха подсолнухов, а на мостовой лежал навозный лед, были горбы и ухабы. И на полпути извозчик неожиданно сказал мне то, что тогда говорили уже многие мужики с бородами: „Теперь народ, как скотина без пастуха, все перегадит и самого себя погубит“».

Простой мужик-кучер чувствовал и понимал неизбежный ход событий, который ликовавшие представители «общественности» и вообразить не могли.

Храмы почти опустели, зато кинематографы, цирки и театры были переполнены. Газеты шли нарасхват. Главная тема полос — описание различных эпизодов «славной революции». Из прошлой жизни в них осталась лишь коммерческая реклама, характер которой, несмотря на разгар жестокой войны и революционные пертурбации, мало изменился с мирных времен.

Акционерные общества оповещали «уважаемых господ акционеров» о ежегодных собраниях, курорт «Гурзуф» приглашал воспользоваться его услугами и отдохнуть с полным комфортом, компания «Жорж Руссель» рекомендовала дамам приобрести последнюю модель эластичного корсета. В свою очередь, цирк Чинизелли объявлял свою новую грандиозную программу, суворинский театр анонсировал пьесу «Цветы зла», кинематограф «Паризиана» рекламировал «новую фильм» — драму в пяти частях с участием несравненного И.И. Мозжухина — «А счастье было так возможно». Публике предлагалось многое другое посмотреть, воспользоваться услугами и выгодно купить.

Театрам приходилось перестраиваться, что называется на ходу, в соответствии с политическими потребностями момента. Большинство спектаклей было подготовлено еще в «старую эпоху», что порой откровенно не устраивало зрителя. Случались трагикомические истории. В Императорском Александринском театре давали драму М.Ю. Лермонтова «Маскарад», которую никак нельзя было отнести к разряду революционных произведений. Публика, среди которой не видно было состоятельных господ и дам в вечерних туалетах, а доминировала однообразная масса в военной одежде цвета

хаки, сама внесла коррективы в постановку. После сцены бала зрители стали требовать революционный гимн. Спектакль прервали, и оркестр вынужден был трижды исполнить «Марсельезу», что вызвало бурный восторг огромного зала. Труппа была в смятении, а прима Александринки, известная актриса Е.Н. Рощина-Инсарова, впала в депрессию. «Маскарад» изъяли из репертуара...

Помимо революционной эйфории в мартовском воздухе России всё явственней чувствовалось нарастание волны ненависти ко всему и ко всем, ассоциировавшимся со свергнутой властью. Русские популярные газеты, обезумевшие от нахлынувшей полной свободы, писали невероятную ложь: Царь и Царица вошли в тайные сношения с Германией, собирались заключить сепаратный мир «за спиной народа», Они предали Россию, и делами управления в России занимались «пьяный развратник» Распутин и «его клика». Много и другой несусветной глупости озвучивалось, и никто ничего не доказывал и не опровергал. Общественные страсти накалялись.

Ненависть так быстро овладевала душами людей, что оторопь брала. Один старик в Новгородской губернии публично высказался так: «Из бывшего Царя надо было кожу по одному ремню тянуть». Услыхав подобное, потрясенный Василий Розанов восклицал: «И что ему Царь сделал, этому „серьезному мужичку»? Вот и Достоевский... Вот тебе и Толстой, и Алпатыч, и „Война и мир»».

Ни на день не стихали разговоры о монархических заговорах и попытках реставрации, хотя никаких признаков деятельности роялистских групп не существовало. Однако это ничего не меняло и, например, Керенский опасался монархического реванша вплоть до прихода к власти большевиков осенью 1917 года.

Арестом Царской Четы дело не исчерпалось. Устремления хозяев «новой России» простирались дальше: они намеревались «вбить осиновый кол» в сердце Монархии, навсегда покончить с ней. Арест Николая II сопровождала и другая акция: в начале марта правительство объявило о создании Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц (ЧСК). Это была удивительная инсти-туция «свободной России». В нее вошли юристы и общественные деятели кадетско-эсеровской ориента-ции, задача которых состояла в выявлении и выяснении закулисной стороны свергнутого режима.

Новые правители России были убеждены, что «на-род должен знать всю правду». Указанная комиссия должна была эту «правду» добыть и огласить. Иници-атором и «патроном» данного начинания был А.Ф. Ке-ренский, непосредственным же руководителем комис-сии являлся присяжный поверенный (адвокат) из Мо-сквы Н.К. Муравьев, выступавший до революции за-щитником по политическим делам.

Комиссия была наделена правом производить след-ственные действия, заключать под стражу отдельных лиц, выносить решения об их освобождении и получать любую информацию из государственных, обществен-ных и частных учреждений по вопросам, ее интересую-щим. Первоначально конечная цель подобных занятий была не совсем ясна, но большинство деятелей новой власти считали, что комиссия должна подготовить ма-териалы для привлечения к суду бывших правителей.

Были допрошены и опрошены десятки высших должностных лиц Империи, известные политические и общественные деятели, придворные. В их числе: Царские премьер-министры И.Л. Горемыкин, князь

Н.Д. Голицын, граф В.Н. Коковцов, Б.В. Штюрмер; министры внутренних дел А.А. Макаров, Н.А. Маклаков, А.Д. Протопопов, А.Н. Хвостов; министр юстиции, а затем председатель Государственного совета И.Г. Щегловитов, министр Императорского двора граф В.Б. Фредерикс, дворцовый комендант В.Н. Воейков, высшие чины военных ведомств, полицейского управления. Дали свои показания и те, кто оказался в числе героев «славных» февральско-мартовских событий: П.Н. Миллюков, А.И. Гучков, председатель IV Государственной думы М.В. Родзянко. Опрашивались и известные политические деятели: В.Л. Бурцев, В.И. Ленин, Н.С. Чхеидзе, А.И. Шингарев и другие.

ЧСК собрала огромный документальный материал, полученный из различных ведомств и от отдельных лиц, так или иначе причастных к выработке и осуществлению государственного курса в период Монархии. Керенский во время своего инспекционного посещения Царского Села потребовал от Императора Николая II «во имя установления правды» допустить к личным бумагам и корреспонденции. Царь безропотно согласился, провел в свой кабинет, отпер все ящики письменного стола, показывал, где что лежит, давал необходимые пояснения. Несколько дней представители новой власти рылись в столах и шкафах Александровского дворца и увезли в Петроград множество бумаг.

Эта поездка оказалась очень познавательной для грозной «Немезиды революции». После возвращения в Петроград Керенский заметил в кругу чиновников Министерства юстиции, что он очень удивлен тем, что «Николай II далеко не глуп, вопреки тому, что мы о Нем думали». Позже о том же неожиданном для себя открытии министр юстиции, а затем и министр — председатель правительства в своих речах и многочисленных

книгах ни разу не упомянул. Сакраментальный пассаж сохранили для потомства пораженные слушатели.

Внутри Чрезвычайной комиссии с самого начала шла борьба двух направлений. Первое представляли те, кто стоял на правовой точке зрения: скрупулезно собрать и всесторонне изучить факты и документы, а лишь затем делать выводы. Представители второго «революционного» течения придерживались иного подхода. Они были уверены, что «преступные деяния свергнутого режима» в главном и так известны, и нужно лишь «подобрать» материалы, раскрывающие такие деяния. Подобной же разоблачительной позиции твердо придерживались глава комиссии Н.К. Муравьев и его покровитель А.Ф. Керенский.

Столкновения между правоведами и обличителями начались буквально с первых дней. Когда военный следователь полковник С.А. Корнев после подробного ознакомления с делом бывшего военного министра генерала М.А. Беляева доложил комиссии, что «ничего сугубо преступного найти не смог» и предложил его освободить из-под ареста, то разгорелась целая буря. «Как освободить? — взорвался бывший адвокат Н.К. Муравьев — Да вы хотите на нас навлечь негодование народа. Да если бы Беляевы даже и совсем были бы невиновны, то теперь нужны жертвы для удовлетворения справедливого негодования общества против прошлого. А за бывшим военным министром всё-таки имеется большой грех — его угодливость перед властью предрержащими. За это одно его надо сгноить в тюрьме».

Ясно, что при такой «правовой философии» о справедливом разбирательстве, казалось, не могло быть и речи. Однако в работе комиссии участвовали многие юристы с многолетним стажем, имевшие четкие пред-

ставления о профессиональной этике. Они не могли и не желали выполнять политический заказ.

Особенно ярко это проявилось в вопросе о признании «виновности» Царя. Правоведы твердо стояли на позиции закона, согласно которому Монарх не мог ни в какой форме не только привлекаться к суду, но и быть объектом обвинений. Антрепренеры же расследования, понимая, что с точки зрения юридической добиться вердикта невозможно, хотели всё-таки уличить Царя в противогосударственной деятельности, вынести морально-исторический приговор. Как вспоминал заместитель председателя комиссии сенатор С.В. Завадский, «Муравьёв считал правдоподобным все глупые сплетни, которые ходили о том, что Царь готов был открыть фронт немцам, а Царица сообщала Вильгельму II о движении русских войск».

Для документирования этих «истин» использовались самые сомнительные приемы. В одной бульварной газете было опубликовано несколько якобы тайных телеграмм, которые отправлялись в Германию через нейтральные страны и где содержались указания на переправку секретных сведений германскому командованию. Сии послания были подписаны «Алиса», и ни у кого не должно было возникнуть сомнений, что эти депеши исходили от Царицы.

Увидев эти «документы», Керенский немедленно потребовал провести «тщательное расследование», а Муравьёв просто сиял от радости. Вот они факты! Вот она измена! Несколько дней глава комиссии только и вел разговоры об этих «неопровержимых уликах». Расследование же окончилось грандиозным конфузом.

Выяснилось, что один начинающий журналист очень хотел прославиться и «сделать сенсацию». С этой целью он очаровал телеграфисту с городского телегра-

фа и попросил помочь найти интересные материалы, обещая в награду коробку конфет. Молодая барышня недолго думая составила несколько таких телеграмм, передала своему поклоннику и получила сладости. Когда началось следствие, немедленно призвали журналиста, затем телеграфистку, и та, расплакавшись, сразу же призналась в фабрикации. Подделка была установлена с несомненностью, но Муравьев все никак не мог успокоиться и даже хотел уговорить телеграфистку отказаться от признания. Но его всё-таки убедили не покрывать комиссию позором, так как грубость подделки сразу же бросалась в глаза.

Такого же «высшего качества» были и прочие «изобличающие сведения»: несколько недель изучали версию о шпионском телефонном кабеле между Царским Селом и Берлином, искали подтверждение слухам о тайных визитах эмиссаров кайзера в Петроград, разыскивали «приказы Императора» об установке на чердаках домов тысячи пулеметов, из которых «расстреливали народ». В итоге не только не обнаружили никакого приказа, но даже ни одного пулемета не нашли.

Однако правду не оглашали. Хоронили версии тихо, мирно, «по-семейному». Законы бульварной журналистики (и бульварной политики) соблюдались неукоснительно. Сначала в течение нескольких дней или недель та или иная сенсация раскручивалась в прессе, затем, когда выяснялась ее очевидная ложность, «факт» просто исчезал из обращения. На сцену вытаскивали новый абсурд. Публично же никогда и ничего не опровергали.

Глава комиссии Муравьев несколько раз давал интервью столичным газетам и уже в мае 1917 года без обвиняков утверждал, что «обнаружено множество документов, изобличающих «бывшего Царя и Царицу».

В действительности же замысел Керенского и прочих провалился: установить «преступные деяния» властителей, выявить их антигосударственную деятельность и разоблачить предательские сношения с врагами государства не удалось. А ведь так искали, так искали! По прошествии времени очевидно, что подобных фактов просто не существовало в природе, хотя «профессиональные разоблачители царизма» были убеждены в их наличии (иначе бы комиссию и не создавали).

Однако и в то время находились люди, не ослепленные революционным угаром. Весной 1919 года Иван Бунин написал: «Нападите врасплох на любой старый дом, где десятки лет жила многочисленная семья, перебейте или возьмите в полон хозяев, домоправителей, слуг, захватите семейные архивы, начните их разбор и вообще розыски о жизни этой семьи, этого дома, — сколько откроется темного, греховного, несправедного, какую ужасную картину можно нарисовать и особенно при известном пристрастии, при желании опозорить во что бы то ни стало, всякое лыко поставить в строку! Так врасплох, совершенно врасплох был захвачен и российский старый дом. И что же открылось? Истинно диву надо даваться, какие пустяки открылись! А ведь захватили этот дом как раз при том строе, из которого сделали истинно мировой жупел. Что открыли? Изумительно: ровно ничего!». Писатель был абсолютно прав: в общем-то «открылись» действительно пустяки.

Главный же инспириатор дела Керенский даже в эмиграции не нашел в себе мужества признать, что затея с установлением виновности Императора Николая II и Императорицы Александры Фёдоровны в «государственной измене» (статья 108 Уголовного уложения) безусловно провалилась. Между тем именно эта статья должна была стать важнейшим пунктом предполагае-

мого обвинения. Именно под лозунгом «борьбы с изменой» разворачивалась вся революционная вакханалия.

Давая в августе 1920 года в Париже показания следователю Н.А. Соколову, бывший «Александр IV» оправдывал создание ЧСК «историческими условиями». Хотя он уже признавал, что «Николай II сам лично не стремился к сепаратному миру», но относительно Александры Фёдоровны все еще продолжал лгать, уверяя, что в деятельности «Её кружка» он узрел «явную тенденцию к развалу страны», что якобы должно было привести «к сепаратному миру и содружеству с Германией». Это говорил человек, за несколько месяцев нахождения которого на первых политических ролях всё в стране действительно развалилось. Тут уж речь шла не о придуманных «тенденциях», а о непреложной действительности.

С первых же дней антицарской вакханалии в центре внимания публики и комиссии оказались Григорий Ефимович Распутин, его политическая роль, его участие в управлении Империей. Следователи, еще только приступая к разбору документов и опросу свидетелей, уже были убеждены в «преступной» роли, которую сыграл этот человек в судьбе государства.

Позже следователь В.М. Руднев писал: «Прибыв в Петроград в Следственную комиссию, я приступил к исполнению моей задачи с невольным предубеждением относительно причин влияния Распутина вследствие читанных мною отдельных брошюр, газетных заметок и слухов, циркулировавших в обществе, но тщательное и беспристрастное расследование заставило меня убедиться, насколько все эти слухи и газетные сообщения были далеки от истины». Даже юристы становились жертвами «облучения ложью»; что же уж говорить о других!

Распутин стал ударной темой столичных газет, почти все они завели специальные рубрики «Распутиниада». Даже самые солидные из них сбросили «флер респектабельности» и смаковали «пикантные детали» жизни убитого в декабре 1916 года друга Царской Семьи. Репортажи, интервью, очерки следовали один за другим. Все издания стремились перещеголять друг друга в добывании самого горячего материала. Беседы с теми, кто не только видел и знал этого одиозного мужика, но и с теми, кто мог порассуждать на сей предмет, стали в газетах почти ритуальными.

Врач, производивший вскрытие трупа Григория Распутина, во всех подробностях сообщал о том, как выглядел покойник, сколько у него было ран, в каком состоянии были внутренности. Другой врач, известный психиатр и невролог В.М. Бехтерев, хотя сам Распутина никогда не видел, давал научные объяснения «природы распутинских чар». На страницах нескольких столичных изданий маститый врачеватель разъяснял гражданам свободной России, что «помимо обычного гипноза» существует еще «половой гипнотизм», и Распутин как раз и был из числа таковых гипнотизеров.

Журналисты устроили настоящую охоту на дочерей и жену Распутина. Их искали везде, но они успели уехать на родину в Сибирь сразу же после переворота. Их же разграбленная и разгромленная квартира в доме на Гороховой, 64, стала объектом паломничества толпы любопытных.

Появились и первые смачные описания распутинских оргий, а в числе соблазненных и одурманенных его жертв фигурировали некие дамы, которых репортеры обозначали чуть ли не всеми буквами русского алфавита: баронесса Б., графиня К., монахиня О., жена полковника М., медсестра П. и так далее.

Уже в 2 марта 1917 года, когда Николай II отрекся от престола, в Царскосельском гарнизоне образовалась группа нижних чинов, решивших отыскать могилу Распутина. В Царском Селе обыватели шушукались, что покойник похоронен именно там (существовала версия, что тело увезли в село Покровское). Однако точное место известно не было, так как процедура похорон проходила в большой тайне. Революционные солдаты решились разоблачить «Царский секрет».

Потом рассказывали, что солдатами двигал вовсе не революционный порыв, а слухи о баснословных сокровищах, которые Царская Семья положила в гроб Своему Другу. Хотя в соответствии со всеми нормами Православия такого быть не могло, но кто из этих одурманенных свободой и вином «революционеров» думал о каком-то каноне! Они горели желанием озолотиться и довольно быстро нашли под строительными лесами воздвигаемого небольшого храма на окраине Царского Села захоронение, которое и начали расковыривать на следующий день¹.

Руководил раскапыванием могил некий капитан Климов, командир батареи по охране Царской резиденции, действовавший по согласованию с новым комендантом Царского Села подполковником В.М. Мацневым. Работы проводились без всякой огласки и продвигались трудно. Гроб находился на довольно большой глубине (два аршина, или около полутора метров), а земля в тот год сильно промерзла. Через два дня вандалы добрались до оцинкованного футляра, в котором находился гроб. Топорами и кирками взломали крышку у изголовья и увидели труп.

¹ Он был похоронен в строящемся А.А. Вырубовой храме во имя преподобного Серафима Саровского при Свято-Серафимовском лазарете-убежище. Закладка храма состоялась в начале ноября 1916 года.

Никаких драгоценностей, естественно, в захоронении не обнаружили. Это сразу же охладило энтузиазм. На следующий день, 6 марта, Мацнев доложил на заседании Царскосельского временного комитета, что в Александровском парке обнаружен гроб предположительно с телом Распутина. Еще раньше весть долетела до А. Ф. Керенского.

Тот с первого мгновения своего вознесения во власть держал распутинское дело под своим неусыпным контролем. Он не сомневался, что эта тема чрезвычайно выигрышна в историческом деле «вбивания осинового кола». В числе его первых распоряжений было два действительно примечательных.

Во-первых, личным распоряжением Керенский прекратил следственное дело против убийцы Распутина князя Ф.Ф. Юсупова, а во-вторых, распорядился освободить Хионию (Пелагею) Гусеву (она по решению суда пребывала в сумасшедшем доме), которая летом 1914 года покушалась на жизнь Распутина, ранив его ножом в живот¹. Керенский считал вышепоименованных — изнеженного аристократа-убийцу и психопатку-сифилитичку — «жертвами политических преследований царизма».

Всю историю с могилой Керенский ни на минуту не выпускал из поля зрения своего «революционного орлиного ока». До него дошли слухи, что некоторые обыватели начали проявлять повышенный интерес к покойнику, а иные даже стали собирать землю и снег с могилы, казавшиеся им чудодейственными. Это было «форменное безобразие», которое надлежало прекра-

¹ Ровно через пять лет после покушения на Распутина, в конце июня 1919 года, эта же Гусева на ступенях храма Христа Спасителя в Москве покушалась на жизнь Святейшего Патриарха Тихона.

тить немедленно. Он распорядился поместить гроб в специальный вагон и выставить охрану.

Еще раньше новость достигла ушей некоторых петроградских репортеров, и они чуть ли не толпой устремились в Царское. Первым примчался думский корреспондент Е. Даганский, опубликовавший в нескольких газетах свои репортажи. В «Русской воле» помещено было описание оскверненного захоронения. «В земле вырыто отверстие шириной не более аршина, откуда виднеется развороченная свинцовая крышка гроба, открывающая покойника до груди. Лицо трупа совершенно почернело. В темной длинной бороде и волосах куски мерзлой земли, на лбу черное отверстие от пулевой раны».

Корреспондент не поленился спуститься в могилу и нашел на груди небольшую икону Знамения Федоровской Божией Матери, на обороте которой были автографы Царицы, Великих Княжон и Анны Вырубовой. Здесь же значилось: 11 декабря 1916 г. Новгород. Несколько образов Александра Фёдоровна привезла из поездки в этот город. Один из них, тот, которым Её благословил архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий), и обнаружился на груди Друга Царицы.

Журналист хотел «взять на память» эту икону, но капитан Климов воспротивился, заявив, что он ее «должен передать коменданту Царского Села подполковнику Мацневу». Через несколько недель в прессе промелькнуло сообщение, что эта мемориальная реликвия была продана неким инженером Беляевым иностранцу...

Известная столичная газета «Новое время» сообщала 10 марта: «На станции Царское Село Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги стоит под охраной караула товарный вагон с телом Распутина. В ночь на 9 марта тело Г. Распутина по распоряжению прави-

тельства было выкопано из могилы склепа церкви во имя Серафима Саровского, что в деревне Александровской вблизи Царскосельского Александровского дворца. Гроб с телом Распутина на грузовике был доставлен в городскую ратушу, металлическая крышка была вскрыта, и труп подвергся осмотру». Корреспонденция заканчивалась информацией, что «о месте похорон Распутина пока распоряжений не сделано».

Подробные отчеты о «сенсационном событии» поместило и большинство других ежедневных изданий. Самое тиражное — «Русское слово» — привело новые подробности. «Металлический цинковый гроб был настолько тяжел, что целый взвод солдат с трудом извлек его на поверхность. На грузовом автомобиле гроб был доставлен в Царское Село в ратушу. Его внесли в здание, где гроб был вскрыт. Тело Распутина оказалось завернуто в тонкую кисею и затем зашито в полотно. Голова покоилась на шелковой кружевной подушке. Руки скрещены на груди, левая сторона головы разбита и изуродована. Тело почернело. В это время к ратуше собралась огромная толпа любопытных, проникшая в самую ратушу. Цинковую крышку гроба разломали на куски. Каждый хотел себе оставить на память кусок крышки: «Это на счастье, как веревка от повешенного», — заявляли в толпе. Составив протокол осмотра, тело вновь уложили в гроб и отвезли на Царскосельский вокзал. Здесь гроб был оставлен в товарном вагоне, двери которого по распоряжению коменданта были закрыты и опечатаны».

Вскоре после разрытия могилы появилось сообщение, что тело будет предано земле «на одном из кладбищ Петрограда». Здесь может возникнуть вполне уместный вопрос: для чего правительству (сиречь Керенскому) понадобилось отдавать распоряжение об извлечении

гроба, захороненного в безлюдном месте столичного пригорода, чтобы затем предавать его земле в столице?

Но в то время подобный вопрос ни у кого не возник. Власти же откровенно лукавили. Намерения «хоронить в Петрограде» у них не существовало из опасения, что эта могила станет местом паломничества «распутинцев» и просто любопытных. В силу этого Керенский все никак не мог решить, что же делать с гробом.

Верховного «стража свободы и закона» никоим образом не смущало, что все эти непристойные манипуляции с мертвецом происходили в дни Великого поста! Он давно уже не верил в Бога, не боялся никакого Судного дня. Опасался он совсем другого: что кто-то может его заподозрить в недостаточной преданности «делу революции». Он не мог быть мягкосердечным, не мог быть снисходительным даже к трупам врагов, пресловутые «исторические обстоятельства» требовали решительных действий. И они последовали.

Тело Распутина было тайно перевезено в «революционную столицу», где его под охраной поместили в укромном месте в придворных конюшнях в самом центре Петрограда на Конюшенной площади. Оскверненный гроб здесь находился в деревянном ящике из-под рояля.

Во всей этой отвратительной истории очень много неясного. Важные ее эпизоды можно восстановить лишь по скудным и противоречивым сообщениям газет. Официальных документов практически нет, хотя к ней имели отношение и высшие должностные лица, и местные административные власти.

Сами главные «герои Февраля» (всем им удалось благополучно покинуть пределы России) потом десятилетия обретались в различных странах в качестве эмигрантов. Превратившись, по существу, в «макулатуру

истории», они не могли с этим смириться. Политическое банкротство свое не признавали. Постоянно говорили о «великой роли», которую они сыграли в «деле освобождения народа». Некоторые, например, П.Н. Милюков и А.Ф. Керенский, написали тома воспоминаний и исторических трактатов, где в самых выигрышных красках рисовали свои политические портреты «в историческом интерьере».

Эти многостраничные опусы невольно поражают читателя. Мемуаристы восстанавливали в мельчайших подробностях события и картины, виденные многие десятилетия назад (к примеру, Милюков живописал цвет облаков над Везувием, когда оказался в Италии еще студентом), но странным образом наступал «провал памяти», когда надо было говорить о нежелательном и исторически для себя невыигрышном. Особенно это касалось двух тем.

Первая, важнейшая и больная: участь Царской Семьи. У Милюкова по этому поводу «полный склероз». Обсуждений сего вопроса во Временном правительстве он «категорически» не помнил. Хотя как министр иностранных дел вел об этом переговоры с английским послом, обменивался телеграммами с британским МИДом, но — как отшибло. Запомнил всё! Действительно, это ведь не цвет облаков над Везувием, а «сущая безделица»!

Цепкая память Керенского удержала лишь то, что надо было сохранить для скрижалей истории! Царскую тему он тоже готов был забыть, но тут ничего не получалось. Со всех сторон эмигранты напоминали ему, приводили документы, обвиняли, проклинали, выставя виновником гибели. Не раз оправдывался, перекладывал ответственность на других. Уверял, что если бы не бяки-англичане, которые отказались пустить Царя к

себе, все бы мирно и обошлось. Он же, со своей стороны, только и думал, как обеспечить Его безопасность. Эти подтасовки мало кого убеждали, но сам он себя убедил, что в той страшной истории неповинен.

Вторая тема, которая выветрилась из памяти мемуаристов, хоть и не представлялась столь же масштабной, как первая, но тоже была не менее щекотливой. Она касалась той самой распутинской «могильной истории». Никто из «мемуаристов» о ней не обмолвился ни полусловом.

Между тем такие разговоры среди министров по этому поводу велись, хотя бы потому, что все публиковавшиеся распоряжения подавались как решения именно правительства. Если и можно предположить, что «чистый европеец» Милюков оказался в стороне, то Керенский-то находился как раз в центре. Однако он тоже даже не упомянул об этом при подробном описании «славных дней» февраля и марта 1917 года. Наверное, по прошествии многих лет было просто стыдно вспоминать тот непристойный скандал.

Приказ вывезти тело Распутина из Царского отдал лично глава Временного правительства Г.Е. Львов. Начальник Царскосельского гарнизона полковник Е.С. Кобылинский вспоминал: «Комиссар по фамилии Купчинский прислал мне письменный приказ за подписью председателя Совета министров. Приказ предписывал мне передать тело Распутина Купчинскому, чтобы тот мог на грузовике доставить его к месту назначения. Мы не могли этого сделать в Царском Селе, поэтому перегнали грузовой вагон с телом Распутина на станцию Павловск Второй. Там мы нашли старый ящик из-под груза, в который и засунули гроб с телом Распутина. Сам ящик завалили матрацами и пустыми мешками».

Кто решал вопрос о судьбе останков Распутина, собирались ли их предать земле, если действительно собирались, не ясно, но не подлежит сомнению, что Керенскому, как и прочим «этуальям Февраля», очень хотелось поскорее навсегда покончить с телом духовного друга Царской Семьи. Ненавистный мертвец мешал победителям жить и творить радостную историческую эпопею.

10 марта формируется похоронная команда, состоявшая из шести студентов Петроградского политехнического института и двух руководителей: уполномоченного Временного правительства Ф.П. Купчинского и представителя градоначальства ротмистра В.П. Коцадзева (Когадзева). Указанная группа получила в свое распоряжение грузовой транспорт и необходимые пропуска и в ночь на 11 марта покинула Петроград. Направление — Выборгское шоссе. Ясно, что выезд на автомобиле вооруженных людей должен был получить самую высокую санкцию. Кто же конкретно давал такое разрешение?

Сохранились краткие воспоминания Ф.П. Купчинского, написанные в мае 1917 года и посвященные как раз истории с телом Григория Распутина¹. В них приводится разговор мемуариста с главой Временного правительства князем Г.Е. Львовым, состоявшийся в первые дни марта.

Князь говорил откровенно, без обиняков: «Его необходимо уничтожить... Сжечь, конечно, лучше... Надо подобрать людей, сделать без огласки». Потрясающее признание! Князь, представитель древнего рода (не чета Керенскому-то!), воспитанный по-европейски человек, известный общественный деятель, а рассуждал как какой-нибудь коммунистический революционер-уголовник.

¹ См.: Я сжег Григория Распутина / сост. В.В. Клавинг. СПб., 2001.

Из рассказа Купчинского следует, что идея сожжения принадлежала ему, а князь лишь её горячо поддержал и обещал «полное содействие». Львов как абсолютно никчемный политик, как общепризнанный «политический импотент» ничего самостоятельно не решал ни в первые дни марта 1917 года, ни в дни последующие.

Он всегда всё «обсуждал» со своими «товарищами по кабинету». Можно почти наверняка утверждать, что и здесь были «обсуждения», тем более что руководителю «ликвидационной команды» требовались широкие полномочия: достать транспорт, привлечь людей, получить многочисленные пропуска и разрешения. Для этого одного «росчерка пера» мягкотело-беспринципного князя Львова было явно недостаточно. В стране уже де-факто существовало двоевластие.

В разнузданной «революционной массе» авторитетом пользовалось не Временное правительство, и уж тем более не князь Львов. Авторитет имел Петроградский совет, главой которого являлся «социалист» Н.С. Чхеидзе. Его же заместителем и самым известным членом Совета являлся министр юстиции и прокурор А.Ф. Керенский.

Трудно усомниться в том, что «пропуски для патрулей» выдавались именно Советом. Без его санкции перемещение по Петрограду и его окрестностям машин с вооруженными людьми ночью тогда было просто невозможно. Так что в любом случае Керенский «был в курсе».

Купчинский преодолел все трудности, хотя кругом царили неразбериха и хаос. Именно его «команда» решила как первую задачу «акции» — транспортировку на грузовике тела Распутина из Царского на Конюшенную в Петроград, так и вторую — сожжение.

В пафосном рассказе Кулчинского, рассчитанном на восхищенное признание потомков, содержится немало интересных признаний. Когда прибыли в Царское забирать тело, выяснились потрясающие вещи: уже несколько дней «толпы людей день и ночь окружают вынутый из могилы гроб, его фотографируют, осматривают, трогают». Даже когда перенесли на запасные пути и поместили в закрытый вагон, то и тогда толпы не исчезли, продолжали «осаждать вагон». Причем приходили и ночью с фонарями, все «хотели посмотреть», а среди этих «страждущих» были не только простые обыватели, но и «передовые интеллигенты».

Вывозили тело скрытно и согласно акту, составленному 9 марта 1917 года, обязывались держать всё «в тайне от широких масс». 10 марта глава «команды» посетил князя Львова и сообщил, что «сегодня ночью все будет закончено». Но слухи о манипуляциях с мертвецом стали просачиваться в публику, пошли разговоры. Чтобы пресечь их, была пущена в обращение дезинформация. «Дезу» напечатала популярная «Петроградская газета» 11 марта.

«По срочному предписанию председателя Совета Министров князя Львова тело Распутина было перевезено из Царского Села в Петроград. Не доезжая Петрограда у платформы «Воздухоплавательный парк», поезд с телом Распутина остановлен. Солдаты вынесли гроб, который перевезен к ограде, близ находящегося здесь Волкова кладбища. Там тело Распутина было погребено и место захоронения тщательно скрыто».

На самом же деле всё обстояло совсем иначе. В ночь с 10 на 11 марта от Конюшенной площади отъехали два грузовика, во втором был гроб, покрытый досками и рогожами. Здесь же находилось и «несколько пудов картона и бумаги». Не забыли взять с собой лопаты, верев-

ки и ломы. Сопровождала «секретный груз» команда из восьми человек во главе с Купчинским.

Автомобиль несколько раз останавливали патрули, но город покинули благополучно и вскоре «кортеж» углубился в темноту. Через какое-то время свернули в сторону, на пустырь, но тут случилась неприятность. Автомобиль заглох. Произошло это между поселками Лесным и Пискаревкой. Руководители пошли в Лесное за подмогой, а студенты остались охранять уникальный груз.

В Лесном нашли коменданта, с которым обсудили ситуацию. Предложение «уничтожить труп без следа» ни у кого не вызывало возражений. Трудно не заметить, что некоторые обстоятельства уничтожения тел Царской Семьи перекликаются с этой историей...

Натаскали веток, из Лесного принесли дров, быстро сложили костер, вытащили из машины труп, облили всё бензином и подожгли. Несколько часов длился этот страшный ритуал. Ничего в тайне сохранить не удалось, на следующий день весть о событии стала широко известной. Газета «Петроградский листок», со слов очевидцев, писала:

«При свете луны и отблеске костра показалось завернутое в кисею тело Распутина. Труп был набальзамирован, на лице видны следы румян. Руки сложены крестобразно. Пламя быстро охватило труп, но горение продолжалось около двух часов. Скелет не поддавался уничтожению, и остатки его было решено бросить в воду».

Сам начальник «команды» описал виденное. «Руки как у живого. Шелковая рубашка в тканых цветах казалась совершенно новой. Костер разгорался все больше и больше, и при свете огня мы внимательно вглядывались в лицо „старца“, какую тайну он унес с собой в небытие?! Множество тряпок и стружек из гроба полетело в огонь. Очень скоро тело Распутина оказалось в огне.

Подливаемый бензин высоко вздымал огненные языки. Затлелись носки на его ногах, без обуви. Запылала рубашка. Борода моментально сторела. Сине-зеленые огоньки заструились по трупам...»

Руководители «акции» составили протокол, сохранившийся до наших дней. В нем говорится, что уничтожение трупа Григория Распутина было произведено под утро 11 марта, между 7 и 9 часами. «Самое сожжение имело место около большой дороги из Лесного в Пискаревку, в лесу, при абсолютном отсутствии посторонних лиц, кроме нас, ниже руки свои приложивших».

Газетные репортажи об этом диком, просто каком-то неандертальском действии, полны были умиления и даже радости. Публику уверяли, что вешние воды наступающей природной весны (политическая, как утверждали, уже наступила) смоят с «лица земли русской» всю «грязь», оставшуюся «от прежнего режима».

Ужасает и фактическая сторона этой исторической картины, и ее пророческое предопределение. Костер, полыхающий в холоде предрассветной ночи, густой смрадный дым, медленно поднимающийся к небу, а рядом кучка продрогших радостных людей, не ведущая, что справляет поминальную тризну по прошлому, по России, по миллионам погибших за нее и по многим миллионам, которые до срока погибнут в будущем неведь за что.

Пепелище с обгоревшими костями стало черным прообразом грядущего. С пронзительным чувством выразил это послереволюционное погружение во тьму известный поэт той поры Дон-Аминадо (Шполянский).

Все опростали. И все опростили.
Взяли из жизни и нежность, и звон.
Бросили наземь. Топтали и били.
Пилят. Растлили. И выгнали вон.

Долго плясала деревня хмельная,
Жгла и ходила глядеть на огонь.
И надрывалась от края до края
Хриплая, злая, шальная гармонь.

Город был тоже по-новому весел,
Стекла дырявил и мрамор долбил.
Ночью в предместьях своих куролесил,
Братьев готовил для братских могил.

Жили, как свиньи. Дрожали, как мыши.
Грызлись, как злые, голодные псы.
Строили башню, все выше и выше,
Непревзойденной и строгой красы.

Были рабами. И будут рабами.
Сами воздвигнут. И сами сожгут.
Господи Боже, свершишь ли над нами
Страшный, последний, обещанный суд?

Глава II. Факты и домыслы

В состоянии революционного пароксизма о Распутине было произнесено невероятное множество гневных слов, бесчисленное количество разоблачительных монологов. Потом многие десятилетия эти инвективы широко использовались как у нас, так и за границей, для создания образа и самого героя, и описания последних глав истории Царской России.

Уместно особо подчеркнуть, что обширная часть «распутиниады» базируется на материалах, которые являются апокрифическими или, иначе говоря, просто ложными. Фальшивок здесь достаточно. «Пиарщики» XX века потрудились на славу: фабриковались полицейские документы, письма отдельных лиц, дневники. О конкретных информационных эрзац-продуктах придется говорить еще не раз. Они интересны в двух отношениях: как мастерством технологии, так и характером общественных представлений, в русло которых удачно «вписывались» фальшивки.

Попыток же документировать жизнь «легендарного Гришки», наполнить его биографию конкретными историческими реалиями, долго не наблюдалось. Исторические изыскания никого не интересовали. Поэтому даже краткие заметки во всех без исключения энциклопедических изданиях, не говоря уже о прочих работах, полны

противоречий и искажений. Тут правила (и правит) бал «разнузданная дама» по имени Идеология. Между тем там, где кончается факт, заканчивается и история. В силу этого с полным правом можно назвать антиисторическими подавляющую часть сочинений на данную тему.

Чтобы читателю было понятно, какой низкопробный материал ему предлагают, сошлёмся на типичный образчик мифотворчества. Среди публикаций последних лет трудно обойти стороной писания Э.С. Радзинского, который обрушивает на публику просто поток «откровений» и «открытий» о тайнах истории вообще, и о «тайнах Царей» в частности. При этом он уверяет всех и в России, и по всему свету, что «изучал уникальные» документы, знакомство с которыми «озаряло» его якобы научные упражнения.

В изданной массовым тиражом книге этого «мэтра» об Императоре Николае II, о Распутине написано: «Григорий Распутин родился в селе Покровском в Сибири. Сын крестьянина Ефима Новых. Его отец — горький пьяница — вдруг образумился, перестал пить, скопил себе достаток. Но умерла жена — и пошло опять мужицкое несчастье: начал пить, спустил нажитое. И его сын Григорий в это время прославился распутной жизнью: Распутиным уехал он в Тобольск, служил половым в гостинице, там женился на служанке Прасковье, и родила она ему троих детей — сына и двух дочерей»¹.

¹ Радзинский Э.С. «Господи... спаси и умири Россию». М., 1993. Автор не только оболгал семью Распутина, но и умудрился даже перевернуть цитату из дневника Николая II, вынесенную в заголовок. Запись эта была сделана 17 октября 1905 года, после подписания Императором известного манифеста о даровании стране политических свобод и независимого парламента — Государственной думы. В оригинале значится «умири». Господин сочинитель, очевидно, просто не способен понять, что «умири» и «усмири» не есть тавтология.

Этот пассаж записного «знатока истории» насчитывает более шестидесяти слов. Из них не более десятка соответствуют истине: указание места рождения Григория Распутина, имя его отца, жены. Все остальные слова и утверждения, извините за неизящное выражение, грубое враньё. «Идентификатор» даже умудрился отцу чужую фамилию приписать.

Примерно так обычно и выглядит «консистенция» опусов на распутинскую тему: девять частей лжи и частичка общеизвестного. В результате получается непотребное «варево», которым обычно и «потчуют» несведущую публику. Из ныне живущих и творящих упомянутый баснописец далеко не единственный, но он, несомненно, самый плодовитый и наиболее удачливый коммивояжер пошлого товара.

Как можно рассуждать о жизни исторического персонажа, не зная ни времени его рождения, ни условий его жизни, ни духовного облика, ни запросов, ни интересов? Оказывается, можно. Лишь в самые последние годы начинают появляться немногочисленные публикации, где приводятся сведения о рождении Распутина, о его семье, рассказывается о путях духовных исканий. Ещё совсем недавно всё это было покрыто плотным туманом неизвестности.

Собственно, точно было известно лишь несколько фактов. Во-первых, то, что Григорий родился в Западной Сибири, в селе Покровском Тюменского уезда Тобольской губернии и был сыном крестьянина. Во-вторых, не вызывала сомнений дата смерти: в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года в Петрограде. И наконец, точно было известно время первой встречи сибирского крестьянина с Царем и Царицей: 1 ноября 1905 года (о том имеется специальная запись в дневнике Николая II). За пределами этого скромного круга сведений начинались «интерпретации» и «вариации».

Существует несколько категорий документов, на основании которых можно воссоздавать историю жизни и судьбы Григория Распутина. Они разнятся как по своей фактурно-содержательной части, так и по степени исторической достоверности.

Наиболее надежны те из них, которые можно обозначить как «интимные бумаги», документы, которые возникли в «процессе жизнедеятельности» Распутина: его записки, телеграммы, наставления, размышления, поучения, содержащиеся как в записях его почитателей, так и в изданных от его имени книгах. Особое место в этом ряду занимает личная переписка Царя и Царицы. Здесь чрезвычайно значима корреспонденция Александры Фёдоровны, которая искренне, без прикрас описывала своё восприятие «друга Григория».

Второй блок источников включает показания бывший сановников и царедворцев, политиков, чинов полиции, завсегдадаев светских салонов, которые собирала упоминавшаяся ранее комиссия Временного правительства.

Последний и наиболее многочисленный корпус документов — мемуары современников. Из числа тех, кто жил и пережил «минуты роковые», очень многие оставили свои воспоминания. Мемуаров того периода много. При этом почти все авторы, в разном контексте и по разному поводу, но обязательно упоминали имя Распутина. Однако именно это обширное наследие и является наименее исторически надежным. Людей, которые лично общались с Распутиным, а по прошествии лет рискнули бы искренне написать об этом, всего несколько, их, что называется, можно сосчитать по пальцам одной руки.

Можно выделить воспоминания только трёх таких лиц. Это, во-первых, Анна Александровна Танеева-

Вырубова (1884–1964), во-вторых, Юлия Александровна Ден (1880–1963)¹.

Особо же значимыми представляются записки верной почитательницы и последовательницы «старца Григория» Марии Евгеньевны Головиной (1887–1972), которую различные разоблачители называли и «секретарём», и «любовницей», и «наложницей» Распутина, но которая на самом деле являлась честной и добропорядочной девушкой из старой дворянской семьи, никогда ни в каких интимных отношениях с Распутиным не состоявшей. Она стала своего рода «духовной дочерью Распутина» и не изменила своего благоговейного отношения до самой своей смерти. Эти повествования преданной почитательницы усилиями французского историка и генеалога Жака Феррана были изданы небольшим тиражом в Париже через много лет после смерти Марии Головиной². К числу преданных почитательниц Распутина относилась и мать Марии — вдова камергера Е.С. Головина (1837–1897) Любовь Валерьяновна Головина, урождённая Карнович (1853–1938).

Записки Головиной, которую все близкие, в том числе и Распутин, звали Муней, стоят особняком в ряду

¹ Наиболее полное издание вырубовских текстов содержится в сборнике: Верная Богу, Царю и Отечеству / сост. Ю. Рассулин. СПб., 2005. Книга Ю. Ден «Подлинная Царица» первый раз увидела свет в Лондоне в 1922 году, а полный перевод с комментариями и пояснениями был осуществлен в Москве в 2009 году. (Не в Москве, а в Петербурге А.Д. Степановым. — *Прим. ред.*)

² *Memoires de Mounia Golovine 1905–1920. St. Petersburg — Raspoutine la Sibirie — la Revolution — la Exil. Avant-propos de la comtesse Olga N. Kreutz. Paris 1995.* Перевод: Мемуары Муни Головиной 1905–1920. Санкт-Петербург — Распутин — Сибирь — Революция — Изгнание. Предисловие графини Ольги Крейц.

всех документальных свидетельств. Скажем, воспоминания Анны Вырубовой или Лили Ден построены по принципу беспристрастного рассказа и выглядят как некие описания событий как бы извне. В них нет практически самого главного: того, что привлекало людей в Распутине, того, что заставляло людей, в том числе и мемуаристок, снова и снова общаться с этим загадочным человеком, внимать его словам и наставлениям. Данная отстраненность вполне объяснима. Революционная катастрофа тяжелейшим образом подействовала на всех и вся, кто пережил её. Подавляющая часть русской эмиграции просто с остервенением возлагала вину за крушение России как раз на «тёмные силы», которые якобы и олицетворял Григорий Распутин. В этих условиях морального террора чрезвычайно трудно пойти против течения. Надо было обладать силой богатырской, чтобы восстать против настроений улюлюкающей толпы и рассказывать о радости духовного общения с «отцом Григорием». Да и не понял бы никто подобных откровений, а автора неминуемо тут же опять облили бы ушатом помоев, приписав все возможные пороки.

Неизвестно, собиралась ли Муня Головина публиковать свои воспоминания при жизни, к написанию которых приступила в 1931 году. Она трудилась над ними не одно десятилетие, а последние части писала уже в доме для престарелых в 1960-е годы. Её книга — единственное мемуарное произведение, в котором сделана попытка изложить личный опыт духовного общения с Григорием Распутиным, его приёмы душеврачевания, которые чрезвычайно помогали людям, в том числе и самой Марии Головиной. К тому же Головина бывала не раз в Покровском, прекрасно знала семью Распутина, совершала паломничества и в Верхотурский монастырь, жила там у духовного отца Распутина старца Макария,

иными словами, имела собственное представление о многих сторонах жизни Распутина, о которых другие мемуаристы писали с чужого голоса.

Она была верна ему при жизни и сохранила преданность и после его убийства. В предисловии, обращаясь к читателям, Мария Головина объяснила свой взгляд на Распутина. «Человек, которого я хочу представить, являлся своего рода избранным, высокодуховным, имеющим способность исцелять больных, предвидеть события, изгонять злых духов, желавший делать всем добро, вопреки всему, был больше всех оклеветан, презираем, ненавидим; он совершенно непонятый человек».

Эти уроки не пропали даром. Мария Головина и в эмиграции старалась претворять в жизни главное наставление Распутина: нести любовь людям. Многие годы она беззаветно служила больным, одиноким, отчаявшимся, которых в среде русской эмиграции было предостаточно. Она была и сиделкой, и медсестрой и посылной и никогда для себя ничего не искала и не просила. Некоторых она спасала от самоубийства и от голодной смерти, делясь, что называется, последним куском.

Познакомившись с Распутиным в 1908 году, Мария Головина все последующие годы входила в число самых преданных почитательниц. Многие страницы биографии Распутина тех лет невозможно адекватно реконструировать без «показаний» преданной Муни. Что же касается более ранних лет жизни Распутина, то надёжных свидетельств тут значительно меньше, чем хотелось бы иметь.

Начнем с «биографического букваря». Откуда взялся Распутин и что достоверно о нем известно? Для начала разберемся в нескольких основополагающих вещах: дате рождения, происхождении легендарной фамилии и семейном родословии.

Исследователь биографии Григория Распутина О.А. Платонов первым отыскал в архиве семейный формуляр, составленной во время первой (и последней) Всероссийской переписи населения, состоявшейся в 1897 году¹. В нём значится, что у хозяина, пятидесятипятилетнего Ефима Распутина в семье состояли: жена Анна Васильевна (57 лет), сын Григорий (28 лет), жена сына Прасковья Фёдоровна (30 лет) и внук хозяина Дмитрий (1 год). Все они являлись крестьянами и значились безграмотными. Принимая в расчет, что перепись, происходившая в январе 1897 года, учитывала только полное число лет, нетрудно подсчитать, что Григорий Ефимович Распутин родился в 1869 году.

Тюменскому краеведу В.Л. Смирнову удалось обнаружить в архиве метрическую книгу Богородической церкви слободы Покровской за 1869 год². В ней записано, что 9 января 1869 года у крестьянина Ефима Федоровича Распутина и его жены Анны Васильевны родился сын, нареченный при крещении 10 января Григорием в честь поминаемого в тот день Православной Церковью Святителя Григория Нисского³.

Наконец-то! По прошествии 130 лет после рождения и более 80 лет после убийства удалось выяснить точную дату рождения одного из самых популярных персонажей отечественной истории. Спасибо энтузиастам-изыскателям!

¹ См.: Платонов О.А. Терновый венец России. Москва, 1996. С. 14–15.

² Книга В.Л. Смирнова «Неизвестное о Распутине» была издана в Тюмени в 1999 году. Автору удалось собрать и опубликовать много интересных документов, касающихся жизни Григория Распутина на родине.

³ Григорий Нисский (ок. 334–394). Брат Василия Великого, епископ города Ниссы в Каппадокии (Малая Азия), участник Второго Вселенского собора (381), Учитель Церкви.

Возникшая в XVII веке слобода Покровская располагалась на берегу полноводной реки Туры, на дорожном тракте. К моменту рождения Григория Распутина являлась, по сибирским меркам, «густонаселенным» пунктом; там значилось 172 двора. Численность «душ мужского пола» — 391 человек, женского — 442. В Покровском имелись церковь, почтовое отделение, сельское училище и «два кожевенных завода».

В селе (слободе) действовало четырехклассное начальное сельское училище, но Григорию там учиться не довелось. Можно предположить, что, как часто бывало в крестьянском мире, в малочисленных семьях, отец не отдал сына «в обучение» по причине нехватки рабочих рук. Единственный сын, один помощник. Распутин так на всю жизнь и остался малограмотным. Хотя со временем он научился выводить слова (его автографов сохранилось довольно много), но сколько-нибудь совершенной техникой письма так и не овладел. Однако читать научился. С юности читал, читал Евангелие и выучил Его почти наизусть.

Жители села занимались извозом («ямщичили») по дороге из Тюмени в Тобольск, рыболовством, лесосплавом, хлебопашеством, молочным животноводством. Покровское славилось изготовлением попон, выделкой кож и кузнечным ремеслом. Позже Распутин расскажет про себя: «Много в обозах ходил, много ямщичал и рыбу ловил, и пашню пахал». Детство прошло в тяжелом крестьянском труде.

Позже Распутин о некоторых жизненных эпизодах той поры много рассказывал. Труд с молитвой научил терпению и смирению. «Ходил в Петров пост на острова и там собирал лыко; таскал больше чем за полверсты в озеро мочить. Хлеба кушал малость, а оводов и комаров от себя не отгонял. В пять часов вечера я снимал

рубашку, клал сто поклонов и творил Иисусову молитву... действительно получил пользу от оводов и комаров, цифра неписаная, и научился всякому терпению, вообще ударам или изнурению тела... Еще в петровские ночи я пахал, оводов тоже не убирал с себя — пускай покушают тело и попьют дурную кровь. Я размышлял: и они Божии создания, так и я сотворен Богом».

Фамилия «Распутин» многими сочинителями производится от слова «распутство» и, как утверждается, обуславливается аморальным поведением. На самом деле все выглядит совершенно иначе. В начале XX века в Покровском проживало семь семей, носивших такую фамилию. Сама же родовая этимология к «распутному образу жизни» не имеет никакого отношения. Скорее всего, фамилия происходит от слов «распутье», «распутница» или «перепутье». Она широко была распространена на Русском Севере и в Сибири и встречается в документах по крайней мере с XVII века.

Вообще, что касается крестьянских фамилий, то они в большинстве своем появляются лишь в XIX веке. Ранее в деревенском быту использовались прозвища, клички, возникавшие разными путями. Тут могли обыгрываться какие-то характерные физические признаки, черты характера, место жительства, время рождения, но чаще всего имя или прозвище отца. В официальных документах обычно значилось примерно так: «Иван сын Федоров», «Зосим сын Семенов» и т.д.

Родоначальником рода Григория Распутина был «Изосим Федоров сын». В переписной книге крестьян Покровского за 1662 год говорится, что он живет с женой и тремя сыновьями — Семеном, Насоном и Евсеем, что пришел он в Покровскую слободу за двадцать лет до того из Яренского уезда (современная Республика Коми) «и стал на пашню». Сын Насон позже получил

прозвище «Распута». А от него и пошли Распутины, ставшие в начале XIX века Распутиными. По подворной переписи 1858 года, в Покровском значилось более тридцати крестьян, носивших фамилию «Распутины», в том числе и отец Григория Ефим, которому тогда еще не исполнилось и шестнадцати лет.

Сказанное документально подтверждает, что фамилия никакого касательства к образу жизни Григория Распутина не имела. Он её не «приобрел», а получил в наследство. Во многих же книгах и документах Григорий фигурирует под двойной фамилией: Распутин-Новый или Распутин-Новых. Это обстоятельство тоже окутано домыслами. Некоторые уверяют, что Григорий желал поменять фамилию, чтобы «расстаться с прошлой разгульной жизнью», чтобы «скрыть следы ранних лет». Очень популярна другая версия, согласно которой он вынужден был это сделать с легкой руки Цесаревича Алексея. Как утверждается, однажды, когда Распутин предстал перед Наследником Престола, тот чуть не запрыгал от радости и возопил: «Новый», «Новый». Якобы возглас Царского Сына и заставил менять «фамильное обозначение».

Среди прочих эту историю поддержала своим рассказом и старшая дочь Распутина Матрёна. В её изложении дело выглядело следующим образом. «В одно из первых своих посещений Дворца он, увидев Государя, получил от Него приказание: впредь именоваться фамилией Новых. Это произошло таким образом. Когда отец проходил по Дворцу, его увидел Алексей Николаевич и сказал Государю: „Папа, вот идет новый“, т.е. новый во дворце человек. В связи с этим фактом и была переменена наша фамилия».

Однако даже при таком, казалось бы, весомом аргументе, как утверждение дочери, версия кажется мало-

убедительной и походит на обычный анекдот, которых циркулировало несчетное множество. Если Царь действительно дал подобное приказание, то зачем тогда потребовалось составлять прошение? Царское распоряжение само по себе имело силу закона. В своих же рассказах об отце Матрёна немало неверного запечатлела, о чём придется далее еще говорить.

Думается, что перемена фамилии к «воплю малютки» отношения не имела. Да и самой перемены-то не было, а было дополнение. Григорий, решив видоизменить её в конце 1906 года, объяснял это желание в прошении Царю следующим образом: «Проживая в селе Покровском, я ношу фамилию Распутина, в то время как и многие другие одпосельчане носят ту же фамилию, отчего могут возникнуть всевозможные недоразумения. Припадаю к стопам Вашего Императорского Величества и прошу: дабы повелено было мне и моему потомству именоваться по фамилии „Распутин Новый“». И далее шла подпись: «Вашего Императорского Величества верноподданный Григорий».

Что касается пресловутого «вопля малютки», то ко времени появления этого прошения Царская чета всего виделась с Распутиным не более трех-четырёх раз, а со Своими Детьми Они его познакомили в октябре 1906 года. Нет никаких указаний на то, что во время визитов Царя и Царицы к родственникам, где встречи с Григорием в тот период и случались, Они брали с собой маленького Сына, которому в июле 1906 года исполнилось только два года. Распутин же стал превращаться в друга Царской Семьи с 1907 года, когда его новая двойная фамилия являлась уже фактом.

До недавних пор баснословными сказаниями была окутана семейная жизнь Григория Распутина и в наименьшей степени и семейная жизнь его родителей.

Благодаря найденным метрическим книгам можно этот сюжет осветить довольно полно. У Ефима и Анны Распутиных, обвенчанных в церкви Покровского в 1862 году, всего родилось девять детей, однако они умирали один за другим уже в раннем возрасте, и до отроческих лет дожил лишь Григорий.

Вся жизнь Распутина соткана из легенд и домыслов, но всё-таки наименее документально подтвержденными являются первые тридцать лет его биографии. Это вполне понятно. Какие в принципе могли остаться письменные или иные документы о жизни молодого крестьянского парня, да к тому же родившегося и обитавшего в далеком медвежьем углу? Практически никаких. Их и не осталось.

Какие-то свидетельства можно было получить от ровесников и односельчан Распутина. Их стали опрашивать уже в XX веке, когда многое давно кануло в Лету, а фигура их односельчанина нежданно привлекла такой повышенный интерес, что местные мужики терялись, не знали, что и говорить этим «господам из России». По народным представлениям той поры, Россия начиналась за Уралом, а далее на Восток шла Сибирь...

Некоторые рассказывали то, что от них хотели услышать заезжие, «богато», «по-городскому» одетые дамы и господа, другие вообще отнекивались, ссылались на беспамятство. Да ничего особо примечательного они и рассказать-то не могли. Кто ж из них мог подумать в старое время, что «Ефимов Гришка» войдет в такую силу, в такой интерес попадет? Ничем примечательным не запомнился. Вспоминали, что в какой-то момент стал вроде сам не свой, на манер ушибленного. Рядом стоит, а вроде и нет его, о чем-то далеко думает, да потом стал всё о Боге, да о душе говорить.

О своих юных годах Распутин позже сам рассказывал: «Вся жизнь моя была в болезни. Всякую весну я по

сорок ночей не спал. Сон как будто забытье... Медицина мне не помогала, со мной ночами бывало как с маленькими, мочился в постели».

Парнем хоть и рос не особо здоровым, даже болезненным, работал, как и прочие, и на покосе, и на извозе, и на рыбалке. Многие односельчане помнили, что когда Григорий уже женатым был, стал подолгу из дому отлучаться. В самом факте таких отлучек ничего удивительного не было. Многие мужики, как заканчивались сельскохозяйственные работы, сбивались в артели и подавались в разные места на заработки.

Удивляло другое: ходил-то Григорий не на заработки, а как потом сам рассказывал, по разным обителям и святым местам. Дело такое тоже не возбранялось, но что начало сильно удивлять, так это когда у него деньги завелись. А потом вдруг эти господа «из России» в гости к нему начали наведываться. Среди односельчан появились завистники. Зависть же неизбежно рождает и злость.

Покровское, по представлениям той поры, если не являлось особо богатым, то уж зажиточным селом было наверняка. Промыслы и торговля давали приработок. Но даже при этом больших денег никто не видел. Сотня рублей, сколоченная в год, считалась целым капиталом. (По приблизительным подсчетам, точное соотношение установить невозможно, сто рублей начала XX века равняются ныне примерно тысяче долларов).

У Григория же Распутина со временем завелись деньги, да не крестьянским чета. Дом двухэтажный оттрохал, и хотя таких было на селе немало, все равно казалось, что его — «на господский манер», самый добротный. В прижимистости же упрекнуть никто не мог. Сотни рублей жертвовал на церковь, да и отдельным селянам деньгами помогал: кому скотину приобрести, кому на похороны, а кому на одежду.

За щедроты Распутина даже в газетах благодарили. «Тобольские епархиальные ведомости» 1 июня 1908 года писали: «Объявлена благодарность епархиального начальства с выдачею похвального листа крестьянину слободы Покровской, Тюменского уезда, Григорию Новому (он же Распутин) за пожертвования в приходскую церковь».

В 1912 году в «Заключении Тобольской консистории» говорилось, что помимо «пяти тысяч рублей на построение нового храма в слободе Покровской Г.Е. Распутин пожертвовал в приходской храм серебряный 84% золоченый напрестольный крест, четыре серебряных вызолоченных лампы и приложил к чтимой иконе Спасителя массивный нательный золотой крест».

Многие односельчане, встречая на улице, кланялись, благодарили за добро, а иные и «благодетелем» величали. Однако как «земля зашаталась», так многие о добрых делах вмиг забыли. Когда до Покровского долетела весть, что в столице «Царя скинули», людская злость-то и выплеснулась. Побежали грабить дом Распутиных, да так несколько раз и вламывались. Почин положили пришлые.

До наших дней дошла телеграмма, посланная вдовой убитого Григория Прасковьей (Параскевой), отправленная 21 апреля 1917 года из Покровского губернским властям в Тобольске. «Был проездом эшелон солдат, сделали полный разгром в квартире Григория Распутина. Пропали ценные вещи. Ехали они из Тюмени в Тобольск на пароходе „Станкевич“ 2-го дня. Умоляем примите меры. Распутина».

Несчастливая женщина на земляков уже не рассчитывала, наивно надеялась на защиту губернских властей. Помощь ниоткуда не пришла. Минуло еще некоторое время, и уже сами крестьяне Покровского на своем

сходе приняли решение: конфисковать у Распутиных «богатства, нажитые нечестивым путем», в числе коего на первом месте стояли «граммофон и пианина». Вскоре же вдову с сыном вообще выгнали из собственного дома, где устроили больницу. К тому времени соседи успели уже почти все растащить: от тарелок до зеркала...

Все эти печальные истории начнут разворачиваться в «новой России», освобожденной от «царского ига». В иные времена такого расклада вещей, такого одичания никто бы и вообразить не мог. Всё текло медленно, неторопливо, всё казалось predetermined на века.

В 1887 году, в возрасте 18 лет, Григорий Распутин женился на девице из соседней деревни Параскеве (Прасковье) Федоровне Дубровиной, которая была почти на три года старше него. Такая разница в возрасте была по тем временам довольно необычной. По деревенским меркам невеста явно «засиделась в девках», а жених, видно, не имел «брачного престижа» и вынужден был пойти под венец с «перезрелой».

У Григория и Прасковьи родилось семеро детей, но лишь трое выжили: Дмитрий (1895–1933), Матрёна (в церковной книге записана как «Матрона»), которую часто называли Марией (1898–1977), и Варвара (1900–начало 1930-х годов). Судьба членов семьи Григория Распутина не была счастливой. Мать, сын Дмитрий и дочь Варвара погибли в советских концлагерях, а Матрёна выбралась из России вместе с психически неуравновешенным мужем поручиком Б.Н. Соловьевым (1893–1926).

После смерти в Париже супруга-неврастеника Матрёна Распутина-Соловьева оказалась одна с двумя маленькими дочерьми на руках и практически нищенствовала. Работала танцовщицей в третьесортных кабаках, где было принято не отказывать клиентам «в особых

милостях» по окончании представления. После многолетних безрадостных эмигрантских мытарств в Азии и Европе Матрёне удалось перебраться в Америку. Там она много лет работала в цирке-шапито в качестве укротительницы диких зверей. Умерла она в Калифорнии, в Лос-Анджелесе.

О молодых годах жизни Распутина в Покровском можно судить по скупым и отрывочным сведениям. О семейном укладе сохранились рассказы Матрёны, но они относятся к более позднему времени. Кое-какие упоминания по этому поводу делал позднее сам Григорий. Из них можно заключить, что Распутин много в молодости страдал от насмешек и издевательств односельчан. Сибирский крестьянский мир — жестокий мир, там не делали снисхождения слабым, не щадили тех, кто «не от мира сего». Закон беспощадного исторического отбора — выживает лишь сильный — формировал характеры жесткие, натуры прямые, не восприимчивые к слабостям других.

Не блещущий физической крепостью парень, да к тому же имеющий слабости («мочился ночами»), превратился в объект издевательств. Позже Распутин заметил о том времени: «Много скорбей было: где какая сделалась ошибка, будто как я, а я вовсе ни при чём. В артелях переносил разные насмешки».

В этой связи стоит остановиться на одном моменте его биографии, который потом будет постоянно муссироваться в статьях, репортажах и книгах. Речь идет о том, что якобы в молодые лета Распутин был «конокродом», за что его били нещадно. С тем, что его могли бить, можно согласиться. На селе кулачные «забавы» были в порядке вещей. Что же касается конокродства, а этот аргумент неизменно фигурировал (и фигурирует) при характеристике Распутина, то, так сказать, предметных

оснований для этого не имеется. Никто из односельчан не указывал на такие деяния, никто не вспомнил подобного эпизода о своём земляке, хотя память о воровстве в деревне хранят долго.

Даже если и допустить, что земляки «запамятовали», «умолчали», хотя корысти для выгораживания, «отбеливания» Распутина у жителей Покровского не могло быть никакой, то всё равно вся эта история выглядит неправдоподобно. Такого рода поступки считались уголовным преступлением, и похититель скотины подлежал привлечению к суду, а значит, должны остаться некие судебные документы, которых не существует.

Между тем нередко в литературе можно встретить уверения, что «Распутина судили». Да, действительно отец Григория Ефим Яковлевич однажды был заключен под арест, но не за воровство, как писали и говорили, а за неуплату государственных недоимок (налогов). Что же касается его сына, но никаким судебным преследованиям он не подвергался.

Предположим, что «бумажные отпечатки» этой истории по каким-то причинам не сохранились. Однако и с фактической стороны вся эта история выглядит как тенденциозная легенда. Как сказал один чеховский герой, «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Надо просто не иметь никакого представления об условиях жизни крестьян в Сибири, чтобы всерьез утверждать подобное.

Населенные пункты там редки, отстояли они друг от друга на больших расстояниях, а жители знали друг друга наперечет. Кругом же водные просторы, безбрежные болота и леса. Украсть где-то коня, а потом скрыться с ним без следа, на такое мог рассчитывать лишь тот, кто намеревался похитить крылатого Пегаса. Обычную же скотину тайно увести просто было невоз-

можно. Если кто и занимался конокрадством, то пришлые, главным образом кочующие цыгане, но таковых в Сибири практически не было. Вся эта географическая «азбука» и бытовая «арифметика» были недоступны пониманию столичной публики, сочинявшей подобные небылицы.

Ну действительно, откуда богатому помещику, тонкому ценителю французской кухни и дорогих вин, камергеру Императорского двора, председателю Государственной думы М.В. Родзянко, который просто голосил о «Распутине-конокраде», было знать, как живут сибирские крестьяне, что за воровство там не просто били, но и убить могли.

Через десятилетия, за время которых были проведены бесчисленные «следственные эксперименты», старые стереотипы все еще были в употреблении, все еще являлись «мировоззрением». В изданной в 1966 году в Лондоне книге воспоминаний престарелый «душка Керенский» изрекал о Распутине: «Жизнь этого удивительного человека известна, и ограничусь лишь изложением основных фактов. В годы молодости Распутин, неграмотный крестьянин, отличался распутством (отсюда и его фамилия), пьянством и буйством. Как и отец, который промышлял конокрадством, он никогда не жил в достатке и не гнушался воровством».

По всей вероятности, создатель приснопамятной ЧСК даже не ознакомился с собранными по его же заданию этой комиссией материалами, в которых ни один из процитированных тезисов не нашел подтверждения. Ну зачем же что-то там читать, всем же «всё известно»? Что на самом деле, что было «известно всем», красноречиво демонстрируют приведенные строки. Подобного рода блеф благополучно пережил инспираторов и красуется на страницах и современных сочинений.

Узловым в биографии Григория Распутина представляется сюжет о его духовно-нравственном преображении, о превращении простого крестьянина в ревностного христианина, которому открылся мир Божественной Благодати. Процесс преобразования был длительным. Сам он упоминал, что эту дорогу из мира суетного, в мир Христианский он открыл в 28 лет. Дочь считала, что на отца сильно подействовал известный в их местах странник, уроженец деревни Кулиги Дмитрий Иванович Печеркин, ставший позже монахом на Афоне.

Так или иначе, но перелом начал происходить после паломничества в известнейший в Западной Сибири Верхотурский Никольский (Николаевский) монастырь, расположенный в верховьях реки Туры примерно в 500 верстах от Покровского. Там покоились мощи высокочтимого в народе святого праведника Симеона Верхотурского, почившего еще в середине XVII века и считавшегося Небесным покровителем Урала и Сибири. Именно с ликом этого святого Григорий Распутин и вошел в Царскую Семью. В дневнике Николая II за 13 октября 1906 года записано: «В 6 $\frac{1}{4}$ к Нам пришёл Григорий, он привёз икону св. Симеона Верхотурского, видел детей и поговорил с Ними до 7 $\frac{1}{2}$ ».

В Верхотурской обители Распутин провел много времени, молитвой и жесточайшим постом добился главного: «узрел свет истины». Молитвенное подвижничество помогло излечиться от физической немощи: все болезни его прошли. Позже Распутин скажет: «Симеон праведный Верхотурский дал силы познать путь истины и врачевал болезнь бессонницы». Григорий Распутин многократно посещал эту достославную обитель, а последний раз там побывал в августе 1916 года...

В Верхотурском монастыре Григорий познакомился с монахом старцем Макарием (Михаилом Поликарпо-

вым, 1851–1917)¹, почитаемым в народе великим провидцем, который и стал духовным наставником и поводом крёстьянина из Покровского. Со слов Распутина, Муня Головина² позже воспроизвела этот важнейший эпизод его жизни в своих записках. Макарий принял «его как брата, и которому он доверил терзания своей души... Отец Макарий, который был сам личностью незаурядной, обладал способностью предвидеть, а также исцелять приходивших к нему больных, разоблачать бесовские козни, сразу признал в Распутине человека, осенённого Господом для выполнения Его Воли. Он оставил его при себе в своей маленькой келье в пустыни, и они вели длительные задушевные беседы о присутствии Господа в каждом человеке, о внутренней и непрерывной молитве, о необходимости самопожертвования, укреплении Святым Духом и о тех бурных событиях, которые предстоит пережить России, если только кто-нибудь не принесет себя ради неё в жертву и не изгонит бесов, делавших всё для её гибели и для гибели её правителей, которых он считал очень несчастными...».

О старце Макарии написал и митрополит Вениамин (Федченков, 1880–1961), в своей книге воспоминаний и размышлений «На рубеже двух эпох». В Верхотурском монастыре «в скиту жил подвижник — монах отец Макарий. Я его лично видел в Петербурге вместе с настоя-

¹ Макарий скончался летом 1917 года, но до этого, в первые месяцы «весны свободы», по распоряжению центральных властей подвергался преследованиям: был заключён под арест, и с него снимали «показания». Но следователи не добились желаемого результата: ничего плохого о Григории Распутине он не сказал, потому ничего плохого о нём не знал.

² Сама Мария Головина несколько раз совершала паломничества в Верхотурье, была знакома со старцем Макарием, несшим своё послушание в скиту на реке Октай, в восьми верстах от Верхотурского монастыря.

телем монастыря архимандритом Н.¹, их привозил Распутин, чтобы показать, какие у него есть хорошие и благочестивые друзья. Тогда уже пошла борьба против него. Действительно, оба инока были очень хорошие люди, а отец Макарий и доселе остался у меня в памяти как святой человек, только очень уж доверчивый, как дитя»...

Паломничество в Верхотурскую обитель способствовало перерождению Григория, и очевидцы отмечали разительную перемену. «Спустя несколько недель после ухода Распутина в Верхотурье я со своей матерью поехал в Тюмень, — свидетельствовал односельчанин, — и дорогой встретил возвращавшегося из Верхотурья Распутина, причем на этот раз он мне показался человеком ненормальным. Возвращался тогда он домой без шапки, с распущенными волосами и дорогой всё время что-то пел и размахивал руками».

Удивлялись и другие. «На меня в то время Распутин произвел впечатление человека ненормального: стоя в церкви, он дико осматривался по сторонам, очень часто начинал петь неистовым голосом», — позже вспоминал другой житель Покровского.

Распутин бросил пить, курить, есть мясо, стал истязать себя жесточайшими постами, часами исступленно, «до пота», молился. Затем начались его паломничества по Святым местам. Он посетил множество обителей в России, бывал на Афоне и в Иерусалиме.

¹ Имеется в виду настоятель Верхотурского монастыря архимандрит Ксенофонт, который вместе с Макарием находился в Петербурге в конце 1908 года. Второй раз Макарий прибыл в Петербург летом 1909 года; с ним хотели познакомиться Венценовцы и для осуществления поездки в Верхотурье были присланы средства. Такая встреча состоялась 23 июня 1909 года. В дневнике Николая II за тот день записано: «После чая к Нам приехали Феофан, Григорий и Макарий».

Его рассказы о святынях Христианства яркие и эмоциональны, они передают ощущения простой православной души, сподобившейся обрести паломническое счастье. Эти впечатления слышали его почитатели.

От Киево-Печерской лавры. «Я прибыл в Святую Лавру из Питера и назову светом Питер, но свет этот гонитель мыслей на суетный мир, а в Лавре свет светит тишины. Когда опускают Матерь Божию и пение раздаётся „Под Твою милость прибегаем“, то замирает душа и от юности вспомнишь свою суету сует и пойдешь в пещеры и видишь простоту: нет ни золота, ни серебра, дышит одна тишина и почивают угодники Божии в простоте без серебряных раков, только простые гробики. И помянешь своё излишество, которое гнет и гнет, и ведет в скуку».

От Софии Константинопольской. «Что могу сказать своим маленьким человеческим умом про великий чудный Софийский собор, первый во всем свете. Как облако на горе, так и Софийский собор, первый во всем свете. Как облако на горе, так и Софийский храм. О горе! Как Господь гневается на нашу гордость, что передал святыню нечестивым туркам и допустил Свой Лик на посмешище и поругание... Господи, услыши и возврати, пусть храм будет ковчегом! По преданию говорится, что именно из-за гордости был отнят храм у Православных, ибо не признавали сего ковчега. Имели дом гуляния и роскоши... Господь смиляется и вернёт её с похвалой, почувствуем и покаемся».

От Иерусалима. «Что реку о такой минуте, когда подходил ко Гробу Христа! Так я чувствовал, что Гроб — гроб любви, и такое чувство в себе имел, что готов всех обласкать, и такая любовь к людям, что все люди кажутся святыми, потому что любовь не видит за людьми никаких недостатков. Тут у Гроба видишь духовным серд-

цем всех людей своих любящих, и они дома чувствуют себя отраднo».

Духовный авторитет Распутина рос год от года. Вокруг него в Покровском постепенно сложился небольшой кружок единомышленников из числа друзей и родственников. Они собирались, читали молитвы, пели псалмы и религиозные песни. К моменту появления в Петербурге он уже хорошо знал Священное Писание и мог часами вести беседы на духовные темы.

Странничество и молитвенное усердие требовали огромного напряжения сил, полного подчинения мирской жизни духовным устремлениям. Казалось, что избрать такую стезю уместней всего, приняв монашество. Однако монахом он не стал. Есть указания на то, что образ жизни монашествующих не казался ему единственно возможным. Бывая в разных обителях, он насмотрелся на нежелательные стороны жизни келейников, она не казалась ему заведомо благочестивой. «Путь к Господу, — объяснял Распутин, — не всегда идёт через монастырь; он состоит в каждодневном выполнении своего долга, в жизнелюбии, способности любить, восхвалять Господа, в счастье ощущать Его Присутствие в своём внутреннем мире, в искреннем совершенствовании и приумножении благородных поступков, добром слове для каждого человека».

И Распутин остался среди обычных людей. Его стали величать «странником», но чаще «старцем». Старец находился вне церковной иерархии, и поэтому обозначение его монахом лишено оснований. Правда, для иностранных авторов можно сделать снисходительное исключение. Скажем, в английском языке просто нет смыслового эквивалента, по этой причине в англоязычной литературе Распутин и именуется монахом.

В России же старчество имело давнюю и очень глубокую традицию. Оно являлось православной формой

выражения исповедания веры и распространилось на огромных просторах Европейской равнины, на Украине, Урале и в Сибири.

Старец не был ни священником, ни монахом, но пользовался высочайшим моральным авторитетом, так как считалось, что опытом своей жизни он постиг бесценные христианские добродетели. Он считался в России духовным мудрецом.

Поиск высшей правды, стремление к абсолютной истине и Божьему свету были характерны для многих в России, вне зависимости от того, жили они в каменных палатах или в бедных хижинах. Эта тяга была как бы магическим кристаллом, через призму которого смотрели на окружающее. Правильно же увидеть себя и мир, научиться истинному, богоугодному «жизнетворчеству» могли в первую очередь те, кто был «Божественной свечей на земле» — старцы. Так мыслила последняя Царица, так понимали высший смысл бытия и многие, многие другие.

О сути старчества прекрасно написал Фёдор Михайлович Достоевский в своем романе «Братья Карамазовы». «Старец — это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотречением. Этот искус, эту страшную школу жизни обрекающий себя принимает добровольно в надежде после долгого искуса победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог, наконец, достичь, через послушание всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя, избегнуть участи тех, которые всю жизнь бродили, а себя не нашли. Изобретение это, то есть старчество, — не теоретическое, а выведено на Востоке из практики, в наше время уже тысячелетней. Обязанности к старцу не то что обык-

новенное послушание, всегда бывшее в наших русских монастырях. Тут признается вечная исповедь всех подвижающихся старцу и неразрушимая связь между связавшим и связанным».

Понять удивительный феномен Распутина трудно, если оторвать его от исторических общественных представлений о нравственной жизни. Православному часто требуется духовный наставник-друг, советчик и поводырь, способный указать праведный жизненный путь. Народное сознание было в неменьшей степени христианизировано, чем сознание правителей — Помазанников Божиих. Многие ждали и жаждали знамений, чудес и Божественных откровений, толкователями которых выступали «Божьи люди». Вот почему, когда началась борьба с Распутиным, очень много усилий было положено на то, чтобы доказать всем, но в первую очередь Венценосцам, что «пресловутый Гришка» — сектант, «хлыст», т.е. богоотступник, а потому его деятельность не может быть угодна Богу. Лживая кампания провалилась; каких-либо данных о «хлыстовстве» добыто не было, но странным образом по сию пору некоторые авторы всё ещё продолжают мусолить старые сплетни.

Духовно-исторический контекст в любых сочинениях на темы прошлого настоятельно необходим, иначе получается пошлая модернизация. Многим авторам, не говоря уж о простых людях, свойственно смотреть на дела дней минувших со своей, сегодняшней «колокольни», которая часто и кажется в потоке времен особо значимой, некой сияющей «вершиной мироздания». Далекое кажется часто непонятным, «тёмным», а по расхожим представлениям, и неважным. Такое самодовольство потомков по отношению к своим предшественникам порождает пренебрежение. Между тем, если люди всё-таки хотят понять, «почему

и как раньше было», надо обязательно пытаться осмыслить минувшую жизнь в подлинных исторических обстоятельствах.

В монархической России они были таковы, что исключали сколько-нибудь восторженное восприятие по отношению к материальному. Общественное уважение и авторитет можно было заслужить разными путями, но только не умением «делать деньги». Немалому числу современных людей, возвращенных в прагматической и атеистической среде, в системе фетишизации бытового и карьерного успеха, трудно вообразить, что некогда было совсем иначе. Однако это именно так.

Обеспеченных людей в России имелось немало, были и фантастически состоятельные люди, некоторые из них богатством своим кичились. Но стать благодаря этому «героем времени» или даже «героем дня», привлечь к себе восторженное внимание толпы тутим кошельком было невозможно.

Ни одному журналисту или владельцу газеты, даже если она и финансировалась «акулами капитализма», и в голову не могло прийти открыть рубрику «Как я стал миллионером», где с трепетным почитанием воспевать коммерческие успехи кого-то или чего-то. Такая газета вмиг превратилась бы в объект сатирического шельмования, неминуемо потеряла бы читателей, и дни её были бы сочтены. Все, что касалось больших денег, считалось делом нечистым. Как замечательно выразилась Марина Цветаева, «осознание неправды денег в русской душе невытравимо». Такова была русская, как сейчас говорят, «ментальность». Раньше употребляли более осмысленное понятие — «жизнепонимание»...

Почитались люди идеи, «страдальцы», в литературе воспевались «чистые души» униженных и оскорбленных. Эта «надземность» общественных представлений

питала и христианское подвижничество, и фронтальную самоотверженность, но одновременно и революционную страстность.

Указанные черты национального сознания отмечены здесь не для того, чтобы умиляться, и уж тем более не для того, чтобы произносить негодующие тирады по поводу минувшего. Просто существует опасение, что без обозначения этих «азбучных истин» современному человеку трудно представить, почему же Распутин становился популярным. Сначала в пределах своей деревни, затем волости, позже губернии, и, в конце концов, завоевал столицу.

Поэт Николай Гумилев посвятил общественному триумфу сибирского крестьянина строки своего стихотворения «Мужик».

В гордую нашу столицу
Входит он — Боже, спаси! —
Обворожает Царицу
Необозримой Руси.

Взглядом, улыбкою детской,
Речью такой озорной, —
И на груди молодецкой
Крест просиял золотой.

Известность Распутина базировалась на нескольких «умениях»: врачевании, предсказании, и главное — на его способности объяснять явления и проблемы жизни, дать совет, как найти праведную дорогу вдали от мирской суеты. Никакие разговоры о «конокрадстве», «хлыстовстве», «половых оргиях» не дают ответа на первый самый важный вопрос: почему к нему тянулись люди. А к нему они действительно тянулись.

Более чем за десять лет до своего появления перед Царем в 1905 году Распутин прошел огромную школу жизни и подвижничества. Достаточно представить, каких огромных сил и испытаний стоило паломничество. Он же отправлялся в далекие дали не в экипаже, не в железнодорожном экспрессе, не с чековой книжкой в нагрудном кармане. Денег не было, пропитания тоже, было одно лишь горячее желание найти путь к свету, к истине.

Долгими неделями и месяцами идти пешком в любую погоду, терпеть холод и голод, преодолевать сотни и тысячи верст — только паломничество пешком из Покровского в Киево-Печерскую лавру продолжалось почти шесть месяцев, за которые ему удалось преодолеть почти три тысячи верст! И достигнув цели, у алтаря в христианской святыне обрести радость и новые силы.

Питался чем придётся, что подадут, а порой и просто травой, а несколько раз чуть не пал жертвой «лихих людей», еле ноги унес. Это был подвиг смирения и самопожертвования, на который способны лишь по-настоящему верующие люди. Никаких выгод, а Распутину часто облыжно приписывали хитрую расчетливость, подобные паломничества принести не могли.

Близкая знакомая последней Царицы Юлия (Лили) Ден, прожив много лет после революции в Англии, в своих воспоминаниях пыталась объяснить английскому читателю духовную атмосферу России. «Если бы какой-то пилигрим решил совершить такое же путешествие из Эдинбурга в Лондон, его бы осудили за бродяжничество и, вероятнее всего, отправили в сумасшедший дом. Случаи такого рода в Англии — неслыханное явление, но в России подобное происходило сплошь и рядом. Мы так привыкли ко всему

необычному, что, полагаю, русский обыватель ничуть бы не удивился, если бы встретил на улице Архангела Гавриила!».

У Распутина при всей его духовной ориентированности оставались земные интересы: дом, жена, дети, забота о хозяйстве. Когда сын стал регулярно отправляться странствовать, отец не одобрял, бранил, но Григория это не останавливало. Отец смирился, тем более что постепенно в хозяйстве появлялись добровольные помощники (мужчин в услужение не брали), за кров и стол помогавшие хозяевам.

Вполне возможно, что Распутин со своими способностями и молитвенным усердием так бы и остался в лучшем случае знаменитостью своего края, если бы Божественному Провидению было не угодно свести его с лицами, находившимися на невероятной общественной высоте. Здесь необходимо сделать важное пояснение. Распутин сам специально никогда и никуда «не лез»; ему везде помогали многочисленные покровители и почитатели его природной естественности и необычных дарований. О том, как ему удавалось появляться в резиденциях высокопоставленных лиц, красочно рассказал сам Распутин.

«Выхожу из Александро-Невской лавры, спрашиваю некоего епископа Духовной академии Сергия¹. Полиция подошла, „какой ты есть епископу друг, ты хулиган, приятель“. По милости Божией пробежал задними воротами, разыскал швейцара с помощью привратников. Швейцар оказал мне милость, дав в шею; я стал перед ним на колени, он что-то особенное понял во мне и доложил епископу, епископ призвал меня, увидел, и вот мы стали беседовать тогда».

¹ Речь идёт о Сергии (Страгородском; 1867–1945), с 1943 года — Патриархе Московском и всея Руси.

Распутину на своем веку удалось очаровать и покорить души нескольких крупных церковных деятелей, имевших и глубокую веру, и кругозор, и разносторонние знания. Именно они выводили в свет этого человека, давая ему наилучшие аттестации. Правда, потом под воздействием общественной истерии некоторые не только порывали свои отношения с Распутиным, дистанцировались от него, но даже принимали участие в кампании по дискредитации, а проще говоря — шельмованию Распутина. Здесь особо стоит отметить епископа Феофана (Быстрова, 1873–1940), о чём далее придётся ещё говорить.

С начала XX века в биографии Григория Распутина появляются уже определенные хронологические ориентиры, позволяющие систематизировать его путь наверх. Впервые в Петербург он приехал в 1903 году, уже успев к тому времени «покорить сердце» казанского епископа Хрисанфа (Щетковского), рекомендовавшего его ректору Петербургской духовной академии епископу Сергию (Страгородскому), который, в свою очередь, представил Распутина профессору, иеромонаху Вениамину и инспектору академии (затем ректору), архимандриту Феофану (Быстрову). Последний был приветливым человеком, добрым христианином, целиком занятым благочестивым служением.

В кругах церковных иерархов и учеников академии Распутин вращался довольно долго, прошел здесь «свои университеты» и, обладая живым, цепким умом и прекрасной памятью, многое почерпнул из общения с ними. Уже к началу 1905 года Феофан испытывал глубокую симпатию к этому сибирскому мужику-проповеднику, увидев в нём носителя новой и истинной силы веры.

«Старец Григорий» произвел сильное впечатление и на известного в начале века проповедника, имевшего

огромный моральный авторитет в России — праведного Иоанна Кронштадтского (1829–1908), благословившего его. Распутин благоговел перед памятью «народного батюшки», называл его «великим светильником и чудотворцем». В Покровском на столе у Распутина стоял большой потрет отца Иоанна. Когда Григорий находился в Петербурге, то непременно посещал Иоанновский монастырь на Карповке, основанный Иоанном Кронштадтским, где светильник веры и был похоронен. Там Григорий Распутин не только молился, именно там он нашел приют, когда приехал в Петербург в 1904 году.

Духовник Великого князя Петра Николаевича и его жены Великой княгини Милицы Николаевны Феофан ввел «сибирского старца» в великокняжеские покои. Около черногорских принцесс — Милицы и её сестры Анастасии (Станы) — существовал небольшой кружок «искателей веры». Центром была Милица, истово преданная поиску глубинного смысла в иррациональном, и даже, чтобы ознакомиться с сочинениями восточных мистиков, специально изучившая языки народов Востока.

От салона Милицы был всего лишь шаг до Царских чертогов. Встреча должна была состояться, и она состоялась. Это произошло 1 ноября 1905 года в Петергофе. В дневнике Николая II за этот день читаем: «Пили чай с Милицей и Станой. Познакомились с человеком Божьим — Григорием из Тобольской губернии».

Царь и Царица находились в подавленном состоянии духа. Положение дел в стране было безрадостным. Несмотря на Манифест 17 октября, провозгласивший введение в России политических свобод, умиротворение не наступило. Отовсюду шли сигналы о беспорядках и насилии. В такой мрачной атмосфере и появился

тот, кто утешил Их беседой, предсказав благоприятное и скорое завершение смут и волнений.

Никаких особых потрясений от первого общения Царь не испытал. Для него как православного христианина беседы с «Божьими людьми» давно стали обычным делом, и некоторые встречи глубоко западали в душу. Например, пророчества юродивой Паши из Саровской пустыни (обители), предсказавшей ему при встрече в 1903 году и войну с Японией, и убийство дяди — Великого князя Сергея Александровича. Исполнялись и другие предсказания.

Черногорки выступали покровительницами Распутина, всячески расхваливая его способности перед Царем и Царицей. 9 декабря 1906 года Николай II записал: «Обедали Милица и Стана. Весь вечер они рассказывали нам о Григории». Трудно сказать, чем поразил этот человек воображение черногорских принцесс, но не исключено, что они действительно хотели использовать его как инструмент своего воздействия на Царя. Однако это утверждение, многократно уже повторенное, всё-таки является не более чем предположением. Примерно до 1909 года сёстры принимали в Распутине большое участие.

В 1907 году Великая княгиня Милица Николаевна даже совершила паломничество в Верхотурский монастырь и инкогнито посетила Распутина в Покровском. Это был первый и последний визит родственницы Царя в дом Григория Распутина. Очарованная «простотой и искренностью» Милица даже подарила «провидцу из Сибири» несколько тысяч рублей, на которые был построен в Покровском большой и добротный дом для распутинской семьи.

Распутин далеко не сразу стал для Царя и Царицы тем «дорогим Григорием», которому были открыты Их

души. Они с радостью встречались и охотно слушали других носителей «высшей правды». «В 4 часа к нам пришел человек Божий Дмитрий из Козельска около Оптиной пустыни, — записал Император Николай II 14 января 1906 года. — Он принес образ, написанный согласно видению, которое он недавно имел. Разговаривали с ним около полтора часа».

С позиции рационалистичного и циничного XX века может возникнуть недоуменный вопрос: что могло связывать правителя огромной державы и каких-то безграмотных странников и юродивых, с которыми Он и Жена разговаривали часами? Этот вопрос уместен лишь в том случае, если отнять у Николая и Александры право на душевную радость, тот праздник, который давало верующему прикосновение к Божественному свету. По-европейски образованные и воспитанные Царь и Царица как истинно верующие воспринимали таких, внешне часто непрезентабельных людей совершенно иначе, чем те, для кого жизнь — это всего лишь «способ существования белковых тел».

Духовный опыт, поиск праведного жизненного пути, занимавшие и волновавшие Распутина, производили впечатление на все православные натуры. Он был далёк от академического богословия, он нёс людям трепетное восприятие простоты сердца, что было дорого и ценимо. Как говорила А.А. Вырубова в своих показаниях ЧСК, он «проповедовал Слово Божие, постоянно говорил. Это было довольно интересно. Я даже записывала... Объяснял Святое Писание... Он знал всё Святое Писание, Библию, всё. Мне он много рассказывал про свои путешествия, массу, в Иерусалим... по всей России он ходил в веригах... По всей России в веригах пешком».

Чрезвычайно эмоционально своё впечатление от знакомства с Распутиным выражала Муля Головина.

«Для меня это было входом в новый мир: я обнаружила своего наставника в крестьянине из Сибири, который с самого начала нашей первой беседы поразил меня своей прозорливостью. Царственный взгляд его серых глаз был равносильен его внутренней силе, которая полностью разоблачала стоящего перед ним человека. Это был для меня великий день: прежде чем сообщить мне истину относительно духовной жизни, Григорий Распутин заставил меня отречься от спиритизма...»

До конца 1907 года встречи Императорской Четы со «старцем Григорием» были случайными и довольно редкими. Вторая встреча произошла через много месяцев после первой, летом 1906 года, когда, посетив усадьбу Анастасии Сергиевку, там «увидели Григория». Возникла радость от общения, как всегда в таких случаях. Вот, например, запись Николая Александровича от 19 июня 1907 года: «В 3 часа поехали с Аликс в ее двуколке на Знаменку... Встретили Стану на террасе перед дворцом, вошли в него и имели радость увидеть Григория. Побеседовали около часа и вернулись к Себе».

Можно уверенно указать на время сближения Царской Четы и сибирского странника. Это произошло в октябре 1906 года, когда Распутин познакомился и с Царскими Детьми. Первоначально Николай II согласился ненадолго принять Григория, который собирался передать Венценосцам чудодейственный образ Симеона Верхотурского. Нежданно встреча затянулась, и Григорий впервые покорила Повелителя державы своими откровениями и размышлениями. Венценосцы признали его необычность.

Через три дня после встречи Император рекомендовал премьер-министру П.А. Столыпину пригласить удивительного человека к больной дочери. Она получила тяжелую травму в результате покушения террористов

на отца. «Петр Аркадьевич! На днях Я принимал крестьянина Тобольской губернии — Григория Распутина, который поднес Мне икону св. Симеона Верхотурского. Он произвел на Ее Величество и на Меня замечательно сильное впечатление, так что вместо пяти минут разговор с ним длился более часа! Он в скором времени уезжает на родину. У него сильное желание повидать Вас и благословить Вашу больную дочь иконой. Очень надеюсь, что вы найдете минутку принять его на этой неделе. Адрес его следующий: СПб, 2-я Рождественская, 4. Живет у священника Ярослава Медведя»¹.

Распутин вошел в Царский дом и стал там желанным гостем. Началась историческая биография сибирского крестьянина.

¹ Речь идет о настоятеле храма при Рождественской больнице в Петербурге, выпускнике Петербургской духовной академии, кандидате богословия, духовном сыне отца Иоанна Кронштадтского Ярославе (Романе) Ивановиче Медведе (1874—1937), который летом 1906 года вместе с женой Анной гостил у Распутина в Покровском. В 1907 году священник переводится настоятелем Свято-Владимирского адмиралтейского собора в Севастополе и становится благочинным (духовно надзирающим) береговых команд Черноморского флота.

Глава III. «Злые языки страшнее пистолета»

Санкт-Петербург являлся крупнейшим городом Царства Двуглавого Орла. В начале XX века тут проживало около двух миллионов человек. (Для сравнения: во втором по величине городе — Первопрестольной столице Москве — насчитывалось чуть больше миллиона.) Здесь находились Императорский двор, главные правительственные ведомства, Государственный банк, Императорская Академия наук, Императорская Академия художеств, иностранные посольства, несколько Императорских театров, крупнейшее собрание национальной живописи (Русский музей), ряд других примечательных музеев.

Петербург являлся и главным деловым центром России, ее «первыми воротами» во внешний мир. Правления наиболее мощных промышленных корпораций, коммерческих банков, железнодорожных и страховых компаний размещались в Северной столице. На двух самых фешенебельных проспектах — Невском и Каменноостровском — особняки родовой знати соседствовали с домами безродных «финансовых королей», зеркальные витрины модных европейских торговых домов чередовались с витринами банков и страховых компаний.

В самом сердце города, на стрелке Васильевского острова, находился и нерв деловой жизни Империи —

Петербургская фондовая биржа, где обращались ценные бумаги ведущих отечественных фирм и банков. Имперская столица славилась лучшими гостиницами, фешенебельными ресторанами, дорогими магазинами, элитарными аристократическими клубами.

Петербург, безусловно, являлся не только наиболее населенным и самым деловым городом России, но и самым «европейским». Два века назад основатель Северной Пальмиры Император Петр I желал видеть город именно таким. К началу XX века мечта стала бесспорной реальностью. По богатству, по градостроительной технике, по уровню городского комфорта первая столица Империи уверенно соперничала с другими столицами Европы. Не без основания многие современники были уверены, что град Петра по степени богатства, классу шика, яркости и блеска уступал только Парижу.

Выразительную панораму петербургской жизни оставил в своих воспоминаниях великий князь Александр Михайлович. «Тот иностранец, который посетил бы Санкт-Петербург в 1914 году перед самоубийством¹ Европы, почувствовал бы неодолимое желание остаться навсегда в блестящей столице, соединяющей в себе классическую красоту прямых перспектив с приятным, увлекающим укладом жизни, космополитическим по форме, но чисто русским по своей сущности. Чернокожий бармен в гостинице «Европейская», нанятый в Кентукки, истые парижанки-актрисы на сцене Михайловского театра, величественная архитектура Зимнего дворца — воплощение гения итальянских зодчих, деловые обеды у Кюба, затягивающиеся до ранних сумерек, белые ночи в июне, в дымке которых длинноволосые студенты оживленно спорили с краснощековыми барыш-

¹ Самоубийством Великий князь называет Первую мировую войну, начавшуюся в августе 1914 года.

нями о преимуществах германской философии. Никто не мог бы ошибиться относительно национальности этого города, который выписывал шампанское из-за границы не ящиками, а целыми магазинами».

В кругу бескрайних лесов и нескончаемых болот возник удивительный, роскошный и неповторимый центр власти и бизнеса, оазис утонченности и изыска. Одновременно это был центр политических и светских интриг, арена бескомпромиссной борьбы карьерных устремлений и самолюбий, ярмарка безмерного тщеславия и разъедающей душу зависти.

Вся центральная часть Петербурга сплошь была застроена богатыми господскими домами, где обитали родовая аристократия и чиновная элита. Адреса наиболее дорогих и престижных «гнезд»: Дворцовая, Английская, Французская набережные, Невский и Каменно-островский проспекты, набережные Мойки и Фонтанки, как и улочки и переулки между этими городскими речками. Список владельцев строений в этом «дворянском гетто» — перечень самых громких аристократических фамилий, игравших важные роли в истории России: Шереметевы, Строгановы, Воронцовы-Дашковы, Белосельские-Белозерские, Барятинские, Юсуповы, Оболенские, Гагарины, Мещерские, Шуваловы, Орловы, Нарышкины, Апраксины...

Роскошные дворцы и особняки, размещавшиеся на этой довольно небольшой территории, являлись часто не только памятниками архитектуры, имели не только богатую историю, связанную с именами владельцев, но и оказывались, по существу, центрами и центриками влияния и власти в столице, а следовательно, и в Империи.

На званых вечерах (суаре), «английских чаях», на обедах и балах, устраиваемых то в одном, то в другом

родовом «палаццо», не только пили, вкушали изысканные яства, не только танцевали, слушали музыкальные произведения, играли в карты и вели непринужденные светские беседы. Там кипели общественные страсти. Обсуждали премьеры театрального сезона, новинки литературы, сенсации вернисажей, но в первую очередь — брачные и семейные дела, а также служебные триумфы и падения сановных и придворных фигур из числа тех, кто на данном приеме не присутствовал.

Вскрывали «подноготную», оглашали «надежные сведения» самого интимного свойства. Злословию не было предела. В этом чаду молвы часто и лепился определенный образ, который потом кочевал из гостиной в гостиную. Как заметил поэт Семен Надсон:

Меня каждый миг свой образ прихотливый,
Капризна, как дитя, и призрачна, как дым,
Кипит повсюду жизнь в тревоге суетливой,
Великое смешав с ничтожным и смешным.

Государственные карьеры в светских гостиных не только заинтересованно обсуждались. Именно здесь они порой создавались и сокрушались. Общественные репутации, служебные взлеты и падения государственных деятелей зависели в немалой степени от того, как к этому деятелю относились Великая княгиня Мария Павловна, Лили Воронцова, Бетси Шувалова, Мари Клейнмихель, Долли Шереметева, Зизи Нарышкина, Саша Апраксина, Софи Игнатьева и некоторые другие влиятельные «львицы» великосветских салонов, законодательницы столичной моды и общественных предпочтений.

Мужчины-аристократы, хоть и играли важные, но всё-таки второстепенные роли в формировании сто-

личной молвы. Дирижировали тут дамы. Сильный пол «чеканил образ» того или иного столичного героя в своем «главном храме», куда дамы не допускались. Назывался он Императорским яхт-клубом и помещался тоже в центре Петербурга, рядом с Дворцовой площадью, на Большой Морской улице. Сюда допускались только самые-самые именитые и родовитые, начиная с близких Царских родственников.

В этой «палате сиятельных особ» избранные обменивались мнениями о последних политических новостях, узнавали свежие слухи и предположения относительно грядущих изменений курса государственной политики, обменивались сведениями о настроениях Монарха, пересказывали Его высказывания и суждения. Исходя из этого, строили предположения о скорой отставке господина А. и о назначении на ключевой государственный пост графа Б., о неизбежных осложнениях в отношениях с одной державой и об улучшении отношений с другой.

Однако констатациями дело не ограничивалось. Формировалась и известная линия поведения, вырабатывалось направление действий для достижения неких целей. Чаще всего они сводились к «проталкиванию» или «низвержению» тех или иных фигур, которые или пользовались расположением в столичном аристократическом обществе, или вызывали здесь стойкую «идиосинкразию».

Существовали и другие очаги формирования «общественного мнения», но они не играли значительной роли в силу своей удаленности от рычагов власти вообще и от окружения самодержавного правителя в особенности.

Появление любого нового человека на петербургском олимпе в салонах всегда первоначально оценива-

ли критически. К «чужакам», «высочкам», «парвеню» снисхождения не было. Им приписывали поступки, о которых те и не слыживали, им вменяли в вину дела и высказывания, которые к ним никакого касательства не имели.

Весьма показательно в этом отношении восприятие столичным бомондом двух наиболее крупных политических фигур царствования Императора Николая II: Сергея Витте и Петра Столыпина. Первого в 1892 году Государь Александр III назначил на пост министра финансов, а второго в 1906 году Николай II сделал министром внутренних дел, а затем и премьер-министром. И тот и другой в столице были почти неизвестны.

Они вознеслись на самый верх служебной иерархии по воле Монархов и не «прошли апробацию» в салонах. «Возмездие» последовало незамедлительно. Витте много лет был мишенью самых разнузданных поношений: «вор», «мошенник», «агент еврейских банкиров», «взяточник», «масон» — таков далеко не полный и не самый резкий набор эпитетов, которыми главу финансового ведомства награждали в кругу родовитых и именитых.

Премьера-реформатора Столыпина тоже не жаловали. «Дурак», «тупица», «бездарность», «тайный революционер», «казнокрад» — вот лишь некоторые салонные «перлы», летевшие по адресу главы исполнительной власти на изысканных и закрытых собраниях петербургского бомонда.

Уж если личность такого государственного деятеля, как Столыпин, — дворянина, помещика, добропорядочного семьянина, состоявшего в достойном браке (его супруга происходила из дворянского рода Нейдгартов), если даже его бесстыдно дискредитировали, то нетрудно догадаться, с какой ненавистью, с каким злобным остервенением воспринимали тех, кто появлялся

на столичном небосклоне, не имея за собой ни роду ни племени.

Появление в Царской Семье друга-крестьянина уже само по себе должно было вызвать шквал негодования. Как и в иных случаях, действительная биография тут определяющей роли не играла. О Распутине в столичном свете было «всё известно» еще тогда, когда вообще известно ничего быть не могло.

Представители аристократии, уже по праву своего рождения близко стоявшие к Трону, имели возможность донести салонное «общественное мнение» до ушей Монарха, представить на «благоусмотрение» верховного правителя заключение светских «экспертов» о деловых и нравственных качествах того или иного саванника или претендента, сообщить о его политических пристрастиях и семейной добропорядочности. Таким путем можно было воздействовать на формирование угодной точки зрения у повелителя державы.

При авторитарной системе мнение верховного носителя государственной власти имело определяющее значение в решении карьерной судьбы тех или иных лиц. Этот же субъективный фактор немало значил и в выработке государственного курса вообще. Отсюда и та исключительная роль, которая приписывалась неофициальным контактам и неформальным отношениям. Монархи по-разному относились к салонным суждениям. Некоторые доверяли, часто руководствовались ими, другие же воспринимали их скептически, а некоторые почти всегда игнорировали. Наиболее известный случай здесь — Император Александр III, никогда не поступавший в соответствии с мнением какой-нибудь влиятельной в столице «княгини Марьи Алексеевны».

В начале XX века положение стало меняться. После преобразований государственного управления в 1905–

1906 годах, после появления выборного законодательного органа — Государственной думы, после смягчения цензурных ограничений появились общероссийские центры формирования общественного мнения и публичные трибуны для его оглашения: парламент и независимая от правительства пресса.

Однако и в новых общественных условиях всё, что касалось придворного мира, что напрямую замыкалось на высших коридорах власти, — всё это оставалось уделом петербургского высшего света. Он нераздельно сохранил одну, но очень важную привилегию: хранить информацию об истинных и мнимых «закулисных тайнах» Императорского двора. Только здесь можно было найти сведущих «экскурсоводов» по закрытым от публики лабиринтам Царских апартаментов. Их и находили: дипломаты, журналисты, лидеры политических течений и партий, громкоголосые «цицероны» из стен Таврического дворца, где заседала Государственная дума.

Разгадывание же потаенных «механизмов власти» нередко сводилось к тому, что все выявленные в салонах «тайны» Империи оказывались сплошь и рядом «тайнами алькова» или, как тогда говорили, «тайнами корсета». Дамы же верховодили, другие места и иные уровни большинству из них были неведомы...

Столичное салонное «общественное мнение» редко бывало монолитным. Существовали отдельные фракции, «партии», имевшие разных протеже, отчего постоянно возникали трения, конкуренция, взаимное шельмование. «Битвы» в этой замкнутой среде, по сути дела, никогда не прекращались. Лишь иногда наступало затишье, заключались негласные перемирия, когда все объединялись перед лицом общего врага. Так получилось в истории с Распутиным, который стал в последний период Монархии мишенью, сделавшим единомышленни-

ками и «партнерами по борьбе» людей, которые до того не только в гости друг к другу не ходили, но иные при нечаянных встречах даже и не раскланивались.

Салонный Петербург-Петроград не мог спокойно принять необычную новость: какой-то необразованный мужик оказался другом Царской Семьи, и его «в интимной обстановке» принимает Коронованный правитель, удостоивая чести, которой не имели именитые и родовитые.

О близости к Царям грезили, симпатий Монарха добивались даже те, кто по древности рода и по заслугам своих предков имел, как казалось, полное право претендовать на особое расположение. Когда же выяснилось, что вожделенное расположение получил какой-то «темный крестьянин», это смертельно задело родовую спесь. Конкретные обстоятельства, подлинная фактография общения Царя «с мужиком» мало интересовали. Шокировал сам факт.

Потрясение отозвалось волной возмущения среди «лучших фамилий России». Сначала неясно, а потом все уверенней и громче в богатых гостиных зазвучали разговоры об этом «ужасе». Начали искать объяснения, и очень быстро «достоверные заключения» появились и имели оскорбительный характер для Царя, и уничижительный для Царицы. При этом некоторые негодующие «салонные дирижеры» сами принимали у себя Распутина, а кое-кто даже и прибегал к его психотерапевтическим дарованиям, но об этом не вспоминали.

В общем и целом распутинский портрет — продукт творчества петербургского аристократического бомонда. Все же остальные — политики, журналисты, историографы — добавляли лишь детали, делали лишь некоторые «пейзажные мазки».

«Раскручивание» увлекательного распутинского «сериала» совпало со временем либерализации обществен-

ных условий в стране. Критика власти и даже самого Царя считалась уже «хорошим тоном», являлась признаком принадлежности к «прогрессивным слоям общества», а «прогрессивность» как знак европейского избранничества вошла в моду. Сплетня формировала стойкое негативное восприятие человека.

Один характерный пример. Представитель аристократии (род вел свою генеалогию с XI века, предприниматель и меценат барон Н.Е. Врангель¹, в написанных вскоре после революции воспоминаниях запечатлел взгляд «света» на Венценосцев. По его словам, одна из фрейлин «привела к Императрице простого неграмотного крестьянина, осужденного в Сибири, откуда он был родом, за изнасилование маленькой девочки (! — А. Б.). Я говорю о Распутине. Этот развращенный и циничный, но хитрый и умный мужик, говорят, обладал даром гипноза. Как бы то ни было (! — А. Б.) ему удалось подчинить себе волю Императрицы, уверить ненормальную (! — А. Б.) женщину, что он обладает даром предвидения и что, пока он при Ней, ни Царю, ни Ей, ни Наследнику ничего не грозит... Его слово стало законом для Царицы, а желание Царицы было законом и для Царя (! — А. Б.)». Подобные ложь и гнусность тиражировал один из «столпов общества»!

Хотя закон запрещал какие-либо публичные неблагожелательные высказывания об особе Монарха, как и о Его близких, но не предусматривал наказания за сам факт ведения критических разговоров. Число судебных преследований по статье закона «За оскорбление Величества» год от года уменьшалось, а представители элитарных слоев общества не подвергались им вовсе. Царский гнев больше уже не обрушивался на головы

¹ Он был отцом одного из героев Белого движения генерала П.Н. Врангеля (1878–1928).

тех, кто позволял себе недопустимые выпады. Случаи гонений и преследований, не говоря уже о казнях, которым некогда подвергались царедворцы за «непозволительные речи», давно отошли в область исторического предания.

Император Николай II и Александра Фёдоровна знали, что некоторые придворные и даже родственники сплетничали и язвили на Их счет. Однако никаких мер карательного характера ни разу предпринято не было. Во-первых, потому, что облик и суть Царской власти со времени Государей Петра I и Павла I существенно изменились: она перестала быть деспотической. Во-вторых, Царь и Царица были убеждены, что если иметь чистые души, открытые Богу помыслы, то никакая грязь не пристанет.

Венценосцы объяснений со своими хулителями не устраивали, даже если они и принадлежали к ближайшему придворному окружению. В некоторых, наиболее вопиющих случаях Они иногда выражали свое нерасположение к инсинуаторам с поистине монаршим великодушием: кого-то не приглашали на дворцовый прием, кого-то не удостоивали беседы или внимания. Вот фактически те самые «страшные кары», которые могли настичь того, кто публично на великосветском рауте целый вечер размышлял о «психическом нездоровье Императрицы», о «слабоволии Царя» и о Его «небольшом уме». Таких господ почти никогда даже придворных званий не лишали.

Правителя Его «первые слуги» переставали бояться, а следовательно, как это всегда бывало в России, и уважать. Порой дело доходило до вопиющих случаев демонстрации непочтения.

Однажды фрейлина Императорского двора княгиня Мария Барятинская собралась пойти на прогулку с

Императрицей и в полном облачении ожидала её в вестибюле дворца. По прошествии какого-то времени она узнала, что Александра Фёдоровна вышла на прогулку через другой подъезд и взяла себе в попутчицы другую придворную даму. Возмущению княгини не было предела. Её, Барятинскую, даже не уведомили!

Фрейлина позволила себе публично разыграть сцену праведного гнева, решила «хлопнуть дверью», да так, чтобы «канделябры закачались». Надевая шляпу, заявила во всеуслышание: «Когда кто-то из Барятинских надевает свою шляпу, то лишь для того, чтобы больше не вернуться назад». Узнав об этом демарше, Александра Фёдоровна лишь улыбнулась. Во многих же столичных гостиных своенравный поступок княгини вызвал взрыв восторга. Её чествовали, как героиню...

Посмей нечто подобное совершить придворная дама во времена высокочтимого русскими европейцами Петра I или даже Николая I, то такую «революционерку» не только бы тотчас с позором изгнали из придворного круга, но могли бы и «упечь» в такую дикую глухомань, откуда великосветская диссидентка уж вряд ли бы вернулась в родовые апартаменты, чтобы снова любоваться «рассветом над Невой». Однако на дворе был XX век, настали новые, либеральные времена, эпоха «свободного самовыражения».

Как вспоминала дочь лейб-медика Е.С. Боткина Татьяна, в столице ко времени революции «не было ни одного уважающего себя человека, не старавшегося как-нибудь задеть, если не Его Величество, то Ее Величество. Находились люди, когда-то Ими обласканные, которые просили аудиенции у Ее Величества в заведомо неудобный час, и когда Ее Величество «просила» зайти на следующий день, говорили: «Передайте Ее Величеству, что тогда мне будет неудобно».

Всё, что задевало честь Царицы, воспринималось чуть ли не с восторгом. Об Александре Фёдоровне позволяли пускать в обращение сплетни самого оскорбительного свойства. Никогда раньше в России ничего подобного не наблюдалось. Любая дискредитация Царя и Его Супруги оказалась бы вселенским позором для того, кто решил бы заикнуться хоть полусловом о неких нелицеприятных фактах из Их жизни. Правдивы они или нет, в подобном случае не имело бы решающего значения. Любые выпады такого рода воспринимались почти как святотатство.

Какие-то разговоры и обсуждения дел и слов коронованных правителей (и правительниц) всегда велись и при дворе, и в высшем обществе. Но если они и происходили, то в самом тесном кругу и никогда не являлись темами обсуждений на великосветских посиделках. Время же последнего царствования стало временем быстрого отказа от традиций, в том числе и от безусловного почитания Царя и Его Семьи.

Среди особо вопиющих салонных сюжетов — адюльтеры Царицы. О том, что Александра Фёдоровна якобы «наставляла рога» Супругу, говорили без стеснения, а среди Ее избранников называли разных лиц, но чаще всего двух: генерала Александра Афиногеновича Орлова и Григория Распутина. Воспитательница детей великого князя Александра Михайловича графиня Е.Л. Комаровская писала в воспоминаниях, что в высшем обществе «говорили даже, что Наследник был сыном Орлова, а не Николая II». Поразительно даже не то, что подобная грязная инсинуация могла возникнуть, а то, что она «производила впечатление».

Указанные суждения — показатель нравственного распада. Когда, например, в 1914 году «буревестник революции» А.М. Горький в одном из писем писателю

и журналисту А.В. Амфитеатрову заявлял о «великом открытии», что, «как говорят», Распутин «дал престолу наследника», то тут осуждать нечего, тут всё понятно. Все эти «буревестники» жили вне всякой морали, а их семейная жизнь — сплошная череда непотребства. Но когда нечто подобное обсуждали те, кто входил в придворный круг, кто считал себя «столпами общества», то, значит, общество это было уже неизлечимо больно.

О втором «возлюбленном» придется еще специально подробно говорить. Пока же остановимся на орловской истории, которую бульварная околоисторическая беллетристика десятилетиями мусолила без устали. Может быть, и не стоило подробно исследовать этот пошлый сюжет, если бы уже в наши дни пресловутый баснописец Э.С. Радзинский в изданной весной 2000 года в Лондоне книге «Распутин: последнее слово», не представил заведомо лживый образ Царицы-мученицы Александры Фёдоровны.

Западная публика с удивлением из этого опуса узнала, что оказывается, внучка королевы Виктории была падкой на любовные утехы, изменяла Царю и с мужчинами и... с женщинами. Фантаст-драматург, вопреки его уверениям, ничего заново не «открыл». Он лишь повторил то, что задолго до него было озвучено другими, столь же «компетентными знатоками».

Оставляя пока в стороне существо вопроса, могла ли вообще Александра Фёдоровна по складу Своего характера и нравственным представлениям «упасть в объятия» какого-то мужчины (не говоря уже о женщине!), кроме Своего Супруга, рассмотрим, так сказать, «свидетельские показания». Сразу предупредим, что никаких документальных, первичных и, так сказать, предметных материалов — любовных посланий, записочек, впечатлений «очевидцев» об «измене» не существует. Разбе-

ремся же в том, кто и почему подобную информацию продуцировал и распространял.

Отпечатки давних сплетен можно встретить в ряде материалов, дошедших до нас от современников той эпохи. Немалое число лиц, живших и вращавшихся в великосветском Петербурге, запечатлевали эпатажные утверждения в своих письмах, в дневниках и воспоминаниях. Остановимся на двух наиболее заметных памятниках того смутного времени, которые обязательно используют сочинители всех мастей, описывая «падение нравов» при дворе Императора Николая II. Речь идет о дневнике генеральши А.В. Богданович и о «Воспоминаниях» графа С.Ю. Витте.

В центре Петербурга рядом с Исаакиевским собором до сих пор красуется трехэтажный особняк, построенный в XVIII веке архитектором А. Ринальди. В первой половине XIX века дом принадлежал поэту И.П. Мятлеву (как «дом Мятлева» он до сих пор обозначается в путеводителях), а затем его владельцем стал Евгений Васильевич Богданович.

Это была заметная фигура в ареопаге Самодержавия: генерал от инфантерии (пехоты), член совета министра внутренних дел, староста Исаакиевского собора, почетный председатель «Исаакиевского братства», занимавшегося «духовным просвещением народа» — изданием и распространением дешевых книг и брошюр на религиозные и исторические темы. Он был женат на Александре Викторовне, урожденной Бутовской.

Супруга генерала, у которой тот был в полном подчинении, хотя сама никаких должностей отродясь не занимала, была дамой не просто весьма деятельной, но, как тогда говорили, «ушибленной политикой». В своем особняке она держала политический салон, дом приемов, куда «на огонек» заходили и важные государ-

ственные чиновники, и офицеры гвардии, и журналисты, и «короли биржи».

Муж хозяйки был фигурой известной, имел связи, а «милая Александра Викторовна» столько интересного могла сообщить, да и подействовать, когда потребуется. Хотя формально хозяином дома числился генерал, но в силу старческой немощи и болезней (в последние годы он практически не мог ходить и полностью потерял зрение) полноправной распорядительницей являлась супруга. В доме Богдановичей можно было услышать последние новости, а то и завести «полезные знакомства».

Прекрасный стол являлся тоже приманкой для гостей. Как вспоминал один из завсегдатаев Л.А. Тихомиров, «завтраки были очень хороши¹. Это был целый обед. Прежде всего, прекрасная, разнообразная закуска, потом горячее, жаркое, рыба, десерт, после завтрака — кофе в гостиной. За завтраком были всегда превосходные вина; некоторые Богданович выписывал прямо из Франции. Часто у него бывали и редкости, которые ему присылали приятели, например, какая-нибудь горная коза и тому подобная дичь».

Сама же госпожа Богданович задолго до информационной революции XX века усвоила одну истину: информация — это власть, огромная сила, если ею правильно распорядиться. Поэтому она не гнушалась получать сведения не только от благопристойных посетителей, но даже и от тех, кого в других приличных домах никогда не принимали: дворцовых камердинеров, дам полусвета, искателей богатых столичных невест и прочих личностей с сомнительной репутацией.

Главной темой в доме на Исаакиевской всегда была политика. Особенно интересовало всё, что касалось Царя и Его ближайшего окружения. Наиболее «горя-

¹ В «хороших домах» завтракали обычно в полдень.

чье» и необычное хозяйка вечером записывала в дневнике, который вела с 1879 года и почти до самой смерти в 1914 году.

Первые годы Александра Викторовна не решалась заносить на бумагу слухи и разговоры, задевавшие особу Монарха. Со временем она осмелела, преодолела старые страхи, а при Императоре Николае II фиксировала уже все без утайки. Она не любила Царя и, естественно, Царицу. Ее дорогой супруг, несмотря на его непрестанные труды на ниве патриотического воспитания, не был, как казалось, по достоинству оценен. Ему не предлагали важной государственной должности, его не приглашали во дворец для политических консультаций, не спрашивали советов, одним словом, «не давали хода».

Как считала генеральша, это происходило потому, что Царь окружил себя «прохвостами», «жуликами», «людьми без принципов». «Патриотка», «столбовая дворянка» и «истинная монархистка» мириться с этим не могла и не хотела. Салон госпожи Богданович стал одним из центров инсинуаций.

Вскоре после установления власти коммунистов самые «смачные» части дневниковых записей Александры Викторовны были опубликованы, они весьма приглянулись новым правителям. С тех пор дневник и стал «ценнейшим документом эпохи». Это действительно так. Однако он особо важен не для познания исторических событий как таковых, а для понимания представлений петербургского света о них.

Мимо внимания Богданович не могла проскользнуть орловская история. Слух о супружеской неверности Царицы оказался как нельзя кстати, он попал в доме Мятлева на благодатную почву. У генеральши не раз говорили о том, что А.А. Орлов — любовник Царицы. Сама же хозяйка в этом и не сомневалась.

Удивление и шок вызвала «свежая информация» о том, что, оказывается, «на самом деле» Царица «питала слабость» не к генералу, а к своей фрейлине Анне Танеевой, вышедшей в 1907 году замуж за лейтенанта А.В. Вырубова, с которым у нее семейной жизни «не получилось».

10 июня 1908 года Богданович записывает: «Сегодня говорили, что в истории Царицы, Танеевой и Орлова последний — ширма, что неестественная якобы дружба существует между Царицей и Танеевой. Что будто муж этой Танеевой, Вырубов, нашел у неё письма от Царицы, которые наводят на печальные размышления. Говорила это Кочубей. Теперь эту Вырубову (Танееву) взяли к себе ее родные, Танеевы, и в Петергоф больше пускать не будут. Какой скандал, если это всё правда! Говорят, что в немецких газетах про все это написано».

Ничего подобного в «немецких газетах» опубликовано не было, но кто это проверял! Сплетня жила по своим законам...

Тема о «любовном треугольнике» не исчезала, некоторые гости приносили в дом на Исаакиевскую новые подробности. После беседы с генералом А.М. Зайончковским госпожа Богданович записала 28 сентября 1908 года, что, как поведал генерал, «Вырубова у Царицы — первый человек, что те, кто за ней не ухаживает, подвергаются опале, как, например, князь Орлов, который уехал из-за нее». Этими двумя характерными пассажами пока и ограничимся.

Итак, если верить гостям салона Богдановичей, а помимо вышепоименованных нечто подобное утверждали и еще некоторые посетители, то картина, в общем-то, открывалась удручающая. Царица сначала «состояла в связи» с генералом Орловым, а затем «воспылала неестественной любовью» (слово «лесбийская» тогда в обиходе употреблялось мало) к своей бывшей фрейли-

не, с которой проводила дни и даже ночи (в этом тоже уверяли). Естественно, что такая «похотливая особа», как Царица, достойна была лишь осуждения. И Ее осуждали. Правда, верили этим глупостям далеко не все, но мнение скептиков в расчет не принималось. Тема «аморальности», «разврата» заворожала многих.

Здесь необходимо дать пояснение о личностях «моралистов», чтобы было понятней, так сказать, вся эта «информационная технология». Грязь ведь притягивает тех, кто имеет к ней склонность по складу своей души...

Генерал А.М. Зайончковский (1862–1926) происходил из дворян Орловской губернии, получил прекрасное образование, окончил Николаевское инженерное училище и Николаевскую Академию Генерального штаба, участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 годов, затем командовал полком и дивизией. Никакого отношения ни к Царской Семье, ни к жизни двора не имел, а следовательно, и собственных наблюдений у него не было и быть не могло. Однако он принадлежал к небольшой части офицерско-дворянского корпуса, исповедовавшего «свободомыслящие идеи». Такие носители Царских вензелей на погонах уже задолго до революции изменили присяге и долгу.

Свое «свободомыслие» этот генерал потом красноречиво и доказал: уже в 1918 году он принял присягу на верность власти коммунистов, участвовал в войне против некогда «своих» на стороне красных, а затем трудился в качестве профессора в военной академии Красной армии. Его кумиром являлся Лев Троцкий, который, в свою очередь, имел расположение к «бывшему дворянину». Клевета на Царя и Царицу, восхищение революцией и одним из самых кровавых большевистских лидеров — все это печальные вехи на пути нравственной деградации генерала Русской армии.

Другой «высокоморальный» информатор, точнее, информаторша мадам Богданович, был фигурой куда более колоритной, чем упомянутый генерал. Это — княгиня Дарья Евгеньевна Кочубей, легендарная Долли, слухи о похождениях которой просто сотрясали высшее общество. Она прожила жизнь, полную таких впечатлений и превращений, которых бы хватило для написания нескольких увлекательных авантурных романов.

Родилась она в 1870 году и была расстреляна по постановлению НКВД в ноябре 1937 года. Между этими датами масса событий, главными из которых были любовные увлечения и служба в тайной полиции большевиков. В ряду удивительных жизненных эпизодов этой «моралистки» один из самых выразительных — добровольный переезд в конце 1918 года из Баварии, где она оказалась после революции, в «красную Совдепию».

Это потрясающее антраша, как сама героиня заявляла позднее, она совершила, потому что «симпатизировала РКП(б)» (партии большевиков). Чтобы стать вполне «своей» в царстве Интернационала, она отреклась от родственных корней, происхождения и даже своей фамилии. Теперь ее имя звучало достаточно «революционно»: Дора Евгеньевна Лейхтенберг.

Долли родилась в именитой семье и приходилась родственницей Царям — Александру II, Александру III и Николаю II. Ее отцом был внук Николая I герцог Е.М. Лейхтенбергский. Он вступил в 1869 году в морганатический брак с фрейлиной Д.К. Опочининой, которая после появления на свет Долли умерла.

Как рожденная в морганатическом браке Дарья не имела династических прав и не пользовалась при дворе никаким вниманием. В 1893 году она вышла замуж за князя Л.М. Кочубея, родила ему двоих детей и через несколько лет фактически порвала с ним. Без всяких

сожалений рассталась она и с детьми. В 1911 году был оформлен развод. В общей сложности только официально Дарья выходила замуж пять раз...

Еще до замужества Дарья Лейхтенбергская, ставшая в 1878 году, после второго брака отца, графиней Богарне, прославилась бесконечными «амурными историями», которые не прекратились и после замужества. С полным на то основанием некоторые называли ее «великосветской потаскухой». Так как грешить в Петербурге было сложно, кругом глаза и уши, масса знакомых, Долли регулярно отбывала за границу, где чувствовала себя значительно вольготней.

После революции она не раз повествовала, что Император Николай II ее «ненавидел» и даже «высылал за границу» якобы за «свободомыслие». О том, какого рода «свободные мысли» занимали герцогиню-графиню-княгиню, можно судить по вышеприведенному суждению ее в салоне генеральши Богданович. Царь действительно не мог уважать особу таких нравов именно потому, что она была слишком распущенной.

Когда в 1912 году Николаю II доложили, что капитан первого ранга барон В.Е. Гревениц без согласия начальства тайно обвенчался с Долли Кочубей (это был ее второй брак), то Царь не прибег к обычному в таких случаях наказанию офицера, остроумно заметив, что, избрав себе подобную супругу, барон «и так довольно наказан».

Долли при дворе не принимали, в гостях у своего дальнего родственника Николая II она не была ни разу. Конечно, это ущемляло женское самолюбие, тем более, если женщина считала себя тоже «голубых кровей», да к тому же мнила себя неотразимой красавицей (сохранившиеся портреты вряд ли могут подтвердить такое мнение). Будущая осведомительница ГПУ – НКВД Цар-

скую Чету «терпеть не могла» и многие годы без устали инсинуировала по Их адресу. Причем из ее уст вылетала клевета самого грязного свойства, что вполне объяснимо: развратные люди ведь всегда уверены, что все кругом погрязли в мерзостях порока...

Теперь обратимся к следующему «кладезю истины» — «Воспоминаниям» графа С.Ю. Витте, которые, как и записки А.В. Богданович, давно стали чуть ли не сакральными текстами, которые цитируют практически все «разоблачители тайн царизма». Этот документ, несомненно, представляется весьма значительным памятником эпохи.

Автор в конце XIX – начале XX века занимал виднейшее место в системе государственного управления: многолетний министр финансов, «отец русского экономического чуда», затем глава правительства, инициатор издания Манифеста 17 октября 1905 года, провозгласившего эру свобод и парламентаризма. Мемуары примечательны и тем, что их создатель — действительно был человек неординарный, не только многое видевший и знавший, но и подробно описавший не столько события своей личной жизни, сколько главным образом сложные политические коллизии, сотрясавшие в этот период Россию. Это, так сказать, внешняя фабула истории «Мемуаров».

Признавая значение данного источника, нельзя оставлять без внимания внутренние побудительные причины, обусловившие появление этого объемного труда. Характер изложения, оценки и суждения автора вызывались не только желанием поведать потомкам об исторической роли мемуариста. Графом двигало оскорбленное неумное честолюбие, заставлявшее пренебрегать и здравым смыслом, и элементарными понятиями порядочности. Витте создавал «книгу-бомбу», которая

должна была не оставить «камня на камне» от доброго имени всех его недоброжелателей, в числе коих на первом месте стояли Царь и Царица.

Императору Николаю II «его сиятельство» не мог и не хотел «простить» многого: что его убрали из власти в апреле 1906 года, что его отодвинули от рычагов управления, что «мудрого сановника» перестали спрашивать и даже вообще приглашать к Царю. Существовал и еще один, наверное, самый веский повод для возмущения Монархом. Его супругу, обожаемую им Матильду Ивановну, ни разу не приняли при дворе.

Она была разведена, да к тому еще и еврейка, а такие «достоинства» исключали возможность занять место среди гостей Царского дома. Хотя Витте прекрасно всё это знал, но был уверен, что для него как для «великого политика» Царь должен был сделать исключение. Но не сделал. Граф этого забыть и простить не мог.

До последних дней жизни (умер в Петрограде в ночь на 25 февраля 1915 года, немного не дожив до 65 лет) граф не оставлял надежд на возвращение к активной политической деятельности. Будучи опытным царедворцем, не имевшим за собой поддержки никаких общественных групп или течений, но мастерски владея правилами закулисных ходов, он использовал различные приемы.

При последнем свидании Монарх предложил ему обдумать возможность занять пост посла «в одной из европейских стран», но Сергей Юльевич не проявил в тот момент интереса к подобной должности. Он не мог себе представить, что отлучение от власти продлится сколько-нибудь длительное время. Но минул год, пошел другой, а его все не призывали. Наконец решил напомнить Государю о том давнем предложении и отправил Монарху приторно-льстивое письмо. Ответа не последовало.

В обществе циркулировали слухи о том, что для своего возвращения из политического небытия экс-премьер прибегал к протекции Григория Распутина. В этом сюжете до сих пор больше сомнительных утверждений, кочующих из книги в книгу, чем документальных свидетельств. Доподлинно известно мало.

Сам С.Ю. Витте личного общения с Распутиным не имел (один раз они лишь виделись в церкви), но жена, Матильда Ивановна, с ним встречалась и, как установила Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства в 1917 году по крайней мере дважды была в распутинской квартире на Гороховой улице. О чем на этих встречах графиня говорила с «отцом Григорием», неизвестно. Нет до сих пор и надежных подтверждений версии о том, что Григорий Распутин якобы ходатайствовал за опального сановника перед Царем.

До своей отставки с поста премьера в апреле 1906 года С.Ю. Витте особой набожностью не отличался, его отношение к вере не распространялось далее общепринятого в высшем обществе, но в последние годы жизни он стал проявлять признаки необычного религиозного рвения. Близко сошелся с известным монахом, затем епископом Каргопольским, а позднее епископом Тобольским и Сибирским Варнавой, состоявшим в теснейших отношениях с Распутиным. Варнава стал духовником графа, сделался желанным гостем в особняке на Каменноостровском проспекте в Петербурге, где граф и графиня вели с ним в интимной обстановке духовные беседы.

«Его сиятельство» уверял Варнаву, что является бескорыстным почитателем «старца Григория». Летом 1914 года, когда стало известно, что в Сибири совершено покушение на Распутина (первые сообщения гласили, что он убит), С.Ю. Витте, находившийся тогда в Германии, послал письмо Варнаве, где восклицал: «Сей-

час я прочел телеграмму об убийстве старца. Я его видел один раз в жизни, семь лет тому назад. Отказался от дальнейших свиданий, дабы не давать ядовитую пищу в руки врагов моих и его. Убийство это в высшей степени возмутительно».

Карьерного «ренессанса» у Витте не получилось. Всем попыткам вернуться к власти мешала непреклонность Императора, раз и навсегда решившего в 1906 году не прибегать больше к услугам этого лицемерного человека. В письме матери 2 ноября 1906 года Николай II заметил: «Сюда вернулся на днях гр. Витте. Гораздо умнее и удобнее было бы ему жить за границей, потому что сейчас же около него делается атмосфера всяких слухов, сплетен и инсинуаций... Нет, никогда, пока я жив, не поручу я этому человеку самого маленького дела».

Еще ранее, в апреле, вскоре после отставки премьера, Император заметил министру финансов В.Н. Коковцову, что Он «окончательно расстался с графом Витте, и мы с ним больше уже не встретимся». Николай II никогда не питал симпатий к этому сановнику, но довольно долго считал необходимым в интересах дела использовать его навыки, опыт и организаторские дарования. Но наступили переломные времена, изменились условия политической деятельности, что требовало новых людей, иных приемов реализации государственных решений.

Когда в 1905 году началось общественное брожение, переросшее в анархию и хаос, когда возникла реальная угроза Трону, верховная власть ощутила острую потребность в умных, целеустремленных людях, искренне преданных и Монарху, и идее монархизма. К числу таких людей Николай II вполне справедливо Витте уже не относил. Его постоянное лавирование и конформизм вели к беспринципности, что являлось чрезвычайно опасным в сложной ситуации.

Граф получил свой карт-бланш в октябре 1905 года, сформировал кабинет по собственному усмотрению. Однако его шестимесячное премьерство было явно неудачным; решения, декларации и реальные действия были непродуманными, противоречивыми, что не стабилизировало политическое положение, а нередко лишь его усугубляло. Витте хотел понравиться всем, но не вызвал симпатий ни с чьей стороны. Прошение об отставке в конце апреля 1906 года явилось логичным и своевременным. Политический банкрот покинул общественную сцену. Его время прошло.

Отставной премьер собственные ошибки и провалы никогда не признавал, всегда во всем винил других и в первую очередь Царя. Он решил отомстить «неблагодарному монарху». Орудием мести он и сделал пространные мемуары, к написанию которых приступил в 1907 году. Они наполнены множеством утверждений не просто ложных, но целенаправленно и оскорбительно дискредитирующих Царя.

Уже сочинив «книгу-возмездие», Витте не переставал надеяться, что Император вспомнит о нем, призовет к делам (согласно воле автора «мемуары» должны были увидеть свет лишь после его смерти). Отправлял льстивые послания, хотя, казалось бы, уж давно должен был знать, что Николай II подобного «жанра» не терпел. Последнее из них составлено в стиле «посмертной записки». Повод для «мольбы с того света» был самый прозаический: Витте добивался, чтобы пожалованный ему графский титул был передан внуку Льву Нарышкину. Данное письмо — блистательный образец «сиятельно-го» лицемерия.

«Эти строки дойдут до Вас, Государь, — патетически восклицал экс-премьер, — когда я буду на том свете. Припадаю к стопам Вашим с загробным молением.

Как бы ни судили современники о настоящем, беспристрастная история внесет в свои скрижали великие дела Ваши на пользу Богом вверенного Вашему Величеству народа. В Ваше царствование Россия получила прочную денежную систему; в Ваше царствование расцвела отечественная промышленность и железнодорожное строительство, в Ваше царствование с народа сняты многие тяготы, уничтожены выкупные платежи и круговая порука и проч., и проч. Но что русский народ не забудет, куда будет жить — это то, что Император Николай II призвал народ свой к совместным законодательным трудам. Это Ваша беспримерная заслуга перед русским народом и человечеством».

Граф надеялся на великодушие человека, которого так беззащитно чернил в своих «Воспоминаниях», рукопись которых к этому времени была уже завершена и тайно хранилась за границей в сейфе одного из банков. Он лицемерил даже почти на краю могилы! Лично испытав на своем веку жестокость людской молвы, беспощадность клеветы, Сергей Витте сам явился инспириатором слухов и сплетен. Когда до Царя дошли сведения, что граф пишет воспоминания, то Николай II заметил: «Представляю, что он там напишет!» Однако Монарх и представить не мог, что на самом деле сподобится насочинять граф, дошедший в своем разоблачительном уга-ре до непредставимой низости.

Витте, конечно же, смакует и орловскую историю. Было бы странно, если бы «сиятельный разоблачитель» пропустил этот «горячий сюжет». Он его не только не обошел, но подробно обрисовал, дал беспощадные характеристики, «вскрывал причины», привел «пикантные детали».

Генерал А.А. Орлов, который проявил себя в деле подавления революционных выступлений в прибал-

тийских губерниях, в описании графа представлен не только как ревностный служака. По мнению мемуариста, он получил известность не этим, а своей «мистериозностью». (В Древней Греции понятием «мистерия» обозначали религиозные тайные обряды, а в Новейшее время этот термин стал синонимом оргии).

«Что касается генерала Орлова, то это строевой, хороший, лихой и браваый офицер (женившийся на богатой, скоро умершей) и затем весьма пристрастившийся к воспалительным средствам. Как выдающийся офицер, он получил Уланский полк Императрицы, и тут началась обыкновенная (для Императрицы Александры Федоровны) мистерия спиритического характера. Началось с того, что Она пожелала его женить на своей фрейлине Анне Танеевой, самой обыкновенной, глупой петербургской барышне, влюбившейся в Императрицу и вечно смотрящей на нее влюбленными медовыми глазами со вздохами: „ах, ах!“ Сама Аня Танеева некрасива, похожа на пузырь от сдобного теста».

Рассмотрим главные «мазки» вопиюще тенденциозной картины. Начнем сначала. Не ясно, что граф имел в виду под «воспалительными средствами», то ли алкогольные возлияния, то ли какие-то наркотические препараты. Для мемуариста это неважно. Главное, чтобы читатель поверил, что Орлов имеет явно дурные привычки. Однако верить Витте нельзя. Генерал Орлов пристрастием к каким-то «воспалительным средствам» до самой смерти не отличался.

Пойдем дальше. Портрет Вырубовой тоже предстает в самом негативном виде. Уверенное описание нюансов должно заставить читателя принять подлинность образа. Но все «нюансы» и «детали» не имели ничего общего с действительностью, они — продукт графских видений. Сам Витте Вырубову близко не видел, лично

никогда не общался. Когда та стала смотреть на Царицу «медовыми глазами», то самого графа уже во дворец не приглашали. Следовательно, и никаких собственных впечатлений от взглядов и поз у него не могло быть. То ли он это слышал с чужого голоса, то ли сам насочинял.

Лживо и утверждение о «намерении Царицы» женить Орлова на Танеевой. Здесь богатство воображения Витте раскрылось во всей своей «безобразной красе»; иные столичные сплетники лишь могли позавидовать такому «дару». Тенденциозное описание людей необходимо графу для того, чтобы логичней выглядело изложение «мерзости» их поступков.

В описании Витте все упомянутые герои изображены неприглядно, но особенно Царица. Витте прекрасно знал, что Александра Фёдоровна его никогда не жаловала Своими симпатиями, а этого его сиятельство никогда не забывал и никому не прощал. Упомянув о замужестве Танеевой с лейтенантом Вырубовым, которых якобы вскоре «развели» (ясно, кто имеется в виду!), граф продолжил свою грязную сагу.

«Факт тот, что теперь Вырубов состоит офицером на каком-то военном судне, всё в плаваниях, а госпожа Вырубова, находясь без всякого положения, числясь разведенною женою лейтенанта Вырубова, по интимности, скажу даже, исключительной интимности, самая близкая особа к Императрице, а потому в известном общении и к Императору. За Аней Вырубовой все близкие царедворцы ухаживают, и не только они, но их жены, дочери, а она, Аня, устраивает различные милости и влияет на приближение к государю тех или других политических деятелей».

Кто конкретно «ухаживал», кого именно подруга Царицы «приблизила» к Монарху, о том граф не рассказывал. Сии замечательные наблюдения «очевидца» так и

остались неразгаданной шарадой. Устремившись по направлению «указующего перста» Витте, многочисленные разоблачители-историки, десятилетиями в деталях исследовавшие все «нити темных сил», так никаких доказательств какой-либо политической роли Вырубовой обнаружить и не сумели, потому что такого в природе не существовало.

Но этих пассажей графу показалось недостаточно. Он продолжал нагнетать ужас. «После развода Вырубовых сохранилась какая-то мистериозная связь между Императрицей, Аней и генералом Орловым до его смерти, которая случилась с год тому назад. Еще недавно перед выездом Императрицы в путешествие (август, сентябрь сего (1909) года) Она ездила с Аней на могилу генерала Орлова в Петергофе, возила живые цветы, и обе плакали, что я знаю чуть ли не от свидетеля этой сцены».

Сам Витте ничего не видел, лично ничему свидетелем не был, но уверенно бросает комья грязи по направлению Царской Семьи. Такова была вообще технология формирования салонного «общественного мнения», и в случае с Распутиным придется с подобным столкнуться многократно. История с генералом А.А. Орловым для петербургского света стала своего рода генеральной репетицией той премьеры грандиозной вакханалии, которая начала разворачиваться в России примерно в то же время, когда С.Ю. Витте завершал свой «эпохальный труд».

Сам факт появления в Царском окружении таких людей, как Танеева-Вырубова и генерал Орлов, которые не имели никаких особых служебных заслуг, но вдруг оказались в числе наиболее приближенных, вызывал пересуды.

В реальном же содержании всей этой истории не было никакой «мистерии», всё было просто, буднично

и по-человечески бесхитростно. Царь и Царица испытывали большую душевную симпатию к бескорыстным преданным людям; Они их неизменно ценили. В придворном мире таких всегда было мало, и тем значимее были те немногие, кого Царская Чета и зачисляла в разряд друзей. Сохранилось множество документальных свидетельств человеческой привязанности Царя и Его Супруги к людям, не обремененным престижными чинами и громкими званиями, но имевшими доступ в Царский семейный круг.

Генерал А.А. Орлов несколько лет был другом Царской Семьи, и когда он заболел, а потом скончался (4 октября 1908 года), то Царь и Царица искренне переживали. За три недели до того Николай II, отдыхавший с семьей на яхте «Штандарт» в финляндских шхерах, писал матери: «Я не успел написать вчера об одной грустной подробности, о которой мы узнали на днях, что у бедного Орлова (улана) чахотка. Мы пригласили его, как в прежние годы, сюда, и он прибыл в начале сентября. Все были поражены его скверным, исхудалым видом, а тем более Аликс и Я, так как он у Нас обедал в Петергофе накануне нашего ухода. Он до того переменялся за эти две недели, что его трудно было узнать. Ты поймешь нашу грусть и удрученное чувство при виде человека, который тает каждый день. Мы пригласили Боткина его исследовать, на что Орлов согласился. Евгений Сергеевич нашел, что он должно быть болен два года; после некоторого препирательства он сознался, что два года кашляет, со времени похода в Лифляндию. Побыл неделю с Нами, Мы его убедили уехать на Юг на зиму; вероятно, он поедет в Алжир (Орлов умер по дороге в Египет. — А. Б.). Ужасно грустно было прощание, когда он уходил на миноносце. Боткин надеется, что в его лета (45 лет) и при правильном режиме болезнь может остановиться.

Нужно же, чтобы одного из Моих немногих и лучших друзей постигла такая болезнь! Такой честный, строгий к себе человек, говорящий одну только правду, — Я с ним разговаривал обо всем, и он был Мне особенно полезен в военных вопросах. Все, кто его знает, любят его; офицеры гвардейского экипажа всегда называли его „наш генерал“! День его отъезда был горестным событием для всех. Надо уповать на милость Божию!».

В отличие от Царя и Царицы дружеское бескорыстие было неведомо придворному и светскому миру. Не знаком был с ним и граф Витте. Для Витте и ему подобных значимость людей определялась не человеческими качествами самими по себе, а их социальным весом, возможностью использовать в личных карьерных целях.

Точно неизвестно, плакала ли в действительности Царица на могиле генерала А.А. Орлова, но если даже это и так, то это были слезы по потерянному другу Семьи и не более того.

Глава IV. Венценосная Чета

Распутин превратился в исторический феномен лишь потому, что близко общался с властелином огромной империи, только потому, что он стал другом Царского дома. Не случись этого, никакие личные дарования и способности сами по себе крестьянина из Сибири на авансцену истории не вывели бы. Поэтому любой рассказ о Распутине неизбежно затрагивает стержневой сюжет: о Царе Николае II и Царице Александре Фёдоровне, об Их культурном и нравственном облике, духовных запросах, семейном укладе жизни.

Император Николай II является одной из ключевых политических фигур мировой истории XX века. Для России же Он символ и знак русского подвига христовлюбия в столетие бездуховного варварства. В 2000 году Архиерейский Собор Русской Православной Церкви прославил Императора Николая II и Его Августейшую Семью в Лике Страстотерпцев.

Однако и вознесение Их ликов на икону мало прибавило поток клеветы и измышлений. До сего дня в большинстве случаев Его образ и образ Его супруги воссоздаются или в темно-мистических, или в незатейливо-гротесковых тонах. Политически и мировоззренчески неангажированных портретов святых Царя и Царицы существует немного.

В данном случае описывать жизнь, дела, намерения Императора Николая II, оценивать Его историческую роль в контексте сложных общественно-политических перипетий российской истории нет никакой возможности. Поэтому речь пойдет главным образом о личных качествах Царя и Царицы, о мире Их Семьи.

...Эпоха последнего царствования началась в 1894 году. Тот год оказался переломным рубежом в истории России. Главным его событием стала смерть Императора Александра III и воцарение его старшего Сына.

Еще в январе 1894 года стало известно, что Александр III тяжело заболел воспалением легких и несколько дней находился в критическом состоянии. От простуды Царь излечился, но обострилась давняя почечная болезнь, и на протяжении последующих месяцев его состояние то улучшалось, то ухудшалось, пока не наступили роковые дни октября. Уже с сентября по совету врачей Монарх находился в Царской резиденции в Ливадии, в Крыму, где несколько недель под контролем лучших отечественных и европейских медиков боролся за жизнь. Развязка наступила 20 октября: в 14 часов 07 минут Император скончался.

Согласно закону и традиции новый Монарх вступал на престол сразу же после смерти предшественника. 20 октября 1894 года Царем стал Николай Александрович, взошедший на престол под именем Николая II. Уже через полтора часа после смерти отца в маленькой ливадийской церкви Ему стали присягать лица Императорской свиты и другие должностные чины.

«Милый Ники», которого так называли в семейном кругу и которого любили родственники за добрый нрав, честность и хорошие манеры, превратился в Самодержца, наделенного огромными властными функциями. Он

стал руководителем великой мировой державы и главой Императорской фамилии, породнившейся почти со всеми королевскими домами Европы. В тот момент ему было 26 лет.

Для Государя Николая II смерть отца явилась глубоким потрясением. 20 октября 1894 года Он занес в дневник: «Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого дорогого горячо любимого Папа. Голова кругом идет, верить не хочется — кажется до того неправдоподобной ужасная действительность». Любящий и послушный Сын переживал не только от потери близкого человека. Его мучили страхи и опасения, связанные с новой для Себя общественной ролью, с той невероятной ответственностью, которая была возложена Провидением на Его плечи.

В качестве Наследника Он имел мало административного опыта и делами управления до того почти не занимался. Теперь же приходилось учиться трудному делу Царского служения. Николай II, как и Его отец, верил, что Самодержавие — правление независимое и полноправное — является основой Государства Российского. Этот принцип не мог подлежать пересмотру. Он хорошо знал русскую историю, дела Своих предков, а любимыми и особо почитаемыми среди них были Царь Алексей Михайлович и отец, Император Александр III.

Многократно бывая за границей, Царь был прекрасно осведомлен о порядках и в Англии, и во Франции, и в других странах, но никогда не критиковал их. Понимал: то, что хорошо для Англии, совсем необязательно слепо копировать. Англия есть Англия, а Россия — это Россия. Здесь слишком много своего, неповторимого, и жизнь здесь течет по другим законам. Царь видел и знал, что в русской жизни немало плохого и тёмного. Не сомневался: надо многое улучшать и усовершенство-

вать. Но всё это надо делать постепенно, опираясь на свой, русский опыт, и здесь западные шпаргалки только навредить могут. Таковы основополагающие принципы политического кредо Императора Николая II.

Это был примерный муж и отец, Свой брак всегда расценивавший как великое счастье. В обстановке глубокого траура вскоре после похорон отца, 14 ноября 1894 года, Он соединил у алтаря Свою жизнь с жизнью Гессенской принцессы Алисы, принявшей Православие и при миропомазании получившей имя Александры Фёдоровны.

Алиса-Александра приходилась внучкой английской королеве Виктории и была дочерью владетельного Гессенского герцога Людвига IV и его жены, английской принцессы Алисы. Она родилась в столице герцогства, в городке Дармштадт в 1872 году. Русский Принц и англо-германская Принцесса полюбили друг друга еще задолго до свадьбы. Взаимная любовь Их «не остыла» за почти двадцать четыре года семейной жизни.

Николай Александрович через десять дней после свадьбы записал в дневнике: «Каждый день что проходит, Я благословляю Господа и благодарю Его от глубины души за то счастье, каким Он Меня наградил! Большого и лучшего благополучия на этой земле человек не вправе иметь. Моя любовь и почитание к дорогой Аликс растет постоянно».

Монарх не сомневался, что это великое счастье послал Ему Всевышний, за это благодарил непрестанно. «Дав Мне Тебя, Он дал Мне райскую, легкую и счастливую жизнь. Работа и временные трудности — ничто, пока Ты рядом со Мной. Может быть, по Моему виду это и не заметно, но Я это глубоко чувствую», — писал он в письме Своей единственной и ненаглядной летом 1899 года.

Александра Фёдоровна стала для Царя не только близким человеком, не только любимой женщиной, но и целым миром, наполненным ярким светом, непередаваемыми ароматами и восторженными ощущениями. Даже кратковременные расставания навевали тоску. «Моя дорогая — Мне так ужасно Тебя недостает, и Я так завидую фельдъегерю, который доставит Тебе это письмо — ведь он увидит Тебя, Моя обожаемая жёнушка!.. Я люблю Тебя, молюсь за Тебя и думаю о Тебе день и ночь», — исповедовался Он в письме Супруге в сентябре 1898 года.

Прошли годы, и накануне свадебного юбилея Император Николай II записал: «Не верится, что сегодня двадцатилетие Нашей свадьбы! Редким семейным счастьем Господь благословил Нас; лишь бы суметь в течение оставшейся жизни оказаться достойными столь великой Его милости».

Брак принес четырех дочерей и долгожданного сына Алексея, которого Отец просто боготворил и с Которым занимался каждую свободную минуту. После женитьбы у Николая Александровича стали меняться привычки: Он постепенно превратился в человека, для которого Семья и Бог составляли главное содержание жизни, её истинный смысл. Душевный покой Он обретал в общении с «милой Аликс» и детьми.

С трепетным волнением Супруги встречали появление Своего первенца, под знаком ожидания которого прошел первый год царствования. Мать и Отец решили: если будет мальчик, то назовут Павлом, а если девочка — Ольгой. Выбор имён был согласован с «дорогой Мама».

Неизвестно, какое состояние духа было у Царицы накануне родов, но в душе молодого Императора в это время перемешивались тревога и радость. Наконец

3 ноября 1894 года в Царском Селе в Императорской семье появилась на свет Девочка. Вот как описал это событие счастливый Отец:

«Вечно памятный для Меня день, в течение которого Я много-много выстрадал! Еще в час ночи у милой Аликс начались боли, которые не давали Ей спать. Весь день Она пролежала в кровати в сильных мучениях — бедная! Я не мог равнодушно смотреть на Нее. Около 2 час. дорогая Мама приехала из Гатчины; втроем с ней и Эллой (сестра Александры Федоровны великая княгиня Елизавета Федоровна. — А. Б.) находились неотступно при Аликс. В 9 часов ровно услышали детский писк, и все мы вздохнули свободно! Богом Нам посланную дочку при молитве мы назвали Ольгой. Когда все волнения прошли и ужасы кончились, началось просто блаженное состояние при сознании о случившемся! Слава Богу, Аликс пережила рождение хорошо и чувствовала себя вечером бодрою».

Рождению следующих дочерей Отец всегда радовался, но реагировал на эти события уже значительно спокойней. И лишь появление пятого Ребенка, сына Алексея, опять стало для Николая II радостным потрясением.

«Незабвенный великий день для Нас, в который так явно посетила Нас милость Божья, — свидетельствовал Царь 30 июля 1904 года в дневнике. — В 1 ¼ дня у Аликс родился Сын, которого при молитве нарекли Алексеем. Все произошло замечательно скоро, для Меня, по крайней мере... Нет слов, чтобы суметь отблагодарить Бога за ниспосланное Им утешение в эту годину трудных испытаний! Дорогая Аликс чувствовала себя очень хорошо. Мама приехала в 2 часа и долго просидела со Мною, до первого свидания с новым Внуком. В 5 часов поехал к молебну с Детьми, к которому собралось всё семейство. Писал массу телеграмм».

Эта радость была вызвана не только естественным чувством Отца, получившего известие о рождении Сына. На свет появился Наследник Престола, человек, к которому должно перейти вековое «семейное дело Романовых» — управление великой Империей.

Александра Фёдоровна всегда питала к Своему избраннику безбрежные чувства любви, граничащие с обожанием. «Милый, любимый Мой Ники, нет слов, чтобы выразить, как глубоко Я люблю Тебя — всё сильнее и сильнее день ото дня, глубже — вернее. Любовь Моя, Милый, веришь ли Ты в это, чувствуешь ли, как быстро бьется сердце и только для Тебя, Мой супруг», — начертала свои признания Александра Фёдоровна в дневнике Мужа, через несколько месяцев после свадьбы. Годы супружества несколько не понизили высочайший «градус» этих чувств.

И ещё одно важное, что объединяло Николая Александровича и Его Супругу: любовь к России. Если Николай II получил это полнокровное чувство, так сказать, с рождения, то у Александры Фёдоровны оно возникло и стало всеобъемлющим уже в зрелые годы и осталось с ней до самого конца земного пути.

Невзирая на все бестолковости русской жизни, Императрица Александра Фёдоровна всецело любила Россию. Это была страна простых и, в общем-то, добрых людей, а эти качества Она превыше всего ценила. Потому никогда не позволила высказать критику или возмущение по поводу русских, даже после революции, когда бывшие подданные творили невероятные жестокости в стране, а к Ним Самим не проявляли никакого великодушия. Она-то как раз его проявляла, воспринимая эти безумства как поведение распоясывавшихся детей. А на детей разве можно обижаться?

За несколько месяцев до гибели написала Вырубовой из Тобольска: «Какая Я старая стала, но чувствую себя

матерью этой страны и страдаю, как за своего ребёнка и люблю Мою Родину, несмотря на все ужасы теперь и все согрешения. Ты знаешь, что нельзя вырвать любовь из Моего сердца и Россию тоже, несмотря на чёрную неблагодарность к Государю, которая разрывает Моё сердце, — но ведь это не вся страна. Болезнь, после которой она окрепнет. Господь, смилуйся и спаси Россию!».

Александра Фёдоровна была русской патриоткой. В этом чувстве не было никакого высокомерия или не любви к другим народам и культурам. Она была русской, потому что была православной. Именно Православие испокон веков открывало людям путь в Русский дом, смысл существования и историческое предназначение которого вне Православия, помимо Православия понять и ощутить невозможно. Царица же была в Русском доме своей, став истинно русской не по «составу крови», а именно органически, по духу. Замечательно точно об этом написала Лили Ден: «Государыня была более русской, чем большинство русских, и в большей степени православной, чем большинство православных».

Госпожа Ден могла это ответственно утверждать. Она не только любила Александру Фёдоровну, но она достаточно хорошо знала Её. Уже в заточении в Тобольске Александра Фёдоровна сказала доктору Е.С. Боткину: «Я лучше буду поломойкой, но Я буду в России». Это фраза отразила глубину любви, которую испытывала Царица по отношению к стране, ставшей для Неё навсегда родной...

Любовь к Ники, к «дорогу Мальчику» владела Александрой безраздельно, до последнего земного часа. Поэтому все разговоры, подозрения и утверждения об «адюльтерах» никакого отношения к истинному положению вещей не имели. Сочиняя подобные небылицы, люди или не имели понятия о моральных качествах и

сердечной преданности Царицы, или злонамеренно инсинуировали, полагая, что о личной жизни Царской Семьи почти никто достоверно осведомлен не был.

Однако если современникам и можно сделать некоторую скидку на незнание, то исключительно дремучим историческим невежеством, коммерческим расчетом или идеологическим ангажементом можно объяснить писания некоторых современных авторов, снова и снова повторяющих давнюю клевету. Ведь столько подлинных документов оглашено, опубликовано, что, казалось бы, уж здесь должна быть полная ясность. Но оказывается, что реальные факты не нужны. Требуется дискредитация. Действительно, как сказал один из литературных героев Михаила Булгакова, «разруха не в клозетах, а в головах».

Если в душах и головах царит «разруха», если грязь — норма бытия, то чего можно ждать от таких «описателей истории»? Они ведь пишут о себе, о своих представлениях и позовах, но приписывают все эти комплексы и моральные дефекты историческим персонажам. Вот и вся психологическая подноготная подобной «историографии»!

Брак Николая Александровича и Александры Фёдоровны являлся идеальным. Невозможно представить себе союз двух людей, которые могли бы любить, ценить и дорожить друг другом больше, чем Они. Это тем более замечательный факт, что жили Они в эпоху «эмансипации», «либерализации», «демократизации», «свободы проявления чувств», когда вокруг всё подвергалось «критическому переосмыслению», в том числе и нормы семейной морали. Даже Династия испытывала постоянно натиск новых настроений.

Императору Николаю II и Александре Фёдоровне приходилось всё время сталкиваться с нежелательны-

ми ситуациями, снова и снова выработать линию поведения по отношению к какому-то члену Династии, переступившему закон-традицию. Последние десятилетия существования Монархии мезальянсы, адюльтеры, эпатажные связи, незаконнорожденные дети сотрясали Дом Романовых. Немногие достойно выдерживали испытание Царскородностью (порфирородностью).

Через многие годы после падения Монархии сестра Царя Великая княгиня Ольга Александровна сделала горестное признание: «Нет никакого сомнения в том, что распаду Российской Империи способствовало последнее поколение Романовых. Все эти роковые годы Романовы, которым следовало бы являть собой самых стойких и верных защитников Престола, не отвечали нормам морали и не придерживались семейных традиций... Большинство из нас досаждали Ники и даже и устраивали сцены в Его присутствии, чтобы удовлетворить свои интересы, свои ничтожные помыслы. Придирались ко всему, что Он делал или не делал».

Безукоризненной всех выглядели Венценосцы. Эта безукоризненность, что называется, «жгла глаза», заставляя некоторых родственников принимать участие в недостойной игре по тиражированию слухов, задевавших честь Царя и Царицы.

Вот только один, но, может быть, самый характерный и вопиющий пример — сестра Николая II Ксения Александровна. В 1894 году она вышла по любви замуж за своего двоюродного дядю и друга юности Николая Александровича Великого князя Александра Михайловича («Сандро»). Брак был счастливым и принёс семерых детей: девочку Ирину, ставшую в 1914 году женой Феликса Юсупова, и шестерых сыновей. К моменту рождения младшего Василия в 1907 году великокняжеский брак превратился практически в фикцию.

Александр Михайлович уже имел «привязанность» на стороне, да и Ксения недолго после родов оставалась обманутой женой. У неё появился некий «мистер Фэн», родом шотландец, сопровождавший Великую княгиню и в поездках за границей, и во время отдыха в Крыму. Самое поразительное, что муж и жена «обсудили ситуацию» и пришли к заключению, что это «нормально». Объяснение случилось в июне 1908 года по дороге из Биаррица в Россию. Ксения Александровна запечатлела этот факт в дневнике.

«Сколько хотелось друг другу сказать, но мы не могли говорить — так было грустно! Наш поезд уходил в 1.50, и мы приехали за пять минут. Ехала опять с Е., а Сандро с ней — и простились в моторе, они не пошли нас провожать, мы все решили, что так лучше — ужас, ужас, как было грустно, слов нет — мы еле держались. В вагоне дали волю своим чувствам, и оба плакали! Во всём признались друг другу — мне он простил, мой милый муженек, но сам признался в чувствах к ней».

Они продолжали поддерживать видимость брака, хотя никакого супружества между ними уже не было. Их не смущало, что возлюбленная мужа и возлюбленный жены были введены в семейный круг и представлены детям как «друзья». Это союз «четырёх» потрясал всех, кто попадал в этот великокняжеский дом. Избранница Александра Михайловича госпожа Вотобан оказалась американкой, была замужем за владельцем бань в Нью-Йорке! «Мистер Фэн» тоже не блистал высоким родословием, но шокировало совсем не это.

Дочь Царя Александра III (Ксения) и внук Царя Александра II (Александр) открыто, на глазах, что называется, всего света, и главное, своих детей — позволяют себе заводить любовные связи! Александра Фёдоровна об этой скандальной истории знала, но никогда не по-

звонила себе упрекнуть словом или намёком. Никогда ни с кем её не обсуждала. Она относилась к сестре Мужа с ровной симпатией. Но вот Ксения вела себя совершенно иначе. Она с каким-то патологическим упоением собирала сплетни и слухи о Царице. Не только собирала, но и распространяла. И главное, она постоянно доносила их до ушей матери — Императрицы Марии Фёдоровны¹.

Александра Фёдоровна знала о многих нелюбезных суждениях о Себе. Она старалась не придавать им значения, хотя некоторые, особенно задевавшие Ее женскую честь, ранили жестоко. Как написала позже близкая приятельница Царицы Лили (Юлия) Ден, «Она знала и читала всё, что говорили и писали о Ней, однако, несмотря на то, что авторы анонимных писем пытались очернить Её, а журналисты обливали Её грязью, ничто не прилипало к Её чистой душе. Я видела, как Она бледнеет, как глаза наполняются слезами, когда что-то особенно подлое привлекало Её внимание. Однако Её Величество умела видеть сияние звёзд над грязью улицы»².

Эта невосприимчивость к обличениям петербургского света сыграла свою роль в случае с Распутиным. Если о Ней, Царице, пускали в обращение ни на чем не основанную грязную клевету, то почему Она должна была реагировать на обвинения в мерзких поступках человека, который дорог Ей и Ники и который ничем себя постыдным перед Ними не проявил? Такой взгляд был вполне логичен.

¹ Великий же князь Александр Михайлович написал в эмиграции воспоминания, где сумел не только облить грязью многих родственников, но и вознес хулу даже на преподобного Серафима Саровского! Его «Воспоминания» — показатель моральной деградации некоторых из тех, кто принадлежал к Царскому роду.

² Подробнее об этом см.: *Боханов А.Н. Александра Фёдоровна. М., 2008.*

По словам фрейлины баронессы С.К. Буксгевден, Царица Александра «проявляла интерес ко всем при Дворе: от первой фрейлины до последней служанки, и часто помогала скромным людям и их семьям так, чтобы никто не знал об этом. Она была справедлива в истинно христианском смысле и помогала людям независимо от их положения в обществе. Она с готовностью навещала как больную служанку, так и любую из фрейлин».

Известны просто поразительные случаи Ее заботы о людях, которых при Дворе никогда ранее не наблюдалось. Когда ее молодая фрейлина княжна С.И. Орбелиани (Джамбакуриан-Орбелиани)¹ тяжело заболела в 1906 году, то Александра Фёдоровна восприняла это так своё личное дело. Девушка была сиротой,² и Императрица окружила ее материнской лаской и заботой. Соня была помещена во дворец, в комнате рядом с комнатами Великих Княжон.

Александра Фёдоровна ежедневно навещала неизлечимую больную (у неё был прогрессирующий паралич позвоночника), нередко оставалась рядом с ней на ночь. Как отмечала С.К. Буксгевден, «ни одна мать не могла бы заботиться больше о своем ребенке».

Когда по прошествии девяти лет Соня умерла в конце 1915 года, то Царица писала Супругу: «Вот и еще одно верное сердце ушло в страну неведомую. Я рада, что здесь для нее всё кончилось, потому что в дальнейшем ей суждены были тяжелые страдания. Да упокоит Господь ее душу с миром и да благословит ее за великую любовь ко Мне во все эти годы».

Царица умела распознавать душевные качества человека. И не удивительно, что большинство из тех, кого

¹ Соня Орбелиани стала фрейлиной в 1898 году в возрасте 23 лет.

² Ее отец, князь И.И. Орбелиани, и мать, урожденная княжна М.Д. Святополк-Мирская, к этому времени уже умерли.

лично Императрица принимала на службу, сохранили верность Семье до самого конца. Некоторые заплатили за преданность собственной жизнью: доктор Евгений Сергеевич Боткин, «комнатная девушка» Анна Степановна Демидова, фрейлина графиня Анастасия Васильевна Гендрикова, лакей Ивап Дмитриевич Седнев¹, камердинер Государя Алексей (Алозий) Егорович Трупп, повар Ивап Михайлович Харитонов, «дядька» Цесаревича Климентий Григорьевич Нагорный. Их расстреляли в том, страшнопомятном июле 1918 года...

«Вера, Надежда, Любовь — это всё, что имеет значение», — не раз говорила Александра Фёдоровна. И то не была пустопорожняя декларация. Это убеждение души. Она умела любить, и Она умела дружить. Дружба для Неё тоже являлась проявлением любви. Она была и здесь преданной и верной, а мнение других в данном случае не имело никакого значения. Она слушала голос Своего сердца, лишь ему доверяла. Однажды призналась Лили Ден: «Меня не заботит, богато то или иное лицо или же бедно. Для Меня друг, кем бы он ни был, всегда останется другом».

С ранних лет Алиса-Александра искала преданности и простоты, честности, отзывчивости, безусловно верила в истинную справедливость, беспрекословно верила в высшую Истину — Иисуса Христа. Она стремилась пройти земной путь смиренно, честно, добродетельно и без лукавства. Она не умела лгать, с трудом выносила светское лицедейство, и если бы имела право выбирать, то, не колеблясь, избрала бы иную стезю. От-

¹ Его сын Леонид (1904–1929) являлся товарищем детских игр Цесаревича Алексея. Мальчика выгнали из Ипатьевского дома в Екатеринбурге накануне убийства Семьи. Прошло одиннадцать лет, и в 1929 году Леонида расстреляли в Ярославле за «контрреволюционную деятельность».

дав себя всю без остатка любимому Мужчине, Она вынуждена была платить высокую цену: находиться на арене всю оставшуюся жизнь, играть роль, которая по складу характера Ей совсем не импонировала.

Последней Царице в обществе всегда не хватало искусства «куртуазности», тонкого мастерства светскости, которым в совершенстве владела Ее свекровь, Императрица Мария Фёдоровна. В итоге за Свою публичную «сольную партию» супруга Николая II не только рукоплесканий не заслужила, но Её затопали и ошिकाки задолго до того, как опустился занавес.

Даже после страшной гибели имя Александры Фёдоровны сочувствия не вызвало: Ей в памяти потомков пытались отвести роль изгоя, «злого гения» Династии, Империи, России. Она не знала, что будет так, но если бы и знала, то вряд ли бы пошла иным путем. С горечью об этом незадолго до своей смерти в 1960 году говорила сестра Николая II Великая княгиня Ольга Александровна: «Из всех нас, Романовых, Аликс наиболее часто была объектом клеветы. С навешанными на Неё ярлыками Она так и вошла в историю. Я уже не в состоянии читать всю ложь и все гнусные измышления, которые написаны про Неё».

Последняя Царица не умела выбирать удобную дорогу, была не способна «играть жизнь». Но ни одного мига Своего земного бытия не сомневалась, что всё решает Господь Бог, и коль Он уготовил тяжелый земной удел, изменить того никто не в силах.

Ее связь с Россией стала нерасторжимой в Кобурге 8 апреля 1894 года, когда Она дала согласие стать женой беспредельно любимого Цесаревича Николая, хотя до того несколько раз говорила «нет». Тогда и потом много размышляли над тем, почему же Алиса Гессенская так долго отвергала предложение.

Некоторые находили такое поведение «капризом», другие «самодурством», третьи же уверенно говорили о том, что принцесса «кривлялась», старалась «набить цену». Но все эти объяснения не подходят; они не отражают душевный облик, характер последней Царицы. Прагматические расчеты, эгоистические устремления, тонкие интриги — это арсенал не Ее средств и к подобному Она никогда не прибегала. Это искренняя, добропорядочная и добросердечная натура. Как Женщина и как Мать Алиса-Александра проявила Себя безукоризненно.

Однако перед публикой Она представала в первую очередь как Императрица, обязанная «играть по правилам», не Ею изобретенным. Должна была приспособиваться к нежеланному: участвовать в бесконечных церемониях, любезничать с неприятными людьми, лицедействовать, и лицедействовать без конца.

Подобное насилие над Собой всегда выносила с трудом и нередко переступала через устоявшиеся «нормы поведения», пустой, но непреложный великосветский политес. Пренебрежения к себе, неумение исполнять «августейшую роль» в мире родовитых и именитых не прощали никому. Даже Царице.

По поводу своих светских способностей Государыня Александра Фёдоровна не заблуждалась. Уже будучи Императрицей призналась в письме одной близкой знакомой: «Я не могу блистать в обществе, Я не обладаю ни легкостью, ни остроумием, столь необходимыми для этого. Я люблю духовное содержание жизни, и это притягивает Меня с огромной силой. Думаю, что Я представляю тип проповедника. Я хочу помогать другим в жизни, помогать им бороться и нести свой крест». Но с первых шагов пребывания в России Ей нужно было самой себе помогать «нести крест».

Немецкие принцессы, выходя замуж за представителей Дома Романовых, могли сохранять свою преданность фамильной конфессии. У супруги же Наследника Русского Престола, будущей Императрицы, права выбора не было. Принадлежность к Православию являлась обязательной. Это было непрременной традицией, свято соблюдаемой на протяжении столетий существования Монархии. Несомненно, что природная твердость характера и преданность убеждениям не позволяли Алисе Гессенской легко изменить религиозные привязанности.

Принцесса долго мучилась, колебалась и переживала, когда выяснилось, что для соединения с любимым необходимо изменить клятве верности, данной при совершеннолети, и отречься от лютеранской веры. При стойкости Ее убеждений, подобное сделать было очень нелегко. Объясняя собственное упорство, именно это обстоятельство Она всегда и приводила. Но есть основания полагать, что существовала еще одна тайная причина, о чём она боялась говорить, но которая многое объясняет. Причина эта была медицинского свойства.

Алиса прекрасно знала, что ей надлежит не только соединить свою жизнь с жизнью Ники, не только в будущем стать Царицей в огромной Империи, но и исполнить свой первый и важнейший долг — дать продолжение Императорскому роду, подарить мужу и России Наследника Престола. И тут неизбежно возникало опасение, связанное со страшной болезнью — гемофилией (несвертываемостью крови).

Недуг передавался по женской линии, но лишь представителям мужского пола. Гемофилия считалась (и до сих пор считается) неизлечимой, но особенно опасной бывает в первые 15–20 лет жизни. У страдающего гемофилией человека любой ушиб, царапина, кашель, удале-

ние зуба и какая-нибудь иная жизненная ситуация, связанная с кровотечением, могла привести к летальному исходу.

Происхождение недуга было неясным, проявления его являлись неожиданными, и каждый приступ мог оказаться роковым. Эту болезнь крови, вызываемую загадочными генетическими мутациями и особо распространенную в высшем свете, иногда называли «болезнью королей».

По непонятной причине гемофилия проявилась у Королевы Виктории, прямые потомки которой стали ее носителями. Восьмой ребенок королевы Виктории, ее четвертый сын Леопольд, родившийся в 1853 году, оказался гемофиликом. Мать была потрясена, когда о том узнала. Он скончался в 1884 году, в возрасте 31 года, и королева горько переживала. Матримониальные связи привели к тому, что от английской королевы, через её дочерей и внучек гемофилия перешла к монархическим домам Испании, России, Германии.

Когда умер дядя Алисы принц Леопольд, Принцессе исполнилось 12 лет. Но еще раньше, в 1873 году, от подобного же заболевания погиб Ее старший брат, трехлетний Фридрих. Хотя Она сама того не помнила, но, повзрослев, слышала рассказы о мучениях маленького Фритти. Потом, уже в девических летах, узнала, что сыновья Ее старшей сестры Ирэны, вышедшей замуж за принца Генриха Прусского в 1888 году, получили страшное бабушкино наследство.

Мимо сознания Алисы не могли пройти подобные зловещие предзнаменования. Всю жизнь Она трепетно относилась к несчастьям и трагическим случаям. Загадочная болезнь, в которой некоторые видели Божью кару за несправедную жизнь, интересовала Внушку королевы Виктории. Известно, что она читала труды ав-

стрийского естествоиспытателя Менделя, где анализировались важнейшие факторы наследственности. Она боялась. Боялась, что Ей выпадет эта жуткая участь — произвести на свет мальчика-гемофилика. Надо думать, что эти страхи в неменьшей степени, чем перемена конфессии, заставляли упорно говорить «нет» на предложения брака из России.

Если бы не любила Цесаревича Николая столь пламенно, так страстно и глубоко, то никогда бы не согласилась. Но зов сердца победил тайные опасения и страхи. Она дала согласие, в конце концов уверившись, что раз все этого желают, значит, то не грех, значит, так уютно Господу. Ведь любовь, искренняя и настоящая, в том не сомневалась, — милость Божья.

Это как жизнь, как смерть. Этого нельзя отринуть, нельзя избежать, это надлежит смиренно и благодарственно принимать. Она приняла, став по-настоящему счастливой, как никогда уже не была с самого детства. «Да, воистину, любовь — высшее земное благо, и жаль того, кто ее не знает», — написала в одном из писем Своему Жениху.

Знала, что Сама любима, любима честным и преданным человеком, и думала только об одном: что сделать, как вести Себя, чтобы быть достойной высокого, святого чувства.

В апреле 1894 года началась интимная переписка Николая Александровича и Александры Фёдоровны, тогда еще Алисы (несколько более ранних писем в данном случае не в счет). Она длилась более двадцати лет и донесла до потомков мысли, чувства, боль и радость Этих Людей, Их земные заботы, надежды и печали, Их живые голоса.

Супруги всегда друг перед другом были абсолютно откровенны, никогда не лукавили, думали и восприни-

мали мир в одинаковых цветах, хотя у Александры Фёдоровны порой и преобладали более резкие тона.

В одном из первых писем Принцесса заметила: «Я такая же, как Ты, Я тоже стесняюсь выражать Мои чувства, и Мне хотелось так много Тебе сказать и о стольком спросить, но Я не посмела. Нам придется побороть эту слабость, как Ты думаешь?».

С годами Они стали понимать друг друга с полуслова, без всяких недомолвок. При этом каждый оставался самим собой, и их человеческие индивидуальности в полной мере отразили сохранившиеся послания. Став мужем и женой, Они редко расставались; лишь Первая мировая война принесла длительные разлуки. Поэтому и основной массив этих документов отражает главным образом досвадебный и военный периоды их жизни.

В этой переписке много важного и значимого. Без нее трудно представить внутренний мир Венценосцев. Там много и интимного, не предназначенного для чужих глаз. Но у героев истории права на тайну не существует; всё или почти всё рано или поздно становится достоянием толпы. И переписка Императора и Императрицы стала достоянием публики. И тот, кто хоть раз прикоснулся к этим исповедальным документам, не может не восхититься чистотой Их взаимной любви.

Некоторые места трудно читать без смущения, но читать их надо, чтобы понять, что и в реальном мире, а не только в романах, могут существовать безбрежные чувства.

«Благословляю Тебя, целую Твое дорогое лицо, милую шею и дорогие любимые ручки со всем пылом горячо любящего сердца».

«О, если бы у Меня были крылья, чтобы прилетать каждый вечер к Тебе и радовать Тебя Моей любовью!»

Жажду обнять Тебя, осыпать поцелуями и почувствовать, что Ты Мой собственный».

«Ночью Мне было одиноко, и каждый раз, как Я просыпалась и протягивала руку, Я касалась холодной подушки, а не родной теплой руки, и некому было ткнуть, потрясти или потормозить Меня, чтобы разбудить».

«Сердце болит за Тебя, и Я знаю, какая у Тебя будет ночь — так и полетела бы к Тебе, чтобы сжать Тебя в Своих объятиях, осыпать Тебя поцелуями и сказать Тебе о Моей великой любви и о том, как она растет день ото дня, наполняя всю Мою жизнь».

Интимными чувствами пронизаны и многие послания Жениха и Супруга. «Как Мне благодарить Тебя за два Твоих милых письма и за ландыши? Я прижимаюсь к ним носом и часто целую — Мне кажется, те места, которых касались Твои милые губы...»

«Дорогая Моя, Я тоскую по Тебе, по Твоим поцелуям и ласкам!» «Моя дорогая! Приди ко Мне на минуту, Я хочу показать тебе несколько хороших вещей. Дай Мне поцеловать Твое очаровательное личико. Люблю, люблю Тебя безумно».

Став в апреле 1894 Женихом и Невестой, они писали друг другу почти ежедневно. Молодых занимала только любовь, только описание счастья. Впереди виделась лишь радостная даль. Время распорядилось иначе.

В начале октября 1894 года (в России было 5-е число, а в Германии — 17-е) Аликс получила телеграмму от Ники, где тот, ссылаясь на просьбу отца, просил Ее немедленно прибыть в Ливадию. Бросив все дела, Она устремилась туда, чувствуя сердцем, что надо спешить. И не ошиблась, оказавшись у одра умирающего Императора. Ники был расстроен, но встретил невесту с восторгом. Она была счастлива.

В те ливадийские и последующие дни, когда перевозили тело усопшего в Петербург, Аликс, ставшая уже Александрой Фёдоровной, оказалась в центре драматических событий. Ничего подобного в Ее жизни ещё не случалось. Нет, Сама она ничего не решала, и к Ней мало кто обращался, но вот Ники было невероятно тяжело. Умная, чуткая и эмоциональная, Она сразу же заметила, что вокруг столько лжи и нераспорядительности. За каждой мелочью бежали к Тронепреемнику, а затем Царю, а получив указание, не спешили исполнять.

Она уже знала многое из русской истории и не сомневалась, что в России надо править справедливой, но властной рукой. Русские понимают и принимают только такую власть. Ее же возлюбленный такой деликатный, добросердечный, и Она ощущала, что Его с первого дня опутывают интригами. 15 октября 1894 года записала в дневнике Ники:

«Будь стойким и прикажи доктору Лейдену и другому, Гиршу, приходить к Тебе ежедневно и сообщать, в каком состоянии они его находят, а также все подробности относительно того, что они находят нужным для него сделать... Не позволяй другим быть первыми и обходить Тебя. Ты — любимый сын Отца, и Тебя должны спрашивать и Тебе говорить обо всем. Выяви свою личную волю и не позволяй другим забывать, кто Ты». Наставление «быть твердым» Она потом будет многократно повторять Супругу.

Александра Фёдоровна, с детства испытав и многократно пережив одиночество и нелюбовь окружающих, встретив подобное отношение к Себе в России, отнеслась к нему с чувством стойкого безразличия. Почти до самого конца не стремилась ничего изменить. Незадолго до революции однажды с безнадежной грустью сказала: «В глазах России Я всегда не права».

Выполняя многочисленные церемониально-династические обязанности, Она смотрела на окружающий придворно-аристократический мир с холодным отчуждением, прекрасно сознавая всю фальшь и враждебность его. Дорогой Ники заполнял жизнь, и Она старалась поддержать и утешить Того, Кто нёс тяжелое бремя исторической ответственности.

Через несколько месяцев после замужества Царица писала немецкой приятельнице: «Я чувствую, что все, кто окружает Моего мужа, неискренни, и никто не исполняет Своего долга ради долга и ради России. Все служат Ему из-за карьеры и личной выгоды, и Я мучаюсь и плачу целыми днями, так как чувствую, что Мой муж очень молод и неопытен, чем все пользуются».

Не складывались теплые отношения и со свекровью, Императрицей Марией Фёдоровной. Они так не походили друг на друга. Нельзя сказать, чтобы Мария Фёдоровна просто «не любила» Александру Фёдоровну. Не было душевного расположения. Старая Императрица и по отношению к себе его тоже не ощущала.

Отношение свекрови к Невестке со временем менялось. Сначала было безразличие, потом ласковая снисходительность, сменившаяся сожалением и сочувствием к Сыну, к Александре Фёдоровне и ко всем, кто оказался заложником драматических коллизий последнего царствования. Она видела, что Ники любит Аликс, а это было самое главное. Своим чувствам здесь она не придавала особого значения.

Формально Государыня Александра Фёдоровна вела себя безукоризненно: писала свекрови письма, наносила визиты, передавала приветы, непременно поздравляла с праздниками, не роптала, когда шла позади неё на торжественных церемониях. Но Мария Фёдоровна чем дальше, тем больше убеждалась, что Невестке она не

нужна, что Та тяготится ее присутствием и не расположена продолжать общение дольше приличествующего. Жена Сына не искала сближения. Вдовствующая Императрица платила Ей тем же.

Александра Фёдоровна, любя Мужа больше жизни, ни с кем не желала делить Свое полное и неоспоримое право на Него. Через две недели после свадьбы записала в дневник Мужа: «Отныне нет больше разлуки. Наконец Мы соединены, скованы для совместной жизни, и когда земной жизни придет конец, Мы встретимся опять на другом свете, чтобы быть вечно вместе».

Она не умела отступать и не считала нужным во имя дворцового протокола переступить через личные пристрастия и представления. С трудом шла на компромисс и, часто лишь преодолевая Себя, делала «что надо». Она «не умела нравиться».

Это отражалось на многих Ее отношениях, в том числе и с Марией Фёдоровной. Вдовствующую Императрицу расстраивало дуновение «ледяного ветерка»: со стороны Александры Фёдоровны и ее окружения. О том, что две Царицы не питали расположения друг к другу, приближенные узнали, как обычно, раньше, чем это нерасположение хоть как-то проявилось на самом деле.

В салонах, конечно же, начались разговоры о «ненависти», о том, что старая Царица не хотела отдавать Молодой коронные драгоценности, что она устраивала истерики сыну, а молодая Царица осаждала мужа жалобами на свекровь, и так далее. Все эти утверждения не стоили и выеденного яйца, но тема отношений Цариц «занимала» немалое число умов.

Мать Императора Николая II не могла не обратить внимания на то, что в подругах у невестки появились три дамы, о которых ничего приятного сказать не могла. Две черногорские принцессы Милица Николаевна

(жена Великого князя Петра Николаевича), Анастасия Николаевна (жена герцога Георгия Лейхтенбергского) и Великая княгиня Мария Павловна, которую вся родня называла Михень.

Двух первых Мария Федоровна почти не знала; говорили о них разное, часто неприятное. Но вот третья была известна не понаслышке. Там где Михень, там непременно жди эпатажа, сплетни, скандала. Свекровь переживала, что «бедная Аликс» ввиду неопытности может легко обмануться.

Однако Мария Федоровна недооценивала Невестку. Александра Федоровна не была далеко так проста, как могло показаться, и уж меньше всего была способна стать управляемой. Напористой и самоуверенной Марии Павловне пришлось быстро убедиться, что невозможно стать ментором Александры Фёдоровны, и их близкие отношения скоро сошли на нет.

У последней Царицы в России был только один Человек, Которому неизменно и бесконечно всегда доверяла: любимый Муж, «обожаемый Ники».

При несомненной недружественности отношений Государыня Александра Фёдоровна никогда не позволила Себе ни одного выпада по поводу Царицы-матери. Во многих других случаях вела себя совершенно иначе и нередко открыто демонстрировала нерасположение. Сановно-придворный мир простил бы многое, но только не это. Для отравленных ядом злословия стрел высшего света нашлась подходящая мишень.

Стоическая крепость духа Царицы перед лицом людской нелюбви и ненависти поддерживалась и питалась любовью к Супругу и Детям. Для Александры Фёдоровны семья была главной заботой, Её миром, «Её Царством». Там Она правила нераздельно, для счастья Ники и России.

Когда родились Дети, то целиком погрузилась в материнские заботы. Именно в детской чувствовала Себя надежно, уверенно, спокойно. Здесь Она полностью раскрывалась, здесь всё было Ее. Глядя на Детей, Императрица часто улыбалась, в других же случаях улыбка озаряла Ее лицо нечасто.

Она стала матерью четырех дочерей. После Ольги 29 мая 1897 года родилась Татьяна; 14 июня 1899 года — Мария, а 5 июня 1901 года — Анастасия. ОТМА — таково было их условное общее обозначение, составленное по первым буквам личных имен, которым пользовались в Царской Семье. О Великих княжнах известно немного, так как близко Они общались с очень ограниченным кругом лиц, из которых мало кто пережил кровавый вихрь революции.

Здесь особо значимы наблюдения швейцарца Пьера Жильяра, более десяти лет близко наблюдавшего жизнь Царской Семьи, сначала в качестве учителя старших Дочерей Царя, а затем гувернёра Наследника.

«Старшая Ольга Николаевна отличалась быстротой сообразительности и, будучи весьма рассудительной, в то же время проявляла своеволие, большую независимость в обращении и высказывала быстрые и забавные возражения... Она усваивала всё чрезвычайно быстро и умела высказывать своеобразное мнение относительно того, что Она изучала... Она очень любила читать в часы, свободные от занятий».

«Татьяна Николаевна, по натуре более осторожная, очень спокойная, с большой силой воли, но менее открытая и своевольная, чем старшая Сестра. Она не отличалась большими способностями, но Она вознаграждала этот недостаток Своей последовательностью и уравновешенностью характера. Она была очень красива, но не так очаровательна, как Ольга Николаевна...

Благодаря Своей красоте и качествам, которыми Она обладала, Татьяна Николаевна в обществе затмевала Свою старшую Сестру, которая менее внимательная к Своей особе, была не так заметна. Однако эти две Сестры нежно любили друг друга».

«Мария Николаевна была красивая девочка, велика для своего возраста, отличалась цветущим здоровьем и обладала чудными серыми глазами. Будучи простою в обращении, отличаясь сердечною добротою, Она была одно самодовольствие... Анастасия Николаевна, наоборот, была очень резвая и лукавая. Она живо усваивала смешное, благодаря чему трудно было противостоятъ Ее остромам. Она была слегка бедовым ребенком, недостаток, который исправляется с возрастом. Обладая ленью, очень присущей детям, Она имела прекрасное французское произношение и играла небольшие сценны из комедий с истинным талантом ... Словом, то, что было самого лучшего у этих Четырех Сестер и довольно трудно поддавалось описанию, — это Их простота, естественность, искренность и безотчетная доброта. Их мать, которую Они обожали, была как бы непогрешимой в Их глазах».

Девочки рождались крепкими и здоровыми, и Их образованию и воспитанию Государыня Александра Фёдоровна посвящала много времени. Сама составляла программы занятий, подбирала учителей, лично занималась, обучала манерам, языкам, рукоделию, беседовала на духовные темы. С годами Ей приходилось все больше и больше задумываться над будущим дочерей, которым в силу исключительного положения было чрезвычайно трудно устроить семейное счастье.

В ноябре 1915 года Царица писала Мужу: «Жизнь — загадка, будущее скрыто завесой и, когда Я гляжу на Нашу взрослую Ольгу, Мое сердце наполняется трево-

гой и волнением; что Ее ожидает? Какая будет Ее судьба?». О грядущей апокалипсической судьбе всей Своей Семьи любящая Мать и предположить не могла...

Почти все первые десять лет супружества радость и счастье Александры Фёдоровны были неполными. Её мучило чувство вины перед «дорогим Ники» и перед страной за то, что Она не может подарить Наследника. Она молилась и ждала милости Всевышнего. Терпение и настойчивость были вознаграждены. Летом 1904 года в Петергофе, в самый разгар бесславной Русско-японской войны и почти через десять лет после замужества Царица родила Сына. Александра Фёдоровна просто блаженствовала, а Николай Александрович каждый день ощущал неизбывную радость, которой давно уже не помнил.

Безмерное родительское счастье вскоре было омрачено. Не прошло и шести недель, как стало выясняться ужасное. 8 сентября 1904 года Император записал: «Аликс и Я были очень обеспокоены кровотечением у маленького Алексея, которое продолжалось с перерывами до вечера из пуповины!». Вскоре пригласили лейб-медиков, наложили повязку, через несколько дней кровотечение прекратилось.

Царица первое время сокрушалась, одна мысль не давала покоя: неужели у маленького эта страшная гемофилия, против которой медицина бессильна? Но остается Господь, который, подарив Сына, и дальше не оставит. «Бог никогда Нас не забывает», — заметила Александра в письме Супругу вскоре после рождения Сына. Она не верила в случайность, во всем умела видеть Высший Промысел: «О, Господь поистине добр, пошлав Нам этот Солнечный Лучик теперь, когда Мы так в нём нуждаемся».

Однако, как Она знала наверняка из Священного Писания и наставлений Отцов Церкви, Божью благо-

дать надо заслужить. Она стремилась реализовать это намерение, и Царь полностью разделял устремления Жены. Надо было вести образ жизни, угодный Богу, и избегать мирской суеты.

Царская чета свела к минимуму демонстрации роскоши и величия Императорского двора. Были прекращены пышные, грандиозные и дорогие Царские увеселения (последний раз в истории Империи великолепный костюмированный бал состоялся в начале 1903 года).

Однако целиком самоустраниться от традиций, роскоши и представительских обязанностей Императрица, конечно же, не могла. Она вынуждена была присутствовать на парадных мероприятиях даже тогда, когда сердце разрывалось от горя, должна была встречаться постоянно с какими-то людьми, когда душевных сил для общения почти не было, когда все помыслы были устремлены туда, где лежал Ее тяжело больной ребенок.

Когда же Цесаревич не болел, сердце Матери переполняло блаженство. Она вообще придерживалась английского метода воспитания детей, уверенная, что маленьких нельзя баловать, что надо сочетать любовь и строгость. В отношении же Сына это у Нее плохо получалось. Чувства брали верх над педагогическими принципами.

Англичанин Сидней Гиббс, с 1908 года учитель английского языка Царских Дочерей, а потом гувернёр Цесаревича, вспоминал об Алексее Николаевиче: «Он был веселого нрава, резвый мальчик. Он очень любил животных и имел доброе сердце. На Него можно было действовать, действуя главным образом на Его сердце. Требования мало на Него действовали. Он подчинялся только Императору. Он был умный мальчик, но не особенно любил книги. Мать любила Его безумно. Она старалась быть с Ним строгой, но не могла, и Он большую

часть своих желаний проводил через Мать. Неприятные вещи Он переносил молча, без ропота».

После рождения Сына Алексея на свои представительские обязанности Императрица стала смотреть как на акт самопожертвования и искренне возмущалась, когда другие начинали жаловаться ей на свою тяжелую участь. Груз же ноши Самодержцев ни с чем не мог сравниться. Вращение в фальшивой и чванливой придворной среде и бесконечные встречи с докучливыми родственниками Ей никогда не доставляли удовольствия, но с этим тоже приходилось мириться.

О том, что Наследник Престола, очевидно, унаследовал эту страшную гемофилию Родители никому не сообщали. Всё держалось в строжайшем секрете, и даже близкие родственники начали о том догадываться лишь по прошествии значительного времени. Никаких официальных сообщений и даже семейных уведомлений не делалось.

Желание Александры Фёдоровны изолировать Себя и Детей от любопытных взоров лишь подогревало интерес в свете, и чем меньше здесь было действительных сведений о жизни Царей, тем больше появлялось домыслов и предположений. При такой нелюбви, которую вызывала Императрица, они изначально не могли быть благоприятными.

Злоязычный и беспощадный аристократический мир скорее бы простил Ей адюльтер, чем пренебрежение к себе. Он платил фабрикацией слухов и сплетен, к чему постепенно подключились и либеральные круги, где критические суждения, а потом и осуждения Романовых, и в первую очередь Александры Фёдоровны, сделались как бы «хорошим тоном». Развитию этого, своего рода промысла способствовали два обстоятельства: замкнутость жизни Венценосцев и безнаказанность инсинуаторов.

Природа Самодержавия не давала возможности воспрепятствовать распространению домыслов. В печати о жизни Семьи практически ничего не публиковалось, кроме официальных известий о Царских поездках, приемах и присутствиях.

Сделать же Свой дом доступным для обозрения алчной до сенсаций толпы ни Николай II, ни Александра Фёдоровна никогда бы не смогли; для Них это явилось бы кощунством. И опуститься до публичного опровержения циркулировавших слухов также не имели возможности. И всё оставалось годами неизменным: одни инспирировали сплетни, которые, не встречая никакого противодействия, охватывали всё более широкие общественные круги, а другие оставались выше этого, и лишь еще тщательнее изолировались от враждебного мира.

Царица оказалась перед жестоким и беспощадным выбором: добиться расположения в обществе или отстоять жизнь Ребенка любыми средствами. Компромисса тут не существовало. Медицина была бессильна, а сил на придворно-светские обязанности оставалось всё меньше и меньше. Свой святой долг Она видела в преодолении безысходных обстоятельств. За это Она готова была платить любую цену. И Она её заплатила.

Когда перед кроватью больного Наследника появился необычный человек из Сибири, молитва которого вдохнула жизнь в угасающее тельце (первый раз такое случилось в 1907 году), выбор был сделан без колебаний. Она собственными глазами увидела благорасположение Небес, она воочию узрела руку Провидения.

Сестра Царя Великая княгиня Ольга Александровна, постоянно бывавшая в Царском доме и допущенная к самым сокровенным тайнам, незадолго перед смертью признавалась, что лично не раз наблюдала чудодейственные способности Григория Распутина. Нет, она

сама никогда лично не пользовалась его даром, но видела много раз феноменальное целительное мастерство крестьянина из Сибири.

«Я сама не раз наблюдала чудодейственные результаты, которых он добивался. Мне также известно, что самые знаменитые врачи того времени были вынуждены это признать. Профессор Фёдоров, самый знаменитый хирург, пациентом которого был Алексей, сам не раз говорил мне об этом. Однако все доктора терпеть не могли Распутина».

Антипатия медицинской корпорации вполне понятна и объяснима. Неизвестно откуда взявшийся мужик облегчает страдания и излечивает Наследника Престола, в то время как носители высоких научных знаний и званий показывали свою полную беспомощность.

Но никто не рискнул открыто признать это. Никто не сказал доброго слова. Наоборот, из этих кругов не раз выходили оскорбительные и уничижительные суждения. Тем значимее признания Великой княгини Ольги Александровны. Она никогда никаких «чар» на себе не испытывала, с трудом вынесла несколько встреч с Распутиным, но сумела сказать правду о том, чему была очевидцем. Она смогла быть честной, не боясь обвинений в свой адрес, что и она «распутинка».

Александра Фёдоровна людской молвы не боялась. Она верила своему сердцу, сердцу Христианки и Матери, которое Ее редко обманывало. Григорий — человек Божий. Он наделён чудным даром, который ниспослан лишь тем, кого Господь, по Своей неизъяснимой воле, выбирает среди остальных. Она прекрасно знала святоотеческие предания и Священное Писание. Она знала, что так было всегда. Всегда избранники Божии — объект клеветы и злобы толпы человеческой, всегда их старались опорочить, обливать грязью.

Да и в недавнее время сходное наблюдала. Сколько всяких пакостных небылиц сочиняли про великого

молитвенника Иоанна Кронштадского! Сколько на­мёков самого низкопробного свойства отпускалось по Его адресу в столичном обществе. Даже и после смерти Батюшки в конце 1908 года не успокоились. В «передо­вых» газетах можно было прочитать такие ядовитые двусмысленности, что просто диву можно было давать­ся, как рука не отсохнет у хулителей.

Так и с Григорием. Он спасает Сына, утешает надеж­дой, он так истово молится Сама не раз наблюдала, как глубоко верует, так Им предан. Последнее и служит по­водом для клеветы.

Опять, как и про отца Иоанна, одно и то же: раз­вратник, а то и еще хлеще: сектант, «хлыст». Если бы та­кое было, разве ходил бы он месяцами в паломничества по Святым местам и Православным обителям, разве стал бы Григорий испытывать себя строгими постами, отдаваться всей душой многочасовым молитвам, разве смог бы он выдержать то, что выдержал в своей жизни!

Александра Фёдоровна была слишком хорошо бого­словски образована и прекрасно понимала, что ничего противохристианского никогда не звучало из уст Распу­тина. Она не считала его святым, но знала, что он Божий человек, посланный Всевышним для благополучия Их Семьи, для блага всей России. Ведь он спасал жизнь На­следнику Престола, а это — Божье дело.

Она знала, что его предсказания почти всегда сбы­ваются. Уже когда была на самом краю земной жизни, в заточении, в том окончательно убедилась. Все, что когда-то говорил Григорий о будущем, представало те­перь в образе свершившегося.

«Меня не будет, Царей не будет, России не будет!» Царице суждено было узреть воплощение этого апока­липсического пророчества...

Глава V. Друзья Царского дома

С 1907 года началась история систематического общения Григория Распутина с Царем, Царицей и Их Детями. Тогда он впервые молитвой не только облегчил страдания трехлетнего Цесаревича Алексея, но и спас Его от смерти. В том году летом Мальчик упал в Царско-сельском парке, а через несколько часов началось внутренне кровоизлияние. Дальнейшее рассказала Великая княгиня Ольга Александровна — очевидец события.

«Бедное Дитя так страдало, вокруг глаз были тёмные круги, тельце Его как-то съежилось, ножка до неузнаваемости распухла. От докторов не было совершенно никакого проку... Было уже поздно, и меня уговорили пойти к себе в покои. Тогда Аликс отправила в Петербург телеграмму Распутину. Он приехал во Дворец около полуночи, если не позднее. К тому времени я была уже в своих апартаментах, а поутру Аликс позвала меня в комнату Алексея. Я глазам своим не поверила. Малыш был не только жив, но и здоров. Он сидел на постели, жар словно рукой сняло, от опухоли на ножке не осталось и следа, глаза ясные, светлые... Позднее я узнала от Аликс, что Распутин даже не прикоснулся к Ребенку, он только стоял в ногах постели и молился».

Именно с этого момента Царица признала в Григории не просто народного толкователя христианских за-

ветов, но и спасителя Ее Сына. С каждым новым случаем явления Распутиным земного чуда Ее признательность лишь увеличивалась. Александра Фёдоровна называла его Другом и это слово писала с большой буквы...

Последние десять лет существования Монархии Венценосцы встречались с Распутиным регулярно, и это общение приносило Им душевный покой, умиротворение, тихую радость от ощущения благодати Света Небесного. Малограмотный крестьянин из Сибири рассказывал, пояснял, наставлял, и хотя его речь была далека от литературного совершенства, но то, о чём он говорил — о любви, смирении, вере и надежде, — было так желанно этим Людям, было так Им необходимо.

Вскоре в этих вечерних посиделках-собеседованиях стали принимать участие и Царские Дети: сначала старшие (Ольга и Татьяна), а затем и все остальные. Царь и Царица принимали его и в Своих покоях, но лишь тогда, когда вызывали Распутина к заболевшему Наследнику.

Очень скоро «друг Григорий» стал своим и для Царских Детей (Они впервые его увидели в конце 1906 года). Дети, воспитанные глубоко религиозными, беспредельно всегда уважали и ценили всё и всех, что было дорого Родителям. Они приняли своими чистыми душами друга Отца и Матери. У Александры Фёдоровны не было тут никаких «тайн». В январе 1909 года в коротеньком письме-записочке Она сообщала старшей Дочери Ольге: «Я буду очень счастлива, когда смогу увидеть нашего дорогого Друга».

Радость от общения неизменно испытывали и Дочери. 25 июня 1909 года Ольга Николаевна писала Отцу из Петергофа: «Мой милый дорогой Папа. Сегодня чудесная погода, очень тепло. Маленькие (Анастасия и Алексей. — А. Б.) бегают босиком. Сегодня вечером у нас будет Григорий. Мы все так чудесно радуемся его еще раз увидеть».

В первые годы знакомства встречи не были частыми. Происходили они, как правило, у Милицы и Станы, но затем, после охлаждения отношений между Царской Семьей и черногорками, наступившего в 1908 году, Распутин стал появляться и во дворце. Хронология этих встреч зафиксирована в дневнике Николая II. В 1906 году они виделись два раза, в 1907 году — три.

1908 год. «Приехал в Петергоф в 6.30. Аликс в это время разговаривала с Григорием, с которым Я тоже виделся полчаса!» (4 августа). «Покатались и заехали к Ане В. (Вырубовой. — А. Б.). Видели Григория и долго разговаривали» (6 ноября). «Поехали к Ане В., где видели Григория. Зажгли вместе ее ёлку. Было очень хорошо — вернулись в 12.15» (27 декабря).

1909 год. «В 6 часов к Нам приехали архимандрит Феофан и Григорий. Он видел тоже детей» (4 февраля). «После чая наверху в детской посидели с Григорием, который неожиданно приехал» (29 марта). «От 6 до 7.30 видели Григория вместе с Ольгой¹... Вечером ещё немного посидел с Григорием» (26 апреля). «После чая к нам приехали Феофан, Григорий и Макарий» (23 июня). «Вечером долго беседовали с Григорием» (15 августа).

Распутин толковал сложные истины и церковные догматы неожиданно просто и убедительно. Он столько интересного рассказывал о своих паломничествах, открывая слушателям красоты мира, природы, России. Речь его была простой, народной, но такой выразительной, сочной, каковой в Царском дворце никогда и не звучало. Вот образец размышлений Распутина той поры².

«Когда я стал ходить по святым местам, то стал чувствовать наслаждение в другом мире. Ходил временно

¹ Речь идёт о Великой княгине Ольге Александровне.

² Из его книжки «Житие опытного странника», составленной в 1907 году.

не всегда по святым местам: испытывал много чего: видел как Богу служат в обители святой и думал, что в миру кто делает со страхом и благословением Божиим тоже участник даже и большой, потому что Сам Самодержец Царь крестьянином живет, питается от его рук трудящихся, и все птицы крестьянином пользуются, даже мышь и та им питается. Всякое дыхание да хвалит Господа и молитва всё за крестьянина — только он не сквернословил! Велик есть крестьянин перед Господом: он никаких балов не понимает, он в театре редко бывает, он только помнит: Сам Господь подать неси нам велел — Божий трудовик! У него вместо органов коса в руках; вместо увеселений — соха у сердца; вместо пышной одежды какой-нибудь твердый армячок; вместо тройки лихой какая-нибудь усталая лошадка... А без Бога хотя и на тройке мчатся, а уныния полный экипаж».

Простота, доходчивость, красочность, но и духовная глубина объяснений довольно отвлеченных категорий и символов поражала многих и совсем не ограничивалась только кругом «истерических столичных дам», как о том все еще нередко пишут. В числе тех, кто симпатизировал Распутину, находились и блестяще образованные церковные иерархи, как архимандрит Феофан, и такой выдающийся проповедник, как протоиерей Иоанн Кронштадтский, и такой благочестивый пастырь как митрополит Московский (1912–1917) Макарий (Невский)¹.

Здесь естественно может возникнуть вопрос: что же Царю не с кем было больше о Боге и богоугодной жизни и поговорить, кроме как с «этим Гришкой»? Было с кем. Существовали духовники, имелись в Империи и прекрасно образованные «высоколобые» богословы, от общения с которыми ни Царь, ни Царица не уклонялись.

¹ Митрополит Макарий был прославлен в лике Святителей в 2000 году.

Царским духовником много лет состоял один из самых выдающихся русских богословов и проповедников второй половины XIX века, ректор (1866–1883) Петербургской Духовной академии Иоанн Леонтьевич Янышев (1826–1910). Именно он начал обучать принцессу Алису Гессенскую нормам Православия, а затем являлся для Государей Николая II и Александры Фёдоровны непрекращаемым духовным авторитетом.

Несколько лет роль духовника Царя и Царицы исполнял другой широко образованный пастырь, с 1909 года — ректор Петербургской Духовной академии, отец Феофан.

Однако теологическая образованность сама по себе не делает носителя знания сакрального умелым и притягательным собеседником. Как хорошо знал с детства Царь, и как с молодых лет усвоила Царица, носителем слова Божия может быть лишь избранный Всевышним, кому Он и посылает сей исключительный дар; Распутин такими даром обладал.

Вопрос о том, «обладал» или «не обладал» Григорий Распутин некими сверхъестественными способностями, занимал умы еще при его жизни. Поклонники «старца» в провидческих и лекарских возможностях своего кумира не сомневались; при личном общении в том не раз убеждались. Большинство же других, к данному кругу не принадлежавших, ни в какие неземные «дарования» не верили.

Не верили в них многие придворные, и, конечно же, их отрицала медицинская корпорация, известные представители которой пользовали членов Императорской Семьи. Тогда наличие сих дарований действительно могло вызывать сомнения. Надежных материалов и объективных свидетельств в обращении не имелось. Позже они стали появляться.

Лишенный всяких мистических настроений следователь ЧСК В.М. Руднев, изучая подробно данный феномен, признал, что «Распутин несомненно обладал в сильной степени какой-то непонятной внутренней силой в смысле воздействия на чужую психику, представлявшей род гипноза. Так, между прочим, мной был установлен несомненный факт излечения им припадков пляски св. Витта у сына близкого знакомого Распутина — Симановича, студента Коммерческого института, причем все явления этой болезни исчезли навсегда после двух сеансов, когда Распутин усыплял больного».

«Непонятные способности» существовали не сами по себе; они сакральный дар, проявление силы веры. Русское «образованное общество» той поры в значительной своей части было или откровенно атеистическим, или религиозно индифферентным. Потому таким загадочным и предстал Распутин, потому была так и «непонятна» природа его общения с Монархом и Его Семей, потому так исступленно в этих отношениях искали (и до сих пор ищут) некую альковную, финансовую или шпионскую «тайну».

Царь и Царица видели в Распутине простого, глубоко верующего человека, наделенного даром молитвенного чудотворения. Они как православные христиане общались не с «безродным» и с «необразованным», а с братом во Христе. И когда началась Мировая война, Императрица, работая в лазарете, обмывала раны и ухаживала не просто за «чужими мужиками», как о том злословили. Она заботилась о Своих братьях, проливавших кровь на полях сражений за Родину-мать, за Русь Святую...

Конечно, вся эта «метафизика», вся эта «мистика» для самодовольного ума была недостижима. В этом смысле весьма показательный случай произошел во время допроса ЧСК А.А. Вырубовой в мае 1917 года. Пред-

седатель Н.К. Муравьев задал подозреваемой «убойный» вопрос: «Какие были у Распутина представления о своей личности, кем он себя считал?». Почитательницу Распутина этот вопрос на минуту озадачил. Но ответ последовал: «Он всегда говорил, что он один из странников одухотворенных. Он сам всегда говорил».

Эта формула для «адвоката» и «социалиста» ничего не значила. В «обществе» уверенно утверждали, что «истерические поклонницы», в числе которых на первом месте стояла Вырубова, считали его «Мессией», «Новым Христом». Понятно было, что подобное величание — богохульство, это то самое «хлыстовство», которое Чрезвычайной комиссии надлежало лишь «задокументировать».

А тут какой-то «странник одухотворенный». Муравьев и понять не мог, о чём речь идёт. Ему стало лишь «ясно», что Вырубова пытается скрыть «правду», и потому он решил «внести ясность». Прозвучавшие вопросы во всей красе отразили дремучую бездуховность дознавателя: «Ну как одухотворенным? Но какая его была задача? Что он, собственно говоря, делал?».

Действительно, если бы Распутин проворачивал какие-нибудь дела или приходил бы в Царский дом в качестве «возлюбленного», то было бы всё «понятно». Это целиком вписывалось бы в сочиненные схемы. А так приходил, вел много раз беседы с Царями, и ничего «значительного» не происходило? Так ведь не может быть!

Господа разоблачители так и не смогли понять, невзирая на многочисленные свидетельские показания, что в общении Царя и Распутина ничего предметно-мирского не было. Была радость духовного общения, о существовании которой такие персонажи, как Н.К. Муравьев и его патрон А.Ф. Керенский, и не подозревали...

В конце концов так или иначе, но наличие «необычных способностей» признали многие, кому приходилось подробно разбираться в распутинской истории. Факт наличия удивительных дарований можно считать исторически установленным.

Несмотря на это, через многие десятилетия появляются вдруг утверждения, идущие куда дальше тех исторических фантазий, которые когда-то одолевали Муравьева, Керенского и иже с ними. Пресловутый «срыва-тель покровов с тайн истории» Радзинский категоричен и беспощаден, для него «это миф». Согласно его утверждению «большевики намеренно распространяли слухи о сверхъестественных способностях Распутина», чтобы «дискредитировать его и находившихся у него в рабстве Романовых».

Не стоит тратить время и предметно опровергать абсурд ни о характере большевистских инсинуаций (в них утверждалось прямо противоположное), ни тезис о «рабстве Романовых», который просто идентичен выводам коммунистических пропагандистов. Исходя из умозаключений «специалиста по тайнам», сформулируем неожиданный и даже кощунственный, но в данном контексте логичный вопрос: не была в таком случае и сама Александра Фёдоровна агенткой большевиков? Если принять на веру озвученные выше видения, то в головах впечатлительных авторов может родиться срочное желание разгадать эту новую «тайну». Ведь самой главной и самой именитой «пропагандисткой» распутинских дарований и была именно Императрица!

Прошло два-три года после знакомства Вепценосцев с Григорием Распутиным, и его имя долетело до гостиных. Новость о сибирском мужике, обретавшимся в Царских апартаментах, пугала и расстраивала тех, кто к законным обитателям этих чертогов имел нелукавую

симпатию. Некоторые хотели «выяснить истину», «поговорить по душам», чтобы понять смысл необычной дружбы между Венценосцами — людьми по-европейски образованными, светскими — и каким-то «темным крестьянином». Звучавшие ответы мало кого удовлетворяли, хотя, по сути дела, при всей их немногословности являлись абсолютно правдивыми.

В феврале 1912 года Николай и Александра имели объяснение с «дорогой Мама» — Императрицей Марией Фёдоровной. Старая Царица была обеспокоена слухами и не преминула сказать, что Сын и Невестка общаются с таким «порочным» человеком.

Она хотела «открыть» Им глаза, но выяснилось, что Они обо всех этих утверждениях знали и стали горячо ей доказывать, что всё это — ложь, что это простой и удивительный человек, с которым «Мама» следовало бы познакомиться. Чуть позже на вопрос сестры Царя Великой княгини Ольги Александровны, как Аликс может верить какому-то мужику, Царица без обиняков заявила: «Как же Я могу не верить в него, когда Я вижу, что Маленькому всегда лучше, как только он около Него или за Него молится».

Подобный очевидный признак избранничества перечеркивал все негативные характеристики, неоднократно доходившие (родственники и некоторые придворные очень в этом деле старались) до ушей Матери Царицы, имеющий на руках больного Сына, все помыслы Которой были направлены лишь к Его спасению. Да, и вообще, какая мать не стала бы преклоняться перед человеком, не раз спасавшим ее сына?

Отношения между Царицей и Распутиным цементировались тем, что по пятам за Престолонаследником ходила смерть. Уже после падения Монархии, давая показания следователю Чрезвычайной комиссии Вре-

менного правительства, архиепископ Феофан, которого многие считали «жертвой распутинских интриг», со всей определенностью заявил:

«У меня никогда не было и нет никаких сомнений относительно нравственной чистоты и безукоризненности этих отношений. Я официально об этом заявляю как бывший духовник Государыни. Все отношения у Нее сложились и поддерживались исключительно только тем, что Григорий Ефимович буквально спасал от смерти своими молитвами жизнь горячо любимого Сына, Наследника Цесаревича, в то время как современная научная медицина была бессильна помочь. И если в революционной толпе распространяются иные толки, то это ложь, говорящая только о самой толпе и о тех, кто ее распространяет, но отнюдь не об Александре Фёдоровне».

Владыка, в отличие от многих других носителей «правды о Распутине и Царице», был человеком прекрасно осведомленным. На протяжении нескольких лет он был вхож в Семью Самодержца, исповедовал членов Ее и мог судить обо всем не с чужих слов, а по собственным наблюдениям.

Сам же владыка Феофан несколько лет признавал необычный духовный дар Распутина, видел в нем талантливый проповедника из народа. По просьбе Александры Фёдоровны архиепископ совершил поездку в Сибирь, на родину Распутина, всё и всех внимательно там изучил и ничего предосудительного с точки зрения канонического Православия не обнаружил.

Однако в 1910 году его мнение начало меняться на прямо противоположное. В 1917 году, отвечая на вопросы следователей ЧСК, владыка Феофан сказал, что Распутин «не был лицемером и негодяем. Он был истинным человеком Божиим, явившимся из простого народа. Но

под влиянием высшего общества, которое не могло понять этого простого человека, произошла ужасная духовная катастрофа, и он пал».

В чём, собственно, проявлялось «падение», Владыка подробно не изложил, но почему-то некоторые решили, что это «разврат». Что же заставило доброго пастыря так резко переменить взгляды, почему архиепископ так категорически стал ненавидеть Распутина, что даже в начале 1911 года внёс предложение в Синод «официально выразить Императрице неудовольствие в связи с поведением Распутина».

Буквально еще вчера Григорий Распутин был «Божьим человеком», а сегодня уже перестал им быть! Затея с Синодом успеха не имела, но ещё раньше Владыка вознамерился сам «открыть глаза» Царице. Встреча состоялась, продолжалась почти два часа, и, как потом признавался епископ Феофан, «Государыня была обижена». Чем же была «обижена» Царица-христианка? На этот важный вопрос ответил другой пастырь — игумен Серафим (Кузнецов).

По его словам, духовник Государыни «ставил в вину Григорию Распутину, что якобы одна какая-то женщина открыла на исповеди неблагопристойное поведение старца Григория. Епископ Феофан и здесь показал свою неопытность духовную, на слово поверил женщине, которая впоследствии оказалась невинной; но это ещё ничего: он доложил Царице... Каково же было глубоко верующей Императрице слышать от Своего духовника-то, что ему было открыто на исповеди!.. Царице было известно каноническое постановление о строжайшем наказании духовников, которые дерзают нарушить тайну исповеди, включительно до низведения подобных духовников в первобытное состояние. Подобному доносу Своего духовника Императрица не только не по-

верила, а сочла его поступком самым недостойным и преступным против церковных канонов».

К сожалению, епископ не только изменил свою точку зрения, не только пытался повлиять на Александру Фёдоровну, используя совершенно недопустимый прием, но и стал рассказывать, что называется, направо и налево, о «порочности» друга Царской Четы. Такие заявления владыки имели широкий общественный резонанс. Ведь он был не только пастырем и богословом, но и духовником Царицы...

Распутин производил неизгладимое впечатление даже на тех, кто был полон предубеждения. Сестра Царя Великая княгиня Ольга Александровна и через десятилетия помнила во всех деталях свои впечатления от того дня, когда впервые в Царском дворце увидела Распутина. Нежданная для Великой княгини встреча произошла в апреле 1908 года.

«Когда я его увидела, то почувствовала, что от него исходят мягкость и доброта. Все Дети, казалось, его любили. Они чувствовали Себя с ним совершенно свободно. Я помню, как Они смеялись, когда маленький Алексей, изображая кролика, прыгал взад и вперед по комнате. А потом Распутин вдруг схватил Его за руку и повел в спальню. Мы трое пошли следом. Наступила такая тишина, как будто мы оказались в церкви. В спальне Алексея лампы не горели; свет исходил только от лампад, горевших перед несколькими красивыми иконами. Ребенок стоял очень тихо рядом с этим великаном, склонившим голову. Я поняла, что он молится. Это производило сильное впечатление. Я поняла также, что мой маленький Племянник тоже молится. Я не могу этого описать, но я почувствовала в тот момент величайшую искренность этого человека. Я понимала, что и Ники и Аликс надеялись, что в конце концов я полюблю Распутина. На

Дом Григория Распутина в селе Покровском, построенный на деньги, подаренные ему Великой княгиней Милицей Николаевной.

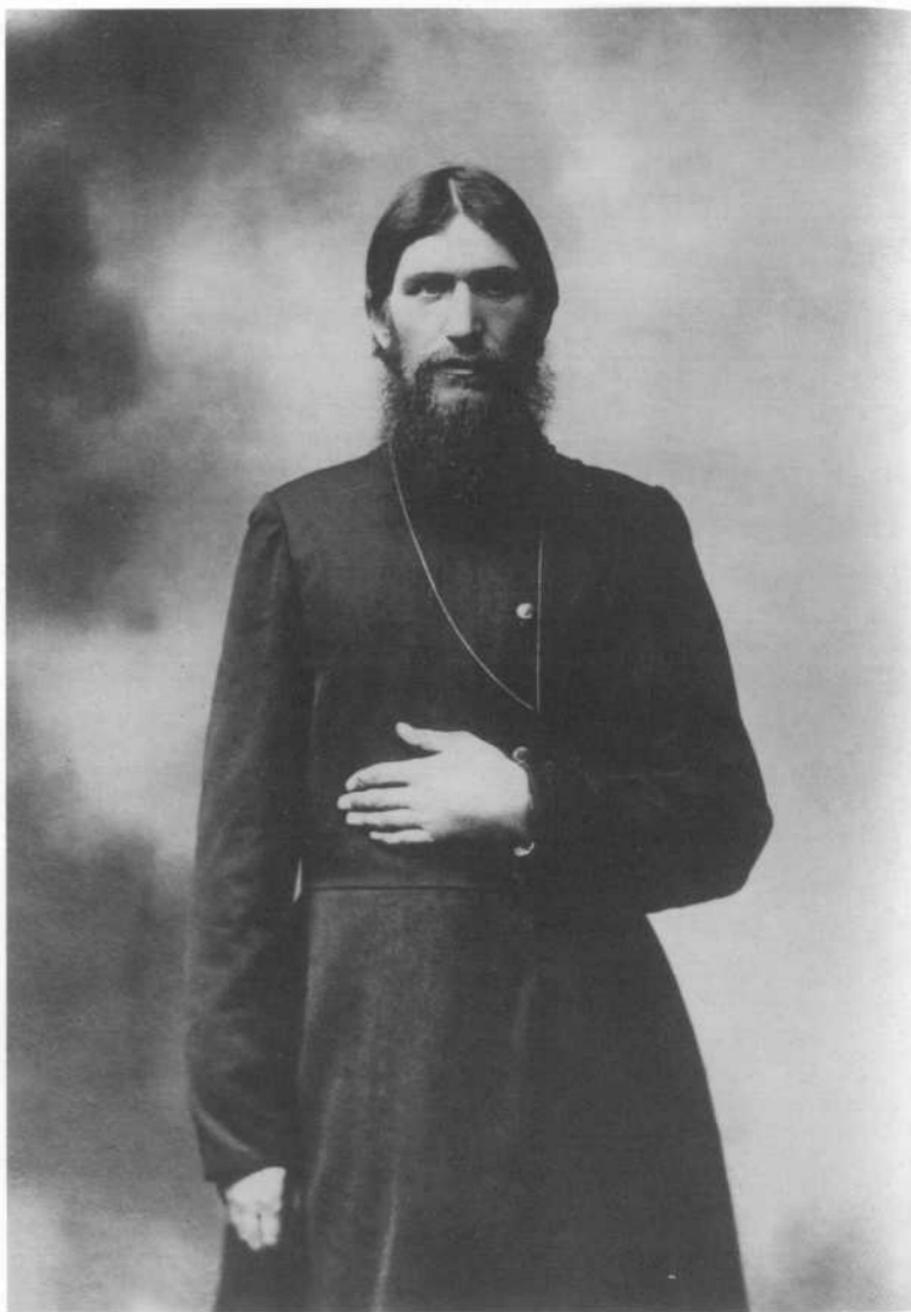
Григорий Распутин (в центре) среди односельчан и родственников в селе Покровском.

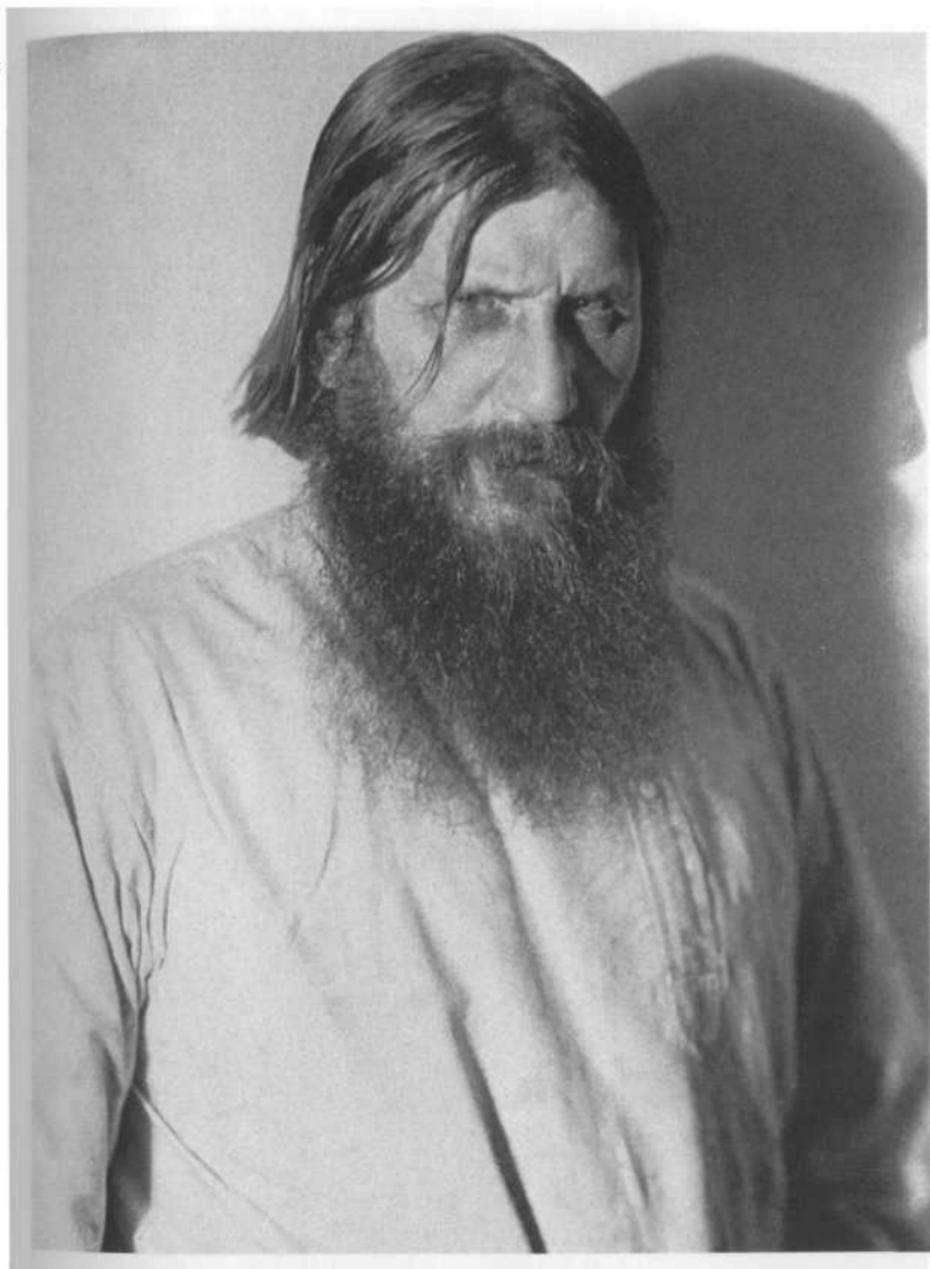
Григорий Распутин со своими детьми Матреной, Варварой и Дмитрием в селе Покровском. 1900-е гг.

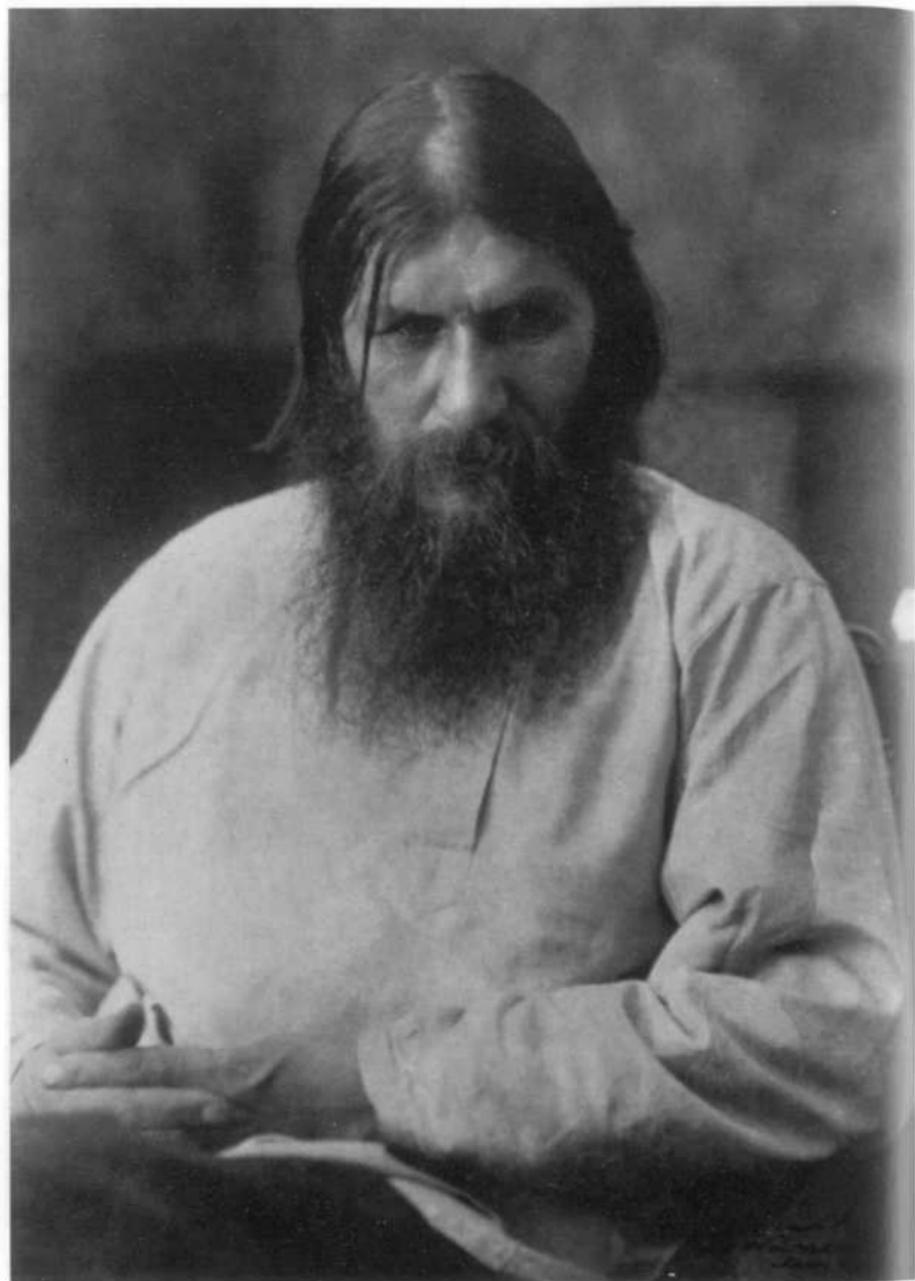
Портрет Григория Распутина. 1907 г.

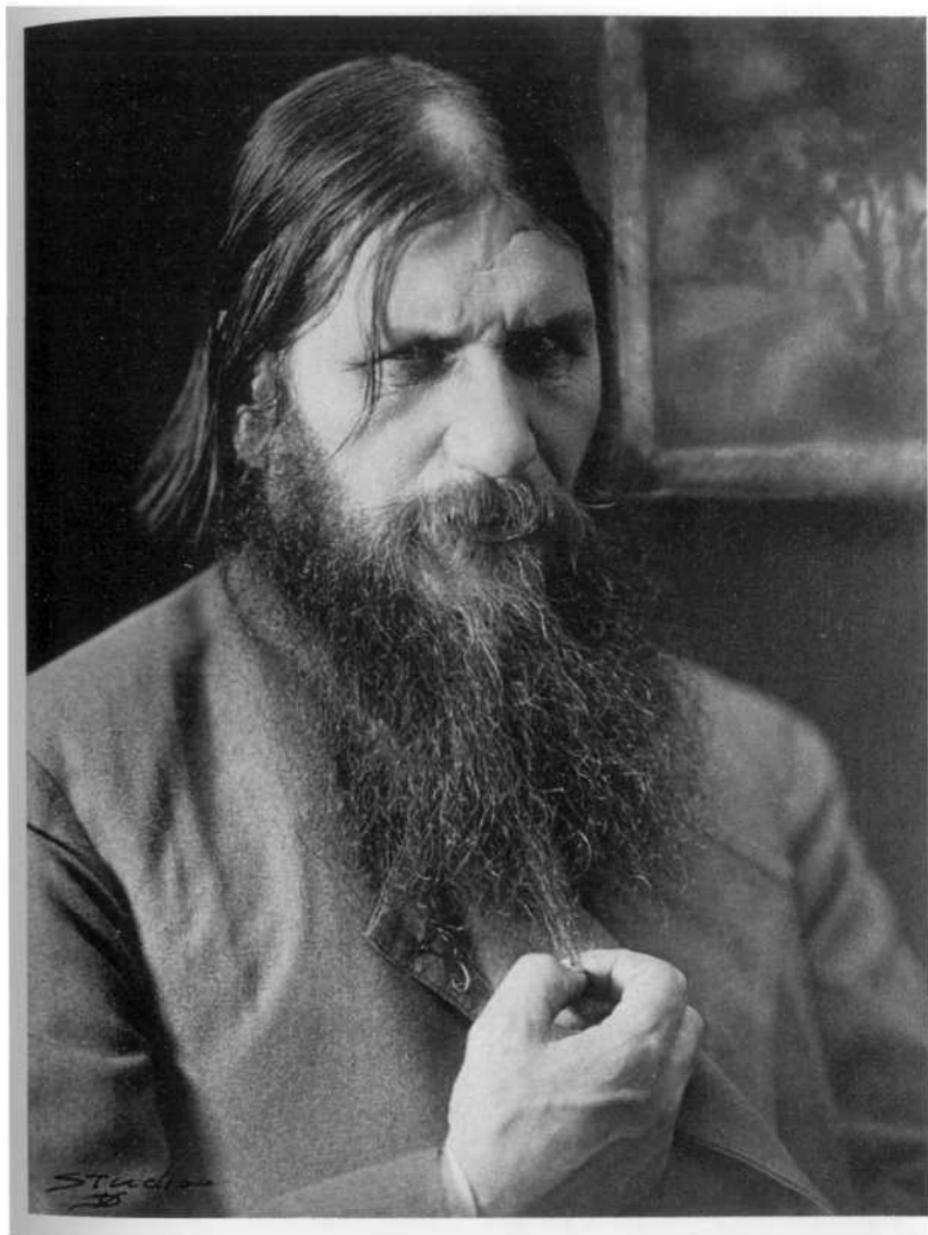
Портрет Григория Распутина. Фотография ателье Буллы. 1910 г.

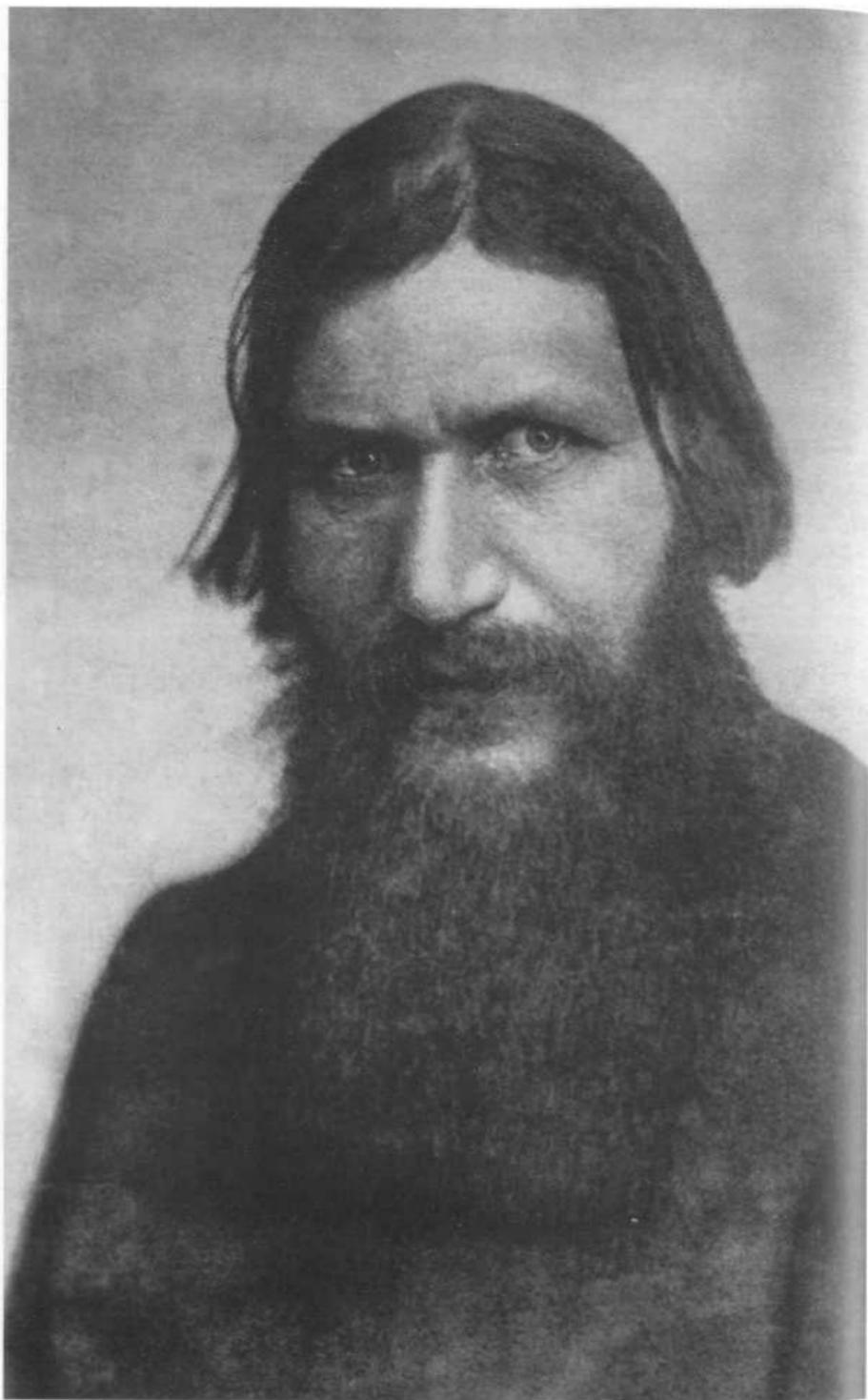
Григорий Распутин. 1914 г.

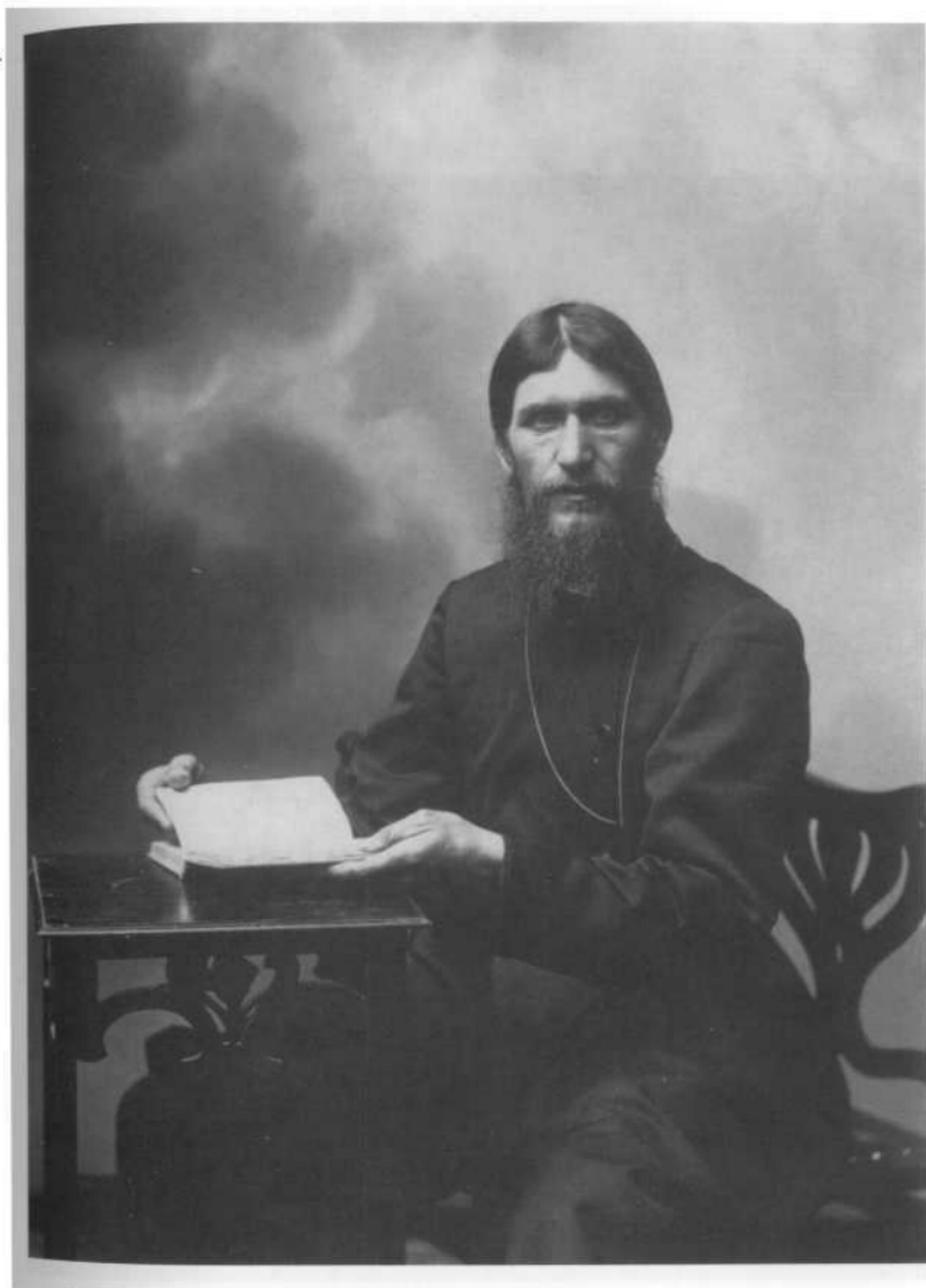
Григорий Распутин. 1914 г.

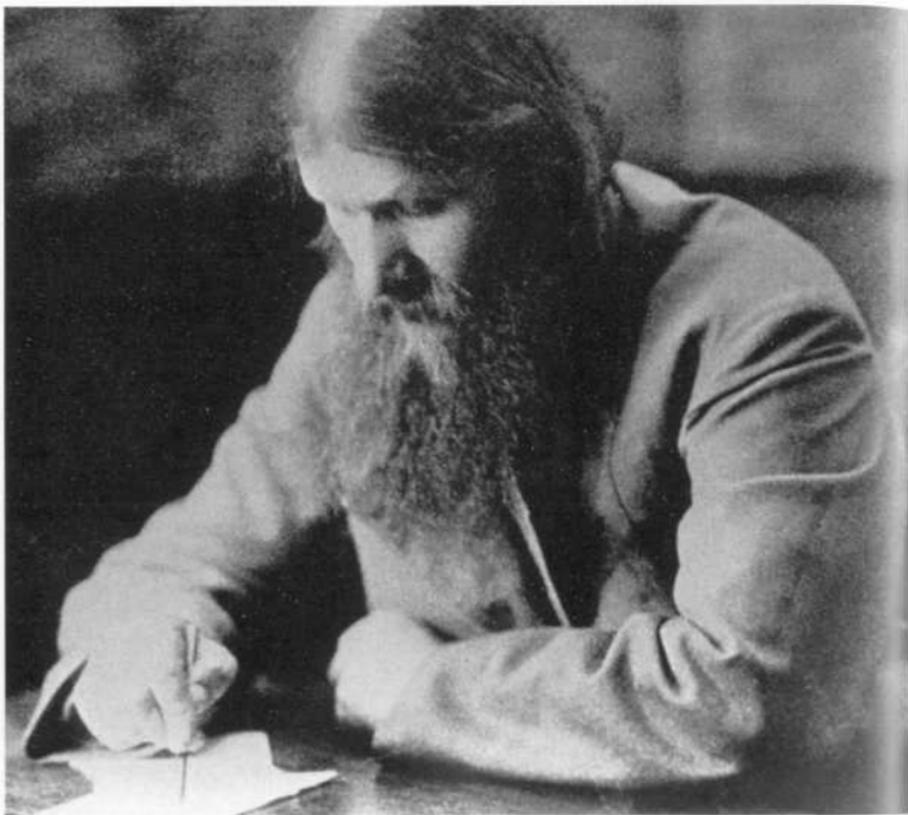
Григорий Распутин.

Григорий Распутин. До 1916 г.

Григорий Распутин за чтением книги. Фотография ателье Буллы.
1910 г.

Григорий Распутин за письменным столом.

какъ знаютъ весь миръ;
что нашава батмики
царя тонкой оула —
саской разми аство
разми сватываетъ
водни микъ встожи —
зб расее доброта
воцаъ ево оговать ва-
еть всеъ и все готови
я слезно готовъ — свою
жизнь одать не точно
онъ царь авоцаъ ево
горитъ любовь и отроуи
нри кротасъ таи надежда
что ево любятъ и враше
во пристои неоскудеетъ
какъ помажоникъ
божей илвсей просто —

Комендант Царскосельского дворца полковник Д.Н. Ломан,
Г.Е. Распутин и генерал-майор князь М.С. Путятин.

В петербургской квартире Г.Е. Распутина на Гороховой улице.
 В верхнем ряду (слева направо): А.А. Пистолькорс, ее муж
 А.Э. Пистолькорс, Л.А. Молчанов, С.Л. Волынская, А.А. Вырубова,
 князь Н.Д. Жевахов, А.Е. Гущина, Э.Х. Гиль, Ю.А. Ден, Н.Д. Яхимо-
 вич, О.В. Ломан, Н.Д. Ломан, А.И. Решетникова.
 Сидят (слева направо): З. Тимофеева, М.Е. Головина, М.С. Гиль,
 Г.Е. Распутин, О. Клейст, отец Г.Е. Распутина Ефим Яковлевич.
 Сидит на полу: А.Н. Лаптинская. 1914 г.

Григорий Распутин за столом с группой своих почитателей. 1914 г.

Анна Александровна Вырубова.

Дом А. А. Вырубовой на углу Средней и Церковной улиц
в Царском Селе.

Император Николай II и Императрица Александра Федоровна с детьми: Ольгой, Татьяной, Марией, Анастасией и Алексеем.

Александровский дворец в Царском Селе. Вход в жилую половину Императорской семьи.

Анна Вырубова, Великая княжна Ольга, Императрица Александра Федоровна (сидит), Великая княжна Татьяна в форме сестер милосердия в лазарете при Дворцовом госпитале. Царское Село. 1914 г.

меня, конечно, произвела впечатление сцена в детской, и я признавала искренность этого человека. Но, к сожалению, я никогда не могла заставить себя его полюбить».

Никакого «расписания» встреч Распутина и Царской Семьи не существовало, и он никогда не появлялся в Их Доме, когда Хозяева отсутствовали. Бывало, что встречи случались в интервале одного-двух дней, но такое происходило редко, лишь тогда, когда это вызывалось состоянием здоровья Цесаревича. Если подобной чрезвычайной необходимости не возникало, то свидания случались нерегулярно, а между ними могла быть пауза в несколько месяцев. К тому же Распутин много времени проводил или у себя на родине, или в паломничестве, что тоже исключало общение.

Лишь в начале 1914 года у него появилась квартира в Петербурге (Петрограде) на Гороховой улице, где он проживал со своими домочадцами подолгу и находился на близком расстоянии от своих Венценосных почитателей.

В дневнике Николая II встречи и беседы с Григорием Распутиным непременно фиксировались. Нередко рядом с записью о встрече с Распутиным фигурирует имя «Аня Т.», «Аня В.» или просто «Аня». Имелась в виду Анна Александровна Вырубова, тот самый «пузырь от сдобного теста», о котором так уничижительно отозвался Сергей Витте в своих «Воспоминаниях». Не менее оскорбительно о ней отзывались тогда и потом некоторые другие современники и многочисленные сочинители: «устрица», «интриганка», «марионетка Распутина», «религиозная фанатичка», «опора темных сил».

Иные шли дальше, называли Мессалиной, любовницей Распутина и даже любовницей Императора. Чтобы снять сразу же все обвинения в разврате, отметим один важный факт, который до сих пор нередко игнорируется. В мае 1917 года, находясь под арестом в Петро-

павловской крепости, изнемогая от оскорблений караула («подстилка Распутина») и двусмысленных намёков следователей, несчастная потребовала проведения медицинского освидетельствования, которое однозначно установило, что Вырубова — девственница.

Анна Александровна Вырубова, вернувшая после революции себе девичью фамилию Танеева, несомненно, была самым близким человеком к Царской Семье. Можно даже сказать, что она стала неформальным членом Семьи.

Помимо Распутина и Вырубовой Царь и Царица охотно семейно общались и с иными лицами, которых считали Своими друзьями. Не все из них в числе таких оставались всегда. Кто-то умирал (генерал Александр Афиногенович Орлов и фрейлина Софья Ивановна Джамбакуриан-Орбелиани), кто-то по собственной воле удалялся, не чувствуя к себе расположения (сестра Царицы Великая княгиня Елизавета Фёдоровна), от кого-то Венценосцы сами отдалялись (Великие княгини Милица и Анастасия Николаевны).

Некоторые друзья Царского дома готовы были лишь по сердечной привязанности пойти вместе со своими коронованными друзьями до коица. Наиболее показательный пример — госпожа Юлия Александровна Ден, которая стала особенно близкой Царской Семье в годы Мировой войны. Александра Фёдоровна с Юлией Ден (Лили) часто и охотно общалась.

Худая, высокая, спокойная и рассудительная жена капитана первого ранга гвардейского экипажа, Карла Акимовича Дена, Лили видела в Царице наставницу и покровительницу. Она советовалась с «Порфиросной Приятельницей» по всем житейским вопросам, регулярно приносила Ей из Петрограда (в отличие от большинства из ближнего окружения Императрицы Лили

жила там, а не в Царском) множество столичных новостей, обсуждала поведение известных деятелей из политического и светского миров.

Во время Февральского переворота, когда Царица с больными Детями оказалась брошенной на произвол судьбы в Александровском дворце Царского Села, Лили Ден без колебаний, оставив в Петрограде своего больного сына, осталась рядом с Императрицей, став фактически заложницей непредсказуемых обстоятельств. Она не могла покинуть поверженную Царицу, Женщину, Мать, Подругу и рассталась с ней не по своей воле. Во время набега «революционной ватаги» под руководством Керенского Ден была арестована как «опасная реакционерка» и препровождена под конвоем в Петроград.

Последние годы Монархии другом Семьи являлся и морской офицер, а затем командир Императорской яхты «Штандарт», капитан первого ранга и флигель-адъютант (с 1912 года) Николай Павлович Саблин. Царь и Царица его искренне любили и ценили, хотя держался он рядом с Ними достаточно независимо. Человек это был спокойный, уравновешенный, и Царская Чета охотно и часто с ним общалась. В январе 1916 года, имея в виду Н.П. Саблина, Царица заметила в письме Супругу: «У Нас так мало истинных друзей, а из них он — самый близкий».

Как обычно, близость безродного офицера к Царской Семье многих удивляла; эти отношения породили различные пересуды. Однако никакой тайной подоплеки здесь не существовало. Николай и Александра видели в нем простого и преданного человека, а именно таких людей они искали и особенно ценили в последние годы. Сам Н.П. Саблин, человек весьма небогатый, никогда не имел и не искал никаких преимуществ и выгод от знакомства с Государями.

Однако сердечная привязанность в данном случае не выдержала испытаний: после революции Саблин никак не засвидетельствовал свою преданность и, находясь в Петрограде, на помощь Царице не прибыл...

Самой же близкой подругой Александры Фёдоровны, своего рода Ее вторым «Я» около десяти лет являлась малоприметная и тихая Анна Александровна Танеева, занявшая в жизни Императорской Семьи исключительное место. От «Ани» у Венценосной Четы не было никаких семейных секретов.

Анна Александровна искренне блюла это доверие и платила своим высокопоставленным друзьям бескорыстной преданностью, доходившей до самозабвения. Александра Фёдоровна и Аня Танеева были единомышленницами: их душевные устремления и нравственные представления почти целиком совпадали, хотя по своей природе, по психологическому и эмоциональному складу эти женщины были очень несхожи. Как личность Александра Фёдоровна была во всех отношениях несравненно более масштабной фигурой.

Никакого влияния ни на Царицу, ни уж тем более на Царя Анна Танеева-Вырубова никогда не имела, хотя во многих сочинениях и фильмах она изображается коварной и расчетливой интриганкой. Какая-то русская Екатерина Медичи, да и только! Подобное — плод воспалённого воображения сочинителей.

Очень точно о восприятии Вырубовой высказалась Великая княгиня Ольга Александровна. «Анна никогда не имела на Них влияния. Сколько раз, бывало, Аликс говорила мне, что Ей так жаль «эту бедную Аннушку». Она была совершенно беспомощна и наивна, как ребёнок, и очень недалеко». Александра Фёдоровна ценила в ней искренность и верность, те качества, которые для Неё в людях были всегда особо значимы.

Конфидентка Царицы родилась в 1884 году в семье крупного сановника, Главноуправляющего (с 1896 года) «Собственной Его Величества канцелярии», музыканта, композитора, меломана и коллекционера Александра Сергеевича Танеева. Матерью ее была Надежда Илларионовна, урожденная графиня Толстая. Эта семья уже давно занимала видное место в императорской столице.

Две дочери статс-секретаря, обер-гофмейстера и члена Государственного совета Анна и Александра (родилась в 1885 году) получили хорошее домашнее воспитание, знали языки, были музыкально образованны и прекрасно играли на фортепиано. Однако по характеру они были несхожи: старшая — замкнутая, неторопливая, серьезная, не проявлявшая никогда тяги к светским развлечениям.

Младшая же, Александра — полная ее противоположность: яркая, экстравагантная, умевшая вращаться в свете и любившая общество, много и охотно бывавшая на публике. В 1908 году Александра Александровна вышла замуж за пасынка дяди Царя Великого князя Павла Александровича — камер-юнкера А.Э. Пистолькорса. Ее свекровью стала жена Великого князя, к тому времени уже графиня Гогенфельзен, с 1915 года — княгиня Палей.

Представление об Але Пистолькорс можно получить из ее письма свекрови, датированного 10 июня 1908 года. «Вы пишете, что Бэби (так они звали А.Э. Пистолькорса, родившегося в 1885 году. — А. Б.) не любит свет; но ведь я тоже не из светских. Я выезжала по-настоящему только один сезон, а последние годы проводила в маленькой тесной компании и ездила на балы только тогда, когда родители считали это необходимым. Вы, наверно, слышали от Маруси (племянница графини Гогенфельзен. — А. Б.), как мы с ней увлекались спектаклями. Кроме того, я пря-

мо обожаю музыку. Мы с Бэби играем в четыре руки, и потом он аккомпанирует, когда я пою».

Александра Танеева ко времени замужества уже имела некоторую «светскую биографию», но в письме к свекрови, которая безвыездно несколько лет жила в Париже и была удалена от петербургских новостей, старалась представить себя в выгодном свете. Все эти люди и нюансы их биографий не стоили бы упоминания, если бы не одно обстоятельство: в последние годы Императорской России Александру Пистолькорс, ее супруга и княгиню Палей стоустая молва уверенно зачисляла в разряд «рьяных распутинок». Об их «рьяности» дальше придется говорить особо.

Старшая сестра Александры Анна никаких светских претензий не имела, в обществе была молчалива и с ранних пор проявляла серьезное влечение к религиозно-духовной сфере. На балах она не «порхала» и во французских пьесках не играла.

В шестнадцать лет Анна серьезно заболела, и во время кризиса ей привиделось, что к ее постели подошла Императрица, протянула ей руку и спасла от смерти. После этого сразу же наступило резкое улучшение, о чем родители не замедлили сообщить Царице. Относясь чрезвычайно серьезно ко всем знамениям, Александра Фёдоровна навестила выздоравливающую девушку и благословила ее. Так Императрица впервые увидела ту, кому суждено было со временем стать почти Ее тенью, в некоторых описаниях — заслоняющей собой и само «светило».

В 1902 году Аня Танеева выдержала экзамен при Петербургском учебном округе на звание домашней учительницы, а в 1903 году получила шифр (бриллиантовая брошь с вензелем Императрицы) и стала фрейлиной Большого Императорского двора. Девушка была очень религиозна, добра и отзывчива. Среди родственников

имела репутацию человека абсолютно бескорыстного, старавшегося помогать всем, кто нуждается в ее помощи.

В многочисленных книгах и фильмах портрет ближайшей наперсницы Императрицы Александры Фёдоровны рисуется почти всегда в серо-черных тонах. Если же проанализировать, на основании каких же источников создается историческая реконструкция в подобной цветовой гамме, то сразу же выясняется, что надежные документальные материалы, раскрывающие интеллектуальный и духовный мир этой женщины, встречаются чрезвычайно редко. Тут, как и во многих других аспектах романовской темы, эмоции и «общепринятые» клише превалируют над действительными фактами.

Подлинных же личных документов А.А. Вырубовой сохранилось немного. Нет дневника¹, очень мало осталось писем, имеются лишь телеграммы и коротенькие записочки². Словно предчувствуя грядущее крушение и не желая оставлять будущим палачам документальные свидетельства, она не раз просила Царя и Царицу уничтожать ее послания, что и исполнялось. Так, 8 января 1916 года Николай II писал Жене: «Письма А. Я по прочтении всегда рву на мелкие клочки, так что Тебе нечего беспокоиться. Ничего из ее писем не сохранится для потомства».

Оказавшись в эмиграции, подруга Царской Семьи написала воспоминания «Страницы моей жизни», вышедшие первый раз в Париже в 1923 году. Это наиболее полный рассказ о себе и своих Венценосных друзьях.

¹ Неоднократно публиковавшийся «Дневник» А.А. Вырубовой — грубая фальшивка, сочиненная историком революционного движения П.Е. Щеголевым и писателем, будущим «любимцем» И.В. Сталина — А.Н. Толстым.

² Наиболее полное собрание документов содержит публикация: Верная Богу, Царю и Отечеству / авт.-сост. Ю.Ю. Рассулин. СПб., 2005.

Сближение Ани Танеевой с Семей Царя началось в 1905 году, когда летом Они взяли молодую, услужливую фрейлину в летнюю поездку на Императорской яхте по финляндским шхерам. Николай и Александра любили такой отдых: на лоне природы, вдали от сложных государственных забот, от надоедливости света и от повседневной придворной суеты. Через год Они взяли ее снова. Фрейлина покорила тем, чему всегда симпатизировала Императрица: нехитрой искренностью своих чувств и глубокой религиозностью.

По возвращении в Петербург Анна Александровна стала удостаиваться невероятных в ее положении знаков внимания: она становится завсегдатаем на Царских трапезах, участником вечерних посиделок-собеседований в интимном кругу. В дневнике Николая II за 30 октября 1906 года записано: «Обедала А.А. Танеева. Провели с нею вечер». С осени 1906 года и можно вести отчет взаимных симпатий между Царской Четой и молодой придворной служащей.

Пожалуй, наиболее выразительный портрет этой «злой интриганки» оставила в своих воспоминаниях Лили Ден, почти десять лет близко общавшаяся с ней. «Она среднего роста, каштановые волосы; большие красивые серо-голубые глаза, отороченные длинными ресницами; небольшой вздернутый носик. У нее детское лицо — белое и румяное. В отличие от вампира Анны, какой ее изображают в романах, она, увы, очень полная. Но у нее чарующая улыбка, красивый рот. Она была слабой, податливой и в то же время привязчивой, цепкой, как плющ. Императрица относилась к ней, как относятся к беспомощному ребенку».

Сведущая мемуаристка не оставила в стороне и злободневный сюжет о политической роли Анны Александровны Танеевой-Вырубовой, о полном отсутствии

политического влияния. Во-первых, потому, что не предполагала должными интеллектуальными данными, не преследовала никаких карьерных устремлений и была лишена политических интересов. Во-вторых, потому, что подобного рода попытки были немедленно бы пресечены Александрой Фёдоровной.

«Императрица ласкала Анну, поддразнивала, бранила ее, но никогда не интересовалась ее мнением, за исключением вопросов, касающихся благотворительности». Сохранившиеся документы той поры со всей очевидностью подтверждают наблюдения Лили Ден.

Александра Фёдоровна, исповедовавшая культ семьи, в которой, по Ее глубокому убеждению, женщина и могла обрести земное счастье, приняла большое участие в устройстве личного благополучия «дорогой Ани». В январе 1907 году при Ее заинтересованном участии Анна Танеева была помолвлена с лейтенантом А.В. Вырубовым. После этого они представлялись Императорской Чете, и получили Высочайшее благословение. Венчание Анны Танеевой с Александром Вырубовым состоялось 30 апреля 1907 года в церкви Большого Царскосельского дворца в присутствии Николая II и Александры Фёдоровны.

Незадолго до того произошло и знакомство Анны Танеевой с Григорием Распутиным. Эту историю она сама рассказала. «За месяц до моей свадьбы Ее Величество просила Великую княгиню Милицу Николаевну познакомить меня с Распутиным. Я слышала, что Великая княгиня очень умна и начитанна, и была рада случаю встретиться с ней в ее дворце на Английской набережной, была ласкова и час или два говорила со мной на религиозные темы. Я очень волновалась, когда доложили о приходе Распутина. „Не удивляйтесь, сказала она, — я с ним всегда христосуюсь“. Вошел Григо-

рий Ефимович, худой, с бледным изможденным лицом, в длинной черной сибирке: глаза его, необыкновенно пронизательные, сразу меня поразили и напомнили глаза отца Иоанна Кронштадтского.

„Попросите, чтоб он помолился о чем-нибудь в особености“, — сказала великая княгиня по-французски. Я попросила его помолиться, чтобы я всю жизнь могла положить на служение Их Величествам. „Так и будет“, — ответил он, и я ушла домой. Через месяц я написала Великой княгине, прося ее спросить Распутина о моей свадьбе. Она ответила мне, что Распутин сказал, что я выйду замуж, но счастья в моей жизни не будет».

Распутинское пророчество очень скоро сбылось. Несмотря на Высочайшее покровительство, брак оказался несчастливым. Уже вскоре после замужества выяснилось, что муж бывшей фрейлины страдает приступами острого психического расстройства, маниакальными садистскими наклонностями и импотенцией. Кроме того, он обладал патологической ревностью и не раз устраивал громкие сцены, от которых простая, бесхитростная Аня не раз чуть не лишалась чувств.

Наиболее громкая история случилась через год после замужества. В тот раз Анна устроила у себя небольшой обед и пригласила нескольких лиц, в числе коих были Императрица и генерал А.А. Орлов. Супруга не было, и Анна чувствовала себя хозяйкой.

В самый разгар трапезы неожиданно вернулся А.В. Вырубов, которого караульный казак из конвоя, по незнанию персоны, отказался пустить в дом, где находилась Императрица. Ревнивый же муж заподозрил неладное, устроил громкий скандал, а когда гости разошлись, то учинил безобразный дебош, избил супругу, обвинив ее в супружеской неверности. Скандальная история быстро достигла петербургских гостиных, об-

росла здесь «пикантными подробностями». В таком красочном виде она и была донесена до потомков благодаря дневнику генеральши Богданович и мемуарам экс-премьера Витте.

Прожив с садистом-импотентом в муках, слезах и синяках чуть больше года, Аня Вырубова бежала от него при благосклонно-сочувственном отношении Императорской Четы, знавшей все перипетии этого неудачного супружества. Царская Семья осталась для нее родной теперь уже до конца.

Формально Вырубова больше никаких придворных званий не имела. Александра Фёдоровна числила ее Своей подругой, Ей казалось, что этого «звания» вполне достаточно. Ей не раз напоминали, что это «неудобно», что требуются «объяснения». Царица же была тверда в своих суждениях, непреклонна в решениях: «Я никогда не дам Анне официального места при Дворе. Она Моя подруга, и Я хочу, чтобы она ею и осталась. Неужели Императрицу можно лишить права, какое имеет любая женщина, — права выбирать себе друзей?»

Однако никаких человеческих прав за Ней высшее общество не признавало. Ей отводилась роль лишь красивой и любезной «этикетки» Империи. Ей надлежало ублажать слух и глаз именитых и родовитых «учтивыми» разговорами и обходительностью; Она должна была внимать словам «их светлостей» и «их сиятельств», спрашивать их советов, наносить визиты, самой принимать без конца. Ничего этого последняя Царица не делала и не хотела делать.

Выросшая при дворе Своей бабки, английской королевы Виктории, Она прекрасно знала, что, несмотря на свой пуританский нрав, строгое соблюдение династического этикета, британская королева позволяла себе иметь друзей и проводить в их обществе свободное

время. Государыня Александра Фёдоровна полагала, что и в России можно иметь право на частную жизнь.

Однако здесь всё было иначе, всё было более резким, более нетерпимым. Монархов или боготворили, или шельмовали. Никакой «середины» в отношении к Царям в высшем обществе никогда не было. Два самых известных и близких друга Царицы — Распутин и Вырубова — стали в обществе не только скабрёзной шарадой. Они превратились в пугала, которыми в конце концов просто застращали всех и каждого.

Одного имени «Вырубова» было достаточно, чтобы перед глазами столичной публики предстал живой образ «мерзости разложения». Вырубова знала о многих характеристиках на свой счет и с большим юмором и мастерством их обыгрывала на вечерних посиделках в присутствии Царя и Царицы, в том числе не раз повествовала о своих совместных с Григорием «помывах» в бане. Эти «Анины комедии» особенно веселили Николая II, но ни Он, ни Царица никогда бы и вообразить не могли, что подобным глупым домыслам предназначена долгая жизнь.

Императрицу и Ее наперсницу сближало одинаковое отношение к Г.Е. Распутину, которого они обе глубоко почитали, видя в нем воистину Божьего человека, способного наставить на праведный путь, объяснить и указать судьбу.

Подруга Анна во всем старалась помогать Александре Фёдоровне. Всегда была рядом, хлопотала, старалась облегчить повседневные заботы Императрицы и Матери. Помогала Детям делать уроки, обучала рукоделию, участвовала в совместных чтениях, разучивала с Царицей романсы и оперные арии, но и, конечно же, бессменно была рядом в случаях болезни кого-либо из членов Императорской Семьи.

Свою повелительницу-подругу Анна Александровна любила самозабвенно и была готова пожертвовать для Нее и Ее семьи даже собственной жизнью. Эту преданность и бескорыстную любовь (взамен она ничего не просила, не требовала и не имела) Царица чувствовала постоянно и всегда высоко ценила, тем более что как Она постоянно убеждалась, действительной искренности в окружавших Их людях было так мало!

Душевное расположение Царицы быстро подняло молодую фрейлину на невероятную высоту в неписаной иерархии Русского двора. Подумать только: она постоянно обедала с Их Величествами! Она регулярно проводила с Ними семейные вечерние часы! Для чиновно-придворного мира все это было невероятно, непонятно, и требовало объяснений, которые быстро и появились. Циркулировавшие во множестве «сведения» об этой дружбе (о некоторых из них уже речь шла) в очередной раз показали, насколько инспираторы их были далеки от понимания истинных причин, объединявших столь разных по своему положению женщин. Но, может быть, и умышленно не хотели понять.

В начале века для русского общества, в первую очередь для дам высшего света, характерны удивительная эротическая истерия, надрывный культ плотской чувственности и вакхического экстаза. Разнузданную похоть прикрывали разговорами о поисках простоты, искренности и истинности. Эта атмосфера сексуального надлома очень способствовала росту известности, а затем и ажиотажу вокруг личности Григория Распутина.

Темы книг и лекций по вопросам пола в начале XX века стали чрезвычайно популярными. Разговоры на эти темы, еще совсем недавно немыслимые в пури-танском русском обществе, после наступления «эры свободного самовыражения» сделались необычайно

модными. Различные авантажные «эмансипэ» из высших кругов чуть ли не все поступки людей стали объяснять «половыми влечениями».

В Россию хлынул поток эротической и порнографической литературы из Европы: частично из Германии, но особенно из Франции, где был в то время главный центр мирового «порнобизнеса». Да и в самой России появилась своя нелегальная «увлекательная продукция».

Чиновники цензурного ведомства не успевали изымать из обращения книги, брошюры и картинки самого откровенного характера. О содержании этих произведений красноречиво говорили названия: «Тайны кушетки», «Мужчины-проститутки», «Сладострастие на острове Лесбос», «Римский разврат», «Ночные мистерии», «Сады любви Парижа», «В постели с двумя мужчинами».

Русское общество в целом хоть еще не было готово к «сексуальной революции», но некоторые представители высшего света двигались в этом направлении, что называется, на всех парусах.

Естественно, что в господствующих в обществе представлениях и настроениях так или иначе преломлялась жизнь Императорской Семьи, хотя Царь и Царица были бесконечно далеки от подобных модных течений и никогда такие темы публично не обсуждали, да и вообще не высказывали никакого интереса к ним. Через некоторое время беспощадная молва будет утверждать, что А.А. Вырубова, эта пресловутая «устрица», сожительствует с «грязным мужиком Распутиным». Чуть позже подобное обвинение будет брошено и по адресу Царицы.

Доброта и преданность притягивали Александру Фёдоровну к Ане Вырубовой. И конечно же, как Она убедилась при близком общении, ее любовь и вера. Они вместе молились, и для Александры Фёдоровны присут-

ствие фрейлины не было в тягость. Они многое понимали и чувствовали одинаково. К тому же навсегда сковали их цепью общей судьбы Григорий Распутин, которому они последние годы его жизни полностью доверяли.

Уже в 1908 году А.А. Вырубова была убежденной поклонницей «старца». В ноябре 1908 года генеральша А.В. Богданович получила через камердинера Царя удивительную информацию, которую тут же записала: «Оказывается, что Вырубова дружит с каким-то мужиком, да еще с монахом. И вот фотография, на которой она снята сидящая рядом с мужиком, ее принесла горничная. Радциг (камердинер Императора Николая II. — А. Б.) глазам своим не поверил, когда это увидел. У этого мужика звериные глаза, самая противная нахальная наружность. Эту фотографию Вырубова не держит открыто на столе, а лежит она у нее в Евангелии. И что еще печальнее, что и мужик, и монах бывают у Вырубовой при Царице, когда Она посещает Вырубову. Этому мужику Вырубова собственноручно сшила шелковую голубую рубашку. Часто бывает он у Вырубовой в Царском, но пока еще во Дворец не показывался».

У Александры Фёдоровны вера в Распутина никогда не была слепой. Доверяя честности и правдивости Анны, Она дважды просила её съездить на родину Распутина и посмотреть, как живет этот человек. И Анна ездила, а потом рассказывала. Первый раз поездка состоялась за несколько лет до Первой мировой войны, а второй раз — в 1916 году, вместе с Лили Ден. Свои впечатления Вырубова передала в воспоминаниях.

«Из Тюмени до Покровского ехали 80 верст в тарантасе. Григорий Ефимович встретил нас и сам правил сильными лошадьми, которые катили нас по пыльной дороге через необъятную ширь сибирских полей. Подъехали к деревянному домику в 2 этажа... Встретила нас

его жена — симпатичная пожилая женщина, трое детей, две немолодые девушки-работницы и дедушка-рыбак¹. Все три ночи мы, гости, спали в довольно большой комнате наверху, на тюфяках, которые и расстлали на полу. В углу было несколько больших икон, перед которыми теплились лампы. Внизу, в длинной темной комнате с большим столом и лавками по стенам, обедали, там была огромная икона Казанской Божией Матери, которую они считали чудотворной...

Крестьяне относились к гостям Распутина с любопытством, к нему же безразлично, а священники враждебно». (О причинах «враждебности» речь пойдет особо).

...Анна жила интересами и заботами Монаршей Семьи. Она чтит Распутина как великого молитвенника. Вот несколько ее телеграмм ему. «Посылаю тебе, дорогой отец Григорий, письмо от Старшей (речь идет о письме Ольги Николаевны. — А. Б.). У нас Маленький все очень болен, говорят, от жары и кашля лопнул внутренний сосуд и кровоизлияние, опухоль на боку, боль и жар. Молись о нас. Твоя Анна» (июнь 1912 года). «Мама (Царица. — А. Б.) обрадована телеграммой, у Маленького нога болит, тоскую по тебе, верю: всё также о всех молишься. Анна» (9 июня 1913 года). «Ножка болит. Папа (Николай II. — А. Б.) также расшиб ногу больно, помолись. Другие ничего, часто вспоминаю. Анна» (29 ноября 1913 года).

Постепенно «милая Аня» настолько стала близка Царской Семье, что уже не всегда считала возможным слушаться Императрицу и начала проявлять признаки своеволия, что у Александры Фёдоровны вызывало раздражение. В 1914 году наступил кризис отношений.

Ее возмущало поведение «коровы» (так Царь и Царица называли ее между Собой) в отношении Ни-

¹ Имеется в виду отец, дедушки Распутина к тому времени в живых уже не было.

колая II, которому та постоянно писала пространные послания, полные объяснений в глубоких симпатиях, отнимая «драгоценное время» и не понимая, по словам Царицы, что «ее письма не представляют для Тебя интереса». Хотя эту корреспонденцию Вырубова всегда давала читать Царице, но тем не менее возникали какие-то тревожные опасения.

Вот выдержка из письма Александры Фёдоровны от 27 октября 1914 года: «Утром она опять была со Мной очень нелюбезна, вернее даже груба, а вечером явилась гораздо позже, чем ей было позволено прийти, и странно вела себя со Мной. Она сильно флиртует с молодым украинцем (речь идет о раненом царскосельского госпиталя. — А. Б.), тоскует и жаждет Тебя, и по временам чрезвычайно весела... Конечно, это нехорошо, что Я на нее ворчу, но Тебе хорошо известно, как она может раздражать. Увидишь, когда вернешься, она будет Тебе говорить о том, что как ужасно она без Тебя страдала, хотя она вполне наслаждается обществом своего друга, которому кружит голову, но не настолько, чтобы позабыть о Тебе. Будь мил и тверд, когда вернешься, не позволяй ей грубо заигрывать с Тобой, иначе она становится еще хуже — ее постоянно следует охлаждать».

Призывая Супруга к твердости, Александра Фёдоровна не нашла в Себе силы и твердости, чтобы объясниться с подругой. Отношения между ними явно начали затухать и, если бы не события начала 1915 года, то вряд ли А.А. Вырубова продолжала оставаться особо доверенным лицом. Однако страшная железнодорожная катастрофа, жертвою которой стала бывшая фрейлина Царицы, изменила ход событий.

Согласно сводке тогдашнего товарища (заместителя) министра внутренних дел 2 января 1915 года «на 6-й версте на Царскосельской дороге от Петрограда, про-

изошла железнодорожная катастрофа. Это было во второй половине дня, в 5 час. 43 мин. вечера. Убито было 4 человека, тяжело ранено 10 и легко около 40. Среди тяжелораненых оказалась А.А. Вырубова, которую отнесли в ближайшую будку стрелочника. У нее были переломаны обе ноги, черепная травма. Она страшно кричала... Императрица прислала врача-женщину, княгиню Гедройц — главного врача Царскосельского лазарета Императрицы. Осмотрев А.А. Вырубову, она нашла ее состояние настолько тяжелым, что просила немедленно вызвать ее родителей, так как ей оставалось жить несколько часов ... На поезде Императрицы Вырубову отвезли в госпиталь в Царском Селе».

Вечером того дня у постели бредившей больной появился Распутин. Он поднял руки кверху, обратился к умирающей: «Аннушка, открой глаза». Неожиданно для всех А.А. Вырубова вернулась из забытья и обвела взглядом всех присутствующих. Ее состояние удивительным образом с этого момента стало улучшаться. Несмотря на многочисленные переломы ног, тазобедренных костей и общее сотрясение организма, Анна Александровна выжила, но навсегда осталась хромой. Царица же, забыв все Свои обиды и недовольства, часами сидела рядом, ухаживая за нею всё время ее болезни.

Железнодорожная катастрофа и связанные с нею тяжелые потрясения вызвали в душе у А.А. Вырубовой еще большую симпатию к Распутину, молитве которого она приписывала своё спасение. Частое общение с ним стало потребностью ее души. В ноябре 1915 года, говоря о ней, Императрица с удивлением заметила: «Как она вынослива, хотя и жалуется, что калека! Почти ежедневно трясется в автомобиле в город и взбирается на третий этаж к нашему Другу».

В результате аварии характер «коровы» ухудшился, и она стала часто вести себя как капризный ребенок, что Александра Фёдоровна молча выносила. В письмах же Мужу постоянно жаловалась на ее поведение. «Она думает только о себе, — писала Императрица в марте 1915 года, — и злится, что Я так много времени провожу с ранеными... Если бы она хоть раз сооблаговолила вспомнить, кто Я, она поняла бы, что у Меня есть другие обязанности, кроме нее. Мы ее слишком избаловали, но Я серьезно нахожу, что она как дочь наших друзей должна была бы лучше понимать вещи; Меня изводит ее эгоизм».

Однако ничего уже больше не изменилось. Александре Фёдоровне и Анне Александровне суждено было еще пережить многое. До крушения русского мира они остались неразлучными, и Царица смирилась со всеми причудами и неудобными привычками Ани, у которой никого ближе на свете и не было и которая доверяла Царице все.

Старшая дочь Николая II Великая княжна Ольга Николаевна сообщала Отцу в августе 1916 года: «Аня получила длинное, интересное письмо от Н.Н. Родионова (старший лейтенант гвардейского экипажа. — А. Б.), которое она сама не читала, но в ее отсутствие Мама получает всю ее почту, и разрешается такие письма читать»...

...После Февральской революции для А.А. Вырубовой началась полоса арестов и гонений. Ей, как и ее Венценосной Покровительнице, пришлось испытать много унижений и оскорблений; ее воспринимали как олицетворение всего самого «тёмного» и «грязного», что было в ушедшей России.

Находясь в заточении в Свеаборгской крепости, она писала одной своей знакомой в сентябре 1917 года: «Боже, что я переживаю и пережила, и часто думаю, за

что Богу угодно было так снова испытать меня после всех уже пережитых страданий... Я в руках черни — то, чего боялась, и Вы сами знаете, что эта толпа матросов не рассуждает, они как дикие звери».

Послефевральская судьба Александры Фёдоровны уже не была связана с «дорогой Анечкой», которая, что можно утверждать наверняка, по своей воле никогда бы не оставила Императора и Императрицу. Потерпев множество крушений, разочарований и предательств, опальная Царица могла быть уверена, что в искренней верности А.А. Вырубовой Она не ошиблась. По крайней мере, одна «подданная» у Нее осталась навсегда.

Глава VI. «Исчадие ада» выводят на арену

Предметом оживленных разговоров в светских и политических салонах Петербурга Распутин становится с конца 1909 года. 17 января 1910 года Великий князь Константин Константинович записал в дневнике: «Его Святейшество Владимир¹ пожелал говорить со мной. Епископ говорил о каком-то юродивом Григории, простом крестьянине, которого ввела к Императрице Александре Фёдоровне Милица и который, по-видимому, имеет большое влияние на окружение Царицы. Я был неприятно удивлен, что епископ коснулся предмета, нам совершенно чуждого и такого, в котором крайне трудно установить, где кончается правда и начинаются слухи».

Как человек, преданный монархическому кодексу чести, как верный подданный Государя, Великий князь был удивлен и озадачен тем, что жизнь Царской Семьи становится темой пересудов. Неизвестно, что именно говорил владыка Владимир, но ясно, что ничего определенного он сказать не мог. Сам он с Григорием не общался, судил с чужих слов, что Константин Константинович и отметил.

Другие члены Императорской Фамилии были куда более деятельными в добывании «сведений» о «тайной

¹ Речь идёт о митрополите Московском и Коломенском Владимире (Богоявленском), ставшем в ноябре 1912 года митрополитом Петербургским и Ладужским.

жизни Царского Села». Сестра Николая II Великая княгиня Ксения Александровна особенно старалась узнать «правду». Хотя она общалась с Братом и Его Женой, прекрасно знала Детей, уклад Царской Семейной жизни, но своим глазам не верила. Она могла задать вопрос, могла спросить. Но не спросила.

Она верила слухам, которые разносили по Петербургу усердные сплетники, и собранную «важную информацию» непременно приносила к своей матери — Императрице Марии Фёдоровне. Постепенно Вдовствующая Императрица была соответственно настроена.

В мае 1911 года Константин Константинович описал в дневнике свой разговор в Аничковом дворце с Вдовствующей Императрицей Марией Фёдоровной. Она «сокрушалась, что продолжают таинственно принимать какого-то юродивого мужика Гришу, который наказывает Императрице Александре Фёдоровне и Детям соблюдать тайну и не говорить, что видели его. Приучение Детей к такой секретности едва ли благотельно. Столыпин как-то докладывал Государю, что этот Гриша — проходимец, но в ответ получил приказание не стеснять Гришу».

Здесь примечателен негативный настрой, характерный для умонастроения Императрицы Марии. Слухи делали свое черное дело и события обрисовывались совершенно в ином свете. Столыпин действительно говорил с Государем о Распутине (об этом речь впереди), но «проходимцем» никогда не называл по той простой причине, что несколько лет назад Григорий молитвой облегчал страдания раненой дочери Столыпина.

Что касается «тайны», то Григорий Распутин членам Царской Семьи не «наказывал». Александру Фёдоровну вообще ни к чему нельзя было принудить. Именно Она, а не кто-то другой, просила Дочерей, не рассказы-

вать никому о Григории. Царица слишком хорошо знала придворный мир; тут любое слово сплошь и рядом переиначивали до неузнаваемости.

Слух о «приказе Распутина» распространяли некоторые недобросовестные придворные, в первую очередь фрейлина двора (с 1905 года), а затем состоявшая при Великих княжнах С.И. Тютчева. Сама она Распутина встретила лишь один раз в коридоре Александровского дворца, но и этого было достаточно, чтобы «воспылать» ненавистью к «грязному мужику». Она пыталась выведать подробности «общения» у Княжон, но Те ей ничего не рассказали. Самолюбие амбиционной старой девы, считавшей себя полной хозяйкой в мире Царских Детей, было уязвлено смертельно.

Исповедовавшая «свободомыслие» внучка великого поэта Ф.И. Тютчева стала порочить не только Распутина, но и Александру Фёдоровну, которая якобы «неправильно воспитывает Детей». Когда мера терпения у Венценосцев иссякла, то в 1912 году ей указали на дверь. «Вылетев из дворца», бывшая фрейлина неистово несколько лет инсинуировала, рассказывая о том, как «развратник Гришка» бывает «в спальнях» у Княжон, «гладит» Их, лежащих уже в постели, и подобную злонамеренную ложь. Сама она ничего этого не видела, но её рассказы многими принимались на веру: Тютчева ведь «очевидец»! Поверил им председатель Государственной думы Родзянко, поверили и многие другие.

Приняла сплетни за правду и Великая княгиня Ксения. 25 января 1912 она занесла в дневник: «Говорили о Гермогене, Илиодоре, а главное — о Григории Распутине. Газетам запрещено писать о нём, а на днях в некоторых газетах снова появилось его имя, и эти номера были конфискованы. Все уже знают и говорят о нем, и ужас какие вещи про него рассказывают, т.е. про Аликс и всё,

что делается в Царском. Юсуповы приехали к чаю — всё тот же разговор — и в Аничковом вечером, и за обедом рассказывала всё слышанное. Чем все это кончится? Ужас!».

Царские родственники и знакомые чуть ли не целый день обсуждали «ужас» Царского Села! Что же такого страшного происходило в Царском? Чему ужасалась Великая княгиня? Ведь она знала, что Распутин помогал преодолевать приступы болезни у Цесаревича. Об этом ей рассказала сестра Ольга Александровна, и лично наблюдавшая, и слышавшая объяснения Александры Фёдоровны.

Да и сама Ксения имела возможность регулярно бывать в Царском доме, а Александру Фёдоровну она знала почти два десятка лет. Царица относилась к сестре Мужа с ровной симпатией и ни единожды не позволила выказываться критически на её счет. А повод был вопиющий — Ксения Александровна завела себе возлюбленного, жившего месяцами в её доме! И это на глазах прислуги, придворных, родственников, а главное — детей! Ксению эта связь совсем не шокировала. Мало того, Она была возмущена, что на их счет злословят. В дневнике 13 ноября 1911 года зафиксировала риторический вопрос: «Отчего же мы не можем иметь, кого хотим?».

Дочь Царя (Александра III) и сестра Царя (Николая II) была убеждена, что не совершает ничего предосудительного, прогуливаясь в крымском имении Ай-Тодор в пеньюаре (!) со «своим другом» мистером Фэнном¹. А вот Царица «фраппирует² общество», ведя духовные беседы с крестьянином-христианином. Это «скандал», это «эпатаж», это «ужас»! Она ведь Царица! Но если Ксения признавала исключительное положение

¹ В своем дневнике Ксения Александровна шифровала его буквой F.

² От фр. *frapper* — поражать, потрясать.

Александры Фёдоровны, то она должна была бы испытывать к Ней и особое отношение. Куда там!

Великая княгиня принимала живое участие в обсуждении и еще одной занятой светской темы: «живет» или «не живет» Александра Фёдоровна с «этим Гришкой».

Господи! Княгиня ведь рядом с Ней находилась, лично десятилетия знала Ее морально бескомпромиссную натуру, но судила о своей Золовке на уровне какого-нибудь Керенского. Фактически Ксения допускала, что и ее Брат, уж Он-то, с младенчества ей хорошо известен, что и Он способен общаться с каким-то «грязным» человеком, да и вообще позволять нечто предосудительное в Своем доме!

Миропредставления Великой княгини — диагноз тяжелой, неизлечимой болезни высшего общества, предвосхищавшего его неминуемую гибель. Там, где господствуют двойные стандарты, там отсутствуют всякие принципы. А это нравственный распад, что такие люди, как Ксения Александровна, наглядно и являли.

Но если бы только Великая княгиня стала жертвой инсинуаций! Увы! Подобных персонажей в высшем обществе России было более чем достаточно, и их становилось всё больше и больше.

Распутинская тема постепенно выходит далеко за рамки сплетен о семейном времяпрепровождении Царской Семьи, и все больше и больше приобретает политический характер. Именно в этот период враги монархической системы вообще и личные недоброжелатели Николая II в частности начали публично, как страшилкой, размахивать этим именем. Как справедливо заметил лейб-медик Е.С. Боткин, «если бы не было Распутина, то противники Царской Семьи и подготовители революции создали бы его своими разговорами из Вырубовой, не будь Вырубовой, из меня, из кого хочешь».

Настроение «просвещенной публики» было готово к восприятию любой антицарской клеветы, принятию самых невероятных суждений о Царе и Его близких. Как уже говорилось, истинное положение вещей, реальные факты и события мало кого интересовали. В тон общественных представлений попадало лишь то, что соответствовало двухмерной системе политических координат: всё, что связано с властью, — зло, всё это — «темнота» и «разложение».

В то же время все и всё, что этой власти противостоит, вызывали если и не умиление, то уж сочувственное снисхождение обязательно. Чтобы пояснить современному читателю, какие конкретные формы приобретало умопомешательство «передовых кругов общества», сошлемся лишь на один случай, далеко не самый известный, но чрезвычайно показательный.

Дело происходило в Москве в начале февраля 1905 года. На званом вечере во дворце князей Долгоруких собрались сливки московской аристократии и интеллигенции. Обсуждали злободневные вопросы. Только недавно случились громкие эксцессы в Петербурге (так называемое Кровавое воскресенье), и собравшее у Долгоруких общество бурлило и негодовало.

Радушные хозяева, братья князя Павел и Петр Дмитриевичи Долгорукие, представители высшей дворянской аристократии, родовитостью своей (Рюриковичи!) соперничавшие с самими Романовыми, были особо нетерпимы по отношению к Царю и «Его сатрапам». Собравшиеся единодушно требовали конституции, ратовали за «обуздание произвола», вырабатывали план политических действий «всего общества». Если бы не накал страстей, то внешне всё это походило бы на традиционные собрания родовой и интеллектуальной элиты, которые давно стали обычными и в Москве, и в Петербурге.

История не сохранила для потомков, в какой фазе приема — то ли до ужина и шампанского, то ли во время трапезы, то ли сразу же после нее — гостей начал веселить один «удачный перл». Он относился к происшествию, случившемуся накануне: в Кремле бомбой террориста убили дядю Царя, бывшего Московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича. Покойный слыл «реакционером» и, естественно, никакого сочувствия у собравшихся «прогрессивных деятелей» не вызывал. Конечно же, никому и в голову не пришло осудить злодеяние.

Внимание привлекло другое. Как передавали очевидцы, взрыв был такой силы, что «мракобеса» буквально разорвало на куски, которые потом долго собирали. Говорили, что голова Великого князя оказалась на крыше здания Сената! Это обстоятельство породило остроту, которая долго забавляла: «Пришлось наконец и Великому князю пораскинуть мозгами!»

Князя Долгорукие и их гости веселились от души. И кто тогда в богатой гостиной с бокалом французского шампанского в руке в «эпоху безвременья» в «царстве самовластья» думал о том, что одобрением убийств политических противников они готовят и себе и России жуткую участь. Никто не думал.

Все отечественные «либералы» и «свободолюбцы» получили судьбу, сотворенную собственными руками. Кто-то был уничтожен в застенках, кто-то сгинул в лагерях, а некоторые «удачливые», успевшие унести ноги от беспощадной «пародной власти», влачили жалкое существование беженцев-изгоев. Не было уже больше «тёмной империи», «выродившейся династии», «реакционной политики». Вместе с «реакционным режимом» исчезли особняки, гувернантки, камердинеры, имения, вояжи в Биарриц и Баден-Баден, изысканные приемы

и фамильное серебро. Вкус шампанского остался лишь сладостным воспоминанием о давно ушедшей эпохе «освободительного движения».

Важно отметить исторически существенный момент, помогающий понять причины цветения «распутиниады»: господствующее в обществе настроение. Если уж убийство члена Династии вызывало кощунственное словоблудие, то нетрудно представить, какого характера «спичи» вылетали из уст «революционеров с хорошей генеалогией», не говоря уже о прочих «пламенных борцах» за счастье народное, по адресу живых «опор режима», в первую очередь самого Царя.

Распутин оказался в фокусе общественной борьбы, стал инструментом политических и фракционных интриг, удобным поводом для общественной саморекламы, публичного самоутверждения. При этом одни преследовали разрушительные цели, другие же, главным образом из кругов салонной столичной публики, ни о какой революции, естественно, не мечтали, но нанесением оскорблений Монарху, старались удовлетворить мелкие личные амбиции.

В итоге и те (революционеры и ненавистники системы) и другие («сливки» чиновно-аристократического общества) оказались сообщниками. Случай подобной поразительной «диффузии» столь разных социальных элементов не имеет аналогов в мировой истории.

Как уже отмечалось, в авторитарно-теократической системе, каковой и являлось русское Самодержавие до своего крушения, Монарх являлся фигурой исключительной. Царские порфиры отражали свет Небес, он был Помазанником Божьим. Поэтому любое умаление престижа власти, тем более ореола небесного избранничества, неизбежно ослабляло власть, а в конечном счете и всю государственную конструкцию.

Когда в нелегальных газетах, в подметных воззваниях и листовках Царя называли «глупым» или «кровавым», а Царицу «немецкой шпионкой», то эти обвинения мало кто слышал, да на них почти никто и внимания не обращал. Когда же нелицеприятные, а затем и просто оскорбительные отзывы и характеристики зазвучали от депутатов парламента, из уст высокопоставленных лиц до некоторых Царских родственников включительно, то они получали совершенно другой резонанс.

Скажем, публичные истерики по поводу «козней грязного Гришки», которые устраивал «камергер Высочайшего двора» и председатель Государственной думы М.В. Родзянко, разрушали ореол власти, а следовательно, и сложившийся миропорядок куда сильнее, чем гневные разоблачительные статьи лидера большевиков Владимира Ульянова-Ленина на страницах нелегальных изданий.

Распутинская история раскрывает предреволюционный общественный психоз во всей его красе. Разговоры «о слабоволии Царя», о его «полном подчинении Царице», которая, в свою очередь, «закабалена Гришкой», действующим «в угоду врагов России», — все эти вердикты-эпитафии не о Царе говорили. Сам факт их распространения в чиновно-дворянской среде являлся красноречивым показателем «эрозии монархизма», которая в конечном счете и стала одной из первопричин крушения всей Самодержавной системы.

Распутин, которого Царь и Царица видели другом Своего дома, постепенно помимо своей воли становился политическим фактором. Его этим качеством наделяли светские «львы» и «львицы», как и клеветы партийных течений различного толка, записные борцы «за благо России» из стен Государственной думы.

Революция 1905 года завершилась, страсти начали затихать, но сольные партии «спасителей отечества» так манили, некоторые с ними уже свыклись. «Лидерам общественности» находиться «в простое» было нестерпимо, политика малых шагов утомляла, требовался выигрышный антураж. Тема о «тлетворных влияниях» его предоставляла.

Раздувание «распутинского чада» совпало по времени, с одной стороны, с охлаждением и разрывом близких отношений Царской Четы и двух черноморских сестер — Великих княгинь Милицы Николаевны и Анастасии Николаевны. «Черные женщины» не могли смириться с такой немилостью. Монолитная и энергичная великокняжеская группа во главе с «доктором алхимии» (такой диплом имела «первая интеллектуалка» династии Милица Николаевна) развернула войну компромата против Царицы, исторгнувшей их из круга избранных, из числа «первых подруг».

Никаких компрометирующих «документов» у неистовых сестриц, «черных женщин», как их называла Александра Фёдоровна, в распоряжении не было. Они могли лишь «уронить замечание», «ненароком обмолвиться», «выразить удивление». Делали княгини это со знанием дела. Их салонные реплики, с недоуменным выражением лица и вздернутыми бровями, касались одной темы — «странного поведения Императрицы», общавшейся с каким-то «грязным мужиком». Ничего больше не говорили, своих личных «показаний» о встречах с этим «мужиком» не приводили, но и того хватало. В высшем свете любили и умели разгадывать «дворцовые головоломки».

Развитию интереса в столичном обществе к загадочной фигуре способствовала серия церковных и светских скандалов, которые оказались в фокусе внимания как

раз накануне мировой войны. За всем этим гурманы-знатоки «политической кухни» увидели некую «интригу темных сил». Фигура Распутина очень удачно вписывалась в живописный образ «закулисных влияний».

В начале 1912 года имя Распутина было впервые прозвучано с трибуны Государственной думы, еще раньше эту тему стали «раскручивать» некоторые газеты. «Тайные пружины в политике» — вечно живой сюжет журналистики. Это почти всегда сенсация, а для автора — непременно громкое имя и повышенный гонорар. В этом отношении распутинский сюжет развивался в соответствии с традиционными приемами «охотников за сенсациями».

Внешность сибирского крестьянина была достаточно колоритной, и любое его публичное появление привлекало внимание. Вот каким увидела его, например, одна молодая столичная дама. «Распутина я увидела сразу, по рассказам я имела представление о нем. Он был в белой вышитой рубашке навыпуск. Темная борода, удлиненное лицо с глубоко сидящими серыми глазами. Они поразили меня. Они впиваются в вас, как будто сразу до самого дна хотят прощупать, так настойчиво, пронизательно смотрят, что даже как-то не по себе делается».

Портрет Распутина в изложении писательницы Н.А. Тэффи представлен более «художественно». «Был он в черном суконном русском кафтане, в высоких сапогах, беспокойно вертелся, ёрзал на стуле, пересаживался, дергал плечом... Роста довольно высокого, сухой, жилистый, с жидкой бороденкой, с лицом худым, будто втянутым в длинно-длинный мясистый нос. Он шмыгал блестящими глазами, колючими, близко притиснутыми друг к другу глазами из-за нависших прядей масляных волос. Кажется, серые были у него глаза. Они так бле-

стели, что цвет нельзя было разобрать. Беспокойные. Скажет что-нибудь и сейчас всех глазами обегает, каждого кольнет, что, мол, ты об этом думаешь, доволен ли, удивляешься ли на меня?».

Приведем еще портрет-зарисовку, оставленную французским послом в Петербурге Морисом Палологом, встретившим Распутина в доме княгини Палей. «Темные, длинные и плохо расчесанные волосы; черная, густая борода; высокий лоб, широкий, выдающийся вперед нос, мускулистый рот. Но все выражение лица сосредоточено в глазах льняного-голубого цвета, блестящих, глубоких, странно притягательных. Взгляд одновременно пронзительный и ласкающий, наивный и лукавый, пристальный и далекий. Когда речь его оживляется, зрачки его как будто заряжаются магнетизмом».

При очевидных разночтениях в приведенных текстах, одна черта облика поражала всех: глаза, неизменно притягивающие внимание. Вот что в этой связи написал знаток сектантства, историк и этнограф, а после 1917 года — известный деятель советского правительства В.Д. Бонч-Бруевич:

«Мое внимание прежде всего привлекли его глаза, смотревшие сосредоточенно и прямо, и все время игравшие каким-то фосфорическим светом. Он все время точно прощупывал глазами слушателей, и иногда вдруг речь его замедлялась, он тянул слова, путался, как бы думая о чем-то другом, и вперялся взглядом неотступно в кого-либо, в упор, в глаза, смотря так несколько минут, и все почти нечленораздельно тянул слова. Потом вдруг спохватывался: „Что это я“, смущался и торопливо старался перевести разговор. Я заметил, что именно это упорное смотрение производило особенное впечатление на присутствующих, особенно на женщин, которые ужасно смущались этого взгляда, беспокоились и потом

сами робко взглядывали на Распутина и иногда точно тянулись к нему еще поговорить, еще услышать, что он скажет».

В последние годы Монархии интерес к Распутину был огромный, что во многом объяснялось таинственно-скандальным ореолом, окружавшим этого человека. Оказавшись желанным гостем в шикарных столичных апартаментах, получив доступ к жизни, о которой он совсем еще недавно даже не подозревал, сибирский проповедник какое-то время держался.

Общение с Царями пьянило крестьянскую натуру. Рспутин стал мнить себя всемогущим, любил произвести впечатление рассказами о своем влиянии, и эти его застольные повествования (а во многих случаях рос-казни) передавались из уст в уста. Общественное мнение, осуждая Императрицу за ее веру в этого человека, само стало жертвой распутинского воздействия, безро-потно принимая слово за дело.

Товарищ министра внутренних дел С.П. Белецкий, близко наблюдавший Г.Е. Распутина, много раз встре-чавшийся с ним, отмечал такую характерную черту его, как «чувство какой-то болезненной чуткости в проявлении к нему знаков внимания со стороны того обще-ства, в среде которого он находился, желание его быть все время центром общего к нему интереса».

Подобную особенность, проявившуюся в поведении Распутина в последние два-три года жизни, подтверж-дают и другие источники. Вероятно он, как это бесчет-ное количество раз случалось и с другими, не смог вы-держать труднейшего испытания «медными трубами», т.е. славой, или точнее говоря, популярностью.

Из этого отнюдь не следует, что он нравственно пал, превратился в «пьяницу», «развратника» и «лицемера», в чём его непрестанно обвиняли. Однако рост самомне-

ния подвергал серьезной угрозе моральный авторитет Распутина, а его тяга к светскому общению и шумным компаниям плохо корреспондировалась с обликом христианского поводыря.

Может быть, главная беда, но не вина Распутина состояла в том, что ему пришлось возвращаться в такой среде, где «искренние чувства» и «откровенные слова» служили только ширмой, скрывавшей часто лишь эгоистические интересы и суетные устремления. Да и вообще, кто бы мог в водовороте мирской суеты сохранить первозданную чистоту своей души, кому бы удалось, живя среди людей, остаться во всем ревностным и непорочным хранителем высокого завета? Существует лишь один случай подобного беспримерного подвига — Иисус Христос. Но это уже история совершенно иного порядка.

Хотя всегда было много разговоров о сторонниках и ставленниках Г.Е. Распутина, однако сколько-нибудь благожелательные высказывания о нем в мемуарах современников можно отыскать с большим трудом. В обществе существовали свои неписанные правила игры. Даже те, кто по той или иной причине искали благорасположения Царского друга, вынуждены были скрывать эти свои «слабости», не выказывать симпатий и иногда даже публично осуждать поведение и роль «старца Григория».

Такое умолчание вызывалось опасением подвергнуться моральному террору общества, где возобладало однозначное мнение о том, что любые связи с этим человеком безнравственны и даже преступны. Этот «кодекс поведения» продолжал действовать и в эмиграции. Даже А.А. Вырубова, одна из самых преданных почитательниц «старца Григория», написав воспоминания, не нашла в себе силы подробно изложить потомкам историю своих с ним отношений, причины пиететного

отношения к нему. Эту духовную тайну распутинская «другиня Анна» унесла с собой в могилу.

Никаких скандальных эскапад в годы первых визитов в Петербург за Распутиным зафиксировано не было. Вел себя скромно, благочестиво, чем располагал к себе немалое число людей, желающих «найти истинный смысл жизни и настоящую дорогу в ней». Знавший его тогда полковник Д.Н. Ломан позже рассказывал:

«Познакомившись с Распутиным, стал его посещать с женою, а равно и он бывал у меня, но встречи наши не были часты. В то время Распутин вел себя безукоризненно, не позволял себе ни пьянства, ни особого оригинальничания. Распутин произвел на меня очень хорошее впечатление. Подобно доктору, ставящему диагноз при болезни физической, Распутин умело подходил к людям, страдающим духовно, и сразу разгадывал, чего человек ищет, чем он волнуется. Простота в обращении и ласковость, которую он проявлял к собеседникам, вносили успокоение».

Часто приезжая в Петербург, Г.Е. Распутин долго не имел здесь своего постоянного пристанища. Ему охотно предоставляли кров почитатели, число которых, вопреки распространенным слухам, никогда не было особенно велико. Вначале он неоднократно останавливался у епископа Феофана. Много раз его охотно принимали в семье петербургского журналиста правой ориентации кандидата права Г.П. Сазонова, которого восхищало глубокое религиозное чувство сибирского мужика.

«Прислуга наша, — свидетельствовал Г.П. Сазонов, — когда Распутин, случалось, ночевал у нас или приезжал к нам на дачу, говорила, что Распутин по ночам не спит, а молится. Когда мы жили в Харьковской губернии на даче, был такой случай, что дети видели его в лесу, погруженного в глубокую молитву. Это сообщение детишек заинтересовало нашу соседку-генеральшу,

которая без отвращения не могла слышать имени Распутина. Она не поленилась пойти за ребятишками в лес, и действительно, хотя уже прошел час, увидела Распутина, погруженного в молитву».

Всё вышеозначенное пресыщенное воображение совсем не воодушевляло. Ясное дело: из молитвенного усердия и неброской повседневной жизни изготовить «скандалёз» не было никакой возможности. Требовалась информация совсем иного характера. И если её не было в наличии, то ее не мудрствуя лукаво изобретали. При этом ничем не рисковали. Кто же пойдет заступаться за какого-то мужика, доказывать, что его оболгали? Мужик он и есть мужик, поди разберись, где в его прошлом правда, а где вымысел.

По мере роста известности Распутина вниманию публики предоставлялась «масса горячего материала», который «просто обжигал». Другу Царской Семьи приписывали пьянство, воровство, принадлежность к религиозной секте, но особенно уверенно и часто — половую разнузданность. Чад «леденящих кровь историй» о невероятных эротических похождениях Распутина и о немислимых оргиях пьянил воображение многих.

Некоторые из них якобы были публично оглашены самим «Гришкой-эротоманом». Много шуму наделал, например, рассказ, опубликованный в петербургских газетах журналистом И.Ф. Манасевичем-Мануйловым, поданный в форме доверительного признания:

«Будучи в Сибири, у меня было много поклонниц, и среди этих поклонниц есть дамы, очень близкие ко двору. Они приехали ко мне в Сибирь и хотели приблизиться к Богу... Приблизиться к Богу можно только самоунижением. И вот я тогда повел всех великосветских — в бриллиантах и дорогих платьях, — повёл их всех в баню (их было 7 женщин), всех раздел и заставил меня мыть».

На обывателя, погрязшего в неприметных, серых буднях, подобные красочные рассказы производили огромное впечатление: светские дамы «в бриллиантах и дорогих платьях», моющие в бане крестьянского мужика, — это видение настолько сильно подействовало на публику, что навсегда осталось в околораспутинской мифологии.

Никто из популяризаторов указанной истории, которая пересказана была с различными вариациями множество раз, не имел представления ни о крестьянской бане вообще, ни о, так сказать, «технологии помыва» в ней в частности. Семь дам в крестьянской бане просто не смогли бы проявить свою «преданность». Они даже и без «мехов и бриллиантов» там просто бы не поместились. Для такого одномоментного скопления почитательниц требовались совсем иные помещения, какие-нибудь римские термы или хотя бы номера столичных банных заведений.

Показательно же другое. Если верить описаниям, то почему-то столь любимым «банным развратом» Распутин занимался только в Покровском. Объяснить такую «географию» несложно. В столице какие-то недоверчивые могли начать проверять, устанавливая адрес заведения, время и т.д., и вся подоплека выяснилась бы очень быстро. То же, что происходило в Сибири, можно было подавать в любом освещении и обрамлении. Кто ж о том доподлинно знал?

Уверенно передавали и публиковали в газетах слухи о тёмном и даже «преступном» прошлом Распутина. Жизнь его в Покровском изображалась разгульной и разнузданной. Этот образ стал «хрестоматийным», и хотя он лишен исторической достоверности, благополучно дожил до наших дней.

Французский писатель русского происхождения Анри Труайя, уделивший в своем творчестве немало ме-

ста русской тематике (книги о Лермонтове и Пушкине — выдающиеся произведения франкоязычной литературы), не обошел стороной и «распутиниаду». Его перу принадлежит книга «Распутин», появившаяся в крупном парижском издательстве в 1996 году. В 1997 году она была издана на русском языке и в России.

Написанное рукой мастера яркое повествование наполнено множеством «красочных картин» и «паразитических деталей» из жизни загадочного сибирского мужика-проповедника. Труаяя уверенно бытописует «христианские радения», которые якобы стал практиковать Григорий Распутин со своими последователями уже в молодые годы в «арендованном доме» в Покровском.

«Здесь читают Новый Завет, много говорят об испытаниях верующих, ищут очищения в молитвах. Затем вновь посвященные дают волю своей любви к ближнему, обмениваются поцелуями с «братьями» и «сестрами». Бывает, все вместе отправляются в баню. Там в жаре и пару мужчины и женщины вместе приступают к очистительному омовению. Хлещут друг друга вениками, чтобы разогреть кровь, как это принято в русской бане. Утоляют страсть кто с кем на мокром полу, не уставая восхвалять Бога за удовольствие, которое он дарует своим ничтожным созданиям».

Приведенная панорама далеко не самая колоритная из тех, которые можно встретить на страницах произведений. Немыслимо далекая загадочная Сибирь, дремучие леса, дичь и глушь, а посреди этой первозданной темноты и варварства голый бородатый сладострастный мужик в окружении голых женских тел — подобные картины стали давно общим местом «распутиниады».

Но мэтрам пера и виртуозам кинокамеры из далеких стран в общем-то ничего изобретать не потребовалось. Задолго до расцвета Голливуда залихватские сказания

о «банных» и прочих «оргиях» сочиняли и в России. В основе их лежали материалы «расследований», проводившихся церковными и светскими властями, оборотистыми журналистами, видными общественными деятелями, «страдальцами за Россию» как из Таврического дворца, так и за его пределами.

Первое официальное расследование образа жизни, христианского благочестия и прошлого Распутина произошло в 1907 году и было инспирировано настоятелем церкви в Покровском Петром Остроумовым. Весной того года на сходе крестьян-прихожан Распутин предложил несколько тысяч рублей на новый храм.

Казалось бы, священник должен был испытывать лишь признательность и помянуть жертвователя с благодарностью в молитвах. Реакция же оказалась прямо противоположной. Он строчит донос церковному начальству в Тобольск, в котором обвиняет прихожанина своего прихода не больше и не меньше как в ереси, в принадлежности к хлыстовству.

Секта хлыстов, или как тогда нередко говорили, «хлыстунов», «хлыстоверов», была запрещена, и сектанты собирались нелегально. Приверженцы ее отрицали Церковь Иисуса Христа во всех её частях, в том числе и священство. Они считали, что Христос «продолжал жить» и воплощаться в разных людях, и для «слияния с Ним» прибегали на богослужениях к самоистязаниям. Нередко, войдя в сомнамбулический экстаз, занимались коллективным совокуплением. Сам Распутин называл хлыстов «грязной сектой».

Почему же гнев сельского батюшки вызвало поведение человека, сделавшего такое богоугодное дело, как строительство храма? И зачем якобы раскольнику-хлысту понадобилось давать пожертвования на православный храм, где молятся люди, не являющиеся хлы-

стовскими «братьями» и «сестрами»? Такие вопросы почему-то не возникли.

Сведения о «раскольничьем гнезде» в Покровском вызвали быструю реакцию. В сентябре 1907 года Тобольская духовная консистория по распоряжению епископа Антония (Каржавина)¹ заводит следственное дело, продолжавшееся восемь месяцев. Для установления истины в Покровское направлен священник из Тобольска Никодим Глуховский, наделенный широкими полномочиями проводить осмотры и дознания. Начал он с дома Распутиных.

Согласно его отчету «осмотром помещения, где проживает семейство Распутина-Нового, обнаружено: все комнаты увешаны иконами и картинами религиозного содержания, некоторые из них символического значения... по столам и стенам — масса карточек. На некоторых Распутин-Новый снят с Великими князьями и другими светскими и духовными особами. Есть карточки, на которых он снят со своими странницами, Скаковой, например, приложенные к данному акту осмотра».

Общее заключение от «хлыстовской обители» было у посланца епископа Тобольского Антония самое нейтральное: «В верхнем этаже обстановка городская, в нижнем — крестьянская, подозрительного ничего не найдено».

Итак, придирчивый глаз проверяющего ничего предосудительного в доме не обнаружил. Фотографии, на которых Распутин снят с Великими князьями, о которых говорится в отчете, могли быть только фотографиями двух великих князей Петра и Николая Николаевичей, мужей Милицы и Анастасии Черногорских. Ни с кем другим из великокняжеской среды в тот момент

¹ Епископ (архиепископ) Тобольский и Сибирский (1897-1910).

Григорий не общался. Милица Николаевна была единственным членом Императорской Фамилии, которая весной 1907 года совершила паломничество на родину Распутина и гостила у него в доме. Помощник начальника Тобольского жандармского управления в Тюменском, Ялотуровском и Туринском уездах ротмистр А.М. Поляков вспоминал: «За месяц до моего приезда в Тюмень (случилось это в начале мая 1907 года. — А. Б.), оказывается, приезжала Великая княгиня Милица Николаевна, которая прямо с вагона, сев в тройку, укатила в село Покровское, за 75 вёрст от Тюмени к Распутину. Также через неделю она уехала обратно в Петербург».

При всём обилии опубликованных ныне фотоматериалов о Распутине его изображений с Великими князьями не существует (если они ранее и имелись), так что назвать личности Великих князей, а также «и других светских и духовных особ», запечатленных фотоаппаратом, можно лишь предположительно.

Посланец консистории с пристрастием опросил односельчан и церковный причт. Ничего не только «кромольного», но даже и «подозрительного» установить не удалось. Все крестьяне говорили примерно одно и то же: распутинская семья — обычная, христианская, в скандальных историях не замешана. Пример высказываний односельчан — мнение соседа Распутина крестьянина Михаила Зырянова, который «видел, что к Распутину приходили Николай Распутин, Илья Арсенов, Николай Распопов. Слышал из дома обвиняемого церковное пение. Видел, что живущие у Распутина девицы ведут все его хозяйство, но не замечал, чтобы он ходил под ручку с приезжими женщинами и ласкал их».

Только показания двух приходских священников Петра Остроумова и Федора Чемагина звучали диссонансом в этом людском хоре.

Первый, тот самый, кто «сигнализировал» владыке, заявил, что знает Распутина с 1897 года. За это время, как признавал священник, Григорий и его семейство «неопустительно исполняют долг исповеди и Святого Причастия». Далее свидетель показал, что сам «слышал в доме Распутина духовные песнопения и молитвы православной церкви. Окружающие Распутина относятся к нему с почтением и уважением, а слышно, что некоторые из них называют его и „отцом Григорием“». Далее «страж правоверия» признал, что «кроме обыкновенных посещений гостей, особенных молитвенных собраний у Распутина не бывает. В религиозном отношении его и весь его дом можно назвать примерным: строго соблюдаются посты, посещают храм и так далее».

Казалось бы, после такого «резюме» все прочие разговоры и утверждения неуместны. Однако нет, надо было доказать, что он не зря «обеспокоил Его Высокопреосвященство». Поэтому, не имея прямых «улик», сельский священник сочиняет обвинительный пассаж, из которого явствует, что, несмотря на внешне вполне благопристойную жизнь, Распутин среди селян «пользуется репутацией непорядочного человека, как изменившего-де своей вере православной. Ставят в виду постоянное проживание в его доме женщин и непринужденное с ними обращение, а также смущаются и частыми его поездками».

Другой священник того же прихода Федор Чемагин, знакомый с Распутиным с 1905 года, добавлял тёмных красок. Он тоже признавал, что «в религиозном отношении сам Распутин и весь его дом примерно ревностны», но тут же начинает уличать его в «неподобающем поведении». Как зафиксировал посланец консистории, «обвиняемый признался в частных разговорах свидетелю (Чемагипу. — А. Б.) в своей слабости ласкать и цело-

вать «барынешек». Сознался, что был вместе с ними в бане, что стоит в церкви рассеянно».

На вопрос церковного дознавателя, правда ли, что, как показал Федор Чемагин, Распутин ходил вместе с женщинами в баню, тот ответил, что это неправда, и далее пояснил, что «он в баню ходил задолго до женщин, а сильно угоревши, лежал в предбаннике, откуда вышел действительно парной — незадолго до прихода туда женщин».

Отметим здесь два обвинения, которые бросили по адресу Распутина приходские священники и которые никто больше из прихожан, родственников и соседей не подтвердил: тягу его к «барышням» и хождение с ними в баню. Собственно, ничего, кроме каких-то смутных утверждений, оба указанных пастыря привести не смогли. Никто ничего больше не знал. А ведь дело происходило в деревне! Случись нечто подобное на самом деле, быстро, что называется, весь околоток оказался бы «в курсе».

Здесь вполне уместно сделать пояснения, раскрывающие причину нелюбви местных священников к этому прихожанину. Когда Распутин стал обретать известность, когда его имя становилось популярным, то, естественно, внимание односельчан этот «Ефимов Гришка» стал притягивать всё больше и больше. После же того как стало известно, что он был в доме у Царя, а затем стали приезжать к нему и гости «из России» (первая такая «пилигримка» прибыла в 1905 году), это оказало сильное воздействие на деревенское «общественное мнение».

За Распутиным многие признали необычные способности. К нему потянулись люди, стали расспрашивать о виденном, просить советов, обращаться за помощью. Он становился видной фигурой, местным автори-

тетом, и невольно исполнял ту роль, которую издавна играл сельский священник. Если к этому добавить, что Распутин был невысокого мнения о «христианской доблести» штатных сельских духовных поводырей, высказывался о них порой критически (за бормотанием молитв души человеческой не разумеют), то сразу же станет ясно, почему те так невзлюбили Распутина. Они начали чернить его, не гнушаясь при этом наветами. Извечные людские пороки — зависть и злость — делали из священнослужителей клеветников и интриганов. Указанные пастыри в этом ряду были первыми, но далеко не последними.

Свои размышления о священстве Распутин высказал определенно в том же 1907 году в своем «Житии опытного странника». «Трудно в миру приобрести спасение, наипаче в настоящее время. Все следят за тем, кто ищет спасения, как за каким-то разбойником, и все стремятся его осмеять. Храм есть прибежище, и всё тут утешение, а тут-то как духовенство вообще в настоящее время не духовной жизни, наипаче следят, кто ищет бисера, и смотрят с каким-то удивлением, как будто пришли сделать святотатство. Но чего нам об этом печалиться? Ведь Сам Спаситель сказал: „Возьми крест и следуй за Мной“. Мы не к духовенству идем, а в храм Божий!».

Ничего «антиправославного» подобные взгляды не выражали. О том же, что священник может быть недостойным своего высокого пастырского сана, говорили еще Отцы Церкви. Сам институт священства — устроение Божие, но священники всех степеней далеко не всегда соответствовали своему духовному предназначению. Вся история Христианства пестрит подобными примерами. Распутин тут ничего не открывал, и для того чтобы увидеть недостойного священника, совершенно необязательно было ехать в Сибирь.

Он же ощутил вражду со стороны батюшек за дела, недостойные такого отношения. Когда он собрал деньги на храм и вернулся в Покровское, случилось для него неожиданное. «Я с радостью поехал домой и обратился к священникам о постройке нового храма. Враг же, как ненавистник добрых дел, еще не успел я доехать, всех соблазнил. Я им оказываю помощь в постройке храма, а они ищут меня в пагубной ереси обвинять и так чушь порют, даже нельзя высказать и на ум не придет. Вот сколь враг силен яму копать человеку и добрые дела в ничто ставить. Обвиняют меня как поборника самых низких и грязных сект...»

Батюшки лгали о Распутине, одержимые одним из самых страшных грехов — гордыней. В том, что люди тянулись к Распутину, искали у него житейского совета, духовной помощи, «душеспасения», как он сам говорил, вина лежит именно на штатных пастырях, не сумевших стать настоящим (а не должностным) духовным авторитетом для прихожан. Важно особо отметить, что, высказывая замечания и даже критикуя отдельных представителей паствы, Распутин никогда не ставил под сомнение институт священства. Наоборот. Он постоянно говорил, что «священника надо чтить», что уже само по себе свидетельствует о том, что никакого отношения к хлыстовству он иметь не мог.

Удивительно просто и точно подобные настроения расшифровал старец Макарий. Когда к нему, в его пустыньку, пробрался в конце мая 1914 года корреспондент екатеринбургской газеты «Зауральский край» В.П. Чекин, состоялся краткий диалог, касавшийся Распутина: «Про него плохого сказать нечего», — отрезал Макарий. Тогда корреспондент решил задать «убийственный» вопрос: «А отчего же все про него говорят плохо?». Прозвучавший ответ был полным и

ясным: «В силе человек. Завидуют — вот и говорят». Подобная оценка применима и к поведению священников из Покровского.

«Дело о хлыстовстве» развалилось, ни малейших подтверждений сектантства обнаружено не было. Однако консистория, закрыв в мае 1908 года первое следствие, которое, по мнению тобольских церковных чиновников, «было проведено слишком формально, неполно и необстоятельно», решила провести новое «дознание». Человек, которого принимала Царская Семья, которого в Царском дворце слушали Венценосцы, вызывал жгучий интерес, пристальное внимание и зависть, зависть без конца.

Уместно особо подчеркнуть, что следствие консистории 1907–1908 годов не установило не только хлыстовства Распутина, но и никаких фактов воровства, пьянства или непозволительно обращения с женщинами. Эти «факты» появятся в обращении позднее.

Душа нового Тобольского епископа Евсевия (Проздова)¹, который и близко не бывал у Монарших покоев, полыхала «разоблачительным огнем». Владыка распорядился представлять ему ежемесячные отчеты о «жизни и действиях» Григория Распутина. Такие рапорты покровские священники своему церковному повелителю регулярно и посылали.

Сообщали в основном о том, куда и с кем поехал Распутин, кто к нему приезжал в гости, как себя вели гости и хозяин. Чтобы не утомлять читателя подробным изложением священнического рвения, отметим лишь, что никаких компрометирующих данных на Распутина не только о «еретической прелести», но и об иных «порочных наклонностях» добыто не было. В этих донесениях нельзя не заметить личной обиды, которую испытывал

¹ Епископ Тобольский и Сибирский (1910–1912).

тот же Федор Чемагин оттого, что распутинские гости до приезде в Покровское, ему, священнику, визита не наносили...

Тобольскому церковному начальству надо было принимать какое-то решение. Новый епископ Тобольский и Сибирский Алексей (Молчанов)¹, совершая объезд епархии, специально отправился в Покровское, где лично и встретился с Распутиным. Он провел с популярным крестьянином многочасовые беседы о вере, о его жизни и убедился, что циркулировавшие слухи и обвинения ни на чем не основаны.

По решению епископа консистория заключила, что «дело о принадлежности крестьянина Григория Распутина-Нового к секте хлыстов возбуждено в свое время без достаточных к тому оснований». Владыка подытоживал, что он считает подозреваемого «человеком очень умным, духовно настроенным, ищущим правды Христовой, могущим подавать при случае добрый совет тому, кто в нем нуждается». Исходя из этого, консистория вынесла определение: «Дело о крестьянине слободы Покровской Григории Распутине-Новом дальнейшим производством прекратить и причислить оконченным».

Это определение в тот же день было утверждено преосвященным Алексием. Под документом стоит дата: 29 ноября 1912 года. Запомним ее. В тот период, когда дело о хлыстовстве и «аморальном поведении» Распутина в Тобольске было прекращено, в столице бушевал уже «разоблачительный смерч». Здесь к знакомым уже обвинениям в сектантстве и разврате прибавили и новые: пьянство и воровство.

Тенденциозно подобранные фрагменты из досье Тобольской консистории стали фигурировать в каче-

¹ Епископ Тобольский и Сибирский (1912–1913). Ранее он был ректором Казанской Духовной академии.

стве «неоспоримых» аргументов и «бесспорных» доказательств. Самое же главное, что собиралось придиричливыми расследователями несколько лет и что никак не подтверждало двусмысленные намеки и облыжные обвинения, всё это попросту игнорировалось. Предположения и догадки обретали характер факта. Никакой «модальности» не было теперь и в помине; там, где ранее стояло слово «якобы», теперь доминировал категорический императив.

Еще задолго до поры «буйства компромата», при первых следственных действиях церковных властей по поводу хлыстовства, весть о том дошла до Царской Семьи. Будучи благочестивыми православными, Царь и Царица придали этим слухам большое значение. Как уже отмечалось, Государыня Александра Фёдоровна лично попросила своего духовника и тогда инспектора Петербургской Духовной академии Феофана поехать в Сибирь и на месте узнать истину. Точная дата этого визита неизвестна, но есть основания считать, что это произошло летом 1908 года, когда Тобольская консистория затевало второй этап расследования.

Царский посланец ознакомился со всеми материалами (с Распутиным ему встречаться не надо было, он и до того его хорошо знал) и, вернувшись, сообщил высокопоставленным почитателями Григория, что «ничего порочного за ним не числится». Эта оценка лишней раз укрепила Царицу во мнении о православности Их друга, в чем Она и до того не сомневалась.

Все разоблачительные инвективы в той или иной степени, непременно затрагивали вопрос об отношениях сибирского мужика с женским полом. С первых шагов зарождения и развития антираспутинской истерии эта тема почти непременно была, если и не самой главной, то наверняка злободневной. Как было видно из

доносов покровских церковнослужителей, этот сюжет уже ими не был обойден. Еще в 1907 году двум сельским батюшкам показалось, что этот прихожанин слишком «вольно ведет себя с дамами» и даже «бывает ними в бане».

«Дами» во всех донесениях назывались, конечно, не местные поселянки, а приезжие «из России». Такие стали появляться в Покровском с конца 1905 года. С этого времени начинает формироваться кружок обожательниц, который будет сопровождать «отца Григория» до самой смерти.

Потом, когда уже кончится его земная жизнь и его Венценосный покровитель перестанет быть «владыкой полумира», эта «женская группа» вызовет пристальный интерес как у следователей ЧСК Временного правительства, так у и средств массовой информации. Далее, когда исчезнут и Временное правительство и все его клеветы и начинания, тема останется.

За дело примутся историки, романисты, драматурги и кинематографисты. Они уже вообще не будут ничего исследовать и расследовать, а чуть ли не всех почитательниц Распутина без колебаний будут зачислять в разряд его сожигательниц. Этот «любовный список», в некоторых случаях насчитывающий многие сотни имен, будоражит воображение впечатлительных сочинителей и поныне.

Среди множества зафиксированных в этом «документе» фигур на первых местах указывают непременно трех: Ольгу Владимировну Лахтину (Лохтину), Хионию Михайловну Берладскую и Акилину Никитичну Лаптинскую. (О некоторых прочих «активистках» речь пойдет отдельно). Их Распутин по-своему называл Лелей, Хоней, Килиной. (По обычной деревенской привычке прозвища от него получали многие его знакомые.)

Эти три osoby бывали в Покровском, жили там порой по несколько недель и входили в число дам, с которыми, как утверждалось, «Распутин ходил в баню». Оставим в стороне банную историю и остановимся на личностях этих, так сказать, «главных фигурантов по делу о разврате». Их, как следовало из доносов священников, неистовый Распутин прилюдно во время прогулок по селу «поглаживал», «обнимал» и «целовал». Правда, кроме этих стражей морали в рясах, никто другой такого не наблюдал. Их же в 1907 году «настиг» в доме Распутина ревизор консистории и всех троих опросил. Распутинские гости дали «показания», в которых рассказали, когда и почему они оказались в зоне распутинского тяготения.

Родившаяся в 1865 году дворянка из Казани Ольга Лахтина, вдова генерала, познакомилась с Григорием Распутиным в Петербурге в 1904 году через своего духовника, упоминавшегося уже архимандрита Феофана. Он рекомендовал его как «человека Божия». К этому времени будущая страстная почитательница сибирского проповедника находилась на жизненном перепутье. Потеряв мужа и став вдовой в тридцать пять лет, она серьезно занемогла и потеряла интерес ко всему.

Давая показания следователю ЧСК в мае 1917 года, генеральша признавалась: «Он меня исцелил. У меня была неврастения кишок, я пять лет лежала в кровати... Я два раза ездила за границу, никто мне помочь не мог, была калека». Необычный человек по имени Григорий открыл ей второй раз «свет в жизни». Сорокалетняя Леля уверовала раз и навсегда в чудодейственные способности Распутина, стала его называть «отцом Григорием». В Покровское Лахтина приехала первый раз вместе с Распутиным в конце 1905 года, чтобы, как она говорила, «узреть его жизнь по Богу».

Две другие преданные «клеветки» Распутина были значительно моложе генеральши. Хоня родилась в 1876 году, а Килина в 1877-м. У каждой из них была своя печальная ситуация, выйти из которой и помог сибирский чародей.

Вдова поручика Берлацкая познакомилась с Распутиным в 1906 году в Петербурге. По ее словам, она находилась в тот момент «в ненормальном состоянии из-за самоубийства своего мужа, виновницей которого она считала себя». Душевные беседы с Распутиным успокоили молодую вдову, и она решила поехать в Покровское, чтобы «научиться жить». Атмосфера в доме сибирского утешителя подействовала на «Хоню» благотворно. Проводивший опрос священник из консистории сообщал в Тобольск, что «свидетельница ничего странного не находит в привычке Григория Ефимовича приветствовать женщин лобзанием; оно естественно и заимствовано от наших отцов».

У Килины имелась своя история. Сестра милосердия «крестьянская девица» Лаптинская познакомилась с Распутиным весной 1907 года у генеральши Лохтиной и сразу же была поражена «простотою обращения, добротой и любовью чистою к людям, которой она не встречала у других, а также знанием жизни». Осенью 1907 года она вместе с генеральшей поехала в Покровское, где и оказалась в числе опрашиваемых. Ничего предосудительного о Распутине и его семье сестра милосердия сообщить не могла. Рассказывала, что они днем помогали по хозяйству, а в свободное время «пели церковные песнопения и канты. Распутин читал им Евангелие, объясняя его».

Лаптинская со временем стала не только ближайшей сторонницей Распутина, но и самой непримиримой противницей по отношению «к врагам и недоброжела-

телям отца Григория». Интересные зарисовки ее оставила в своих мемуарах подруга Царицы Лили Ден. Они примечательны тем, что госпожа Ден, хоть и много раз встречала Распутина, никогда не принадлежала к числу его адептов.

О пресловутой Лаптинской вспоминала: «Акилина изображала сестру милосердия, и многие ей верили. Она имела большое влияние на Распутина, и он, забыв об осторожности, сделал ряд имевших печальные последствия признаний Акилине, которая все услышанное использовала во вред Императорской Семье... Полагаю, что, несмотря на ее козни и хитрости, Акилина всё же была привязана к Григорию Ефимовичу, и подчас ей было стыдно за свою предательскую роль». Далее Лили Ден сообщила, что в первые дни революции «альтер эго» Распутина покинула Царское Село, а вскоре «мы узнали, что она живет в семье одного из самых главных революционеров».

Неясно, что имела в виду Ден, говоря о какой-то тайне Распутина, которую разгласила Лаптинская. И без откровений такого информатора в петербургском обществе столько всяких неприятных и оскорбительных для Царской Семьи утверждений циркулировало, что еще одно в балансе правды и лжи ничего бы существенно не изменило.

Еще более многозначительной представляется вторая обмолвка мемуаристки о том, что после революции Акилина стала служить в доме «одного из самых главных революционеров». Кто под этим определением скрывается, непонятно, но если это случилось на самом деле, то уроки «христианского благочестия», которые давал ей ее кумир Распутин, для сестры милосердия прошли даром.

Многие из известных почитательниц Григория Распутина, в том числе и все вышепоименованные, не-

сомненно, принадлежали к типу истеричных женщин, склонных к экзальтации. Однако из этого отнюдь не следует, что они готовы были не только поклоняться кумиру, без которого их жизнь бессмысленна и бледна, но и стать его наложницами. Во всяком случае, кроме каких-то туманных намеков на «банные оргии», никаких сколько-нибудь надежных свидетельств не существует.

Естественно, может возникнуть контраргумент, что вообще-то сексуальные отношения между мужчиной и женщиной по большей части — это всегда тайна двух. А если речь идет о «групповом экстазе»? В таком случае, конечно, все участники входят в число посвященных.

Применительно к жизни Распутина в Покровском нельзя говорить ни о каких «оргиях», для этого нет ни малейшего основания. Что же касается «традиционных сексуальных приемов», то и здесь никаких «свидетельств» нет, и не было никогда, хотя на какие-то виртуальные «факты» без устали всё время ссылаются разноименные «искатели правды». Да, миф завладел умами прочно и надолго!

«Свидетельства о разврате» появились в обращении в Петербурге вскоре после того, как стало окончательно ясно, что сибирский крестьянин стал другом Царской Семьи. Никакой интимной подоплеки здесь не было и в помине, хотя бесстыжая молва приписывала Распутину чуть не роль хозяина Царского дома, якобы бывавшего там в любое время «по своему усмотрению».

В действительности он появлялся лишь тогда, когда его вызывали, и большей частью в случаях заболевания Цесаревича Алексея. По этому поводу сохранились признания домашних служащих Царской Семьи, которые видели жизнь Монарха и Его близких изнутри. Эти

ценные свидетельства до сих пор редко используются при описании жизни и судьбы Григория Распутина.

«Что касается Распутина, то Государыня верила в его праведность, в его душевные силы, что его молитва помогает. Вот только так Она к нему и относилась. Распутин вовсе не так часто бывал во Дворце, как об этом кричали. Его появление, кажется, объясняется болезнью Алексея Николаевича. Сам я видел его один раз. Он был понят мною вот как: умный, хитрый, добрый мужик» (преподаватель английского языка, англичанин С.И. Гиббс).

«Я не видела никогда столь религиозного человека (как Императрица. — А. Б.). Она искренне верила, что молитвой можно достичь всего. Вот, как мне кажется, на этой почве и появился во дворце Распутин. Она верила, что молитвы его облегчают болезнь Алексея Николаевича. Вовсе он не так часто бывал во дворце. Я сама лично, например, видела его только раз. Он шел тогда в детскую к Алексею Николаевичу, который тогда болел» (няня Царских Детей А.А. Теглева, прослужившая в Семье 17 лет).

«Я видела у нас Распутина раза два-три. Каждый раз я его видела около больного Алексея Николаевича. На этой почве он у нас и появился: Государыня считала его праведником и верила в силу его молитв» (няня Царских Детей Е.Н. Эрсберг, прослужившая в Семье 16 лет).

Камердинер Государя А.А. Волков свидетельствовал: «Распутина я за все время видел во Дворце сам два раза. Его принимали Государь и Государыня вместе. Он был у них минут двадцать и в первый, и во второй раз. Я ни разу не видел, чтобы он даже чай у Них пил».

Общее впечатление от роли «друга» в Царском доме выразила фрейлина графиня С.К. Буксгевден: «Распутин ни в коей мере не занимал всех мыслей Импера-

трицы. В книге Ее жизни он был одной-единственной страницей, которую Александра Фёдоровна открывала лишь в том случае, если Ей требовались новые стимулы в Ее вере или же если Цесаревич был болен, а доктора ничем не могли помочь».

Но об истинном положении вещей мало кто был осведомлен, да оно и редко кого и интересовало. Занимало же совсем другое.

В 1910 году в высшем обществе уже уверенно стали передавать друг другу сенсационную новость: в Царской Семье появился советник родом из Сибири, какой-то мужик. Говорили, что раньше он был конокрадом, а потом стал сектантом-хлыстом, что он обладает даром провидца и врачевателя и что Императорская Чета часто призывает его к себе, чтобы слушать его «откровения» и «наставления».

Распутин становился «модной столичной штучкой». Хозяйка великосветского салона графиня Софья Игнатьева немедленно разыскала этого загадочного мужика и несколько вечеров «потчевала» им гостей своего дома. Можно предположить, что именно ее имел в виду писатель и журналист Дон-Аминадо (Шполянский), сочинивший хлесткие стихи, обретшие большую популярность.

Была война, была Россия.
И был салон графини И.,
Где новоявленный Мессия
Хлебал французское ай.

Как хорошо дурманит деготь
И нервы женские бодрит.
«Скажите, можно вас потрогать?» —
Хозяйка дома говорит.

«Ну, что ж, — отвечает Григорий. —
Не жалко. Трогай, коли хошь».
А сам, поднявши очи горе,
Одним глазком косит на брошь.

Не любит? Любит? Не обманет?
Поймет? Оценит робкий жест?
Ее на груздь, на ситный тянет,
А он глазами брошку ест.

И даже бедному Амуру
Глядеть неловко с потолка
На титулованную дуру,
На бороденку мужика...

Другая столичная гранд-дама баронесса Варвара Икскуль фон Гильденбандт тоже долго не могла успокоиться, пока не заполучила в свои апартаменты этого проповедника. «Он очаровал её». Баронесса, которая ранее считала себя почитательницей Льва Толстого, занимала новое «увлечение», а на ее письменном столе портрет яснополянского графа-писателя сменил портрет сибирского крестьянина. Обстоятельства знакомства баронессы и Распутина описала их непосредственный очевидец — Мария Головина. «Наш визит к баронессе Икскуль оказался для меня очень радостным, — вспоминала Муня. Квартира была просто великолепной, с множеством красивых вещичек. Сама баронесса была уже женщиной немолодой (она родилась в 1846 году. — А. Б.), с большим обаянием, и приняла она нас с присутствующим ей радостным возбуждением.

«Почему у тебя столько икон? — спросил Распутин, рассматривая стены спальни. — Я не думаю, что ты часто молишься, ты не умеешь молиться, но сердце твоё

доброе, и я не хочу видеть тебя с людьми твоего круга, никогда их не приглашай, когда я у тебя в гостях!» «Ты должен познакомиться с некоторыми из них, — ответила она, смеясь. — Я им скажу, что ты не чудовище и не самозванец, как многие считают».

Баронесса начала на всех углах расхваливать Распутина, уверяя, что она «встретила человека, обладающего необыкновенным духовным даром». В 1913 году Варвара Ивановна даже совершила паломничество в Покровское и там познакомилась со всеми родственниками Распутина. По приезду в Петербург баронессе было о чём рассказывать на аристократических раутах. Она «спала в простой деревенской избе» и даже «ловила рыбу в реке с Распутиным!». Это было пикантное происшествие в жизни баронессы. Потом интерес к сибирскому крестьянину у неё довольно быстро почти сошёл на нет; тема надоела...

И последний штрих в истории с Иксуль фон Гильдебанд. Когда ей с большими трудностями в ее почти семьдесят лет удалость вырваться из «Совдепии» и добраться до Парижа, участь ее оказалась незавидной. Одинокая, больная, нищая бывшая хлебосольная хозяйка петербургского салона оказалась никому ненужной, кроме «клеветки Распутина» — Муни Головиной. Именно она преданно ухаживала за Варварой Ивановной, доживавшей свои дни в приюте. Умерла баронесса в 1928 году...

О том, насколько был велик интерес столичного общества к Распутину, засвидетельствовала эссеистка и фельетонистка Тэффи (по мужу Н.А. Бучинская, урожденная Лохвицкая). На склоне лет в эмиграции в Париже некогда популярная писательница опубликовала очерки воспоминаний о важных событиях и приметных людях, с которыми ей довелось встречаться. Среди них

и Григорий Распутин, о котором она справедливо написала: «Человек этот был единственным, неповторимым, весь словно выдуманый, в легенде жил, в легенде умер и в памяти легендой облечется».

Очерк Тэффи содержит немало нюансов и подробностей, которые трудно отыскать у других мемуаристов. Автор признавала, что ей совсем не хотелось этой встречи, она ее не искала, хотя вокруг только и говорили о загадочном сибиряке. В некоторых домах, как отмечает Тэффи, она даже встречала транспаранты: «У нас о Распутине не говорят». Но всё равно говорили.

Встреча состоялась в марте 1915 года по просьбе философа и писателя В.В. Розанова и журналиста А.А. Измайлова. Особенно настаивал Василий Розанов, который тогда был одержим разгадкой тайны «половых влечений». А кто же лучше Распутина мог ему помочь в этом? Но для получения «откровений» нужна была привлекательная приманка. И лучше Тэффи — видной и известной дамы — никого найти не сумели. Упросили, умолили. Причем непременно, чтобы оделась «пошикарнее». Она без всякой охоты пошла на «литературный обед» в дом издателя и биржевика А.Ф. Филиппова.

Тэффи прибыла полная предубеждений. Она один раз уже мельком видела Распутина, и хотя с ним не общалась лично, и так «всё знала». «Современную», «образованную», «талантливую» женщину, придерживающуюся «либеральных взглядов», не мог провести «какой-то мужик»! Она ни на что значительное не надеялась, но просто не могла отказать в просьбах «собратьям по перу».

Писательнице отвели место рядом с Григорием. Он заметил соседку, стал оказывать ей знаки внимания: задал два-три вопроса о ее личной жизни. И о себе кое-что рассказал. «Вот хочу поскорее к себе, в Тобольск. Мо-

даться хочу. У меня в деревеньке-то хорошо молиться, и Бог там молитву слушает... А у вас здесь грех один. У вас молиться нельзя. Тяжело это, когда молиться нельзя. Ох, тяжело».

Ясное дело, что публика, собравшаяся за столом, совсем не то хотела слышать. Нужны были «пикантные подробности», требовались дела и слова совсем иного характера. Розанов, обеспокоенный ходом беседы, улучив минутку, отвел Надежду Александровну в сторону и давал наставления: «Вы его разговорите. С нами он так разговаривать не станет — он любит дам. Непременно затроньте эротические темы. Тут он будет интересен, тут надо его послушать».

Тэффи обещала. Но «эротической темы» всё никак не получалось. Рядом сидевший Розанов злоеце суфлировал: «Наводите его на эротику... спросите его про Вырубову, спросите про всех». Но «интересный разговор» никак не клеился. Распутин раздавал гостям листы со своими текстами, но «примечательного» собравшиеся там не усмотрели. «Набор слов», всё о какой-то «отвлеченной любви». Самой Тэффи Григорий оставил собственноручный автограф. «Надежде. Бог есть любовь. Ты люби. Бог простит. Григорий».

Публика изнемогала. Ничего скандального никак не «вытанцовывалось». Вечер был прерван неожиданно звонком из Царского. Распутин тотчас собрался и отбыл¹. Всё. Хотя Распутин обещал вернутся, но Тэффи покинула «литературное застолье», тем более что был уже первый час ночи.

¹ В дневнике Императора Николая II встреч с Распутиным за март 1915 года не зафиксировано. Значит, если он и приезжал в Царское, то не к Венценосцам, а, может быть, к Вырубовой, которая тогда была недвижима и тяжело болела после железнодорожной аварии.

Писательница не хотела больше встречаться с Распутиным. Ничего «выдающегося». Но через несколько дней встретиться пришлось. По ее словам, ее «опять упростили». Всё происходило там же, за столом — те же. Она опять, как «лакомая приманка» — слева от Распутина. В этот раз «событий» было больше. Григорию щедро наливали любимую им мадеру, он даже якобы плясал русскую, тем более что музыканты были заблаговременно приглашены. На той встрече прозвучали предсказания, пророческое значение которых Тэффи поняла много позднее.

Про Государыню Александру Фёдоровну: «Молиться надо за Неё и за деточек. Плохо... плохо».

О себе: «Вот меня все убить хотят. Как на улицу выхожу, так и смотрю во все стороны. Не видать ли где рожи. Да. Хотят убить. Не понимают, дураки, кто я такой... Пусть сожгут. Одного не понимают: меня убьют, и России конец. Помни, умница: убьют Распутина — России конец. Вместе нас с ней и похоронят».

Прошло время, случилось крушение, Тэффи от окружающего распада была на грани нервного срыва и тогда только «вспомнила!»...

Однако не только дамы света и столичные сплетники проявляли интерес к Распутину. Слухи о его влиянии в Царском Селе породили целую толпу темных личностей, которые начали искать знакомства с ним, окружать и обвивать его.

Вся эта шумиха и слухи не прошли мимо внимания властей. В 1909 году дворцовый комендант В.А. Дедюлин счел своим долгом сообщить начальнику петербургского охранного отделения генералу А.В. Герасимову, что у «Вырубовой появился мужик, по всей вероятности, переодетый революционер», который бывает там в присутствии Царя и Царицы. Довольно быстро уда-

лось установить, что к революционной среде Распутин отношения не имеет и что у него уже в это время существовала известная духовная близость с Самодержцем.

Последнее обстоятельство стало беспокоить министра внутренних дел и премьера П.А. Столыпина, поручившего в 1909 году товарищу министра внутренних дел и шефу корпуса жандармов генералу П.Г. Курлову установить за Распутиным наблюдение. Когда весть о том дошла до Царя, он распорядился прекратить полицейскую слежку. Произошло это в 1910 году.

Приказание было выполнено, но озабоченность ситуацией у премьера не прошла. Он не сомневался, что близость к Царской Семье человека, окруженного скандальным ореолом и толпой каких-то темных личностей, неизбежно станет поводом для дискредитации власти. Враги Трона и Династии получают еще один козырь в свои руки.

Петр Аркадьевич, который мельком видел когда-то этого мужика, творившего молитву около постели его раненой дочери, решил ближе познакомиться с Распутиным. В начале 1910 года встреча в приемной премьер-министра состоялась. Столыпин пригласил участвовать в ней и «мастера охранного дела» генерала П.Г. Курлова, который через много лет описал то незабываемое свидание.

«К министру подошел худощавый мужик с клинообразной темно-русой бородкой, с пронизательными умными глазами. Он сел с П.А. Столыпиным около большого стола и начал доказывать, что напрасно его в чём-то подозревают, так как он самый смиренный и безобидный человек. Министр молчал и только перед уходом Распутина сказал ему, что если его поведение не даст повода к иному к нему отношению, то он может быть спокоен, что полиция его не тронет. Вслед за тем

я высказал министру вынесенное мной впечатление: по моему мнению, Распутин представлял из себя тип русского хитрого мужика, что называется — себе на уме — и не показался мне шарлатаном. „А нам всё-таки придется с ним повозиться”, — закончил П.А. Столыпин нашу беседу».

Несмотря на деликатный характер темы — Распутин являлся желанным гостем Царской Семьи, — Столыпин решил донести свои опасения до монарха. «Сильный премьер» был не из числа сановников, кто во имя карьеры желал любой ценой добиться лишь благорасположения начальства. То была первая серьезная попытка «раскрыть глаза Государю» на нежелательность общения с этим человеком.

Объяснение произошло ранней весной 1911 года. В пересказе третьих лиц сцена выглядела следующим образом: Николай II выслушал все очень внимательно, поблагодарил и заявил: «Я знаю и верю, Петр Аркадьевич, что вы мне искренне преданны. Быть может, всё, что Вы мне говорите, — правда. Но я прошу вас никогда больше мне о Распутине не говорить. Я все равно сделать ничего не могу». Точная дата этой беседы неизвестна, но 4 июня, за три месяца до трагической гибели премьера, Царь записал: «После обеда имели радость видеть Григория по возвращении из Иерусалима и с Афона».

Состоялся ли этот разговор в действительности, происходил ли он таким образом, какие конкретные «компрометирующие» сведения сообщал премьер Царю; касались ли они личности Распутина или речь шла лишь о морально-политической стороне дела — на все эти вопросы вряд ли удастся получить ответ. Однако общий контекст этого исторического эпизода, описанного тогдашним министром финансов В.Н. Коковцовым, представляется исторически достоверным.

Император редко от общения с кем-либо испытывал радость. И уж если этой эмоции нашлось место среди лапидарных и сухих ежедневных дневниковых записей, то, надо думать, состояние духа у Него было действительно приподнятым. Как заметила А.А. Вырубова, Царь и Царица «верили ему, как отцу Иоанну Кроштадтскому, страшно ему верили; и когда у Них горе было, когда, например, Наследник был болен, обращались к нему». Распутин нёс Венценосцам покой и надежду, но нахождение «друза Григория» в Царском Селе давало повод для нападок.

В 1911 году обстановка вокруг Распутина начала приобретать очертания государственного скандала. Робкие уверения некоторых придворных, что общение Царя и Царицы с «этим мужиком» носит характер лишь «духовного общения», большинство публики не убеждало, да «такие глупости» и слушать не хотели. Для многих подобная категория вообще не существовала.

Требовались более «материальные», «осязаемые» и «понимаемые» причины. Поставщики «достоверной информации» их вскоре и предоставили. Именно в 1911 году получает распространение бесстыжая сплетня о половой близости Царицы и Распутина.

Глава VII. Общественный портрет монаха-авантюриста

Измышлениями насчет адюльтеров Царицы долго тешилось больное воображение столичного общества. История «о связи» Государыни Александры Фёдоровны и Григория Распутина оказалась куда более прилипчивой, чем аналогичный сюжет с генералом А.А. Орловым. Точно осталось неизвестным, была ли «прелюбодейка» о том осведомлена, но, думается, что если и была, то от этой новости точно уж не упала бы в обморок.

Александра Фёдоровна слишком хорошо знала злое речие петербургского света, чтобы питать какие-либо иллюзии насчет отношения его к Своей персоне. Её волновал лишь один вопрос, который нередко и задавала она близким знакомым: «Когда же Меня оставят в покое?». Тогда ответа не было. Теперь же, по прошествии целого столетия, можно ответить со всей определенностью: никогда!

Объяснить, почему последнюю Царицу через столько времени все еще изображают «развратной Брунгильдой», почему этому верят и почему эти гнусности до сих пор публикуют, может только сексопатолог или психотерапевт. Историк здесь бессилён. Он может лишь приводить факты, исследовать обстоятельства, но ана-

дизировать глубины человеческой психики — удел другой профессии. Оказавшись вскоре после революции в Англии, Лили Ден была потрясена тем, как на берегах Туманного Альбиона оценивали и интерпретировали историю падения монархии в России. Никакого сочувствия к поверженным и растерзанным Правителям там не наблюдалось. Особо резко негативное отношение вызывала внучка королевы Виктории — Императрица Александра Фёдоровна. Ей вменяли многое в вину, в том числе и связь с Распутиным. Неизвестно, с кем именно общалась в Англии упомянутая дворянка-беженка, но уж точно не с грузчиками в лондонском порту.

Ден была не просто удивлена, но потрясена и шокирована тем, что «добропорядочные англичане», всё еще исповедовавшие пуританские нравы Викторианской эпохи, так легко принимали на веру непристойности, которые не только касались каких-то там «диких русских», а затрагивали честь и достоинство британцев. Об этом в Англии никто не задумывался, но ведь дело обстояло именно так.

Если Александра Фёдоровна, выросшая в Англии, воспитанная при дворе королевы, для которой Внучка являлась любимым созданием, если Она могла отринуть все нормы приличий, перешагнуть через мыслимые границы добропорядочности и броситься в «пучину разврата», то, следовательно, славное английское воспитание имеет большие изъяны.

Для Юлии Ден слушать грязные намеки и видеть скабрёзные ухмылки в разговорах о моральном облике Государыни Александры Фёдоровны было нестерпимо. Она взялась за перо, прекрасно понимая, что ее слабый голос вряд ли перебьет слаженный хор очернителей. Но она не могла молчать и затронула тему, которая ее лично ранила. В 1922 году в Лондоне небольшим тиражом

вышла ее книга на английском языке «Подлинная Царица». Не обошла она стороной и «щекотливый сюжет» об отношениях Распутина и Царицы.

«Касаясь этой темы, я испытываю невыносимую боль, но я не вправе уйти от ответа на вопрос. До меня доходили самые отвратительные сплетни, касающиеся Ее Величества; якобы в порыве жертвенности Она сама отдалась Распутину и отдала ему милых Своих Девочек для того, чтобы доказать, что плотская жертвенность угодна Богу. О таких чудовищных вещах не могло быть и речи. Но когда я выступала в защиту Государыни и заявляла, что Распутин — ничем не примечательный человек с неприятной внешностью, неопрятными манерами и отталкивающий во всех отношениях, мне возражали, что такого рода дефекты ничего не значат в глазах некоторых особенно чувственных особ».

Ден, близко знавшая Царицу и лично знакомая с Распутиным, была озадачена столь странной уверенностью людей, которые никогда в жизни их даже не видели, но убежденных в своей правоте. Подруга Александры Фёдоровны пыталась переубедить оппонентов.

«Я указывала на бесспорный факт, что Ее Величество была крайне брезгливой женщиной, что „животное“ начало было Ей чуждо, что моральные Ее устои были чрезвычайно строги, — столь же строги, как и у Ее бабушки, королевы Виктории. И что же я слышу в ответ? Дескать, многие брезгливые и чересчур нравственные женщины часто бывают повинны в невероятных грехах благодаря их брезгливости и высокой нравственности. Если такие примеры известны, то почему бы не причислить к таким женщинам и Императрицу? На каждом шагу я слышу подобные отвратительные рассказы, и при этом сплетники с сочувствием добавляют: „Но ведь вы любили Императрицу“. Да, это так. Но я еще и знала Императрицу».

Опровержения очевидца не меняли представлений британцев. Более того, факт близкого общения с Царицей вменялся в вину и сразу же вызывал подозрение, что этот человек, т.е. Ден, сама «не без греха». Лили мало заботилась личная репутация, ей лишь хотелось донести до людей правду об Оклеветанных и Убитых. Несмотря на все её старания, на умонастроения современников и потомков аргументы знающего человека не производили должного впечатления. Люди верили лишь тому и лишь в то, во что хотели верить, что могло без лишних «затей» объяснить и прояснить проблемы дня нынешнего и дня вчерашнего.

Упомянутые «россказни» пленяли не только несведущих англичан. Их с какой-то маниакальной одержимостью принимали и поданные Царя. За десять лет до того, как Лили Ден опубликовала полные грусти и возмущения воспоминания, в Петербурге уже не было салона, где бы живо не обсуждали «триумф Гришки», причину которого многие усматривали как раз в интимной близости Царицы и сибирского крестьянина.

В 1911–1912 годах дневник упоминавшейся уже генеральши А.В. Богданович переполняют эмоциональные заметки самого гневного содержания. В дом на Исаакиевской площади гости приносили вести, одну безрадостней другой, и семидесятилетняя хозяйка находила в себе силы все это выслушивать, а затем самое «ужасное» заносить в дневник. Благодаря стараниям генеральши мы имеем в распоряжении своеобразный «эпикриз» из истории психопатической болезни столичного общества. Приведем некоторые наиболее типичные выдержки из сего показательного «документа».

«С печальным, подавленным чувством сажусь писать. Более позорного времени не приходилось переживать. Управляет теперь Россией не Царь, а проходимец Распутин, который громогласно заявляет, что не Царица

в нём нуждается, а больше Он, Николай. Это ли не ужас! И тут показывает письмо к нему, Распутину, Царицы, в котором Она пишет, что только тогда успокоится, когда прислонится к его плечу. Это ли не позор!» (18 февраля 1912 года). «Весь Петербург так взбудоражен тем, что творит в Царском Селе этот Распутин... У Царицы — увы! — этот человек может всё. Такие рассказывают ужасы про Царицу и Распутина, что совестно писать. Эта Женщина не любит ни Царя, ни Россию, ни семью и всех губит» (22 февраля 1912 года).

Итак, «весь Петербург был взбудоражен» уже в начале 1912 года. Это возбуждение в большей степени было вызвано «надежными сведениями», которые как раз в этот период получили широкое хождение в публике. Речь идёт о посланиях Царицы своему «Другу», тексты которых интерпретировались как признание любящей женщины. Ну а как же иначе!

«Возлюбленный мой и незабвенный учитель, спаситель и наставник. Как томительно мне без тебя. Я только тогда покойна, отдыхаю, когда ты, учитель, сидишь около меня, а я целую твои руки и голову свою склоняю на твои блаженные плечи. О, как легко, легко мне тогда бывает. Тогда я желаю мне одного: заснуть, заснуть на веки на твоих плечах, в твоих объятиях. О, какое счастье даже чувствовать одно твое присутствие около меня. Где ты есть? Куда ты улетел? А мне так тяжело, такая тоска на сердце. Только ты, наставник мой возлюбленный, не говори Ане о моих страданиях без тебя. Аня добрая, она хорошая, она меня любит, но ты не открывай ей моего горя. Скорее приезжай. Я жду тебя и мучаюсь по тебе. Прошу твоего святого благословения и целую твои блаженные руки. Вовеки любящая тебя М.».

Даже тот, кто впервые видит приведенный текст, без особого труда может догадаться, что речь идет о письме

Царицы к своему «дорогому Григорию». В пользу этого говорит и прозрачный намек на «Аню», несомненно Вырубову, и подпись «М.» — сокращенное от неофициального титулования Царицы в придворном кругу: «Мама Земли Русской» (Императора Николая II называли соответственно «Папа Земли Русской»).

После чтения этих строк невольно возникает предположение, что отношение Государыни Александры Фёдоровны к Распутину строилось на чем-то большем, нежели только на восхищении прилежной ученицы Своим духовным наставником. Однако не следует спешить делать вывод об альковных связях. Очень многое в самом тексте говорит о том, что перед нами — ловко состряпанная фальшивка, которую тем не менее широко используют для доказательства «падения» и «вырождения» последней Царицы. Попытаемся спокойно разобраться в этом сюжете, который представляется принципиальным для понимания и личности последней Императрицы, и ее отношений с Г.Е. Распутиным.

Появление этого послания относится еще к дореволюционному времени, когда оно, как и письма четырех Царских Дочерей, имели широкое хождение «в списках». Впервые опубликован этот текст был в 1917 году вскоре после Февральской революции в скандально-сенсационной книге воспоминаний бывшего священнослужителя, иеромонаха Илиодора. Обрисуем в общих чертах личность автора и историю данных воспоминаний, сыгравших заметную роль в разжигании «документированной» антиromanовской истерии.

Имя Илиодора гремело в России в конце первого — начале второго десятилетия XX века. Это был известный проповедник, собиравший тысячные толпы верующих, беспощадно клеймивший революционеров, интеллигенцию, евреев, сановников. Отстаивая незыблемость «ис-

конных основ самодержавия» и играя роль глашатая самых тёмных общественных сил, выпускник Петербургской духовной академии определенной политической программы не имел.

Как показала вся его шумная и довольно скоротечная «общественная карьера», он руководствовался не принципами и глубокими убеждениями; им двигало главным образом неумное честолюбие, жертвою которого он в конце концов и стал. Судьба этого «факира на час» сама по себе не была бы интересна, если бы она не высветила некоторые важные и примечательные реалии того давнего времени.

Иеромонах Илиодор родился в 1880 году, происходил из донских казаков и в миру носил имя Сергей Труфанов. В 1903 году он принял монашество и после окончания духовной академии в 1905 году поступил в Почаевскую лавру, где получил широкую известность своими антиреволюционными проповедями. В России бушевали общественные страсти, и молодой проповедник завоевал расположение в правых кругах российского общества, был принят во влиятельных петербургских салонах и даже позже удостоился аудиенции у Николая II. Некоторые представители консервативных кругов увидели в нем деятеля, способного, как казалось, противопоставить свою проповедь разрушительной радикальной пропаганде.

В 1908 году его переводят в город Царицын — большой торгово-промышленный центр Саратовской губернии, где он стал заведовать архиерейским подворьем. Здесь под покровительством сочувствовавшего ему саратовского епископа Гермогена Илиодор развернул шумную проповедническую кампанию, подвергая резким нападкам и шельмованию не только революционеров, но в еще большей степени должностных лиц, в том числе и крупнейших сановников.

Особое место в своих проповедях-разоблачениях Илиодор отводил премьеру-реформатору П.А. Столыпину, преобразовательский характер деятельности которого вызывал злобу и ненависть среди немногочисленных, но влиятельных консервативных сил, не желавших никаких перемен. Факт появления Илиодора на политической сцене сам глава правительства рассматривал как симптом серьезной болезни и в феврале 1911 года писал Государю Николаю II: «Я считаю направление проповедей Илиодора последствием слабости Синода и Церкви и доказательством отсутствия церковной дисциплины».

Демагогически обличительный тон речей Илиодора приводил толпу в экстатическое состояние. Его проповеди собирали тысячные толпы. Кликуша превращался в народного героя. Постоянные выпады Илиодора против местной администрации заставили подать в отставку саратовского губернатора графа С.С. Татищева. Прибывший ему на смену в марте 1911 года П.П. Стремоухов вспоминал, как на проповедях-митингах Илиодор утверждал, что «революция в России затеяна жидами, поддержана всею интеллигенцией и продавшимися им чиновниками, губернаторами, министрами, а в особенности Столыпиным».

Эти монологи «русского Савонаролы» сопровождались театральным действием: «На дворе монастыря иеромонах соорудил картонного пятисаженного дракона — „гидру революции“. По окончании проповеди он пронзал ее копьем наподобие Георгия Победоносца и отрубал одну голову, которая за ночь вырастала. В галерее монастыря был им повешен портрет Льва Толстого, и он требовал, чтобы все проходившие плевали на него». Немало и другого столь же выразительного непотребства устраивал этот «пламенный патриот».

Бесконечные оскорбления членов правительства и лично П.А. Столыпина не могли долго оставаться незамеченными. Монаха несколько раз отстраняли от управления монастырем и высылали из Царицына. Но заступничество его друзей, Гермогена и Распутина, некоторое время спасало его от серьезных неприятностей.

Осенью 1912 года, находясь фактически в заключении во Флорищевой пустыни (Владимирская губерния), Илиодор обратился в Синод и к приверженцам с заявлением, где отрекался от своих убеждений, просил прощения у евреев и у интеллигенции и объявлял, что «оставляет христианскую религию и просит о снятии с него сана».

Любитель театральных эффектов, Илиодор свое письмо в Синод, как о том сообщали газеты, «написал кровью». Следуя примеру Льва Толстого, в поношении веры был бескомпромиссен: «Я же отрекаюсь от вашего Бога. Отрекаюсь от вашей веры. Отрекаюсь от вашей церкви. Отрекаюсь от вас как от архиереев». Одновременно с этим он опубликовал в газетах письмо, уверяя, что «страдает за честь Царя-Батюшки».

Видевший его в тот период литератор Евгений Чirikov писал: «Ничего духовного! Высокий, здоровенный, мордастый, скуластый с маленькими острыми глазками, в больших сапогах, озорная вызывающая фигура и жесты, только рука — мягкая, холеная, женоподобная, привыкшая к целованию паствы. Гляжу и сам себе не верю: иеромонах или волжский разбойник? Явное могущество плоти перед духом. Человек, который приспособлен проталкиваться кулаком и локтями, но вовсе не словом Божиим!».

Дальнейшая жизнь этого авантюриста и демагога не была тихой и уединенной. Уехав на Дон, Сергей Труфанов женился и стал проповедовать новую религию «солнца и разума». Он позволял себе высказываться

о церкви и монархе в таком оскорбительном духе, что вызвало возмущение даже родителей, которые изгнали непутевое чадо из дома. Прочитируем лишь один монолог: «На престоле у нас лежит кобель: Государь Император — мужичишка, пьяница, табачник, дурак, а Императрица — распутная женщина, наследник родился от Гришки Распутна; государством правит не Государь, а Гришка Распутин».

По степени лживой одержимости филиппикам Илиодора могли бы позавидовать самые оголтелые коммунистические политагитаторы. Попутно заметим, что после прихода большевиков к власти Илиодор Труфанов, который в то время находился в Америке, перебрался в «Совдепию» и по личному предложению палача Ф.Э. Дзержинского начал служить в ЧК, где выполнял «самые деликатные поручения».

Через некоторое время он опять сбежал за границу и многие годы влачил жалкое существование в Нью-Йорке, работая мусорщиком. Учредитель религии «солнца и разума» имел семерых детей, которых не мог обеспечить даже едой. За несколько лет до смерти ему удалось в Америке добиться «карьерного успеха»: его приняли на работу уборщиком в офис одной страховой компании. Закончил свои дни этот авантюрист в 1952 году бантистом в Нью-Йорке.

Однако вернемся к периоду расцвета шумной популярности нашего антигероя. Выпады против власти неминуемо должны были вызвать судебное преследование. И оно последовало. Против злобного демагога возбуждается уголовное дело, которое вела Новочеркасская судебная палата. В ходе разбирательства выяснились такие мерзостные подробности о личности Труфанова, что следователи просто диву давались, как вообще такой человек мог носить церковный сан.

Стремясь избежать уголовного наказания, проповедник «солнца и разума» скрылся за границей: сначала обретался в Швеции и Норвегии, а затем в Северной Америке. Там начал заигрывать с леворадикальными кругами и в 1914–1915 годах сочинил книгу «Святой черт», содержащую массу скабрёзной информации. Автором изначально двигало желание отомстить своим «обидчикам и притеснителям», в числе коих главное место отводилось Распутину и Императрице.

Не лишено интереса то обстоятельство, что помогал Илиодору А.М. Горький, на даче которого он «отдыхал». Замысел сочинить «громкую книгу» у бывшего монаха созрел уже в начале 1912 года. Это желание нашло живой отклик у «буревестника революции», писавшего в марте того же года журналисту-посреднику С.С. Кондуровскому: «Мне кажется, более того, я уверен, что книга Илиодора о Распутине была бы весьма своевременна, необходима, что она может принести многим людям несомненную пользу. И я очень настаивал бы, — будучи на вашем месте, чтобы Илиодор написал эту книгу. Устроить ее за границей я берусь».

Небезынтересно, что Распутин знал о намерении своего некогда друга издать книгу-разоблачение о нем. В мае 1914 года на вопрос корреспондента «Петербургской газеты», что он думает по этому поводу, ответил: «Ну, так что ж? Пусть себе пишет, коль охота есть. Да пусть не одну, а хоть десять книг испишет, потому бумага все стерпит. А что касается именно Илиодора, то ведь песня его спета уж, так что бы ни писал аль не хотел там писать, прошлого не вернешь. Все хорошо во благовремени».

Основной фокус сочинения «монаха-отступника», этого, по меткому выражению С.Ю. Витте, «политического негодяя», — распутинская тема, и здесь разоблачительная заданность проступает сразу же. «Царева

друга» Илиодор люто ненавидит, хотя ранее они около трех лет поддерживали дружеские отношения. Причины их разрыва лежали вне сферы нравственно-этической, как пытался уверить автор. «Воздействие на Царя» Григория Распутина оказалось более сильным, чем представлялось Илиодору, которому не удалось добиться подобного влияния. Негодяй даже уверял, что Царь якобы даже обещал возвести его в сан митрополита, но «обещание свое не сдержал».

Илиодор, оказавшись за границей совершенно без средств, решил заработать на дискредитации Царской Власти, прекрасно понимая, что такой дурно пахнущий товар всегда будет востребован и за границей, и в самой России. Предваряя издание, Сергей Труфанов устно и письменно неоднократно заявлял о наличии у него сенсационных документов, «изобличающих» в неблагоприятных делах Распутина, но что особенно важно, «срывающих покровы» с отношений между ним и Царской Семьей. Он впервые публично озвучивал мерзкую ложь о том, что Распутин — отец Цесаревича Алексея.

Понимая, что деятельность бывшего монаха может нанести вред престижу Императорской Семьи, различные представители государственной власти несколько раз пыталась с ним договориться «полюбовно» и выкупить все возможные материалы. Инициатива сделки исходила не от Монарха, а от служащих Министерства внутренних дел, проявивших ревностное усердие. Шумная кампания в зарубежной прессе вокруг личности Илиодора Труфанова внушала тревогу. Сохранилось секретное донесение на имя директора Департамента полиции, посланное из центра русской заграничной тайной полиции в Париже, датированное 12 марта 1916 года.

«Американская агентура сообщает, что редактор нью-йоркской еврейской газеты „Дер Таг“ Бернштейн

рассказывает о своей встрече в Христиании¹ и беседе с известным Илиодором, который сообщил ему некоторые подробности о внутреннем положении России, высказав уверенность и радость в конечной победе Германии, что освободит русский народ от его притеснителей. По словам Бернштейна, к Илиодору постоянно приезжают представители немецкого рейхстага и подолгу беседуют с ним по политическим и религиозным вопросам. Посетили Илиодора немецкие эсдеки (социалисты. — А. Б.) Газе и Шейдеман. Бернштейн уверен, что русские социалисты могли бы многое сделать через Илиодора и должны воспользоваться случаем послать к нему делегацию, о чем он намерен переговорить с представителями русских демократических социалистических организаций в Нью-Йорке».

Илиодора намеревались использовать в роли марионетки в большой политической игре по дискредитации власти в России. Сам «диссидент» был готов к этой роли, лишь бы ему платили. Речи опального монаха были приятны русоненавистникам всех мастей, особенно его радостное ожидание поражения России. Кроме левых радикалов, группировавшихся вокруг Владимира Ульянова-Ленина, оглашать подобное кощунственное желание никто больше не решался.

Иностранные враги русского правительства готовы были платить, но не за слова, а за дела. Таким же делом и могла стать публикация документов, компрометирующих Царя и Царицу. Подобную опасность прекрасно осознавали и в России.

Весной 1916 года в столицу Норвегии, город Христианию, по распоряжению министра внутренних дел Б.В. Штюмерера тайно выехали высокопоставленные

¹ Так тогда называлась столица Норвегии. — А. Б. Датское наименование норвежского города Осло в 1624—1924 гг. — *Ред.*

чиновники этого ведомства и вступили в переговоры с Труфановым. Эмигранту обещали прощение и разрешение возвратиться в Россию в обмен на имевшиеся у него бумаги.

Он встретил эти известия с радостью, выразил готовность примириться с Распутиным и начать совместно работать с ним «на благо России». При этом он выдвинул лишь одно условие: выплатить ему несколько десятков тысяч рублей, сумму по тем временам огромную. Однако даже показать пресловутые документы бывший проповедник отказался, и соглашения достичь не удалось. Участвовавший в переговорах адъютант министра жандармский подполковник Р.Ю. Пиранг в своем отчете заметил, что Труфанов произвел на него «впечатление совершенно беспринципного человека, готового на что угодно».

Интерес власть имущих к персоне Илиодора Труфанова лишь усилил его шумную деятельность по рекламированию себя и своего сочинения. В середине 1916 года он покидает Европу и переезжает в США. Там популярный журнал «Метрополитен» приобрел у него право на издание, выплатил часть гонорара и анонсировал публикацию. Как явствовало из рекламного объявления, помещенного в упомянутом журнале осенью 1916 года, публику ждали «сенсационные откровения».

«Священный дьявол России. История Распутина, священного дьявола, рассказанная Илиодором, монахом, бывшим учеником Распутина. Русский двор теперешнего времени со всем его мистицизмом и варварским величием является фоном. Действующими лицами — Царь, Царица и весь русский двор, попеременно погруженные то в дикие оргии эксцессов, то доходящие до степени безумия религиозного фанатизма, а Распутин — предвещатель и наперсник Царицы. Вы придете

в восторг от этого удивительного рассказа. Вы получите из первых рук объяснение и причины изгибов и извилин совершающейся истории и увидите Распутина, дергающего пружины позади трона».

Читатель замер в предвкушении, и ожидания его обмануть не могли. Забегая немного вперед, приведем лишь один пассаж из этого лживого опуса — «рассказа» Распутина о его поведении в Царском доме.

«Когда я бываю у Царей, я целые дни провожу в спальне у Царицы. Целую Ее, Она ко мне прижимается, кладет на плечи мне Свою голову, а я Ее ногу по спальне на руках, как малое дитя. Это Ей нравится. Так я делаю часто, часто. Также часто бываю в спальне Детей. Благословляю Их на сон, учу молиться, пою с Ними гимны. Однажды запели, Девочки хорошо пели, а Алеша не умел, да брал не в тон, да как заорет на все комнаты, аж Царица прибежала и Его успокоила».

Все это — горячечный бред. Но в Америке готовы были ему поверить. «Грязный мужик», носящий на руках русскую Царицу, без ограничения посещающий спальни молодых барышень, — такое «безобразие», конечно же, могло происходить лишь в «варварской России».

Слухи о компрометирующих Царскую Семью материалах нервировали некоторых должностных лиц России. По распоряжению все того же Б.В. Штюрмера, ставшего летом 1916 года министром иностранных дел, дипломатическая служба России в Вашингтоне зорко следила за развитием событий. В августе-сентябре того года представители посольства вступили в переговоры с бывшим монахом, стремясь воспрепятствовать изданию. Русский посол в Вашингтоне сообщал в Петроград 31 августа 1916 года о том, что «Илиодор считает себя несправедливо униженным и мстительно настроен, но явно не хочет порывать с родиной».

Илиодор живо откликнулся на предложение начать переговоры и сразу же согласился продать все имевшиеся материалы за 25 тысяч рублей, хотя, по его утверждению, в Америке ему «предлагали за них 50 тысяч долларов» (около 100 тысяч рублей). Ясно, что при таком порядке цен автор не собирался ничего передавать господам из России. Переговоры с русскими представителями ему требовались для того, чтобы выгоднее предложить себя в Америке, используя сам факт интереса к своей персоне, как рекламный трюк. Замысел не удался. Представители России на сделку не шли.

Выяснилось, что никаких подлинных документов членов Царской Семьи на руках у этого авантюриста и шантажиста нет, а имеются только копии сомнительного свойства. Из числа прочих, заслуживающих внимания материалов в его распоряжении якобы находились дневник генеральши Лахтиной и письма Вырубовой. Однако работникам посольства удалось установить, что и эти бумаги тоже существуют в копиях. Все контакты с Илиодором были прекращены.

Прохиндей же не успокоился и не постеснялся обратиться к Александре Фёдоровне лично. Об этом эпизоде А.А. Вырубова позднее написала: «Илиодор осенью 1916 года предложил по телеграфу Императрице купить у него эту книгу за 20 000 рублей, но Императрица отклонила это предложение, находя недостойным для Себя отвечать что-либо Илиодору». Рекламный трюк опять не удался.

Несмотря на полученное автором «паблисити», американский журнал так и не начал публиковать «сенсационный материал» вплоть до самого падения Царства Двуглавого Орла. В печати появились лишь фрагменты. Невзирая на распространенную в Америке русофобию, предназначенные для публикации тексты во многих ме-

стах были столь шокирующими, что могли принести вред «нравственному здоровью» американской публики.

Произведение получило право на жизнь в России сразу же после падения Монархии, когда самые невероятные обвинения и клевета по адресу Самодержцев выглядели уместными и обоснованными. (В английском переводе пасквиль Труфанова под названием «Сумасшедший монах России» увидел свет в Нью-Йорке лишь в 1918 году, т.е. через год после опубликования его в Петрограде.)

Русская журналистика не выдержала пристойно испытание свободой в 1917 году. То, что считалось неприличным в Америке, в России, «провалившейся в царство свободы», стало не только возможным, но и желанным. Ничего не надо было доказывать, нужно было только разоблачать свергнутую власть. Публика жаждала деталей и подробностей о «вырождении» свергнутых правителей. Она их получила в избытке! Производство произведений на тему «О Гришке, Сашке и Николашке» было поставлено на поток. В ряду этого бульварного чтива одним из первых и появилось сочинение Илиодора.

Однако еще за несколько лет до того «откровения» Илиодора широко распространялись нелегально, и во многих «хороших домах» их читали с жадным интересом. Конечно, рассказанные эпизоды и описанные ситуации озадачивали, вызывали сомнения. Трудно было вообразить, что нечто подобное могло иметь место в действительности. Однако «откровения Распутина», воспроизводимые Илиодором, звучали так уверенно. Возникло расхожее умозаключение: если даже книга наполовину лжива, то вторая-то часть — правда, но и этого достаточно, чтобы ненавидеть и презирать Царя и Царицу.

На самом же деле в книге нельзя найти не только реальных исторических фрагментов, но невозможно об-

наружить ни одной правдивой строки. Всё — сплошная ложь.

«Царь раз упал передо мной на колени и говорит: „Григорий, Григорий, ты Христос, ты наш Спаситель”. А почему? Когда революция подняла высоко голову, то они очень испугались. А тут Антоний Волынский где-то сказал проповедь, что наступили последние времена. Они и давай складывать вещи, чтобы куда-то спрятаться. Позвали меня и спросили. А я долго Их уговаривал плюнуть на все страхи и царствовать. Все не соглашались. Я на Них начал топтать ногою и кричать, чтобы Они меня послушались. Первая Государыня сдалась, а за нею и Царь. Когда я пришел к Ним после успокоения, они оба упали передо мной на колени. Стали целовать мои руки и ноги».

Процитированный текст взят из книги наугад, она фактически вся состоит из подобного рода «признаний». Абсолютная лживость их очевидна всем, кто хоть сколько-нибудь знаком с историческими реалиями.

В этой связи стоит отметить примечательный факт. В долгий период господства в нашей стране коммунистической идеологии поношение «проклятого царского прошлого» было обязательным занятием историков. Отказ был чреват самыми печальными последствиями для любого автора. Многие десятилетия целые когорты деятелей «классовой науки» упражнялись в самых беспощадных выпадах против последнего Царя. Подтасовали события, передергивали высказывания, переименовывали факты, замалчивали документы. Однако даже в эпоху «пролетарской нетерпимости» никто не решался цитировать книгу Илиодора Труфанова. Она всегда находилась за гранью, где кончалась даже видимость исторического документа.

Ворошить илиодоровскую помойку вряд ли и теперь стоило бы, если бы не тот грустный факт, что после падения в нашей стране красной диктатуры сочинение

Илиодора неоднократно переиздавалось без сопутствующих комментариев, став «документом». Из этого «ароматного источника» черпают сведения не только неискушенные в истории читатели, но и тенденциозные (и претенциозные) авторы.

Самый последний случай в этом ряду — всё тот же Радзинский, в книге которого о Распутине Илиодор является не только одним из главных героев, но и представлен «надежным свидетелем»! В этой связи разговор о фальшивом продукте уместен и необходим.

Сам Илиодор в силу своих способностей вряд ли бы осилил сочинение книги. Исследователь биографии Распутина О.А. Платонов предположил, что ему помогали, и обоснованно назвал двух «соавторов»: журналиста Александра Пругавина и писателя и публициста «легкого политического жанра» Александра Амфитеатрова¹. Репутация последнего даже в невзыскательном петербургском журналистском мире была незавидной. Поэт и литературный критик Виктор Буренин посвятил ему эпиграмму, имевшую в свое время широкое хождение:

Своей фамилии взамен
Ты кличку взял Old Gentleman.
Верней бы искренно и прямо
Назваться русской кличкой Хама.

Амфитеатров принимал близкое участие в судьбе Илиодора, состоял с ним в переписке. В письме из Нор-

¹ А.М. Амфитеатров «сделал имя» в январе 1902 года, когда в петербургской газете «Россия» был опубликован его фельетон «Господа Обмановы», в котором в злобном и шаржированном виде изображались члены Династии, в том числе и Царь. Именно тогда имя Амфитеатрова стало ассоциироваться «с прогрессивной журналистикой».

вегии 16 марта 1915 года «русский Савонарола» писал своему «благодетелю»: «Убегая за границу, я в Петрограде и Финляндии виделся с А.С. Пругавиным и А.М. Горьким. Эти господа своим авторитетным словом утвердили мое намерение разоблачить печатно подоплеку жизни династии Романовых; последний из них обещал оказать этому делу всяческое содействие, посоветовавши поселиться около Вас, господин Амфитеатров, ожидать берлинского издателя Ладыжникова и из Парижа адвоката по печатным и издательским делам. К сожалению, последовавшая война разрушила наладившиеся было планы, и я на время поселился в Христиании».

Амфитеатров прославился своими скандально-критическими публикациями и, как утверждается в некоторых работах, много лет являлся одним из активных масонов в России. В данном случае уместно сделать небольшое пояснение, чрезвычайно важное для восприятия не только распутинской темы, но и вообще всей истории монархической России последнего периода ее существования: о роли и влиянии масонов.

Масонская организация вообще и масонские организации в России в частности всегда существовали в виде закрытых от посторонних глаз корпораций единомышленников. При всех разновидностях масонских течений в России самые представительные её группы (ложи) ориентировались на французское масонство, исповедовавшее принципы социального равенства и выступавшее резко против светских и религиозных авторитетов. В силу этого приверженцы масонства по своему мировоззрению являлись или активными, или пассивными, но непременно противниками монархической системы и Православной Церкви.

Деятельность масонов всегда окружал ореол строгой конспирации, однако кое-что за пределы закрытых

собраний всё-таки просачивалось. В частности, доподлинно установлен интерес некоторых отечественных масонов к книге Илиодора Труфанова, которую они даже намеревались издать. Этот исторический эпизод лишь несколько расширяет панораму идеологической борьбы различных общественных элементов с властью. И не более того.

Здесь нет возможности долго размышлять на эту вечную тему, но применительно к обозначенному сюжету необходимо подчеркнуть лишь главное. Книгу Илиодора собирались издавать не для масонов и революционеров; рукописное сочинение этого автора читали не эмигранты в парижских кафе и не бомбометатели на конспиративных квартирах. У таких «пламенных борцов» хватало вдоволь куда более впечатляющего чтива.

Потребителями илиодоровского пасквиля должны были стать, и в действительности являлись, люди совсем других занятий, абсолютно иных социальных устремлений. Как уже отмечалось, жадная тяга «образованных слоев» общества к информации, дискредитирующей власть, порождала подобного рода политические «пули», которые мастерски «отливали» такие «пулеметчики от журналистики», как Амфитеатров. Как здесь не вспомнить бессмертный грибоедовский афоризм: «Ах! Злые языки страшнее пистолета».

Читая книгу Илиодора Труфанова, невозможно отделаться от мысли, что автор, безусловно, психически неуравновешенный человек. Его просто сжигали эротические видения самого причудливого характера. Описания сцен распутинского разврата полны таких живописных деталей, мастерству которых мог бы лишь позавидовать общепризнанный в начале XX века отечественный «мэтр эротики и порнографии» писатель Михаил Арцыбашев. И если критика просто неистов-

ствовала от возмущения по поводу Арцыбашева, то Илиодора в непристойности не обвиняли. Он ведь, как считало немалое число современников, оставил «историческое свидетельство».

Эротические сцены — главные в книге Илиодора. Приведем один образчик таких писаний, чтобы было ясно, с какого рода низкопробными «свидетельствами» приходится иметь дело.

В числе «смертных грехов», которые автор «Святого чёрта» инкриминирует Распутину — половая разнузданность «Царева друга». Илиодор даже проводит классификацию «домогательств» и выделяет несколько категорий женщин, доверившихся Распутину и ставших добычей этого «развратника». «Жертвы Григория разделяются на четыре категории: жертвы поцелуев и бань, жертвы особо рода прикосновений, жертвы изгнания бесов и жертвы плотского совокупления».

Оставим в стороне все прочие «живые примеры» и остановимся лишь на одном, ставшем потом самым ходульным — «растлении монахини». В этой сцене сексуальная фантазия Илиодора предстает во всей своей неприглядности.

«Послушница Ксения Г. — послушница женского монастырского подворья, находящегося в Царицыне. Девушка 28 лет. Некрасивая, но очень симпатичная, полная, упругая, в высшей степени набожная и целомудренная. Она сейчас живет при епископе Гермогене в Жировицком монастыре, на гостинице. Когда я был в Царицыне, она доставляла в храм моего монастыря просфоры. В марте 1911 года приходила ко мне на исповедь. Перечисляя свои грехи, она запнулась, застеснялась».

Стоит особо подчеркнуть, что разглашение тайны исповеди — великий грех и церковное преступление для лица церковного звания. Но, когда Илиодор со сво-

ими «подельниками» стряпал свой опус, он уже снял сан, а совесть и стыд — с такими моральными категориями бывший монах знаком не был.

Итак, «симпатичная», «плотная» и «упругая» запнулась, но сразу же на помощь пришел духовный наставник. «Ну говори, всё, всё, — предложил я ей. — Да вот Григорий Ефимович делал со мною... — Нехорошее? — Да».

Однако установление самого факта «плохого деяния» исповедующего лица не удовлетворило. Он, как и немалое число других современников, жаждал узнать подробности, детали, весь «процесс нехорошего». Поэтому Илиодор якобы прервал разговор и предложил «упругой» прийти к нему через три дня, чтобы «рассказать всё подробно». Не будем попутно комментировать нюансы сего рассказа, который совершенно противоречит исповедальной традиции, перейдем к главному, к тому, что возбуждает воображение эротоманов и тогда, и теперь: к сцене разврата. Жалкие порнографы начала века могли отдыхать, «свидетель обвинения» рисует яркую картину, да так смачно, что можно подумать, что являлся соучастником.

Распутинская «жертва четвертой категории» («совокупление») безропотно пришла в келью к Илиодору, как и было указано, через три дня. Тот поставил её перед иконой и заставил рассказывать, «все, что с тобою делал Григорий». Несчастливая дрожала, бледнела, но наконец при понукании Илиодора, убеждавшего ее, что эти подробности ему нужны, чтобы разоблачить «старца», оказавшегося на самом деле «бесом», Ксения начала свое повествование.

«Дело было, дорогой батюшка, на святках. „Старец“ заранее предупредил А.М.Л., в доме которой, как вам известно, я ради послушания по приказанию матушки-игуменьи кое-что исполняю в домашних работах, что оп

придет к ней ночевать в какой-то день. Пришел. Когда настала пора спать, он и говорит А.М.: „Голубка, пошли в монастырь за Ксениею; она мне очень нужна”. А.М., конечно, послала прислугу, и я, как водится, явилась, хотя мне странным показалось, почему это я в такой поздний час понадобилась».

Прервем сей жалостливый рассказ и заметим, что монахиня не могла покинуть «в поздний час» монастырь без разрешения настоятельницы. Следовательно, мать-игуменья была «в курсе», что вообще выходит за рамки всего представимого. Очевидно, эту историю сочинял какой-нибудь Амфитеатров, которому просто был неведом монастырский уклад. Однако вернемся к прерванному эротическому сценарию.

«Как только А.М. легла в постель, Григорий приказал мне раздеть его. Я раздела. Потом приказал раздеться самой; я разделась. Он лег на приготовленную кровать и говорит: „Ну, милка, ложись со мною”. Я, дорогой батюшка, как и вы, считала его великим праведником, осытлителем наших грешных тел и целителем, повиновалась, легла около него, а сама думала: „Господи! Что же дальше-то будет?”».

Дальше было то, что и должно было быть и что Илиодор живописует со смачным удовольствием. «Он начал меня целовать, так целовать, что на моем лице не осталось ни одной точки, „старцем” не поцелованной. Целовал меня, как говорится, в засос, так что я еле-еле не задыхалась».

Снова прервем цитирование грязного словесного потока и заметим лишь, что, по словам автора (авторов), Распутин «пользовал» невинную монахиню, которая еще не знала, что делают голые мужчина и женщина в постели, но уже хорошо знала, как целуются «в засос», целых четыре часа!

Изнасилованная и умученная «милка» закончила свое повествование фразой юной невинной гимназистки, покидавшей праздничный утренник: «Потом я пошла домой».

Конечно, если предположить, что такое «варево» изготовлялось для зарубежного читателя, то здесь с автора и спрос невелик. Там подобное о «русских нравах» и сами сочиняли, и чужое такого же качества охотно потребляли. Самое удивительное, что этому верили и в России! «Случай с монахиней» стал одним из «аргументов», «доводом», «фактом» при характеристике «грязного Гришки». Это эпизод распутинской биографии пересказывали журналисты, его изучали следователи ЧСК Временного правительства!

Кстати говоря, эта же комиссия не смогла установить достоверность ни одного факта, приводимого Илиодором. Как писал следователь А.Ф. Романов, книга «была проверена документально и оказалась наполненной вымыслом; множество телеграмм, которые приводит в ней Илиодор, никогда в действительности посылаемы не были. Проверка производилась по номерам телеграмм, а кроме того, комиссия имела в своем распоряжении не только телеграфные ленты, но даже подлинники всех посланных телеграмм».

Еще раньше, в 1914 году, легендарная Ксения дала подробные показания следователю, ведущему дело Илиодора. Эти признания под присягой сохранились до наших дней, но в то время ни одна газета их не опубликовала, хотя о «деле Ксении» трубили многие общероссийские издания.

Полное имя этой «жертвы Распутина» Ксения Васильевна Гончаренкова, которая оказалась далеко не молодой и не «упругой», ей было уже за сорок. Из ее показаний выяснилось, что она одно время была ревностной сторонницей Илиодора во время его пребывания в Ца-

рицыне. Самое интересное в этом документе, который так долго замалчивали, то, что Ксения видела Распутина всего два раза, оба раза издали и даже ни разу с ним не разговаривала!

История с «обольщением» приведена не только для того, чтобы читатель понял, насколько фальшиво сочинение Илиодора, но в первую очередь для того, чтобы в очередной раз охарактеризовать настроение умов в предреволюционной России. Многие люди готовы были принимать на веру любую чушь и пошлость, если они чернили власть и ее представителей. Это прекрасно понимали сочинители и распространители бредней под именем Илиодора. Пасквиль бил не по Распутину; первая мишень совсем другая: Царь и Царица.

Главная цель книги — опорочить Венценосцев. Александра Фёдоровна — основной объект шельмования. Остановимся на уже упомянутом чрезвычайно важном в данном случае сюжете: на отношениях Царицы и Распутина, которые автор описывает, ссылаясь на рассказы «Гришки Окаянного». Еще раз подчеркнем, что в отношениях Государыни Александры Фёдоровны и Распутина никогда не было никаких «поцелуев», «объятий», «посещений царских спален» и подобных форм выражения близких отношений.

Теперь вернемся к началу, к сцене «поднятия тяжести», живописуемую Илиодором. «Я Ее ношу по спальне на руках», — якобы признавался Распутин. Даже если не иметь понятия о реальном положении вещей, не быть знакомым с истинным характером отношений между указанными лицами, а лишь посмотреть на их фотографии, то сразу же станет ясно, что довольно щедрый мужичок (Распутин) просто физически был не в состоянии не только часами (!) носить на руках столь крупную женщину, как Александра Фёдоровна, но вряд

ли вообще мог оторвать Ее от земли. Но это, так сказать, попутные факты.

Перейдем же к самим письмам. Важно подчеркнуть, что аутентичность приводимых в книге Илиодора романовских посланий, и в первую очередь письма Императрицы, не установлена, хотя эти тексты часто цитируют для иллюстрации пресловутого тезиса об интимных отношениях между Александрой Фёдоровной и сибирским крестьянином. Сам же текст воспроизводится в различных вариациях, что невольно вызывает вопрос: имеется ли в наличии подлинник?

Существует утверждение, что якобы письмо (письма) Царицы Распутину было в свое время «куплено» (у кого — не ясно) неким иностранцем, который вывез его (их) из России. Если это было так, то мы имеем дело с уникальным случаем почти что векового утаивания ценного и в историческом, и в материальном отношении документа. При огромном количестве обращающихся на Западе русских раритетов, при бесконечной продаже и перепродаже Царских мемориальных предметов и документов, нигде и никогда не фигурировали послания Царицы Распутину. Нет сомнения, что в случае невероятной «раскрученности» этого сюжета цена подобного документа оказалась бы баснословной. Но нет, никто не искушается, и следов того «иностранца» найти так никому и не удалось.

Здесь возникает уместный вопрос, писала ли Александра Фёдоровна «Другу» вообще? Можно говорить с уверенностью, что одно такое письмо существовало, однако никто из исследователей и исследователей оригинала его не видел. В обществе же речь вели о «переписке», подразумевая под этим поток корреспонденции.

Друг Царской Семьи А.А. Вырубова на допросе в ЧСК логично заметила: «Что же писать письма, он их не читал,

давал посторонним, это не особенно приятно». Царица, конечно же, прекрасно знала, что Г.Е. Распутин был малограмотным и что для ознакомления с любым рукописным текстом ему надо было привлекать каких-то людей. Учитывая Ее щепетильность, трудно предположить, что она могла посылать подобные письма-исповеди.

К моменту издания сочинения Илиодора подлинников писем в распоряжении публикаторов не имелось, и по заявлению автора, они были переданы министру внутренних дел А.А. Макарову еще в 1912 году, а тот якобы вручил письма Царю. Каким же образом они попали в руки к Илиодору?

Сам повествователь утверждает, что, когда он находился в гостях у Григория в Покровском, тот поделился с ним самым сокровенным богатством. «Распутин взял ключ и отпер им большой сундук. Из сундука он вынул целый узелок с чем-то. Развязал. Там были письма: „Это всё письма ко мне Царицы, Девочек Ихних, Великих княжон и князей”».

Итак, если верить «сказителю», у Распутина был целый «узелок» посланий. Илиодор был просто очарован этим зрелищем, стал просить «на память несколько писем». Хозяин дома — щедрая душа — не мог отказать и предложил: «Выбирай». И тот взял «письма Государыни и Великих княжон». Такова версия будущего нью-йоркского мусорщика.

Здесь нужны некоторые хронологические ориентиры, которые в книге «Святой чёрт» отсутствуют. Илиодор и Распутин впервые увиделись в 1904 году, но близко сошлись в 1908 году, и их отношения продолжались до 1911 года. За это время они не раз встречались, и Илиодор действительно даже побывал у Распутина в гостях в Сибири. Находился он там две недели в декабре 1909 года.

Можно предположить, что именно тогда в его руках и оказались некие «письма», которые он приводит в своей книге. В их числе и текст от имени Дочери Императора Николая II княжны Ольги: «Тяжело без тебя; не к кому обратиться с горем, а горя-то, горя-то столько! Вот моя мука. Николай меня с ума сводит, всё тело трясется, люблю его. Так бы и бросилась на него. Ты мне советовал поосторожней поступать. Но как же поосторожней, когда я сама с собою не могу совладать».

Сочинителю (сочинителям) пасквиля мало показалось облить грязью Царицу, им даже юных Девушек не было жалко. Ведь если принять на веру процитированное излияние, то старшая Дочь Царя ничем не лучше матери: такая же «разнузданная и похотливая». А ведь ей в 1909 году исполнилось только четырнадцать лет!

Как и все остальное в писаниях Илиодора, история с письмами выдуманна от начала и до конца. Однако имеются указания, что по крайней мере одно письмо своему другу-утешителю Императрица всё-таки написала. Факт существования такого послания Распутину удостоверяла в своих письменных показаниях ЧСК осенью 1917 года А.А. Вырубова.

Сам Распутин, давая летом 1914 года показания следователю по поводу Илиодора, заметил: «Был Илиодор у меня годка четыре назад в Покровском, где похитил важное письмо, которое и передал высшим властям». Тут речь идет уже о воровстве, но одного письма.

Об этом же после революции говорила и дочь Распутина Матрёна, которая свидетельствовала: «Вообще же отец в переписке с Царской Семьей не состоял, т.е. Они не писали ему писем. Государыня только однажды прислала отцу в Покровское письмо. Он его показал, по своей простоте, гостившему тогда у нас Илиодору. Илиодор это письмо у отца тогда же украл».

Однако что же это были за тексты и какой из ныне опубликованных вариантов соответствует оригиналу и соответствует ли ему вообще? Иными словами, какова степень исторический подлинности опубликованных «писем» Царицы Распутину? Председатель Государственной думы М.В. Родзянко уже в эмиграции утверждал, что подлинное письмо Александры Фёдоровны находилось у него, и что «ранее оно в извращенном виде ходило по рукам».

Бывший премьер В.Н. Коковцов уверенно называл циркулировавшие послания «апокрифами». Он в своих мемуарах дополнил эту историю некоторыми подробностями. По его словам, в начале 1912 года он встретился с министром внутренних дел А.А. Макаровым, который под большим секретом рассказал главе правительства, что ему удалось изъять у Илиодора «письма Царицы и Ее Детей к Распутину».

Сиих документов оказалось шесть, и все они были предложены на ознакомление премьеру. «Одно сравнительно длинное письмо от Императрицы, совершенно точно воспроизведенное в распространенной Гучковым копии; по одному письму от всех четырех Великих княжон вполне безобидного свойства». Самое же короткое было подписано инициалом «А.», из чего следовало, что авторство принадлежит Наследнику.

После прочтения премьер и шеф МВД занялись решением проблемы, что же делать дальше. В итоге Коковцов убедил министра, что тому надо испросить аудиенцию у Императрицы и их передать Ей из рук в руки. Макаров же, согласившись на словах с этим вариантом, на деле поступил совсем иначе.

Он передал пакет с этими письмами Императору Николаю II. Из рассказа следовало, что Монарх, получив это подношение, «побледнел, нервно вынул письма из конверта, и, взглянувши на почерк Императрицы, сказал:

„Да, это не поддельное письмо”, а затем открыл ящик своего стола и резким, совершенно непривычным Ему жестом, швырнул туда конверт». Когда Макаров рассказал это премьеру, то тот воскликнул, что теперь министру «отставка обеспечена». Заметим попутно, что отставку Макаров получил лишь в декабре 1912 года, т.е. почти через год после приводимого эпизода в кабинете Царя!

Рассказ бывшего премьера противоречив и вызывает целый ряд вопросов. Если письма соответствовали тем, которые распространял Гучков, то почему они «апокрифичны»? Но еще более важен другой момент: откуда Коковцову был известен почерк Императрицы, а уж тем более Дочерей? В то время он мало кому был известен. Писала Она лишь родственникам по-английски, реже по-французски или по-немецки.

В этот период Царица лишь иногда составляла записочки-распоряжения по-русски, всего в несколько слов, которые переправляла служащим во дворец. Хотя говорила она по-русски почти без акцента, но на языке своей второй родины писать всё еще не решалась. По этой причине не может не вызвать сомнения подлинность Ее эмоционального письма Распутину, сочинение которого без посторонней помощи Она бы в 1909 году вряд ли осилила.

Никаких посланий ни Макарову, ни Коковцову Она никогда не отправляла. Так что проведенная двумя савонниками «графологическая экспертиза» вызывает серьёзные сомнения. Ситуацию не проясняет и ссылка на слова Императора Николая II, якобы признавшего подлинность почерка Супруги. Сам Коковцов этого не слышал, ему так эту сцену передал Макаров. Нет никакой гарантии того, что человек, обманувший премьера, не передавал, как договаривались, письма Самой Императрице, и в этом случае не слукавил. «Свободный

пересказ» высказываний Монарха был делом вполне обыденным.

Так или иначе, но если письма и существовали в действительности, то в начале 1912 года исчезли в ящике Царского письменного стола. С тех пор их никто больше не видел. Однако они продолжали циркулировать среди публики. Автору настоящей книги известно, по крайней мере, пять вариантов «послания» Александры Фёдоровны. Какой из них подлинный и есть ли таковой вариант вообще, судить невозможно.

В любом случае никаких документов в распоряжении Илиодора остаться не могло. В январе 1912 года он только что был водворен во Флорищеву пустынь и ни о какой книге еще не помышлял. Так что если у него даже и остались копии, то в монастыре их тайно сохранить было невозможно. Всё вышесказанное служит основанием считать воспроизводимый в книге Илиодора текст письма Александры Фёдоровны исторической мистификацией, ставшей тем не менее одним из «краеугольных камней» всей «распутиниады».

И последний, но самый бесспорный аргумент в пользу того, что между Александрой Фёдоровной не было и не могло быть никаких, даже похожих на интимность отношений с Распутиным — моральная позиция Николая II. Он был не только образцовым Отцом Семейства, но и настоящим мужчиной, любящим Свою Избранницу искренне, всем сердцем. Его цельная в вопросах любви и веры бескомпромиссная натура никогда бы не приняла ничего, что могло бы уязвить святое сердечное чувство.

Если у кого-то остаются всё-таки какие-то сомнения в добропорядочности Царицы, то им стоит лишь пролистать давным-давно опубликованную переписку Венценосных Супругов, и после этого даже возможная тень подозрения улетучится без следа.

Глава VIII. Политическое кабаре

Слухи о необычной роли Распутина плодили не только недовольство. С 1912 года борьба с «распутинской кликой» начала приобретать характер общественной добродетели. В неё включились не только завсегдашние столичных аристократических салонов, но и государственные и общественные деятели. Благодаря их стараниям сибирский крестьянин превратился в жупел, которым без устали размахивали, запугав в конце концов и себя, и немалое число прочих. Среди «жупелородителей» были разные по социальному положению, политическим и карьерным целям люди, но борьба «с темными силами» всем им принесла популярность, сделала «героями своего времени».

В ряду «рыцарей без страха и упрека» видное место принадлежит двум персонам: Александру Ивановичу Гучкову (1862–1936) и Михаилу Владимировичу Родзянко (1859–1924). Первый был лидером правоцентристской партии «Союз 17 Октября» (октябристы), в 1910–1911 годах возглавлял Государственную думу. Второй же с весны 1911 года являлся председателем III Думы, а в 1912 году возглавил и последнюю — IV Государственную думу. Их усилия, с одной стороны, очень способствовали «разогреву» распутинской темы в обществе, а с другой — их заявления и признания затвердили в па-

мяти потомков некоторые «незыблемые» эпизоды всей «распутиниады».

На примере упомянутых борцов с «засильем тёмных сил» яснее становится, в какой стадии болезненного психоза находилось русское, так называемое образованное общество, в состоянии какого затемнения сознания эта публика пребывала. Считая себя «монархистами», они своими инспирациями дискредитировали Монарха, колебали общественные устои, а следовательно, способствовали разрушению монархической системы.

В русской истории периода заката Монархии было мало значительных политических фигур; преобладали близорукие бездарности, безответственные лицемеры, беспринципные карьеристы и даже политические авантюристы. Это в большей или меньшей степени касалось всех политических течений и направлений, но в первую очередь того, которое определялось как государственно-монархическое и которое комплектовалось по преимуществу из рядов первого, «благородного», дворянского сословия.

Среди тех, кто по своему происхождению, воспитанию, мировоззрению, по долгу присяги должен был неколебимо стоять на страже принципов Монархии, бескорыстно и нелицемерно служить Царю и России, среди этих обласканных властью элементов порыва служения как раз часто и не наблюдалось.

Неумолимый процесс эрозии монархизма стал определяющим фактором крушения Монархии. Дело заключалось совсем не в том, «хороший» или «плохой» Царь занимал трон. В общеисторическом контексте это вопрос вторичный, а для истинного монархиста подобного вопроса вообще не могло существовать. «Жена Цезаря выше подозрений» — этот римский афоризм очень метко отражает незыблемый нравственный канон ав-

торитарного государствоустройства. Если же не только «жена цезаря», но и сам «цезарь» становятся объектами критических нападков и даже шельмования в среде монархистов, то дело Монархии обречено. Именно так и случилось в России.

Один из самых стойких правых деятелей, думский депутат Н.Е. Марков, на эмигрантском съезде монархистов в 1921 году справедливо заметил: «Монархия пала не потому, что слишком сильны были ее враги, а потому, что слишком слабы были ее защитники. Падению Монархии предшествовало численное и качественное оскудение монархистов, падение монархического духа, расслабление монархической воли».

Указанные «оскудения», «падения» и «расслабления» ярчайшим образом проявились как раз в деятельности названных лиц, являвшихся ключевыми фигурами монархического истеблишмента.

Если Царица видела в Распутине носителя света истины, то многие другие узрели в нем «посланца тьмы», «хитрого негодяя», пробравшегося в Царские чертоги, подчинившего своей воле Венценосцев и заставлявшего действовать Верховного Правителя в соответствии с коварными замыслами погубителей России.

Эта схема казалась «логичной», «обусловленной», но на самом деле являлась совершенно беспредметной. Оставался один вопрос, который все время муссировался, но который так и остался без ответа: кто стоял за Распутиным? Ведь, признавая, что этот мужик «темный» и «грязный», надо было объяснить исходную вещь: как ему удалось вознестись?

Ссылки на его «хитрость» ничего не проясняли по существу. Определенного же ответа никто так и не дал; все ограничивались намеками и аллегориями. Несмотря на это, как-то само собой возобладало мнение, что

Распутин, «несомненно, ангажирован» врагами России. Называли и революционеров, и еврейских финансовых воротил, а когда в 1914 году началась Мировая война, то во весь голос затрубили о «германских антрепренерах».

Еще на заре «распутинского бенефиса» опасное для будущего России направление развития этой темы предвидел П.А. Столыпин. Позже сменивший его на посту премьера В.Н. Коковцов в беседе с хозяином влиятельной столичной газеты «Новое время» М.А. Сувориным очень точно предсказал, что «газетные статьи с постоянными упоминаниями имени Распутина и слишком прозрачными намеками только делают рекламу этому человеку, но, что всего хуже, играют на руку всем революционным организациям, расшатывая в корне престиж власти Монарха, который держится главным образом обаянием окружающего его ореола, и с уничтожением последнего рухнет и самый принцип власти».

Поразительно, почему такую опасность не осознавали другие, те, кто уверял всех в своем монархизме, но которые на деле оказались в одной упряжке с откровенными противниками режима и монархоненавистниками. К этой группе политических слепцов и относились «монархисты» А.И. Гучков и М.В. Родзянко.

Александр Иванович Гучков происходил из среды старого московского купечества. По окончании историко-филологического факультета Московского университета много лет работал в системе московского городского управления. В период революции 1905–1906 годов становится политической фигурой общероссийского масштаба.

Гучкова с ранних пор отличала темпераментность натуры, которая была нетипична для представителей купеческих семейств. Он сам себя называл «человеком шалым». Причину необычного темперамента некото-

рые усматривали в особенностях семейного родословия: матью Александра была француженка.

Купеческий сын ещё со студенческих лет живо интересовался вопросами общественной жизни, а со временем политика стала для него главным и важнейшим занятием. Его любимым историческим персонажем был «покоритель мира» Александр Македонский, он еще в молодости хотел походить на него и мечтал «умереть красиво».

Вторым «великим» московский Александр не стал, да и умереть «красиво» не пришлось. Он окончил свои дни старым и беспомощным эмигрантом на больничной койке после длительной и изнурительной раковой болезни. Знать своё будущее смертным не дано; не знал его и Александр Гучков. В молодые лета воображение рисовало грядущее совсем иначе, чем то, которое ему было уготовано в действительности.

Он проиграл свою жизнь по всем статьям, слава Богу, не дожив до своего последнего вселенского позора: его единственная «законная дочь» Вера (Сувчинская-Треиль) вступила во Французскую компартию, сделалась агенткой НКВД, став любимицей кровавого сталинского подручного Николая Ежова. После смерти А.И. Гучкова в 1936 году «душка Керенский» опубликовал в парижском журнале «Современные записки» некролог, где признавал, что покойный «в 1915 году примкнул к революции» и «слился с освободительным движением». Думается, что это «слияние» фактически произошло еще раньше...

Возглавив в 1906 году партию октябристов, купеческий сын быстро вошел в число тех в России, кого ныне принято называть политической элитой. Гучков и его партийное объединение несколько лет поддерживали реформаторские усилия Петра Столыпина, что давало повод противникам называть октябристов клеветата-

ми. У лидера партии первое время существовали близкие, можно даже сказать, доверительные отношения с главой правительства. Однако постепенно они сошли на нет. Причины охлаждения в значительной степени вызывались не мировоззренческими разногласиями, а особенностью натуры поводыря октябристов.

Азартный игрок по натуре, он и в политике был сторонником рискованных ходов. Естественно, что никакой ответственный политик, а П.А. Столыпин был как раз из числа таковых, не мог идти путем импульсивных и непродуманных экспериментов. Он и не шел. Александр же Иванович, напротив, всё время старался побудить своего высокопоставленного партнера «дать бой», «свести счеты». В конце концов он сам решил «бросить перчатку» власти.

Амбициозный, неуживчивый, темпераментный, легко возбудимый Александр Иванович не раз попадал в громкие истории. Чего стоили только его дуэльные эскапады, гремевшие на всю Россию. До поединков дело доходило шесть раз, хотя вызовов было куда больше. В 1908 году произошел случай из ряда вон выходящий: лидер октябристов вызвал на дуэль главу другой ведущей российской партии — конституционно-демократической (кадетской) — Павла Милюкова. Перспектива подобного «выяснения отношений» вызвала ужас в среде партийных функционеров, которые сделали всё возможное, чтобы не допустить своих лидеров до барьера.

Не довольствуясь малыми дуэльными триумфами, Александр Гучков решил «дать бой» Царю и Его окружению. Повод был весьма «весомый»: Александр Иванович не любил Царя. Различные эпизоды политической повседневности убедили его, что «Царь не тот». Правда, он так и не пояснил, каким же должен быть «тот». Наверное, таким, который «внимал бы мудрым наставле-

ниям» эксцентричного москвича. Но Царь ничего «выдающегося» в Гучкове не видел.

Выступая с речью при своем избрании главой Думы в 1910 году, Гучков среди прочего сказал: «Мы часто жалуемся на внешние препятствия, тормозящие нашу работу. Мы не должны закрывать на них глаза: с ними придется нам считаться, а может быть, придется и со-считаться». «Программа» была уже сформулирована: надо было претворять ее в жизнь и свести счета со всеми «неудобными».

«Убежденный монархист» почти десять лет вел скандальную кампанию «разоблачения» власти, начав ее еще тогда, когда имени Распутина никто и не слышал. В этой «праведной борьбе» Гучкову все средства представлялись допустимыми. Начав с малых выпадов, купеческий сын постепенно превратился в одного из самых непримиримых критиков не только политики правительства, но и самого Николая II и Его семейной жизни, став личным врагом Царя и Царицы.

В одном из писем супругу Александра Фёдоровна не сдержала эмоций и воскликнула: «Ах, если б только можно было повесить Гучкова!». Много позже на вопрос одного из своих собеседников-эмигрантов, почему убитая Царица так люто ненавидела его, Гучков ответил, что не знает. Но объяснение существует.

У Александры Фёдоровны было много недоброжелателей и хулителей, но, пожалуй, с особой страстью Она ненавидела именно лидера октябристов. Это чувство было вызвано не только тем, что Гучков первым публично, с трибуны Государственной думы огласил наличие «связи» между Распутиным и Царской Семейей.

Существовала еще одна важная причина ненависти: именно Гучкова считали человеком, который тиражировал апокрифические письма Царицы Распутину,

письма, которые смертельно оскорбляли уже не только Царицу, но и Ее женскую честь. На такое, как не сомневалась Александра Фёдоровна, был способен лишь отъявленный мерзавец.

Знал эту причину Гучков или нет — неизвестно, но одно достоверно с абсолютной несомненностью: нигде и никогда по поводу своей причастности к тиражированию писем Императрицы к «дорогому Григорию» Гучков не проронил ни звука. Этот грязный сюжет затемнял светлый «рыцарский образ» нашего героя и па всегда «выпал» из его памяти.

«Урожденный текстильщик» полагал, что публичная борьба с «камарильей» и «распутинской шайкой» есть его «долг перед Россией и народом». Об этом своем «долге» он и поведал всему миру с трибуны Государственной думы в начале 1912 года. Давая свои показания летом 1917 года приснопамятной ЧСК, экс-председатель и экс-министр не обошел стороной тот давний эпизод, составивший «славу» его политической карьеры.

«Я внёс в Думе запрос о Распутине и деятельности тёмных сил, после чего мне один из министров передавал, как Высочайше заявлено ему было, что „Гучкова мало повесить“. Я тогда на это ответил, что моя жизнь принадлежит моему Государю, но моя совесть Ему не принадлежит, и что я буду продолжать бороться».

Какая патетика, какое самообладание, какое самопожертвование! Всё было бы именно так, если бы так и выглядело в действительности. На самом же деле всё обстояло совершенно иначе. Никакого «высочайшего повеления», процитированного выше, не только не было, но и не могло быть. Никогда ничего подобного из уст Монарха не звучало. Александра же Фёдоровна «высочайших повелений» отдавать вообще не могла и не отдавала, да и с министрами подобного рода бесед никогда не вела.

Когда Гучков делал свои лживые признания ЧСК, наступило «время бурной истории» — революция, надо было «предъявить народу» свои революционные заслуги, вот их Гучков и сочинял. Причем этому «монархисту» показалось недостаточным ограничиться лишь клеветническим пассажем.

В своем шельмовании поверженного и арестованного Царя он пошел значительно дальше, выказав твердую уверенность, что убийство Петра Столыпина отвечало видам «реакционных сил», которые сначала «отстранили его от влияния на ход государственных дел», а затем «устранили его и физически». Хотя имя самого Императора в этой связи ни разу Гучковым не было произнесено, но кто же тогда не знал, что «главой реакции» был именно Он?

Такой тезис очень пришелся ко двору в советские времена. Десятилетиями «знатоки истории» упражнялись в спекуляциях на эту тему и уже открыто писали, что убийство премьера «отвечало желаниям Николая II». Естественно, что никаких подтверждающих документов добыто не было, да они и не требовались. Инспиратор же этой легенды, а подобные намеки он начал делать уже вскоре после убийства Столыпина в сентябре 1911 года, тоже никаких доказательства так и не привел.

...Прошли многие годы, канули в Лету и Временное правительство, и ЧСК. В стране, над которой некогда реял Двуглавый Орел, давно уже развевалось красное знамя. Гучков же коротал свои безрадостные эмигрантские дни в Париже, симулируя общественную деятельность. Из этого почти ничего путного не получалось, но старый дуэлянт не сдавался. Многие его современники из числа бывших «звезд первой величины» на небосклоне российской политики писали мемуары, выступали со статьями и лекциями по поводу дней давно ушедших.

Гучков не выступал и мемуаров не писал. Это был редкий случай в кругу политиков, уцелевших в стихии революционного смерча. Прожив более полутора десятков лет в эмиграции, он так и не удостоил потомков своими поздними откровениями. Несмотря на это, книга его воспоминаний существует. Это не очередной продукт фальши, а действительные признания человека, оставившего отпечаток в русской истории первых двух десятилетий XX века.

В данном случае нет возможности, да и надобности восстанавливать систему оценок и представлений, которые почти на краю могилы исповедовал человек, в марте 1917 года принимавший отречение Императора Николая II. Остановимся лишь на некоторых важных моментах, касающихся напрямую распутинской истории.

Предварительно поясним упомянутую странную на первый взгляд историю с мемуарами, которые автор не писал. Это действительно так. Воспоминания Гучкова были составлены из стенограмм его бесед в Париже в 1932 году с Н.А. Базили (1882–1960), заведовавшим в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве дипломатической службой.

Бывший дипломат в эмиграции вознамерился написать воспоминания и с этой целью начал опрашивать некоторых эмигрантов по поводу различных эпизодов бурной истории России последних лет Монархии. Так начались его встречи с Гучковым, которого Базили давно знал. Эти беседы стенографировались и позже были опубликованы в виде отдельной книги¹.

Собеседники не прошли мимо распутинской темы. Гучков подробно рассказал, как он столкнулся с «тёмными влияниями», персонифицируемыми личностью Распутина. Оказалось, что ненавистнику «грязного

¹ См.: Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993.

Гришки» глаза на его истинный облик открыл управляющий землеустройством и земледелием, а затем министр земледелия А.В. Кривошеин (1858–1921). Хотя тот сибирского крестьянина никогда даже в глаза не видел, но был уверен, что всё в стране «вершит Распутин».

Гучков почему-то сразу в это поверил и решил «начать битву». Он имел беседы по поводу скандальной личности и с другими должностными лицами. Министр внутренних дел в 1911–1912 годах А.А. Макаров (1857–1919) на вопрос о Распутине ответил: «Но это чисто личные, семейные вопросы мистики Царской Семьи. Я вмешательства Распутина в государственную жизнь не чувствую».

Прочитывая убитого министра, «рыцарь справедливости» счел необходимым заметить, что «ирония этой беседы заключалась в том, что Макаров должен был уйти по интригам Распутина». Это была очередная ложь. Гучков обязан был знать правду, которую можно почерпнуть из множества опубликованных к тому времени документов. Но правда не требовалась. Она перечеркивала весь смысл, сводила на нет «историческую монументальность» той «великой борьбы с темными силами», которую так одержимо вел Гучков.

Сам Гучков с Распутиным не встречался и предложение баронессы Варвары Иксуль фон Гильденбанд устроить такую встречу отверг с негодованием. Он не желал себя «компрометировать», но в то же время «хотел иметь объективную оценку, что это за явление». Где можно было получить подобную «оценку»? Ну конечно же, у «знатоков».

С этой целью Гучков обратился к специалисту по сектантству В.Д. Бонч-Бруевичу и попросил того дать свое заключение. В изложении Гучкова дальнейшее выглядело следующим образом: «Через несколько недель

Бонч-Бруевич мне пишет, что ему всё ясно. Конечно, его (Распутина. — А. Б.) нельзя зачислить в какую-нибудь определенную секту, он одиночка, но у него есть родство с хлыстовщиной, духоборством». Далее эксперт якобы пришел к выводу, что «это не только проходимец, который надел на себя маску сектантства, а сектант, в котором было известное проходимство».

Подобные бессвязные тексты оглашал один из самых известных отечественных политиков, который во имя своего исторического самооправдания вынужден был беспардонно лицемерить. В действительности Бонч-Бруевич ничего подобного не писал. Он сделал совершенно иное заключение, которое им и было опубликовано в столичном журнале «Современник» весной 1912 года в статье «Како веруеши?». Там он признавал, «что Г.Е. Распутин-Новых является полностью и совершенно убежденным православным христианином, а не сектантом».

Мнение «специалиста» Гучков не услышал; ему были нужны не истинные знания, а козырные карты в борьбе с властью. Натура Гучкова не могла существовать без популярности, которую ему приносили только скандалы. И Распутин стал поводом для одного из самых громких.

Именно лидер октябристов начал публичную кампанию по «разоблачению темных влияний». 25 января 1912 года за его подписью от имени октябристской фракции был сделан запрос правительству о Распутине. Поводом к нему послужило вышедшее накануне распоряжение московских властей о приостановке на семь дней издания газеты «Голос Москвы» за публикацию резкой статьи, где Распутин был назван «растлителем», «обманщиком», «хлыстом», «эротоманом» и «шарлатаном». Газета «Голос Москвы» издавалась братьями Гучковыми, так что вся эта акция была хорошо продумана.

Сама же статья принадлежала перу М.А. Новоселова, который был известен в Москве как толстовец, публиковавший статьи по вопросам религиозной жизни. Он в этот период сочинял разоблачительную книжечку о Распутине под красноречивым названием: «Григорий Распутин и мистическое распутство», выдержки из которой и стали основой упомянутой статьи.

Еще раньше он поместил в московской либеральной газете «Русские ведомости» две статьи, где в разухабистом тоне беспощадно клеймил Распутина как «сектанта». Самое интересное здесь состоит не в том, что Новоселов никогда с Распутиным даже не встречался, а в том, что этот эпигон антицерковных воззрений Льва Толстого обличал кого-то в отходе от Православной Церкви!

Александр Гучков воспользовался случаем с запрещением газеты и решил раздуть скандал. Он выступил в Думе с речью, полной гневных обличений и прозрачных намеков. Так как речи думцев не цензурировались, в считанные часы монолог «правдолюбца» стал достоянием широкой публики, принеся ему столь желанные «дивиденды популярности». В своей парижской беседе с Базили Гучков не обошел этот «незабываемый эпизод» своей политической карьеры. «Я произнес очень сдержанную речь, только говорил о том, что власть не свободна, что есть какие-то влияния... имя Распутина упомянуто не было, но ясно было».

Действительно, «ясно было» многое, в том числе и неуклюжие ухищрения Гучкова переиначить ход и суть событий. Он, очевидно, надеялся на короткую память своего собеседника. Приведем же часть его исторической речи по думской стенограмме.

«Какими путями достиг этот человек этой центральной позиции, захватив такое влияние, под которым склоняются внешние носители государственной и церковной

власти? Вдумайтесь только, кто же хозяйничает на верхах, кто вертит ту ось, которая тащит за собой и смену направлений, и смену лиц, падение одних, возвышение других?.. Но Григорий Распутин не одинок: разве за его спиной не стоит целая банда, пёстрая и неожиданная компания, взявшая на откуп и его личность, и его чары?»

Эта эмоциональная и эффектная тирада прогремела на всю Россию. Вполне очевидно, что никакой «сдержанности» тут нет и в помине. Распутин в этом монологе предстаёт чуть ли не полновластным хозяином России.

Гучков позволял себе делать подобные сокрушительные заявления в начале 1912 года, когда ничего конкретного ни о Распутине, ни о его пресловутом «влиянии» он не знал и знать не мог. Просто такового не существовало в природе. Октябристский же лидер был уверен, что знает всё «наверняка»: его же «сведущие» люди просветили! Это тот самый пример «затемнения сознания», о котором уже не раз говорилось ранее.

Политический азарт, питавший неумное честолюбие, превращал некоторых политиков просто в каких-то безумных кликуш, видевших и слышавших голоса, образы и звуки, которых в действительности не существовало. Известный в ту пору поэт Саша Черный написал язвительные стихи об умонастроениях «передовой интеллигенции».

Сползаются тучи все гуще.

Всё острее мечты о заре.

А они повторяют: «Чем хуже, тем лучше»

И идут... в кабаре.

К числу подобных любителей представлений «с музыкой и танцами» принадлежали многие фигуранты политической сцены. Шумные действия по дискре-

дитации власти, которые постоянно развевались в стенах Государственной думы, делали это законодательное учреждение похожим одновременно и на кабаре, и на чеховскую палату № 6. Уже после краха 1917 года с беспощадной резкостью высказался о том В.В. Розанов: «В Государственной думе четырех созывов не было с самого же начала ровно ничего государственного; в ней не было самой заботы о Государственном и Государевом деле, и она только как кокотка придумывала себе разные названия или прозвища...».

Антрепренером «думского ревю» ряд лет являлся М.В. Родзянко. Его программа «борьбы с тёмными силами» была предложена публике чуть позже гучковской, но отличалась не меньшей изобретательностью постановки и яркостью номеров. Язвительно, но метко о председателе Думы отозвался С.Ю. Витте: «Родзянко — человек неглупый, довольно толковый; но всё-таки главное качество Родзянко заключается не в его уме, а в голосе — у него отличный бас». «Зычный бас» председателя Думы несколько лет звучал над Россией...

Умирал этот «постановщик ревю» в эмиграции, в Югославии, и близкие потом вспоминали, что последние месяцы его жизни часто видели бывшего главу Думы сидящим перед портретом убитого Императора Николая II с глазами, полными слез. Что он оплакивал перед кончиной: свою молодость, бездарную политическую деятельность, потерянные имения, семейное материальное благополучие?¹ Или, может быть, горевал о судьбе России и Династии?

Причину тех старческих слез «прирожденный монархист» никому не открыл. Вряд ли убитый Монарх и Его Семья вызывали столь глубокие чувства. В эмиграции

¹ Родзянко с женой владел несколькими тысячами десятин земли в Екатеринославской и Новгородской губерниях.

Родзянко оставил воспоминания, где умудрился повторить многие сплетни и о Царе, и о Распутине. Слабеющей рукой все ещё пытался нарисовать свой образ «великого политика», целью которого только и было благо России, благо Империи¹. Этому «денно и ночью» служил, да не получилось, как хотелось, Распутин всё и всех погубил...

Михаил Васильевич Родзянко происходил из старой дворянской семьи. Окончил элитарный дворянский Пажеский корпус в Петербурге, затем служил в гвардии, а в 1900 году был избран председателем Екатеринославской земской управы. С этого времени начинается его общественная деятельность. В 1907 году Родзянко попадает в Думу и становится видным деятелем «Союза 17 Октября». Весной 1911 года его избирают председателем III Государственной думы, а через полтора года он становится председателем и новой, IV Государственной думы.

Женат (с 1884 года) Михаил Владимирович был на Анне Николаевне — представительнице старинного рода князей Голицыных, даме властной, живо интересовавшейся политическими новостями. Супруг обсуждал с ней все важнейшие события, просил советов, она во многих делах являлась его наставницей. Мирозренчески муж и жена были единомышленниками. Но если Михаил Владимирович вынужден был хоть иногда «соблюдать политес», то Анна Николаевна как фигура неполитическая могла быть безмерно откровенной. Она и не стеснялась в выражениях.

¹ Ему принадлежат две книги воспоминаний: «Крушение Империи» и «Государственная Дума и Февральская революция». В основу их были положены записки невестки М.В. Родзянко, жены старшего сына М.М. Родзянко (1884–1956) — Е.Ф. Родзянко (1883–1985). Они увидели свет еще в 1920-х годах. Потомки М.В. Родзянко издали в 1986 году в Нью-Йорке полную «версию» этих двух сочинений.

В письме своей подруге княгине Зинаиде Юсуповой (матери убийцы Григория Распутина — Феликса Юсупова) в конце 1916 года «госпожа Родзянко» восклицала, что «все назначения, перемены, судьбы Думы, мирные переговоры — в руках сумасшедшей немки (! — А. Б.), Распутина, Вырубовой, Питирима и Протопопова». Так виделась ей и ее супругу «политическая картина»! Или вот другой, не менее вопиющий пассаж. «Эта кучка, которая всем управляет, потеряла всякую меру и зарывается всё больше и больше. Теперь ясно, что не одна Александра Фёдоровна виновата во всем, Он как Русский Царь еще более преступен».

Взгляды самого М.В. Родзянко не отличались от воззрений жены. Супружеская пара была едина во мнении — «Царь преступен». И подобные вердикты выносили «монархисты»!

Судить так о Царе и Царице могли лишь люди, находившиеся в состоянии, близком к безумию. На примере урожденной княжны Голицыной и «камергера Родзянко» можно в очередной раз наглядно убедиться, что русская аристократия не просто «вырождалась», но уже и выродилась...

Председатель нижней палаты парламента (верхней считался Государственный совет) немало сделал для того, чтобы превратить Думу в то самое «кабаре», где самые популярные у публики «куплеты» и «скетчи» были прямо или косвенно непременно направлены против власти вообще и против Царя и Царицы в частности. С каким-то мазохистским сладострастием сначала в кулуарах, а затем и в зале заседаний мусолили распутинскую тему, а в числе главных дирижеров неизменно выступал «господин председатель».

Монархист, камергер Высочайшего Двора, потомственный дворянин, благородный отец семейства. По

осанке, стати и зычному голосу, по мощи (почти два центнера весу) — барин хоть куда. Как сам себя аттестовал при знакомстве с Цесаревичем Алексеем в 1912 году, я «самый большой и толстый человек в России». Но «размер» не есть показатель «качества».

На практике Родзянко оказался мелким, склочным, недалеким и довольно бессовестным человеком. Ему пришлось играть ту историческую роль, которую он в силу своих личных способностей пристойно сыграть не имел никакой возможности.

Монархисты наподобие Родзянко клялись «до последней капли крови» служить Государю, с дрожью в голосе повторяли проникновенные слова В.А. Жуковского из русского гимна «Боже, Царя храни!», но не имели уже ни желанья, ни характера, чтобы совершить хоть какой-нибудь поступок самопожертвования во имя Царя и Отечества. Они не просто, как иногда утверждается, «предали Государя», они предали и своих предков, поколения которых самозабвенно и нелюбомерно служили Царю и России...

По причине физической изношенности организма М.В. Родзянко буквально еле унес ноги из «дорогого отечества». В среде покидавших Россию беженцев он пользовался стойким презрением. Ему пришлось пройти много верст пешком, в непогоду, так как с телег его неоднократно скидывали, как только узнавали, что «этот толстопузый» — тот самый, который «свергал Государя». Многократно избитого и бессчетное множество раз в прямом смысле слова оплеванного дряхлого камергера с его близкими приютил в своей стране сербский король Александр.

Лишь только пришел в себя изгнанник, сразу же сел за воспоминания. Дорога изгнания оказалась слишком горькой, трудной, похожей на пытку. Ненависть к себе

простых мужиков и баб, рядовых казаков, младших офицеров и провинциальных чиновников потрясла. Он ведь болел всегда за Россию, боролся за нее, страдал, а его многие считали чуть ли не главным виновником ее гибели. И бывший председатель Думы решил «рассказать правду».

«Быть объективным в своем изложении — моя цель. Резкого же или пристрастного отношения к рассматриваемой эпохе я буду тщательно избегать», — торжественно заявлял Родзянко в предисловии. Труд увенчался «полным успехом»: он создал книгу тенденциозных политических анекдотов и инсинуаций, которая больше говорит об экзальтированном состоянии автора, чем о последнем времени Монархической России. По степени лживости опус Родзянко смело можно поставить в один ряд с такими «шедеврами распутиниады», как «дневник Вырубовой», «дневник Распутина» или «Святой чёрт» Илиодора.

Главная тема воспоминаний Родзянко — Григорий Распутин и всё, что было с ним связано. Героем же повествования, конечно же, являлся автор, его «смертельная борьба со злом». Не имея возможности и желания пересказывать и анализировать сочинение отечественного «Зевса Громовержца», остановимся на некоторых узловых фрагментах, дающих представление не столько о самом авторе (эта тема особого интереса не представляет), но, что несравненно важнее, раскрывающих технологию формирования распутинского мифа.

Свой рассказ о Распутине Родзянко начинает с характеристики «мистицизма Императрицы». По мнению родовитого монархиста, со временем он достиг «религиозной мании, даже религиозного экстаза». Что это означает, не совсем ясно, но у читателя должно возникнуть убеждение, что убитая Царица была «явно не в себе».

А раз так, как считал мемуарист, то Она легко сделалась «добычей» всяких проходимцев, в числе которых Распутин занял главное место.

О Распутине Родзянко «известно всё». Вот образчик этого «знания». «Из следственного дела о нем видно, что с молодых лет имел склонность к сектантству (! — А. Б.); его недюжинный пытливый ум искал какие-то неизведанные религиозные пути. Ясно, что прочных христианских основ в духе Православия в его душе заложено не было (! — А. Б.) и поэтому и не было в его мировоззрении никаких соответствующих моральных качеств. Это был, ещё до появления его в Петербурге, субъект, совершенно свободный от всякой нравственной этики, чуждый добросовестности, алчный до материальной наживы, смелый до нахальства и не стесняющийся в выборе средств для достижения намеченной цели. Таков нравственный облик Григория Распутина».

Нелепицей подобного рода пронизано всё сочинение господина председателя. Особенно умилительны его рассуждения о «моральных качествах»! Родзянко с супругой много лет и в России, и на заграничных курортах без устали критиковали «окружение» Императора, да так резко, что некоторые слушатели, что называется, теряли дар речи. Да и вообще о какой «морали» может рассуждать человек, давший фактически санкцию на убийство Распутина (об этом речь пойдет отдельно).

Рисуя образ «искусителя Царицы», Родзянко всё время ссылается на следственное дело, «бывшее у меня в руках». Там и только там он нашел ответы на все вопросы, там заключена «правда», позволившая Родзянко понять истинное положение вещей. Забавно, но почти через восемьдесят лет тот же прием использовал и другой «раскрыватель тайн» — пресловутый Радзинский, у которого тоже в руках оказалось «уникальное дело».

Меняются времена, но приёмы одурачивания публики одни и те же. Правда, в этом сопоставлении Михаил Владимирович выглядит более пристойно. Он же не «деньгой разжиться хотел» за счет глупой аудитории, а только «рассказать правду»...

Теперь о таинственном родзянковском «следственном деле». Когда в начале 1912 года зрел первый думский скандал вокруг личности Распутина, Николай II распорядился, чтобы дворцовый комендант В.А. Дедюлин ознакомил главу Думы с материалами расследования консistorии. Будучи честным человеком, Николай II был уверен, что и «уважаемый Михаил Владимирович» тоже из числа таковых.

Царь полагал, что расследование, которое велось по поводу Распутина, и которое доказало полную неосновательность всех облыжных обвинений, раскроет глаза главе Думы на истинное положение вещей и заставит его сдерживать наиболее ретивых думцев от скандальных заявлений. Однако Он не мог и вообразить, в состоянии какого нравственного распада находился глава парламента.

Поддавшись общему психозу, Родзянко начал совершать неприличные поступки уже с самого начала. Когда Дедюлин встретился с ним и предложил ознакомиться с указанными материалами, Михаил Владимирович чрезвычайно возбудился, выразил полную готовность «донести до депутатов правду» и попросил дать ему досье на дом. Первоначально это не входило в намерение дворцового коменданта, так как документы носили служебный характер и разглашению не подлежали. Родзянко тут же дал «честное слово» никому ничего не показывать.

Дедюлин был товарищем Родзянко по Пажескому корпусу, воспитанники которого честь ценили превыше жизни. Клятвенное заверение соученика сняло все

сомнения. Досье глава Думы получил, но в результате обманул и товарища по корпусу, и Царя. Он не только показывал эти материалы немалому числу лиц, в том числе и Гучкову, но и рассказывал о них налево и направо. Такое поведение — ярчайший показатель моральной деградации.

Распорядитель «думского кабаре» лгал без стеснения, не испытывая угрызений совести. Всю эту историю в своих воспоминаниях он перевирает от начала и до конца.

По его словам, по воле Монарха он получил из Синода «все секретные дела» для того, чтобы, как якобы выразился Царь, «хорошенько разобрать и Мне доложить». В такой транскрипции событий получалось, что Царь наделял председателя Думы функцией какого-то рефери, обязанного «рассудить всё по совести». Ничего подобного не было и в помине. Как уже говорилось, Монарх надеялся, что после ознакомления с подлинными документами у Родзянко «откроются глаза» на истинное положение вещей. Увы, не открылись.

Родзянко уверяет, что это приказание Императора передал всё тот же Дедюлин. Непосредственно же «секретные» материалы «доставил ему» тайный советник П.С. Даманский, исполнявший в 1912–1915 годах должность товарища обер-прокурора Святейшего Синода. Когда Родзянко всё это сочинял, главных участников уже не было в живых. Дворцовый комендант Дедюлин умер в 1913 году, а Даманский — в 1916-м. Никто ничего ни подтвердить, ни опровергнуть не мог.

Однако сохранились дневниковые записи заведующего думской канцелярией Я.В. Глинки — доверенного человека председателя¹. В его изложении дело выгляде-

¹ Они опубликованы: Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной Думе. М., 2001.

ло следующим образом. «Решено было сделать письменный доклад на основании документов и дела и бывших также у самого Родзянки, полученных им с разных сторон, и присоединить свой вывод о личности Распутина и приносимом им вреде. Доклад был послан и назад не вернулся... В составлении доклада я принимал деятельное участие, стараясь смягчить тон и резкость выводов, продиктованных возмущенными чувствами по поводу всего этого дела Родзянко».

Служащий Думы вынужден был «смягчать» тон и «выводы» своего шефа! Из признаний же Глинки следует, что не только дело консистории легло в основу доклада, но и документы, «получаемые со всех сторон». Замечательно! Иными словам расследование консистории не давало тех «фактов», которые так требовались «Зевсу», а потому и брали что ни попадя «со всех сторон». Указанный «доклад» до наших дней не дошел, но можно быть уверенным, что это была сводка сплетен столичного «бомонда». Ничего порочащего Распутина, как уже ранее говорилось, церковно-административное расследование не выявило.

Для Родзянко всё это не имело значения. Он нашел в туманных намеках сельского батюшки из Покровского «достаточно» улик для обвинения Распутина в хлыстовстве. Хамская самонадеянность председателя Думы раскрылась во всей полноте во время беседы с будущим (с 1914 года) Царским духовником отцом Александром Васильевым, которого он «вызвал к себе». Не пригласил, а именно «вызвал».

Даже перед смертью Родзянко так и не излечился от мании величия! «Вызывать» господин председатель мог служащих, лакея или горничную. Из его же повествования следует, что он чуть ли всех, до министров включительно, «вызывал». Но оставим эту болезненную манию

в стороне. Послушаем, что происходило во время самой беседы. А происходило там непредставимое.

Когда Александр Васильев сказал, что Распутин — «вполне богобоязненный и верующий человек, безвредный и даже скорее полезный для Царской Семьи... Он с Ними беседует о Боге, о вере», то Родзянко чуть не разорвало «от возмущения». Прозвучавший ответный монолог достоин того, чтобы его привести целиком.

«Вы мне это говорите, вы, православный священник, законоучитель Царских Детей. Вы допускаете, чтобы невежественный, глупый мужик говорил с Ними о вере, допускаете, чтобы его вредный гипноз влиял на детские души? Вы видите роль и значение в Семье этого невежественного сектанта, хлыста и вы молчите? Это преступное попустительство, измена вашему сану и присяге. Вы всё знаете и из угодливости молчите, когда вам Бог дал власть, как служителю Алтаря, открыто бороться за веру. Значит, вы сами сектант и участвуете в сатанинском замысле врагов Царя и России — забросать грязью Престол и Церковь».

В каком же катастрофически болезненном состоянии надо было находиться, чтобы бросать подобные обвинения. Кто господину Родзянко дал право так похамски разговаривать со священником? И даже когда «дополз» до Сербии, то все эти слова счел уместным сохранить «для потомков»! Ничего не понял, и ничто не просветило! Но вернемся к сюжету...

Родзянко не только «изучал», но и афишировал следственное дело, которое он давал читать разным лицам, в том числе и А.И. Гучкову, хотя Царь просил «сохранить всё в тайне». Председатель Думы снял с некоторых документов копии. Нетрудно догадаться, с каких именно.

Как уже говорилось, в этом обширном досье лишь доносы двух сельских священников содержали некие

намекы на «неправедное поведение» Распутина. Никаких же реальных, достоверных фактов зафиксировано не было. Однако домысли завистливых священников только и привлекли внимание Родзянко. В его устах они обрели характер непреложных истин. Когда весть о таком беспардонном подлоге дошла до Царской Четы, то Родзянко потерял в глазах Николая II и Александры Фёдоровны всякое уважение.

Как и в случае с Гучковым, этот монархист тоже боролся «за царя» против Царя, страдал «за несчастную Россию», шельмуя должностных лиц и инсинуируя против всех начинаний власти. Глава партии октябристов занялся этой «праведной борьбой» раньше своего товарища по партии. Родзянко же вышел на бой с «тёмными силами» как раз в 1912 году, вскоре после ознакомления с упомянутым «досье».

Итак, «узнав истинный облик» друга Царской Семьи, глава Думы не только содрогнулся, но и понял, что его первейшая задача — «разоблачить» этого «негодяя», «открыть глаза» не только Монарху, но и всей России. А ужасаться действительно было чему. Оказывается, Распутин не просто матёрый сектант («хлыст»), но и хитрый проходимец, состоящий из одних лишь пороков. Чтобы дольше не утомлять читателя пересказом, приведем одну пространную цитату, своеобразную квинтэссенцию восприятия Распутина теми кругами, где вращался Родзянко.

«По мере того как затихали революционные волны и жизнь государства входила исподволь в нормальное русло, стали ходить, сначала неопределенно, неясно, служи о проделках этого пройдохи. Потом определеннее и точнее стали указывать на то, что Распутин основывает хлыстовские корабли с преобладанием в них молодых женщин и девиц».

Прервем ненадолго чтение этого сюрреалистического произведения и сделаем некоторые пояснения. «Хлыстовские корабли» — так назывались общины этой секты, члены которой, как уже говорилось, относились с непримиримой враждой к Православной Церкви. Хлысты отрицали иконопочитание, Библию, духовенство и вообще всю православную обрядность. Естественно, что в стране, где православная вера охранялась законом, эти сектантские общины подвергались беспощадным преследованиям.

Поэтому утверждение о том, что «Распутин основывает хлыстовские корабли», за что не преследуется властью, совершенно абсурдно. Родзянко не мог этого не знать, но сам тезис ему нужен был для того, чтобы обосновать два других. Во-первых, тот, что Распутин отвержен «свальному греху», а во-вторых, тот, что «пройдоха Гришка» пользуется неограниченным влиянием, в связи с чем «закон ему не писан».

Вернемся же к цитированию прерванного монолога. «Стали поговаривать, что Распутина часто видят в отдельных номерах петербургских бань, где он предавался дикому разврату. Стали называть имена лиц высшего общества, якобы последовательниц хлыстовского верования Распутина. Мало-помалу гласность росла, стали говорить уже громко, что Распутин соблазнил такую-то, что две сестры, молодые девицы, им опозорены, что в известных квартирах происходят оргии, свальный грех».

Из сказанного нетрудно заключить, что процесс «прозрения» Родзянко происходил под влиянием «разговоров». Жаль, что автор не привел фамилий своих информаторов и о «диком разврате» в банях, и о «свальном грехе» в неких квартирах, а поэтому имена его сексуально одержимых знакомых погибли для истории.

Конечно, бывший председатель Думы, при всем его легкомыслии, не мог не понимать, что подобные утверждения, как тогда говорили, «висят в воздухе». Чтобы придать всей этой картине основательность, автор приводит и «неоспоримые факты».

«В моем распоряжении находилась целая масса писем матерей, дочери которых были опозорены наглым развратником. В моем распоряжении имелись фотографические группы так называемого „хлыстовского корабля“. В центре сидит Распутин, а кругом около сотни его последователей; все как на подбор молодые парни и девичьи или женщины. Перед ним двое держат большой плакат с избранными и излюбленными изречениями Священного Писания. Я имел также группу в гостиной Распутина, где он снят в кругу своих поклонниц из высшего общества и, к удивлению своему, многих из них узнал. Мне доставили два портрета Распутина: на одном из них он в своем крестьянском одеянии с наперсным крестом на груди и с поднятой, сложенной трехперстно рукою якобы для благословения. На другом он в монашеском одеянии, в клобуке и с наперсным крестом. У меня образовался целый том обличительных документов. Если бы десятая доля только того материала, который был в моем распоряжении, была истиной, то и того было бы довольно для производства следствия и предания суду Распутина. Ко мне как к председателю Г. Думы отовсюду неслись жалобы и обличения преступной деятельности и развратной жизни этого господина».

Уф! Несчастный Михаил Владимирович! Какие ужасные видения его окружали многие годы!

Так как Родзянко всё-таки описывал жизнь не в какой-нибудь легендарной Атлантиде, где, кроме него, никто не бывал, а в стране, о которой осталось более чем достаточно надежных свидетельств; в стране, где суще-

ствовали определенные нормы, правила и законы жизни, то невольно придется к ним и обратиться.

Законодательство России квалифицировало любое «насилие» над женщиной вообще, а над малолетней в особенности, как тягчайшее уголовное преступление. При этом важно подчеркнуть, что при всей универсальности Царской Власти суд имел широкую автономную юрисдикцию и мог принимать дела к рассмотрению без высших санкций. К тому же в это время в России уже существовала мощная, независимая адвокатура, укомплектованная почти сплошь лицами «либеральных убеждений».

Если бы какая-нибудь «нечастная девица» или ее матушка решили возбудить дело против Распутина, то трудно даже представить, какой энтузиазм это вызвало бы в адвокатской среде. Такое дело сразу же обрело бы характер общероссийской первостатейной сенсации. Однако никто не обратился, ни одного дела возбуждено не было. Всё высказанное с несомненностью еще раз подтверждает абсурдность расхожих утверждений, в том числе и озвученных многократно Родзянко: о «жертвах развратника».

Это, так сказать, одна часть дела. Другая состояла в том, что никто и никогда не привел ни одной фамилии «распутинских жертв», а те, которые стараниями ретивых дознавателей всё-таки устанавливались, как это было видно на примере указанной выше «монахини» Ксении, близкого общения с Распутиным никогда не имели.

Такого рода очевидные вещи почему-то не занимали бывшего председателя Думы. Ему не казалось странным; что «обесчещенные» обращались не в суд, а в газеты и к Родзянко, который никаких судебных прерогатив не имел. Можно подумать, что «несчастливым», наверное, стыдно было. Однако писать подробно обо

всём случившемся господину председателю Думы стыдно не было? Эти вопросы никого не волновали. А чтобы они и не возникали вовсе, Родзянко привел еще более «убийственный факт».

Оказывается, Распутин приобрел столь сильное влияние потому, что получил «звание Царского лампадика» — стал «заведовать» горевшими в Царском дворце «перед святыми иконами неутасимыми лампадами». Подразумевалось, что, во-первых, в качестве такового он может посещать спальни членов Царской Семьи в любое время, а раз это так, что же говорить о судебном процессе. При таком раскладе Распутин должен был иметь «царское прикрытие», иммунитет от судебного преследования. После прочтения всего этого так и хочется воскликнуть: о времена, о нравы!

О судебной стороне дела уже было сказано. Теперь о другом. Не существовало в природе никакого статуса «царского лампадика», а если бы он и существовал, то Распутин, не имея церковного сана, никогда бы не мог занять церковной должности. Неужели Михаил Владимирович того не знал?

Однако этим вопросом дело не исчерпывается. Существует много других. Где упомянутый «том обличительных документов»? Куда подевалась исповедальная «целая масса писем»? Что это за фотография «хлыстовского корабля», почему она никогда не была опубликована, и откуда было известно Родзянко, как выглядит этот «корабль»? Откуда ему известно про «излюбленные хлыстовские изречения»?

И последнее. Если «обличительные материалы» были на руках у главы Думы, то почему после революции он не передал их следственной комиссии? Забыл? «Утаил от народа»? Ничего не забыл и ничего не утаил. Просто показывать нечего было. Вся эта пустая мишура была опубликована в газетах.

Процитированные пассажи председатель Думы написал незадолго до смерти. Но было ведь расследование ЧСК, столько разных документов увидело свет в первые годы после революции. Однако подлинная фактография прошла мимо внимания Родзянко. То ли он ничего не читал, то ли читал только те памфлеты и злые карикатурные зарисовки, которые стряпали бойкие мастера пера.

Здесь невольно напрашивается сопоставление. Какие можно предъявлять претензии к беспринципному авантюристу Илиодору, если председатель Думы, дворянин, имевший неоднократные встречи с Царем, встречавшийся с Его Семейством, недалеко ушел в своих представлениях от монаха-отступника. Действительно, велика загадка души человеческой!

Родзянко не только собирал «компромат», он деятельно способствовал «раскручиванию» распутинского сериала, фактически став одним из его постановщиков. Никакие статьи новоселовых-амфитеатровых не имели такого резонанса, как филиппики председателя Думы. Свои представления-видения о личности Распутина и о его роли в государственной жизни он неутомимо популяризировал. Он решил сделать специальный доклад Монарху, «где всё изложено».

Незадолго до того «исторического события» его пригласила для разговора Вдовствующая Императрица Мария Фёдоровна. Старая Царица, наслышанная о «скандальных документах», которые якобы имеет на руках Родзянко, попросила того показать ей некоторые из них. Особенно она хотела взглянуть на письмо своей Невестки этому «ужасному» Распутину.

Дальнейшее в изложении председателя Думы выглядело следующим образом. «Я сказал, что не могу этого сделать. Она сперва требовала непременно, но потом положила свою руку на мою и сказала: „Не правда ли,

вы его уничтожите?”. Ответ последовал незамедлительно: „Да, Ваше Величество, я его уничтожу”. Удовлетворенная таким ходом, Мария Фёдоровна заметила, что это „будет очень хорошо”.

Родзянко опять лгал. Во-первых, у него не было никакого письма на руках; можно предположить, что у него имелась одна из тех фальшивок, которые тиражировал Гучков. Во-вторых, он и ее не уничтожил. Узнав, «что копии этого письма в извращенном виде ходят по рукам, он счел нужным сохранить у себя подлинник».

Видно эту «драгоценную реликвию» Родзянко берет не меньше жизни, так как никому не показывал и не расстался с ней и в эмиграции. После же его смерти никаких следов того «документа» обнаружено не было. Может быть, завещал близким положить его себе в гроб? Эти слова могут кому-то могут показаться ёрническими, но, честное слово, когда цитируешь эту галиматью, никакие другие на ум не приходят!

Во время беседы Мария Фёдоровна заметила: «Я слышала, что вы имеете намерение говорить о Распутине Государю. Не делайте этого. К несчастью, Он вам не поверит, и к тому же это Его сильно огорчит. Он так чист душой, что во зло не верит». Напрасные надежды!

Душа «борца с дьяволом» горела неугасимым огнем. «Государыня, это вопрос Династии. И мы, монархисты, больше не можем молчать. Я счастлив, Ваше Величество, что вы предоставили мне счастье видеть вас и вам говорить откровенно об этом деле. Вы меня видите крайне взволнованным мыслью об ответственности, которая на мне лежит».

Почему же, произнеся столько патетических фраз, Родзянко всё-таки не показал «документы»? Ведь его намерением, как сам утверждал, было «открыть глаза Государю». Кто же лучше матери смог бы исполнить эту миссию? Одна-

ко при таком исходе дела заслуга самого Родзянко была бы сведена к минимуму. Его роль главного героя была бы отодвинута на второй план, и аплодисменты публики из партера достались бы другим. С этим он примириться не мог.

Беседа с Царем состоялась 26 февраля 1912 года. Тогда председатель Думы заявил о недопустимости влияния Г.Е. Распутина, о том, что этот человек — «оружие в руках врагов России, которые через него подкапываются под церковь и монархию», что под его влиянием перемещаются церковные иерархи, что он «хлыстовец» и «развратник». Не считая нужным «прирожденный монархист» умолчать и о главном: «Всех пугает близость его (Распутина. — А. Б.) к Царской Семье. Это волнует умы». Впервые в русской истории должностное лицо позволило себе осуждать в присутствии Монарха Его семейное окружение. Ничего подобного никто еще себе не позволял.

В беседе с М.В. Родзянко самообладание Николаю II изменило, и он несколько раз прерывал поток пламенных обличений, возвращая своего собеседника, что называется, на землю обычными и такими обоснованными вопросами: «У вас есть факты о том, что Распутин сектант? Откуда вы взяли, что он занимается развратом? Какие перемещения произведены под его влиянием?».

Из прозвучавших ответов сразу стало ясно, что все выводы построены на смутных материалах. Хлыстовство Распутина выводилось из умозаключений брошюры М.А. Новоселова, в обоснование его «развратных действий» лидер Думы привел сообщение, относившееся к какому-то давнему времени о том, что — о, ужас! — он ходил с женщинами в баню! На это Император, будучи уравновешенным человеком, спокойно заметил: «Так что же здесь особенного? У простолюдинов это принято».

Родзянко же успокоиться не мог. Он показал Царю фотографии, на которых проповедник сидел в окружении

женщин. Это широко известное ныне изображение, многократно публиковавшееся под названием «Распутин в кругу поклонниц», на котором при самом пристальном изучении нельзя приметить никаких признаков «развратно-сексуальных деяний». Зачитывались еще и два письма от неких особ, ставших жертвами распутинских чар, которых он якобы обольстил. Эти признания не содержали подписи и никакого доверия не внушали. Вся эта трагикомическая сцена закончилась, по сути дела, полным конфузом Михаила Владимировича. Однако сам он того не признал.

О своей встрече глава Думы рассказывал в подробностях налево и направо, представляя себя борцом с «темными силами». Состоявшаяся беседа убедила Родзянко лишь в одном: «Царь ослеплен». Мысль о собственном ослеплении мифом ему ни на минуту не приходила в голову. Все последующие годы именно председатель Думы оставался одним из главных «коммивояжеров» антираспутинской истерии в стране.

В потоке мемуарных реминисценций Родзянко нередко делает признания, говорящие о чем-то большем, чем о тяжелом душевном состоянии мемуариста. В мае 1916 года в Россию приехали два видных французских политика: экс-премьер, министр юстиции Рене Вивиани и министр вооружений Альбер Тома. Цель приезда состояла в том, чтобы побудить русское правительство ускорить и расширить военные операции, но главное — добиться посылки русских войск на французский театр военных действий.

Рассмотрение результативности этой миссии выходит за пределы настоящего изложения. В данном случае важен лишь один нюанс, который отражен в воспоминаниях Родзянко. За день до отъезда для высоких гостей из Франции в Государственной думе был устроен большой банкет, с шумными речами и тостами во славу победы и русско-французской дружбы. Помимо депутатов обе-

их палат присутствовали члены правительства во главе с премьером Б.В. Штюмером, дипломатический корпус.

По завершении приема, как пишет Родзянко, Альбер Тома «пожелал иметь продолжительный разговор о снабжении армии, провел у меня целый вечер». Самое удивительное, что в дневнике французского посла Палеолога, состоявшего неотлучно все дни пребывания визитеров из Парижа в Петрограде при них, об этом нет ни слова.

Оставим в стороне вопрос, как гость из Франции мог провести у Родзянко «весь вечер», если думский банкет тянулся чуть ли не до полуночи! Примем на веру уверения Михаила Владимировича о том, что неофициальная беседа всё-таки имела место. Важно не где и когда она была, а то, что там звучало. А это был такой акт самоунижения, который и вообразить невозможно. Ни один сколько-нибудь известный политик, имеющий чувство национального и государственного достоинства, ни в Англии, ни Франции, ни в Германии, ни в какой-то иной стране не стал бы выслушивать то, что «усплаждало» слух главы русского парламента.

Председатель Думы, «монархист!», задавал вопросы о внутренней политике своей страны и интересовался мнением «французского социалиста» о должностных лицах Империи! И Альбер Тома сказал то, что думал, без всякой дипломатической учтивости: премьер-министр России — «бедствие», а военный министр — «катастрофа». Самое потрясающее, что Родзянко, процитировав бесцеремонные «перлы», нашел их «остроумными».

Как же надо было не уважать себя, не уважать свою страну, и коронную власть, чтобы восхищаться подобными оскорбительными выпадами со стороны иностранного визитера! По прошествии лет можно с уверенностью говорить, что для России истинными и «бедствием», и «катастрофой» одновременно являлся сам Родзянко...

Глава IX. Чёрный квартет

В теме о Распутине отдельного разговора достойна великосветская группа, центром которой была Великая княгиня Милица Николаевна, которая уже ранее упоминалась. Именно она и её близкие — муж Великий князь Пётр Николаевич, сестра — Великая княгиня Анастасия Николаевна и ее — супруг Великий князь Николай Николаевич являлись той группой, откуда инспирировались самые грязные инсинуации не только в адрес Распутина, но и в адрес Императрицы Александры Фёдоровны.

Родственники Царя в роли антицарских инсинуаторов, а фактически в роли ниспровергателей престижа, а следовательно, и властных устоев? Это может показаться парадоксальным, но было именно так. История России периода заката Монархии была полна подобного рода несусветных противоречий, а обозначенный случай — один, но, возможно, самый одиозный пример.

Самое примечательное во всей этой истории, что указанный «чёрный квартет» почти пять лет входил в число обожателей «старца Григория», но в одночасье, без всяких видимых причин, «прозрев», стал поносить Распутина на все лады. И может быть, самым печальным обстоятельством этого сюжета стало то, что великокняжеские интриги и истерики повлияли на поведение и церковных

иерархов. В первую очередь здесь уместно назвать имя духовника Великокняжеского семейства архимандрита и епископа Феофана (Быстрова, 1873–1940).

Рассказ же об этой грустной истории уместно начать издалека, чтобы была понятна исходная историческая диспозиция...

На Западе Балканского полуострова, в скалистых неприступных горах, затерялось государство Черногория. На протяжении нескольких веков жители этой небольшой страны, исповедовавших Православие, выдерживали натиск турок, подчинивших своему владычеству в XV–XVI веках народы, населявшие Балканы. Но хозяевами Черногории стамбульские султаны так и не стали.

Черногорцы являлись православными, и Россия всегда с сочувствием относилась к своим далеким братьям по вере, мужественно выдерживавшим натиск турок-мусульман.

Еще при Петре I возникли первые межгосударственные связи, и черногорцы вместе с Россией участвовали в военных действиях против Турции. В последующем Царская Империя систематически оказывала финансовую и дипломатическую поддержку далекому княжеству. В XIX веке между двумя православными государствами установились прочные отношения, а правящие фамилии породнились.

В Черногории князем-правителем («Господарем») в 1860 году стал девятнадцатилетний Николай Петрович (1841–1921) из Династии Негошей, правившей с XVII века. В том же году черногорский владыка женился на тринадцатилетней Милене Петровне Вукович (1847–1923), дочери местного воеводы.

Князь Николай Негош (с 1910 года — король) занимал пост правителя почти шестьдесят лет и стал известным политическим деятелем Европы. Он был Монар-

хом в маленьком, удаленном от всех и всего княжества. Центр княжества (королевства), город Цетинье, больше походил на горное селение, чем на столицу европейского государства. В конце XIX века здесь проживало всего около 15 тысяч жителей. В это дикое «орлиное гнездо» приличных гостей и приглашать было совестно...

Известность и влияние черногорскому князю принесло другое: браки его детей. Их у него и Милены родилось двенадцать. Для некоторых своих чад энергичному отцу удалось сыскать такие брачные партии, о которых могли лишь мечтать представители самых именитых царствующих фамилий.

Наследный князь Черногории Данило (1871–1939) в 1899 году женился на принцессе Мекленбург-Стрелицкой Юте, принявшей в православии имя Милены (1880–1946). Старшая дочь Зорка (1864–1890) с 1883 года состояла в браке с сербским принцем Петром I Карагеоргиевичем, с 1903 года — королем Сербии. Дочь Елена (1873–1952) в 1896 году вышла замуж за итальянского наследного принца, ставшего в 1900 году королем Италии под именем Виктора-Эммануила III (1869–1952), а Елена — королевой. Дочь Анна (1874–1935) с 1897 года — жена князя Франца Иосифа Баттенберга (1861–1924), брата болгарского князя Александра I.

Две же другие дочери — Милица (1866–1951) и Станислава (1867–1935), выйдя замуж за внуков Императора Николая I, стали членами Дома Романовых. Они единственные нерусские Великие княгини, родившиеся православными.

Путь от нищего и полудикого Цетинье до блестящей столицы Российской Империи был для черногорок непрост. Вначале они учились в Институте благородных девиц (Смольном институте) в Петербурге. Это основанное Екатериной II учебное заведение предназна-

лось для барышень из благородных фамилий и всегда действовало под патронажем императриц. В уставе института говорилось, что его цель — образование «добрых жен и полезных матерей».

Две черногорские принцессы и должны были стать таковыми. Обе окончили Смольный среди первых и обе в один и тот же месяц и год — август 1889 года — вышли замуж.

Милицу «цепи Гименея» соединили с Великим князем Петром Николаевичем (1864–1931), вторым сыном Великого князя Николая Николаевича (старшего). «Петюша» был тихим, не блиставшим ни внешностью, ни умом человеком. Его юность прошла под впечатлением чудовищного разлада между родителями.

Мать его, Великую княгиню Александру Петровну (1838–1900), Великий князь Николай (1831–1891), обвинив в супружеской неверности, выгнал из дома, и младший сын ее почти не знал. Родитель его к тому времени открыто уже жил с бывшей балериной Екатериной Числовой (1845–1889), родившей от князя четверых детей. Свою же законную жену Николай Николаевич иначе как «этой женщиной» не называл.

Петр начал службу в 1884 году в лейб-гвардии драгунском полку, но через несколько лет у него обнаружился туберкулез, и военную службу пришлось оставить. Начались продолжительные поездки для лечения на курортах в России и за границей. Особенно ему подходил климат Египта, где Великий князь с женой Милицей проживал подолгу. Там он увлекся архитектурой и позже, когда почти излечился от туберкулеза, Николай II назначил его генерал-инспектором по инженерной части армии.

На Южном берегу Крыма, в трех верстах от Царской Ливадии, в имени Дюльбер двоюродный дядя Импера-

тора Николая II Петр Николаевич построил огромную виллу в так называемом мавританском стиле, насчитывавшую более ста комнат. Здесь «Петюша» со своей «ненаглядной Милицей» и проводил каждый год по несколько месяцев.

У Петра и Милицы родилось четверо детей: Марина (1892–1981), Роман (1896–1978), Надежда (1898–1988), Софья (1899). Последняя девочка скончалась при родах, все же остальные потомки прожили долго. После революции 1917 года вместе с родителями благополучно выбрались из России и умерли в изгнании: Марина в Ницце, Роман в Риме, а Надежда в местечке Шантильи во Франции. За границей находятся и могилы родителей: в Каннах, на Лазурном берегу, в православной церкви Михаила Архангела покоится прах Петра и Милицы.

При жизни Великий князь Пётр Николаевич, внук Николая I и двоюродный дядя Императора Николая II, заметной роли ни в династической, ни в светской жизни не играл. Супруга же его одно время имела некоторое влияние при Дворе последнего Царя.

Милица считала себя чрезвычайно образованной и умной, и эта самоуверенное самомнение позволяло Великой княгине свысока смотреть на большинство своих русских родственников. Она с юных лет отличалась крайним мистицизмом. Не религиозностью в обычном смысле этого слова, а именно мистицизмом: склонностью поклоняться всему загадочному и сверхъестественному, что обычный разум и традиционные верования не объясняли, или, как ей казалось, «объясняли недостаточно».

Она искала разгадки «тайн бытия» в сочинениях восточных мистиков (специально изучала язык фарси, чтобы их читать в подлиннике), в оккультизме и спиритизме.

Ее единственный сын Роман в детстве страдал приступами «падучей» (эпилепсии), и Милица с присущей всем уроженкам «черногорского гнезда» энергией принялась искать свои пути преодоления недуга. Во Франции она познакомилась со спиритом и магнетизёром, неким мсье Филиппом (1849–1905), который провел серию сеансов, и приступы у Романа почти прекратились. Загадочный «кудесник из Лиона» покорила ум и сердце Великой княгини, урожденной черногорской принцессы.

Господин Филипп (полное его имя Низье-Вашоль Филипп), родился в местечке Луазье в Савойе. В двадцатилетнем возрасте он обосновался в городе Лионе. Учился в частном заведении аббата Шевелье, а затем поступил на медицинский факультет Лионского университета. Он стал «духовным учителем» другого известного во Франции оккультиста «мэтра Папюса» (1865–1916)¹. (Согласно полицейским данным «доктор Папюс» «являлся евреем Жераром Энкоссом (Анкоссом), возглавлявшим Верховный совет оккультного ордена мартнистов».)

Филипп быстро обнаружил в себе «чрезвычайные способности» и начал заниматься медицинской практикой, лечил людей «животным магнетизмом», за что и был изгнан из стен университета. Врачебного диплома он так и не получил. Это доставляло ему массу неудобств, так как приходилось заниматься врачеванием незаконно, отчего у него и случались неприятности с полицией.

Однако, невзирая на полицейские преследования, на резкие статьи в газетах, где его объявляли шарла-

¹ Оккультизм (от лат. *occultus* — тайный, сокровенный) — антихристианская система суеверных представлений о таинственных силах мира и сверхъестественных силах природы, доступных познанию якобы только «избранным».

таном, известность его как врача-врачевателя росла. Филипп использовал в своей практике методы традиционного и нетрадиционного врачевания и лечил не только физические недуги, но и душевные.

В Лионе у него образовался круг почитателей, и он даже открыл свою школу, в которой преподавались тайны «герметического знания», «эзотерический и символический методы понимания внешнего мира» в соответствии с «древней посвятителной традицией».

Всё это очень напоминало масонские интеллектуальные упражнения. Не совсем ясно, принадлежал ли сам Филипп к какой-либо масонской ложе, но его наставник «мэтр Папюс» играл среди французских масонов видную роль.

Чудесное исцеление великокняжеского отпрыска Романа превратило Милицу Николаевну в страстного почитательницу «лионского чудесника». Вместе с супругом она посетила Филиппа в Лионе, прослушала у него курс лекций, познакомилась с его семьей. «Мэтр» получил приглашение прибыть в Россию. Вскоре Великий князь и Великая княгиня принимали у себя этого загадочного человека. Он стал дорогим и желанным гостем.

«Черногорская интеллектуалка», переполненная материнской радостью, горела желанием осчастливить и Императрицу Александру Фёдоровну, мечтавшую о рождении сына. Именно Милица познакомила Царицу и Царя с этим человеком, о котором потом было сказано и написано необычно много, но который так навсегда и остался неразгаданной исторической шарадой. Он предсказал рождение Наследника, и Царица сохранила о нем благодарную память и после смерти «мэтра» в 1905 году.

Филипп несколько раз приезжал в Россию и оставался здесь подолгу. Местом его пребывания была усадьба

Петра и Милицы Знаменка недалеко от Петергофа. Здесь он в июле 1901 года и познакомился с Венценосцами.

На Царя и Царицу гость из Лиона сразу же произвел сильное впечатление. После беседы с ним Царица избавлялась от всяческих недугов, а у Царя наступало удивительное душевное умиротворение. В августе 1901 года Императрица Александра Фёдоровна писала Николаю II: «Как богата стала жизнь с тех пор, как Мы его узнали, и, кажется, все стало легче переносить».

По воле Монарха в ознаменование «врачебных заслуг» Военно-медицинская академия в Петербурге присудила в 1901 году Филиппу звание доктора медицины. Об этом Царя так просили родственники — Петр Николаевич и Милица.

Когда мэтр был осчастливлен подобным свидетельством, Великий князь Петр Николаевич, по наущению своей супруги в 1901 году посетил в Париже президента Франции Эмиля Лубэ (1839–1929) и просил того «посодействовать» Филиппу в получении французского медицинского диплома.

Президент был озадачен подобной «экстравагантной просьбой» и объяснил этому странному русскому вельможе, что получение такого документа регулируется законом, требующим сдачи по крайней мере трех специальных экзаменов. Это правило касается всех, в том числе и тех, кто «имеет иностранный диплом, достойный уважения».

Естественно, что появление в Царском окружении загадочного человека вызвало сильное любопытство в высшем свете. Любопытство подогревалось частным характером встреч Царя и Царицы с визитером. Возникли разные предположения, домысли.

Говорили, что Филипп в доме Милицы и Петра устраивал спиритические сеансы, вызывал дух Импе-

ратора Александра III, который якобы давал наставления Николаю II по вопросам внутренней и внешней политики. Обеспокоенные родственники решили внести ясность.

В конце июля 1902 года Великая княгиня Елизавета Фёдоровна напрямую спросила свою сестру-Царицу: какие у них отношения с Филиппом, кто он такой и почему встречи с ним окружены завесой тайны? Александра Фёдоровна ответила, что это исключительно одухотворенный человек, что встречи с ним не являются тайной, да в их положении сохранить тайну невозможно, так как Мы живем на виду у всего мира. Ответ не внес ясность.

Тем же летом с загадочным французом познакомился Великий князь Константин Константинович, описавший эту встречу в дневнике: «Ездили на Знаменку на танцкласс; наши дети летом учатся там танцевать. У них был знаменитый Филипп; после танцкласса мы пили чай у Милицы и увидели его. Это небольшого роста, черноволосый, с черными усами человек лет 50, очень невзрачной наружности, с дурным южнофранцузским выговором. Говорил об упадке религии во Франции и вообще на Западе. Когда с ним прощался, он хотел поцеловать мне руку, и я с трудом вырвал её».

Встречи Царской Четы с Филиппом не выходили за пределы вечерних встреч и духовных бесед. Слухи же о спиритических сеансах, о «вызове духов», «об общении с загробным миром» так и остались слухами, и никогда не были подтверждены.

В то же время точно известно, что для Милицы и Петра гость из Лиона не являлся лишь врачом и приятным собеседником. Милица воспринимала его как «метра жизни», способного ввести в закрытый для непосвященных заповедный мир. Она рвалась в по-

таенную даль всей душой и в какой-то момент экстремистка-окультистка решила, что она туда и проникла. Показательный в этом отношении эпизод относится к 1902 году.

Той осенью на прогулке в Крыму князь Феликс Юсупов граф Сумароков-Эльстон (1856–1928)¹ прогуливался по горной дороге вдоль моря и встретил экипаж, в котором сидела Великая княгиня Милица Николаевна с каким-то господином. Юсупов с Милицей и ее супругом Петром Николаевичем был прекрасно знаком, их имения располагались рядом, они наносили друг другу семейные визиты, часто встречались и на царских приемах в Ливадии. Завидев Великую княгиню, князь отошел к обочине узкой дороги и сделал учтивый поклон. Однако, к немалому удивлению Юсупова, Милица не обратила на него никакого внимания. Это выходило за рамки норм этикета и озадачило аристократа.

Через несколько дней он встретил Милицу в Ливадии и напрямую спросил, чем была вызвана такая реакция. Ответ княгини поверг Юсупова в состояние, близкое к шоку. Абсолютно серьезным тоном она поведала, что «князь не мог ее видеть», так как: «со мной был доктор Филипп. А когда на нем шляпа, он и спутники его невидимы». Услышав такое, князь только и мог подумать о душевном здоровье собеседницы.

Если Милица считалась «дюже умной», то ее младшая сестра Станислава отличалась не умом, а напористостью. Здесь энергический потенциал черногорского рода сказывался еще наглядней. Станиславу еще в Смольном все стали звать Анастасией и под именем Анастасии Николаевны она и вошла в императорскую фамилию. Для близких она всегда была Стана.

¹ Отец убийцы Распутина князя Феликса Феликсовича (младшего) (1887–1967).

С сестрой Милицей она была с ранних лет неразлучна. Их даже весьма нелестно называли Сциллой и Харибдой, намекая и на взаимную связанность, и на то, что от этих «тёмных княгинь» ничего хорошего ожидать не приходилось.

Рассказывали, что, когда встал вопрос о браке Милицы с Петром Николаевич, та не захотела оставаться в России, если с ней не останется Стана. В конце концов пришлось и ей подыскивать партию. Царь Александр III остановил свой выбор на своем двоюродном брате, тридцатисемилетнем вдовце (первой супругой его была принцесса Терезия Ольденбургская, умершая в 1883 году) герцоге Георгии (Юрии) Максимилиановиче Лейхтенбергском (1852–1912).

Последней воле Монарха он не мог перечить и дал согласие. Хотя в герцогской семье появилось двое детей: Сергей (1890–1974) и Елена (1892–1976), супруг откровенно признавался, что не любил свою избранницу «ни одного дня».

Черногорская принцесса тоже не была счастлива в браке. Муж очень быстро к ней охладел, и отношения между ними установились отчужденно-прохладные. Одно время как будто наступило «потепление», связанное всё с тем же французом доктором Филиппом. Георгий Лейхтенбергский тоже вошел в круг адептов новоявленного целителя-прорицателя, в числе коих с первого момента состояла и Анастасия. Однако это увлечение длилось недолго. Кратковременное «духовное единение» не привело к улучшению отношений между Георгием и Анастасией.

Герцога куда больше привлекали парижские красотки, отличавшиеся «несравненным шиком» и «утонченностью манер». В Париже, «столице мира», он чувствовал себя как дома и при каждом удобном случае пытался

уехать из России «для поправки здоровья». Родственники знали, в каких заведениях и с кем герцог «лечится», но ничего поделать не могли.

Анастасия играла роль «мученицы». Особенно сочувствовали Милица с Петюшей. В их семье «истерзанное сердце» «несчастной Станы» обретало покой. Образ «страдальницы» не остался незамеченным и для Императрицы Александры Фёдоровны. Когда она оказалась в России, то быстро поняла, что высшее общество — по большей части собрание праздных и пустых людей, занятых лишь любовными романами и материальными интересами.

Царица прониклась искренним чувством сострадания к Анастасии и симпатией к ее сестре Милице, которая в великосветском омуте эгоизмов и телесных усад казалась одной из немногих духовно ориентированных дам. Они стали подругами. Первые годы Государя Александра Фёдоровна и Николай II принимали черногорских сестер часто, Сами навещали их. Николай в 1890 году стал крёстным отцом сына Анастасии Сергея, и это тоже сближало.

Анастасия во всех подробностях рассказывала о похождениях своего супруга. Поведением герцога возмущались. Анастасия в силу своего темперамента делала своему неверному мужу надлежащую рекламу и за пределами Царских гостиных.

Лейхтенбергский знал, кто о нём сплетни по всему Петербургу распространял. Черногорских сестер презирал и ненавидел. Он с самого начала не хотел жениться на этой Стане, но Царь Александр III настоял: брак важен для престижа России, в Императорской Фамилии нужны православные от рождения Великие княгини.

Герцог пошёл под венец, но скоро понял, что это две отъявленные интриганки, которые, по его мнению, многих других стоили. Всем там верховодила Милица.

Анастасия слишком глупа, она у старшей сестры, что называется, на подхвате.

Лейхтенбергский не сомневался, что не Бога они ищут, а выгоду, корысть получить за счёт России. Их отец, которого герцог терпеть не мог, ловко всем манипулировал. Эти «черногорские дикари» только и думают, как бы чего урвать в России. Для своей Черногории, этого «гнезда разбойников», побольше с России содрать хотят.

Лейхтенбергский свои мысли не скрывал от родственников. Даже один раз с Николаем II о том речь зашел, но быстро понял, что его мнение Царя не интересует. Не стал больше Государю досаждать. Пусть делают, что хотят, он же всего этого видеть не желает. В России бывал всё реже и реже. Дочерей же князя Николая иначе как «черногорскими пауками» не называл.

Исчезновение герцога с «петербургского небосклона» очень устраивало и жену. «Несчастливая Стана» в доме своей сестры Милицы встретила человека, который «готов был бросить к ее ногам жизнь». Им оказался старший брат Петра Николаевича Великий князь Николай Николаевич (1856–1929). Это был самый высокий Великий князь: под два метра ростом (198 см)...

Он окончил Николаевское инженерное училище и Академию Генерального штаба и с 1871 года служил в лейб-гвардии гусарском полку. Участвовал в военных кампаниях 1877–1878 годов против Турции. Был храбр до отчаяния, отличался и ревностной преданностью службе, и солдафонской грубостью с подчиненными...

Вся его жизнь была отдана военной службе: в 1895–1905 годах — генерал-инспектор кавалерии, затем председатель Совета государственной обороны и главнокомандующий гвардией и войсками Петербургского военного округа. С началом Первой мировой войны в 1914 году был назначен главнокомандующим армией.

Проводя большую часть времени в частях и гарнизонах, Николай Николаевич вел холостяцкую жизнь. У него был лишь один роман, наделавший много шума в Петербурге. В неполные тридцать лет бравый гусар Великий князь Николай Николаевич влюбился в дочь купца-меховщика Софью Буренину, владелицу магазина в Гостином Дворе в Петербурге. Почти два года продолжалась эта связь и в конце концов как «джентльмен» Великий князь в 1887 году вознамерился на ней жениться. Рассказал о том отцу. История сына не шокировала Николая Николаевича (старшего); она его «тронула». Он бы и сам давно женился на своей Числовой, да вот беда: жива была постылая «законная супруга». Согласился проявить участие и при случае переговорить с Государем.

В один из вечеров в декабре 1887 года в Аничков дворец приехал дядя Царя Великий князь Николай Николаевич. Он поведал Императору Александру III печальную историю старшего сына: Николай влюблен в одну даму, без которой «не мыслит жизни», от которой «прижил» детей и «как джентльмен» имеет перед ней «обязательства».

Царя шокировала эта неожиданная история, он даже вначале растерялся. Ничего определенного дяде не ответил, сказал лишь, что «надо подумать». Генерал-фельдмаршал воспринял это как согласие, о чём и оповестил сына. По этому случаю в великокняжеском дворце тут же был устроен богатый ужин, где собрались «друзья и подруги». Софи и Николашу поздравляли, как новобрачных.

Понадобилось лишь несколько дней, чтобы весть облетела Петербург. Это была первостатейная сенсация: Царской родственницей станет дочь купца из Гостиного Двора!

Великая княгиня Ольга Фёдоровна (1839–1891), услышав такое, занемогла, а ее муж, председатель Государственного совета Великий князь Михаил Николаевич (1832–1909), спокойный и уравновешенный, стал неузнаваемым и впервые высказался критически об Александре III: «Я вижу, что у Царствующего Императора есть желание по возможности всех членов своего семейства, кроме своих братьев и сыновей своих, отодвинуть в толпу; что я стану делать с шестью своими сыновьями — всякая кокотка, имея перед глазами примеры, будет иметь основательную надежду выйти за одного из них замуж».

Очевидно, генерал-фельдцейхмейстер (глава артиллерии) в чувство долга собственных отпрысков не верил; грядущее «нашествие кокоток» ему представлялось неизбежным.

Почти через три недели, когда новость в салонах обсудили, «пережевали» не раз, скандальное известие достигло Императрицу Марию Фёдоровну...

2 января 1888 года Императрица вместе с Александром III была на обеде у Великого князя Алексея Александровича. Затем Царь поехал к себе в Аничков заниматься, а жена — в Михайловский театр. Настроение у неё было спокойным, впечатления дня — самые обычные, и казалось, что ничего непредвиденного произойти не может. Но произошло.

На обратном пути из театра она ехала в карете вместе с Великим князем Сергеем Александровичем и от него услышала о событии, о котором «знала уже вся Фамилия». Оказывается, старший сын «дяди Низи» Великий князь Николай Николаевич уже несколько лет состоит в связи с купчихой, некоей Бурениной, что ей уже сорок лет, она имеет двоих сыновей. Сам же Великий князь сторает от любви и добивается права вступить с ней в брак! И это кузен Императора!

Императрица не очень хорошо знала Николашу, так как он мало бывал при Дворе, всё больше был занят военной службой. И вдруг выясняются такие подробности. Боже мой, отец живет с танцовщицей, а сын — с торговкой! Самое ужасное, что якобы его отец, Николай Николаевич, этот известный греховодник, добился «у Саши» разрешения на брак! Не может этого быть! Почему ничего не сказал ей!

Около полуночи необычайно возбужденная Императрица Мария Фёдоровна ворвалась в кабинет мужа, «как фурия». Царь в таком волнении жену давно не видел. Состоялось горячее объяснение, из которого выяснилось, что к Императору за этим действительно обращались, но он не придавал истории особого значения и «забыл» рассказать супруге. Царица возмущалась, всё время повторяя, что это касается её лично, так как «у неё тоже есть сыновья».

Ночь прошла без сна. Весь следующий день Императрица Мария Фёдоровна переживала известие, обдумывала сложившуюся ситуацию. Беспokoилась, конечно, не за судьбу Николаши (Бог ему судья!), а за будущее своих детей. Какой пример они получают? Как станут они относиться к своему долгу и закону, если увидят, что во имя страсти можно переступить через происхождение, пренебречь положением и делать непозволительное?

Александр успокаивал, как мог, но волнение жены передалось и ему, и он пообещал завтра же покончить со всей этой историей. Слово сдержал. Брак был безоговорочно запрещен. По Петербургу потом ходил анекдот, очень похожий на правду, что якобы Александр III, узнав о намерении своего кузена, в сердцах воскликнул: «Я в родстве со всеми Дворами Европы, а вот с Гостиным Двором в родстве еще не был!» Тема была исчерпана.

Великий князь Николай продолжал холостяковать, пока на его жизненном пути не встретила «жертва герцога», «несчастливая герцогиня» Лейхтенбергская. История их «незаконных отношений» тянулась долго. Николай Николаевич был без ума от своего «ангела». Стана окружила великорослого обожателя вниманием и заботой, подарила ему «тепло своего сердца». Она читала ему Флобера, пела французские романсы, играла по вечерам на гитаре. Николаша всегда был в восторге и порой умилялся до слёз...

Подарки Великого князя были более материального свойства. В 1902 году он купил в Крыму, недалеко от усадьбы брата Петра участок земли и построил беломраморную виллу в неогреческом стиле, которая получила название «Чаир». Вокруг был разбит замечательный парк, главной достопримечательностью которого стала уникальная коллекция роз, привезенных из Греции и Италии. (Популярное некогда танго «В парке Чаир распускаются розы» как раз и было навеяно красотой великокняжеской розовой коллекции.) Всё это великолепие и было подарено «любимому ангелу», хотя брачные узы их ещё не связывали.

«Я так давно Тебе не писал, мой Ангел, и я так давно привык с Тобой говорить по-французски, что мне как-то неудобно писать по-русски... Вспоминаю о Тебе каждую минуту». Местоимения, относившиеся к Анастасии, он всегда писал с заглавной буквы, как Царей и Бога. Очевидно, своего «ангела» он видел где-то рядом с ними...

Николаша и Стана мечтали соединить свои жизни «до гроба». Но на пути к земному блаженству стояла серьезная преграда: узы Анастасии с герцогом Лейхтенбергским. Церковный брак расторгать было нельзя, за исключением чрезвычайных обстоятельств. В таком случае требовалось согласие церковных иерархов и са-

мого Царя, который в России являлся высшим земным покровителем церкви.

Анастасия и Милица времени зря не теряли. Пользуясь расположением Царицы, сестры неустанно повествовали ей о печальной участи Станы, которая не раз в присутствии Императрицы заливалась слезами. Александра Фёдоровна сердечно относилась к этому несчастью, но сразу же замолкала, как только герцогиня и её сестра начинали намекать на неизбежность развода. В таких вопросах, как считала Царица, личным чувствам волю давать нельзя. Она надеялась, что Ники повлияет на Лейхтенбергского и тот вернётся в лоно семьи. У них же дети!

Подобная перспектива совершенно не устраивала Анастасию. Герцога она ненавидела; ненавидела и за пренебрежение к ней, и за его антипатию по отношению к отцу и к Черногории. Чувства черногорской патриотки требовали отмщения. Она создала ему в свете репутацию гуляки и развратника, а теперь должна его окончательно морально уничтожить.

Ее месть оказалась достойной «орлиного происхождения»: всем и каждому Анастасия начала рассказывать, что муж Георгий — «неспособный мужчина» и не «может исполнять супружеские обязанности». Правда, совсем недавно она утверждала прямо противоположное: муж проводит дни и ночи в вертепах, и шагу ступить не может без общества кокоток. Если он давно «неспособный», то почему же его тянуло к ним? Но женская ненависть не знала логики.

Анастасия и Милица (она тоже не скупилась на уничижительные характеристики родственника) знали, что делали. Мужская «неспособность» была тем редчайшим исключением, когда церковь могла позволить разойтись супругам. Герцог, узнав о намерении супруги в Париже, был вне себя от радости. Единственным его желанием

было больше никогда не видеть постыдную Анастасию, и он дал согласие на развод тотчас.

Однако проблема церковного освящения брака встала во весь рост. Развод в среде Императорской Фамилии — событие экстраординарное. Герцог Лейхтенбергский — внук Императора Николая I. Когда о намерении стало известно другим членам Династии, они были озадачены и возмущены. Великий князь Константин Константинович записал в дневнике 6 ноября 1906 года: «Узнал с ужасом от жены, которая была на Гусарском празднике, что Стана Лейхтенбергская разводится с Юрием и выходит замуж за Николашу! Разрешение этого брака не может не представиться поблажкой, вызванной близостью Николаши к Государю, а Станы к молодой Государыне... Развод в Семье в это смутное время является обстоятельством, весьма нежелательным и прискорбным».

Стенания Станы и просьбы Николая Николаевича сделали своё дело: сердце Царя дрогнуло. Решил помочь «несчастной», тем более что со стороны Лейхтенбергского препятствия не имелось. Николай II поставил вопрос перед церковными иерархами, и он был положительно разрешен.

Императрице Марии Фёдоровне Монарх сообщал 22 марта 1907 года: «Недавно у меня был митрополит Антоний по некоторым делам. Между прочим, я его спросил, что он думает по вопросу о женитьбе Николаши на Стане? Он мне сказал, что он переговорит с другими членами Синода и затем сообщит мне их общее мнение. Через неделю он приехал с ответом, что, так как такие браки постоянно разрешаются Синодом в разных епархиях, то они ничего не имеют против этой свадьбы, лишь бы она состоялась в скромной обстановке и вдали от Петербурга. Признаюсь, такой ответ меня очень обрадовал, и я сообщил его Николаше вместе с моим со-

гласием. Этим разрешается трудное и неопределенное положение Николаши и особенно Станы. Он стал узнаваем с тех пор, и служба сделалась для него легкой».

Условия были с радостью приняты, тем более что «молодые» и не собирались особо афишировать. Невесте сорок лет, а жениху пятьдесят. На церемонии должны были присутствовать лишь некоторые, особо близкие. Приглашения рассылал лично Николай Николаевич.

Своему кузену Николаю Михайловичу написал 13 апреля 1907 года: «Милый Николай! Пишу тебе эти строки, чтобы сообщить, что вопрос о моей свадьбе рассматривался в Святейшем синоде и решен в утвердительном смысле. На основании этого Государь Император разрешил мне жениться на Стане. Я сегодня уезжаю в Крым, где ввиду нездоровья Милицы, которая не может приехать в Петербург, 29 апреля, надеюсь, состоится моя свадьба в Ливадийской дворцовой церкви. Будь так мил, если найдешь возможным, сообщи об этом дяде (Михаилу Николаевичу. — А. Б.). Не откажи мне тоже передать это Анастасии (сестре. — А. Б.) и братьям. Сердечно твой Николаша».

Автор «забыл» упомянуть, что Крым для венчания избран не в связи с «болезнью Милицы», а в связи с условиями брака. Но такие «мелочи» теперь уже не имели никакого значения.

«Интеллектуалка» Милица и напористая Анастасия оставили свой след в истории не своими брачно-семейными делами, а тем, что «открыли» Распутина. Именно эти две Великие княгини первыми среди аристократии начали принимать в своих дворцах странного человека родом из сибирского села Покровского, уже к началу XX века снискавшего славу врача душ и провидца.

Милица и Анастасия познакомилась с ним в Киеве в 1903 году, на подворье Михайловского монастыря, ког-

да прибыли в Киево-Печерскую лавру на моление. Они сразу же разглядели в нем человека, обладавшего «большим духовным даром». Его глаза горели таким «магическим огнем», что немедленно покорили сердце «пламенной оккультистки» Милицы. Она была потрясена и после непродолжительной беседы сразу же пригласила Григория в себе в столицу. Стана же, смотревшая на мир глазами старшей сестры, всегда лишь поддакивавшая ей, естественно, тоже «воспламенилась».

К тому времени слава Григория еще не достигла Петербурга. Черногорки устроили ему столичную «премьеру». В усадьбах Знаменка и Сергеевка под Петергофом, принадлежавших Милице и Анастасии, Григорий стал частным и желанным гостем. Посещал он их в их петербургских дворцах. Петр Николаевич и Николай Николаевич целиком разделили душевные привязанности своих ненаглядных...

Обе Великокняжеские пары были очарованы «старцем Григорием», с упоением слушали его «духовные откровения», находя для себя много важного, необычного, «захватывающего». Даже «бесстрашный вояка», командующий гвардией Великий князь Николай Николаевич был «пленен» Распутиным. В декабре 1908 года писал своему «ангелу» Анастасии:

«Сию минуту вернулся из дома Пусси (брата. — А. Б.). Видел Григория. Он ужасно огорчен, что не застал Вас. Приехал с Параскевой. Для Твоей матери привез флакон от Макария. Я получил образок на цепочке от Макария. Пусси получил такой же. Затем сказал, что подобного ужаса, как мы переживали в 1905–1906 гг. больше не только нам не будет, но дети и внуки чрез подобный ужас не пройдут».

Распутин предсказал князю, что он и его потомство больше не переживут революционную смуту. Он оказался прав наполовину: потомство избежало этой участи

(у него с Анастасией его просто не было), сами же «вкусил ужаса» в полной мере. Еле выбрались из России в 1919 году, коротали «осень своей жизни» почти в нищете на чужбине, где и скончались. (Николай Николаевич и его жена похоронены в Каннах в церкви Михаила Архангела.)

Черногорки познакомили Царя и Царицу с Распутиным. Несколько месяцев при встречах расхваливали старца, уверяли, что он способен узреть то, что остальным смертным не дано видеть, что он способен снять недуги, перед которыми медицина бессильна.

Александра Фёдоровна к таким способностям относилась всегда очень внимательно: у Неё на руках больной Мальчик и Она не могла оставить без внимания подобный дар. Тем более что Милица рассказала, что у сына Романа, которого когда-то вылечил месье Филипп, опять появились признаки падучей, и Григорий помог. Кроме того, сестры уверяли Царицу, что «старец Григорий» «очень одобряет» брак Станы с Николаем Николаевичем, но позже Александра Фёдоровна выяснила, что это была чистейшая ложь.

Первая встреча Царской Четы и Григория Распутина состоялась 1 ноября 1905 года в Петергофе в присутствии Милицы и Станы. В дневнике Царь записал: «Пили чай с Милицей и Станой. Познакомились с человеком Божьим — Григорием из Тобольской губернии».

Позже Распутин в полной мере оправдал надежды Царицы и не раз спасал Ее больного Сына — Наследника Алексея. Однако благодарность к Милице и Стане Александра Фёдоровна со временем перестала испытывать. Более того, возникла стойкая антипатия.

Выяснилось, что черногорки стремились превратить Распутина в инструмент своего влияния на Царя, что они старались использовать его для воздействия на Монарха, добиться новых выгод и субсидий для Черногории. Они вообще вознамерились не просто, как по-

лагаются Великокняжеской родне, находиться в числе первых среди подданных. Их это не устраивало. Они хотели занять «кусочек трона».

Царица поняла, что души этих женщин такие же чёрные, как и их внешность. Дружба кончилась. Наступило охлаждение, а полный разрыв произошел в 1910 году. Позже А.А. Вырубова написала: «Помню, как посол в Черногории А. Гирс говорил моему отцу в Петергофе, что он должен бы обратить внимание Государыни или Государя на Великих княгинь, которые хуже заговорщиков против Государыни: „одна умна и зла, другая глупа и зла“, — говорил он. Императрица знала, что они Ее ненавидят, но ей было всё равно».

Причина разрыва лежала совсем не в той плоскости, где ее искали (и находят до сих пор) разоблачители «тайн царизма». Дело было совсем не в том, что Распутин вмиг оказался «грязным развратником» и «проходимцем», а у Великих князей и княгинь «открылись глаза». Всё было куда более приземлённей, а потому и отвратительней. Когда мозговой лидер «чёрного квартета» Милица убедилась, что Распутин и Царская Семья в общении обходятся без ее посредничества, что Григорий не хочет играть по ее правилам и быть приложением к ней, то злость и выплеснулась, приняв форму целенаправленной деятельности по дискредитации и «Царева друга», и Самих Венценосцев.

Причем дискредитациям подвергались все, кто был вхож в Царскую Семью и был Им близок. Примечательный эпизод в этой связи воспроизвёл в своих воспоминаниях дворцовый комендант генерал В.Н. Воейков. «Еще в бытность мою командиром полка Она (Анастасия Николаевна. — А. Б.) однажды в присутствии Великого князя Николая Николаевича обратилась ко мне с требованием не принимать в моем доме А.А. Вырубову,

мотивируя это требование якобы вредным влиянием ее на Императрицу». Далее генерал вполне резонно заметил, что «исполнить желание Великой княгини я не считал для себя возможным, находя, что, поступив так с подругою Государыни, был бы некорректен по отношению к Самой Императрице». Но черногорки такие «пустяки», как «корректность», совсем не занимали; ими двигала только злость, их вдохновляла только ненависть, которая у этой компании не знала удержа.

После разрыва Милица и Стана могли видеть Царя и Царицу лишь на официальных церемониях. Побывавшая в ноябре 1913 года на Царском приеме в Ливадии княгиня Зинаида Юсупова писала сыну Феликсу: «Черные сестры» ходили, как зачумленные, так как никто из царедворцев к ним не подходил».

Даже в первый год мировой войны, когда Великий князь Николай Николаевич занимал должность Верховного главнокомандующего и особенно часто общался с Царем, никакого семейного сближения не наступило. Александра Фёдоровна в неприятии двух «черных женщин» была непоколебима.

Жертвой чёрных интриг стал и духовник Великих княгинь епископ (с 1909 года) Феофан. Он значительно дольше сохранял приятельские отношения с Григорием Распутиным и еще в 1911 году по просьбе Императрицы ездил в Покровское. Побывал он тогда и в Верхотурском монастыре; существует даже фотография, на которой Феофан снят вместе со старцем Макарием и Григорием Распутиным. Осенью же того года произошел полный разрыв не только с Распутиным, но и с Царской Семьей.

Владыка оказался втянутым в грязную интригу, направленную против Распутина. Речь идет об упоминавшемся деле о «растлении монахини Ксении». Эту неприглядную картину обрисовал и прокомментировал рев-

нитель благочестия игумен Серафим (Кузнецов, 1875–1959)¹, в своей книге «Православный Царь-Мученик», изданной первый раз в Пекине в 1920 году.

«У Григория Распутина с епископом Феофаном, — писал Серафим, — вышли неприятности; последний ставил в вину Григорию Распутину то, что якобы ему одна какая-то женщина открыла на исповеди неблагопристойное поведение старца Григория. Епископ Феофан здесь показал свою неопытность духовную, на слово поверив этой женщине, которая впоследствии, оказалось, всё придумала. Он доложил Царице, что ему на исповеди какая-то женщина открыла нехорошее в поведении Григория по отношению к ней. Каково же было глубоко верующей Императрице слышать от своего духовника то, что ему было открыто на исповеди!»

И далее игумен Серафим дал традиционно-православную оценку поступка Феофана. «Царице было известно каноническое постановление о строжайшем наказании духовников, которые дерзают нарушить тайну исповеди, включительно до низведения подобных духовников в первобытное состояние. Этим своим поступком он решительно оттолкнул так преданную доселе духовную дочь».

«Чёрный квартет» под руководством оккультистки Милицы мог торжествовать: разрыв Царицы с Феофаном явился их первой значительной и желанной «победой».

¹ Серафим, в миру Георгий Михайлович Кузнецов, родился в купеческой семье в городе Чердынь Пермской губернии. В 1902 году принял постриг, с 1905 года — иеромонах, инициатор создания нескольких пустыней. В 1910 году был принят Николаем II, одно время исполнял роль духовника у Великой княгини Елизаветы Фёдоровны. В 1921 году сопровождал останки Великой княгини Елизаветы Фёдоровны и инокини Варвары из Пекина до Святой земли, где они были погребены в церкви Марии Магдалины в русской Гефсиманской обители.

Глава X. Генерал с масонской отметиной

С самого начала появления Распутина на петербургском небосклоне многие не сомневались, что «старец» — лишь эмблема, только титул неких закулисных сил, намеревавшихся погубить власть и Россию. Такая точка зрения быстро возобладала в кругах, которые было принято называть лояльными. Как ранее отмечалось, именно из этой среды и вышли самые шумные и наиболее видные «борцы с тьмой», оказавшиеся распространителями антигосударственной пропаганды.

Если поведение Гучкова и Родзянко еще можно как-то объяснить патологической политической близорукостью, изобразить «жертвами» собственного неумного, даже безумного честолюбия, то в случае с генералом В.Ф. Джунковским (1865–1938) дело обстояло не совсем так. Существуют серьезные основания предполагать, что здесь имелся и вполне определенный, целенаправленный умысел, наличествовала реальная цель — сокрушить государственную систему.

Царский генерал в роли ниспровергателя Царского режима? Возможно ли такое? Да, подобных примеров более чем достаточно. В этой связи можно не только вспомнить имена офицеров на Сенатской площади в 1825 году (декабристы), но и сослаться на значительно более поздние примеры.

Немало высших военных чинов Империи в последний период ее существования разделяли не только

«скептическое» отношение к власти. В их среде были и «либералы» и даже «республиканцы», которые отреклись от клятвенной верности Царю, изменили присяге задолго до того, как Монарх сложил с себя властные полномочия. И потом соответствующим образом себя и зарекомендовали. Служили на командных должностях, кто в Красной армии, а кто в иных органах «славной рабоче-крестьянской власти».

Имя генерала М.А. Зайончковского уже упоминалось. Вот еще несколько громких имен, носивших ранее «царские вензеля на погонах», но служивших потом красным: генерал-лейтенант, генерал от кавалерии, главнокомандующий (с марта 1916 года) армиями Юго-Западного фронта А.А. Брусилов (1853–1926); помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего, генерал от инфантерии В.Н. Клембовский (1860–1921); выпускник Пажеского корпуса и военный министр Временного правительства генерал-майор А.И. Верховский (1886–1936); генерал от инфантерии, военный министр (10.09.1915–15.03.1916) и председатель Особого совещания по обороне государства А.А. Поливанов (1855–1920); флигель-адъютант и генерал-майор Свиты Его Императорского Величества П.А. Лечицкий (1856–1923); генерал от инфантерии и военный министр Царя (15.03.1916–03.01.1917) Д.С. Шуваев (1854–1937)...

В числе таких беспринципных «служак» оказался и бывший начальник Корпуса жандармов, товарищ (заместитель) министра внутренних дел, флигель-адъютант и генерал-майор Владимир Фёдорович Джунковский, тесно сотрудничавший затем с ЧК – ГПУ – НКВД¹. В 1915 году Императрица Александра Фёдоровна назва-

¹ Интересные факты об этом приводятся в работах: *Голицын С.М. Записки уцелевшего*. М., 1990; *Готье Ю.В. Мои заметки*. М., 1997.

да Джунковского «нечестным человеком». Таковым он был и тогда, и остался потом.

Хотя его служба у коммунистов и не изобилует подробностями, но сам факт не подлежит сомнению. Именно он разработал для большевистского руководства «законодательство о паспортах», ставшее одной из форм политико-административного закабаления людей в коммунистической России.

Пресмыкательство перед «народной властью», впрочем, не позволило бывшему блестящему офицеру Преображенского полка умереть в тишине и покое. В феврале 1938 года по решению «тройки» НКВД его расстреляли на Бутовском полигоне под Москвой.

Прожив более полувека из своих семидесяти трех лет при «ужасном царском режиме», Джунковский успел сделать изумительную карьеру, которой могли позавидовать самые удачливые баловни судьбы. Владимир Фёдорович окончил Пажеский корпус, затем служил в лейб-гвардии Преображенском полку, а с 1891 года выполнял обязанности адъютанта при московском генерал-губернаторе Великом князе Сергее Александровича. Близость к дяде Царя, аккуратность, воспитанность и распорядительность сделали имя Джунковского известным при Дворе.

Это был по-светски безукоризненный господин, украшение балов и приемов, великолепный бальный кавалер, да и вообще образованный, с широким кругозором человек, живо интересовавшийся не только салонными новостями, но имевший непреодолимую тягу к театру и литературе. Вся театрально-богемная Москва знала и уважала «милого Владимира Фёдоровича». Эта известность однажды спасла ему жизнь.

Когда в 1918 году большевики развернули красный террор, то среди прочих был схвачен и подлежал рас-

стрелу и генерал Джунковский. Однако до этого в тот раз дело не дошло. В Совнарком поступило письмо в защиту Джунковского, под которым стояли имена, не нуждавшиеся ни в каких рекомендациях: А.В. Нежданова, М.Н. Ермолова, О.Л. Книппер-Чехова, В.И. Немирович-Данченко. «Подписанты» умоляли отпустить Джунковского, который «был лояльным к советской власти». Голоса услышали, Джунковского отпустили...

Государственная карьера Джунковского началась в 1905 году, после убийства великого князя Сергея Александровича. В июле того года он получает пост московского вице-губернатора, а в ноябре становится московским губернатором. В 1908 году Джунковский получает звание генерал-майора. В 1905 году Царь делает его флигель-адъютантом, т.е. включает в состав Императорской Свиты. В январе 1913 года сорокавосемилетний генерал принимает должность товарища (т.е. заместителя) министра внутренних дел и командира корпуса жандармов.

Назначение на пост заместителя министра внутренних дел потребовало от Джунковского переезда в Петербург, где он и обосновывается в начале 1913 года. С этого времени и начинается его борьба «с темными силами».

В обширных воспоминаниях, написанных уже после обвала 1917 года, Джунковский немало места уделяет Распутину и своей борьбе с ним. «До назначения моего товарищем министра я никакого отношения до Распутина и его поведения не имел, но в душе у меня благодаря доходившим до меня слухам, которые, к сожалению, оказались хотя и преувеличенными, но верными, составилось о Распутине совершенно определенное мнение, и относительно него у меня составила такая же определенная тактика моего поведения без всяких компромиссов, если бы он решил когда-нибудь явиться ко мне».

Итак, слухи сформировали образ, и хотя они оказались «преувеличенными», но почему-то «верными». Что происходило на самом деле в душе Джунковского, мы уже никогда не узнаем. Директор департамента полиции С.П. Белецкий свидетельствовал, что Джунковский с начала своей петербургской карьеры относился к Распутину «резко отрицательно». Никогда лично с Григорием Распутиным не встречавшись, ничего доподлинно о нем не зная, генерал уже был «готов к битве». Наверное, Софи Тютчева «просветила», она много лет была его задушевной подругой...

Можно уверенно говорить о том, что этот генерал Царской Свиты состоял в одной из масонских лож. Русская писательница и публицистка Нина Берберова, которой в эмиграции стали доступны закрытые архивы масонских лож, называет его в числе наиболее видных деятелей русских «вольных каменщиков»¹. Эту же точку зрения разделяют и многие другие. Данный факт полностью опровергает все заверения Джунковского о его «преданности Государю» и монархическому строю, которые он делал много раз. Подобный симбиоз «симпатий» просто был невозможен.

Неизвестно, получал ли Джунковский какие-либо «рекомендации» по тактике борьбы с «распутинской кликой» от своих «братьев», а проще говоря — с Царской властью, но не подлежит никакому сомнению, что его деятельность нанесла огромный вред престижу Монархии.

Стараниями генерала общественные деятели и столичная публика получили целый ворох «улик» и «фактов», которые при ближайшем рассмотрении оказались фальшивками. Свитский генерал действительно являлся не только, как бы теперь сказали, «промоутером» увлекательного распутинского детектива, но и одним из создателей его фабулы.

¹ Берберова Н.Н. Люди и ложи. Харьков-М., 1997.

Прошли многие годы, прежде чем «шедевры Джунковского» начали вызывать сначала скептическое, а затем и критическое отношение. В период же его «бескомпромиссной борьбы» в атмосфере общественного психоза о критическом восприятии таких поделок речь вообще не возникала. Всё это воспринималось как непреложные истины. Остановимся на двух главных «документах», до сих пор остающихся «краеугольными камнями» «распутиниады».

Во-первых, это так называемые полицейские донесения о жизнедеятельности Распутина. Они охватывают несколько лет, и об их происхождении и характере речь пойдет дальше. Второй документ относился к частному эпизоду жизни Распутина, но его воздействие на современников и всю последующую историографию оказалось просто демоническим. Речь идет о случае в ресторане, произошедшем 26 марта 1915 года. На этом «эпохальном событии» пока и остановимся.

Вечером того дня в известный московский ресторан «Яр» прибыла небольшая компания, которая сняла отдельный кабинет, заказала ужин и через некоторое время отбыла восвояси. Об этом событии никто никогда бы не узнал, если бы не два обстоятельства. Первое — среди ужинавших в ресторане находился Григорий Распутин. Второе, ещё более важное — эту историю решил лично расследовать всемогущий тогда шеф корпуса жандармов.

Теперь поясним один момент. В это время к Распутину были приставлены полицейские чины, которым вменялись в обязанность две функции: охранять подопечного и регулярно сообщать начальству о его встречах, поездках и вообще о его времяпрепровождении. Эта информация напрямую поступала к Джунковскому, и он её анализировал. По прошествии нескольких недель после того ужина у шефа жандармов при чтении

этих сводок «вдруг возникло» желание разобраться в ресторанном событии.

Есть основания предполагать, что в этот период Джунковский готовил досье с компроматом на друга Царской Семьи. С этой целью ещё 11 апреля 1915 года полиция совершила налёт на квартиру издателя и публициста А.Ф. Филиппова, входившего в число близких знакомых Григория Распутина. Эта акция была санкционирована командиром корпуса жандармов, получившего «неофициальную информацию» о том, что дома у названного лица имеется граммофонная грампластинка (!) с записью разговора Распутина о посещениях Царской Семьи. Полицейский рейд результатов не принёс, и вот тогда-то обескураженный Джунковский и решил разыграть «ресторанную карту».

Он потребовал от московского градоначальника (шефа полиции) А.А. Адрианова сделать ему подробное донесение. Тот прибыл в Петроград и предстал перед заместителем министра лично, так как, по словам Джунковского, ресторанную историю не решился «изложить письменно». Однако именно такое требование он и получил.

Прошло ещё некоторое время, но донесения не поступало. Тогда Джунковский послал в Москву «особое лицо с письмом, с тем чтобы градоначальник препроводил мне свой ответ с этим лицом». Подобное рвение просто восхитительно! В стране столько всего происходило, а глава жандармов обеспокоен лишь одним: получить подробности о поведении Распутина в ресторане через два месяца после события! Нераспорядительность подчиненных Джунковский объяснял тем, что все боялись «возбудить против себя неудовольствие этого проходимца и шарлатана».

В конце концов 27 мая шеф жандармов получил от московского градоначальника... рапорт пристава второ-

го участка Суцевской части подполковника Семенова, содержащий описание события. Этот рапорт вопреки всем нормам делопроизводства не имел даты, но такие мелочи обеспокоенного товарища министра не смутили. Его интересовало лишь пикантное содержание.

«Его превосходительству Московскому градоначальнику. Рапорт. В ночь с 26 на 27 марта сего года в ресторан „Яр“ приехал Распутин в компании с Соедовым, Решетниковой и еще какой-то молодой женщиной и вызвали в ресторан Кугульского. Распутин приехал уже выпивши. Вся компания заняла отдельный кабинет, пригласили русский хор и заказали себе ужин. Распутин требовал, чтобы хор пел, заставлял плясать циничные танцы, сам плясал русскую, подсаживал к себе певиц и говорил с ними всякие двусмысленности, приглашал к себе на квартиру. Распутин позволял себе непочтительно упоминать имя Императрицы, говоря: „Воображаю, как на меня злилась бы, если бы увидела меня сейчас“. Затем, показывая на свой кафтан, хвастал певицам, говоря, что кафтан ему шила Сама Императрица. Распутин вообще вел себя крайне цинично с самого начала, как только пришли певицы, он... (далее в тексте зачеркнуто полторы строчки, что просто невысказано в официальной бумаге. — А. Б.) говоря, что он всегда так знакомится с женщинами. За все платила бывшая с Распутиным молодая женщина, которую он заставлял платить и певицам. Распутин дал нескольким певицам записки, написанные им. В записках были различные изречения, например, „Люби бескорыстно“ и т.д. Вся компания пробыла в кабинете около двух часов и уехала. Распутин всем объявлял, кто он такой. Подполковник Семенов».

Итак, заместитель главы самого мощного ведомства России получил вышеозначенный текст, оформленный с грубейшими нарушениями делопроизводства. Од-

нако это Джунковского не возмутило. Его захватило содержание. Против Распутина получена наконец-то «неопрровержимая улика». Во-первых, теперь можно документально утверждать, что «Царев друг» ведет разгульный образ жизни. Во-вторых, что самое главное, позволяет себе непочтительно и даже пренебрежительно отзываться о Высочайших Особах.

«Мастера полицейского сыска» не удивило, что в своем рапорте, описывая происшедшее, Семенов обязан был сослаться на показания конкретных лиц, на основании которых и восстанавливалась картина. Ведь не сам же подполковник пировал в кабинете с Распутиным, ему ведь кто-то об этом рассказал. Кто?

Однако в данном случае обычная технология составления донесения была непостижимым образом нарушена. Всё это прошло мимо внимания Джунковского и нареканий с его стороны не вызвало, хотя в иных случаях он был щепетильным до невозможности. «Паркетный генерал» вышел на старт и устремился к намеченной цели — фабрикации компрометирующего досье. В этом он проявил массу усердия и изобретательности, достойных лучшего применения. Если бы с такой же энергией должностные лица боролись с подлинными врагами Империи...

Находясь на посту московского губернатора ряд лет, шеф жандармов прекрасно был осведомлен о кадровом составе службы полицейского сыска и охраны в Первопрестольной столице. Он знал, к кому надо обращаться. Он сразу же послал личный приказ начальнику охранного отделения в Москве полковнику А.П. Мартынову, поручив тому, помимо градоначальника, подвергнуть «донесение о кутеже» дальнейшей разработке.

В отличие от градоначальника Адрианова полковник Мартынов оказался куда более покладистым и «тотчас

исполнил данное ему поручение». В своих воспоминаниях Джунковский приводит обширный текст донесения Мартынова, из которого следует, что указанная компания во главе с Распутиным не только была пьяна, а главный герой заставлял исполнять «циничные танцы», но и в оскорбительно тоне отзывался о Царской Семье.

В этом донесении появились новые акценты и детали. Оказывается, «собутельники» обсуждали важную коммерческую сделку, которую задумали журналисты Н.Н. Соедов и С.Л. Кугульский: получить от казны многомиллионный контракт на поставку белья для армии. Когда они изложили свой план Распутину в кабинете ресторана, тот пообещал проекту полную поддержку и «указывал на несомненное покровительство ему в этом деле, которое он рассчитывал встретить в лице высоких особ».

Небольшое отступление. Полковнику А.П. Мартынову удалось после революции эмигрировать, и он написал воспоминания «Моя служба в Отдельном Корпусе Жандармов», ныне изданные и у нас в стране¹. Обо всей этой истории там нет ни слова, хотя о своих отношениях с Джунковским Мартынов написал подробно. Его восприятие Джунковского не просто критическое, но резко негативное. По его словам, «это был, в общем, если можно выразиться кратко, но выразительно, круглый и полированный дурень, но дурень чванливый, падкий на лесть и абсолютно бездарный человек».

Молчание Мартынова о Распутине не было случайным. По прошествии лет вся эта история выглядела бы совсем непристойно. Ведь корпус жандармов должен был заниматься охраной политического порядка в стране, а не инспирацией угодных начальству бумаг. Трудно было не понимать, что «событие в „Яре”» по-

¹ См.: Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. М., 2004.

литического значения не имеет, а потому Мартынов и промолчал...

Джунковский же считал иначе, но совсем не потому, что «не осознавал». Тут была далеко идущая цель. Кто ее сформулировал и обозначил, не имеет значения, но не подлежит сомнению, что она существовала: дискредитация Императора Николая II и Его Семьи. Джунковский начал заниматься этим недостойным делом сразу же, как только обосновался в петербургских апартаментах.

Первая публичная демонстрация состоялась в мае 1913 года в Костроме, где проходили торжества по случаю Трехсотлетия Дома Романовых. В своих воспоминаниях В.Ф. Джунковский писал: «Эти два дня в Костроме никогда не изгладятся из моей памяти, я был счастлив, что Господь сподобил меня быть свидетелем этого ни с чем несравнимого патриотического подъема в народе. Одно только оставило во мне осадок — это присутствие Распутина».

Командир корпуса жандармов ведал в Костроме охраной порядка. Почему же появление Григория Распутина так взволновало генерала и «оставило осадок»? Неужели возникала «угроза безопасности»? Конечно же, нет. Никто без него и не узнал бы, что Распутин в числе многих и многих тысяч в те дни посетил Кострому и молился в храмах. Достоянием публики этот факт сделал Джунковский. Именно он раструбил о пребывании Распутина в Костроме, уверяя всех и каждого, что это было сделано «по личному распоряжению Императрицы».

Дворцовый комендант В.Н. Воейков по этому поводу писал, что на него «такое вмешательство в личную жизнь Царской Четы произвело удручающее впечатление». По его словам, такие люди, как Джунковский, «вероятно», не понимали, «что их вредная болтовня вносит

расстройство в неустойчивые умы». Да всё они понимали! Это не какая-то «высшая математика», это же азбука монархизма.

Надо было действительно быть полным «дурнем», чтобы не осознавать, что раздувание антираспутинской кампании на руку лишь врагам коронной власти. Но Джунковский, при всей его очевидной нравственной ущербности, умственной отсталостью всё-таки не страдал.

В 1915 году Джунковский уже был одержим «идеей борьбы». «Факты» из донесения полковника Мартынова показали шефу жандармов столь «важными», что он счел необходимым «составить на основании их докладную записку и представить ее Государю, так как не высказать своему Монарху правду о Распутине считал для себя нарушением присяги». Итак, правоверный подданный решил «исполнить свой долг» и «раскрыть глаза» Правителю при первой же возможности. Случай не заставил себя долго ждать.

В мае 1915 года в Москве произошли беспорядки, вызванные слухами о «немецком засилье» и принявшие форму погромов многих магазинов, контор и промышленных предприятий, которые якобы принадлежали немцам. Эти события очень обеспокоили Царя, и Он потребовал от Министерства внутренних дел немедленного их прекращения, проведения расследования и предоставления Ему полного отчета.

Эта миссия и была возложена на Джунковского, который на два дня выезжал в Москву для «личного ознакомления» с событиями на месте. Первое, что было сделано высоким ревизором из столицы для «наведения порядка и наказания виновных», — снятие с должности «несмышленного» градоначальника А.А. Адрианова, хотя его вина в «бездействии» во время погромных событиях и не была очевидной.

Московские беспорядки генерал расследовал, одновременно ведя и параллельное дознание о мартовской пирушке в «Яре». Джунковский не сомневался, что одной из причин беспорядков, вызванных слухами о предательской деятельности русских немцев, являлось «наглое поведение Распутина, имевшее место в Москве еще так недавно», которое, по мнению «честного верноподданного», «бросило тень на Царскую Семью». Подобное просто абсурдное умозаключение бывший генерал не постеснялся включить в мемуары!

Упомянутая выше «тень» оказалась «верноподданному» недостаточно выразительной, и вся его деятельность была направлена на то, чтобы, во-первых, краски были гуще и мрачней, а во-вторых, чтобы об этой «ужасной истории» узнало как можно большее число людей.

...Вечером 1 июня 1915 года шеф корпуса жандармов делал доклад Царю о расследовании причин беспорядков. В дневнике Император Николай II записал: «В 10 часов принял Джунковского по возвращении его из командировки в Москву по случаю беспорядков и погромов».

В тот вечер Царь услышал не только об этом. Дальнейшее известно лишь со слов Джунковского. По окончании официальной части докладчик попросил у Монарха разрешения высказать то, что давно его как верноподданного волнует. Государь Николай II «несколько изменился в лице» и сказал: «Пожалуйста, говорите». Прозвучал монолог Джунковского о времяпрепровождении Распутина, о его «кутежах», «пьяных дебошах», «связях с сомнительными личностями». Закончив обвинительную речь, заместитель министра внутренних дел достал из портфеля свою записку и передал ее Монарху. При этом он особо подчеркнул, что записка существует лишь «в единственном экземпляре».

Далее, если верить Джунковскому, а верить ему можно лишь с большой осторожностью, Николай II убрал сей документ в ящик письменного стола, сказав: «Благодарю вас». Перед расставанием Он якобы попросил подданного и в дальнейшем так же верно исполнять свой долг и всё Ему сообщать «непосредственно».

Окрыленный успехом генерал, что называется, выпорхнул из Царского кабинета и вернулся домой «в большом волнении». Закончив описание своего «патриотического» поступка, Джунковский резюмировал: «После этого в течение двух месяцев Государь не пускал к себе Распутина, а ко мне все время был более милостив, чем когда-либо, очевидно, моя записка произвела впечатление».

Произвела, несомненно, но не на Царя, а на столичную публику, к которой она попала с подачи Джупковского. Уже вскоре после приема у Венценосца. Однако только этим подлогом дело не ограничивается. Ресторанная история, в том виде, как ее изобразил генерал и каковой она стала достоянием публики и газет, не просто тенденциозна, но и лжива.

Начнем с конца. Доклад состоялся 1 июня, а уже 9 июня Царь занес в дневник: «Вечером посидели с Григорием». Ясно, что разговор о «двух месяцах» отлучения Григория от Царского дома не имеет под собой никаких оснований. Теперь, что называется, углубимся в существо вопроса и поговорим более подробно о пресловутом ресторанном кутеже.

Вначале о действующих лицах «веселой компании». Их, помимо Распутина, как помним, было четверо: двое упомянутых журналистов и две женщины: Решетникова и некая молодая незнакомка, «платившая за всё», личность которой осведомителям Джунковского так установить и не удалось.

Никого из поименованных полиция почему-то не опросила. Никаких показаний ни от «певичек» из хора, «исполнявших циничные танцы», ни от официантов, ни от владельца заведения полиция не получила. Следы таких действий нигде в полицейских документах не отразились. А это уже, что называется, «полный нонсенс». Так русская полиция не работала, там было достаточно высоких профессионалов, но генерал Джунковский оказался не из числа таковых. Ему хватило и сплетен.

Теперь о Решетниковой. Звали ее Анисьей Ивановной, она была вдовой московского купца и ревностной христианкой. Именно в ее доме не раз останавливался Распутин, когда бывал проездом в Москве. Беспощадная молва зачисляла ее в разряд самых бесстыжих последователей «старца» и даже приписывала ей «половую разнузданность». А «развратнице» к моменту указанного события было без малого почти 80 лет! (Решетникова родилась в 1837 году.) Постановщики «распутиниады» ввали без оглядки, без видимой правдоподобности.

Обосновывая свое желание донести до Монарха «правду», Джунковский писал: «Все эти факты (! — А. Б.), собранные о Распутине, показали мне вполне достаточными, чтобы составить на основании них докладную записку и представить ее Государю». Какие «факты»? Репорт пристава? Но там ведь не содержалось ничего такого, что могло бы заставить обеспокоиться шефа жандармов. Была лишь обмолвка о том, что Распутин якобы «непочтительно упоминал имя Императрицы». Кто это слышал? Кто был свидетелем? О том ни слова.

«Докладная записка» Джунковского не сохранилась, но ничего подлинного она не могла содержать, так как такого материала в распоряжении шефа жандармов попросту не имелось. Были слухи, сплетни, предположения, но ведь этого мало для того, чтобы обращаться к

Императору. Это для таких нервных деятелей, как Родзянко, для возбужденной публики — «пуля». Кто там будет разбирать, рассматривать, устанавливать: «факты» ведь...

Здесь уместно сделать еще одно отступление. Хотя «записка» Джунковского не найдена, но существует другой «умопомрачительный» документ, относящийся, очевидно, к началу 1914 года. Он носит название «Официальная справка о Распутине» и опубликован сравнительно недавно¹. Публикаторы предположили, что авторство принадлежит директору департамента полиции С.П. Белецкому. Однако есть основания считать, что тут «руку приложил» именно В.Ф. Джунковский, так как некоторые тезисы «справки» текстуально совпадают с пассажами из его мемуаров. Приведем лишь два фрагмента ясно демонстрирующие, какой образ «лепили» Григорию Распутину люди, подобные Джунковскому.

«Многим (! — А. Б.) приходилось слышать, что в доме Распутина очень часто происходит какое-то сектантское моление (! — А. Б.), причем после пения и скакания (! — А. Б.) до неистовства участвующие идут попарно спать, иногда же бывает общая свалка...» Это о жизни в Покровском. Теперь о Петербурге. «В то время когда Распутин остается один, его довольно часто (! — А. Б.) можно встретить (! — А. Б.) пристающим на Невском проспекте к проституткам, откуда, взяв одну из них, он отправляется в бани или гостиницу».

И этот шизофренический, иначе и не назовешь, текст назывался официальной справкой. Хороши же были «официальные лица», составлявшие подобные «документы», а потом преподносившие их как «факты» в своих мемуарах!

¹ Официальная справка о Распутине // Русское прошлое. СПб., 1996, № 6.

Однако вернемся в 1915 год, когда генерал Джунковский, выражаясь метафорически, «скакал до упаду», раскручивая «распутиниаду». «Эпохальный доклад» у Царя Джунковский имел 1 июня. Однако и после этого деятельность по сбору компрометирующих сведений о Распутине не прекратилась. Донесения к нему под грифом «Совершенно секретно. Лично» шли от Мартынова и после указанного числа.

Еще 31 мая 1915 года шеф жандармов отправил «смышлёному полковнику» Мартынову телеграфный приказ: «подробно изложить» имевшую место 26 марта историю в ресторане «Яр» и «выяснить участие в этом кутеже всех лиц, окружавших Распутина».

Мартынов очень старался угодить. Высокий патрон в Петрограде оказал ему такое внимание, удостоил такой «чести»: лично составить и представить требуемую бумагу «государственной важности». 5 июня ответ был готов и на бланке начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве за подписью Мартынова был препровожден в Петроград.

Надо думать, шеф жандармов был удовлетворен, «факты» носили куда более «сочный» характер, чем раньше. Подобного рода документы под грифом «Совершенно секретно. Лично» составлялись в одном экземпляре, и это донесение сохранилось в архиве. Изложение событий построено на пересказе рапорта подполковника Семёнова, который был полностью воспроизведен ранее. Однако «вариант 2» даёт уже во многом новую трактовку, рисует куда более неприглядную картину.

В донесении содержались некоторые туманные данные только о роде деятельности Соедова и Кугульского. Последний, как утверждал жандармский офицер, «дал известную денежную сумму на устройство кутежа». А как же «молодая дама», платившая «за всё»?

О ней больше речи не было, и, несмотря на «тщательную разработку», ее имя так и не установили. Это просто удивительно!

Теперь оказалось, что вся компания уже до прихода в ресторан «была навеселе» (надо думать, что и старуха Решетникова тоже). Потом был приглашен хор, исполнивший несколько песен, а затем протанцевал (весь хор!) матчиш и кекуок. Дальше — больше. Распутин, как утверждал Мартынов, «распоясался», начал откровенничать с певичками, затем отозвался с пренебрежением о Царице.

Теперь же внимание! Сейчас воспроизведу фрагмент, который потом будут репродуцировать множество раз как особо «смачный» эпизод всей «распутиниады». Это, безусловно, ярчайший образец грязного мастерства пиар-технологов начала XX века. Сразу отметим, что ни о чем подобном в первом донесении вообще не упоминалось.

«Далее поведение Распутина приняло совершенно безобразный характер какой-то половой психопатии: он будто бы обнажил свои половые органы и в таком виде продолжал вести беседу с певичками, раздавая некоторым из них собственноручные записки с надписями вроде „люби бескорыстно“, — прочие наставления в памяти получивших их не сохранились. На замечание заведующей хором о непристойности такого поведения в присутствии женщин Распутин возразил, что он всегда так держит себя перед женщинами, и продолжал сидеть в том же виде».

Сцена просто омерзительная! Правда, полковник предвосхитил описание эксгибиционистского акта стыдливым «будто бы», но в общем потоке деталей эта мелочь проходит мимо внимания читателя, а при многочисленных цитированиях обмолвка обычно вообще пропадает.

Отложим на время все документы и свидетельства и попробуем поразмышлять над описанным. Пьяный мужик в ресторане совершает гнусное непотребство, и кроме робкого «замечания заведующей хором», ни у кого никакой протестной реакции так и не возникло. Ни у спутников Распутина, ни у состава танцующих и поющих хористок, ни у официантов.

Куда подевались агенты охранного отделения, обязанные неотступно находиться при персоне «Царева друга»? Еще 25 марта 1915 года охранное отделение Москвы получило из охранного отделения в Петрограде за подписью его начальника полковника К.И. Глобачёва секретную телеграмму, гласившую: «25 марта курьерским № 1 поездом выехал в Москву Григорий Распутин кличка наблюдения „Тёмный“ установить неотступно совершенно секретное наблюдение случае выезда сопровождайте». Куда агенты-то подевались? Что они тоже впали в состояние оцепенения при виде сего «эротического ревью»? И почему они потом не представили отчета?

Вопросы, вопросы, вопросы без конца, а документальный ответ на каждый из них требует сложных, трудоемких изысканий. Инспираторы исторических фальшивок во все времена именно на это и рассчитывают. Лживая «сенсационная весть» прогремит на весь свет, сыграет свою роль в требуемый момент, а о каких-то там поздних опровержениях узнают единицы. Так и произошло в данном случае. О выставленных напоказ в ресторане «распутинских гениталиях» можно прочесть в бесчисленном множестве публикаций, а о лживости всей этой истории повествуют лишь отдельные авторы.

Надо отдать должное Джунковскому: сей шедевр усердия полицейского полковника — описание выставленных на всеобщее обозрение гениталий — он в своем мемуары не включил. Не рискнул. Уж слишком вуль-

гарным всё это выглядело. Генерал же был эстетом, меломаном, любителем «высокого искусства». Однако и оставлять без движения сей «сокрушительный материал» тоже сил не хватило.

Это «совершенно секретное и личное» донесение, составленное в «одном экземпляре», было тиражировано и пошло гулять по рукам. То ли «масонские братья» подсказали генералу такой «удачный ход» в деле формирования угодного общественного мнения, то ли «преданный Государю» товарищ министра сам додумался. Того уж не узнать. Да и неважно это. Примечательно другое: текст донесения очень скоро попал к Илиодору, который подробно, с новыми «красочными деталями», всю эту сцену и воспроизвел в своей книге «Святой чёрт».

Конечно, будучи достаточно хитрым и расчетливым человеком, Джунковский не мог не понимать, что для того чтобы продолжить опасную для карьеры игру с компроматом, надо было соблюдать хотя бы видимость правдоподобности. Требовались «вещественные доказательства»; расторопный и услужливый полковник Мартынов скоро одно из «беспорных» и предоставил.

Уже 7 июня 1915 года Джунковский получил новое послание от своего подопечного из Москвы. В нем говорилось: «В дополнение к донесению моему от 5-го июня сего года за № 291834, имею честь представить при сем Вашему Превосходительству одну из собственноручных записок Григория Распутина из числа розданных им певичкам женского хора ресторана „Яр“, при посещении им этого увеселительного заведения 26-го марта сего года. Записка написана карандашом на обрывке листа писчей бумаги и крайне неразборчиво по малограмотности ее автора, но, по-видимому, читается так: „Твоя красота выше гор. Григорий“».

Не может не вызвать удивления, что начальнику Московского охранного отделения при всём старании удалось раздобыть лишь одну «улику», непонятно от кого полученную. Имя той «певички», которой якобы предназначался сей бесценный дар Распутина, названо не было. Теперь о самом тексте. Указанный рапорт Мартынова, как и конверт с вложенным текстом, дошли до наших дней. В силу малограмотности автора все распутинские письменные тексты нуждаются в своеобразном переводе на понятный язык. Не является исключением и данная записка.

Выглядит она следующим образом: на листе писчей бумаги нацарапано пять слов, из которых легко различить можно лишь одно: подпись «Григорий». Остальные четыре прочесть невозможно, лишь восстанавливать по догадке. Если даже Мартынов и правильно «перевел» их, то и тогда ничего «криминального», «дискредитирующего» записка Распутина не содержала.

«Твоя красота выше гор» — что в этой аллегории вызывает подозрение? Ну допустим, что Распутин действительно в ресторане увидел красивую девушку и дал ей такую записку. Здесь, конечно, на первый план выплывает не сама безобидная писулька, а атмосфера распутинского «разгула», подлинность которого и удостоверяется «бесспорным доказательством».

В то время распутинских записок циркулировало довольно много. Он их писал, когда к нему обращались бесконечные просители; немало было и фальшивок изготовлено. Указанную записку можно квалифицировать как подлинную. Но признание этого факта тут же вызывает вопрос: писали ли ее в ресторане или ретивые полицейские чины переслали в Петроград одну из тех, которые получали просители.

Ясное дело, что в том переводе, который дает Мартынов, записка могла быть адресована не просительни-

це, а некой красавице, пленившей воображение Распутина. Всё бы так и выглядело, если бы не существовали и другие «переводы», которые при «визуальном анализе» представляются более адекватными. «Твоё прошение вышли скорей. Григорий». При таком звучании становится понятно, что данная «улика» к делу о «разгуле в ресторане» не имеет никакого касательства.

Вся эта деятельность по инспирированию дела на Распутина, слухи и сплетни, которыми обрастала «ресторанная история», не прошли мимо внимания Царя и Царицы. Вскоре после получения «записки» Джунковского Император Николай II поручил флигель-адъютанту Н.П. Саблину поехать в Москву и на месте выяснить подробности. Посланец миссию выполнил.

Уволенный градоначальник Адрианов показал, что «по проведенному им самим расследованию Распутин не принимал участия ни в каких неприличиях и непристойностях в ресторане „Яр“». Перепутанные полицейские чины в один голос заявили, что все «документы переданы генерал-майору Джунковскому». Естественно, что, выполняя волю Монарха, Саблин к этому должностному лицу и обратился.

В своих обширных мемуарах с удивительной скрупулезностью Джунковский восстанавливал события давно ушедшего времени, воссоздавал, часто с мельчайшими подробностями, нюансы своей служебной деятельности на различных постах, свои разговоры, речи других. Однако в этой летописи времени и хроники жизни он ни слова не проронил по поводу вышеуказанного события. Думается, что это не случайная забывчивость. Может быть, стыдно стало? Маловероятно. Скорее, «добросовестный мемуарист» не хотел вспоминать глупое положение, в котором оказался: Саблину ему представить было нечего.

Свои воспоминания Джунковский писал при советской власти, и одно издательство даже намеревалось издать их в серии «Литературные памятники». Думается, что их уместней бы было печатать под иным грифом, например, в серии «Шедевры диффамации», но таковой серии не существует. А жаль! Данное сочинение могло бы по праву занять там достойное место.

Точно неизвестно, как подобное непристойное поведение генерала воспринял Николай II. Исходя из того, что Император всегда не любил лжецов, можно быть уверенным, что к Джунковскому Он потерял расположение.

Царица же вполне обоснованно нашла поведение Джунковского «подлым». Ее больше всего возмутило, что свитский генерал не только составил тенденциозно-клеветническую «записку», но и показывал ее разным лицам, хотя обещал Государю, что у него лишь «один экземпляр».

Сам же «преданный и верный» рассказывал своим друзьям и знакомым, как всегда «по секрету», что его борьба с «негодяем Распутиным» вызвала «ярость распутинской клики», которая «интригует против него», а Императрица «беснуется», устраивает Супругу «истерички», требует «его отставки». Одним словом, «честный патриот» и «преданный монархист» страдал за правое дело.

Но и здесь «верноподданный» беззастенчиво лгал. Царица, считая Джунковского врагом, никаких «истерик» не устраивала и никаких «требований» по поводу его отставки не выдвигала. Это не исследовательская версия, а исторический факт, который подтверждает Сама Царица. В письме Супругу от 22 июня 1915 года Она писала:

«Он (Джунковский. — А. Б.) нечестный человек, он показал Дмитрию (Великому князю. — А. Б.) эту гадкую, грязную бумагу». Царицу возмущало, что генерал

«перевирал» слова Царя, говоря: Он «меня ненавидит». Это была суцая правда, и Александра Фёдоровна картину нарисовала точною.

Однако даже после признания столь недостойного поведения, Она рекомендовала Супругу-Самодержцу не «изгнать» ненавистника со службы, а провести с ним «серьезный разговор». «Если Джунковский с Тобой (Царь находился в Ставке. — А. Б.), призови его к Себе, скажи ему, что Ты знаешь (не называя имен), что он показывал по городу эту бумагу и что Ты ему приказываешь разорвать ее и не сметь говорить о Григории. Так как он это делает, он поступает как изменник, а не как верноподданный, который должен защищать друга своего Государя, как это делается во всякой друтой стране».

Чистая душа! Она думала, что какими-то «беседками» можно пробудить в таких людях, как Джунковский, чувство долга, которое те давно утеряли.

Документы не сохранили свидетельств, имел ли Монарх объяснение со Своим подданным. Скорее всего, такой нравоучительной беседы не было. Император Николай II подобного рода занятий терпеть не мог, прекрасно понимая, что нельзя взрослых людей учить кодексу монархизма. Долг ведь нельзя объяснить, его человек обязан чувствовать сердцем, это ведь фактически синоним понятия чести, а если у людей ее нет, то уже и не будет.

Стало бы вполне оправданным и заслуженным, если бы Царь с позором выгнал со службы этого «верноподданного» сразу же после доклада Саблина. Но Самодержец был слишком чистосердечным человеком, Ему были просто неведомы темные глубины человеческой подлости, эта, так сказать, нравственная сторона дела.

Другая же состояла в том, что, выгнав одного, надо было призвать другого. А где его найти? Людей крепких монархических убеждений становилось все меньше

и меньше. Эту горькую реальность Царь в полной мере осознавал. В результате Джунковский должности свои сохранял еще более двух месяцев. Он «вылетел со свистом» со своих постов лишь тогда, когда сомнений в его непристойном и злонамеренном поведении у Царя уже не осталось.

Потерпев поражение в глазах Императора, генерал одновременно обрел популярность в столичных салонах, его чествовали как героя. Особенно в этот период его славословила влиятельная клика, группировавшаяся вокруг Великого князя Николая Николаевича. Когда летом 1914 года началась мировая война, этот двоюродный дядя Царя был назначен на пост Верховного главнокомандующего, который он и занимал до августа 1915 года. Затем его сменил Николай II.

Получив пост главнокомандующего, Николай Николаевич вошел в «фавор», став по влиянию и значимости вторым человеком в Империи. Его верный, неразлучный альтер эго, младший брат Петр Николаевич, тоже вознесся. Но самое главное: получили огромное влияние их жены, две «черные женщины», черногорские принцессы Милица и Анастасия (Стана), которые когда-то открыли Распутина, ввели его в Царский дворец. Эти твердохарактерные дамы без труда и прочно подчинили своему влиянию своих великорослых, но довольно бесхребетных мужей.

Черногорки, как уже упоминалось, примерно с 1910 года находились в числе первых и самых непримиримых врагов Царицы и Распутина. Естественно, что на этой позиции «непоколебимо» с того же времени стояли «Николаша» и «Петюша». Николай Николаевич, прекрасно зная, что Распутин бывает в Царском доме, не стесняясь, публично называл того «мерзавцем», «проходимцем», «хлыстом».

Наверное, в силу своего кругозора он просто был не в состоянии понять, что такие оценки дискредитируют не столько Распутина, которого когда-то он сам чуть ли не боготворил, но в первую очередь Семью Монарха. Его же жена-интриганка, «ненаглядная Стана», тоже могла мало что понять.

Но вот супруга «Петюши» Великая княгиня Милица Николаевна, при которой Стана исполняла лишь партию «второго голоса», понимала всё значительно лучше. По сути дела, именно «глубокая интеллектуалка» Милица (доктор алхимии!) и являлась мозговым центром всего этого «черного кружка». Грозный с виду главнокомандующий Николай Николаевич озвучивал в обществе то, что подавала ему Стана с «кухни» Милицы.

Последнюю же просто сжигала ненависть к Царице, которая, мало того, что перестала слушать ее советы и даже отлучила их от Дома, но и «вредит» ее маленькой родине, любимой Черногории, настраивая «мягкотелого» Государя Николая II против их отца-правителя. Оставим в стороне суть вопроса об отношениях России и Черногории, которой Царская Империя помогала чуть ли не двести лет. Ничего в этой политике не изменилось и при последнем Самодержце. Интересен в данном случае не «изгиб мировоззрения» пресловутых «чёрных женщин», а тот факт, что Джунковский и его компромат оказались очень желанными в этой компании.

Черногорки принимали Джунковского, всегда были с ним любезны и «откровенны». Именно они поведали генералу грустную историю своего знакомства, а затем «полного разрыва» с Григорием Распутиным. В изложении Джунковского это случилось потому, что Григорий Распутин «распоясался и стал поносить покойного отца Иоанна Кронштадского, которого они почитали как святого». Это же надо такое сочинить! Нет нужды опро-

вергать злонамеренную ложь. Григорий Распутин неизменно и всегда высоко чтит отца Иоанна.

Да и вообще, он никого «не поносил». Распутину была неведома злобная непримиримость, приобретающая у таких людей, как Джунковский, характер истерии. Как справедливо свидетельством перед ЧСК министр внутренних дел А.Д. Протопопов, Григорий Распутин «зло не говорил про людей». Он мог не любить какого-то человека, но он не умел ненавидеть...

Свои «конфиденциальные сведения» шеф корпуса жандармов регулярно поставлял ко двору Николая Николаевича, которому некоторые салонные «пифии» предсказывали роль «спасителя Отечества». Нетрудно догадаться, что влиятельного «спасителя» окружала многочисленная пёстрая толпа прихлебателей, приспешников, клеветов, которая и распространяла по всем краям и весям «взгляды» и «мысли» своего кумира. Хозяин же «николаевского двора» испытывал к «поставщику низкопробного товара» в лице Джунковского, как прилюдно заявлял, «давнюю, искреннюю симпатию».

При наличии такой мощной защиты, как симпатия главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича, Джунковский чувствовал себя уверенно. После бесславного провала «ресторанной истории» он не только не прекратил фабрикацию инсинуаций, но и продолжал «шить дело» на Распутина, надеясь таким путем в очередной раз опорочить Царя и Царицу.

Проиграв в глазах Царя, Джунковский выиграл во мнении многих, обретая ореол «честного борца» и «страдальца». Восторг публики воодушевлял на новые «подвиги». После окончания разработки «оргии в ресторане» с подачи Джунковского на свет появилась новая история: о «пьяном дебоше на пароходе».

Сюжет, как обычно, был незатейливый; богатством фантазии мастера черного пиара явно не отличались. Но он удачно вписывался в общий контекст разухабистого образа Григория Распутина, который к тому времени прочно запечатлевался в сознании публики «с хорошей генеалогией». Его подробно изложил в своих воспоминаниях будущий «советский служащий» В.Ф. Джунковский. Суть дела вкратце такова.

В начале августа 1915 года Джунковский получил донесение, что Распутин, проходивший в полицейских сводках под кличкой «Тёмный», ехал на пароходе «Товар-пар» из Тюмени в Покровское. Как нетрудно предположить, он был «пьян». На палубе он встретил группу солдат, которых «заставил петь песни». Затем он дал им денег, повел в ресторан, но туда их не пустили.

Тогда «Темный» устроил скандал, оскорблял присутствующих, а с ехавшим тюменским купцом Михалевым чуть не вступил в драку. Потом он ушел к себе в каюту и там «свалился на пол и лежал на полу до самого села Покровского» и в таком виде «омочился».

Картина безотрадная. Какое мнение могло сложиться у любого мало-мальски пристойного человека при таком описании. Только отвращение. Надо полагать, на создание такого «общественного мнения» и рассчитывали инсинуатор Джунковский и некоторые его послушные подчиненные.

В основе этой тенденциозно изложенной истории лежали некие реальные факты. Во-первых, Распутин действительно ехал на пароходе; во-вторых, он действительно общался с солдатами и хотел их накормить за свой счёт, но их не пустили в ресторан. Тогда он купил еду в буфете и передал ее солдатам, а после их трапезы они на самом деле вместе пели песни. И все. Остальные «детали» и «факты» — плод воображения полицейского чиновника.

Чтобы не утомлять описанием «подробностей» сего события и его детальным опровержением, ограничимся лишь главным. Никакого «дебоша» не было и в помине, никакого купца Михалева обнаружить никому не удалось. И самое важное: Распутин не был пьяным.

Джунковский намеревался состряпать новую «записку» и включить в нее все «имевшиеся в наличии факты», в число коих, помимо вышеуказанного, входили и другие, столь же «надежные»: о том, что Распутин якобы вел разговоры о необходимости заключения сепаратного мира, о том, что Распутин всем повествует о будущих с его подачи отставках и назначениях министров, о том, что он рассказывает «в оскорбительном тоне» о встречах с «Августейшими Особами».

Эти «сведения» вызвали резонанс. В августе 1915 года глава Думы М.В. Родзянко даже обратился к Министерству юстиции с призывом «арестовать врага». На заседании правительства 24 августа 1915 года это стало одной из тем обсуждения. Министр юстиции А.А. Хвостов сообщил, что против Распутина «нет материала».

«Конфиденциальные данные», собранные Джунковским о событиях на пароходе от подчиненных, в первичной форме до нас не дошли, даже если таковые и существовали. Нетрудно предположить, как и в случае с ресторанный историей, что все «тексты Джунковского» не более чем приготовление очередного «удачного хода» в борьбе с властью. Если бы компромат в чистом виде наличествовал, то уж можно не сомневаться, что его такие «верноподданные», как Джунковский, не только берегли бы «пуще глаза», но немедленно сделали бы достоянием публики. Но не сберегли и не сделали. Из этого с несомненностью следует, что и сохранять-то нечего было.

Напомним ещё раз, что при Распутине неотлучно состояли два чина полиции, которые регулярно сооб-

щали в Петербург-Петроград о каждом дне его жизни. Казалось бы, вот эти материалы и могли бы стать надежной основой для оценки жизни и морального облика Распутина. Наверное, так оно и было бы, если бы не одно «но»: подлинных донесений фактически нет. Существуют они лишь в «сводках», «выдержках», «выписках», и степень их соответствия оригиналу была известна лишь узкому кругу лиц, куда входил и «активист масонского движения» Джунковский.

О том, куда подевались истинные донесения полицейских агентов и что осталось, речь пойдет отдельно. Пока же вернемся к «пароходной истории» и предположим на минуту, что всё, что написал Джунковский, соответствует истине. Помимо отрицательных эмоций, негодующих ахов и охов один вопрос по адресу Джунковского всё-таки возникает: куда глядели приставленные им чины, почему они не вмешались и не предотвратили «дебаш»? Причину нерадивости своих подопечных шеф не раскрыл. Да если бы и стал объяснять, то правды от него никто бы все равно не услышал.

Однако долго «раскручивать» пароходный «пикант» товарищу министра внутренних дел не пришлось. 15 августа 1915 года министр внутренних дел князь Н.Б. Щербатов получил собственноручное распоряжение Монарха, гласившее: «Настаиваю на немедленном отчислении Джунковского от должности с оставлением в Свите».

Такая формулировка, означающая фактическое изгнание со службы, хоть и была сдобрена указанием на оставление в Свите, но фактически являлась приговором. В редчайших случаях сановники подвергались подобному суровому наказанию. Обычно чиновники высокого ранга удалялись с соблюдением ритуала: получали благодарственные указы, удостоивались прощаль-

ной аудиенции, получали награды орденами, чинами, денежными выплатами. Ничего этого не было, потому что человек оказался во всех отношениях недостойным. Поэтому и выгнали, как прислугу, уличенную в воровстве хозяйских серебряных ложек.

Джунковский был потрясен. При его связях, при его послужном списке получить такой общественный «реприманд» было страшно обидно. Он написал Царю «обиженное» и лицемерное письмо. «Тяжел, конечно, самый факт отчисления без прощения от ответственных должностей в такое серьезное время, переживаемое Россией, но еще тяжелее полная неизвестность своей вины, невозможность ничего сказать в свое оправдание, невозможность узнать, какой проступок с моей стороны внезапно нарушил то доверие, которым я всю свою долголетнюю службу пользовался со стороны Вашего Величества, которым я так гордился, которое так облегчало тяжелые минуты, которые мне приходилось переживать по роду своей службы».

Немало и других проникновенных слов запечатлел в своем послании Джунковский, этот «добродетельный верноподданный», с которым так «бездушно и некрасиво» поступил неблагодарный правитель. Так должна была воспринимать всю эту историю публика.

Чтобы предвосхитить появление других версий, генерал тут же сочинил обширное послание своему негласному покровителю Великому князю Николаю Николаевичу. Мотив тут уже совершенно иной. Он не только сообщил о факте своего увольнения, интерпретировав его в нужном ракурсе, но и полностью воспроизвел своё «личное» послание Царю. Джунковский знал, что делал. Не прошло и двух дней, как «черный агитпроп» во главе с Милицей растиражировал сочинение Джунковского. Естественно, «весь Петроград», чины Ставки и главные

«этуали» думского «кабаре» были соответствующим образом проинформированы.

Джунковский не сомневался, что резолюция об изгнании его со службы была продиктована Императору Николаю II Царицей. «Иначе и быть не могло», — резюмирует он в своих размышлениях.

Как же он «хорошо» знал Монарха, Кому якобы «честно служил» многие годы, чтобы писать нечто подобное. В состоянии какого же злобного умонастроения надо было находиться, чтобы и через годы воспроизводить этот домысел на страницах воспоминаний. Хотя ко времени их написания уже имелись в обращении бесспорные документы, которые подобные выводы и умозаключения Джунковского опровергали категорически.

Помимо прочего, была уже опубликована переписка убитых Венценосцев! Бывший генерал, имевший тягу к историческим сочинениям и документам, не мог не заметить эту сенсационную трехтомную публикацию. Там бы он смог прочесть подлинные слова Александры Фёдоровны, что Она «сильно огорчена» из-за того, что Ее «имя всегда упоминают так, как будто это» Она «изгнала Орлова и Джунковского из-за нашего Друга».

Из этих документов «оскобленный и униженный» мог бы, наконец, узнать, что ничего и никогда Царица Супругу не «диктовала», да и Николай II вообще был не тот человек, которому можно что-либо «продиктовать».

Причина увольнения товарища министра и шефа корпуса жандармов находилась совсем не там, куда указывал пострадавший. Сам он об этой «последней капле» в чаше Царского терпения никогда не упоминал. Между тем, может быть, и помимо воли Джунковского на авансцену общественной жизни выплеснулись его инсинуации, которые генерал так искусно конспирировал в тиши кабинетов и уюте салонов.

14 августа 1915 года популярная столичная газета «Биржевые ведомости» начала публиковать серию статей о похождениях Распутина, где почти слово в слово воспроизводились домыслы об «оргии в ресторане» из того досье Джунковского, которое тот якобы в «одном экземпляре» представил Царю еще 1 июня. Терпение Царя лопнуло, все сомнения насчет добропорядочности этого офицера окончательно рассеялись.

Однако Джунковский не успокоился, продолжая лгать без зазрения совести. Императрица Александра Фёдоровна сообщила Супругу 8 октября 1915 года: «Джунковский, после того как его уволили, снял копии со всех бумаг против нашего Друга, хранящихся в министерстве внутренних дел (он не имел никакого права этого делать), и показывал их направо и налево среди московского дворянства. Жена Павла (княгиня Палей. — А. Б.) еще раз рассказала Ане, что Джунковский уверял честным словом, будто Ты зимой ему приказал строго судить Григория. Он это сказал Павлу и его жене и повторил это Дмитрию и многим другим в городе. Я называю это бесчестным, в высшей степени нелояльным поступком...»

Получив «несправедливый удар» от Царя, Джунковский тут же обрел шумную поддержку среди рыцарей «борьбы с тьмой». Первым номером в этом ряду шел А.И. Гучков, который уже 17 августа прислал генералу восторженное письмо: «Дорогой Владимир Фёдорович, всей душой с Вами, знаю, что Вы переживаете. Но не скорбите, а радуйтесь Вашему освобождению из плена. Вы видите — „они“ обречённые, Их никто спасти не может».

Гучков ошибся: в той реальной исторической диспозиции обречёнными являлись все, а не только «Они». Когда наступил желанный миг, который и Гучков и Джунковский «приближали, как могли» — отречение

Царя, то сольные номера любимцев публики на «авансцене жизни» быстро закончились. Непримирым «врагам тьмы» пришлось думать теперь только об одном: как спастись от «света революции».

Купеческий сын Гучков с огромным трудом, только переодевшись в платье лютеранского пастыря, смог проскользнуть сквозь революционные заслоны и укрыться в Западной Европе. Его же «искренний друг» потомственный дворянин «дорогой Владимир Фёдорович» остался в красной России, прожил, а точнее сказать, просуществовал здесь в роли жалкого изгоя до самого конца.

Неизвестно, испытывал ли старый Джунковский раскаяние перед смертью, были ли у него предсмертные озарения, понял ли он одну горькую очевидность: подвал дома Ипатьева в Екатеринбурге, где окончила Свои дни Царская Семья и подвал НКВД в доме на Лубянской площади в Москве, где провел долгие месяцы в заключении «бывший генерал», — по своей исторической сути один и тот же подвал. И прокладывая дорогу «Им» в Екатеринбург, Джунковский готовил и себе участь, которую и получил.

Глава XI. Круговорот столичной суеты

В 1912 году Царь и Царица окончательно заключили: Григорий послан Им Всевышним, он человек необычного предназначения. Он спас, вырвал из плена смерти Их «Беби», Их «Солнечный Луч» — Наследника Алексея...

Убежденность никак не колебали наветы на него, которым Царь и Царица после документального опровержения слухов не придавали больше серьёзного значения. Как следует из воспоминаний дворцового коменданта В.Н. Воейкова, его попытки донести до Государя негативные суждения о Григории Распутине заканчивались всегда одинаково. «Всё то, что вы Мне говорите, — прерывал собеседника Монарх, — Я слышу уже много лет. Столыпин производил по этому делу расследование, и ни один из распространенных слухов подтверждения не получил».

Как признавался Воейков, «было чрезвычайно трудно возражать на такой аргумент, тем более что как у Государя, так и у Императрицы, сложилось достаточно обоснованное убеждение, что всякое, пользующееся Их доверием лицо тем самым обрекается на нападки завистников и клеветников». Дворцовый комендант на личном опыте мог в том убедиться. Ему совершенно бездоказательно навешивали ярлык «ставленника Распутина».

И даже в эмиграции «современники событий» не успокоились; подобное абсурдное клише встречается в немалом количестве мемуаров эмигрантов «первой волны».

Нравственная чистота и бескомпромиссность Императора Николая II сами по себе исключали возможность неформального и многократного общения Его с любым аморальным субъектом. Ему, живущему верой и в вере, не нужны были никакие «досье», чтобы понять искренность в преданности Богу Григория. Но как политик он обязан был «реагировать». Потому и возникали «расследования» и «узнавания», которые всегда заканчивались одинаково: кроме туманных слухов — ничего подлинного. Государь верил Своим глазам и Своему православному чувству.

В свою очередь, и Александра Фёдоровна доверяла сердцу, личным наблюдениям и Своему житейскому опыту. Это заставляло признать с несомненностью и принять с благодарностью общество Григория.

Прекрасно ознакомленная с библейской историей и житиями святых Императрица хорошо знала, как часто люди бывают не правы, с какой жестокой одержимостью человеческая толпа может преследовать и поносить тех, кто выше и значимее простых смертных. Самым ярким примером для нее всегда служила земная судьба Спасителя, Которого шельмовали и предавали при жизни.

Ложь и клевета неизбежно сопровождают путь праведников на земле. «Испорченность мира всё возрастает, — заметила Она в апреле 1916 года в письме Супругу. — Во время вечернего Евангелия Я много думала о нашем Друзе, как книжики и фарисеи преследовали Христа, утверждая, что на их стороне истина. Действительно, пророк никогда не бывает признан в своем отечестве... Он живет для своего Государя в России и выносит все поношения ради нас».

В случае с Их «Другом» вечная людская незримость давала о себе знать. Он был человеком необычных дарований: невероятной интуиции, наделенный умением распознавать истинное, видеть скрытое, но главное — молитвой добиваться недостижимого для обычных людей. Потому Она нередко и советовала людям, которые были вхожи в Их Дом, познакомиться с Григорием. Кто-то соглашался, кто-то под благовидным предлогом уклонялся.

Командир яхты «Штандарт», контр-адмирал Н.П. Саблин, давая показания ЧСК в 1917 году, говорил: «Кажется, в 1908 году, когда во время плавания на яхте «Штандарт» я ближе подошел к Царской Семье, Государыня стала в беседах со мной намекать, что Она знает Распутина. Она стала говорить о том, что есть люди, молитва которых вследствие их аскетического образа жизни имеет особую силу, и, наконец, заявила, что и в России имеется такой человек, а именно Распутин, и предложила мне с ним познакомиться».

Однако даже среди тех, кто встречался, общался, признавал необычность Распутина, редко кто осмеливался пойти против людской толпы, выступить против злобной молвы. Или молчали, а то и возводили напраслину. В их числе оказался и друг Семьи Саблин, побоявшийся после революции сказать правду о Распутине, с которым многократно общался и к которому выказывал глубокое почтение...

Всё стало окончательно ясным для Царя и Царицы в октябре 1912 года. В тот год в России отмечалось большое национальное торжество: столетие Бородинской битвы 1812 года. Царь с Семейством участвовал в празднествах в Москве, а затем они отбыли на отдых, сначала в имение Беловеж, а затем в Спалу (недалеко от Варшавы), куда прибыли в начале октября. Там и начались драматические события.

Незадолго до приезда в Спалу Цесаревич Алексей, прыгнув в лодку, ударился ногой, и коварная гемофилия тут же дала о себе знать. Быстро образовалась обширная гематома (кровяная опухоль). Дальнейшие события Царь описал в письме к матери.

«2 октября Он начал жаловаться на сильную боль, и температура у Него начала подниматься с каждым днем больше. Боткин объявил, что у Него случилось серьезное кровоизлияние с левой стороны и что для Алексея нужен полный покой. Выписали сейчас же прекрасного хирурга Фёдорова, которого мы давно знаем и который специально изучал такого рода случаи, и затем доброго Раухфуса. Дни от 6 до 10 октября были самые тягостные. Несчастный Мальчик страдал ужасно, боли охватывали Его спазмами и повторялись почти каждые четверть часа. От высокой температуры Он бредил и днем и ночью, садился в постели, а от движения тотчас же начиналась боль. Спать Он почти не мог, плакать тоже, только стонал и говорил: „Господи, помилуй“. Я с трудом оставался в комнате, но должен был сменять Аликс при Нем, потому что Она, понятно, уставала, проводя целые дни у Его кровати. Она лучше меня выдерживала это испытание».

Николай II рассказал матери о многом, но один важный момент опустил, чтобы упоминанием имени Распутина не нервировать лишней раз матушку, изнемогавшую под грузом салонных сплетен. Еще в феврале 1912 года, незадолго до речи А.И. Гучкова и доклада М.В. Родзянко, Мария Фёдоровна имела объяснение с Сыном и Невесткой. Она высказала своё удивление, что Они принимают «этого ужасного Распутина», что это «тревожит общество», что его следует удалить из Петербурга.

Александра Фёдоровна сразу же стала горячо возражать, говоря, что петербургское общество только и

Государь Император Николай II и Наследник Престола Алексей Николаевич за расчисткой катка в Царском Селе.

Государь Император Николай II на прогулке с Августейшими Детьми в Царском Селе.

Государь Император Николай II и Цесаревич Алексей
на палубе яхты «Штандарт».

Императрица Александра Федоровна и Цесаревич Алексей
в каюте яхты «Штандарт».

Императорская чета и Цесаревич Алексей на балконе
Александровского дворца.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Начало 1900-х гг.

Макарий (Невский), Митрополит Московский и Коломенский.

Генерал-майор Свиты Владимир Николаевич Воейков, дворцовый комендант. 1913 г.

Александровский дворец — резиденция Августейшей Семьи.
Царское Село.

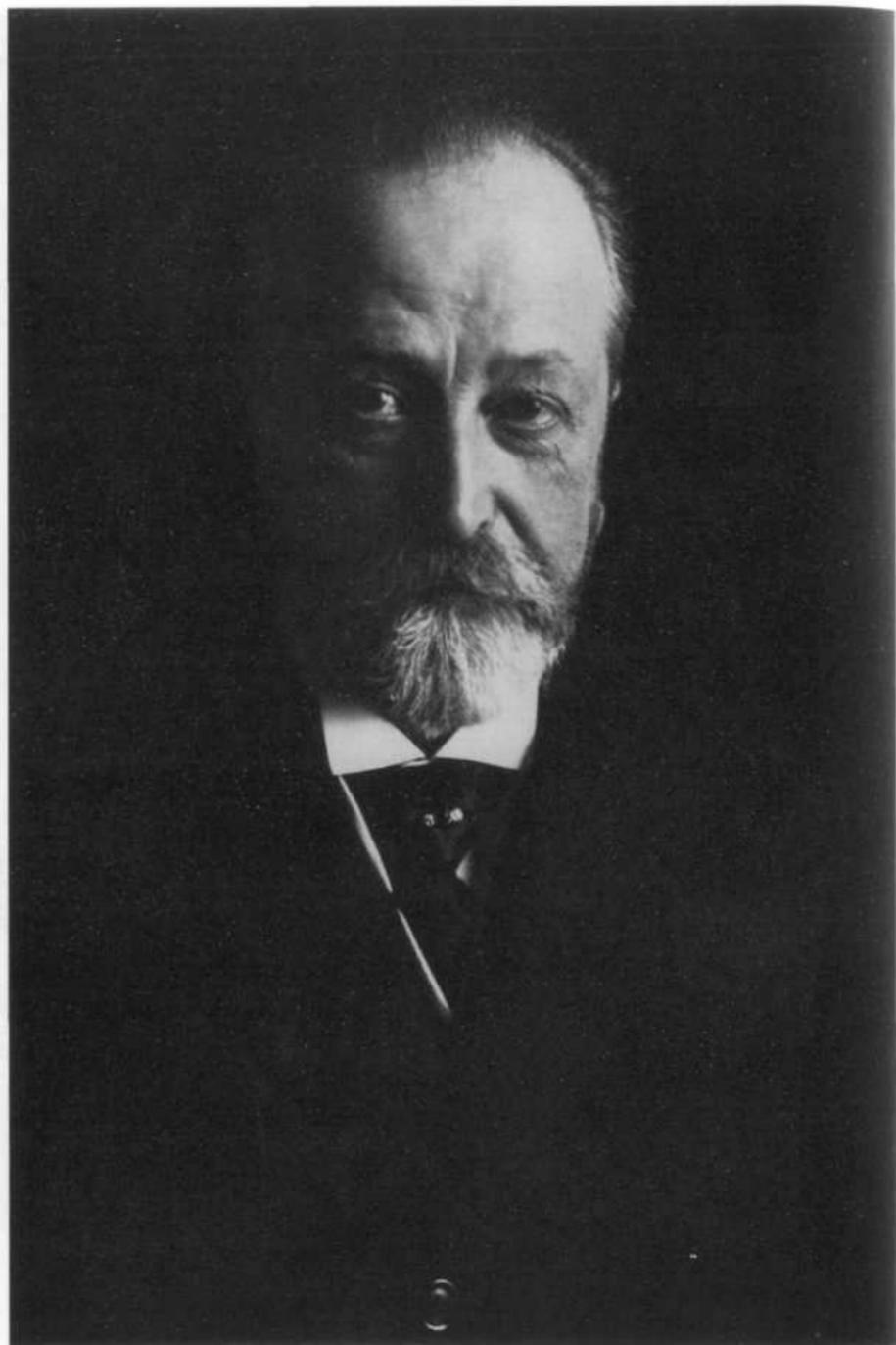
Граф Владимир Борисович Фредерикс, министр Императорского двора,
тесть В.Н. Воейкова. 1913 г.

Граф Сергей Юльевич Витте, председатель Комитета министров (1903–1905), председатель Совета министров (1905–1906), действительный тайный советник, статс-секретарь. 1903 г.

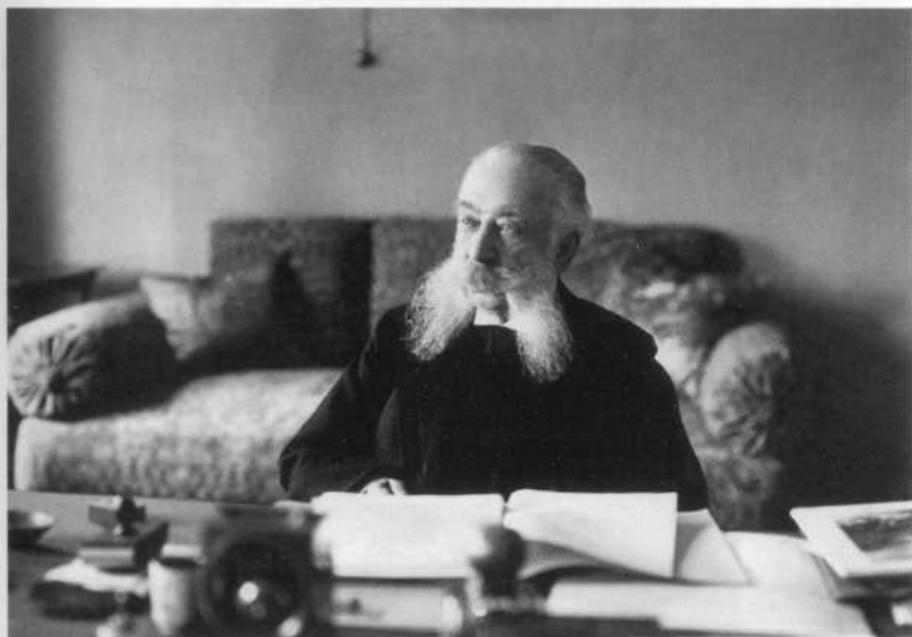
**Петр Аркадьевич Столыпин, председатель Совета министров,
министр внутренних дел (1906–1911). 1906 г.**

Владимир Николаевич Коковцов, председатель Совета министров
(1911–1914).

Александр Дмитриевич Протопопов, товарищ (заместитель) председателя IV Государственной думы. Последний министр внутренних дел Царской России (с сентября 1916 г.). 1913 г.

Иван Логинович Горемыкин, председатель Совета министров (1906, 1914–1916), за работой в домашней обстановке. 1914 г.

Великая княгиня Милица Николаевна, познакомившая Императора и Императрицу с Григорием Распутиным в своем доме.

Иеромонах Илиодор (Сергей Михайлович Труфанов) и полицейский офицер Е.Е. Долгушин. 1911 г.

Александр Иванович Гучков,
депутат III Государственной думы.

Михаил Владимирович Родзянко,
председатель IV Государственной думы.

Владимир Федорович Джунковский, заместитель министра внутренних дел, командир Отдельного корпуса жандармов. 1914 г.

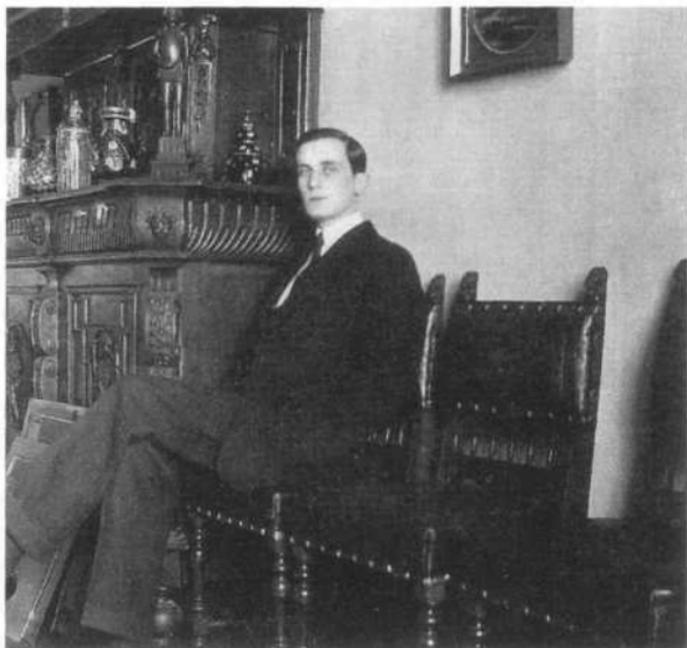
Степан Петрович Белецкий, директор департамента полиции, заместитель министра внутренних дел. 1913 г.

Великий князь Дмитрий Павлович,
участник убийства Г. Е. Распутина. 1914 г.

Владимир Митрофанович Пуришкевич, участник убийства
Г.Е. Распутина, член II, III и IV Государственных дум. 1913 г.

Князь Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков-Эльстон,
участник убийства Г.Е. Распутина. Петроград.
Анничков дворец. 1915 г.

Подвальная комната в Юсуповском дворце, где было совершено
убийство Г.Е. Распутина.

занято тем, что распространяет «грязные сплетни», что сановники, поддерживающие их, «подлецы», что Распутин — «удивительный человек» и что «дорогой Мама» следовало бы с ним познакомиться. Этот диалог Царица Монарх не прерывал, но в конце заметил: «Как же Он может выслать человека, ничего противозаконного не совершившего?».

Беседа носила довольно нервный характер, Вдовствующую Императрицу ни в чем не убедили, но Николаю Александровичу и Александре Фёдоровне стало раз и навсегда ясно, что во имя семейного блага лучше с матушкой эту тему не затрагивать. Она ведь все равно не поверит, она уже настроена соответствующим образом, и мнение свое вряд ли переменит. Поэтому, описывая драматический случай в Спале, имя Распутина Император и не упомянул.

Положение же в Спале складывалось просто безысходное. Гувернёр Алексея Николаевича швейцарец Пьер Жильяр вспоминал: «Цесаревич лежит в кровати, жалобно стонет, прижавшись головой к руке матери и его тонкое, прекрасное, бескровное личико было неузнаваемо. Изредка он повторяет одно слово „Мама“, вкладывая в это слово всё свое страдание. И Мать целовала его волосы, лоб, глаза, как будто этой лаской Она могла облегчить Его страдания, вдохнуть в Него жизнь, которая, казалось, Его уже покидала».

Тянулись тягостно-безнадежные дни. Император не находил себе места; не знал, что делать, что говорить, как поддержать Аликс. Несмотря на огромное самообладание, у Него комок подступал к горлу, и несколько раз он с трудом сдерживал слезы. Один раз не выдержал, и при виде умирающего Сына слёзы потекли из глаз...

Царица же не сдавалась, отчаяние Ею не овладело. Муж поражался энергии и самоотверженности Жены.

Она перед этим неважно Себя чувствовала, но как только пришло несчастье, проявила непостижимую самоотверженность. Почти не спала. О Себе совсем не думала. Не отходила от Алексея ни днем, ни ночью, часами баюкала Его на Своей груди, делала перевязки, ставила компрессы. Очевидец тех событий Анна Вырубцова вспоминала:

«Последующие недели были непрерывной пыткой для Мальчика и для всех нас, кому приходилось постоянно слышать, как Он кричит от боли. Целых одиннадцать дней эти ужасные крики слышны были в коридорах, возле комнаты, и те, кто должен был там проходить для исполнения своих обязанностей, затыкали уши. Государыня всё это время не раздевалась. Не ложилась и почти не отдыхала, часами просиживая у кровати Своего Сына, который лежал почти без сознания, на бочку, поджав левую ножку так, что потом чуть ли не целый год не мог ее выпрямить. Восковое личико с заостренным носиком было похоже на покойника, взгляд огромных глаз был бессмысленный и грустный... Родители думали, что Алексей умирает, и сам Он в один из редких моментов сознания сказал Матери: „Когда Я умру, поставьте Мне в парке маленький каменный памятник“»...

После нескольких дней отчаянных усилий врачи опустили руки и в один голос заявили, что надо готовиться к худшему, что медицина бессильна. 10 октября Цесаревича причастили, готовя в дальний путь. Но даже в это черное мгновенье Государыня Александра Фёдоровна не теряла надежды, ждала чуда, Она безоговорочно верила в него.

В Покровское ушла телеграмма с просьбой к Григорию помолиться за Цесаревича. Через несколько часов в самый критический момент пришел ответ из Сибири. Телеграмма Распутина гласила: «Маленький не умрет.

Не позволяйте докторам Его мучить». И случилось, казалось бы, невозможное. Состояние Наследника стало резко улучшаться. Начала падать температура, Он пришел в сознание и скоро впервые за неделю заснул глубоким сном.

Вечером того дня Царица вошла в комнату, где в похоронном настроении сидели придворные, врачи и сестра Царицы принцесса Ирэна Прусская, приехавшая из Германии, чтобы поддержать Аликс. Государыня Александра Фёдоровна впервые за несколько дней предстала перед столь многочисленным обществом. Её лицо сияло. Она знала, что страшное позади, и уверенно объявила об этом. Собравшиеся же не проронили ни слова, некоторые решили, что Александра Фёдоровна «тронулась умом». Они не знали, что открылось Матери: молитва дорогого Друга дошла до Всевышнего, и Он послал спасение.

...Последствия жестокой болезни сказывались на Цесаревиче долго. Почти целый год Он хромал и не мог долго стоять. Когда в 1913 году начались праздничные церемонии, связанные с Трехсотлетием Дома Романовых и Царская Семья многократно предстала перед народом, Алексея почти всегда носил на руках специально приставленный к нему «дядька» — боцман с яхты «Штандарт» А.Е. Деревенько.

Мать и Отец понимали, что это производит на некоторых неблагоприятное впечатление, что в толпе шушукуются: Царский Сын — калека. Но иного выхода не было.

Императрица Александра Фёдоровна не сомневалась в том, что, когда Алексей окончательно поправится, а в благоприятном исходе Она была убеждена, люди забудут об этом зрелище. Она всегда Сама придирчиво отбирала фотографии Алексея, которые должны были

воспроизводиться в газетах, книгах и на открытках (без одобрения Министерства Императорского двора изображения Особ Царской Фамилии публиковаться не могли). Неизменно предпочтение отдавала тем, где Наследник запечатлен стоящим.

Главное же, в чем тогда безусловно уверилась Александра Фёдоровна, что рядом с ними есть человек, который является хранителем Их семейного благополучия: оберегает жизнь Наследника Престола. В этом Она видела залог благополучия не только Семьи, но и Династии, и Империи.

Венценосцы ни разу не имели случая видеть Григория Распутина в нелицеприятном виде. Как писала Лили Ден: «Я должна торжественно заявить, что, когда он находился в нашем обществе в Царском Селе, ни словами, ни манерами, ни поведением Распутин ни разу не скомпрометировал себя». Это абсолютно достоверный факт, и только особо оголтелые клеветники решались оспаривать его...

Распутин неизменно предстал перед «Мамой» и «Папой Земли Русской» правочерным христианином с молитвой на устах, ничего для себя не желавшим, печалившимся только о судьбе простых людей и просившим лишь за униженных и оскорбленных. Это обстоятельство необходимо особо подчеркнуть: за несколько лет «неформальных отношений» Царский друг ничего у Монархов для себя не попросил, хотя, казалось бы, какие возможности открывались!

Вера в силу молитвы Распутина позволяла Царице переживать с огромным самообладанием собственное нездоровье, разочарования в людях, шквал клеветы, с чем Ей постоянно приходилось сталкиваться. Она обожала Свою Семью, с неувядающей свежестью чувств любила Ники, искренне любила Россию. Это были Ее

богатства и Ее опоры во враждебном мире. Но над всем и над всеми для Нее был Бог, Который только Один и давал, и отнимал, и наказывал, и одаривал. Она всегда искренне и горячо старалась заслужить Его милость.

Высокопоставленный чиновник Министерства Императорского двора генерал А.А. Мосолов вспоминал: «Я часто имел случай видеть Императрицу на церковных службах. Она обычно стояла, как вкопанная, но по выражению Ее лица видно было, что Она молилась. Когда Отец Александр стал Ее духовником, он громко читал все молитвы, даже обычно читаемые вполголоса в алтаре. Царица очень любила его службу и выстаивала ее всю. Заболев, Она слушала службу из своей молельни в Ливадии, откуда, открыв двери, можно было хорошо видеть и слышать... В Царском Селе Государыня Александра Фёдоровна любила ходить молиться в темные приделы Фёдоровского собора» (собор построен в Царском Селе в ознаменование 300-летия дома Романовых и освящен в 1912 году. — А. Б.).

Товарищу обер-прокурора Синода князю Н.Д. Жевахову Царица однажды призналась: «Я не виновата, что застенчива. Я гораздо лучше чувствую себя в храме, когда Меня никто не видит... и Мне тяжело быть среди людей, когда на душе тяжело». Жизнь так распорядилась, что радостных минут в жизни Александры Фёдоровны становилось всё меньше и меньше.

Следуя христианскому завету милосердного служения, Александра Фёдоровна в годы мировой войны занялась деятельностью просто немыслимой в Ее положении, которая не имела аналогов в отечественной истории. Окончив фельдшерские курсы, Она и Ее старшие Дочери стали работать сестрами милосердия в царскосельских госпиталях. Царица обмывала раны солдат и офицеров, в том числе и такие, от лицезрения которых иные молодые

санитарки падали в обморок; делала перевязки, ассистировала при операциях. «Сколько горя вокруг! — восклицала Она в письме Мужу в марте 1915 года. — Слава Богу, за то, что Мы, по крайней мере, имеем возможность принести некоторое облегчение страждущим и можем им дать чувство уюта в их одиночестве».

В этой деятельности Александра Фёдоровна смогла проявить свою давнюю тягу к непарадному человеческому общению. Для нее не имели значения ни происхождение, ни чины, ни титулы, ни звания. Она всю жизнь искала простоты и веры, и эти Ее устремления осуществились в госпитальных палатах. Она проводила часы среди простых солдат, беседуя с ними на разные темы, внимательно слушая их нехитрые рассказы о жизни и о войне, благословляла их после выздоровления на новые подвиги, даря на счастье ладанки и иконки.

Это общение доставляло Ей больше радости и удовлетворения, чем вымученные завтраки, чай и обеды с родственниками и придворными. Роль сиделки у постели раненых солдат и офицеров Она выполняла с большим внутренним подъемом и часто занималась этим даже в период недомогания. «Когда я чувствую Себя очень угнетенно, — писала Супругу в октябре 1915 года, — Мне отраднo ходить к самым больным и приносить им луч света и любви».

Царица как бы следовала завету своей матери Гессенской герцогини Алисы, которая прославилась в Дармштадте невероятной преданностью делу помощи больным и неимущим. Ее младшая Дочь отличалась в этом деле не меньшей энергией.

Александра Фёдоровна никогда не использовала милосердное служение для рекламы Собственной персоны, к чему Ее призывали не один раз. Этим «промыслом» беззастенчиво «промышляли» многие аристократические

красавицы и матроны, охотно занимавшие почетные и необременительные должности попечительниц лазаретов, богаделен, санитарных поездов и госпиталей. Нередко светские «львицы» и «пантеры» рассматривали эти занятия как способ престижного светского самоутверждения, позволявший не только продемонстрировать себя, но и заводить важные и нужные знакомства и связи.

Со знанием «предмета» о том написала последняя подруга Царицы Лили Ден: «Благотворительные базары представляли собой как бы светские вечера, где можно было блеснуть своими туалетами, нередко участники таких базаров меняли туалеты три раза в день. В воздухе стоял густой аромат духов, повсюду множество цветов, а дамы, продававшие вещи, устав, подкреплялись лучшими сортами шампанского». Война мало изменила этот мир. Лишь наряды стали скромнее, но никто из дам высшего света не пошел работать в госпиталь. Они оставались, как и раньше, только «патронессами» и распорядительницами «благотворительных базаров». Царица же как истинная христианка никогда не была рабыней светских традиций.

То, что Императрица перешагнула через условности и стала работать «простой фельдшерницей», в головах у «господ из хорошего общества» не укладывалось. В этой деятельности одни увидели дискредитацию власти, другие — позу. Царице отказывали в праве на искренность и здесь, считая, что Она «ищет популярности». Публичных выпадов по этому поводу не было, так как «профессиональные спасатели России» всех мастей отдавали себе отчет в том, что данная ипостась коронованных Особ не позволяет эффектно бросить в Них очередной ком грязи.

Императрица скептически оценивала окружающий мир и его нравы. «Уже давно нет крупных писателей ни

в одной стране, нет также знаменитых художников или музыкантов — странное явление, — размышляла Она весной 1916 года. — Мы слишком торопимся жить, впечатления чередуются чрезвычайно быстро, машины и деньги управляют миром и уничтожают всякое искусство, а у тех, которые считают себя одаренными, — испорченное направление умов».

Царь и Царица имели к этому времени уже Свой взгляд на Распутина и не желали уступать давлению родни и столичного общества, требовавших выдворения «дорогого Григория» из Петербурга. Помимо прочих соображений Император Николай II в силу особенности Своей натуры не мог принять решение, которое Ему навязывалось. Отказ прогнать «исчадие ада» от подножия трона Государь ясно и просто объяснял министру двора В.Б. Фредериксу: «Сегодня требуют выезда Распутина, а завтра не понравится кто-либо другой, и потребуют, чтобы и он уехал».

Сам Григорий Распутин понимал, какое необычное положение он приобрел, чувствовал, что окружающий мир его не любит и хочет его гибели. Он каждый год на несколько месяцев уезжал из Петербурга или к себе на родину, или по скитам и монастырям. С его отъездом разговоры о нем стихали, а возвращение вызывало всегда новую волну интереса и слухов.

Со временем жить где придется в Имперской столице становилось неудобным. Нужна была постоянная крыша над головой. Свое последнее пристанище в Петербурге старец-проповедник получил незадолго до начала Первой мировой войны, когда для него была снята обширная квартира из нескольких комнат на третьем этаже большого доходного дома по Гороховой улице, 64. Здесь он жил с весны 1914 года и до последнего дня своей жизни, то есть в то время, когда достиг вершин сла-

вы, обрел всемирную известность (о Распутине писали во время войны многие иностранные издания). Отсюда же холодной декабрьской ночью 1916 года он уехал на встречу со смертью.

Старшая дочь Распутина Матрёна (Мария) оставила подробное описание жилища своей семьи в Петербурге. «Наша квартира состояла из 5 комнат. Роскоши никакой у нас не было. Всё это вранье, что писалось тогда в газетах про нас. Комнаты наши и обстановка их были самые простые. В столовой стоял у нас стол, обыкновенные венские стулья и оттоманка, самая роскошная вещь из всей обстановки — подарок какого-то Волынского, освобожденного из тюрьмы по ходатайству отца. В спальне отца — кровать железная, американский стол, в котором хранились у отца под замком многочисленные прошения разных лиц; в кабинете отца — письменный стол, на котором ничего не было, кресло и диван; в приемной были одни стулья. Только одну нашу детскую мы обставили по своему вкусу: у нас были в ней кровать кушетка, столик, диванчик, кресла, туалет, гардероб».

Квартирка явно не походила на богатые апартаменты, хотя здесь бывали не только высокопоставленные сановные господа, но и некоторые «короли биржи», известные финансовые воротилы, которые обитали совсем в ином повседневном интерьере.

В числе магнатов, проложивших себе путь на Горюховую, 64, находились два одиозных еврей-бизнесмена: уроженец Бессарабской губернии Игнатий Порфирьевич Манус (1860–1918) и Дмитрий Львович Рубинштейн (1875–1936). Репутация этих гостей распутинского дома была далеко не блестящей; их вполне заслуженно в деловой среде Петербурга-Петрограда называли махинаторами. Связь с этими дельцами плодила предположения о том, что Распутин — член «тёмной компании». Неко-

торые шли в своих предположениях дальше, утверждая, что Распутин — «купленная марионетка».

Кто же в те годы не слышал о Манусе и Рубинштейне! О них писали статьи и фельетоны, их высмеивали в едких куплетах на сценах кабаре, и редкое сатирическое издание не посвящало им язвительных карикатур. Каждый из них имел свою историю восхождения на верх делового мира, но и у того и у другого это не был путь упорного многолетнего труда, создания неких предприятий, долгого накопления средств.

Они вознеслись на уровень деловой элиты совсем иначе — путем выгодных, но не очень законных манипуляций с ценными бумагами. Суть этих операций хорошо известна и проста «как огурец»: купить за копейку, а продать за рубль. Однако указанные герои, преследуя эту традиционно вождеденную коммерческую цель, в отличие от большинства других, пользовались недоброкачественными средствами. Они в совершенстве овладели мастерством «околоделовых» махинаций: распускали ложные слухи, инспирировали появление в прессе критических статей о положении дел конкурентов, давали взятки, получали конфиденциальную информацию из государственных ведомств, которую удачно использовали в интересах личной финансовой выгоды. Утверждали даже, что они прибегали к деловым подлогам.

Многие представители торгово-промышленной корпорации не без основания величали их аферистами, но Мануса и Рубинштейна такое «реноме» в деловом мире не смущало. Они стали миллионерами и заставили с собой считаться. Накануне мировой войны Рубинштейн состоял директором Русско-французского коммерческого банка и занимал директорские посты еще почти в десятке крупных компаний. Манус же, хотя банком и не ру-

ководил, имел должности в ряде машиностроительных, страховых и транспортных фирм.

После начала Первой мировой войны летом 1914 года многие стали подозревать Мануса и Рубинштейна в «шпионской» деятельности в пользу Германии.

Появление в столице Империи необычной фигуры Распутина и его доступ к кормилу власти не прошли мимо внимания финансовых махинаторов. Доступность Царского друга, его открытость людям сделали возможность знакомства с ним делом весьма несложным.

В 1915 году в квартире Григория на Гороховой стали появляться Рубинштейн и Манус. Они окружили его заботой и вниманием, которых не удостоивались даже высокопоставленные министерские чиновники, с которыми эти финансовые «акулы» тоже «дружили». Подарки и пожертвования посыпались чуть ли не как из рога изобилия. Слухи об этом быстро распространились, и вскоре возникла версия: Распутин «куплен этими проходимцами».

Может быть, они и хотели «прикарманить» хозяина квартиры на Гороховой, использовать его влияние в личных целях, но ничего существенного не добились. Правда, Манус получил чин действительного статского советника, но не за «подарки» Распутину, а за пожертвования нескольких сотен тысяч рублей на благотворительные цели во время войны. Герой же столичных куплетов «Митька Рубинштейн» тоже хотел получить высокий чин, готов был раскошелиться, но не успел. За финансовые махинации в 1916 году от судебного преследования его спасла революция в феврале 1917 года.

Общение с «финансовыми гениями» и подношение ими «подарков» не только не отразились на повседневном укладе жизни распутинской семьи, но и не сказались на будущем ее материальном обеспечении. Средства, передаваемые Распутину разными лицами на «бо-

гоугодные дела», он раздавал многочисленным просителям, которые в последние месяцы его жизни с раннего утра и до позднего вечера обивали порог его квартиры. Редко кому отказывал. Из «дарственных щедрот» почти ничего не перепало даже двум дочерям, которые так и не стали столичными франтихами.

За квартиру Распутин платил не сам; это было «благодарственное подношение». Оплачивал арендные счета за нее управляющий Императорской канцелярией и отец А.А. Вырубовой — А.С. Танеев. Точно неизвестно, из каких фондов черпались средства, но не исключено, что на эту цель выделяла собственные деньги Александра Фёдоровна. Сохранилось уведомление личного секретаря Царицы и заведующего Ее канцелярией графа Я.Н. Ростовцева, направленное Александре Фёдоровне, в котором говорилось: «Во исполнение высочайшего Вашего Императорского Величества повеления, последовавшего в 19 день марта 1914 г., известному Вашему Императорскому Величеству лицу переведено 75 000 рублей».

Что это было за лицо, получившее по высочайшему повелению столь внушительную сумму, достаточную для покупки имения, так и осталось невыясненным. Для сравнения заметим, что собственные расходы Императрицы за весь 1914 год составили немногим более 36 тысяч рублей, из которых более 20 тысяч рублей пошли на пособия и пожертвования. Зная природную расчетливость и экономность Царицы, можно быть вполне уверенным, что подобный расход она могла произвести лишь в экстраординарном случае, о котором можно только догадываться.

Нельзя исключить, что эти деньги предназначались для Распутина, хотя для найма квартиры и для повседневного существования его семьи размер указанной

субсидии слишком велик; годовая аренда хорошей квартиры в Петербурге в тот период не могла стоить более 10 тысяч рублей. Конечно, можно было снять и куда более дорогие апартаменты, категории люкс, которые обычно назывались «барскими», но квартира Распутина к «элитному» типу жилья явно не относилась.

Остановимся подробнее на одном из самых популярных вопросов «распутиниады»: существовал ли в действительности тот Царский «финансовый дождь», который «орошал алчные аппетиты» друга Царской Семьи, или это лишь досужие домыслы? Как только стало зарождаться «распутиноведение», в кругах столичных «распутиноведов» распространилось убеждение, что «на взятках просителей и Царских подношениях» Распутин «составил себе многомиллионное состояние». Это мнение даже не перечеркнул тот факт, что после убийства Царева друга его семья вообще ничего не получила.

После падения Монархии сказания о «Гришке-миллионере» застряли на страницах газет. Все же энергичные попытки различных «следопытов» отыскать «распутинские миллионы» или даже какие-то их следы закончились полным провалом. Нельзя же документально подтвердить то, чего не существовало в действительности.

Дочь Матрёна, близко наблюдавшая жизнь отца в Петербурге-Петрограде, по этому поводу заметила: «Целый день у отца уходил на прием разных просителей. К нему обращались очень многие с очень разнообразными просьбами: его просили о местах (службы. — А. Б.), о помиловании разных лиц, сидевших в тюрьмах. Вот главным образом с такого рода просьбами и обращались к нему. Ему разные лица давали деньги, но очень многие просили и у него. Никогда никому в денежных просьбах не отказывал. Он действительно одной рукой брал, а другой отдавал. Обращались к нему

и за духовной помощью: просили совета, жаловались на тяжелую душевную жизнь. Он давал советы, старался помочь душевно, как мог».

Распутин не просил и не получал денег у Царской Четы. Императрица была чрезвычайно щепетильной в финансовых вопросах, всегда болезненно реагировала на любые попытки приближенных добиться определенных льгот или материальных выгод. Ладанки, иконки, пояски, вышитые рубашки, платки и другие подобные мелочи и изделия домашнего рукоделия — это всё, чем Распутина одаривали в Царской Семье. Он, в свою очередь, посылал Высочайшей почитательнице освященные куличи, пасхальные яйца, иконки, но главное, чему Она всегда искренне радовалась, напутствия и пожелания, даваемые лично или отправляемые по телеграфу.

В своих показаниях, данных в казематах Петропавловской крепости в 1917 году, А.А. Вырубова затронула эту тему. «На какие средства жил Распутин, я не знаю, но приблизительно в 1910–1911 году и в последующее время Император и Императрица, когда Распутин уезжал из Петрограда, что бывало раза три в год, передавали деньги из Своих личных средств „на дорогу“, но никогда не более, чем в сумме ста рублей в один раз. От Распутина я слыхала, что его поклонники дарят ему деньги, причем таковые иногда он находит неизвестно кем положенными в карманах его пальто. По моим сведениям, после смерти Распутина никаких денег не осталось, и дочери его бедствуют. Император и Его Семья предполагали обеспечить самого Распутина, но до революции не успели сделать этого». Вырубова была совершенно права: никаких средств семье своей «старец Григорий» не оставил.

Обосновавшись в столице Империи, став объектом интереса и восхищения для «господ», Распутин не под-

даживался под стандарты жизни и принятые нормы отношений. Не изменил он и повседневные привычки. По словам дочери Матрёны, «свою личную жизнь, свои вкусы, свой уклад жизни отец несколько не изменил после приближения к Царской Семье. Он ходил в русской рубашке, русских шароварах, заправляя их в сапоги, и в поддевках. Мяса он не ел до самой смерти. Его обед состоял из одной ухи. Кроме того, он еще употреблял редиску и любил квас с огурцами и луком. Больше этих кушаний он ничего дома не ел».

О жизни в квартире на Гороховой сохранились различные свидетельства, в том числе и самые необычные. Сосед по дому, служащий Синода, вел дневник, в котором зафиксировал некоторые детали обихода одинокого человека. «Обедает „он“ на кухне со всеми домашними. Садится „он“ посредине, с одной стороны чёрненький господин, по-видимому, агент в роли „его“ секретаря, с другой стороны простая какая-то женщина, деревенская, в черном платье, с белым платочком на голове, затем какая-то сестра милосердия и девочка в коричневом коротком платье, лет 16–18, в роли прислуги-горничной. Едят суп из одной все миски деревянными ложками. „Он“ сам очень часто во время приема посетителей своих приходит на кухню, берет закуску, фрукты: апельсины, яблоки, землянику — и несет сам в комнаты. Кухня „его“, кстати сказать, как раз напротив моей кухни, так что всё прекрасно видно, по вечерам почти всегда бывает спущена штора».

Распутин не подстраивался под нормы жизни состоятельных господ. Он, несомненно, знал, что своеобразный облик, простые крестьянские манеры, необычный стиль поведения и речи — всё это то, что во многом и делает его притягательным для привыкших к роскоши и комфорту людей.

Не желая меняться, Григорий Распутин всё-таки менялся. Испытание властью и лестью трудно было выдержать. При всём своем природном уме он всё-таки оказался слишком простым, открытым и незащищенным для специфической среды, где ханжество, лицемерие, корысть, интрига — неперенные «нормы жизни».

Ему признавались в обожании, а потом эти же люди бежали к знакомым и с хохотом рассказывали, как общались с этим «пройдохой»; ему со слезами на глазах рассказывали «о муках душевных», просили совета, а затем пересказывали с массой выдуманных деталей реакцию «этого мужлана»; ему клялись в верности, с трепетным вниманием ловили его высказывания, а затем публиковали разухабистые фельетоны в газетах, где перевирали все, от начала и до конца.

В июне 1914 года на страницах популярной столичной газеты «Вечернее время» было помещено интервью с Распутиным, в котором Царев друг выплеснул наболевшее: «Неужели не о чем больше писать и говорить, как обо мне. Я никого не трогаю. Да и трогать не могу, так как не имею силы. Дался я им. Видишь, какой интересный. Каждый шаг мой обсуждают, все перевирают. Видно, кому-то очень нужно меня во что бы то ни стало таскать по свету и зубоскалить. Говорю тебе, никого не трогаю. Делаю свое маленькое дело, как умею, как понимаю. То меня хвалят, то ругают, только не хотят оставить в покое. Если что плохо делаю, рассудит Господь. Искренне говорю тебе: плохо делать не хочу. Поступаю по умению».

Так до самой смерти Распутин не мог понять и объяснить этот удушливый и бездушный столичный мир, где «молитве тяжело». Он, как и Александра Фёдоровна, видел лживость и двуличие его, но, в отличие от Им-

ператрицы, всеми силами стремившейся от этого мира отгородиться, Григорий к нему тянулся.

Ему стало нравиться быть в центре внимания, его натуре начала льстить популярность. Это искушение он не смог преодолеть, особенно в последние годы. Он начал любить застолье, стал употреблять спиртное. Хотя пил он по преимуществу мадеру, но большие дозы выпитого, столь любезно предоставляемого «искренними почитателями», не раз приводили его в состояние алкогольного веселья, когда он даже плясал русскую. Организаторы и очевидцы таких случаев потом с упоением передавали виденное, дополняя его смачными деталями по своему разумению.

Верная Муня Головина описала, как в январе 1915 года праздновался день рождения Григория Распутина в его квартире на Гороховой.

«Было много народу, много подарков. Корзины с фруктами, пироги. Я подарила красивую белую шелковую рубашку, расшитую серебряной нитью... Ему подливают вина, его подталкивают, его упрасивают, умоляют: „Ты танцуешь русский танец как никто другой, Григорий. Это колоссальное удовольствие смотреть, как ты танцуешь. На лишай нас этой большой радости. Давай!“. И, смеясь, его толкнули на середину комнаты в сопровождении русских песен...

А для меня возникло видение агонии, как будто я участвовала в таинстве жизни и смерти. Личное смирение для Григория, это выражение сосредоточенности на лице, молитвы, искажённый гримасой рот и этот злоеущий неистовый танец, как ураган! В такие моменты в моём сердце возникало огромное уважение к Григорию Ефимовичу... Среди людей, пришедших поздравить его, было несколько представителей почти официальной власти, ожидающих назначения или только что его по-

лучивших, которые считали, что не следовало его обделять своим вниманием, и рассчитывали быть среди его „друзей”. Григорий был со всеми любезен, угощал всех напитками и сам пил больше всех, но никогда не был пьян и сохранял ясность ума».

Конечно, подобное поведение невозможно было сочетать с традиционным старческим благочестием. Однако с обычных позиций особо предосудительного в том нельзя было бы усмотреть, если бы не другое его качество, которое как раз и проявлялось в состоянии «подшофе». Он иногда начинал рассказывать о Царской Семье. Собственно, с этой целью его нередко как раз и «накачивали».

Хотя документально можно подтвердить не более трех случаев подобного рода, и ничего скабрезного, вопреки распространенным мнениям, он при этом не говорил, но сам факт разглашения таких сведений трудно признать уместным. Злого умысла у Распутина не было, но это вряд ли можно поставить ему в заслугу. Недопустимые повествования на почве «приема мадеры» начались уже тогда, когда жизнь Распутина приближалась к концу.

Ранее, когда он был не застольным гостем дорогих столичных гостиных, а являлся лишь духовным авторитетом, то не позволял себе ничего подобного. Суета и мишура богатого мира тогда его не искусила. Он выступал в своем исконном образе утешителя и наставника.

Смысл распутинских наставлений касался важнейших религиозно-нравственных категорий: любви и смирения. Современному читателю, наверное, стоит пояснить, что «любовь» в данном случае являлась высокой нравственной категорией и никого касательства к плотскому воплощению не имела.

Сохранилась целая тетрадь наставлений и изречений Григория, которая принадлежала дочери Николая II

Татьяне. Приведем ряд типичных распутинских пассажей: «Любовь есть свет, и ей нет конца. Любовь — большое страдание. Она не может кушать, не может спать. Она смешана с грехом пополам. Всё-таки лучше любить. В любви человек ошибается, но зато страдает и страданием искупает свои ошибки. Если любить сильно — любимые счастливы. Им сама природа и Бог дают счастье. Надо Бога просить, чтобы Бог научил любить светлое, ясное, чтобы не мученье была любовь, а радость. Любовь чистая, любовь ясная есть солнце. Солнце греет, а любовь ласкает. Всё — в любви, любовь и пуля не возьмет».

Однако одной только любви для праведной жизни, наставлял он, недостаточно. Только тот найдет истинную дорогу к Богу, кто преодолет свою гордыню, отрешится от земной суеты и слабостей, научится спокойно воспринимать все те испытания, которые ему ниспосылаются свыше для проверки крепости веры.

Судить о распутинских представлениях можно на основании текстов его книг. Многие не знают, что от его имени издано несколько брошюр, составленных, как заметила А.А. Вырубова, примерно в тех же выражениях, которые он произносил и на своих встречах.

Существует несколько таких книжек. «Житие опытного странника» (1907), «Великие дни торжества в Киеве! Посещение Высочайшей Семьи! Ангельский привет!» (1911), «Мои мысли и размышления. Краткое описание путешествия по святым местам и вызванное им размышление по различным вопросам» (1915). Они в открытую продажу не поступали, а рассылались автором своим близким людям.

Во всех этих книжках много искреннего чувства, передаваемого неповторимым распутинским языком. Распутин знал и не сомневался, что Православие — опо-

ра России. «Я уверен, если больше веры будет, никакой варвар не подточит корень ее (Родины)».

Описание образов и ситуаций — точное и выразительное. Вот как он описал католическую Пасху, свидетелем которой был в Иерусалиме, высказав и свои суждения о русском празднике Светлого Христова Воскресения.

«Я был очевидцем и сравнивал их Пасху с нашей — у них неделей раньше она была. Что же сказать про их Пасху? У нас все, даже неправославные радуются. В лицах играет свет, и видно, что все твари веселятся. А у них в основном самом храме никакой отрады нет, точно кто умер, и нет ожидания: выходят, а видно, что нет у них в душе Пасхи, как у избранников, а будни. Какое же может быть сравнение с Пасхой Православия! Совсем это другое. Ой, мы счастливые православные! Никакую веру нельзя сравнить с православной. У других есть ловкость — даже торгуют святыней, а видно, что нет у них ни в чем отрады, вот обман, когда даже в Пасху служат, и то лица мрачные, поэтому и доказывать можно смело, что если душа не рада, то и лицо не светло — вообще мрак, — а у православных, когда зазвонят и идешь в храм, то и ногами Пасху хвалишь, даже вещи и те в очах светлеют. Я не берусь судить. А только рассуждаю и сравниваю католическую Пасху с нашей, как я видел во Святой Земле служили Пасху у греков. А премудрости глубину не берусь судить! Я чувствовал, как у нас ликуют православные, какая у нас величина счастья, и хотелось бы, чтобы нашу веру не унижали, а она без весны цветёт над праведниками, для примера указать можно на о. Иоанна Кронштадтского, и сколько у нас светил — тысяча мужей Божиих».

Может вызвать удивление, что человек, едва умеющий выводить на бумаге корявые, часто трудно читаемые слова, смог осилить сочинение книжек. Несомнен-

но, Г.Е. Распутину помогали, а в его окружении всегда были люди из числа тех, кто сам писал или занимался издательской деятельностью. Во-первых, это упоминавшиеся уже Г.П. Сазонов и А.Ф. Филиппов.

Близкими к Г.Е. Распутину являлись и еще два возможных помощника: бывший сторонник Илиодора писатель консервативного направления И.А. Родионов и богатый купец из Москвы Н.И. Решетников. Заметим попутно, что последний — сын той самой Анисьи Решетников, которая в возрасте 78 лет, как уверяли «надежные полицейские источники», «пировала с Распутиным» чуть ли не до утра в московском ресторане «Яр» в марте 1915 года.

Независимо от того, кто был редактором этих книг (иногда даже упоминают имя Александры Фёдоровны, но документальных свидетельств того не сохранилось), все основные положения формулировались самим Григорием Распутиным. Здесь он был всегда очень требовательным, и, например, когда кто-то его цитировал, он требовал буквального пересказа.

Наставление письменным словом было любимо Распутиным. Однако в ряду распутинских письменных источников основными были всё-таки не книги, а «малые формы»: записки и телеграммы. Первые — это почти всегда просьба о чем-нибудь к кому-нибудь, которые Григорий щедрой рукой раздавал ходатаям и просителям, обращавшимся во множестве к нему за помощью в своих житейских нуждах. Такому человеку вручался листок, на котором было написано что-нибудь вроде «милай сделай», «милай выслушай ево», «милай-хороший помоги ей». Этот клочок бумаги в силу удивительного положения писавшего часто срабатывал в чиновных канцеляриях.

Сошлемся опять на знатока распутинской жизни — Муню Головину. «Все истории, — вспоминала она через

многие годы, — которые о нем рассказывали, не производили вначале на Григория Распутина никакого впечатления, он продолжал свою жизнь, посещал Дворец, принимал, как и прежде, много гостей, не делал никакого различия между „хорошими” и „плохими” людьми, считал, что даже безнадежным людям можно помочь... Он любил всех несчастных, угнетённых, закоренелых грешников и давал всё то, что у него просили. Очень немногие просили духовной или моральной помощи, большинство хотело получить его защиту в социальной обыденной жизни, и он писал на скорую руку записочки с просьбой помочь тому или другому несчастному. Среди министров и важных вельмож находились люди с добрым сердцем, которые принимали с улыбкой эти неразборчивые записочки и пытались выполнить указанные в них просьбы, но находились и другие люди, которые не могли вынести такого оскорбления и приходили в бешенство!».

Слухи о влиянии Распутина прокладывали дорогу его действительному влиянию без всякого «Высочайшего» вмешательства. Клочки бумаги с распутинскими каракулями порой позволяли просителю попасть на самый верх сановного мира, туда, куда без подобной рекомендации проникнуть было бы невозможно. Эти удивительные «рекомендации» во множестве сохранились в бумагах ряда государственных деятелей.

Среди документов премьера и неодиократного министра И.Л. Горемыкина, например, находятся такие собственноручные распутинские обращения, два из которых приведем с сохранением орфографии и стиля: «Дорогой божей старче выслушай их ежели возможно извиняюсь григорий»; «дорогой старче божей выслушай ево он пус твому совет и мудрости поклонитца роспутин».

Возникает вопрос, кому и зачем помогал Г.Е. Распутин. Как уже упоминалось, оказывал содействие он

многим. Его квартира на Гороховой превратилась постепенно в своего рода «департамент ходатайств». Человека, близкого к Царю, просили «замолвить словечко» и помочь в разных случаях. В отдельные дни он принимал у себя на дому по несколько сотен просителей.

Эта деятельность, о которой было так широко известно не в последнюю очередь благодаря распутинским запискам, вызывала общественное негодование. Как он смеет вмешиваться в государственные дела?! Это возмутительно и недопустимо! Подобные стенания часто можно встретить на страницах различных мемуаров и других свидетельств того времени.

На допросах в ЧСК А.А. Вырубова заметила, что к ней «все лезли со всякими вопросами» и что у неё «вечно не было покоя от них». При этом она часто просителей не только лично не знала, но раньше даже и не слышала о них. Все они стремились разжалобить сердце Царской подруги и добиться удовлетворения разных своих надобностей. То же самое, но в еще большей степени происходило и с Г.Е. Распутиным. Для некоторых он стал последней надеждой, а для других — желанным шансом.

У Распутина имелись свои приближенные. В 1917 году ЧСК провела скрупулезное исследование, кто же конкретно входил в распутинское окружение. Потребности революционного времени требовали выяснить и назвать всех поименно. Была произведена своеобразная регистрация «распутинцев», принималось в расчет участие в воскресных посиделках-собеседованиях у него на Гороховой, визиты в дом самого Распутина, переписка с ним и т.п. Однако в этом расследовании никаких сенсационных открытий не сделано. Мало того, оказалось, что число «распутинцев» невелико: всего 68 человек.

Основную часть их составляли женщины, о которых невесть что говорили! Приняв безоговорочно все разговоры о любвеобильности Григория Распутина за правду, общественное мнение было почти единодушно: в его квартире на Гороховой собирались ненормальные, сексуально неудовлетворенные и психически неуравновешенные женщины, предававшиеся там, как считали многие, невероятному, «просто разнузданному разврату». Говорили, что он гипнотизировал сознание разговорами о любви, а затем «овладевал» очередной жертвой, которая уже не могла освободиться от его чар и оставалась преданной ему до конца. Так или примерно так рассуждали многие, от кухарок в богатых домах до собеседников в профессорских кабинетах.

Необходимо подчеркнуть, что многие дамы петербургского света из числа тех, кто посещал квартиру на Гороховой или принимал его у себя, никогда не забывали об огромной социальной дистанции, отделявшей их от «старца Григория». Они встречались с ним, слушали его приятные душевные беседы о любви и смирении, но не забывали, что перед ними сидит простой мужик, который тем не менее близок к Царю, вхож в его Семью. При случае они были не прочь использовать это в своих сугубо земных, сиюминутных и суетных интересах. Затронем здесь одну примечательную в этом смысле историю.

В числе самых именитых «распутинок» часто фигурировало имя высоконоставленной дамы — жены дяди Царя Великого князя Павла Александровича Ольги Валерьяновны, до 1915 года носившей титул графини Гогенфельзен, а затем ставшей княгиней Палей. Об этой авантажной даме стоит поговорить особо.

Ольга Валерьяновна, урожденная Карнович (1865–1929), дочь петербургского чиновника, выросла в скром-

ности, юность провела в неизвестности. В зрелые же лета, когда стала «женщиной бальзаковского возраста», общалась с самыми родовитыми и именитыми, невероятного общественного благополучия, украшала себя Царскими драгоценностями.

Простая дворянская барышня превратилась в уважаемую персону высшего света, в одну из первых грандам Империи. От баварского короля в 1904 году она получила титул графини Гогенфельзен, от русского Царя в 1915 году — титул княгини Палей. Ольга Карнович добилась практически невозможного — стала близкой родственницей Венценосцев, тётёй Последнего Императора Николая II.

В своем роскошном дворце в Царском Селе графиня-княгиня принимала князей и графов, принцев и принцесс, послов и министров, самых модных музыкантов и художников. Она не была великосветской куртизанкой, державшей «модный салон». Хотя за ее спиной шушукались, называли парвеню, хищницей, но возможностью позавтракать или пообедать с «уважаемой Ольгой Валерьяновной» редко кто пренебрегал.

Ольга Карнович вышла замуж в девятнадцать лет за гвардейского офицера Эрика Пистолькорса (1853–1935) и родила от него троих детей: сына Александра (1885–1943) и дочерей Ольгу (1888–1963) и Марианну (1890–1976). Брак этот долго считался удачным, а Ольга Пистолькорс входила в число уважаемых «полковых дам». Женщина умная, обаятельная, умевшая располагать к себе, она быстро сблизилась с другими женами гвардейских офицеров и даже стала пользоваться покровительством супруги командира гвардии Великого князя Владимира Александровича (1847–1909) и Великой княгини Марии Павловны, урожденной принцессы Мекленбург-Шверинской (1854–1920).

Младшего сына Императора Александра II Великого князя Павла Александровича встретила, когда тот пребывал в глубокой депрессии после смерти в 1891 году супруги — Великой княгини Александры Георгиевны (1870—1891). Великий князь, ставший вдовцом в 31 год, погрузился в меланхолию. Так продолжалось почти два года, пока он не ощутил, что появилась «женская душа», которая его по-настоящему любит. В доме Пистолькорсов в Петербурге, а летом на их даче в Красном Селе собирался цвет дворянских фамилий из числа офицеров гвардии. Были там и представители Династии, в том числе и Цесаревич Николай. Великий князь Константин Константинович записал в дневнике 8 июня 1893 года:

«В 7 часов мы с Ники поехали обедать в Красное, к жене конногвардейца Пистолькорс, так называемой маме Лёле. Там был Павел, мадам Трепова, новый командир конвоя Мейендорф и его жена. С Ольгой Валерьяновной и Ники, и я не раз танцевали зимой; вот она и вздумала нас пригласить. Получив от нее записки с приглашениями, мы было смутились; Ники написал Павлу, как быть. Павел просил приехать, говоря, что будет очень весело. И действительно, скучно не было. Шампанское снова лилось в изобилии, и мой Цесаревич опять кутнул. Но выпить Он может очень много и остается всегда трезв. Вернулись с ним в лагерь в 12-м часу ночи».

«Мама Лёля» была очаровательной хозяйкой. Она умела для каждого найти нужное слово, не оставляла без внимания никого. Пела арии из опер, неплохо играла на фортепиано, была в курсе последних литературных новинок. Ее чары пленили Великого князя Павла. В свете же были уверены, что оборотистая дамочка просто «окрутила» высокородного вдовца. «Маму Лёлю» это нисколько не смущало. Она любила, умела и хотела завоевывать сердца мужчин. Это было самое важное.

В августе 1893 года она отправила Павлу Александровичу поэтическое послание, наполненное страстными признаниями.

Я не могу забыть то чудное мгновенье!
Теперь ты для меня и радость, и покой!
В тебе мои мечты, надежды, вдохновенье,
Отныне жизнь моя наполнена тобой.
В тебе еще, мой друг, сильно воспоминание,
Ты прошлое свое не можешь позабыть,
Но на устах твоих горит уже признанье,
И сердцу твоему вновь хочется любить!
И я люблю тебя! Я так тебя согрею!
В объятиях моих ты снова оживешь.
Ты сжалишься тогда над нежностью моею
И больше, может быть, меня не оттолкнешь!

Сын Императора Александра II трепетал, как юнец, но долго колебался. Он поклялся на могиле жены, что никогда не свяжет себя с другой женщиной. Но прошло время, и новые чувства в душе начали зарождаться. Его тянуло к Ольге, она становилась для него близкой и дорогой. Участливая, внимательная, окружила таким теплом и заботой, что невозможно было тем пренебречь. В ее объятиях он действительно «ожил».

Однако Ольга Валерьяновна была замужем. Ее супруг — гвардейский офицер, и долг чести не позволял вступать в связь с женой гвардейского товарища. Хотя Лёля уверяла, что у них с Эриком «всё кончено», что они фактически перестали быть супругами, Павел Александрович долго колебался. Лишь когда сам убедился, что Пистолькорс по отношению к ней держится вполне индифферентно, тогда позволил произнести признание, «горевшее на устах».

Они стали любовниками. В декабре 1896 года Ольга Пистолькорс родила от Великого князя сына, которого назвали Владимиром (1895–1918). У Николая II появился первый незаконнорожденный двоюродный брат...

Со временем Царский «дядя Павел» и замужняя «мама Лёля», презрев светские условности, стали появляться вместе на людях. На приемах и балах она демонстрировала сногшибательные драгоценности, и знатоки узнали некоторые из особо вызывающих: это были украшения Императрицы Марии Александровны, которые после ее смерти в 1880 году унаследовал ее младший сын Павел. Всё это служило темой бесконечных пересудов, но внешне не вызывало нареканий, так как «романтические отношения» сами по себе были в порядке вещей; надо было лишь только блюсти матриониальные каноны.

Положение изменилось, когда влюбленные решили узаконить свои отношения. Павел добился от Племянника-Царя разрешения на развод для Пистолькорс, пообещав, что никогда не позволит себе «пойти дальше полагающегося». Осенью 1901 года «мама Лёля» стала свободной, а через год в Италии сын Царя тайно обвенчался с разведенной матерью троих детей.

Разразился скандал. Больше всех возмущался Государь Николай II. Он поверил дяде, пошел ему навстречу, а тот обманул Его, бросил вызов традиции и закону. 20 октября 1902 года Царь писал из Ливадии матери — Императрице Марии Фёдоровне о событии, которое его «нравственно расстроило»:

«Я узнал об этом от Плеве¹ из Петербурга, а ему сообщила мать мадам Пистолькорс. Несмотря на источник такого известия, Я желал проверить его и теле-

¹ Вячеслав Константинович Плеве (1846–1904), министр внутренних дел в 1902–1904 годах.

графировал дяде Павлу. На другой день Я получил от него ответ, что свадьба свершилась в начале сентября в греческой церкви Ливорно и что он пишет мне. Через десять дней это письмо пришло. Вероятно, как и в письмах к тебе, он нового ничего не сообщает, а только повторяет свои доводы...

В день отъезда своего за границу дядя Павел приказал ему дать в вагон 3 миллиона рублей из своей конторы, что и было исполнено. Из этого вполне видно, что дядя Павел заранее решил провести свое желание в исполнение и всё приготовил, чтобы остаться надолго за границей. Еще весною я имел с ним крупный разговор, кончившийся тем, что его предупредил о всех последствиях, которые его ожидают, если он женится. К всеобщему огорчению, ничего не помогло... Как это все больно и тяжело и как совестно перед всем светом за наше семейство!».

Вскоре последовало Царское наказание: Павел Александрович был лишен офицерских званий, отчислен со службы, ему был воспрещен въезд в Россию, а над его двумя детьми была учреждена опека во главе с самим Царем. Более десяти лет Павел со своей мorganатической женой жил за границей. Под Парижем, в местечке Булонь-сюр-Сен, они купили поместье, где и вели светскую жизнь богатых рантье, ожидая Царского прощения. Трудно сказать, сколько бы продолжалось это ожидание, если бы в феврале 1905 года не случилось печальное событие. Бомбой террориста 4 февраля был убит брат Павла Великий князь Сергей Александрович. Великокняжескому изгоя было разрешено прибыть на похороны. После погребения он встретился со своим Племянником-Царем и услышал от того, что он «больше на него не сердится».

Великий князь и его новотитулованная супруга (к этому времени она получила в Германии титул графи-

ни Гогенфельзен) ликовали, надеясь теперь вернуться в Россию. Павел решил, что опала миновала, и даже обратился к Царю с просьбой «узаконить брак», чтобы «положение его детей не было фальшивым». К этому времени помимо сына Владимира у них родилась дочь Ирина (1903–1990). В ноябре 1905 года появилась дочь Наталья (1905–1981).

Однако вскоре после похорон Великого князя Сергея в Париж пришло известие, что Павлу запрещено вместе с женой появляться на публике. Объясняя мотивы своего решения, Император писал Павлу Александровичу: «Во всяком случае, за Мною остается право решения вопроса о времени, когда тебе будет разрешено приехать сюда с женою. Ты должен терпеливо ожидать, не забегая вперед. Позволив тебе приезжать в Россию от времени к времени, Я желал этим дать утешение твоим детям видеться с тобою. Они потеряли в дяде Сергее в сущности второго отца. Не забудь, что ты покинул их для личного своего счастья».

Великий князь воспринял это как оскорбление и отказался появляться в России без жены. Он просил своих братьев Владимира и Алексея оказать содействие и добиться от Царя угодного решения — признать брак. Царь оставался непреклонным. Своему дяде Великому князю Алексею Александровичу разъяснил мотивы своего отказа.

«Я смотрю на этот брак, как на поступок человека, который желал показать всем, что любимая им женщина есть его жена, а не любовница. Желая дать новое имя сыну ее Пистолькорсу, он этим самым поднимает восьмилетнее прошлое, что в особенности неудобно по отношению к его детям от покойной Аликс. Они в таком возрасте, что скоро могут понять, какого рода отношения существовали между их отцом и его женою. Не думаю, чтобы это способствовало сближению их с ним.

Репутация жены, восстановленная законным браком, опять поколеблется благодаря подчеркиванию прошедшего. Наконец, совершенно естественно ребенку оставаться при матери и продолжать носить фамилию первого мужа. Вот те причины, которые заставляют Меня не соглашаться на просьбу дяди Павла».

Шли годы, а в настроении Монарха ничего не менялось. В 1908 году возникла щекотливая ситуация. Дочь Павла Великая княжна Мария Павловна в апреле того года выходила замуж за сына шведского короля Густава V Карла-Вильгельма-Людвига герцога Зюдерманландского. Первоначально отец категорически отказался появляться на свадьбе без жены, но затем всё-таки приехал и был лишь на акте венчания. Остальные праздничные церемонии он проигнорировал¹.

Лишь через десять лет после заключения брака Павлу было разрешено вернуться в Россию. Он был восстановлен на службе. Ему были возвращены звания. В 1914 году Павел и Ольга Валерьяновна построили в Царском Селе огромный дворец, обставленный изысканной мебелью в стиле Людовика XV, украшенный дорогими французскими гобеленами и картинами. В мае 1914 года великокняжеская чета там и разместилась. Хозяйка стала здесь устраивать светские приемы.

Однако полного удовлетворения «у мадам» все-таки не было. Она хотела получить княжеский титул, стать «светлостью» и превратиться в полноправного члена Императорской Фамилии, войти в круг избранных, окружавших Императора. Неумное честолюбие не давало Ольге Валерьяновне покоя. Она жаждала добиться приема во дворец, что означало бы окончательное признание.

¹ Брак Марии Павловны (младшей) не был счастливым. Родив в 1909 году сына Леннарта, она в 1913 году бросила мужа, а через год развелась.

Однако Императрица Александра Фёдоровна не желала видеть новоявленную родственницу, считая ее одной из главных возмутительниц спокойствия в среде Романовых, женщиной, «окрутившей бедного Павла».

Для графини отказ от аудиенции был настоящей драмой. Она была безутешна. Что же делать? Как вымолить признание? Однако неожиданно удача оказалась совсем рядом! Сестра графини, Любовь Валерьяновна Головина (1853–1938), и ее дочь Мария Евгеньевна (Муня, 1887–1972) являлись преданными поклонницами старца Григория Распутина, принадлежали к числу самых близких ему людей. Они-то и предложили «Лёле» свести ее с этим человеком, для которого «открыты душа Царя и Царицы» и который «может совершать невозможное».

Графиня Гогенфельзен, пойдя на эту встречу, рисковала своей репутацией. Но другого выхода Ольга Валерьяновна не видела. Ее любимым девизом было: «Женщины возражений и поражений не признают!». Это и было «жизненное кредо», которым она руководствовалась всю жизнь. Графиня, человек решительный, не боялась сплетен: за свою жизнь она к ним привыкла. В конце января 1914 года состоялась знаменательная встреча, которую она описала в дневнике.

«Утром пришел Беби (сын Александр. — А. Б.) и мы должны были идти гулять, но по телефону Муни должны были сейчас пойти к Григорию Ефимовичу. Впечатление странное, но чарующее. Он меня целовал, прижимал к сердцу, „тяжко полюбил“ и обещал, что всё делает „у мамы“ (Императрицы), хотя „она строптивая“».

Графиня воспряла духом, но вскоре «чарующее впечатление» было омрачено «дурной и тяжелой сценой», или, проще говоря, скандалом, который ей устроил Великий князь Павел Александрович, узнав об этом зна-

комстве. Он наотрез отказался встречаться с Григорием, о чем тот просил, «чтобы все окончательно устроить». Об отношении Великого князя Павла к Распутину рассказала в своих записках племянница княгини Палей Муны Головина.

Великий князь «всегда был жизнерадостен, обходителен, очарователен, но как только разговор касался Григория Ефимовича, он становился нервным. Его хорошее настроение исчезало, он смущался, появлялось беспокойство, и чаще всего он покидал помещение. Его поведение меня удивляло, я не могла себе этого объяснить. Такой хороший человек, такой прямолинейный, почему он не хотел обсудить то, что было положительного в Григории, и то, что было недоступно его пониманию и казалось плохим? Он отказывался поддерживать любой разговор о Распутине и делал вид, что он совершенно ему не интересен!».

Холодный индифферентизм мужа никоим образом не повлиял на устремление жены быть принятой Венценосцами при помощи этого загадочного крестьянина. Сестра Люба и ее дочь Муня продолжали уверять супругу Павла: «отец Григорий» обязательно поможет, тем более что к графине у него возникла большая симпатия. Невзирая на настроения мужа, графиня втайне от него через несколько дней после первой встречи опять виделась с Распутиным. Произошло это накануне его поездки в Царское Село, где он обещал «просить там за нее».

На следующий день после долгожданного визита, 3 февраля 1914 года, в девять часов утра — небывало раннее время для аристократки, она примчалась к Распутину, чтобы узнать подробности. Известия были обезкураживающими: «Он с грустным и ласковым видом мне сообщил, что ничего не добился! В глазах Императрицы я все та же интриганка, желающая играть роль

и одурачивающая даже его, Григория Ефимовича! Он говорил с 8 до 12 часов и что слова его и Ани (Вырубовой. — А. Б.) сильно продвинули дело».

Хотя надежда оставалась, но она куда-то отодвигалась. Пока же по существу ничего не менялось. Еще через неделю она увиделась с Распутиным в доме своей сестры, и эта встреча вообще произвела на нее гнетущее впечатление. «Григорий Ефимович заперся со мною в Любиной спальне, и я ничего не понимаю. Говорил, что любит меня так, что ни о чем другом думать не может, целовал меня, обнимал, и мой глаз не мог не заметить его волнение. Взял у меня по секрету 200 рублей! Господи, что это за люди!».

Потрясение графини можно понять. «Какой-то мужик» ее обнимает, целует, объясняется в любви, а затем берет деньги! Господи, неужели все эти унижения не будут вознаграждены? Вскоре она вместе с мужем отправилась на два месяца в Париж, где отдыхала от переживаний на родине. Когда в мае они вернулись в Петербург, мечты графини стали осуществляться. Однако определяющую роль Распутин тут не сыграл. За Павла и его жену просили их родственники и некоторые влиятельные сановники, в числе которых были Великие князья Дмитрий Павлович, Кирилл Владимирович и министр юстиции И.Г. Щегловитов (1861–1918).

Первой ее приняла Вдовствующая Императрица, а затем, 5 июня 1914 года — Александра Фёдоровна, которая, по наблюдению графини, «сначала волновалась и дышала тяжело, потом оправилась, и мы говорили обо всем».

После этого интерес графини к «отцу-утешителю» сильно поубавился, и, проведя с ним вечер у сестры, она записала: «Ничего он из себя не представляет». И хотя время от времени она продолжала встречаться с Григорием, но уже ни о каком «чарующем впечатлении» речи больше не было.

В 1915 году Ольга Валерьяновна получила титул княгини Палей. Двадцатилетняя борьба не прошла даром. К своим пятидесяти годам она добилась того, чего так давно и так страстно желала. Однако долго наслаждаться своим полным счастьем ей не пришлось; наступила революция, и весь уклад жизни пошёл под откос. Сына Владимира и обожаемого супруга Павла Александровича расстреляли большевики. Графиня доживала свои дни в эмиграции в Париже¹...

Искренних и надежных последовательниц у Распутина было сравнительно мало. Среди них одной из самых надежных, если не считать самой верной, была упоминавшаяся племянница княгини Палей, дочь камергера Мария Евгеньевна Головина, которую Распутин всегда называл Муней.

В течение последних лет жизни сибирского проповедника она виделась с ним очень часто, всегда с интересом и трепетом внимая его размышлениям и наставлениям.

Эта девушка (родилась в 1887 году) была по натуре очень верующей и добродетельной, много и постоянно помогавшей другим, а в годы мировой войны работала медсестрой в госпитале. Ее желание помочь, угодить, услужить было хорошо известно, и эти ее качества ценила в ней Императрица. В 1917 году следователь ЧСК записал, что Мария Головина в 1910 году «потеряла человека, которым увлеклась, и вследствие этого заболела каким-то нервным расстройством».

¹ В Париже княгиня написала мемуары, где ни полусловом не обмолвилась о своих встречах с Распутиным. Мало того, она гневно осуждала «распутинцев», как будто забыв, что к их числу относился ее сын Александр, сестра Любовь и племянница Мария. По ее словам, после убийства Григория «распутинки в бешенстве рвали на себе волосы». Кого княгиня Палей имела в виду, так и осталось неясным.

Можно лишь с уверенностью констатировать, что она много лет безответно любила старшего брата князя Феликса Юсупова Николая, погибшего на дуэли в 1908 году. Она поддерживала «сердечные отношения» и с братом погибшего Феликсом. Именно Муня познакомила Распутина с князем Юсуповым, ставшим впоследствии его убийцей. «Я испытывала большую привязанность к Феликсу, — писала Мария Головина уже во Франции, — зная, что смерть брата была для него очень тяжелым ударом, я хотела, чтобы он стал, как и я, другом Григория Распутина...»

Молодая Головина, несомненно, была человеком, потерявшим опору в жизни и пытавшимся обрести ее «в отце Григории». Сохранилось примечательное письмо, отправленное Муней в начале июля 1914 года своей тетке графине Гогенфельзен вскоре после покушения на Распутина, в котором она объясняет свое видение этого человека. Подобных признаний сторонников Распутина сохранилось чрезвычайно мало, что придает документу особое значение.

«Дорогая Мама-Леля! Я была взволнована и напугана ужасным случаем с дорогим Григорием Ефимовичем! Благодарю Вас, дорогая Мама-Леля, за Ваше участие в нашем страшном беспокойстве за его жизнь. Эта жизнь так дорога для всех, кто его знает и понимает, что страх лишиться ее не может сравниться ни с чем. Это не только мое к нему чувство, это сознание, что среди нас живет такой человек, который добровольно взял на себя все наши тяжести и несет за них ответственность перед Богом, отдавая Ему всего себя, получая взамен от Бога все те богатые духовные дары, которыми он нас же питает, а от людей, ради которых он приносит себя постоянно в жертву — одни насмешки, одно непонимание, одна холодность, неблагодарность и злоба! За

его безграничную любовь и жалость к людям ему платят подозрением в самых низких чувствах, которые для него — служителя и избранника Божьего — давно не существуют! Клевета его всегда преследовала и будет преследовать, потому, что в этом его подвиг и потому что истинных Божьих подвижников всегда презирали, гнали, судили и осуждали!»

Взгляд Муни на Григория Распутина очень близок, почти идентичен восприятию его Императрицей, которая судила о нем часто буквально в тех же выражениях. Эта уверенность не поддавалась никакой девальвации.

Глава XII. Полицейский микроскоп с фальшивыми линзами

Летом 1914 года имя Распутина вырвалось на первые полосы газет. Повод был неординарный: на друга Царской Семьи было совершено покушение. Случилось событие 29 июня в селе Покровском. По описанию товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского, дело выглядело следующим образом.

«Распутин вышел из дому, направляясь в сопровождении сына в почтово-телеграфную контору. В это время какая-то женщина подошла к нему и попросила у него милостыню. Не успел Распутин ответить, как она, выхватив из-под платка большой тесак, ударила им его в живот, отчего Распутин упал, обливаясь кровью».

Сохранился и рассказ самого пострадавшего, которого уже в больнице опрашивал следователь, ведший дело о покушении на убийство.

«Вчера после обеда, часа в 4 дня, я побежал дать телеграмму и вышел из ворот своего дома на улицу; вижу, ко мне от правой калитки наших ворот подошла незнакомая мне женщина с завязанным ртом и лицом так, что видны были одни лишь глаза. Как ее звали, не знаю, с поклоном. Я приготовился дать ей милостыню и вынул из кармана портмоне. В этот момент у нее блеснул в руках предъявляемый мне кинжал, и она им меня

один раз ткнула в живот около пупка, и я почувствовал, что из меня полилась кровь, сделала она это молча, а раньше как бы просила у меня милостыню. Я ее принял за просительницу. Я бросился от нее бежать по улице к нашей церкви, поддерживая обеими руками рану на животе. За мной и побежала эта женщина с кинжалом, и мы добежали до моста Дорофеевых. Собрался народ, и меня не стала резать эта женщина».

Полиция арестовала злоумышленницу, а местный исправник провел проверку жителей Покровского на предмет наличия подозрительных элементов. И один такой «элемент» обнаружился: корреспондент из Петербурга, по происхождению мещанин Киевской губернии, Вениамин Борисович Дувидзон (псевдоним «Паганини»), у «коего установленного вида на жительство не оказалось». Причину своего пребывания в Покровском он внятно объяснить не мог, но и его причастность к покушению не просматривалась. Корреспондента отпустили.

Злоумышленницей оказалась тридцатитрехлетняя крестьянка Сызранского уезда Симбирской губернии Хиония Гусева, почитательница Илиодора. На первом же допросе она сразу признала свою вину и объяснила причину. По мнению этой больной сифилисом несчастной, Распутин, как она убедилась из наставлений «кроткого Илиодора», на самом деле «лжепророк, и она, ревнуя о правде Христовой, решила его убить, подобно тому как святой Илья Пророк ножом убил 400 лжепророков». Неофитка Илиодора утверждала, что соучастников у нее не было, «убийство задумала она одна».

Вопрос о том, сама ли Гусева подняла нож или кто-то ее всё-таки направлял, возник сразу же. Никаких прямых указаний на заговор не имелось, но существовали некоторые удивительные странности. Главный вопрос: как оказался и что делал упомянутый Дувидзон в

Покровском? Ждал события? Получалось, что дело обстояло именно так. Он первый сообщил в Петербург о покушении, а через два дня в газете «Петербургский курьер» за его подписью появляется интервью с Гусевой. Ясно, что этот обширный первоочередной материал был переправлен в столицу по телеграфу и, можно себе представить, в какую «копеечку» он обошелся редакции. Но на сенсациях не экономят.

Шедевр Дувидзона под названием «Исповедь Гусевой» перепечатали и другие издания с желтой окраской и либеральной ориентацией. Сюжет просто «хватал за душу» и «рвал сердце» своей проникновенной страстностью. Поклонница Илиодора и последовательница Ильи Пророка, «истерически рыдая», поносила Распутина на всю страну.

«Пользуясь полной безнаказанностью, он открыто живет с девушками, пороча честь без зазрения совести, без стыда. Мою близкую подругу Ксению он растлил на моих глазах. Он порочит, поносит и губит людей, пользуясь своим влиянием. Он сгубил кроткого Илиодора! Я — простая христианка, но больше не могла выносить поругания церкви! Я неизлечимо больна. Жизнь моя мне не дорога. Я еще в прошлом году пыталась убить его, но это мне не удалось. В Ялте я не могла добраться до него, его скрывали светские поклонницы. Жалею, что рука и на сей раз дрогнула».

Уловили лейтмотив, стержневой во всей этой тираде? Именно «безнаказанность» и «влияние» должны были здесь сыграть главную роль. Любому читателю было в то время ясно, что подобный «мерзавец» мог творить свои черные дела лишь под надежным прикрытием сильных мира сего. А кто же в тот период из кругов «просвещенной публики» не знал, кто стоял, кто покрывал, кто защищал «растлителя» и «богохульни-

ка»? Знали все и даже вопроса не задавали. Как написала позже княгиня О.В. Палей в мемуарах, «Государей не ругал только ленивый».

В «хорошем обществе» возмущались не столько даже поведением самого Распутина, сколько высокопоставленными покровителями. В контексте такого мировосприятия Гусева представляла не психопаткой-уголовницей, а «несчастной жертвой режима». Черный пиар приносил свои ядовитые плоды. И когда одним из первых решений Временного правительства стало распоряжение А.Ф. Керенского об освобождении Гусевой из сумасшедшего дома, то удивляться уже не приходилось.

Однако вернемся к тексту «интервью», которое было так оперативно добыто Дувидзоном. Пиар-продукт, вообще, а данный продукт в частности рассчитан на то, чтобы его потребляли, не задумываясь, как знакомое и понятное кушанье. Он нацелен лишь на подтверждение и укрепление определенного мировоззренческого стереотипа. Любое критическое осмысление для него смерти подобно; глупость и фальшь высвечиваются сразу же. То же самое происходит и в данном случае.

Ни одна газета не задалась, казалось бы, таким уместным и логичным вопросом: насколько вопли «рыдающей» правдивы? Когда речь идет о бульварной прессе, для которой «горячая информация», «сенсация» — главные источники существования и доходности, то здесь не о чем и говорить.

Однако ложь «оскорбленной христианки» без смущения публиковали и «гранды» отечественной печати, претендовавшие на респектабельность, исповедовавшие «либеральные ценности». Скажем, газета «Утро России», издаваемая на деньги крупных предпринимателей «прогрессивного направления» во главе с извест-

ным промышленным и банковским дельцом Павлом Павловичем Рябушинским, «скушала» подделку Дувидзона без всяких сомнений.

«Прогрессивные капиталисты», как еще раньше и звезды политического олимпа в лице таких деятелей, как Гучков и Родзянко, потеряли способность адекватно воспринимать окружающий мир. Если Александра Фёдоровна ничему не верила из того, что хоть как-то чернило ее духовного друга, то многие другие верили всему.

Если вернуться к вышеозначенному «интервью», то его текст вызывает недоумение. Сама Гусева, как можно заключить из приводимых слов, с Распутиным лично знакома не была. А как же «растление на глазах»? Что же делала в тот момент «зрительница», эта «жертва режима»; она что, акафисты читала или свечки у образов зажигала? Глупость, да и только. «Дело Ксении» в предыдущих главах уже было разобрано, и не будем к нему возвращаться.

Примечателен во всем этот эпизод не бред несчастной сифилитички, а совсем другое. Никакого интервью после ареста у Гусевой никто не брал, да и вообще никого из посторонних к ней не допускали. Это со всей категоричностью было заявлено чинами полиции сразу же после появления в печати «исповеди».

Значит, одно из двух: или Дувидзон выдумал всё от начала и до конца, или он «взял интервью» еще до покушения. В первом случае подозрение в соучастии кажется малоубедительным. Если же дело развивалось по второму варианту, то тогда журналист не просто «случайный очевидец», а соучастник готовившегося преступления. Согласно правовым нормам, действовавшим в России, знание преступного умысла и недонесение о готовящемся преступлении — уголовно наказуемое де-

яние. Однако «Паганини» не только не был привлечен к делу ни в каком качестве, но у журналиста не взяли даже показания о причине его местонахождения в момент покушения в столь неожиданном месте. К подобной странной «оплошности» местной полиции вернемся чуть позже.

Пока же обратим внимание на другое. Вскоре после покушения Распутину в Покровское из Петербурга пришло послание без подписи, гласившее: «Я вышел победителем из этой борьбы, а не ты, Григорий, — писал аноним, опровергая старое утверждение Распутина, что „его охраняет Бог“, который отведёт от него любую злую руку. — Твой гипноз рассеялся, как дым под лучами солнца. Говорю тебе, что ты умрешь, несмотря ни на что. Я — твой мститель. Узник». Это послание было тут же передано полиции, при этом Распутин заявил, что оно принадлежит Илиодору, «почерк которого я немного знаю». Распутин не ошибся, на самом деле так оно и было.

В русле прерванного изложения примечательно не само это «демоническое послание», а один сопутствующий момент. О его содержании знали не только Распутин и чины полиции, приобщившие данный документ к делу о покушении. Знал и вездесущий Дувидзон, упомянувший о нем в своих «горячих репортажах». Невольно напрашивается вывод, что журналист — «соучастник покушения».

Конечно, сам по себе репортер, невзирая на его нахрапистость и оборотистость, являлся слишком «мелкой сошкой», чтобы спланировать и осуществить столь громкую акцию. Если за этим стояла какая-то организация, то во главе ее находились куда более масштабные фигуры. Однако никаких документальных подтверждений версии о наличии подобной организации не обнаружено.

Более правдоподобным кажется предположение о существовании сговора ряда лиц, в числе коих Гусевой отводилась лишь роль пешки-исполнительницы. Не приходится сомневаться в том, что Илиодор принимал здесь живейшее участие. Кто-то и в Петербурге был к этому делу приставлен, так как послание «узника» было отправлено из столицы, где Илиодор в тот момент не находился.

Более точные и подробные данные вряд ли когда-нибудь обнаружатся. Но существует одна деталь, которая позволяет предполагать наличие у этой постановки тайных и могущественных режиссеров. Как было отмечено, Дувидзона при задержании в Покровском даже не опросили и очень скоро отпустили. Обоснование освобождения: поступивший приказ из Петербурга. Кто конкретно его отдавал, что в нём значилось, о том следов в архивных делах нет.

Почему вообще задержание в далекой Сибири некоего лица, находившегося там без регистрации, то есть совершившего административное правонарушение, вызвало такую молниеносную реакцию высокопоставленных инстанций в столице Империи? Вряд ли выяснится когда-нибудь вся подноготная этого тёмного дела. Однако некоторые предположения, обусловленные косвенными документами и знанием общих социальных условий, сделать можно.

В то время когда Гусева бегала по Покровскому с ножом за Распутиным, все сколько-нибудь важные дела охраны порядка и полицейского дознания прямо или косвенно были подконтрольны товарищу министра внутренних дел генералу В.Ф. Джунковскому. О нём речь подробно шла ранее, и повторяться нет смысла. Обратимся к его воспоминаниям, где, как уже отмечалось, он подробно, с живописными деталями излагал историю «разгула» Распутина в ресторане «Яр» и «дебош» на пароходе.

Случай с покушением Гусевой он описывает необычно кратко. Изложив его очень приблизительно, в нескольких строках, заявляет, что «дело это пустяшное». О том же, что расследование «пустяшного случая» происходило под наблюдением министра юстиции, что несколько месяцев проводились дознания, о наличии послания Илиодора и ряде других обстоятельств дела он вообще не упомянул.

Примечательно, что министр внутренних дел Н.А. Маклаков отдал своему заместителю Джунковскому письменное распоряжение в связи с этим покушением «истребовать с места подробные сведения об этом деле, взять расследование под ближайшее наблюдение». И как же выполнил этот приказ подчинённый? Никак. В своих воспоминаниях, комментируя этот эпизод, генерал мелаихолично заметил, что «подробные сведения о деле мне запрашивать не пришлось, я уже их имел, да и все газеты были полны ими, под ближайшее наблюдение взять расследование тоже не пришлось, так как оно пошло судебным порядком».

Этот пассаж выдает двурушничество Джунковского с головой. Распоряжение министра было датировано 30 июня, покушение состоялось 29 июня, а уже в день получения письма министра генерал подробные сведения «уже имел». От кого? Каким образом? Местные полицейские власти в Тюмени их еще не имели, а командир жандармов в Петербурге их «уже имел». Чудо да и только!

Совершенно абсурдным выглядит и ссылка на сообщения газет о событии, которые почему-то отменили необходимость специального полицейского дознания. Неужели генерал не знал, что подобные вещи не являются взаимозаменяемыми? Конечно, он всё знал, и всё понимал, но, очевидно, надеялся на невежество читате-

лей, которым и адресовал столь примитивные объяснения. Уж лучше бы ничего не писал...

Ни разу не появилось на страницах воспоминаний Джунковского и имя Дувидзона. В других случаях имена кучеров, проституток и официантов называл, а тут промолчал. Не знал? Сомнительно. Во-первых, фамилия этого репортера часто мелькала на страницах столичных газет, а во-вторых, всё, что касалось Распутина, генерал Джунковский никогда не пропускал мимо своего внимания. А тут взял и пропустил. Конечно, исходя из этого умолчания, нельзя выводить «факт соучастия», но такая избирательность при описании событий у Джунковского невольно рождает по крайней мере удивление.

Может быть, Джунковский и ни при чем, но существуют признания другого полицейского «мэтра», занимавшего до начала 1914 года пост директора департамента полиции — Степана Петровича Белецкого, который вскоре после «вылета» Джунковского со службы в августе 1915 года занял должность товарища министра внутренних дел. Оба эти господина, хоть и должны были делать одно дело, друг с другом не ладили. Однако в данном случае интерес представляют не их отношения, а исповедь Белецкого в казематах Петропавловской крепости после крушения Монархии.

Сломленный морально и физически, потерявший надежду и опору бывший сановник написал целый трактат признаний, где рассказал не только о том, что знал и что было, но и о том, чего не знал и чего не было. В одном из мест этой сумбурной и путаной исповеди вдруг совершенно неожиданно всплывает имя журналиста Дувидзона (Давидсона). Оказывается, он «специализировался» на Распутине и в качестве такового пользовался большим спросом в столичных редакциях.

Пресловутый Дувидзон-«Паганини» не только следовал по пятам за своим героем и «кормильцем», но одно время был вхож в его дом, где стал разыгрывать роль претендента на руку старшей дочери Распутина Матрёны. Игра в жениха продолжалась недолго. Вскоре бесстыжего «щелкопера» из распутинского дома изгнали, когда узнали о его порочащих статьях.

Для того чтобы представить какой подзаборный уровень являла собой журналистика Дувидзона, приведем отрывок из одного из его репортажей о Распутине: «Нарочито ест „руками“ за общим столом в аристократических домах и дает облизывать свои засаленные пальцы высокопоставленным поклонникам. „Смирись, смирись, графинюшка, — говорит он. — Смирением одолеешь беса. Ну-ка пальцы-то у меня данные от варенья твоео слижь, будь другом“, — и графиня в присутствии многочисленной челяди обслужила пальцы старца».

Пошлого писаку никогда ни в одном приличном доме не принимали, так что судить о том, какая обстановка царит там, он мог лишь, опираясь на свою жалкую фантазию. Удивительно другое. Почему никто из рядов благородного сословия, читая такую чушь, не увидел здесь оскорбления всей своей родовой корпорации, почему никто не возмутился и уж если не потребовал сатисфакции (с щелкоперами на дуэли драться считалось ниже всякого достоинства), то уж, по крайней мере, не набил физиономию. Однако никто не возмутился, и никто Дувидзона не «проучил действием». Да, дворянство действительно явно вырождалось...

Однако вернемся к признаниям Белецкого. Наиболее интересны в них данные о том, что именно благодаря ему, начальнику департамента полиции, пресловутый «Паганини» оказался в Петербурге и получил здесь право на жительство. Это ещё не все. Бывший шеф по-

лиции обронил признание, что он этому журналисту «давал деньги из секретного фонда полиции». Именно из этих средств оплачивались все тайные операции полиции и строго законспирированные сотрудники-осведомители. Этому утверждению Белецкого можно верить: вербовка сотрудников и их содержание входили в его прямую компетенцию.

Неизвестно, какую иную осведомительную деятельность выполнял сексот «Паганини», но его распутинский «скрипичный концерт» прогремел на всю Россию, а отзвуки до сих пор звучат на страницах некоторых сочинений. Исходя из признаний Белецкого, можно предположить, что как только весть об аресте «Паганини» долетела до Петербурга, то там сразу же дали команду отпустить «нашего человека». С большой долей вероятности можно утверждать, что подобного рода санкция исходила от всесильного тогда генерала Джунковско-го. Двойная, а то и тройная игра для таких людей давно стала служебной повседневностью...

Покушение на убийство Распутина стало на несколько дней первоочередной сенсацией в российской прессе. Сообщения о подробностях происшествия публиковались под броскими заголовками на страницах всех крупных газет. Регулярно сообщалось и о состоянии здоровья легендарного Григория. Рана была серьезной, и первые два дня даже распространились сведения о его смерти. Многие ликовали. Другие же горевали и переживали.

Потрясение испытала Царская Семья, и особенно Императрица, пославшая семье «доброе друга» и ему самому несколько телеграмм. «Глубоко возмущены. Скорбим с Вами. Молимся всем сердцем. Александра» (30 июня), «Мысли, молитвы окружают. Скорбим неописуемо, надемся на милосердие Божие. Александра» (2 июля).

Сочувствие выражали и другие, в том числе и те, кто не был сколько-нибудь близок к Распутину, но решил, воспользовавшись удобной минутой, засвидетельствовать свою преданность царской семье таким необычным путем. Старый светлейший князь, флигель-адъютант и обер-егермейстер (заведующий Императорской охотой) Д.Б. Голицын послал телеграмму: «Глубоко возмущены ужасным злодеянием, молим Бога о ниспослании исцеления защитнику сырых и обиженных». Через несколько дней его сын, Н.Д. Голицын, последовал тому же примеру: «Глубоко потрясены известием о зверском покушении на Вашу жизнь. Молимся о Вашем здоровье. Семья князя Голицына».

Для близких же к Распутину лиц происшедшее стало настоящим потрясением. Преданная Муня Головина в своем эмоциональном послании восклицала: «Дорогой, дорогой Григорий Ефимович! Это моё первое письмо после того ужасного злодейства, которое перевернуло всю душу и заставило еще больше убедиться, что Вы, как солнце, освещаете нашу жизнь и разгоняете мрак, что при одной мысли, что Вас могут у нас отнять, мрак этот стал надвигаться со всех сторон и свет померк... Я только и прошу у Бога научить меня, как Вам помочь, чем послужить и доказать всё то, что я чувствую».

Покушение изменило общественный статус крестьянина Тобольской губернии. Уже 30 июня 1914 года Император отправил министру внутренних дел Н.А. Маклакову телеграмму: «В селе Покровском Тобольской губернии совершено покушение на весьма чтимого нами старца Григория Ефимовича Распутина, причем он ранен в живот женщиной. Опасаясь, что он является целью злостных намерений скверной кучки людей, поручаю Вам иметь по этому делу неослабное наблюдение, а его охранять от повторения подобных

покушений». Отныне Григорий Распутин стал находиться под постоянным полицейским контролем, что, впрочем, его не спасло.

Вернулся Распутин в столицу уже после начала мировой войны, в конце августа 1914 года, и сразу же встретился с Венценосцами. 22 августа Царь записал: «После обеда видели Григория, в первый раз после его ранения». Началась последняя глава жизни этого человека.

Именно эта глава в наибольшей степени обеспечена разнообразным документальным материалом. Два года — с конца 1914-го до конца 1916-го — чаще всего и привлекают «распутиноведов» всех мастей. Во-первых, потому, что, как утверждается, именно в это время крестьянин из Сибири стал «почти правителем» Российской Империи, а во-вторых, потому, что этот период насыщен «бесспорными свидетельствами», которые, как заметил один специалист от истории, «оспорить невозможно».

Здесь на первом месте выпячивают данные полицейских агентов о времяпрепровождении Распутина. В ряду «краеугольных камней» «распутиниады» этот — безусловно, самый крупный, особо весомый и наиболее значимый. К нему мы и обратимся.

Как следовало из приведённого приказания Императора, с лета 1914 года полицейской службе вменялось в обязанность охранять жизнь Григория Распутина. Однако интерес к его личности полиция начала проявлять значительно раньше. На первом этапе, еще при П.А. Столыпине, собирали надежные сведения об этом странном человеке. Начался первый период полицейского «дознания» в 1910 году и в том же году закончился.

Генерал-лейтенант Павел Григорьевич Курлов, тогдашний товарищ министра внутренних дел (в тот момент министром являлся премьер П.А. Столыпин) и командир корпуса жандармов вёл всё это дело. Позже

в своих воспоминаниях он написал, что получил приказание от Столыпина составить на основании данных департамента полиции письменный доклад о Распутине. «Данные эти касались главным образом его частной жизни, в которой отмечались кутежи, заканчивавшиеся иногда скандалами, любовь к женщинам и сношения с целым рядом аферистов, его, по-видимому, эксплуатировавших». Курлов не уточнил, когда точно он составлял доклад, но по обмолвкам можно заключить, что дело происходило как раз в 1910 году.

Доклад, составленный для Столыпина, до сего дня не найден. Трудно сказать, какие именно «данные» позволили Курлову заключить, что Распутин вёл тот образ жизни, который ему привиделся. Сам генерал-лейтенант с Распутиным в тот период не общался. Один раз они виделись в присутствии Столыпина, но Курлов играл тогда лишь роль наблюдателя. Интересно другое. Несмотря на обличительную оценку, которая якобы содержалась уже в тот ранний период в «полицейских данных», генералу Курлову пришлось-таки близко сойтись с Распутиным.

После того как Курлов потерял все свои высокие посты в результате покушения на Столыпина в сентябре 1911 года, когда его стали обвинять не только в халатности, но и в пособничестве, генерал-лейтенант в отставке превратился чуть ли не в изгоя. Тогда, а именно в начале 1912 года, ему удалось познакомиться и близко пообщаться с Распутиным.

Насколько можно судить, разговор был долгий и «носил общий характер». Впечатления у генерала остались совершенно иные, чем двумя годами ранее. «На этот раз меня поразило только серьезное знакомство Распутина со Священным Писанием и богословскими вопросами. Вёл он себя сдержанно и не только не проявлял тени хвастовства, но ни одним словом не обмол-

вился о своих отношениях к Царской Семье. Равным образом я не заметил в нём никаких признаков гипнотической силы. И, уходя после этой беседы, не мог себе не сказать, что большинство циркулировавших слухов о его влиянии на окружающих относится к области сплетен, к которым всегда был так падок Петербург».

Потом у Курлова случились и другие неофициальные встречи с Григорием Распутиным, и ни разу он лично не удостоверился в каких-либо непозволительных высказываниях или «непотребном» поведении этого человека. Однако существовал свод данных — доклад 1910 года, который навсегда запечатлелся в памяти генерала. Мы не знаем, какие материалы легли в его основу, но есть основания полагать, что это главным образом те самые «сплетни», которые, как справедливо заметил Курлов, так «любили в Петербурге».

В очередной раз хочется подчеркнуть одно важное обстоятельство. Распутина шельмовали в первую очередь потому, что он был «непозволительной фигурой», потому, что он, вопреки своему происхождению и положению, попал туда, куда являться ему по всем канонам чиновно-дворянского мира было «не положено».

Здесь крылась главная причина нелюбви, а потом и ненависти, которую Распутин вызвал в среде служилого люда и в среде благородного сословия. Поэтому многие свидетельства и сообщения о Распутине тенденциозно интерпретировались даже в тех случаях, когда никакой установки на это ни от кого и не поступало. Думается, что генерал Курлов, пересказывая выводы доклада 1910 года, тоже принял сплетни за реальность, а затем и упомянул об этих «фактах» в своих воспоминаниях.

Для того чтобы яснее представить, в каком направлении развивалось исследование обстоятельств жизни Распутина, приведем два документа с грифом «секрет-

но», относящихся к началу 1910 года. Первый — рапорт жандармского унтер-офицера из Покровского о жизни Распутина.

«Распутин Григорий Ефимович от роду имеет около 45 лет, крестьянин Тюменского уезда села Покровского, семейный, занимается хлебопашеством. Постоянно ездит в Россию, бывает даже в Петербурге, имеет даже знакомство с Милицей Николаевной, которая была в 1907 году в селе Покровском, посылает постоянно из России деньги переводом Распутину. Живет богато, помогает бедным своим односельчанам. Образ жизни ведет трезвый. Иеромонах Илиодор (так в тексте. — А. Б.) был в селе Покровском, был с целью, чтобы расширить церковь больше. Хотел пожертвовать двадцать тысяч. По этому поводу приезжал, где пробыл около пятнадцати дней. Около 20 декабря выехали вместе с Распутиным, по сведениям, в Петербург». Под донесением стоит дата 4 января 1910 и подпись: унтер-офицер Прилин.

Такой рапорт ушел к уездному начальству в Тюмень. Там на основании этого материала жандармский ротмистр Калмыков для своего губернского начальства в Тобольске составляет доклад, где появляются неожиданные штрихи к портрету героя.

«По собранным на месте данным, оказалось, что Григория Ефимович Распутин возраст имеет около 45 лет, крестьянин села Покровского Тюменского уезда, семейный, занимается хлебопашеством и вообще в домашнем быту ведет образ жизни как и все его односельчане, исполняя всю крестьянскую работу. Смолоду отличался разными поступками, то есть пьянствовал, занимался мелкими кражами и прочее. Затем куда-то исчез и на родине появился снова лет пять тому назад духовно переродившимся, то есть стал необыкновенно религиозным. Помогает бедным советом и материаль-

но. В средствах не нуждается, так как почти со всех концов России получает денежные переводы от разных лиц, включая сюда и высокопоставленных. В народе слывет „праведным” и „прозорливым”. Иногда ездит в Россию, бывает в Москве и Петербурге, как указывают, у высших духовных лиц, а весной 1907 года к нему инкогнито изволила приезжать Ее Императорское Высочество Великая княгиня Милица Николаевна. Иеромонах Илиодор приезжал в Покровское с целью, как говорят, расширить местную церковь и хотел на это дело пожертвовать 20 000 рублей, но почему-то факт этот осуществлен не был. Пробыл в Покровском около 15 дней. Илиодор выехал вместе с Распутиным 20 декабря минувшего года, как слышно, в Петербург. Когда Распутин вернется обратно в Покровское, сведений не имеется». Дата этого «второго донесения» 7 января 1910 года.

Прошло всего три дня, а какая проведена «вивисекция» информации! Упоминание в рапорте унтер-офицера о том, что Распутин «образ жизни ведет трезвый» вообще пропадает. В то же время сколько новых подробностей появляется! Тут и пьянство, и кражи, и «прочее». Можно только догадываться, какие новые «подробности» были добавлены уже в Тобольске, прежде чем отправить полицейскую сводку в Петербург, где она легла на стол генерала Курлова. Судя по тому, что он рассказал в воспоминаниях, там уже живописались и «связь с женщинами», и «скандалы», и «связь с аферистами».

Возглавивший в начале 1912 года департамент полиции С.П. Белецкий по сравнению с Курловым отличался куда большей ретивостью в деле добывания агентурных данных о Распутине. Этот энтузиазм подпитывался тем, что его непосредственные начальники, министры внутренних дел А.А. Макаров (с 20 сентября 1911 года по 16 декабря 1912 года) и сменивший его Н.А. Маклаков

(находился на посту до 5 июня 1915 года) испытывали стойкое отвращение к «грязному мужику». Подобное настроение было характерно и для премьеры В.Н. Кокцовца, который заменил убитого Столыпина в сентябре 1911 года и сохранил эту должность до начала 1914 года. Настроению начальства надо было «потрафлять», и С.П. Белецкий очень старался.

В начале 1912 года, когда развернулась публичная кампания поношения Распутина, Царь попросил министра внутренних дел А.А. Макарова организовать охрану жизни Распутина. Министр поручил это дело Белецкому.

Об этом господине стоит сказать несколько слов. Он родился в 1873 году и не отличался знатностью рода, но в силу своего усердия и умения угождать начальству довольно быстро сделал удачную карьеру. После окончания юридического отделения Киевского университета он служил в канцелярии киевского генерал-губернатора. Затем женился на дочери генерал-лейтенанта, уже в 1899 году добился должности заведующего канцелярией ковенского генерал-губернатора. В 1907 году, в возрасте 34 лет, его назначают самарским вице-губернатором, а 31 июля 1909 года он возносится и того выше — получает должность вице-директора департамента полиции; в самом же начале 1912 года возглавляет это подразделение Министерства внутренних дел.

Здесь уместно дать одно пояснение. В составе МВД имелось два структурных подразделения с полицейскими функциями: корпус жандармов и департамент полиции. Корпус, имевший мощную военизированную структуру и сеть отделений по всей Империи, должен был заниматься делами охраны. Департамент же полиции — это, по сути дела, тайная полиция государства, занимавшаяся полицейским розыском и имевшая сеть осведомителей. На практике оба этих подразделения су-

ществовали в тесном взаимодействии, обусловленном и схожестью функций, и тем, что руководитель департамента полиции напрямую подчинялся шефу корпуса жандармов, которым обычно являлось одно и то же лицо: или сам министр, или его заместитель.

Для того чтобы стать в тридцать девять лет директором тайной полиции, надо было обладать способностями незаурядными. Белецкий ими обладал. Он прекрасно понимал, что, заняв одно из ключевых мест в системе Министерства внутренних дел, должен проявлять чудеса служебной эквилибристики, тонко улавливать малейшие изменения настроений среди различных группировок на верху власти. Его должность, позволявшая получать конфиденциальную информацию самого различного свойства, открывала большие возможности. Он старался этим воспользоваться в полной мере.

Распутин, который к моменту занятия Белецким должности директора департамента полиции всё еще являлся неразгаданной загадкой, чрезвычайно его заинтересовал. Необычное Царское распоряжение об охране «этого мужика» лишь усилило интерес. Он знал, что при Курлове проводилось полицейское дознание, но, как быстро установил начальник тайной полиции, его «следов в департаменте не осталось».

Белецкий решил полностью во всем разобраться и стать хранителем уникальной информации, которая ему, в чем он не сомневался, могла бы пригодиться в собственных карьерных видах. В 1912 году полицейское наблюдение за Распутиным возобновляется. Главную же задачу начальник полиции видел не в «охране», а в сборе информации. Сам Белецкий позднее обрисовал свой план, который он и претворял в жизнь.

«Мною с полковником Коттенем был выработан план охраны, сводившийся к командированию разви-

тых и конспиративных филеров (агентов. — А. Б.), коим было поручено, кроме охраны Распутина, тщательно наблюдать за его жизнью и вести подробный филерский дневник, который к моменту оставления мною должности представлял собой в сделанной сводке с выяснением лиц, входивших в соприкосновение с Распутиным, весьма интересный материал к обрисовке его, немного односторонне, не личности, а жизни».

Ясное дело, что этот замысел не вытекал из Царского повеления, предусматривавшего только охрану Распутина. Но на закате Монархии воля Императора не являлась уже для многих должностных лиц непререкаемым законом. Они «делали свою игру». Не составлял исключение и Белецкий.

В соответствии с давней полицейской традицией надо было «заагентурить» осведомителей. Это оказалось непросто. Пришлось специально посылать своего человека для жительства в Покровское. Завербовать же агентов из односельчан Распутина не удалось, так как, по словам Белецкого, «крестьянство местное жило с ним в хороших отношениях, и он многое сделал для своего селения». Естественно, какой может быть ценный агент, если он находится с «объектом наблюдения» в «хороших отношениях». Не дай Бог, станет посылать «розовые сводки». В Петербурге же ждали совсем иного.

Белецкий задумал составить досье с компроматом, чтобы использовать его в своих целях. И он его составил. Всё, что поступало к директору департамента полиции, в «письменной форме я держал у себя, — в служебном кабинете и не сдавал в департамент; и при моем уходе я эти сведения в форме дела оставил в нестораемом шкафу, внося его в опись, представленную мною Н.А. Маклакову, но на другой день по требованию Маклакова в числе нескольких других дел, его заинтересовавших,

ему сдал и это дело. У себя лично я только оставил копию сводки его (Распутина) образа жизни».

Итак, высшие государственные служащие — министр внутренних дел и директор тайной полиции — самовольно организуют полицейскую акцию, которая длится два года. Мало того, получаемую информацию директор департамента полиции заносил в особое досье, которое находилось в его личном распоряжении, а после удаления с поста «оставил у себя копию» служебных бумаг. Это просто вопиющий случай служебного самоуправства!

При этом речь шла не о досье на врагов государства, которых в тот момент было более чем достаточно и которых департамент полиции успешно «разрабатывал». В руководящих органах революционных партий России тайная полиция имела немало «ценных сотрудников». В департаменте полиции знали не только, о чём говорил и что делал в тот или иной момент лидер большевиков Владимир Ульянов-Ленин в своем эмигрантском далеке. Руководители полиции могли получать надежную информацию о нюансах повседневного времяпрепровождения «пламенных революционеров» вплоть до ежедневных меню. Но вне рамок служебных занятий быт и нравы революционной среды Белецкого не занимали, эти данные он не копировал.

Он собирал материал на человека, которого принимали Венценосцы и которого он как глава тайной полиции обязан был лишь охранять. Удивительно, но в близком окружении Распутина не нашлось человека, которого полиции удалось бы «заагентурить». Поэтому информацию получали от тех, кто должен был выполнять функцию охраны. К Распутину был прикомандирован постоянно целый наряд в составе 8–10 полицейских. Филёры поставляли сведения, которые Белецкий

собирал, «обрабатывал» и «конфиденциально» показывал премьеру В.Н. Коковцову, Великому князю Николаю Николаевичу, чете Богдановичей и некоторым другим лицам, горевшим желанием «разоблачить Распутина».

Неизвестно, какие именно «факты» были представлены на обозрение сим лицам, но, судя по тому, как опростоволосился Николай Николаевич, можно судить об их откровенной тенденциозности. Когда Великий князь в 1914 году решил провести «решительное объяснение с Ники», то он очень рассчитывал на информацию Белецкого, любезно ему и предоставленную. Встретившись с Монархом, двоюродный дядя стал убеждать Его «изгнать Распутина», который «позорит Династию», подрывает веру в Царя. По словам Великого князя, это «развратник» и «хлыст».

Осталось неустановленным, какие чувства испытал Николай II во время этого разоблачительного монолога; ведь его поносил тот, кто некоторое время назад был самым горячим сторонником старца, но когда дошло дело до «фактов», то тут же возразил. Во-первых, «хлыстовство», твердо заявил Монарх, было опровергнуто расследованием духовной консистории. Что же касается «разврата», то ведь в этот вечер, который, по данным Николаши, Григорий якобы пировал в обществе женщин легкого поведения в ресторане, весь тот вечер Распутин провел вместе с Их Семейей. Николай Николаевич был обескуражен и бесславно ретировался и больше за «надежной информацией» к Белецкому не обращался.

Великий князь Николай Николаевич и его жена, «ненаглядная Стана» (Анастасия), последние годы просто люто ненавидели не только Распутина, но и Императрицу. Великий князь даже не стеснялся прилюдно делать публичные заявления такого рода, на которые другие ненавистники не осмеливались. Вот образчик его

размышлений в Ставке в 1915 году, сохраненный для потомства протопресвитером отцом Георгием Шавельским: «В Ней — всё зло. Посадить бы Её в монастырь, и все пошло бы по-иному, и Государь стал бы иным». Эти слова не какой-нибудь генеральши Богданович, а члена Династии!..

Период «охраны» в 1912 году продолжался всего несколько месяцев и в конце того же года по распоряжению Царя был прекращен. Насколько можно судить, Император Николай II так и не узнал горькой правды, что руководство полиции выполняло не столько приказ об охране друга Его Семьи, сколько занималось главным образом сбором компрометирующих сведений. Всего этого Царь не ведал. Поэтому, когда после покушения Гусевой отдал теперь уже письменное повеление начать охрану Распутина, Ему и в голову не могло прийти, что сие распоряжение лишь только усилит деятельность по сбору дискредитирующих сведений и раздует антираспутинскую истерику в стране.

Обратимся теперь к главным документальным результатам полицейской «разработки» Распутина, но прежде проясним несколько вопросов. Что собирали? Кто собирал? Как обрабатывали и как препарировали информацию?

Уже замечено ранее, что существовало как бы три периода, когда полиция интенсивно собирала сведения о Распутине. Первый, «курловский», о котором сохранилось чрезвычайно мало сведений, а итоговые материалы, составлявшиеся в высоких полицейских кабинетах Петербурга, до нас вообще не дошли.

Второй этап — «период Белецкого» — пришелся на 1912 год, и он тоже не отличается обилием сохранившегося материала. Однако в это время были отработаны приемы и методы сбора исходной информации. Важно

то, что сохранились поденные филерские донесения о поездках и встречах Распутина, которые фиксировали агенты полиции.

Ценность этого первичного материала в том, что их не касалась рука «обработчиков». Остановимся на этих документах подробнее, тем более что «профессиональные разоблачители» эти материалы не тиражировали и не популяризировали. Некоторые из этих донесений впервые появились в печати уже в наше время в книге О.А. Платонова о Распутине.

Прежде чем цитировать данные документы, поясним некоторые аспекты технологии. Агент (филер) в конце каждого дня наблюдения за «объектом» составлял описание виденного. В них Распутина шифруют под кличкой «Русский», а его поклонниц еще более живописными прозвищами, не все из которых удалось раскрыть: «Ворона» (М.А. Сазонова), «Галка» (Ю.А. Ден), «Ряженая» (О.В. Лахтина) и так далее.

Перед нами донесение за 19 ноября 1912 года. «„Русский“, Николаевская ул., дом № 70. В 9 часов утра на извозчике приехала „Ворона“. В 9.30 утра пришел к „Русскому“ неизвестный монах. В 10 часов утра „Русский“, „Ворона“, „Банная“ и неизвестный монах вышли из дома, дойдя до Ивановской улицы, расстались. „Ворона“ и „Банная“ пошли по Ивановской улице к Загородному проспекту, а „Русский“ с монахом дошли до Кузнечного переуллка, тоже расстались. Монах пошел без наблюдения по Невскому проспекту, а „Русский“ зашел в сапожный магазин в дом № 27 по Николаевской улице. Через 10 минут вышел, сел на извозчика и поехал на Мойку, дом № 10, слез с извозчика и зашел в подъезд, было время 10 часов 40 минут. Через 30 минут в этот же дом на извозчике приехала „Галка“, где пробыла 20 минут, вышла, села на извозчика, поехала без наблюдения, а „Русский“

пробыл 3 часа 50 минут, вышел вместе с „Вороной” и „Банной”. На двух извозчиках отправились на Царско-сельский вокзал, где „Ворона” купила билет 2 класса, отдала „Русскому”, и все трое пошли на отходящую платформу в Царское Село. В 3 часа „Русский” уехал».

Примерно по такому же принципу составлены и все прочие донесения филеров за 1912 год: «вышел», «поехал», «зашел», «встретился» с указанием времени и зашифрованных имён нескольких почитательниц. Никакой, как говорят французы, *compromettre* (компрометации) тут усмотреть невозможно. Ни тебе банных «оргий», ни пьяных «дебошей», ни «сквернословия», ни «связей с проститутками». Ничего ожидаемого!

Правда, уже тогда в донесениях встречались некоторые намеки, которые так и остались робкими предположениями. Например, 6 августа 1912 года филер фиксировал: «„Русский” пошел по Гончарной улице, где в доме № 4 встретил неизвестную барыньку, по видимому, проститутку, и зашел в упомянутый дом, где помещалась гостиница, пробыл с нею двадцать минут». Даже если это и действительно была «жрица любви», то совершить некие интимные действия за указанное время было просто невозможно. Надо было зарегистрироваться в гостинице, подняться в номер, ну и так далее. При этом филер ничего не утверждал наверняка. Он и не мог ничего, безусловно, констатировать.

Важное пояснение. Служба наружного наблюдения возникла как один из способов контроля за лицами, «прикосновенными к революционному движению». В 1907 году в «Инструкции»¹ начальникам охранных

¹ См.: Инструкция начальникам Охранных Отделений по организации наружного наблюдения. Инструкция по организации наружного (филерского) наблюдения // Река времен. Книга истории и культуры. М., 1995. С. 259–274.

отделений говорилось, что это лишь «вспомогательное средство». Что для полноты картины обязательно требуются и сведения внутренней агентуры. При отсутствии же «попутного освещения со стороны внутренней агентуры не следует допускать чрезмерного развития наружного наблюдения, так как, будучи весьма растяжимо, оно может давать весьма обширный, непонятный материал, крайне затрудняющий работу филеров и Отделения».

«Инструкция» строго регламентировала деятельность филеров, их задачи, цели, способы, приемы. Все эти детали полицейского «сопровождения» и «проглядки» могут показаться неважными. Однако их смысл раскроется в полной мере при обращении к филерским донесениям последнего периода. От этого времени остался тот самый «непонятный» материал, который можно назвать как угодно, но только не «филерскими сводками».

Этот период начался летом 1914 года после покушения Гусевой, когда Император и отдал распоряжение министру внутренних дел Н.А. Маклакову обеспечить охрану Распутина. Никаких других распоряжений не отдавалось. Однако некоторые «сопутствующие» меры руководители МВД приняли по собственной инициативе. Монарха же о том не уведомили...

Джунковский позже объяснял, что им лично было отдано распоряжение учредить за Распутиным «двойное наблюдение, два агента открыто следили за ним, записывали всех проходящих к нему и официально числились как охраняющие его, другие два вели негласное наблюдение. Те и другие доносили ежедневно Департаменту полиции для доклада мне; Распутин именовался „Тёмным“».

Дело тотальной слежки за Распутиным, начатое Джунковским, довел в 1915 году до полного совершен-

ства С.П. Белецкий, который о том и поведал в своих показаниях ЧСК в 1917 году.

«Я учредил двойной контроль и проследку за Распутиным не только филерами Глобачева (Константин Иванович, генерал-майор, начальник Петроградского охранного отделения. — А. Б.), но и филерами Комиссарова (Михаил Степанович, жандармский генерал-майор, которого Белецкий назначил заведовать охраной Распутина. — А. Б.), заагентурил всю домовую прислугу на Гороховой, 64, поставил сторожевой пост на улице, завел для выездов Распутина особый автомобиль с филерами-шоферами и особый быстроходный выезд с филером-кучером. Затем все лица, приближавшиеся к Распутину или близкие ему, были выяснены и на каждого из них составлена справка... Далее была установлена сводка посещаемости Распутина с указанием дней посещения и проследка за теми из случайной публики, которые так или иначе возбуждали сомнение, и самое тщательное наблюдение и опросы в швейцарской обрабатывающих к Распутину лиц, хотя это не нравилось и ему, и его близким».

Итак, хозяева полицейского сыска довели до грандиозных размеров не столько охрану, сколько полный контроль времяпрепровождения. Казалось бы, при таком усердии должна остаться подробная хроника последних двух лет жизни Григория Распутина, которая помогла бы внести ясность при воссоздании облика и общественной роли этого человека. Удивительное дело, но «продукта деятельности» лучших соглядатаев департамента полиции не существует, хотя они, по распоряжению Джунковского должны были каждый день «строчить» отчеты начальству.

Нет ежедневных донесений целой орды филеров: при Белецком этим важным «государственным делом»

было занято несколько десятков наиболее способных полицейских агентов. Невольно возникает восклицание: на что же уходили лучшие силы тайной полиции Империи почти накануне крушения Монархии!

Естественно, напрашивается и недоуменный вопрос: почему сохранились лишь крохи от груды того материала, который должен был остаться от многомесячных усердных занятий полицейских чинов? Неужели революционный смерч всё уничтожил? Да, он на самом деле многое уничтожил. Что же касается данной информации, то «поводыри бури» надёжно бы хранили ее. Это же «беспорные доказательства» «гниения» и «разложения». Кто же мог покуситься на столь «ценные свидетельства истории»!

Наблюдательный читатель может заметить, что во многих исторических работах приводятся ссылки на филерские дневники. А значит, они должны существовать. Вот здесь-то мы подходим к одной из самых громких мистификаций истории России XX века.

Подчеркнем еще раз: никаких первичных донесений филеров не существует. Имеется лишь груда листов с напечатанным на машинке текстом. Кто печатал, когда, кто читал, о том никаких свидетельств и даже пометок не осталось. Называется этот пиар-продукт незатейливо: «Выписки из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным». Они сохранились за отдельные дни 1914, 1915 и 1916 годов. Наиболее растражированы «Выписки» с 1 января 1915 по 10 февраля 1916 года. В 1924 году их опубликовал советский журнал «Красный архив», через год перепечатал эмигрантский «Архив русской революции», а затем множество раз переиздали.

Допустим, что данные фрагменты — часть подлинного пласта источников. Однако и при таком «допуске»

это лишь некая произвольная выжимка, тенденциозная выборка из некогда существовавшего обширного материала, тех самых филерских первичных поденных сообщений, которые исчезли без следа. За целый 1915 год, например, лишь за 101 день есть какие-то беглые и куцы, от одной до нескольких фраз, «данные» о времяпрепровождении Григория Распутина. Причем почти исключительно о встречах с «проститутками» и «пьянстве». Где же все и всё остальное?

Забавно, но авторы «Выписок» умудрились зачислять в разряд «проституток» или «любовниц» Распутина молодых девушек и дам сразу же, как только они появлялись «на горизонте наблюдения». Такое «углубленное» знание «материала» просто восхищает! Ведь не на лбу же у них это было написано. Откуда подобные сведения? Конечно же, они, как и другие «пикантные» подробности «распутиниады», покрыты мраком неизвестности.

«Испарились» первичные филерские сводки еще до падения Монархии, так как уже ЧСК Временного правительства их не обнаружила. Характер зафиксированного материала, подбор событий и фактов свидетельствуют о сюжетной заданности этих «Выписок». Приведем целиком их за ряд дней конца 1915 – начала 1916 года.

«14 октября. Распутин вернулся домой в час ночи совершенно пьяный, на лестнице кричал на швейцариху, что она якобы взяла 25 рублей взятку с какого-то министра, и добавил: „Меня хотели похоронить, но теперь самого раньше похоронили“».

«22 октября. К Распутину около 8 часов вечера пришла неизвестная дама, которая через 10 минут вышла очень взволнованная. Ее на лестнице догнала прислуга и сказала: „Просят вас с ним поговорить, а то ему скуч-

но». Дама сначала смутилась, отказываясь вернуться, говоря, что зайдет завтра, а то ему сегодня нездоровится. Потом согласилась и вернулась».

«5–6 ноября. Распутин на моторе уехал в Царское Село и вернулся 6-го числа в 10 часов 50 минут на моторе вместе с Вырубовой. Выйдя из мотора, Распутин перекрестил Вырубову, и та уехала».

«14 ноября. Распутин пришел домой с Татьяной Шаховской, очень взволнованный, и вместе сейчас же ушли. Вернулся домой в два часа ночи совершенно пьяный».

«21 ноября. Распутин вернулся к себе домой, неся две бутылки вина».

«22 ноября. Распутин вернулся домой в 8 часов утра после отсутствия со вчерашнего дня».

«3 декабря. Распутин ушел из квартиры с Филипповым и вернулся пьяный. Вскоре после его возвращения пришла в первый раз Лейкерт, урожденная Мордвинова, просить за мужа. Распутин предложил ей поцеловать его, но она отказалась и ушла, а потом пришла содержанка Мамонтова — Воскобойникова, которой Распутин предложил зайти в час ночи».

«14 декабря. Около двух часов ночи с 13 на 14 декабря Распутин вышел из д. № 11 по Фурштадской ул. от Свечиной вместе с женой потомственного почетного гражданина Марией Марковной Ясинской, 28 лет, проживающей в д. № 104 по Мойке, и на моторе отправились в Новую Деревню, в ресторан „Вилла Роде“, куда за поздним временем их не пустили. Тогда Распутин стал бить в двери и рвать звонки, а стоявшему на посту городовому дал 5 рублей, чтобы не мешал ему буянить. Отсюда Распутин вместе со своей спутницей поехали в д. № 49 по 1-й линии к Новой Деревне в цыганский хор Масальского, где пробыли до 10 часов утра, а потом, сильно подвыпившие, поехали на квартиру к Ясинской,

где Распутин пробыл до 12 часов дня и отсюда вернулся домой. На ночь ездил в Царское Село».

Продолжим цитирование уже за 1916 год.

«1 января. У Распутина были гости до 1 часа ночи, пели песни».

«10 января. В этот день (именины Распутина) его посещали много лиц и принесли много подарков и несколько корзин с винами, играли на гармошке, гитаре, балалайке, танцевали и пели песни, а потом, позднее, молитвы и „многие лета”. Гости от Распутина разошлись в 1 час ночи».

«11 января. Распутин говорил по телефону в Царское Село из квартиры Соловьевых (свой телефон был испорчен)».

«13 января. Распутин послал телеграмму в Царское Село Вырубовой следующего содержания: „Сам Бог его исповедует в радости истинной пусть правда на детях моих вовек, не пришло время видеть воотчую”».

«14 января. Распутин вернулся домой в 7 часов утра, совершенно пьяный в компании Осипенко и неизвестного мужчины; разбил большое стекло в воротах того дома, где живет, и заметна опухоль около носа, по-видимому, где-нибудь упал. В 4 часа 30 минут Распутин с Рубинштейном и двумя дамами уехали в Царское Село, а в 7 часов 41 минут вечера вернулся домой один, причем во время пути обратно обратился к агентам со словами: „Кто-то из вас передал кому-то, что будто бы я держал на коленях какую-то даму. Это не хорошо говорить. Вы ведь посылаетесь для охраны, а передаете другое”. Нейштейн, проживающий по той же лестнице, проходя мимо агентов, обратился к ним: „Вашего патрона скоро назначат в Царское Село управлять всеми лампадами”».

«1 февраля. Распутин вернулся домой в 4 часа ночи с мужчиной и двумя женщинами. Прибывший из Москвы

священник в разговоре с агентом Тереховым сказал, что дело, о котором он хлопочет, затянулось, потому что оно передано Вырубовой, а последняя действует через дворцового коменданта, а тот находится в действующей армии. Распутин жаловался агентам, что его кто-то ругает по телефону, а станция ему номера не дает».

Уловили разоблачительный настрой? Ничего-то оказывается в жизни Распутина светлого и не было: пьянки, встречи с дамочками с весьма сомнительной репутацией, обдελывание различных темных делишек. Вот и всё. Одним словом, «Тёмный» он и есть «тёмный».

Подробно, построчно опровергать все выше процитированное нет ни возможности, ни желания. Отметим главное — это не документальный источник, а некое вольное сочинение на распутинскую тему. Стиль и характер изложения «Выписок» совершенно не соответствуют тем, которые отличали донесения филеров. Для наглядности приведем одно из таковых за 10 февраля 1916 года. Оно тоже существует лишь в машинописном варианте, но его подлинность удостоверяется самим содержанием, которое стилистически и фактурно почти идентично донесениям, сохранившимся в первичной, рукописной форме.

«Вчера к Тёмному в 12 часов ночи пришел мужчина, по приметам Мануйлов, скоро ушел; и еще была Соловьева, тоже скоро ушла. В 10 часов 30 минут утра пришла генеральша Соколова, скоро ушла. В 11 часов утра пришла Позднякова с неизвестной дамой, но приняты не были. В 11 часов 10 минут дня пришёл Филиппов и с неизвестной дамой. Дама ожидала у подъезда, а Филиппов пробыл у Тёмного 10 минут, вышел и передал даме карточку, после чего дама пошла к Тёмному, откуда через 5 минут вышла с письмом на имя товарища министра г. Белецкого. В 11 часов 40 минут дня пришла Ма-

рия Головина. В 11 часов 45 минут пришла Никитина, пробыла 30 минут. В 12 часов 40 минут пришла Гаар с дамой Софьей Михайловной, пробыли 1 час 30 минут. В 1 час 20 минут вторично прибыла генеральша Соколова с неизвестной дамой, пробыли 10 минут. В 2 часа дня был подан мотор № 224 и в 2 часа 10 минут дня вышел Тёмный с Марией Головиной и уехали, а в 3 часа 45 минут вернулись обратно на том же моторе. В 2 часа 15 минут ушла Лаптинская, которая через час вернулась. В 3 часа 20 минут дня пришла Добровольская. В 4 часа 40 минут дня пришел Киселёв, но принят не был. В 5 часов 20 минут вечера пришел Добровольский, пробыл 1 час. В 5 часов 30 минут ушла Мария Головина с Лаптинской и Дуней. В 5 часов 50 минут вечера пришла Берман, пробыла 30 минут. В 8 часов вечера Тёмный вышел из дому с Добровольским и на извозчике уехали, а через 45 минут на том же извозчике вернулись. Со слов извозчика — катались и никуда не заезжали. В 8 часов 50 минут вечера вернулись Мария Головина с Лаптинской и Дуней. В 10 часов вечера Мария Головина ушла, а в 10 часов 10 минут ушла и Добровольская. Посетителей было человек 15. Сегодня Нейштейн (сосед по лестничной площадке Распутина. — А. Б.) говорил, что „все мои знакомые спрашивают, здоров ли Тёмный. Говорят, что его поколотили, и поколотил будто бы какой-то Орлов-Денисов из-за бабы”».

Нетрудно заключить, что на основе таких данных ничего «убойного» состряпать было нельзя. Реальность не отвечала замыслам «разработчиков». Ведь такой, даже при учете сплетни, озвученной соседом, в общем-то, совершенно нейтральный материал нельзя было выгодно продать на политическом рынке, его нельзя было использовать в политических или карьерных целях. Требовалось же то, что требовалось — компромат. Ког-

да же его в виде «Выписок» сфабриковали, то первичные материалы инспиранторы акции уничтожили. Другого объяснения тут просто не возникает.

Пытаясь нарисовать аморальный портрет Распутина, В.Ф. Джунковский в воспоминаниях делает интересное признание. Уже весной 1915 года, когда, как мы помним, он начал «шить досье», к нему поступал «целый ряд донесений о Распутине за последние месяцы». И далее «верноподданный» воспроизводит «некоторые из них».

Это «донесения» из «Выписок» за 1, 10, 12, 18, 26 января, за 12, 18 февраля и 10, 14, 26 и 30 марта 1915 года. Они дословно совпадают с теми текстами «Выписок» за указанные числа, которые опубликовал «Красный архив», а затем «Архив русской революции» в середине 1920-х годов. Иными словами, у Джунковского были эти «Выписки» за десять лет до их публикации! И ничего больше. А полные тексты донесений? Где за другие дни, почему именно такая выборка? В конце концов, где донесение филёров во время посещения Распутиным «Яра»? Джунковский якобы его видел, но почему нигде не воспроизвел?

Приводимые Джунковским «Выписки» совсем не о «непотребном» поведении Григория Распутина свидетельствуют, а о непристойном поведении самого генерала, изолгавшегося вконец.

В дальнейшем на ниве «интерпретации» трудился тоже одержимый «литературный обработчик». Судя по тому, что «Выписки» обрываются на феврале 1916 года, когда С.П. Белецкого уволили с должности директора департамента полиции (об этой истории речь дальше), вполне вероятно, что именно этот господин и инспирировал появление данного литературного труда. Исследователь Платонов, сделавший основательный разбор «Выписок», высказал предположение, что авторство

принадлежит известному Дувидзону, в газетных статьях которого буквально в тех же словах описаны «факты» из жизни Распутина, что и в «Выписках».

Замысел фальсификаторов почти удался. Клеветническое сочинение для многих обрело характер «исторического свидетельства». Это так же, как в случае с «письмами» Императрицы. Как писала в воспоминаниях хозяйка петербургского салона графиня М.Э. Клейнмихель, «списки с циничных писем, которые будто бы Царица писала Распутину, ходили по рукам в салонах, а также и в низших слоях общества. Эти письма были вымышленными, но когда это стало известным, они уже сделали свое дело, и цель была достигнута». Точно так же случилось и с «Выписками». Джунковский и Белецкий по разным побудительным мотивам и с разными целями делали (и сделали) одно грязное дело.

Однако спрятать все концы не удалось. Инициаторы пиар-акции переусердствовали и включили в «Выписки» материалы о жизни Распутина в Сибири. Благодаря этому с документальной несомненностью и выяснилась вся лживость данного сочинения.

Дело в том, что во время пребывания на родине за Распутиным следили не только приставленные в Петербурге филеры, но и местные полицейские чины, которые тоже составляли отчеты. И если подлинники донесений столичных филеров исчезли, то информационные сводки местных полицейских чинов сохранились. Они со всей очевидностью удостоверяют, что описание «поведения» и «высказываний» Распутина, содержащиеся в «Выписках», не имеют ничего общего с действительностью. Приведем конкретный материал.

Летом 1915 года Распутин жил в Покровском. О жизни его там из «Выписок» можно почерпнуть уйму скандальной информации. Там он все время пьянство-

вал, устраивал в своем доме шумные хмельные пирушки, «лапал» прилюдно женщин, часто «удалялся с ними в темноту», постоянно рассказывал окружающим о «своём влиянии» на Царя, о том, как освобождал от воинской повинности, как перед ним заискивали министры и так далее, и тому подобное.

Приведем «описание жизни» Распутина за 13 июля. «Распутин после купания пошел к жене псаломщика Ермолая, которая ожидала его у своего окна, и пробыл у нее полчаса. Бывает у нее почти ежедневно с интимными целями. Патушинская уехала в Ялуторовск по вызову мужа, причем при отъезде целовала Распутина в губы, нос, щеки, бороду и руки со сладострастием».

Читая подобные описания, а это далеко не единственное, неизбежно возникает недоуменный вопрос: а где же были агенты охраны? Они что, сопровождали его к окну или наблюдали за происходящим из-за кустов? Такого рода вопросы можно задавать без счету; сочинители явно не блистали ни умом, ни литературным дарованием.

Во-первых, в подлинных филерских донесениях Распутин неизменно проходит под кличкой «Тёмный». Уже из этого следует, что перед нами не выдержки из подлинных документов, а некое «переложение». Во-вторых, невольно умиляет «высокий слог» текста: «сладострастное целование» бороды и рук — эти перлы явно из обихода низкопробной журналистики.

Чтобы не утомлять читателя бесконечными опровержениями и сопоставлениями, приведем целиком подлинный документ, характеризующий жизнь нашего персонажа в тот же период. На бланке начальника Тобольского губернского жандармского управления под исходящим номером и под грифом «Лично. Совершенно секретно» значится:

«Господину Товарищу Министра Внутренних Дел Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Генерал-майору Джунковскому.

Рапорт

В дополнение рапорта моего от 21 сего июля за № 34 доношу Вашему Превосходительству, что крестьянин Григорий Распутин прибыл из Петрограда в село Покровское, Тюменского уезда, 21-го июня сего года в сопровождении агентов Отделения по Охране Общественной безопасности и порядка в Петрограде Даниила Терехова и Петра Свистунова, которые постоянно за ним следуют и большей частью находятся в доме Распутина, где читают ему книги и газеты.

Распутина посетили в селе Покровском: жена бывшего нотариуса в городе Ялуторовске, Тобольской губернии Паташинская (правильно Патушинская. — А. Б.), находящаяся видимо в очень близких отношениях с Распутиным, называя его «отцом» и 2) еврей из Перми Вульф Янкелевич Берге, имеющий вид на жительство для проживания в Перми, выданный ему из Департамента Общих Дел Министерства Внутренних Дел от 23 декабря 1913 года за № 37049.

По слухам Распутин собирается выехать в город Петроград. Ничего заслуживающего внимания Распутин пока не проявил. 11 июля пожертвовал Обществу 500 рублей».

На рапорте значится дата — 24 июля 1915 года; здесь же имеется и собственноручная подпись начальника Тобольского жандармского управления полковника Владимира Андреевича Добродеева.

Нет нужды доказывать, что любой пьяный разгул, связи с женщинами, разговоры о встречах с Царской Семей, если бы они имели место в действительности,

тотчас же были бы зафиксированы в указанном рапорте. Уже известный нам местный урядник унтер-офицер Прилин был начеку и, что называется, глаз не сводил с распутинского дома.

Имелись в Покровском и другие осведомители, поставлявшие информацию непосредственно В.А. Добродееву. Жандармский полковник из Тюмени, конечно же, знал, какого рода сведения от него ждут его начальники в столице. Однако порадовать «Их Превосходительства» ничем не мог.

Более чем за месяц в Покровском «ничего заслуживающего внимания Распутин не проявил». Вот и вся история. Далее начинался вымысел.

Глава XIII. Последний год

В конце августа 1915 года в России произошло важное событие: Император принял Верховное командование вооруженными силами. С этого времени и до отречения в марте 1917 года Он большую часть времени проводил в Ставке в губернском городе Могилеве, удаленном от Петрограда почти на тысячу верст.

Этот период стал временем самых продолжительных разлук за более чем двадцатилетний период супружества Царя и Царицы. Вынужденные расставания Они воспринимали как печальную необходимость. В начале 1916 года Николай II написал Супруге: «Ты очень верно выразилась в одном из своих последних писем, что Наша разлука является Нашей собственной личной жертвой, которую Мы приносим нашей стране в это тяжелое время. И эта мысль облегчает Мне её переносить».

Оставшись в столице, Александра Фёдоровна горела желанием Ему помогать: «Ты всё переносишь один, с таким мужеством! Позволь Мне помочь Тебе, Моё сокровище! Наверное, есть дела, в которых женщина может быть полезна. Мне так хочется облегчить Тебя во всём».

Ее участие вначале ограничивалось почти исключительно пересказом светских новостей: «Извини Меня за то, что так к Тебе пристаю, Мой бедный усталый друг, но Я так жажду помочь Тебе, и, может быть, могу быть по-

лезна тем, что передаю Тебе все эти слухи», — писала она в июне 1915 года. Чуть ли не с восторженным пренебрежением воспринимала Царица недовольные сетования на ее новую роль и заявляла, что люди боятся Ее, «потому что знают, что у Меня сильная воля, Я лучше других вижу их насквозь и помогаю Тебе быть твердым».

Летом же 1915 года Император дал Супруге своеобразный политический карт-бланш. «Подумай, Женушка Моя, не прийти ли Тебе на помощь к Муженьку, когда Он отсутствует? Какая жалость, что Ты не исполняла этой обязанности давно уже или хотя бы во время войны!»

С того времени и начинается приобщение Александры Фёдоровны к делам управления страной. Нет, она никого не назначала, никого не увольняла, никаких приказов должностным лицам не отдавала. У Нее никогда не было не только Своей политической «линии», но даже и не возникало желания иметь и проводить таковую. Все основные и важнейшие нити и рычаги управления Империей и армией безраздельно оставались в руках Монарха.

Александра Фёдоровна старалась лишь облегчить ношу Своему дорогому Ники, помочь Ему советом, оказать моральную поддержку. Свою первейшую задачу Царица видела в разоблачении закулисных интриг и двуличия высших сановников, в выявлении среди них «надежных» и «верных».

Она не сомневалась, что такая помощь в столь трудное время — угодное Богу дело, что Ее чуткое и любящее сердце может подсказать правильное решение. «Ты, Дружок, слушайся Моих слов, — писала она в сентябре 1915 года. — Это не Моя мудрость, а особый инстинкт, данный мне Богом помимо Меня, чтобы помогать Тебе».

Кроме прямой своей «царской заботы» Александра Фёдоровна приняла на Себя и часть второстепенных

дел Супруга, которые отнимали у него драгоценное время: встречи с депутациями и делегациями, выражение благодарности. Как и раньше, за Ней осталась и Ее собственная работа: помощь раненым, заботы об организации санитарно-медицинской службы, ну и, конечно же, старые обязанности, связанные с делами благотворительных обществ. Вот и все государственные «ипостаси» исторического портрета Последней Царицы.

Она знала, что искренней, бескорыстной помощи Императору ждать практически неоткуда. Крутом интриги, ложь, лицемерие, буйство эгоизма. Знала она и другое: участие в государственных делах неизбежно вызовет волну возмущения, но жизненный опыт научил не придавать значения недовольным голосам и воплям, а слушать лишь зов своего сердца.

«Некоторые сердятся, что я вмешиваюсь в дела, но Моя обязанность — тебе помогать. Даже в этом Меня осуждают некоторые министры и общество: они всё критикуют, а сами занимаются делами, которые их совсем не касаются. Таков уж бестолковый свет!» — констатировала Александра Фёдоровна. Она всегда считала Николая II мудрым руководителем, которому иногда не хватало лишь решительности и твердости характера, и была убеждена, что при Ее поддержке он все это преодолет.

Николай Александрович и Александра Фёдоровна в последние годы все время были обеспокоены поиском людей, достойных назначения на должности в государственном и церковном управлении.

Когда кандидатуры претендентов на те или иные посты предлагали другие, то за этим, как уверилась Александра Фёдоровна, почти всегда стоял скрытый, но определенный личный интерес. Уж о чём-о чём, а о неприглядности и изнанке сановно-аристократического мира Царица хорошо была осведомлена. Она же могла

рекомендовать лишь тех, кто находил отклик в Ее сердце и, конечно же, кроме общего блага у Нее никаких побуждений не было! В возвышенной чистоте Ее помыслов не сомневался и Император.

Круг лиц, которых лично знала Императрица, был ограничен, и Она прекрасно понимала, что таких знаний недостаточно, поэтому старалась принимать к сведению всё, что говорили те, кому доверяла. Но все равно, как только возникала потребность нового назначения, неизбежно вставал вопрос: кого? Несмотря на бесконечные раздумья и обсуждения, один неудачный выбор сменял другой. «Где у нас люди? — сетовала Царица в сентябре 1915 года. — Я всегда Тебя спрашиваю и прямо не могу понять, как в такой огромной стране, за небольшим исключением, совсем нет подходящих людей».

На эту тему Она особенно много размышляла весной 1916 года после скандальной истории с Ее выдвиженцем на пост министра внутренних дел А.Н. Хвостовым, кандидатура которого была поддержана и Распутиным. Став же министром, Хвостов вознамерился убить Григория! Было от чего впасть в отчаяние. «Дорогой Мой, как не везет, — восклицала в письме к мужу в марте 1916 года. — Нет настоящих джентльменов, вот в чём беда. Ни у кого нет приличного воспитания, внутреннего развития и принципов, на которые можно было бы положиться. Горько разочаровываться в русском народе — такой он отсталый; Мы столько знаем, а когда приходится выбирать министра, нет ни одного человека, годного на такой пост».

При анализе достоинств отдельных лиц Императрицу интересовали главным образом нравственно-этические характеристики: доброта, честность, смирение, но главное — наличие желания действовать наперекор всем и всему для исполнения воли Монарха. Александра

Фёдоровна порой не встречала не только сочувствия, но и человеческого понимания даже среди «близкого круга», среди тех, кто по праву происхождения, по своему общественному статусу обязан быть самой надёжной опорой Монархии — членов Династии. Только один вопиющий пример.

В начале февраля 1916 года тётка Царя Великая княгиня Мария Павловна присутствовала на «интимном» обеде у французского посла в Петрограде Мориса Палеолога. Там было несколько значимых лиц, в том числе посол Великобритании сэр Джордж Бьюкенен с супругой. Отобедав, княгиня поведала собравшимся о своём грандиозном плане — открыть после войны в Париже выставку русского искусства.

Выслушав одобрительные возгласы, княгиня решила сказать «главное» послу Франции, за чем, собственно, и пожаловала на обед. Ее пассаж сохранился в дневниковой записи Палеолога: «Императрица сумасшедшая, а Государь слеп; ни Он, ни Она не видят, не хотят видеть, куда Их влекут». Всем было ясно, что «влекли» Монарха и Его Супругу «тёмные силы» во главе с Распутиным. И эту несусветную ложь распространяла тётка Царя!

Немалое количество людей и тогда, и потом не понимали, и даже осуждали Императрицу, что Она ничего не сделала, чтобы стать «популярной». Но Она была совершенно права. Что можно было объяснить таким особам, как Мария Павловна? И зачем им нужно было что-то объяснять? Они даже собственным глазам не верили; они видели какие-то тёмные образы и мрачные картины. Они желали их увидеть. И дождались. Революция всё явила и всем всё доказала и показала на практике. Всех настигла.

Некоторые (правда, немногие) раскаялись, начали переоценивать прошедшее, которое в зареве революции

онного пожара и эмигрантской никчемности виделось уже совсем иначе. Княгиня О.В. Палей, отдавшая в своё время щедрую дань слухам и сплетням, в мемуарах, написанных в 1922 году, заметила: «То, что рассорило Царя и общество, не стоило выеденного яйца! А сегодня любой из нас отдал бы всё, чтобы этого не случилось, чтобы Государь с Государыней жили и царили нам на радость и чтобы красный террор, который сегодня давит и душит Россию, рассеялся бы, наконец, как кошмарный сон». Однако «отдавать» уже нечего было. Все роли были сыграны. Всеми. Теперь уже раз и навсегда...

Война еще больше сблизила Царскую Семью и «дорого Григория». Интенсивность общения Венценосцев с «Другом» заметно возрастает. Потребность в успокоительных беседах вызывалась тяжелыми и кровопролитными сражениями, неудачными военными операциями, общей безрадостной общественной обстановкой в стране.

Вот, скажем, 17 октября 1914 года — день грусти и возмущения для Царя. Он получил известие о том, что накануне турки и немцы вероломно напали на русский флот в портах Крыма. «Находился в бешеном настроении на немцев и турок из-за подлого их поведения на Черном море! Только вечером под влиянием успокаивающей беседы Григория душа пришла в равновесие». О том, под влиянием каких мыслей и слов у Царя «душа пришла в равновесие», не будем гадать.

Распутинский феномен словесного воздействия невозможно было пересказать. Не случайно Императрица в письмах Мужу, описывая встречи с «дорогим Григорием», цитировала лишь его телеграммы, но никогда — устное слово. Она признавалась, что «трудно передать сказанное им — слова недостаточны и нужен сопровождающий их дух, чтоб осветить их».

Из того факта, что Николая II радовали встречи с Распутиным, носивших характер духовной беседы, никоим образом не следует, что Монарх готов был слышать из уст Григория разговоры и на другие, в первую очередь политические, темы. Констатацией духовной привязанности нельзя подтверждать и популярный тезис о «несомненном закабалении» Царя. Несмотря на близость Распутина к Монарху, никаких политических возможностей он не имел.

Генералу П.Г. Курлову Царский друг однажды в сердцах признался, что «иногда целый год приходится упрашивать Государя и Императрицу для удовлетворения какого-нибудь ходатайства».

Воздействие Распутина на Царицу было сильнее, чем на Государя. Она верила в него как в молитвенника-чудотворца. Суждения света о нём для Нее не имели никакого значения. Она разделяла мнение «Друга», что аристократическое воспитание очень ограничивает кругозор людей, исключает природную естественность.

«Большая половина сего воспитания, — размышлял Распутин, — приводит в истуканство, отнимает простоту. Почему? Потому, во-первых, не велят с простым человеком разговаривать. А что такое простой человек? Потому что он не умеет заграничные фразы говорить, а говорит просто и сам в простоте живет, и она его кормит, и его дух воспитывает и мудрость».

Царица не только слушала, но и нередко просила его советов. Она хотела не только знать трактовку тех или иных православных догматов и традиционных норм, но и настроение простого народа, понимать его чаяния и надежды. Кроме Распутина того Ей никто не мог объяснить, никто не мог открыть невидимый, незнакомый и заповедный русский мир.

Только Распутин нёс в царскосельские покои голос земли, голос народа. Царица ни минуты не сомневалась,

что лишь такой необыкновенный человек, молитву которого слышит Всевышний, способен дать правильный совет, объяснить, что хорошо, а что плохо по понятиям истинно христианским.

Вступив на стезю служения государству, Императрица Александра Фёдоровна стала видеть в Распутине своеобразного эксперта по определению чистоты помыслов и искренности монархических чувств государственных мужей. Он ведь провидец и может узнать и понять то, что простым смертным не дано разглядеть! «Он — наша опора и помощь!» — восклицала Царица в письме.

Здесь мы подходим к кульминационному пункту «распутиниады», к самой драматичной главе последнего Царствования — участию сибирского крестьянина в государственных делах. Существовало ли оно вообще?

Конечно, Распутин никаким «правителем» и даже «соправителем», как о том писали и пишут до сих пор, не был. Это всё из области исторических мифов. Однако в качестве «эксперта по душевным качествам» касательство к делам государственным имел. Это почти исключительно замыкалось на области перемещений в среде чиновно-служилой иерархии.

Какова же была, так сказать, «техника назначений» и кого конкретно можно отнести к распутинским «выдвиженцам»? Согласно распространенным представлениям «аспирант» на ту или иную должность заручался содействием Распутина; тот прямо или через Вырубову сообщал имя кандидата Государыне. Та же, в свою очередь, начинала воздействовать на Царя и «добивалась желанного результата». Такова самая распространенная и совершенно бездоказательная схема.

Передаточно-рекомендательный дуэт Распутин—Вырубова существовал на самом деле. Об этом очень

быстро стало широко известно, и оба оказались в эпицентре карьерных интересов, устремлений и желаний многих и многих, старавшихся на них воздействовать со всех сторон. Они должны были как-то реагировать и реагировали. В силу своего понимания, высоко оценивая «добрых и смиренных», ненавидя «гордых и злых».

Такой подход, в общем-то, отвечал критериям и Александры Фёдоровны, на усмотрение которой порой и предлагались уже прошедшие «отбор» у Вырубовой и Распутина. Но это касалось лишь тех, кого Царица сама не знала. Если же Она имела представление о человеке, то от «дорогого Григория» («провидческие» способности Анны Она в расчет не принимала, так как была невысокого мнения о них) требовалось уже не оценивать его, а лишь удостоверить душевные качества. После того как выбор был сделан и Императрица убеждалась, что рекомендованный действительно достоин назначения, так как добр, искренен, порядочен и верен, Она с присущей ей решимостью начинала поддерживать такого человека.

Из сказанного отнюдь нельзя делать вывод, что Император лишь слепо «штамповал» предлагаемых кандидатов. Такого никогда не случалось. Николай II вынужден был считаться со многими обстоятельствами, о которых Царица или не знала, или которым не придавала должного значения. Рекомендации «дорогой Аликс» и мнение Григория для Николая II имели значение, но их желания и просьбы никогда автоматически не становились волей Монарха.

Для Александры Фёдоровны не являлось секретом, что Ее обожаемый Супруг далеко не всегда принимал к сведению, а уж тем более к исполнению то, что Она Ему сообщала и кого рекомендовала. Ее усилия добиться желаемых решений и назначений в большинстве случаев оканчивались ничем. Она никогда не сердилась на

Ники, лишь порой испытывала печаль, когда узнавала, что Супруг поступил совсем не так, как Она о том просила. В таких ситуациях Александра Фёдоровна не укоряла Мужа-Повелителя, но снова и снова объясняла Свои цели и устремления, приводила всё новые и новые аргументы в пользу чего-то или кого-то.

«Трудно писать и просить за Себя, уверяю Тебя, что это делается ради Тебя и Бэби, верь Мне. Я равнодушна к тому, что обо Мне говорят дурно, только ужасно несправедливо, что стараются удалить преданных, честных людей, которые любят Меня. Я всего лишь женщина, борющаяся за Своего Повелителя, за Своего Ребенка, за двух самых дорогих Ей существ на земле, и Бог поможет Мне быть Твоим ангелом-хранителем, только не выдергивай тех подпорок, на которые Я нашла возможным опереться».

Не желая обижать свою Аликс прямым отказом, Супруг в то же время часто не принимал серьезно Ее наставления и рекомендации. Царица это знала и иногда в письмах, изложив свою просьбу или дав совет, нередко писала: «Прошу Тебя, не смейся, когда прочтешь это». Император же нередко просто изымал тему из обсуждения. Порой Царица обращалась к Супругу с многостраничными посланиями, где объясняла, наставляла, призывала, а Царь в ответ нежно благодарил за письмо, но обходил молчанием сюжеты, требовавшие решений, не соответствующих Его собственным представлениям. Иногда Супруга чуть не умоляла Мужа сделать то-то и то-то, но Царь молчал.

Однако и Царица совсем не являлась «рупором» Распутина. У Неё существовали чёткие представления об этических нормах, и если они нарушались, то Она теряла всякую заинтересованность даже в таком деле, которое напрямую касалось «дорогого Друга». Показательна

в этом смысле история, произошедшая в 1915 году, наглядно демонстрирующая степень, характер и возможности распутинского влияния.

20 июня Царица сообщила Николаю II, что из Покровского пришла телеграмма, в которой Распутин уведомлял, что собираются призвать в армию единственного его сына Дмитрия. «Любимый Мой, — писала Александра Фёдоровна, — что можно для него сделать? Кого это касается? Нельзя брать его единственного сына».

В написанных затем нескольких посланиях Николая II просьба «дорогого Григория» обойдена молчанием, никаких намерений помочь ему не наблюдалось. Это объяснялось не жестокосердием Императора, а пониманием священных государственных обязанностей. В деле исполнения долга перед Отечеством в период военных испытаний всякие исключения Царь считал неуместными. Помимо того, Он прекрасно понимал, что высочайшая «любезность» Их другу неминуемо вызовет вихрь новых слухов и обвинений.

В конце августа 1915 года Распутин прислал телеграмму «дорогой Аннушке», и Вырубова через Царицу довела ее до сведения Императора: «Первое объявление ратников вести, узнайте тщательно, когда губерния пойдет наша. Воля Божья, это последние крохи всего мира, многомилостивец Никола, творящий чудеса». Еще раньше им было передано прошение на имя Государя, содержащее ходатайство об отсрочке призыва сына. Императрица считала, что «эту просьбу вполне можно удовлетворить».

Через несколько дней Александра Фёдоровна опять обратилась к этой теме: «Наш Друг в отчаянии, что его сына призывают — это его единственный сын, который в отсутствие отца ведет хозяйство». Реакции на это проникновенное обращение опять не последовало.

Было над чем призадуматься Распутину. Вот она Царская милость! Другом называют, совета спрашивают, он за Их благополучие денно и ночью молится. Единственного сына от солдатчины отец защитить не может. Да скажи Государь хоть одно слово за него, никто бы не посмел тронуть! Но Царь не вмешивался.

В середине сентября 1915 года тема помощи «Другу» опять всплывает в переписке, и Императрица довольно меланхолично по этому поводу замечает: «Григорий прислал отчаянные телеграммы о своем сыне, просит принять его в Сводный полк (военное подразделение, составленное из представителей всех полков гвардии и предназначенное для охраны Царя. — А. Б.). Мы сказали, что это невозможно. А. (Вырубова. — А. Б.) просила Воейкова что-нибудь для него сделать, как он уже прежде обещал, а он ответил, что не может. Я понимаю, что мальчик должен быть призван, но он мог бы устроить его санитаром в поезде или чем-нибудь вроде этого. Он всегда ходил за лошадьми в деревне; он единственный сын, конечно, это ужасно тяжело. Хочется помочь и отцу, и сыну. Какие чудные телеграммы Он опять прислал».

В конце концов распутинского отпрыска всё-таки «забрили», и единственное Монаршее благодеяние состояло в том, что Дмитрия Распутина определили в санитарный поезд Императрицы, доставлявшей с передовой раненых в Царскосельские госпитали. Все эта история разворачивалась тогда, когда в обществе уже уверенно говорили «о всемогуществе временщика».

Совсем не так все было, как о том сплетничали, и при назначениях. «Дорогой Григорий» иногда пытался воздействовать на мнение Императрицы о некоторых лицах. Но чтобы в силу этого «избранник» сразу же вознесся на самые верхи сановной иерархии, такого, вопреки безапелляционным утверждениям, никогда

не случалось. По документам можно констатировать следующее.

Содействию Распутина могли быть в той или иной степени обязаны своей карьерой в общей сложности одиннадцать человек. При том, что число назначений, перемещений, увольнений на вершине российского иерархического олимпа во много раз превышало этот показатель. (Вершина на местном уровне — не ниже губернатора, а на центральном — не ниже товарища министра.) Приведем полный список этих «облагодетельствованных» с указанием должностей в период так называемого самовластья Распутина:

Белецкий С.П. — директор департамента полиции (1912–1914) с сентября 1915 по февраль 1916 года — товарищ министра внутренних дел;

Волжин А.Н. — бывший седлецкий, а затем холмский губернатор, в июле 1914 года стал директором департамента общих дел Министерства внутренних дел (МВД), а с сентября 1915 по август 1916 года — обер-прокурор Святейшего синода;

Добровольский Н.А. — бывший гродненский губернатор, с 20 декабря 1916 года — последний министр юстиции;

Князь Жевахов Н.Д. — помощник статс-секретаря Государственного совета, с 15 сентября 1916 года — товарищ обер-прокурора Синода;

Ордовский-Танаевский Н.А. — бывший управляющий Пермской казенной палатой, с 13 ноября 1915 года — тобольский губернатор;

Питирим (Окнов), бывший экзарх Грузии, с 1915 года — митрополит Петроградский и Ладожский;

Протопопов А.Д. — товарищ председателя Государственной думы, с сентября 1916 года — министр внутренних дел;

Раев Н.П. — бывший член Совета министров народного просвещения, директор Высших женских историко-литературных и юридических курсов, с 1916 года — обер-прокурор Синода;

Хвостов А.Н. — бывший вологодский и нижегородский губернатор, член IV Государственной думы, с ноября 1915 по март 1916 года — министр внутренних дел;

Князь Шаховской В.Н. — бывший начальник управления внутренних водных путей и шоссейных дорог Министерства внутренних дел, с мая 1915 года — управляющий Министерством торговли и промышленности;

Штюрмер Б.В., бывший новгородский и ярославский губернатор, член Государственного совета, с 20 января по 10 ноября 1916 года председатель Совета министров и одновременно с 3 марта по 7 июля — министр внутренних дел, а с 7 июля по 10 ноября и министр иностранных дел.

Перечисленные лица имели богатую служебную биографию, высокие служебные чины и все, может быть, за исключением Раева, не могут быть названы «случайными» людьми.

Эти фигуры действительно поддерживал «отец Григорий», и большинство из них с ним лично общались. Однако Распутин лишь помогал и содействовал, но никогда не определял выбор. Император назначал их на пост непременно с учетом предыдущей деятельности и лишь тогда, когда получал о них благожелательные отзывы от компетентных должностных лиц.

Только одного из числа записных «распутинских ставленников», да и то с оговорками, можно считать таковым. Это Н.А. Ордовский-Танаевский, бывший управляющий Tobольской и Пермской казенными палатами (налоговой службой), ставший в ноябре 1915 года губер-

натором Тобольской губернии. Об этом назначении Распутин чуть не слезно просил Венценосцев.

Вкратце суть этой истории такова. После ряда скандальных столкновений летом 1915 года между «старцем» и местной администрацией, Распутин убедил Александру Фёдоровну, что на высшем посту в губернии должен находиться человек, преданный Царской Власти, который не будет друга Царской Семьи хаять и строить ему неудобства.

Григорием же была названа и кандидатура желаемого губернатора, которого он лично знал более десяти лет — Н.А. Ордовского-Танаевского, исполнявшего должность управляющего налоговой службой в Перми. Претендент давно симпатизировал Григорию, который не раз бывал у него дома в гостях, где его всегда принимали с радостью.

Императрица согласилась с выбором и 25 августа написала Царю: «Наш Друг желает, чтобы Ордовский был назначен губернатором. Он теперь председатель казенной палаты в Перми. Помнишь, он поднес тебе книгу, написанную им про Чердынь, где похоронен один из Романовых, которого почитают как святого?».

Николаю II надоели бесконечные жалобы и доносы тобольских властей на их друга, и Он решил уважить просьбу. В середине ноября 1915 года распутинский кандидат получил губернаторскую должность. Это самый яркий и наиболее очевидный случай непосредственного вмешательства Распутина в систему должностного производства.

С остальными десятью фигурами ситуация выглядела иначе. Карьера любого чиновника, вне зависимости от положения, непосредственно зависела от воли, настроения и симпатий Правителя. Тот, кто хотел сохранить своё положение или тем более подняться выше,

обязан был добиваться расположения монарха и близких к нему людей. Один из самых распространенных путей к этому — изыскание возможности получить рекомендацию. Кто-то должен был «замолвить словечко», похвалить, отметить заслуги, устроить встречу.

Даже сановникам, занимавшим крупные государственные посты, не всегда было легко встретиться с Государем, а уж тем более удостоиться беседы с Ним. Нужен был «верный ход», и Распутин давал шанс. Симпатии и антипатии к нему определяющего значения не имели. Таковы были правила игры в мире чиновной бюрократии: малопривлекательные средства — тоже средства.

Характерный в этом смысле разговор со своим шурином А.Ф. Треповым описал генерал А.А. Мосолов. Дело происходило в ноябре 1916 года, сразу же после назначения А.Ф. Трепова премьером. Новый глава кабинета Распутина терпеть не мог, но после всестороннего обсуждения политической ситуации родственники пришли к заключению, что «с ним нужно считаться».

Вот это — «нужно считаться» — в большинстве случаев и определяло интерес к «грязному мужику» высокопоставленных лиц, в том числе и тех, которые никаких добрых чувств к нему не питали, стремясь лишь использовать влияние Распутина. Перед Распутиным заискивали, его расположения добивались, а в душе часто ненавидели и презирали.

Показательная в этом смысле была история отношений С.П. Белецкого и А.Н. Хвостова, с одной стороны, и друга Царской Семьи — с другой. В большой карьерной игре двух первых Распутину отводилось центральное место.

В 1915 году эти два сановника объединили свои усилия для достижения своих целей. А.Н. Хвостов мечтал получить пост премьера, а С.П. Белецкий грезил о

должности министра внутренних дел. Им казалось, что «этого мужика» можно довольно просто одурачить, сделав его орудием своих устремлений.

Они разработали целую программу «штурма высот». Встречались и очаровывали А.А. Вырубову, которая их принимала, выказывала расположение. Это не осталось незамеченным Императрицей, сообщавшей 3 ноября 1915 года Супругу: «Хвостов и Белецкий обедают у А. Это, по-моему, напрасно, — похоже, что она хочет играть роль в политике. Она так горда и самоуверенна и недостаточно осторожна». Александра Фёдоровна оказалась права.

Конечно же, сама по себе А.А. Вырубова этих прожженных интриганов не интересовала. Им нужна была узда для Распутина, а через него и «верная дорога» к Монарху. В интересах дела необходимо было завязать с Распутиным близкие, конфиденциальные отношения.

Естественно, что ни Хвостов, ни Белецкий распутинских чар на себе не испытывали, хотя последний, например, чтобы угодить Григорию неоднократно посещал «благочестивые обеды» на Гороховой, 64, где по воскресеньям на распутинскую уху собирались почитатели и почитательницы. В общем, Белецкий изображал сторонника «старца», хотя еще совсем недавно, возглавляя департамент полиции, как мы помним, снабжал антираспутинской информацией его врагов.

Назначение осенью 1915 года Хвостова министром внутренних дел, а Белецкого его заместителем происходило в отсутствие Распутина в столице. Когда он вернулся, оба сановника сочли необходимым организовать встречу для установления близких контактов. Конспиративная трапеза сняла все «шероховатости» в отношениях. Белецкий позднее вспоминал: «Из разговоров за столом мне стало ясно, что наши назначения Распути-

ну были известны и что он против нас ничего теперь не имеет, но что он, видимо, хотел, чтобы мы получили назначение как бы из его рук».

Успех встречи решено было закрепить дальнейшей деятельностью по «приручению» Распутина. Руководители МВД решили начать выплачивать ему солидную ежемесячную субсидию (1500 рублей). Белецкий подыгрывал А.Н. Хвостову, стремившемуся провести на должность обер-прокурора Синода своего родственника А.Н. Волжина, который, не отказываясь от содействия Распутина, категорически возражал даже против знакомства с ним. Комбинация блестяще удалась, но, став в конце концов во главе Синода, новый обер-прокурор занял резкую антираспутинскую позицию.

Здесь нет возможности и необходимости пересказывать сложные закулисные перипетии отношений между Императрицей, Распутиным, Вырубовой, Хвостовым, Белецким и Волжиным. Скажем лишь, что, убедившись в том, что подчинить Григория своим интересам не удастся, министр внутренних дел А.Н. Хвостов начинает вынашивать план его убийства. Однако дальше разговоров и каких-то опереточных действий дело не пошло. К тому же С.П. Белецкий предал своего «патрона», и намерения стали известны Царице.

Министр сразу же был отстранен от должности, а потрясенная Императрица восклицала в письме Супругу 2 марта 1916 года: «Я в отчаянии, что мы через Григория рекомендовали Тебе Хвостова. Мысль об этом не дает мне покоя, Ты был против этого, а Я сделала по их настоянию, хотя с самого начала сказала А. (Вырубовой. — А. Б.), что Мне нравится его большая энергия, но он слишком самоуверен и что это Мне в нём антипатично. Им овладел сам дьявол, нельзя это иначе назвать».

«Всемогущество» Распутина, о котором так много тогда говорили, всегда было условным. В конечном счете им пользовались в своих целях, каждый работал на себя и становиться приспешником «Гришки» никто не хотел. По сути дела, из влиятельных его знакомых лишь Александра Фёдоровна испытывала к нему нелицемерную симпатию.

Несмотря на очевидную привязанность Царицы к Распутину, принимать его у Себя она решалась лишь в крайних случаях, в последние годы лишь тогда, когда требовалось оказать помощь Алексею. Чаще всего Она встречалась с ним в «Анином домике». Здесь можно было общаться без широкой огласки. Любой же его приезд во дворец неизбежно становился известным многим и обязательно делался темой пересудов. При достаточно безразличном отношении Александры Фёдоровны к недоброжелательным мнениям игнорировать их совершенно Она не могла, особенно после того, как получила хождение грязная сплетня о Ее «сожительстве» с Распутиным.

Однако даже встречи за пределами дворца не оставались незамеченными. Всегда находились соглядатаи, и в этом отношении показателен следующий случай.

В 1915 году Вырубова организовала в Царском Селе собственный госпиталь, основанный на средства, которые она получила в качестве компенсации за свое увечье от железной дороги. Госпиталь стал центром забот для этой женщины. Сюда часто приходили ее друзья и знакомые: Ю.П. Ден, Г.Е. Распутин, Н.П. Саблин и многие другие. Бывала и Императрица с Дочерьми. Старшей сестрой в госпитале работала вдова подъяесаула Надежда Ивановна Воскобойникова.

Она приехала в 1911 году в Петербург с Дона «искать счастье», в столице довольно быстро освоилась и стала содержанкой тайного советника и сенатора В.Н. Ма-

монтова. После его смерти в начале 1916 года Воскобойникова оказалась «без места» и собралась идти в монастырь. Однако осуществить это намерение не спешила, решив посоветоваться с Распутиным. Его она знала уже несколько лет, встречая не раз в доме своего покойного «благодетеля».

В квартире Распутина на Гороховой, которую Воскобойникова усердно посещала, она познакомилась и близко сошлась с Вырубовой и в итоге вместо монастыря решила поступить к ней в лазарет. Там бывали многие влиятельные лица и имелся шанс завести «симпатичное знакомство». (Намерение это она скоро и осуществила, став задушевной приятельницей последнего министра внутренних дел А.Д. Протопопова.)

Распутин посоветовал «другине Анне» принять к себе на службу Надежду, заметив, что «она тебя не обкрадет». Такой рекомендации оказалось достаточно. Воскобойникова очень деятельно занялась медицинской службой и хорошо здесь себя зарекомендовала, став не только медсестрой, но и горничной у Вырубовой. Она близко увидела и узнала Императрицу, регулярно делала ей массаж.

О якобы существовавших интимных связях между Царицей и Григорием она была наслышана и горела желанием разгадать эту тайну и стать ее хранительницей. При каждом удобном случае она подглядывала и подслушивала, наблюдая за всем, что происходило в лазарете и доме Вырубовой. Главной же ее мечтой было застать и уличить Царицу. Какие возможности здесь открывались для шантажа и влияния! Но страстное любопытство так и не было вознаграждено. Ничего компрометирующего узнать не удалось.

Давая показания в ЧСК, она рассказывала: «Точные мои наблюдения не оставили во мне никакого со-

мнения в том, что слухи совершенно не соответствуют действительности и что Государыня не допускает ничего, что могло бы дать основание для этих слухов... Хотя при встречах Государыни и Распутина посторонних не было, тем не менее прислуживающий лакей Берчик (обычно Распутин приглашался к чаю, завтраку, обеду) беспрепятственно, а не по вызову входил в комнату, где находились Распутин и Государыня».

В начале января 1916 года Александра Фёдоровна писала Мужу в Могилев: «Мне бы хотелось повидаться с Нашим другом, но Я никогда не приглашаю Его к Нам в Твое отсутствие, так как люди очень злоязнены. Теперь уверяют, что Он получил назначение в Федоровский Собор, что связано с обязанностью зажигать все лампы во всех комнатах Дворца! Понятно, что это значит, но это так идиотски глупо, что разумный человек может лишь расхохотаться. Так отношусь к этой сплетне и Я».

Александра Фёдоровна никогда не предавала Своих друзей, а уж тем более Распутина, отношения с которым не собиралась рвать для того, чтобы угодить светским кумушкам.

В конце 1915 года произошло событие, еще раз убедившее и Николая II и Александру Фёдоровну в том, что Распутин предназначен Им Провидением. И снова связано это было с Цесаревичем Алексеем.

После двадцатидневной жизни в Царском Император 24 ноября возвращался в Ставку, в Могилёв. Цесаревич упросил Родителей разрешить Ему поехать с Отцом. Император собирался совершить большую инспекционную поездку по прифронтовой полосе и некоторым другим районам, Алексей хотел быть вместе с Ним.

Царь был этому очень рад, а Императрица с большой неохотой согласилась отпустить Алексея, у которого уже несколько недель болела после ушиба рука, и Он

ее не мог согнуть. Не советовал брать с собой Алексея и Распутин, но Николай II и Сын настояли.

Через неделю, 3 декабря, Император с Наследником выехали из Ставки на юг, в Галицию. Вечером 3 декабря 1915 года Царь записал в дневнике: «У Алексея простуда началась вчера, а сегодня утром после нескольких чиханий пошла понемногу кровь носом. Пошел в 10 часов к докладу. В 12 ½ мы покинули Могилёв, чтобы посетить гвардию. Но так как кровь, хотя и с перерывами, не унималась, по совету С.П. Фёдорова (лейб-хирург, с осени 1915 года состоял при Ставке. — А. Б.), решил со станции Бахмач повернуть обратно в Ставку».

Однако и по возвращении положение не улучшилось. У Наследника поднялась температура до 39 градусов, начались сильные головные боли. Император решил переехать в Царское Село, куда и прибыл с Сыном вечером 5 декабря. Положение Наследника было тяжелым. Кровотечение не прекращалось, температура оставалась высокой, и Алексей часто терял сознание.

Вырубова вспоминала: «Я видела Его, когда Он лежал в детской; маленькое восковое лицо. В ноздрях окровавленная вата. Профессор Федоров и доктор Деревенко возились около Него, но кровь не унималась... Императрица стояла на коленях около кровати, ломая себе голову, что дальше предпринять». И когда все средства были использованы, Мать прибегла к последнему. Она послала Вырубовой записку с приказанием вызвать Григория Распутина.

Распутин быстро приехал, подошел к кровати, сказал, что «ничего серьезного нет». Дал Алексею яблоко, погладил по голове, прочел молитвы, и состояние Мальчика сразу же стало улучшаться. По словам Вырубовой, «доктора говорили, что они совершенно не понимают, как это произошло. Но это — факт».

В обществе же ангел-хранитель Царской Семьи не вызывал никаких иных чувств, кроме зависти, ненависти и отвращения. В самой тиражной газете «Русское слово», например, можно было прочесть следующее: «Самая малейшая его просьба удовлетворялась. Если происходила почему-либо задержка, то Распутин по телефону, не стесняясь присутствием посторонних лиц, в резкой форме требовал от председателя Совета министров исполнения его просьбы».

В очередной раз уместно повторить: подобные картины — плод болезненного воображения. Но так как приступами «буйства фантазии» в тот период страдали не только сочинители газетных репортажей и аналитических статей, но и потребители, истинность описанного сомнений у многих не вызвала. Стали без обиняков утверждать, что «центр Империи теперь на Гороховой».

Квартира Распутина становилась широко известной не только в Петербурге, но и в России. Сюда уже нескончаемой чередой тянулись просители. Распутин щедрой рукой раздавал ходатаям и просителям записочки к различным должностным лицам. Эти клочки бумаги с распутинскими каракулями в силу удивительного положения писавшего порой срабатывали в чиновных канцеляриях.

Слухи об этом множились в геометрической прогрессии, и некоторые стали уверенно утверждать, что «это мужик всем министрам отдает приказы». Сочиненный «фильм ужаса» затуманивал и завораживал сознание. Это наглядно проявилось в случае с последним Царским министром внутренних дел А.Д. Протопоповым, которого чуть ли не все поголовно представители «общественности» уверенно называли «ставленником Распутина».

Родился Александр Дмитриевич в 1865 году в семье состоятельного дворянина, воспитывался в кадетском корпусе, а затем — в Николаевском кавалерийском училище и после его окончания в 1885 году был определен корнетом в лейб-гвардейский конногренадерский полк. Через несколько лет поступил в Академию Генерального штаба, где проучился только один год и по состоянию здоровья вышел в 1890 году в отставку в чине штабс-ротмистра.

В конце 90-х годов XIX века А.Д. Протопопов получил по завещанию дяди огромное состояние, включавшее почти семь тысяч десятин земли и суконную фабрику в Корсунском уезде Симбирской губернии. С тех пор Протопопов вёл жизнь богатого, по-европейски образованного человека. Он в совершенстве знал несколько европейских языков, был великолепным пианистом, учился у французского композитора Ж. Массне.

В 1907 году на выборах в III Думу ему удалось добиться успеха и удостоиться звания депутата, которое он сохранил и на выборах в IV Думу в 1912 году. Здесь он занял место на левом фланге октябристов и в 1915 году стал товарищем председателя Думы. В начале 1916 года его избирают губернским предводителем симбирского дворянства. Таков краткий послужной список того, кто сделался мишенью многочисленных нападок и разнужданной клеветы в последние месяцы Монархии.

До осени 1916 года имя А.Д. Протопопова пользовалось не только известностью, но и уважением в думских и околодумских кругах. Весной он возглавил представительную парламентскую делегацию, которая посетила Англию, Францию, Италию. В европейских столицах светские манеры и широкий кругозор главы русских парламентариев произвели хорошее впечатление, о чём Царю докладывали по дипломатическим ка-

налам, а английский король Георг в письме своему кузену — Императору Николаю II выразил радость, что «в России есть такие выдающиеся люди». Председатель Думы М.В. Родзянко несколько раз рекомендовал Самодержцу назначить Протопопова министром торговли и промышленности.

Царь не питал симпатий к думским политикам. Он считал, что большинство из них — несерьезные и безответственные люди, мало разбирающиеся в истинных проблемах и нуждах страны. Однако отзывы о Протопопове со всех сторон были неплохие, и Государь Николай II решил с ним познакомиться. Встреча состоялась в Ставке 19 июля, а на следующий день Царь писал супруге: «Вчера Я видел человека, который Мне очень понравился — Протопопова, товарища председателя Государственной Думы. Он ездил за границу с другими членами Думы и рассказывал Мне много интересного. Он бывший офицер конногвардейского полка, и Максимович (Константин Клавдиевич, генерал от кавалерии. — А. Б.) его знает». Заканчивая аудиенцию, Монарх сказал своему собеседнику: «Мы еще с вами поговорим не раз».

В итоге 16 сентября 1916 года Император поручил Протопопову руководство самым влиятельным министерством — внутренних дел. Никакого касательства к этому назначению Распутин не имел.

Для самого Александра Дмитриевича предложение указанного министерского поста оказалось неожиданным. Он мечтал об административной карьере, много размышлял о необходимости проведения различных мероприятий по упорядочению государственного устройства, о чем постоянно рассказывал. Он строил прекраснодушные планы, но не имел ни характера, ни способностей осуществить намеченное. Будучи глубоко верующим, он в глубине души не одобрял никакого на-

силы, в то время как в своей новой роли обязан был идти на меры, связанные с применением силы.

Николай II полагал, что Протопопов сможет решить две насущные задачи. Во-первых, сумеет установить добрые отношения с думскими кругами. Ведь он сам из их среды и прекрасно там всех знает. Но еще большие надежды возлагались на решение им продовольственной проблемы. Война дестабилизировала жизнь страны и привела к продовольственным затруднениям, особенно в крупнейших городах.

Перебои в поставках продуктов питания в города начались уже вскоре после начала войны. Россия была единственной участницей мирового конфликта, не ввопившей нормирования потребления продуктов (кроме сахара). Однако сложности с продовольствием были в очень большой степени результатом правительственной политики регулирования сбыта: ограничением свободной продажи зерна и муки и фиксированной стоимостью их. Не физическое отсутствие тех или иных продуктов, а установление государственной властью ценовых ограничений привело к параличу рыночных отношений, что сказалось на экономической жизни всей страны.

Правительственная мера преследовала две цели: во-первых, воспрепятствовать падению цен на зерно на внутреннем рынке после прекращения экспорта в 1914 году. Эта мера блестяще удалась. Но существовала и другая задача: оградить широкие слои простых потребителей от вакханалии спекулятивных рыночных манипуляций. Защита интересов простых людей — такая цель делала Царя и Царицу убежденными сторонниками государственного регулирования. Результаты же оказались неудачными.

Уже в середине 1915 года принятые меры показали свою неэффективность. Перебои в поставках не пре-

кращались, очереди у казенных хлебных лавок увеличивались, росло и недовольство. В 1916 году цены были существенно повышены, но оставались фиксированными. Принципиально эта мера ничего не решала, так как стоимость всех прочих товаров и услуг росла значительно быстрее, что делало производство и продажу зерна и муки коммерчески нецелесообразными.

Положение осложнялось расстройством транспорта, как и причинами общего порядка. Весной 1915 года Русская армия начала отступление из западных районов, продолжавшееся до сентября. Россия потеряла 15 губерний с неубранным урожаем. Этот же год дал огромное число беженцев, спасавшихся от германской оккупации и оседавших в центральных районах страны.

Кроме того, неблагоприятные погодные условия привели к серьезному недороду в 1916 году, когда урожай оказался ниже обычного примерно на 40%.

Ситуация серьезно обострялась, что видел и монарх, возлагавший надежды на Протопопова. Последний намеревался сосредоточить продовольственное дело в МВД и поставить его распределение под жесткий контроль. Намерение Протопопова идти «твердым и решительным курсом» нашло живой отклик в сердце Царицы.

Александра Фёдоровна имела продолжительную встречу с новым министром внутренних дел и осталась очень довольна. Встреча выявила полное взаимопонимание собеседников. Она подробно рассказала об этом в письме Мужу, и тот писал ей в ответ 23 сентября 1916 года: «Нежно благодарю Тебя за Твоё дорогое длинное письмо, в котором Ты так хорошо излагаешь Свой разговор с Прот. Дай Бог, чтобы он оказался тем человеком, в котором Мы сейчас нуждаемся! Да, действительно, Тебе надо бы быть моими глазами и ушами там, в столице, пока Мне приходится сидеть здесь. На

Твоей обязанности лежит поддерживать согласие и единение среди министров — этим Ты приносишь огромную пользу Мне и Нашей стране!»

Назначение Протопопова на важнейший правительственный пост внесло замешательство в ряды думской оппозиции. Недовольное большинство, сомкнув ряды, успешно «добивало» кабинет Б.В. Штюрмера, и было ясно, что его падение не за горами. Так возникала возможность создания долгожданного «кабинета общественного доверия».

И вдруг такой предательский удар! Один из их рядов, человек, которого и в состав будущего так называемого прогрессивного правительства не хотели приглашать, покинул «своих» и занял пост без согласования с ними. Отступника необходимо было морально и политически уничтожить! Если раньше главным объектом клеветнических измышлений являлся глава правительства Штюрмер, то теперь им стал новый министр внутренних дел.

Глава МВД оказался малодеятельным и безынициативным министром. Но подобных «недостатков» Протопопова его врагам казалось недостаточно для полного политического уничтожения бывшего коллеги. Требовались более «весомые» аргументы, и они сразу же нашлись. Ведь представители «прогрессивной общественности» давно поднаторели в фабрикациях сокрушительных сплетен. Для них не имела значения истина. Главное — найти что-нибудь «погорячее», что-нибудь такое, что било бы не в бровь, а в глаз.

Против Протопопова думские кликуши выдвинули ряд громких обвинений, но особенно оскорбительными являлись два. Первое — попытка вести сепаратные переговоры с Германией («измена») — довольно быстро отпало в силу своей абсурдности. Второе же интенсивно

муссировалось. Уже к ноябрю по всей России циркулировали сведения о том, что у министра внутренних дел «разжижение мозга» на почве сифилиса и что он «абсолютно психически ненормален». Нетрудно заключить, что инсинуаторы богатством воображения не блистали.

Слухи о слабоумии Протопопова усиленно распространялись. Дошли они и до Царя. На вопрос протопресвитера Г.И. Щавельского об этом Император Николай II заметил: «Я об этом слышал. С какого же времени Протопопов стал сумасшедшим? С того, как Я назначил его министром? Ведь в Государственную Думу выбирал его не Я, а губерния».

Императрица совершенно обоснованно узрела в нападках на Протопопова проявление натиска на власть: он дорог Нам, следовательно, они его ненавидят. «Не думай, что на этом одном кончится, они по одному удалят всех тех, кто Тебе предан, а затем и Нас Самих». Подобное умозаключение Александры Фёдоровны являлось абсолютно верным.

Царица стремилась не допустить отставки министра внутренних дел, на чём, стараясь нажать политический капитал в обществе, настаивал премьер А.Ф. Трепов, получивший в начале ноября 1916 года пост премьера. Александра Фёдоровна с грустью приняла выбор главы кабинета: Она его не любила, не считала «своим», так как хорошо была осведомлена о его антираспутинских настроениях.

В вопросе же о Протопопове Она использовала всю Свою энергию, чтобы удержать Самодержца от неправильного шага и оставить при должности «этого милого, умного и преданного человека». В таком развитии был заинтересован и Распутин, лично знавший Протопопова.

Когда судьба Протопопова висела на волоске после назначения Трепова, друг Царской Семьи приложил не-

мало усилий для его спасения. В пользу Протопопова работали Вырубова, Императрица, да и сам он постоянно посылал телеграммы. Так, в особо критический момент, 20 ноября, когда Александра Фёдоровна была в Ставке, Распутин отправил телеграфное послание из 238 слов, заклиная сохранить портфель министра Протопопову, которого шифровал именем «Калинин».

«Мой Калинин лица верного нет надеюсь что вы хоть маленько его поддержите. Вы знайте: репа хороша, когда зубы есть; ужасно мне больно, что я без зубов... Моя порука этот самый Калинин, а Вам разум пусть поймет».

Николай II, искренне любя Жену, питая благодарное уважение к «дорогому Григорию», всё-таки был далек от того, чтобы безоглядно доверяться в государственных делах его советам. Так, рассказав Императрице о своих планах относительно Думы и перестановках в кабинете, он заметил: «Только прошу, не вмешивай Нашего Друга. Ответственность несу Я, и поэтому я желаю быть свободным в своем выборе».

Это право всегда оставалось за Императором, и он назначил Трепова вопреки настроению и Александры Фёдоровны, и Распутина. В деле же Протопопова полностью согласился с Царицей, что его отставка явилась бы капитуляцией перед безответственными думскими крикунами.

Министр внутренних дел сохранил свой портфель. Это обстоятельство очень способствовало утверждению мнения о «всесилии» Распутина, без поддержки которого Протопопова давно бы уже убрали.

Распутинская тема стала занимать даже людей, которые раньше были далеки от политики. Об этом так много говорили все, приводили такие скандальные подробности, что трудно было усомниться в их достоверности. «Бедная, бедная Россия!» — горевали обеспокоенные судьбами

страны люди. «Неужели Государь не понимает, что Его связь с Распутиным может закончиться катастрофой?» — недоумевали правоверные монархисты.

«Надо уничтожить гадину!» — подобный «боевой клич» звучал во многих петроградских салонах осенью 1916 года. Распутинский «фильм ужаса» не только потрясал, порождал сплетни и приступы негодования. Он и «воспламенял» сердца, звал на «исторический подвиг». Столичный бомонд породил «исчадие ада», здесь же и созрел план по его «уничтожению».

Исполнителем сей громкой «акции» стал человек, который ничем общественно значимым себя не проявил, но оказался способным на подлое убийство. Это был представитель золотой молодежи, наследник колоссального состояния, эстет, англоман и любитель острых ощущений князь Феликс Феликсович Юсупов граф Сумароков-Эльстон.

С Распутиным Феликса познакомила Мария Головина, которая испытывала к князю нежные чувства; для неё он оставался отблеском того человека, которого одного всю жизнь и любила — старшего брата Феликса Николая. В своих записках Муня писала: «Я испытывала к этому другу (т.е. Феликсу. — А. Б.), который мне был дорог по личным причинам, безграничное доверие, и я пыталась объяснить себе, почему Григорий Ефимович, который обычно легко завязывал знакомства, был слишком сдержан каждый раз, когда находился с ним рядом. „Я чувствую его таким от нас далёким, что не знаю, о чём с ним говорить“, — отвечал он на мою просьбу-вопрос, почему он вёл себя с ним не так, как с другими. Только после нескольких встреч возникли между ними общие интересы: музыка, цыганские песни, здоровье молодого человека, желавшего быть им вылеченным, и что-то наподобие дружбы возникло наконец-то между ними».

В своих воспоминаниях князь Юсупов с циничной откровенностью писал, что его сближение с Распутиным имело только одну цель: добиться уничтожения «грязного мужика». Он признавал, что с Григорием в 1909 году в своём родительском доме его познакомила «барышня Г.». Потому ему якобы «мучительно было злоупотреблять доверием мадмуазель Г., ничего не подозревавшей. Пришлось заглушить голос совести». Тут князюшка явно лукавил; он не мог слышать этот самый «голос», так как у него совести вообще не было.

Простодушная Мария Головина чёрную душу Феликса Юсупова разглядеть была не в состоянии. «Я хотела, — признавалась Муня, — чтобы в тогдашнем обществе лучше узнали Распутина, особенно этот молодой человек, тянувшийся ко всему чудесному, необычному, что оказалось с моей стороны большой ошибкой. Я не смогла оценить глубину той беды, которая постигла Россию!».

Здесь уместен один сюжетный постскрипtum. Прошло более 50-ти лет после убийства Распутина, и в день праздника Воздвиженья Креста Господня 14/27 сентября 1967 года в Париже скончался восьмидесятилетний князь Феликс Юсупов. Событие прошло почти незамеченным; людей его круга, его поколения, его знакомых и родственников почти никого уже и не осталось. Для большинства живых князь давно превратился в реликт давно прошедшего и ушедшего навсегда. Но было одно исключение: Мария Головина. Она доживала последние годы. На заключительных страницах своих «записок» она сочла необходимым дать свою оценку роли Юсупова во всей Распутинской истории, но главным образом, «переосмыслить» его участие в убийстве «дорогого Григория Ефимовича».

То, что вышло из-под пера «преданной» Муни, может по меньшей мере озадачить. Головина фактически

оправдала Феликса Юсупова! Нет, конечно же, она не могла оправдать сам акт убийства; для этого Муня была слишком православной и слишком преданной памяти Григория. Его духовные наставления «последняя распутилка» благоговейно вспоминала до последнего дня своей жизни. Головина, оправдывая Феликса, старалась дистанцировать его от убийств, серьезно уверяя, что «роковой выстрел в Распутина был сделан другим человеком, имя которого хотят скрыть для того, чтобы защитить его». Кого хотят скрыть? Что это за загадочная личность, чье имя не предаётся огласке и через полвека?

Конечно, подобное утверждение не имеет ничего общего с действительностью. Всё в истории смерти Распутина давным-давно выяснено до малейших деталей. Дело даже не том, что Феликс Юсупов не раз с гордостью и явным самолюбованием описывал эту омерзительную историю. Были другие очевидцы и документы, и совокупность этих сведений не оставляет никаких сомнений в том, что Юсупов — организатор злодеяния и убийца.

Конечно, надо признать, что распространено множество легендарных сказаний о тайном «закулисье» распутинской истории, о том, что существовал «двойник» Распутина, что некие тайные организации, до британской секретной службы включительно, вынашивали планы и «в конце концов» осуществили «акцию убийства». Подобные увлекательные повествования ничего не имеют общего с подлинным ходом вещей. Никакого «двойника» никогда не существовало в природе; что же касается «спецслужб», то это тоже из области неисторических сказаний. Может быть, Муня Головина нечто подобное и прочла, а ее ранимой и трепетной душе, желавшей видеть в людях только хорошее, подобные пусто-порожные слова показались убедительными? Но, увы! Никто на этот вопрос уже никогда ответить не сможет...

Глава XIV. «Герой» столичного бомонда

В ночь с 16 на 17 декабря 1916 года Распутин был убит во дворце князей Юсуповых на Мойке. Семейное палаццо одной из самых родовитых семей в России стало местом гнусного злодеяния. Главные действующие лица: князь Феликс Феликсович Юсупов граф Сумароков Эльстон, известный общественный деятель правого толка, член Государственной думы Владимир Митрофанович Пуришкевич, Великий князь (кузен Николая II) Дмитрий Павлович. «Душой» же этого подлого начинания явился Феликс Юсупов.

Он относился к «золотому поколению» аристократии, получил прекрасное образование — вначале классическая гимназия, затем «прослушал курс наук» в Оксфордском университете. Там он сделался заядлым англоманом. Увлечение теннисом (некоторые даже называли его первой ракеткой России) и необычное в то время преклонение перед Оскаром Уайльдом («Портрет Дориана Грея» считал шедевром) должны были подчеркивать его исключительность.

Князь с детства рос в атмосфере роскоши и изысканности, ни в чем себе не отказывая. Он был любимчиком матери — Зинаиды Юсуповой, души не чаявшей в нем. После гибели на дуэли в 1908 году ее сына Николая (он был на три года старше Феликса) «Фелюша» для матушки стал вообще единственным сокровищем.

Отец Феликса — князь Феликс Юсупов (старший) не имел на сына никакого влияния, да и сам был «подкаблучником» у своей жены Зинаиды. В результате «крошка Феликс» вырос капризным, пустым и эгоцентричным человеком, занятым лишь угождением своему тщеславию и погоней за впечатлениями и удовольствиями.

Именно этому представителю русской аристократии после убийства Распутина, суждено было стать последним «героем» столичного бомонда. Трудно было вообразить в роли «спасителя Отечества» более несуразную и гротесковую фигуру, а факт славословий по его адресу лишь подчеркивает глубину исторической деградации, которой достигла русская аристократия накануне падения Монархии...

Красавица Зинаида Юсупова, портрет которой кисти В.А. Серова считается одним из шедевров отечественной портретной живописи, была долгое время в числе доверительных друзей Царя и Царицы. Но за два года до начала мировой войны эта дружба сошла на нет. Причина охлаждения связана с «Царевым другом». Императрица Александра Фёдоровна категорически не желала обсуждать с Зинаидой характер отношений с Григорием Распутиным.

Распаленная же светскими сплетнями Юсупова перешла все границы этикета, вознамерившись «просветить Царицу» насчет «истинного облика» друга Ее Семьи. «Выяснение отношений» состоялось 9 марта 1912 года. Юсупова уверяла Императрицу, что всё «общество смущено и возмущено» тем, что Распутин бывает во дворце, что это «порочный», «аморальный субъект», подлинный облик которого теперь хорошо известен: М.В. Родзянко «выяснил».

Государыня Александра Фёдоровна держалась из последних сил. Всё это слушать было нестерпимо. Ведь

только недавно Государь передал председателю Думы расследование консистории, а оказывается, что тот не только всем его показывал, хотя обещал сохранить тайну, но и увидел в нём то, чего там и в помине не было.

Таким людям, как княгиня Зинаида Юсупова, что-то доказывать — бесполезное занятие. Они не верили правдивой простоте, не хотели ничего иного слушать, они не умели чувствовать и понимать того, что находилось за пределами их гостиных. Императрица прервала обличения ясным и окончательным словом о Распутине. «Это честный и верный человек». Тема была закрыта, а княгиня Юсупова потеряла дружеское расположение в Царском дворце.

После «отставки» Зинаида Юсупова превратилась в деятельного недоброжелателя Венценосцев, инсинуируя по Их адресу при каждой возможности. Она без всякого стеснения давала самые оскорбительные характеристики тем, кто олицетворял власть, не желая понимать, что только благодаря коронной власти Юсуповы могли существовать в мире невысказанного богатства, удовлетворяя свои самые утонченные потребности. Княгиня дала Императрице прозвище «Валидэ» и в кругу родственников и знакомых только так Ее и называла.

Между тем Царь и Царица, как и прежде, продолжали проявлять по отношению к княгине Юсуповой учтивость. Ее приглашали во дворец, и к Царскому столу, что уже само по себе было знаком особой милости. Но княгиня в такие моменты просто «изнемогала». Вот выдержки из ее письма к сыну от 8 ноября 1913 года.

«6-го был обед и бал в Ливадии... меня посадили за Царским столом, а во время танцев позвали сидеть рядом с Хозяйкой, Которая меня поздравила и много говорила о вас обоих¹. Несмотря на показную любезность (выделе-

¹ Имеется в виду будущая женитьба Феликса на племяннице Царя Великой княжне Ирине Александровне.

но З.Н. Юсуповой. — А. Б.), разговор был сухой, и видно было, насколько я Ей не мила!». Княгиня же хотела, чтобы к ней относились как к «милой»! А раз этого нет, то можно было говорить о Царе и Царице незнамо что.

Как представительница знатного рода княгиня Зинаида прекрасно знала, что такое «репутация», знала и то, что за все дела — и добрые, и злые — придется отвечать перед Всевышним. Своего непутёвого сына Феликса наставляла: «Репутация человека — его лучшее богатство! Как надо её беречь! Малейшее пятно расплывается, и в конце концов все наши дела рано или поздно всплывают наружу. Надо жить так, чтобы для клеветы не было почвы! Надо жить каким-нибудь делом, каким-нибудь идеалом, не забывая, что всё кончается на земле и что мы когда-нибудь воздадим отчёт о нашей жизни не только людям, но и Богу!»

Золотые слова; тут нечего ни убавить, ни прибавить. Конечно, княгиня не предполагала, что в том «отчете» будет сказано, что она — беспардонная клеветница, а её сын — убийца!

Супруг же Зинаиды Николаевны Феликс Феликсович Юсупов (старший) вообще никакого личного суждения не имел; его глазами, ушами и языком была любимая Зизи. В такой ситуации вполне естественно, что папаша вслед за мамашей иначе как «мерзавцем» Распутина не называл.

Факт общения Григория с Царской Семьей превратился в постоянную тему «кошмара», которую в доме Юсуповых мусолили без усталости. Княгиня Зинаида, по ее словам, просто «задышалась от ненависти». В октябре 1915 года писала сыну:

«Я должна сказать, что то, что происходит в Царском Селе, меня возмущает до такой степени, что я бы желала уйти куда-нибудь далеко, далеко и никогда боль-

ше не вернуться! Григорий опять вернулся. Варнава¹, говорят, получает повышение! А Самарина² прямо прижали из-за этих мерзавцев, по приказанию сумасшедшей (! — А. Б.) Валидэ, которая также свела с ума (! — А. Б.) своего Супруга! Я прямо задыхаюсь от возмущения и нахожу, что дальше терпеть этого нельзя».

Зинаида Николаевна никуда не «удалилась». Она оставалась в гуще светских сплетен, адресуя Венценосцам такие слова и определения, которые и не всякий «профессиональный революционер» использовал.

За три недели до убийства Григория Распутина Зизи Юсупова писала Феликсу: «Теперь поздно, без скандала не обойтись, а тогда можно было спасти, требуя удаления Управляющего (Царя. — А. Б.) на всё время войны и невмешательства Валидэ в государственные вопросы. И теперь, я повторяю, что пока два вопроса не будут ликвидированы, ничего не выйдет мирным путем, скажи это дяде Мише (Родзянко. — А. Б.) от меня». Иными словами, княгиня уже готова была приветствовать свержение («удаление») Императора!

Своими поношениями и призывами Зинаида фактически подталкивала сына на преступление, которое тот и совершил. Узнав о том, матушка не только не содрогнулась, но и стала считать сына героем.

В такой атмосфере ненависти «Фелюша» вращался не один год. Он был полностью согласен с матушкой,

¹ Варнава (в миру Василий Александрович Накропин, 1859–1924), до 1913 года епископ Каргопольский, затем епископ Тобольский и Сибирский. Поддерживал добрые отношения с Распутиным, почему и считался «ставленником» Распутина, хотя это утверждение никогда не было документировано.

² Самарин Александр Дмитриевич (1868–1932). Известный общественный деятель, член Государственного совета, обер-прокурор Святейшего Синода (июль–сентябрь 1915 года).

что «Царица — психопатка», а Царь — «безвольная тряпка».

Несмотря на оскорбительное отношение к Венцеславам, папаша и мамаша очень поддерживали намерение «Фелюши» жениться на племяннице Царя княжне Ирине Александровне (дочери сестры Николая II Ксении Александровны). В феврале 1914 года в Аничковом дворце состоялось венчание, и Юсуповы породнились с Императорской фамилией. Брак сына не изменил отрицательного отношения княгини Юсуповой к Царю и Царице.

Благодаря убийству Распутина Феликс получил, можно сказать, всемирную славу. Кто бы знал этого княжеского отпрыска, некогда прославившегося лишь своими переодеваниями в женские наряды, в которых аристократ-трансвестит не только посещал публичные места, но и даже выступал на подмостках кабаре и в России, и за границей.

У «мадмуазель» случались замечательные «виктории». Миловидный девичий образ, в котором представлялся Юсупов перед публикой, притягивал взоры мужчин. А князю так хотелось быть центром внимания, он с детства мечтал о славе. Однажды в Париже в театре Феликс заметил, что «пожилой субъект из литерной ложи настойчиво меня лорнирует. В антракте, когда зажегся свет, я увидел, что это король Эдуард VII». Вскоре доверенное лицо короля пыталось выведать у спутников «прелестной красотки», кто она такая. Английский монарх имел репутацию «первого Дон Жуана Европы», и подобное внимание, как признался позже князь, «было приятно» и «льстило самолюбие».

Подобные «заслуги» вряд ли запечатлели бы образ Юсупова в апналах истории. Лишь совершенное им убийство принесло ему долгожданное «паблисити», и

таким путем ему действительно удалось оставить свой «плевок в историю».

Юсупов никогда не испытывал раскаяния. Через две недели после убийства Распутина он послал своей теще Великой княгине Ксении Александровне письмо, в котором убеждал, что его ни в коем случае нельзя считать убийцей, потому что он являлся «только орудием Провидения, которое дало ту непонятную и нечеловеческую силу и спокойствие духа, которые помогли исполнить свой долг перед Родиной и Царем, уничтожив ту злую, дьявольскую силу, бывшую позором для России и всего мира, перед которой до сих пор все были бессильны».

Уже после революции, отвечая на вопрос доктора Е.С. Боткина, «бывают ли у него угрызения совести? Ведь вы всё-таки человека убили», — Юсупов без запинки, с улыбкой на устах изрёк: «Никогда. Я ведь собаку убил». Не испытывал раскаяния и его «подельник» Великий князь Дмитрий Павлович...

После бегства из России Ф.Ф. Юсупов неоднократно публиковал воспоминания о той ночи, которая сделала его всемирно известной фигурой. Прожив за границей почти сорок лет, он не овладел ни одной профессией. Но при этом старый повеса так и «не научился считать деньги». А зачем? Ведь торговля воспоминаниями об убийстве приносила в эмиграции Юсупову неплохой доход.

Особенно повезло в начале 1930-х годов, когда князю удалось сорвать баснословный куш. Тогда он предъявил судебный иск голливудской компании «Метро-Голдвин-Майер» за фильм «Распутин и Императрица», в котором князь узрел «оскорбление чести жены», которая в одной из сцен уступала «интимным домогательствам Распутина». Суд происходил весной 1934 года в Лондоне, продолжался две недели, и Юсуповы получили, как писал в своих воспоминаниях князь, «крупное

возмещение». Речь шла о сотнях тысячах долларов. Но вернемся к главному сюжету.

Феликс впервые встретился «с отвратительным мужиком» еще в 1909 году. Поклонница старца-утешителя, известная нам Муня Головина, питавшая «большое романтическое чувство» к молодому Юсупову, познакомила их в своем доме ещё тогда, когда имя Григория Распутина не было широко известно.

Князь как истинный представитель золотой столичной молодежи интересовался модными течениями и необычными явлениями, занимавшими свет. К числу таких «диковин» и относился проповедник из Сибири. Однако эта встреча не привела к каким-либо регулярным отношениям. Лишь в годы войны антираспутинская истерия толкнула князя на сближение с Распутиным, чтобы «разгадать его тайну».

Друг Царской Семьи с первой же встречи проявил большой интерес к Маленькому (прозвище Феликса-младшего в придворной среде). В 1915–1916 годах они встречались несколько раз в узком кругу, пили чай, Феликс играл на гитаре и пел очень любимые Григорием жестокие цыганские романсы. Тот же, в свою очередь, много пророчествовал и вылечил «русского денди» от бессонницы.

Почему же всё-таки Юсупов решил убить Распутина? В своих статьях, интервью и книгах Феликс не раз о том говорил, всегда выставляя на первое место некие исторические причины. Особенно часто звучало утверждение, что он, убивая Распутина, пытался «спасти Россию» от злой силы, которую олицетворял этот человек, «полностью закабаливший Царицу и подчинивший своей воле Царя». Главная цель «акции» — «спасти Россию» от «власти тёмного мужика», который стал агентом врагов России, подсланных Германией.

Эту нелепицу Феликс Юсупов продолжал озвучивать и через десятилетия после тех событий, когда с документальной определенностью было установлено, что Распутин «марионеткой» ни Германии, ни каких-то других «враждебных России кругов» никогда не являлся и «правителем» Империи ни минуты не был. Но реальные факты Юсупову были не нужны, и он до самой смерти пребывал в мире сладостной иллюзии, что одолел «врага России», «дьявола по плоти».

Скажи же он правду, то и оказалось бы, что князь пригласил в свой дом человека и подло его там убил. И никакого величия, никакой патетики, никакого «портрета в истории». Однако если бы Юсупов признал подлинную «диспозицию», кто бы тогда на него обратил внимание, да и на что же в конце концов титулованный «рыцарь света» жил бы десятилетия в эмиграции? Поэтому, утешая своему жалкому самомнению, лгал и лгал до самой кончины и при этом, что самое омерзительное, имя Бога постоянно упоминал...

На самом деле Юсупов стал «рукой Провидения» лишь потому, что уязвлена была родовая аристократическая спесь. Об этом побудительном мотиве нежно-утонченный герой, конечно же, никогда не упоминал.

По его словам, князь якобы только и переживал, что за «судьбу России», «страдал» за ее будущее. Здесь нужно сделать одно важное уточнение. Для Юсупова-младшего Россия — это исключительно столичные дворцы, ложи в императорских театрах, родовые имения и дорогие рестораны. Никакой другой России он не знал и знать не хотел. Так было в жизни, но в мемуарах князя всё представлено иначе¹.

¹ Полный текст его воспоминаний был опубликован у нас в стране 1998 году.

«Героизм русских войск был исключительный, неслыханный... Россия чувствовала эти жертвы. Огромная страна в величайшем своем напряжении ощущала, как из ее организма струями бежит сильная и чистая кровь, кровь самых лучших, самых мужественных, радостно умиравших не только за русское, но и за общее дело».

К автору сего патетического монолога о доблести русского воинства на полях сражений Первой мировой войны возникает уместный вопрос: почему же он не оказался на поле брани, почему не влился в ряды тех героев, подвиги которых так красочно живописал. Сам Феликс о том нигде не заикнулся, но и без его помощи можно дать документально подтвержденный ответ: князь не хотел идти на войну. Произнеся множество слов о чести страны и армии, не раз, укоряя Царя и Царицу в том, что они «не следовали долгу», сам-то он сделал все возможное, чтобы провести военные будни не на фронте, а в семейных апартаментах.

«Слабовольный Царь» почти безвыездно находился в Ставке, «истеричная Императрица» чуть ли не ежедневно обмывала и перевязывала раны воинов в госпитале, а «Фелюша» бездельничал, целыми днями слонялся по знакомым, перемывал кости Венценосной Чете, бражничал и больше всего был обеспокоен лишь одним: как бы ему не попасть в ряды тех, кто имел «сильную и чистую кровь».

В начале марта 1915 года дочь Царя Ольга Николаевна сообщала Отцу, что Она была в Петрограде и видела в доме тети Ксении Феликса. По наблюдению Великой княжны, Юсупов, «сущий штатский», одет во всё коричневое, ходил по комнате, рылся в разных шкафах с журналами и в сущности ничего не делал; весьма неприятное впечатление он производит — мужчина в та-

кое время лодырничает. Сам будущий «герой бомонда» никакой неловкости не испытывал.

Вопрос об избавлении «Фелюши» от долга службы очень занимал «честную», «открытую» и «правдивую» матушку. Она имела по этому поводу беседы с сестрой Царя Ксенией Александровной, которая приняла близко к сердцу переживания своей родственницы. Две дамы объединили усилия. К делу привлекли военного министра А.А. Поливанова, а Ксения обещала при случае даже переговорить и с самим Государем. В начале октября 1915 года матушка сообщала «милому Феликсу»: «Дело всё-таки не сделано. По-моему, самое главное выхлопотать отсрочку по болезни до февраля, с правом поступления в Пажеский корпус. Об этом надо очень подумать».

Чтобы избавить сына от исполнения долга перед Россией, Зинаида готова была пойти на непристойные ухищрения и устроить «Фелюшу» в Пажеский корпус, откуда на фронт не призывали, но куда принимали лишь юных отроков, из возраста которых «князь-абитуриент» давно вышел. Но «неудобные традиции» и мнение других Юсуповых не интересовали, главное — повернуть выгодное дельце. Благодаря связям и влиянию оно и было устроено: Феликса избавили от военной службы.

В своих мемуарах Юсупов лишь мельком упоминает о своем неучастии в деле защиты «любимой России». «Мне стало стыдно сидеть в тылу, когда все ровесники мои ехали на фронт. Я решил поступить волонтером в Пажеский корпус и выполнить военный ценз на звание офицера. Год ученья был для меня тяжел, но и полезен. Военная школа укротила мой слишком гордый, строптивый и своенравный нрав». Итак, нрав военные занятия якобы «укротили», но почему же на фронте родо-

витый «патриот» так и не оказался? Об этом ни слова. Может быть, стыдно было говорить правду? Подобное трудно вообразить, если учесть, что речь идет о мемуарах нераскаявшегося убийцы.

Невольно вспоминается другая история, происходившая примерно в то же самое время, когда Феликс Юсупов уклонялся от исполнения воинского долга: о призыве в армию Дмитрия Распутина, за которого неоднократно просил его отец. Как уже говорилось, единственного сына друга Царской Семьи всё-таки призвали. Княжеский же отпрыск избежал подобной участи. В этой связи уместно сопоставить возможности Юсуповых и Григория Распутина.

Если кто-то из читателей настоящей книги увидит серовский портрет Зинаиды Николаевны Юсуповой, то он должен помнить, что перед ним не только художественно замечательное изображение одной из самых богатых и красивых женщин Российской Империи. Это также и образ аристократки, влияние которой порой было куда более значительным, чем у легендарного Распутина. Один из самых вопиющих случаев подобного рода и отмечен выше.

В многочисленных своих публикациях князь постоянно описывает облик и биографию будущей своей жертвы, предлагая публике омерзительный портрет. «Родился он в Покровской слободе Тобольской губернии. Родитель Григория Ефимовича — горький пьяница, вор и барышник Ефим Новых. Сын пошел по стопам отца — перекупал лошадей, был „варнаком“. „Варнак“ у сибиряков означает отпетый мерзавец. Сыздетства Григория звали на селе „распутником“, откуда и фамилия. Крестьяне побивали его палками, пристава по приказу исправника прилюдно наказывали плетью, а ему хоть бы что, только крепче становился».

Процитированные глупости Юсупов сочинял в Париже, через несколько десятилетий после бегства из России. Он за это время мог бы что-то узнать, хоть какие-то факты установить, но ничего не узнал и не установил. Ложь была так удобна, да к тому же книга воспоминаний предназначалась для французов, ничего вообще не смысливших в русском прошлом. Князь, так же как и другие погасшие «звезды истории», например, тот же Керенский, тиражировал пошлости без всякого стеснения. Приведем еще один пассаж из писаний родовитого мемуариста.

«В Царицыне он (Распутин. — А. Б.) лишает девственности монахиню под предлогом изгнания бесов. В Казани замечен выбегающим из борделя с голой девочкой впереди себя, которую хлыщет ремнем. В Тобольске соблазняет мужнюю жену, благочестивую даму, супругу инженера и доводит ее до того, что та во всеуслышание кричит о своей страсти и похваляется позором. Что ж с того? Хлысту всё позволено! И греховная связь с ним — благодать Божья».

Бесконечно пересказывая грязную клевету, он одну из самых скандальных сплетен всё-таки опустил: о своей половой связи с Распутиным. Об этом тоже говорили в салонах. Так как многие однозначно относили Юсупова к числу «очевидных» гомосексуалистов, а Распутина называли «неутомимым жеребцом», то в их отношениях, что являлось естественным для того времени, светские знатоки быстро «обнаружили» и «половые влечения». При всей порочности и бессовестности Феликса Юсупова, думается, что «сексуального мотива» в их отношениях никогда не было. Вызывалось это не «моральными устоями» князя, которых тот начисто был лишен, а отсутствием подобных наклонностей у Григория Распутина...

Не будем больше цитировать высказывания и оценки Юсупова. Приведенные выдержки красноречиво характеризуют их уровень, который читателю уже известен по высказываниям других, одержимых антираспутинским психозом современников. Попытаемся всё-таки понять, почему изнеженный аристократ, падающий в обморок от вида крови, всё же решил совершить убийство.

Первое, что здесь приходит на ум, так это предположение, что Феликсу лавры Дориана Грея не давали покоя. Но между литературной и реальной фигурами существовала принципиальная разница. Если герой Оскара Уайльда убивал, чтобы сохранить личную тайну, спасти себя и продлить свою патологическую молодость, то русский князь вознамерился обогреть руки кровью, чтобы, как он уверяет, «спасти Россию».

Первое время, как повествовал князь, его мучили сомнения относительно возможности сознательно убить человека. Однако колебания длились недолго. Скоро Феликс пришел к заключению, что раз на войне «убивают неповинных людей», потому что они «враги отечества», то, значит, в убийстве ничего предосудительно нет, если оно обуславливается целями «спасения родины». Так как Юсупову удалось избежать участи «фронтového бойца», он решил заняться уничтожением недруга, не покидая пределов столицы.

По мнению Юсуповского клана и их знакомых, Распутин — особо важный, самый главный и наиболее опасный «враг». Последние сомнения относительно необходимости убийства Распутина у Юсупова отпали после разговора с председателем Думы М.В. Родзянко. «Верный слуга Государя» без обиняков заверил князя, что не будь он таким старым, то лично бы «его прикончил». Это была желанная индульгенция. Путь к преступлению оказался открыт.

План убийства Юсупов начал вынашивать осенью 1916 года. Первоначально Феликс не хотел сам «пачкать руки убийством»; он собирался подыскать человека, способного сделать это за деньги. По мнению аристократа, такого рода людей можно было найти, конечно же, в революционной среде. За посредничеством он обратился в начале ноября 1916 года к видному общественному деятелю либеральной ориентации, известному адвокату и депутату Думы Василию Маклакову.

Тот нашел просьбу «бестактной», но тем не менее счел необходимым политически просветить Юсупова. «Вы воображаете, что Распутина будут убивать революционеры? Да разве они не понимают, что Распутин их лучший союзник? Никто не причинил Монархии столько вреда, сколько Распутин; они ни за что не станут его убивать».

Адвокат первоначально не выказывал интереса к юсуповской идее, заметив, что если убить Распутина, то «появится другой». Феликс же принялся уговаривать, ссылаясь на знания инфернальных сил, на свои «точные сведения» о положении дел при Дворе.

«Вы так говорите потому, что не верите в сверхъестественную силу. А я хорошо знаком с этим вопросом, я занимался оккультизмом; и я утверждаю, что Распутин обладает силой, которую можно встретить раз в сотни лет... Если убить сегодня Распутина, через две недели Императрицу придется поместить в больницу для душевнобольных. Ее душевное равновесие держится исключительно на Распутине; она развалится тотчас, как только его не станет. А когда Император освободится от влияния Распутина и своей жены, всё переменится; он сделается хорошим конституционным монархом». Эти глупые представления Юсупов потом нигде не воспроизводил, они известны лишь благодаря записям Маклакова.

Маститый адвокат имел куда более основательные политические представления, чем его собеседник. Однако уже при повторной встрече (всего князь с Маклаковым имел по крайней мере три беседы по поводу убийства) начал проявлять признаки заинтересованного внимания. Эту перемену отношения Маклаков объяснил тем, что во второй раз Юсупов приехал к нему «уже не нанимателем убийц, а человеком, решившимся действовать лично».

Мэтру адвокатуры такое намерение явно приглянулось, хотя он и понимал, что «если бы дело дошло до суда, я подлежал бы уголовной ответственности, как пособник». Но желание «попасть в историю» оказалось сильнее доводов профессиональной этики и моральных норм. Маклаков сделался ментором Юсупова.

«В разговоре с Юсуповым, настаивая на том, что убийство нужно делать без шума и оставлять против себя как можно меньше улик, я сказал, что убить всего лучше ударом; можно будет потом привезти труп в парк, переехать автомобилем и симулировать несчастный случай. Говоря об оружии, которым можно было бы покончить с человеком без шума и без улик, я указал ему для примера на лежащий на моем столе кистень. Это была не резиновая палка, как говорит князь Юсупов, это был кистень с двумя свинцовыми шарами на коротенькой гнущейся ручке. Его я еще до войны купил за границей».

История подготовки убийства просто потрясает своим бесстыдством: известнейший русский адвокат обучает потенциального убийцу, как совершить преступление и скрыть следы! Действительно, то время в истории России являлось периодом массового помешательства.

Юсупов слушал наставления известного либерала, затаив дыхание. Однако ему требовались не только советы, но и реальные помощники. В числе таковых пер-

вым оказался двоюродный брат Царя Великий князь Дмитрий Павлович. Он был почти сыном в Царской Семье, много лет Александра Фёдоровна и Николай II относились к нему с родительским участием.

Так и осталось до конца неясным, почему же Дмитрий — внук Императора Александра II и двоюродный брат Николая II (! — А. Б.) согласился участвовать в убийстве, прекрасно понимая, что этим нанесет страшный удар Венценосцам. Не имея никаких политических интересов, лишенный всякого общественного кругозора он, как и его задушевный друг Феликс, меньше всего был способен руководствоваться неким «мировоззрением». Очевидно, и здесь определяющую роль имели специфические личные черты пресыщенной натуры: жажда впечатлений, тяга к тайному и запретному.

Третьим заметным участником акции стал страстный думский оратор Владимир Пуришкевич. Он считался «твердокаменным монархистом», много лет без устали клеймившим мнимых и истинных врагов трона и Монархии. Под влиянием военных неудач и роста всеобщего недовольства он, как и многие другие, вдруг разглядел истинную причину всех зол в Распутине.

19 ноября 1916 года Пуришкевич произнес с трибуны Государственной думы пламенную речь, где восклицал: «В былые годы, в былые столетия Гришка Отрепьев колебал основы русской державы. Гришка Отрепьев воскрес в Гришке Распутине, но этот Гришка, живущий при других условиях, опаснее Гришки Отрепьева». Выступление произвело сильное впечатление на многих и вызвало большой интерес у князя, который ознакомил Пуришкевича со своим намерением и встретил полную поддержку.

В общих чертах замысел убийства был готов уже во второй половине ноября 1916 года. В него была посвящена и супруга князя Ирина Александровна, которой он

сообщал 20 ноября: «Я ужасно занят разработкой плана об уничтожении Р. Это теперь прямо необходимо, а то все будет кончено. Для этого я часто вижусь с Марией Головиной и с ним. Они меня очень полюбили и во всем со мной откровенны. Он всё меня зовет с ним ехать к цыганам. На днях поеду „ряженным“. Ты должна тоже в том участвовать. Дмитрий Павлович обо всём знает и помогает. Всё это произойдет в середине декабря».

В письме супруге Юсупов подчеркнул фразу: «Ни слова никому о том, что я пишу, т.е. о наших занятиях», а в конце добавил: «Скажи моей матери, прочитай ей мое письмо». Не только жена, но и Зинаида Юсупова была осведомлена о намерении своего отпрыска...

Ментор князя Маклаков настаивал: подготовку надо «провести в строжайшей тайне». Юсупов с этим был согласен, конспирировался, но все ухищрения оказались напрасными. Страстный ненавистник «грязного Гришки» Пуришкевич обо всём раструбил. Позднее Маклаков вспоминал: «За несколько дней до убийства ко мне пришла думская журналистка М.И. Бекер. „Знаете ли вы, спросила она, что Распутин будет скоро убит?“. Я сделал вид удивленный. „Я имею определенные данные; убийство состоится в доме Юсупова, в нем участвуют сам Юсупов и Великий князь Дмитрий Павлович“. „Кто вам это наплел?“. „Пуришкевич“».

Оказалось, что «твердокаменный монархист», давно страдавший тяжелым недугом — «реченедержанием», рассказал о намечаемой акции в думской комнате для журналистов! Маклаков от такого неожиданного известия просто на какое-то время онемел. Он немедленно встретился с главным организатором. «Я рассказал об этом Юсупову. Он был потрясен и заговорил со мной другим тоном: „Я больше не могу; если бы вы знали, как мало мне помогают мои сотрудники по этому делу! Я всё

должен делать один»». Несчастный! Как ему трудно приходилось!

Вскоре выяснилось, что Маклаков не будет лично участвовать в «акте возмездия». Адвокат узнал, что его присутствие в доме Юсупова в момент убийства нежелательно, потому что этому воспротивился Великий князь Дмитрий Павлович, считавший, что к делу не следует привлекать «политически левые элементы», так как «убийство затеяно истинными монархистами для спасения монархии и что участие кадета придало бы ему совершенно иной характер». Проще говоря, только истинные ревнители монархизма должны были убивать во имя монархии человека, которого так ценил Монарх и который не раз спасал жизнь Наследнику Престола! Подобная философия не казалась участникам абсурдной.

Маклаков в «деле спасения монархии» личного участия не принимал и накануне отбыл в Москву «читать лекцию». Но содействие он всё-таки оказал. Именно он дал Юсупову коробочку с гранулами цианистого калия, которым Феликс должен был отравить ненавистного друга царской семьи. Уже в эмиграции Василий Маклаков признался, что вместо яда дал Юсупову простой аспирин, чем и объяснил удивительную невосприимчивость Распутина к действию якобы смертоносной отравы.

План убийства не блистал изобретательностью. Феликс решил пригласить Распутина к себе в гости и там покончить с ним «раз и навсегда». Повод для приглашения: намерение жены Феликса Ирины познакомиться с Григорием, которая с ним знакома не была. Утверждение о намерении встречи являлось ложью. Ирина в тот момент находилась в Крыму, не было в Петрограде и родителей Феликса.

Сам главный организатор намеревался на следующий же после убийства день отбыть к семье в Крым.

Своей супруге он послал депешу, где просил: «Пришли 16-го мне телеграмму, что ты заболела и просишь меня приехать в Крым — это необходимо».

О недобрых намерениях относительно Распутина в окружении Царицы стало известно еще накануне. Вырубова вспоминала: «Днем 16 декабря Государыня послала меня к Григорию Ефимовичу с поручением, никак не связанным с политикой — отвести ему икону, привезенную Ею из Новгорода... Я оставалась (у него) минут 15, слышала от него, что он собирается поздно вечером ехать к Феликсу Юсупову знакомиться с его женой Ириной Александровной. Хотя я знала, что Распутин часто виделся с Феликсом Юсуповым, однако мне показалось странным, что он едет к ним так поздно. Но он ответил мне, что Феликс не хочет, чтобы об этом узнали его родители. Когда я уезжала, Григорий Ефимович сказал мне странную фразу: „Что еще тебе нужно от меня? Ты уже всё получила“. Вечером я рассказала Государыне, что Распутин собирается к Юсуповым знакомиться с Ириной Александровной. „Должно быть, какая-то ошибка, — ответила Государыня, — так как Ирина в Крыму и старших Юсуповых нет в городе“».

Распутин предчувствовал, что срок его земной жизни подходит к концу. Мария Головина описала последнюю их встречу вечером 16 декабря. Присутствовали только преданные почитатели: Муня, Анна Вырубова, Екатерина Сухомлинова и княгиня Евгения Шаховская. Григорий, налив всем немного вина, произнес наставление, которое преданная Муня помнила до конца своих дней.

«Господь управляет нашими жизнями, и всё то, что с вами происходит, это только по Его Воле. Все вы мне говорите быть осторожным, но разве осторожность спасла кого-либо от смерти? Истинный христианин не должен бояться смерти, но идти впереди неё, когда она

приходит: немного раньше или немного позже, что это изменит... Тот кто убивает, есть ничто, это может быть очень несчастный человек... Но те, кто подстрекают его к убийству, убеждают его убить, работают во тьме, поощряют ненависть, именно эти люди являются настоящими преступниками, они ответственны за все несчастья в России! Если они меня убьют сейчас, это будет означать конец царствования Николая III..»

Слушатели оцепенели от ужаса; слова Григория казались такими мрачными и безнадежными, что оторопь брала. Он прощался со своими близкими, и каждая из присутствующих получила и личное жизненное напутствие.

Обращаясь к Муне, он сказал: «Ты не всегда получала от жизни, что хотела. Но ты решила жить прежде всего ради Высшей Мудрости, быть под покровительством Всевышнего, и за это Богоматерь полюбит тебя, укажет тебе путь и будет утешать в течение всей твоей жизни. Не жди ничего от людей, надейся только на Господа. Не забывай никогда детей, обездоленных, гонимых, тех, кого презирают все! Остайся с ними, но не с богатыми и гордыми, они тебе ничего не дадут, тогда как другие будут тебя любить и дадут тебе мужество и силы, чтобы жить и трудиться всю жизнь...» Мария Головина этому завету духовного наставника следовала всю свою долгую, сложную, полную потрясений и радостей жизнь...

Последняя же встреча Венценосцев с Григорием Распутиным состоялась за две недели до его убийства — 2 декабря. В Царском дневнике есть фраза за тот день: «Вечер провели у Ани в беседе с Григорием». Эта встреча закончилась совершенно необычно. Вырубова вспоминала: «Когда Их Величества встали, чтобы проститься с ним, Государь сказал, как всегда: „Григорий, перекрести нас всех“. „Сегодня Ты благослови меня“, — ответил Григорий Ефимович, что Государь и сделал. Чувствовал ли

Распутин, что он видит Их в последний раз, не знаю...» Этого никто не знал из окружающих.

Царь вместе с Сыном 4 декабря отбыл в Могилев. Александра Фёдоровна осталась в Царском Селе и ещё несколько раз виделась с Григорием. Об этих встречах Она всегда подробно сообщала Супругу. 6 декабря писала: «Мы провели вчерашний вечер уютно и мило в маленьком домике (у Вырубовой. — А. Б.). Милая большая Лили (Ден. — А. Б.) тоже пришла туда попозднее, а также Муня Головина. Он (Распутин. — А. Б.) был в хорошем, веселом настроении. Видно, что он всё время думает о Тебе и что всё теперь пойдет хорошо».

К тому времени план убийства Распутина был уже готов. Требовалось «доработать» лишь отдельные «детали». Местом проведения «акции» Феликс Юсупов избрал родительский дом. «Я решил принять Распутина в помещении, которое только что было оборудовано в подвале. Арки разделяли его на две части. Большая служила столовой, из другой выходила винтовая лестница, поднимавшаяся в мои комнаты на первом этаже; на половине дороги была дверь, выходившая во двор. Этот зал с двумя маленькими окнами, выходившими на уровне земли на набережную Мойки. Стены были из серого камня, пол гранитный. Три большие красные вазы китайского фарфора уже украшали ниши в стене. Из кладовых принесли выбранные мною предметы: старинные стулья резного дерева, обитые почерневшей от времени кожей, массивные дубовые кресла с высокими спинками, маленькие столики, покрытые цветной материей, кубки из слоновой кости и множество других предметов художественной работы».

Утонченный эстет желал, чтобы место преступления было обставлено изысканно. «Я до сих пор вижу во всех подробностях убранство этой комнаты, и особенно

шкаф эбенового дерева с инкрустациями, содержащий целый лабиринт маленьких стекол, бронзовых колонок и потайных ящичков. На этом шкафу стояло распятие из горного хрусталя и гравированного серебра великолепной итальянской работы XVI века. (Распятие — работа великого итальянского мастера Бенвенуто Челлини — стоило целое состояние. — А. Б.). Большой камин из красного гранита был украшен золочеными чашами, старинными майоликовыми блюдами и скульптурной группой из слоновой кости. На пол расстелили большой персидский ковер, перед шкафом с лабиринтом — шкуру огромного белого медведя».

Как истинный последователь Уайльда Юсупов не сомневался, что драматическое действие должно разворачиваться лишь в изысканных интерьерах. Подвал юсуповского дворца после всех приготовлений выглядел как апартаменты времен Борджиа...

Заговорщики встретились во дворце Юсупова вечером 17 декабря. Они осмотрели приготовленное помещение: на столе стояли горячий самовар, блюдо с пирожными «буше», поднос с бутылками вина и стаканами.

Помимо трех главных действующих лиц участие принимали и еще двое: Станислав Лазаверт — доктор из санитарного отряда В.М. Пуришкевича, а также знакомый Юсупова поручик Сергей Сухотин, который раньше лечился в лазарете Юсуповых. Странное появление этого молодого человека в данном «изысканном сообществе» убийц никто не объяснил...

Пуришкевич захватил с собой из дома пистолет системы «соваж», из которого и будет потом убит Распутин. Около 11 часов вечера 16 декабря доктор Лазаверт надел резиновые перчатки, затем «снял верхушки пирожных, посыпал начинку порошком в количестве, способном, по его словам, убить слона».

После завершения приготовлений гости князя отправились наверх, где они должны были изображать веселую вечеринку, а Феликс поехал на Гороховую, 64, на квартиру Распутина. Дочь Матрёна вспоминала: «В 12 часов ночи к нам приехал Юсупов. Отец встретил его словами: „Ах, Маленький, ты пришел“. Юсупов спросил его: „Посторонних нет?“. Отец ответил, что никого нет. Тогда Юсупов сказал ему: „Пойдем кутить“. Они уехали, и больше отец не возвращался».

Что происходило в подвале дома на Мойке, какие разговоры вели Феликс Юсупов и Григорий Распутин на протяжении примерно двух часов, о том известно лишь из воспоминаний Юсупова. Однако вышедшие в разные годы и в разных странах откровения князя-убийцы содержат множество противоречий и неточностей, а некоторые места наполнены нарочитой мистической патетикой и как будто позаимствованы из низкопробных бульварных романов. Но другого источника нет и не будет, и узнать, в какой степени мемуарные реминисценции князя соответствовали действительности, никогда не удастся.

В изложении князя всё походило на какую-то дешёвую и мрачную оперетку. В общих чертах картина той ночи выглядела следующим образом. Юсупов прибыл со своим гостем во дворец вскоре после полуночи 17 декабря. Провел его в подвал, пригласил к столу, стал угощать его пирожными и вином (в бокалы тоже был подсыпан порошок) и вёл с ним разговоры «за жизнь». Распутин попросил князя спеть, и тот исполнил под гитару несколько столь им любимых «жестоких романсов».

Яд не действовал. Несколько раз Распутин спрашивал, где же хозяйка, на что Феликс отвечал, что она провожает гостей. Распутин собирался уходить, но задержался у эбенового шкафа с распятием, стал его рассма-

тривать. В этот момент Юсупов выстрелил ему в спину из браунинга. Распутин упал, как показалось, замертво. На шум выстрела прибежали сообщники.

Об увиденном написал Пуришкевич: «Нам представилась следующая картина: перед диваном, в гостиной, на шкуре белого медведя лежал умирающий Григорий Распутин, а над ним, держа револьвер в правой руке, заложенной за спину, совершенно спокойно стоял Юсупов... Не знаю, сколько времени простоял я здесь; в конце концов раздался голос Юсупова: „Ну-с, господа, идёте наверх, нужно кончать начатое”. Мы вышли из столовой, погасив в ней электричество и притворив слегка дверь».

Соучастники выпили на радостях вина и были необычайно возбуждены...

Через некоторое время Юсупов вернулся вниз, включил свет и стал смотреть на убитого. Далее произошло невероятное. Распутин «внезапно открыл левый глаз. Через несколько мгновений его правое веко тоже стало подрагивать, потом поднялось... Внезапным и сильным движением Распутин вскочил на ноги с пеной у рта. Дикая вопль раздался под сводами, его руки конвульсивно хватали воздух. Он бросился на меня, пытаюсь схватить меня за горло, его пальцы, как клещи, впивались в мои плечи. Глаза его вылезали из орбит, изо рта текла кровь. Низким и хриплым голосом он всё время звал меня по имени... Нечеловеческим усилием я вырвался из его хватки... Я бросился наверх, зовя Пуришкевича, оставшегося в моем кабинете».

На помощь почти обезумевшему от страха князю пришел скандальный борец «за чистоту монархической идеи». «Медлить было нельзя ни мгновенья, и я, не растерявшись, выхватил из кармана мой „соваж”. Поставил его на „огонь” и бегом спустился с лестницы...

Григорий Распутин, которого я полчаса назад созерцал при последнем издыхании, лежащим на каменном полу столовой, переваливаясь с боку на бок, быстро бежал по рыхлому снегу во дворе дворца вдоль железной решетки, выходявшей на улицу... Я бросился за ним вдогонку и выстрелил».

Стрелял Пуришкевич четыре раза, три раза промахнулся, а в четвертый попал Распутину в голову. Потом обезумевшие заговорщики пинали, и избивали бездыханное тело. С главным же организатором князем Юсуповым «от избытка нежных чувств» тут же, около убитого, сделался обморок, и сообщникам пришлось тащить Феликса во дворец и там приводить в сознание.

Как констатировал прокурор С.В. Завадский, ведший дело об убийстве Распутина, проведенное вскрытие тела показало, что «Распутину были нанесены три смертельные раны: в почки, в печень и в мозг. По мнению вскрывавших, после первой раны Распутин не мог жить более 20 минут, а все три были прижизненные, следовательно, третья должна была последовать за первой в промежуток времени самое большее около четверти часа».

По данным медицинского освидетельствования, кроме пулевых ран в спину и голову у Распутина была «огромная рваная рана в левом боку, сделанная ножом или шпорой». Никакого яда в организме Распутина обнаружено не было. Маклаков сказал правду. Акт медицинского освидетельствования трупа Распутина почему-то был уничтожен ещё при Временном правительстве...

Заговорщики придавали большое значение тщательному сокрытию следов преступления. Тело Григория Распутина на автомобиле Великого князя Дмитрия отвезли подальше от юсуповского дворца и бросили под лед...

Участники условились категорически отрицать возможные обвинения, хотя, казалось бы, они делали «великое дело», совершали, по их представлениям, чуть не «подвиг самопожертвования». Вели же себя, как заурядные убийцы.

Князь Юсупов отправил Царице письмо, где отрицал какую-либо причастность к убийству и в заключение восклицал: «Я не нахожу слов, Ваше Величество, чтобы сказать Вам, как я потрясен всем случившимся и до какой степени мне кажутся дикими те обвинения, которые на меня возводятся. Остаюсь глубоко преданный Вашему Величеству Феликс».

Однако ухищрения были напрасны. Уже 17 декабря Царица писала Мужу: «Мы сидим, все вместе — Ты можешь представить наши чувства — наш Друг исчез. Вчера А. (Вырубова. — А. Б.) видела его, и он ей сказал, что Феликс просит его приехать к нему ночью, что за Ним заедет автомобиль, чтобы Он мог повидать Ирину... Я не могу и не хочу верить, что Его убили. Да смилуется над ним Бог!». Но очень скоро стало ясно: Григория убили.

Сенсационная новость о его смерти быстро распространилась. Многие ликовали. Председатель Думы М.В. Родзянко, находившийся в курсе этого «важного дела», встретив Юсупова, обнял, прослезился и не смог удержаться от публичного выражения восторга. Князь потом признавался, что такое «отеческое отношение успокоило и окрылило» его.

Собственное расследование затеял самый «свободолюбивый» член Династии — Великий князь Николай Михайлович. 19 декабря он «настиг» Феликса Юсупова в доме Дмитрия Павловича и «учинил дознание». Молодой князь ему «открылся», признавшись в убийстве. Самое замечательное состояло в том, как он мотивировал свой поступок. Оказывается, как зафиксировал

Николай Михайлович в дневнике, Юсупов узнал, что «к концу декабря было решено подписать сепаратный мир с Германией (! — А. Б.). Это вызвало у Юсупова желание, а вскоре и твердое решение покончить с ним во что бы то ни стало».

Записав эти бредни, Великий князь никак их не прокомментировал, но когда узнал детали злодеяния, лишь меланхолически заметил, что всё это напоминает «средневековое убийство в Италии». Остыв от впечатлений, через несколько дней записал: «Не могу еще разобраться в психике молодых людей. Безусловно, они невропаты, какие-то эстеты, и всё, что они совершили, — хотя очистили воздух, но — полумера, так как надо обязательно покончить с Александрой Фёдоровной (! — А. Б.), и с Протопоповым». Ни слова осуждения самого преступного факта! Мало того, «историк» лишь досадует, что это «полумера»!

И не удивительно, что Николай Михайлович приветствовал революцию. Через несколько дней после крушения Монархии французский посол Палеолог встретил Великого князя. Тот излучал оптимизм, уверяя, что падение Самодержавия «обеспечит спасение и Великой России»! Посол республиканской Франции немало был озадачен таким безответственным поведением члена Династии...

Ликовали и другие члены Императорской Фамилии. Еще не зная подробностей и того, что в убийстве замешан брат Дмитрий, Великая княгиня Мария Павловна (младшая) 19 декабря писала своей мачехе, княгине О.В. Палей:

«Со вчерашнего утра весь Псков (она работала здесь в госпитале. — А. Б.) чрезвычайно взволнован известием об убийстве Р., но подробностей мы никаких не знаем, и даже штаб не имеет никаких подробных сведений.

Страшно интересно узнать, кто это сделал и как всё произошло: напиши мне хоть два слова. Письмо, чтобы не посылать по почте, можно отослать с тем же санитаром, которого я посылаю сейчас в Петроград. Сколько народу по всей России перекрестились, узнав, что больше нет этого злого гения...»

Гибель стала праздником для многих, и первоисточником сенсацией для газет, которые заполонила информация о Распутине. Первое сообщение о событии появилось в вечернем выпуске петроградских «Биржевых ведомостей» 17 декабря. «Сегодня в шестом часу утра в одном из аристократических особняков центра столицы после раута внезапно окончил жизнь Григорий Распутин-Новых».

Претендовавшая на респектабельность высокотиражная московская газета «Русское слово» посылала вслед убитому очередную порцию клеветы: «Представьте себе покровителя, которому со второй встречи можно говорить „ты“, к которому не нужны длинные подходы, не нужны сложные интриги и который может „сварганить“ дело за небольшое денежное вознаграждение или за „женское продовольствие“. Согласитесь, что в мире пройдох, интриганов и политических жуликов это был не человек, а клад».

Искренне оплакивали Григория Распутина лишь несколько человек, включая Александру Фёдоровну и Царских Детей.

Здесь не место размышлять, был ли это «первый выстрел» революции или нет. Но то, что в «обществе» убийство стало поводом чуть ли не для праздника, свидетельствовало о потере многими людьми вообще нравственных ориентиров.

Даже Вдовствующая Императрица не устояла. В дневнике 19 декабря записала: «Все радуются и превозносят Феликса (князя Юсупова, убийцу Распути-

на. — А. Б.) до небес за его доблестный подвиг во имя Родины. Я же нахожу ужасным, как всё это было сделано». Марию Фёдоровну шокировал не столько сам факт убийства, в котором напрямую замешан муж её внучки, сколько лишь его «организационная часть». Мало того, она даже послала Императору телеграмму с просьбой не возбуждать следственное дело по факту преступления! Вроде бы и преступления никакого не было. Убили же ведь только «грязного мужика»!

Эту «философию» исповедовала не только Мария Фёдоровна. Большинство Романовых занимали ещё более резкую позицию. Моральное крушение Династии наступило раньше, чем пала сама Монархия!

Для Царской же Семьи смерть Григория Распутина стала тяжелым ударом. Она потеряла великого молитвенника, человека, который любил Их всем сердцем, чудотворца, спасавшего жизнь Цесаревичу. В дневниковых записях Ольги Николаевны и Марии Николаевны отражены печальные настроения тех дней.

Ольга Николаевна.

«Настроение самое ужасное. Татьяна и Я спали с Мамой. Я на койке Папы, а она на кушетке. Всё-таки уютней» (18 декабря).

«Окончательно узнали, что отец Григорий был убит, должно быть Дмитрием, и брошен с моста у Крестовского (острова). Его нашли в воде. Как тяжело и писать не стоит» (19 декабря).

«В 9 часов Мы и Папа и Мама поехали к месту Аниной постройки, где была отслужена Лития, и похоронили отца Григория — в левой стороне будущей церкви. Спаси Боже Святой» (21 декабря).

Татьяна Николаевна.

«Плохие известия, Григорий пропал со вчерашнего дня. Не знают где» (17 декабря 1916 года).

«Сидели все вместе. Нового про Григория ничего не известно, подозревают Дмитрия и Феликса» (18 декабря).

Убийство явилось потрясением для всех членов Семьи. На Рождество 1916 года Татьяна Николаевна послала Матушке записку, где говорилось: «Моя бесценная, дорогая Мама! Я молюсь, чтобы Бог помог сейчас Вам в это ужасно трудное время. Да благословит и защитит Он Вас от всего дурного. Я верю, что душа Нашего любимого Друга всегда с Нами и молится за Тебя, Мой ангел, Мама».

Для Государыни Александры Фёдоровны гибель «Друга» оказалась тяжелым ударом. Она сразу же почувствовала, что это страшный грех, за который всем придётся заплатить дорогую цену. По прошествии года, в декабре 1917 года, писала А.В. Вырубовой из Тобольска: «Вспоминаю Новгород и ужасное 17 число, и за это тоже страдает Россия. Все должны страдать за всё, что сделали, но никто этого не понимает»...

Уже 17 декабря 1916 года, через несколько часов после того, как во дворце князей Юсуповых на Мойке «покончили с Гришкой», Александра Фёдоровна догадалась, где и как был убит Их Друг. В тот день Императрица написала Мужу очередное письмо. Рассказала о событиях дня, а потом заметила: «Мы сидим все вместе — Ты можешь Себе представить наши мысли, чувства — наш Друг исчез. Вчера А. (Вырубова. — А. Б.) видела его, и он сказал, что Феликс просил его приехать к нему ночью, что за ним заедет автомобиль... Сегодня ночью огромный скандал в юсуповском доме — большое собрание, Дмитрий, Пуришкевич и т.д. — все пьяные. Полиция слышала выстрелы. Пуришкевич выбежал, крича полиции, что наш Друг убит».

Вечер того дня описала Лили Ден, которую Александра Фёдоровна просила приехать в Александровский

Дворец. «Государыня находилась в лиловом будуаре... Никогда ещё в лиловой гостиной Её Величества не было так по-домашнему уютно. Воздух был пропитан ароматом цветов и свежим запахом пылающих дров. Ее Величество лежала на кушетке, рядом с Нею сидели Великие Княжны. На скамеечке возле кушетки устроилась Анна Вырубова. Государыня была очень бледна, в глазах тревога. Их Высочества молчали. Анна, похоже, плакала перед моим приходом. Я услышала то, что мне уже было известно. Григорий Ефимович исчез...».

Именно тогда Александра Фёдоровна сказала Лили, что «Она не боится смерти», что «смерть — избавление от страданий».

У Императрицы не было никаких «истерик» и «обмороков», о которых говорили тогда в петроградских салонах и о чем потом писали разнообразные сочинители. Была тревога, царило грустное сосредоточенное настроение. И ещё всегда, и в те дни — вера в Промысел Божий.

Министр внутренних дел А.Д. Протопопов (1866–1918), прибывший через день, когда в реке уже было обнаружено тело Распутина, свидетельствовал, что Государыня «была печальна, но спокойна, выражала надежду, что молитвы мученически погибшего Григория Ефимовича спасут Их Семью от опасности переживаемого тяжелого времени». Как выразилась Ден, «за Себя Она не боялась; Она была безмятежна и не испытывала ни малейшего страха».

Александра Фёдоровна боялась за близких. Окончательно убедившись, что убийцами оказались родственники — двоюродный брат Царя Дмитрий Павлович и муж племянницы царя Феликс Юсупов, Она поняла, что злопыхательство и клевета против Них — не просто слова. Теперь это и дела. Мужу телеграфировала днём 18 де-

кабря: «Есть опасения, что эти два мальчика затевают еще нечто ужаснее».

Государь всё понял, понял, какой удар был нанесен Им, и 19 декабря вернулся в Царское Село. К этому времени картина преступления уже вполне выяснилась. Юсупов пригласил Распутина к себе в гости, и там в присутствии нескольких других лиц, в том числе и Великого князя Дмитрия, Григорий был убит. Тело же на машине Великого князя вывезли из дворца и бросили под лёд. Как вспоминала А.А. Вырубова, «Государь эти дни почти не разговаривал, и мы никто не смели беспокоить Его».

Императрица получила сведения, что некоторые члены Династии, в том числе Дмитрий и Феликс, вынашивают планы и других убийств, в том числе и Ее! Она и раньше слышала такие разговоры, но теперь они приобретали зловещий характер. Полиция перехватила несколько писем, где прямо об этом говорилось. Но самое ужасное, что радостно-злорадные настроения испытывали родственники! Об этом тоже говорилось в письмах, перехваченных полицией.

«Государь сказал, — вспоминала Вырубова, — что всё это так низко, что Ему противно этим заниматься. Императрица же всё поияла. Она сидела бледная, смотря перед Собой широко раскрытыми глазами. Принесли ещё две телеграммы... Близкая родственница „благословляла“ Феликса на патриотическое дело. Это постыдное сообщение совсем убило Государыню; Она плакала горько и безутешно, и я ничем не могла успокоить Её». Этой «близкой родственницей» являлась Великая княгиня Елизавета Фёдоровна...

Возник вопрос о месте похорон Распутина. В первый момент мнение было однозначным: предать тело земле на его родине, в Покровском. Однако Алексан-

дру Фёдоровну некоторые близкие Распутину люди умоляли похоронить Григория в Царском, а министр внутренних дел А.Д. Протопопов считал, что транспортировка гроба с телом через всю страну чревата непредсказуемыми последствиями.

Как вспоминала Лили Ден, Анна Вырубова «уладила вопрос, предложив похоронить тело Распутина в центральной части часовни рядом с её лазаретом для выздоравливающих. Часовня и лазарет строились на земле, приобретенной Анной на её собственные средства. Поэтому имя Императорской Семьи не будет затронуто, если разгорится скандал». Так и решили: предать тело земле в пустынном месте Царского Села, на территории строящегося Вырубовой Серафимовского лазарета.

После извлечения из воды тело Григория было переправлено в Чесменскую богадельню, находившуюся на полпути между Петроградом и Царским Селом. Похороны состоялись 21 декабря. В дневнике Императора Николая II записано:

«В 9 часов поехали всею семьею мимо здания фотографии и направо к полю, где присутствовали при грустной картине: гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17-е декабря извергами в доме Ф. Юсупова, стоял уже опущенный в могилу. Отец Ал. Васильев отслужил литию, после чего Мы вернулись домой. Погода была серая при 12 мороза».

Подробно о процедуре похорон рассказал полковник Д.Н. Ломан, которому удалось неофициально стать ее свидетелем:

«На погребении Распутина я не был, но издали видел, что на нем присутствовала вся Царская Семья, Мальцев, Лаптинская и фельдшерница из лазарета Вырубовой, фамилии я её не знаю. Погребение

собственно совершено было в Чесменской богадельне епископом Исидором (настоятель Тюменского Свято-Троицкого монастыря. — А. Б.), я же говорю о предании земле, что совершилось духовником (Царской Семьи. — А. Б.) отцом Александром Васильевым и иеромонахом из вырубовского лазарета. Певчих не было, пел причетник из Федоровского собора Ищенко. Накануне отец Васильев сообщил мне, что ему отдано распоряжение совершить предание земле Распутина, для чего он приедет из Петрограда ночевать в Царское Село, а утром заедет в собор за причетником и ризами и чтоб я сделал соответствующие распоряжения (Ломан состоял старостой Государева Федоровского собора. — А. Б.).

На другой день о. Васильев заехал в собор, где поджидал его я, и мы вместе поехали к Серафимовскому убежищу, на то место, где предполагалось воздвигнуть храм. Не доезжая до самого места, о. Васильев ушел к месту придания земле (гроб стоял уже в яме), а я остался в стороне, так как я не был виден, мне же было все видно. До прибытия Царской Семьи я подходил к самой могиле и видел металлический гроб. Никакого отверстия в крышке гроба не было. Гроб был засыпан прямо землею, и склепа в могиле устраиваемо не было».

На крышку гроба члены Царской Семьи положили белые розы. Царской Империи осталось жить только 67 дней...

Царь и Царица ничему и никому не изменили. Они остались верны Своим принципам, Они остались Самими Собой. Хотя мир теперь выглядел иначе: выяснилось, что крутом ложь, злоба и ненависть. Но Они не согнулись, не отступились и продолжали делать Своё дело так же самоотверженно, как и раньше.

Императрица Александра Фёдоровна знала, что отречься от мертвого человека — такой же грех, как и от живого. Она не отрекалась. Она помнила Григория всегда: бывала на панихидах, посещала могилу¹. 27 февраля 1917 года, за три дня до свержения Императора с Престола, когда в Петрограде уже вовсю бушевали революционные страсти, Александра Фёдоровна вместе с Ден последний раз побывала на могиле «Друга»...

¹ Могила Распутина была разорена в первые дни революции. Тело было извлечено из могилы, а затем вывезено за город и сожжено.

Послесловие

Трудно надеяться на то, что чёрная антираспутинская мифология когда-нибудь уйдёт в область исторического забвения. Она будет целенаправленно актуализироваться снова и снова. Для этого существуют вполне реальные, но не всегда внешне различимые мировоззренческие причины. Как уже отмечалось, сочинителям скабрёзных пассажей, их менторам и спонсорам подлинный Григорий Распутин не нужен и не интересен. Главная мишень совершенно другая, несравненно выше и значимее — Православная Россия. Корни этого органического неприятия скрыты в стародавних временах.

Начиная с XVI века, когда Западная Европа фактически начала открывать для себя далекую Русь, в различных странах стали появляться первые «записки о Московии», в массе своей по духу глубоко враждебные и русским, и России. Западные страны являлись или католическими, или протестантскими, но в равной степени далекими и враждебными Православию.

Православное государствообразование Русь переняла от Империи Константина Великого, или Империи ромеев — Византии, которую страстно ненавидели все противники истинной веры, в первую очередь из среды католицизма. В 1453 году Византия пала, но Русь

осталась; она развивалась, расширялась и укреплялась. Ей суждено было принять на себя вселенскую миссию Константинополя (Царьграда) — быть негасимой свечой Православия, ковчегом спасения рода человеческого. Одновременно Русь-Россия унаследовала и ещё одну роль: быть мишенью для поношения многочисленных недругов Православия.

Светские и духовные правители Западной Европы и их многочисленные агенты не желали принимать не только какую-то неведомую им теорию Третьего Рима, но и весь христианизированный уклад мироустройства в чуждой Руси. Именно в далёком XVI веке на Западе начало складываться стойкое неприязненное отношение к России и русским, которые изображались почти дикарями, якобы неспособными ни стать «правильными христианами», ни овладеть «благами цивилизации». Потом появилась «историческая наука», которая эти стереотипы западного восприятия как бы канонизировала. Следом общественным сознанием во многих странах начал овладевать атеизм, который в своих материалистическо-позитивистских течениях, направлениях и партиях продолжил старое дело католических апологетов по дискредитации Православия.

По сей день практически в любом (исключения единичны) сочинении западного автора о России непременно встречаются пассажи, ярлыки и клише, пришедшие в наше время из далекой средневековой эпохи. Россию традиционно изображают дикой и отсталой, а правителей — глупыми, жестокими, кровожадными. Для подобных авторов совершенно неважно, что во всех странах «западного пути развития» показатели жестокостей, насилия и кровопролития были неизмеримо масштабней, чем в Руси-России. Главное — заклеить в бессчетный уже раз Россию, приписав ей

все мыслимые и немыслимые с точки зрения фактографии, да и просто человеческой логики, «грехи» и «преступления».

«Русологи» всех мастей и разных времён, как правило, ничего не знают и ничего не понимают в Православии, но пишут о нём все. Истинная же роль Православия — содержание и смысл русского исторического пути — замалчивается, искажается или трактуется лишь как «обветшалый обряд».

Говоря о России, западные авторы совершенно забывают о всякой толерантности, декларативно выставленной в качестве неперемennого атрибута современной культуры. В русологии же, по сути дела, господствует русофобия, возникшая в Средние века и преспокойно существующая и поныне. А ведь любая религиозно-культурная или этническая фобия — антисемитизм, русофобия, армянофобия, исламофобия и т.д. — одно из отвратительнейших явлений истории, не раз приводивших к жесточайшим и кровавым последствиям. Современные западные русологи как будто о том и не ведают...

Однако было бы заведомым упрощением искать недоброжелателей и врагов Руси-России исключительно в западных, инославных странах. В начале XVIII века в России Петром I начал реализовываться так называемый западный проект, суть которого замечательно выразил историк Н.М. Карамзин: «Пылкий Монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел сделать Россию Голландией».

Россия Голландией не стала; она оставалась православным Царством-Империей до самого обвала в 1917 году. Однако европеизация наплодила во множестве «голландцев» или, по словам Ф.М. Достоевского, «русских иностранцев», умевших чувствовать и воспринимать окружающий мир именно «по-голландски»,

«по-французски», «по-немецки», «по-английски», а проще говоря — не по-русски. Потому и явления русской жизни они начинали оценивать с «чужого голоса», не находя ничего положительного ни в прошлой, ни в настоящей русской действительности.

После Петра русские «западники» занимали господствующее положение во многих сферах деятельности в России; в области же истории «западники» доминировали почти безраздельно. Благодаря этому многие страницы и главы истории Отечества написаны, как выразился А.С. Пушкин о сочинении А.И. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», «желчью напитанным пером».

Возможно, у читателя может возникнуть недоумённый вопрос: какое отношение приведённые исторические ремарки имеют к Распутину? Ответ может быть только один: самое непосредственное! Шельмуя Распутина, тиражируя о нём грязные сплетни, построенные на исторически недостоверных слухах, их распространители фактически продолжают дело своих давних католических и протестантских предшественников из времён Средневековья. Конечно, ныне религиозный фактор не имеет существенного значения для западного и западного сознания. Практически вся так называемая североатлантическая цивилизация абсолютно дехристианизирована. Сейчас преобладают геополитические интересы небольшой группы стран, называющих себя либеральными, мечтающими сохранить навсегда тот мировой порядок вещей, при котором более 80% населения земли должны оставаться их данниками и прислужниками.

В этом мировом контексте независимая Православная Россия совершенно не нужна и враждебна миру «торжествующего атлантизма». Потому и появляются

книги, фильмы, телепрограммы, скроенные по старому русофобскому шаблону, утвердившемуся в западном сознании многие века назад.

Возрождение Православия в нашей стране после падения коммунистической диктатуры вызывает непримиримое противодействие. И здесь, как кажется русофобам всех мастей, Распутин является одним из удобных поводов для поношения всего православного мироустройства. Смакуя старую ложь, злопыхатели стараются убедить: вот, смотрите, какова «православная страна», где всё было пронизано и пропитано «дикостью», «развратом», «лицемерием», «алчностью», «скудоумием». Таковы были правители, таковы были и их близкие! Правду же сказать боятся, не смеют признать, что последний Царь и последняя Царица — эталоны нравственного совершенства; что Они святые. Ничего подобного «страны прогресса» миру не явили и явить не могли.

Поэтому Их и стараются опорочить, потому Распутин и является желанной темой для смысловых манипуляций. Ведь о нём столько сказано непотребного современниками! Как же им не верить? Они очевидцы! Действительно, очевидцы, но только чего? Только одного: болезненного мировосприятия, овладевшего умами немалого числа людей из «европеизированных» высших кругов русского общества накануне революции 1917 года. Это были «годы затмения», когда люди отдавались сиюминутным увлечениям и лживым порывам, не думая о том, что они выступают, по сути дела, ниспровергателями векового миропорядка.

Дискредитируя и шельмуя носителей высшей власти — Помазанников Божиих, подданные Царя вольно или невольно становились соучастниками умаления сакрального ореола верховной власти, а следовательно,

и ниспровержения Божьего установления — Царской власти. Катастрофа состояла в том, что в преступном деле сокрушения Монархии были замешаны не только дельцы-инсинуаторы из числа «общественных деятелей» и продажных журналистов, но и некоторые царские родственники, Богом и судьбой обязанные быть первыми и верными слугами Государя!

Прошли годы, и некоторые из тех, кто пережил кровавый революционный ужас, начали воспринимать ушедшее совершенно иначе. Находясь в Париже на положении беженки, княгиня О.В. Палей с грустью констатировала: «Подумать только! То, что рассорило Царя и общество, не стоило выеденного яйца! А сегодня любой из нас отдал бы всё, чтобы этого не случилось, чтобы Государь с Государыней жили и царили нам на радость и чтобы красный террор, который сегодня давит и душил Россию, рассеялся, наконец, как кошмарный сон». Но отдавать уже было нечего; исторические роли были сыграны раз и навсегда...

Самое главное свидетельство Христопреданности Григория Распутина принадлежит Тем, Кто ныне общепризнан в качестве Угодников Божиих. Царь, Царица, Их ангелоподобные Дети воспринимали крестьянина из Сибири человеком, наделённым особым животворным сакральным даром. Они видели в нём близкого по духу человека, «брата во Христе».

Все утверждения о том, что Распутин якобы «околдовал», «загипнотизировал» Царскую Семью, иначе как глупостью назвать невозможно. Православного человека, наверное, какой-то маг или чародей и может одновременно «очаровать», но только на миг, в минуту рассеянной слабости. Если же человек признаёт, принимает и ощущает бытие Святого Духа, то темные чары тут же рассеются без следа, как только он отвратит свой взор

от суетного земного мира, обратив его к Миру Вечному, к Иисусу Христу.

Представители Царской Семьи общались с Григорием Распутиным почти десять лет, и никогда, подчеркнём особо, ни разу это общение не вызвало в душах этих чутких и нравственно чистых Людей ни тени неудовольствия или сомнения. «Имели радость видеть Григория», «посидели с Григорием», «провели вечер с Григорием», «сегодня ждем Григория», «был Григорий», «были у Ани, разговаривали с Григорием» — подобно-го рода замечаниями пестрят дневники и письма Царя, Царицы и Их Детей. Встречи с Григорием Распутиным становились примечательным событием, которое все члены Царской Семьи непременно фиксировали.

Для человека, признающего истинным только то, что от Бога и для Бога, не может быть сомнения в достоверности свидетельств святых Страстотерпцев.

СОЧИНЕНИЯ ГРИГОРИЯ РАСПУТИНА-НОВОГО

Благочестивые размышления¹

I. БЛАГОСЛОВЕНЬЕ БОЖИЕ И СЛОВА ЕГО НА НАС

Почему видим православное кладбище, и делается на душе скука? Потому что жизнь земная суета; не боролись с хотением, служили телу и заняты праздными удобствами, и в злобе, и в клевете.

А почему у рак праведных чувствуем приятно? Потому что жизнь их — страданье; как Христос страдал, и после Его страданья была Пасха.

Так и человек праведный переносит клеветы и разные гоненья с крепостью и упованием на Господа; а мы чувствуем и радуемся его крепости праведника, и радость в нас неопишущая.

И как назидательно смотреть, как умирает духовный брат или сестра; потому жизнь его нам — примером и смерть — на утешение.

Великое дело говорить о смертном часе!

И вдруг видим брата своего новопреставленным. Где мы сидели, посмотрим то место, где была беседа

¹ Изд. по: *Новый (Распутин) Г. Е. Благочестивые размышления*. СПб., 1912. 32 с.

о храме и о Святыx Тайнаx и много о Божиих делах, — и запечатлеется в сердце невысказанная радость, и невольно помянешь брата: беспрестанная молитва, — везде ходили и говорили всегда о святом.

Какая отрада иметь братьев и говорить о духовных делах и жить единомушно. И видишь брата, — уходит на вечную жизнь и там будет молиться, а мы — здесь о нем.

Какая радость! Видим, проскомидия совершается, и сливаются молитвы, как бы узнать великую тайну.

Помолись об усопшем, и он во сне, то есть Ангел, который все дела записывает, расскажет, что такое проскомидия и поминание брата или сродника и родителей.

Много случаев было, что рассказывали о своем месте: об аде и о рае. Когда помолишься и видишь своего знакомого, — приходит и заставляет молиться об его грехах.

Иногда не скажет, а велит молиться, — Бог разберет грехи.

Добрые дела ангел-хранитель записывает; эти же ангелы известят в образе брата.

Будем беседовать о Страшном суде, подавать на проскомидии и молиться за усопших.

О горе за клятвопреступление и за призывание имени Господня без нужды — напрасно; за лжесвидетельство, за неисполнение обетов,

Великое дело — быть при последнем часе больного, — увидишь смерть болящего и невольно помянешь мирскую суету и получишь две награды: посетишь больного и в это время земное кажется обман, просто сеть беса.

И явится страх, и видишь: друзи остаются; скажешь себе: где и куда все земное?

И помянем даже молодость и юность, потому что смерть не спрашивает ни старости, ни молодости, и ни мужества, и ни быстроты ног, и ни знатности, и ни иереев, и епископов, и всех колен земных; и отпора нет, и златницы нипочем, и откуп не имеет цены.

Горе слезное, что нет заслуги, и роскошь сделалась бесценной, и кимвалы без защиты.

*Покровское.
Сентябрь.
1910 г.*

II. ЕДИНЕНИЕ ДУХОВНОЕ

Духовное единение — почему глас Господень?
А потому, что у духовных един дух.

Им переносишь скорби на утешение, а почему?
А потому, что у них, духовных, когда беседуют, земного как нет.

У них всегда в сердцах их Слово Божие!

И находится мир и премудрость, и враги им без цены, потому в них живет дух святыни.

И у них материнские сердца: мать никогда не покажет детям озлобленного сердца, а проявит ласку.

И у духовных нет скрытого, а потому у них и заключается единение.

Ложь не допустит Бог; Бог любит единодушие. И у них в очах их земная природа вся за рай, и все свято, потому что они наполнены благодатью.

Без благодати природа — за роскошь; тоже утешение, но земное, — утешение разных садовников, и все хотят развести прекрасные лилии.

Кому рай, а другие при лилиях назовут музыку и забывают земные скорби.

И вот тут-то Господь сказал: обратится вам смех в плач и ваша роскошь в печаль¹.

А у духовных, то есть кто ходит в храм и проводит остальное время в пении и беседует с Евангелием, у них ум — красота Божия, и наполнены славы Бога Живаго; тем более Евангелие не берутся по своему рассуждать.

* * *

И духовные любят трудиться; помнят слова апостола Павла: кто не трудится, да не ест².

У них труд, да людям не понятен; потому они с Богом, у них успех удачный.

¹ Ср.: Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте; смех ваш да обратится в плач, и радость — в печаль (Иак. 4, 9). — *Ред.*

² Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь (2 Фес. 3, 10). — *Ред.*

И труд — не суета и не работа вражья — ими Бог руководит, и это потому, что начинают труд благословясь; у них вначале трудов про себя читают «Царю Небесный», по окончании трудов — «Достойно есть».

И наполнены братолюбия, посреди них Бог-Помощник.

А почему у них всего много? Потому что подают милостыню: дающая рука не оскудеет вовек.

А почему они веселые? А потому — их утешает ангел и умудряет Бог; в них всегда книга жизни, премудрости.

А почему у них премудрость? А потому, что не говорят праздно; и вот у них ум — в Боге; Бог — в них.

А почему не говорят праздно? А потому что боятся Бога. За всякое праздное слово Богу ответ отдашь.

Кто говорит праздно, у тех рассеянность и разбросан ум.

И в храме стоять не могут, и Божие служение коротают.

А у Божиих людей храм — за страх и служба на утешенье.

Что такое утешенье? Беседа со святым и с мучеником, как страдали за Христа.

А почему так легко им беседовать и видеть страдания святых? А потому что они все время заняты о

святом, то есть всю седмицу в размышлении о Боге и о Его святых; вот поэтому, и храм за ковчег, и служба за радость, и пение церковное кажется за ангельский звук.

А почему ангельский звук представляют? А потому, что люди духовные себя не ценят; чем святее, тем себя становятся грешнее; чем более молятся, тем кажутся себе грешнее, потому что все-все видать — от всех малостей является страх в душе, и всё мало молитвы, — и невольное спасение получают.

Себя не унижают и хвалить забыли, потому в молитве — по привычке.

Они не судят, почему. А потому что заняты молитвой — им некогда.

А почему им везде хорошо? А потому что они в размышлении с Богом.

Поэтому и покой живет в них; а непокой, суета сует — не блажен человек.

Хотя и молится, и Бога любит, и аскет, а непокойный — в нем есть черта непокорности и осуждения, — глава греха — прелесть своего рода.

А Божий человек — ему всюду рай.

И дело послушания — земное послушание — небесный чертог, за него — глава рая.

*Покровское.
Сентября 22.
1910 г.*

III. ТРУДНАЯ МОЯ МИНУТА — ДНИ МОЕЙ СКОРБИ

Более скорби нет, когда своя своих не познаша.

Терпеть очень больно! Именно бес очень опытен, прожил веки и всегда отнимает у человека то, что он любит.

Многие не выносят, убивают себя: эти люди не подружались с Богом. Дружба с Богом — тяжелые гонения и потеря того, что любишь.

Но скорби — с Богом дружба; рай — за правду и гоненья, в них есть красота рая.

Не могу, а увижу святых отцов и мучеников. Сколько пришлось им потерпеть — почитаешь их жития! Боже! Дай силы!

Ведь и меня враг всячески искушает. Пошлют злых людей, а злой язык — хуже беса, не боится ни храма Божия и все святое нипочем.

«Господи, как умножились враги мои! Многие встают на меня» (Пс. 3, 2).

«Многие говорят душе моей: нет ему спасения в Боге» (Пс. 3, 3).

В душе скажу: «Не убоюсь тем народа, которые со всех сторон ополчились на меня» (Пс. 3, 7).

Крепко люблю слово Твое, Господи!

Не отчаивайся! Покаяние — радость Богу и ангелам, наследник у Бога будешь.

И я надеюсь на милосердие Бога: оно велико!

И все близкие убоялись зла и оставили на посмешище меня!

Я скажу в душе моей: Господи, защитник мой, никого не убоюсь!

Послушание и покорность — на милость Твою, всегда готов с рассуждением.

Восстань, Господи, спаси меня, Боже мой! Ибо Ты поражаешь в ланиту всех врагов моих; сокрушаешь зубы нечестивых» (Пс. 3, 8).

Все пишут гадкую сторону по научению беса и от зависти — на день суда Божия! Я им не противился, а старался сделать добро.

В чем обвиняют — невинен. Увидимся на суде Божию! Там оратор не оправдается и все колена земные.

Ловко и клеветать — человек не оправдывается, а готовит на день суда Божия и этим желает узреть Бога.

Друзи мои, помолимся вместе, и успокоит нас Господь!

И храм нам — ковчег. Святыя Тайны — радость неизмеримая.

Итак, подражайте Богу, как чада возлюбленные.

Посмотрим на лицо писателей, сколько неправды! И не убоимся зла, как нас учит Святая Церковь.

И будем проводить истинную беседу, и пускай нас учит Бог и утешает в беседе; не раз видели Его славу, ею мы питались.

Правда всегда, и на мучениках, и на праведниках, то есть перенесут на своей спине и получают венец.

Оратор у людей прав, а у Бога его не видно, потому что он получает похвалу здесь от мира сего.

Скажу тихо о соперниках Господу. Величественно Спасаящий Царя и Творящий милость Помазаннику Своему Давиду и потомству его вовеки!

Всеми силами вырывают из сердца блаженство рая и вселяют неверие ко всему святому.

Мои скорби о душах. Успел враг, поселил страх свой, чтобы боялись разных наветов вражиих.

* * *

Давно мне заявлял бес, что я тя выгоню.

Я говорил любящим меня: он пользы не получил.

Я дома ему покоя не дам скорбями и воспоминаниями о своих дорогих.

Воспоминания более ценные и рай приобретающие.

«Рассуди меня, Господи, ибо я ходил в непорочности моей и, уповая на Господа, не поколеблюсь» (Пс. 25, 1).

Киево-Печерская лавра.

Софиевский собор. Киев.

Свято-Успенский собор. Почаевская лавра. Начало XX века.

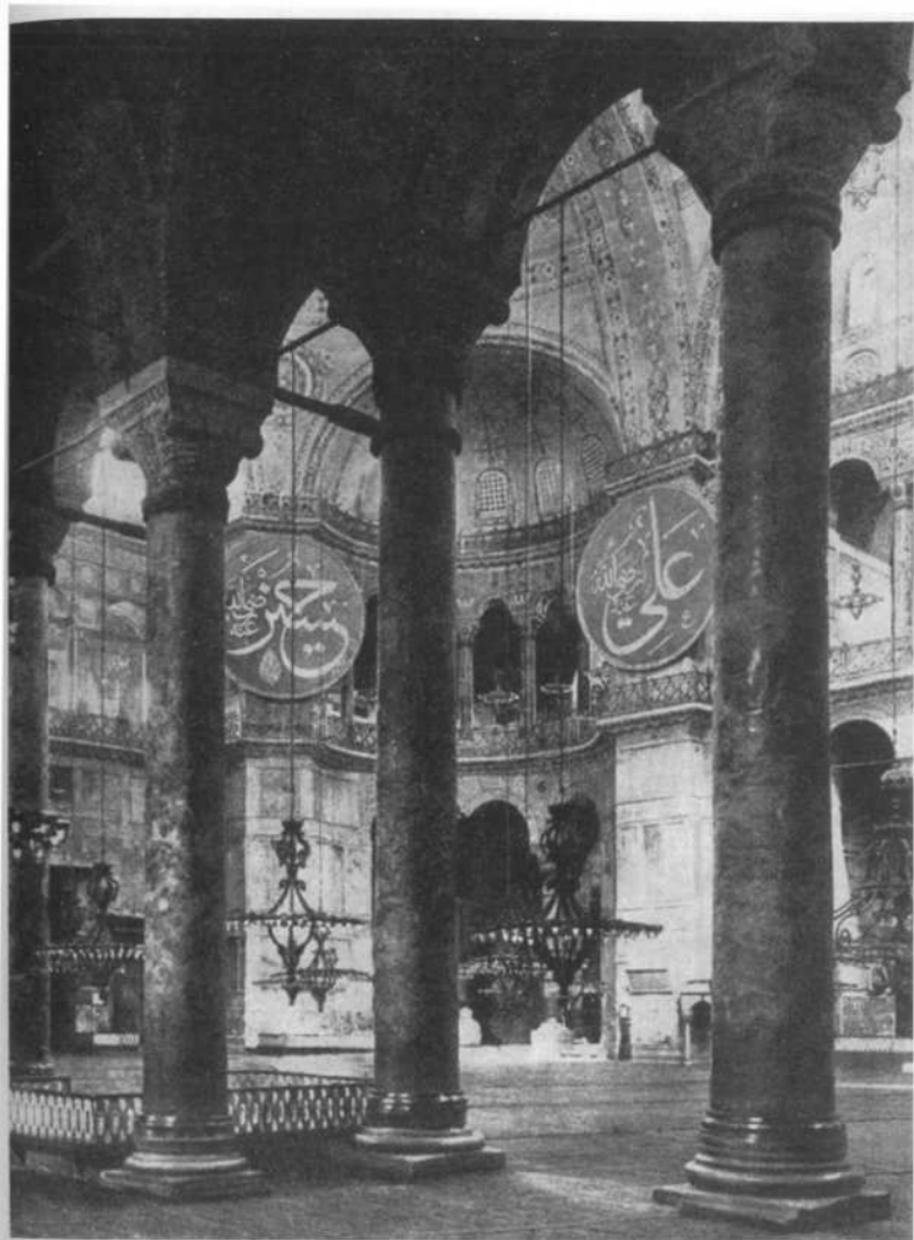
Прп. Иов Почаевский.

Храм святой Софии в Константинополе.

Храм св. Софии в Константинополе. Внутренний вид.

Храм св. Софии в Константинополе. Хоры.

Вид на город Яффо.

Археологические руины на Елеонской горе.

Храм Адриана. Эфес.

Караван русских паломников на Святой Земле. Конец XIX века.

Древние гробницы в Иосафатовой долине.

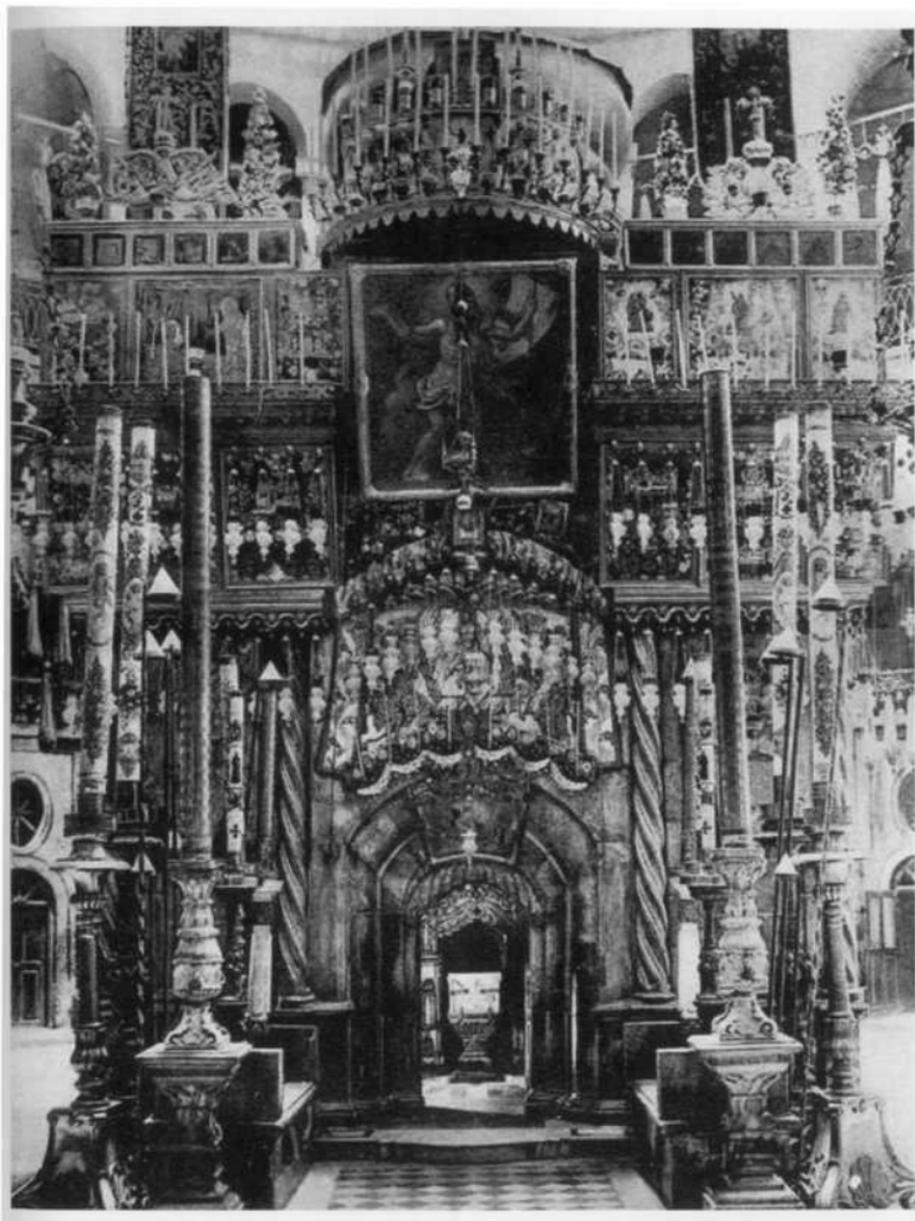
Дуб Мамврийский. Конец 1870-х.

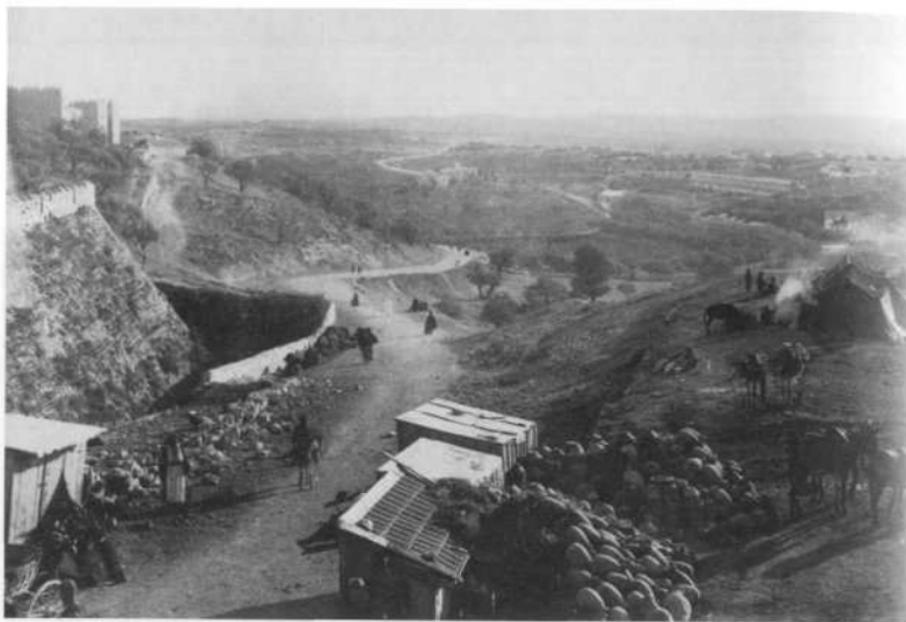
Гетсиманский сад.

Фасад храма Гроба Господня.

Гроб Господень. Иерусалим.

Дорога на Вифлеем от Яффских ворот.

Древо Пресвятой Богородицы.

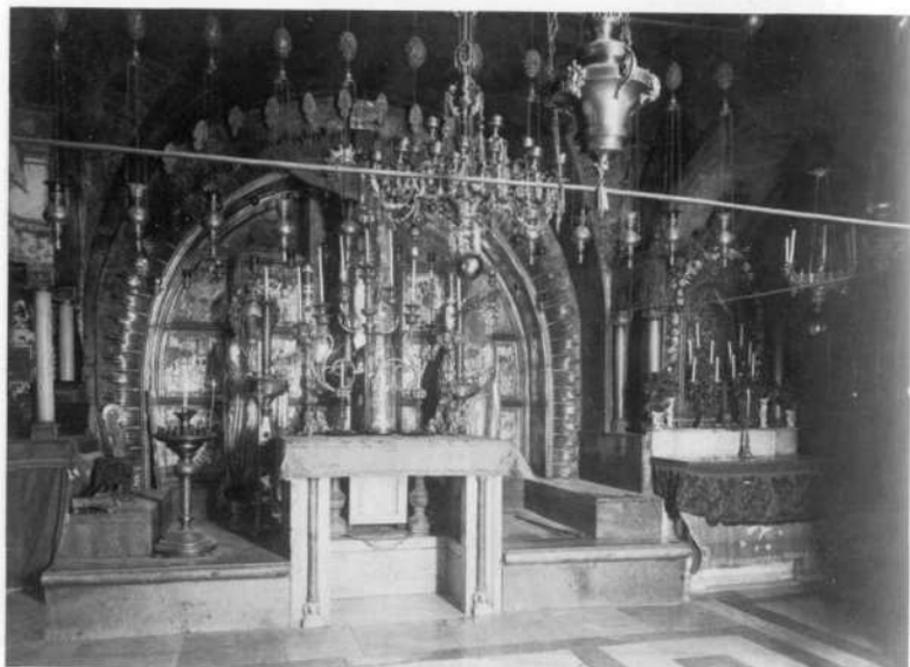
Вид на место Вознесения на Елеонской горе.

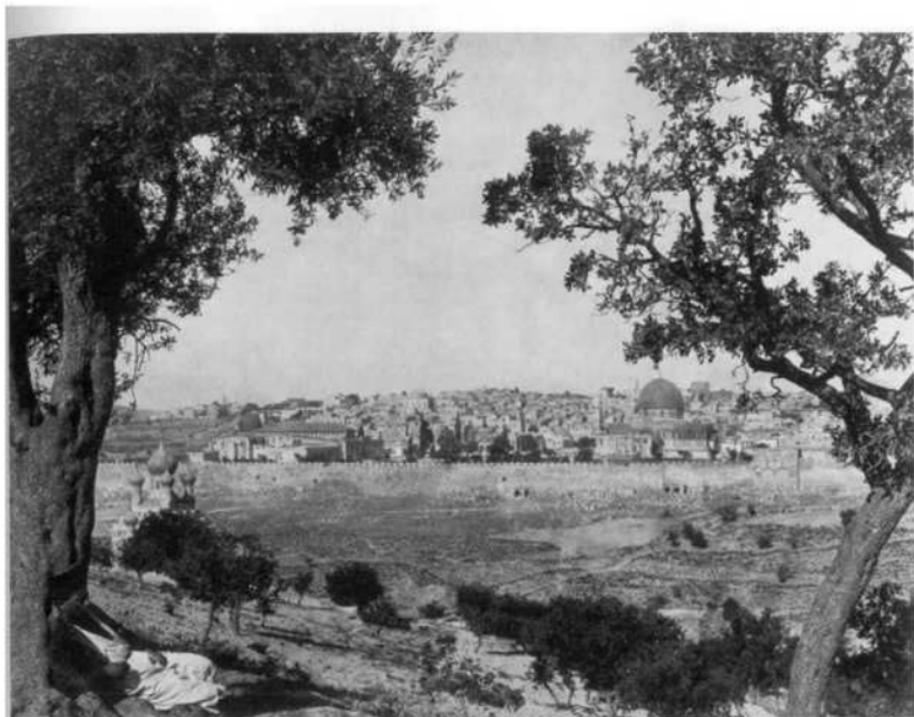
Вид на русский участок в Гефсимании
с храмом св. Марии Магдалины.

Придел яслей в пещере Рождества. Вифлеем.

Голгофа. Греческий алтарь.

Вид на Иерусалим с Масличной горы.

Церковь св. Анны и общий вид на Иерусалим.

Тивериада и берег Галилейского озера.

Русские паломники в Иерусалиме. Фото начала XX века.

В гонениях Твой путь. Ты нам показал крест Твой за радость.

Господи, крест Твой тяжел, и минутная жизнь — пресветлый рай — нет конца!

Ах, нечестивый бес восстановил всю Россию, как на разбойника.

Бес и все готовят блаженство вечное — вот всегда бес остается ни с чем.

Боже! храни своих!

«Если вы исполняете закон царский по Писанию: возлюби ближнего твоего, как себя самого, — хорошо делаете. Но если поступаете с лицепрятием, то грех делаете и перед законом оказываетесь преступниками» (Иак. 2, 9).

Много потоптали и убили в нас святого своим непониманием; мы не злословили — уповаем на волю Бога.

Друзи, Боже! Братья мои! Будем помнить фаворский день! Пускай запечатлеется в сердцах наших, что нам здесь вовек так будет!

Кто может оценить, что мы вместе? Кто может так радоваться, когда с нами невидимая сила! Никто ее не купил, а по заслугам и утешала нас. А какие заслуги, Бог весть, язык сказать не может!

Воспомяненья! На том месте побудьте и оцените в душе своей; для всех вас это очень важно.

Боже! Дай сил, чтобы не потоптать много жемчуга и не сделаться участниками, которые кричали: «Осанна в вышних» и постилали одежды и кивали всячески.

Друзи мои, где вы? где вы?

О, Боже наш! Тяжелы воспоминания об отпоре утешения! В крайнюю минуту многие убоялись. Что им за это?

Сердце духовное поймет, как было терпеть Господу. А которые из зависти — тем легче; они не хлебнули духовной сладости и не знают ее; потому им земной шар дороже небесного.

А кто вкусил, да отперся; не знаю человека, пойми духовно: горе ему!

Познал, да не вкусил, то есть не порадовался, — ему тоже легче; а познал и вкусил и «осанна» сказал и порадовался, потом — не знаю человека...

И сердца наши слились в духовную любовь, и мы стали, как один, и очи наши, понимающие друг друга, и не умолкнут хвалить Бога.

А воспоминаенья — это в нас будут вместо утешения, и Царство Небесное в нас есть; этого злые люди не отнимут.

Покровское

1910 года

Июнь

IV. МОЯ ЖИЗНЬ — В ДАЛЬНЕЙШИЙ ПУТЬ ВО ХРИСТЕ — РАЙ

О! Как весел, да крест тяжел.

Радостный день в гоненье, да не всяк вместит.

Тяжелы скорби без привычки.

Пойми грехи свои, и крест будет владеть.

Без креста Бог далек!

И сам не ищи креста, а Бог даст. Понесешь, насколько сможешь. Бог знает, что тебе нужно, только будь осторожен.

Осторожность надо у Бога просить; а без Бога осторожность будет хитрость.

Боже! Храни во мне мир! В мире и премудрость.

И все слушатели узрят свет истинный и забудут земную привязь; и будет для них храм — ковчег, а Святые Тайны — обновление души и радость неопишуемая.

Золото известно, а бриллианты хотя и ценны, но не всем понятны. Так и духовная жизнь не всеми вместима.

И радость — насколько порадуетесь, настолько и восплачете. Насколько примут, настолько погонят.

Правду написал царь Давид: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых» (Пс. 1, 1), потому что занятые праздню и бес не любит единомышленников.

Бес очень опытен, прожил много и научил ко злу; и зависть — это его вкус.

Да не зли беса, а то он поедет на тебя, потому что люди тут неготовые, заняты гуляньями.

Очень беседуй осторожно, а то будет эта твоя беседа у тебя на спине утешителя за то, что рассыпал жемчуг пред свиньями.

Ай, везде бес! Как он опытен; только победа — смирение и крестное знамение.

А смирение дают скорби и разные гонения.

Кто не спасался, тот и не родился; а если родился, так живи в назиданье себе и людям.

А себя не надо очень понуждать, а просить у Бога силы идти на войну на каждый день.

В борьбе не отчаивайся: не в силе, а в немощи совершается благодать.

Как в Евангелии от Иоанна (16, 1–2): «Сие сказал я вам, чтобы вы не соблазнились: изгонят вас из синагог; даже наступает время, когда всякий убивающий вас будет думать, что он тем служит Богу». Кого же нам ждать? Ко всему надо быть готовым.

Царство Божие за гонение.

Попущение — ко исполнению славы Божией.

Неосторожность от беса — наука духовной жизни.
Когда сорвешься, на другой раз побережешься.

Не взирай на угрозы беса — на злые языки: молись
и делай добрые дела; это врагу — укор и над злыми язы-
ками — победа.

Злой язык не любит добра, бес трепещет. Злой язык
хуже беса: бес крестного знаменья боится и смирения
трепещет, а злой язык тихо, да клеветает. Злой — с Богом
не подружился.

Душа моя, радуйся гонениям и не спи ночи во зле,
не дремли и днем в суете.

Рай построен для изгнанников правды.

Не оправдывайся, хочешь с Богом дружить, хвали в
душе скорби. Боже! Дай сил, буду сороботник Твой.

«Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам
называться и быть детьми Божиими. Мир потому не
знает нас, что не познал Его».

Скорби — лютый мороз. После скорбей — свет-
лый май. Забылся о морозе! Правда в душе — май
позывает. Аромат — теплота Божия за то, что зноби-
ли враги.

Да, близок Бог, а тяжело в скорбях!

Более всех испытаний — топтание святыни.

«Старайся представить себя Богу достойным деятелем, неукоризненным, верно преподающим слово истины» (2 Тим. 2, 15).

Скорби чем забыть? В трудах, более в природе и в Святых Тайнах. Более одному, а то по духу с братом или на рыбной ловле или на физической молитве в поте лица. Все это исполнишь и не поможет и от скорбей умрешь, то получишь мученика, потому что все разно получают венцы.

Враги наши готовят венцы. Горе, что себя не видят и милосердие Божие забывают.

Свои грехи забыты, а чужие на глазах.

Скорби — рыцарь: опыт идти на войну на каждый день! Чем более проживешь, тем более встретишь бесовского войска. Старайся победить. Главное, опыт с миром в душе.

Потом очень осторожно! Бог даст скорби, вынесешь — победа — небеса.

Попадешь потом на искушение, не давай значения, потому что он тебя искусил за добрые дела, делай более.

И бес и покажет, что нет тебя грешнее; врет бес — милосердие Божие более всего. Делай добро, потом бес убоится.

Потом искусит ленью и большой знатностью и более лицемерием; на посте и на блуде, на скупости

и на прелести, и на молчании и на подвигах, более на гордости.

Гордость так тонка! Она показывает себя различно.

Тут монахов бес ловит: вы, светила, выдержанность вам нужна, а не нищета духа; это пусть у простячков, а вы будьте выдержаннее, а то аристократия не полюбит.

Вот бес как выгодно ловит всех.

Скорби весь этикет вышибут — бес остался ни с чем.

Спасайся не для корысти всеми силами — скорби спасут.

Скорби — чертог Божий! И все знатные Божии без скорбей не живут. Они ведут к истинной любви.

Поверим в загробную жизнь, узнаем ад, рай.

Тяжелые переживаю напраслины. Ужас, что пишут. Боже! Дай терпения и загради уста врагам! Или дай помощи небесной, то есть приготовь вечную радость Твоего блаженства. Трудный час на земле — сладкая минута на небе. Утешь, Боже, Своих! Дай твоего примера, укажи, Боже, что такое небесное и земное. Мы увидим и возрадуемся всем злым языкам, что они привели к познанию высшего познания духовной жизни, и увидим красоту Бога Живаго! Увидимся, увидимся в вечном блаженстве рая и здесь насладимся премудростью!

V. ДИВНЫЕ ДЕЛА — МИЛОСТЫНЯ

Милостыня, правда, избавляет от напасти.

А кто подает, тот сам много испытал на себе, что дающая рука не оскудеет, и много получал.

Дивные явления чудес за милостыню! Видишь: бедный едет на твоей лошадке с отрадой в лице и с сияющим светом.

Что же есть дороже отрады и покоя помочь ближнему.

Но бес своим искушением не оставляет и делает всякие наваждения и говорит: сам по миру пойдешь, не подавай, а то представит пьяницей или ленивым, нерадивым и т.п., а всего более говорит: оскудешь сам.

И слова Евангелия из сердца вон, где говорится: подай тому, с кого нечего взять, это приятно Богу — всем известно. И сам чувствуешь обновленье. Вот какой бес! И Евангелие закрывает.

Очень приходится бороться, потому что за добро платят злом, и зло царствует.

Добро всегда добром и останется, а человек только покажет себя, что он не достоин добра.

Но он хочет быть молитвенником за милостыню и вспоминать благое дело благим, но ему враг рода человеческого не дает покоя и все благое представляет не трудовым, а каким-то даровым, чтобы не молиться за милостыню, и покажет благое за самое гадкое.

Великое дело милостыня и с ней очень много борьбы; и тут зависть коварного говорит: то направо, то налево подавай, тебя похвалят и защитят и помогут в напастях.

Не смотри на коварные мысли, но подавай без разбора. Бог Сам научит, кому давать, и пошлет человека Божиего, который помолится, и Бог услышит молитву его.

Когда чувствуешь подать — подай, не скрой златницы.

А не хочешь, да подай и поневоле себя, и научи себя не с больших капиталов давать, а хотя и со скудной милостыни, с полушек.

И милостыню подаешь, проси Бога, чтобы не быть фарисеем, что Бог не просит звуков от милостыни.

Слушай Евангелие, но посмотри, давно ли живешь по Евангелию.

А то бывает, что видел похвалу за милостыню крест или металл, или чин.

Потом раздал имение свое: и креста не получил и чина не дали.

А потом приносят хулу на Бога; за потерю имения покушаются и на жизнь.

Такая милостыня — Богу не нужная.

Проси Бога, чтобы Господь научил помнить о Царствии Божием и о страдании Иова за потерю имения; и Иов помолится о тебе; его надо просить.

Тысячи примеров, кто просит угодников, — они учат подавать милостыню. Они сами, угодники, боролись с собой и просили — кто Иоанна Милостивого или других. Бог слышит их молитвы — и станешь подавать с отрадой и с трепетом.

Кто подает, тот все нужды поймет человека, потому что входит в дела бедности; а кто бедность не понимает, тот и далек от чужого горя.

Его никакие слова не убедят, и Евангелие чуждо ему, потому далек от чужой напасти, почему это так? А потому, что его родители насмеялись над бедным.

А есть ли таковым людям Царствие Божие? Есть за потерю имения.

В Киевской Печерской лавре — святой Арефа, он имел тайное богатство и такой отличался скупостью, что никогда не подавал бедным. Однажды ночью воры разграбили его имение; и вот он начал клеветать на братьев за свою потерю; он тяжело заболел и при кончине сказал: «Господи, не хотяй смерти грешника, Господи, спаси и помилуй!»

Господь услышал и спас его даже от болезни греховной; и бесы исчезли и dospелся здоров; и стал примером для всей братии.

Коротко сказать: по человеческому размышлению невозможно, а у Бога — все возможно.

Ах, милости у Бога много — несть конца. И все это мы переживаем на себе — чудеса — не даем отчета в них.

Милостыня важна и в маловажном деле: если подашь, и тут Бог явно помогает, и дело выйдет: поедешь или пойдешь, и вот Бог увидит твою добрую руку помогающую, и путь твой будет благий.

Да, крайняя досада и беспокойство, когда идешь с близким человеком и говоришь о своих удобствах, а встречается бедняк и беспокоит тебя своей протянутой рукой, а мы скоро скажем: не беспокой нас, что шляешься; не станем с ним говорить о его запутанных делах.

И вот за это Бог делает потерю и разные банкротства.

И в день беды Господь не покроет и не помилует, и не защитит от напасти.

Царствие Божие не даром дается, и кресты разного рода, а милостыня выше всех добрых дел.

1910 г.
Сентябрь.
Покровское.

Мои мысли и размышления¹

Святые места — опыт жизни
и неизменный кладезь мудрости.

В КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЕ

Я прибыл в Святую лавру из Питера и назову светом Питер, но свет этот — гонитель мыслей на суетный мир, а в лавре свет светит тишины.

Когда опускают Матерь Божию и пение раздается «Под Твою милость прибегаем», то замирает душа, и от юности вспомнишь свою суету сует и пойдешь в пещеры и видишь простоту: нет ни золота, ни серебра; дышит одна тишина и почивают угодники Божии в простоте без серебряных раков, только простые дубовые гробики. И помянешь свое излишество, которое гнетет и гнет, и ведет в скуку. Поневоле помянешь о суете жизни.

Горе мятущимся и несть конца.

Господи, избавь меня от друзей, и бес ничто. Бес в друге, а друг — суета.

И увидел пещеры дивные, чудеса чудес. Как их Бог благословил; как же нам не верить, поневоле вздохнешь. Они в диком камне, Сама рука Божия творила их, и укрывались там иноки от нашествия инородцев.

¹ Изд. по: *Распутин Г. Е.* Мои мысли и размышления. Краткое описание путешествия по святым местам и вызванные им размышления по религиозным вопросам. Ч 1. Пг., 1915. 56 с.

Тяжелые воспоминания о мучителях иноплеменниках, но в настоящее время большее мучение — брат на брата и как не познают своя своих. Поэтому и мучения более тяжелые. Обида берет. Поэтому я уверен, что венцы будут ближе к Лицу Божию от этих мучителей в настоящее время (в 1911 г.).

Тех мучили инородцы, а теперь сами себя, наипаче батьки — батьков, монахи — монахов, и вот слово Божие на нас: брат на брата и сын на отца — конец приближается.

И увидел Иова в пещерах Печерских, где его конурочка тесная-претесная и несет ароматом благоухания.

И за что несет? Очень просто: за то, что не избрал себе чертог, а возлег в яслях убогих и терпеливо и покойно перенес свою тесноту, а нам хоть бы в простоте и в роскоши перенестись духом в его тесную конурочку и попросить его молитв, и Господь не откажет его святым молитвам, и мы будем участниками с ним одесную Отца, а высказать о его терпении невозможно: сами книги не вместят.

В ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРЕ

Дивная Почаевская лавра. Что меня удивило? Во-первых, увидел я людей Божних и возрадовался богомольцам очень, что нашел я истинных поклонников, тут явился страх в душе и наука искания Бога, как они собирают жемчуг истинный; а потом увидел и Матерь Божию, и объял меня страх и трепет, и получил тишину, и заметил в себе кротость. После всякой святыни прибавляется дорогой жемчуг смирения.

И вот я вступил в собор, и обуял меня страх и трепет. И помянул суету земную. Дивные чудеса. Где Сама

Матерь Божия ступила Своим следом, там истекает источник сквозь каменную скалу вниз пещеры, и там все берут воду с верой, и нельзя, чтобы не поверить.

О, какие мы счастливые русские люди и не ценим и не знаем цены чудесам! Горе православным христианам, что мы не хотим их посмотреть и лень съездить, а едем за границу смотреть разные горы, но ведь мы смотрим на них, как на роскошь, а не как на Божие создание.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ МОРЯ

Что могу сказать о своей тишине? Как только отправился из Одессы по Черному морю — тишина на море, и душа с морем ликует и спит тишиной, видно, блистают маленькие валочки, как златница, и нечего более искать. Вот пример Божий: насколько душа человека драгоценна, разве она не жемчужина? Что и море для нее?

Безо всякого усилия утешает море. Когда утром встанешь, и волны говорят, и плещут, и радуют. И солнце на море блистает, словно тихо-тихо поднимается, и в то время душа человека забывает все человечество и смотрит на блеск солнца, и радость у человека возгорается, и в душе ощущается книга жизни и премудрость жизни — неопишуемая красота! Море пробуждает от сна сует, очень много думается, само по себе, безо всякого усилия.

Море пространно, а ум еще более пространен.

Человеческой премудрости нет конца, невместима всем философам.

Еще величайшая красота, когда солнце падает на море и закатывается и лучи его сияют. Кто может оценить светозарные лучи, они греют и ласкают душу и

целебно утешают. Солнце по минутам уходит за горы, душа человека немного поскорбит о его дивных светозарных лучах... Смеркается.

О, какая становится тишина... нет даже звука птицы, и от раздумья человек начинает ходить по палубе, невольно вспоминает детство и всю суету и сравнивает ту свою тишину с суетным миром и тихо беседует с собой и желает с кем-нибудь отвести скуку, нагнанную на него от его врагов...

Тихая ночь на море, и заснем спокойно от разного раздумья, от глубоких впечатлений... Христово море. На тебе дивные чудеса. Самим Богом посещено и чудесами сотворено.

Виднеются берега и блистают деревца, как не порадоваться? Где не видно было ни кустика, ни листочка, там вдруг виднеются берега, и подъезжаем и смотрим на природу Божию и хвалим Господа за Его создание и красоту природы, которую не описать человеческим умом и философией.

Забили волны на море — сделалась тревога в душе. Человек потеряет образ сознания, ходит, как в тумане... Боже, дай тишину душевную!

На море временная болезнь, на берегу же всегда такая волна.

На море всем видна болезнь, а на берегу никому неизвестна — бес душу смущает.

Совесьть — волна, но какие бы ни были на море волны, они утихнут, а совесьть только от доброго дела погаснет.

На берегу больше хвораем.

О, какой обман, беда — скажут ей и взглянут, и увидят... Совесьть всем без языка говорит про свой недостаток, всем надо поглядеть на нее, тут никакой грех не утаим и в землю не закопаем.

А всякий грех, все равно что пушечный выстрел, — все узнают...

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Что могу сказать своим маленьким человеческим умом про великий чудный Софийский собор, первый во всем свете.

Как облако на горизонте, так и Софийский храм.

О горе! Как Господь гневается на нашу гордость, что передал святыню нечестивым туркам и допустил Свой Лик на посмешище и поругание — в нем курят. Господи, услыши и возврати, пусть храм будет ковчегом! По преданию говорится, что именно из-за гордости был отнят храм у православных, ибо не признавали сего ковчега, имели дом гулянья и роскоши. Господь прогневался на долгое время и повелел кошунствовать над Своей святыней. Обождем — Господь смилуется и вернет ее с похвалой, почувствуем и покаемся.

В ней сохранились невредимые места, они означают Спасителя (в алтаре) и Матерь Божию (на выходе из храма). В храме 300 паникадил. Дивные чудеса, где султан вскочил на трупы убитых воинов, полна была церковь православных, и вот конь копытом о колонну ударился и вырвал очень большой кусок у колонны — и это сохранилось до сих пор, и где султан рукой оперся на колонну, и теперь видна его рука на колонне в диком камне очень ясно: обозначено пять перстов и вся ладонь руки. Это великое чудо! И вот поэтому вернется храм в руки православия, тут Бог творит чудеса и велит покаяться.

Достиг тут же монастыря Феодора Студита; в нем очень много сохранилось живописи и православных икон; Матерь Божия Знамения и много других — прямо умиротворяет душу христианина.

Келья Феодора Студита исповедная до сих пор сохранилась, темная и призывающая к покаянию — действительно подвижник Божий. Господь по грехам нашим дал жилище праведника на посмешище, но души праведника ничто не касается. Всего лишиться могут — и жилища, а души — никогда. Заслуги земные потоптали и над трудами праведника надругались и сделали его посмешищем, а терпением его украсили небеса. Поэтому нам пример, что лишение земное — утеха небес.

Просить Бога надо, чтобы дал терпение, а потеря земного — это великий подвиг. За потерю земного и награда большая, чем если сам подашь.

Сам подашь — это от своей воли, а тут лишают; скорбишь и Царство Божие скорбями наследуешь. Бог всем поможет перенести потери с терпением и за это сделает наследником Отца Небесного.

Тут же в Константинополе, в том же храме сохранилась кафедра Иоанна Златоуста и мощи св. Ефима¹, и хранятся другие воспоминания; между ними колонна, к которой Спасителя приковывали. Подумаешь, что везде страдания показывают: Боже, какие мы грешные! Все для нас страдания.

Вспоминаешь, как давно проповедовал Златоуст, и видится все, как сейчас, будто слышится патриарший звук, и иконка сохранена на его кафедре.

И Роман Сладкопевец там же.

¹ Предположительно речь идет об игумене Евфимии Студите, составившем первый типикон для Афонской горы при Иоанне Цимисхии (969–976). Студийский монастырь, основанный в Константинополе в середине V века, ныне почти полностью разрушен. Сохранился остов главного храма с несколькими колоннами северного нефа и цистерна с двадцатью тремя колоннами к югу. — *Ред.*

Боже, сколько сотворено чуда!

В честь двенадцати апостолов построен храм огромный, который превратили в мечеть. Тут не сохранилось ничего, ни икон, ни воспоминаний, а только известно, что в храме всех апостолов совершилось поругание над святыней.

О греческих церквах описывать не буду, дивная старина!

Есть в Константинополе церковь, где Андрей Христа ради юродивый молился и видел Матерь Божию. На том месте я был, но сохранилась только маленькая стена и развалины и небольшой садик, а подальше греческая церковь.

Замирает душа от трогательных событий, как Божия Матерь охраняла на воздухе всех и молилась за всех, да и теперь в день Покрова. Ее одна забота — нас миловать и утешать. Она Своих подвижников учит молиться и является к Своим праведникам и к грешникам и слушает прошения всех к Ней, Матушке, приносимые. Она все наши нужды знает, и мы получаем все, о чем Она Господа просит. Ее прошения ко Господу всегда до Него доходят.

Привезена одна колонна из Рима в Константинополь в тысячу пудов — это большое чудо, всё не описать, очень многого не написал про Константинополь.

В ДАЛЬНЕЙШЕМ

Доехали до Митилены, небольшой городок, где Павел апостол проповедовал, и тут же 30 мучеников, в которых он зажег огонь веры, они уверовали во Христа,

и до сих пор это место напоминает, что тут проповедь живая.

Городок красив, у моря над водой в горах. Здесь залив архипелага и дивная красота берегов, чудные горы.

Боже, веди нас к Своим стопам, чем далее, тем более встречаем душеспасительных мест. Можно понять, что недаром русский человек все свои копейки собирает и стремится посмотреть эти места, где творятся чудеса.

Я много встретил народа, но особенно в третьем классе много истинных христианок, страдают и молятся постоянно, читают акафисты утром и вечером, смотришь и не устаешь.

И видел болгарок, истинно понимающих Царствие Божие, прямо жен-мироносиц, любящих Христа.

Я вот убедился, что платье у турок такое же, как у христиан и евреев. Можно ожидать исполнения слова Божия над нами, что будет единая Православная Церковь, невзирая на кажущееся различие одежды.

Сначала уничтожили это различие, а потом и на веру перейдет; трудно понять все это. Сначала на одежду прельстятся все инородцы, а потом из них будет единая Церковь.

Смирна расположена на Малоазиатском берегу в конце громадного залива — Смирнского.

В Смирне есть несколько красивых греческих храмов. Один из них на том месте, где самаритянка беседовала с Яковом про Спасителя и уверовала в Него.

Какие события хранятся у турок, как разобраться, что все у турок, вся древность, что можно на это сказать, как не то, что лучше да будет у них единый с нами дух и единая Православная Церковь. В Смирне кроме храма, который заложила своей проповедью

самаритянка по имени Фетинья¹, есть еще храм на том месте, где Матерь Божия проповедовала. Тут же находятся мощи Георгия Победоносца (часть ноги) и мощи св. Косьмы Бессребренника.

Дальше проехали мимо острова Митилены, где находился еп. Григорий². Очень ясна проповедь святителей: так и светится в сердцах православных.

В Смирне есть гора, на которой был цирк, где замучены ученик Иоанна Богослова и много других с ними. Где только нет мучеников за Христа? Все, значит, венцы кровью достигались.

Недалеко от Смирны сохранились развалины древнего города Эфеса. В Эфесе долго жил Иоанн Богослов — апостол и закончил здесь свое Евангелие, всей Премудрости глубина; посему самый проток у моря много пробудит к жизни ото сна.

Здесь временно пребывала Матерь Божия и соби-рался 3-й Собор. В Эфесе первым епископом был апостол Тимофей, ученик апостола Павла. Оба мученически скончались. А также здесь жил и Иоанн Златоуст. Около Эфеса много сохранилось пещер.

В пещеры ехать нужно лошадьми.

Дивный путь этот учит смотреть на себя, как ты преуспеваешь и соразработчик ли ты сих мест и апостольских идеалов. Хоть бы бисеринку посеять истины, и за

¹ Опечатка в оригинале. Имя самаритянки — Фотиния. — Ред.

² Предположительно опечатка в оригинале. Скорее всего, речь идет о преподобном Георгии, митрополите Митиленском (VIII век); см. Жития святых свт. Димитрия Ростовского, за 7 апреля. — Ред.

это оживем, только бы не работа вражья, не обуял бы сатана, не закинул бы своих сетей художника, в которых мы не знаем, как нам разобраться.

Недалеко также остров Хиос, где замучен Исидор в III веке.

Все места освященные. Боже, освяти нас единокупно с ними, сжался над нами!

Остров Патмос. Здесь был заключен Иоанн Богослов и здесь же он написал Евангелие и Апокалипсис. На месте пребывания евангелиста Иоанна Богослова теперь стоит православный греческий монастырь, и весь остров населен христианами. Иоанн помолится о своих богомольцах, и сделаемся мы его поспешниками.

Въехали в Средиземное море, пароход нигде не пристает.

Боже, сколько апостолы по этим берегам зажгли веры! Без конца сделали любителей Христа, и за это повсюду мученики и по эту и по ту сторону Средиземного моря, а греки со своей философией возгордились. Господь прогневался и передал туркам все труды апостолов.

В настоящее время как у греков все епископы грамотные и боголепие соблюдают, но нищеты духа нет, а народ только и идет за нищетой духа, толпами пойдет за ней, потому что боголепие высоко, а нищета духа выше. Без нищеты епископ заплачет, если креста не дадут, а если она есть в нем, то и худая ряса приятна — и за худой рясой пойдет толпа. Этому я очевидец — простите, я со многими епископами очень знаком — да спасет их Господь за их единение.

А почему теперь уходят в разные вероисповедания? Потому что в храме духа нет, а буквы много — храм пуст. А в настоящее время, когда о. Иоанн Кронштадтский служил, то в храме дух нищеты был и тысячи шли к нему за пищей духовной.

И теперь есть, да мало таких служителей: есть епископы, да боятся, как бы не отличили простых монахов, более святых, а не тех, которые в монастыре жир нажили — этим трудно подвизаться — давит их лень. Конечно, у Бога всё возможно, есть некоторые толстые монахи, которые родились такими, ведь здоровье — дар, в некоторых из них тоже есть искра Божия — я не про них говорю.

Нет лучше, когда едешь в Иерусалим, видишь берега святые, где апостолы спасались, ходили по этим берегам и не раз переправлялись здесь по этому месту с берега на берег, из города в город. Подумаешь, что и народ едет со страхом, и так легко здесь молиться. Видишь, как здесь о всех путешественниках апостолы молились; потому и на море легко молиться, что Бог премудростью там кормит и млеком питает.

Город Родос, утопающий во всевозможных садах. Какая там благодать на Средиземном море! Чего только нет в Родосе: и зелени, и цветов в феврале месяце. Как там Господь греет, и всегда плодоносный год. Велика Божия милость на месте сем!

Кипр посетила Матерь Божия. На острове Кипре много святых, старинных подвижников и остатки мощей. Там множество монастырей, мужских и женских.

Прошли город Мерсину. Все места посещены чудесными событиями; поневоле возрадуется душа.

В пяти часах езды от Бейрута могила Ионы-пророка, который был у кита во чреве и был им выкинут в Средиземное море. Какие дивные пророчества совершались у него, чтобы обличить безумных, которые не знали, что творили; для них достаточно было своего безумства, но Господу было угодно послать к ним пророков, и вот эти безумцы верили и делались подвижниками, а мы все знаем, где Святая Святых, но уши свои крепко затыкаем, чтобы не слышать, и очи закрываем, чтобы не видеть, и сами себе говорим: «Еще есть время — впереди много годов, тысячу раз спасемся».

Город Триполис стоит у моря, крутом часть Ливанских гор, а больше нет ничего; крепость, как у нас Петропавловская. Горы Ливанские располагают к благочестию.

Бейрут расположен над морем, весь погружен в зелень. Боже, везде источник жизни! Георгий Победоносец в этом городе сокрушил змия, на этом месте колодец и турецкая молельня, озеро заросло травой. Горе, как Бог гневается на православных; подумать нужно, как у турок неприятно, а Бог им дал всю святыню. Вот пример того, когда мы получаем от Господа какое-нибудь боголепие и его потопчем, то сделается в нас пустота, святыня не у места. Великий подвижник и чудотворец Божий, дай сил узреть твою красоту!

Боже, творяй чудеса, какие воспоминания, какие чудеса по всей земле творятся, о Твоем угождении, Господи, попросим и помолим Тебя: не оставь нас, ленивых, надежда наша на Тебя и упование, увесели нас, Господи, Твоими чудотворными молитвами!

Яффа, где жил пророк Илья. И на том месте, где молился пророк, внизу горы — пещера: тут монастырь греческий. Я очевидец всех этих мест, там сходил огонь, и тут же не было дождя. Много в городе Яффе сотворено Илией чуда.

Я видел его строгий вид на его иконе к нам грешным, и когда мы смотрели, то вселился в нас трепет ко всему доброму, Боже.

Илья, славный, умоли Христа, ведь ты нам подобен, и Господь услышит, и мы усердно просим тебя, умоли Христа, чтобы Он нас полюбил и умилосердился над нами, дал нам вечное блаженство.

Отсюда можно совершить путешествие в Назарет.

Вот Яффская долина необъятной красоты захватила рай... Нет на свете мудрее этого места. Как говорится в церкви про изобилие плодов земных, то вот здесь оно и есть. Даже невероятно, что можно и на земле встретить необъятный рай красоты. Пусть у кого и горе будет или потеря земного сокровища — я уверен, что скорби, как дым ветром, пронесет от одного изобилия, которым Бог светит на этих местах. Освети истинным сиянием и Своей милостью нас, грешных.

ИЕРУСАЛИМ

Окончил путешествие, прибыл в святой град Иерусалим переднею дорогою.

При переходе от великой волны в земной рай тишины первым делом отслужили молебен.

Впечатление радости я не могу здесь описать, чернила бессильны — невозможно, да и слезы у всякого поклонника с радостью протекут. С одной стороны, всегда «да воскреснет Бог» поет душа радостно, а с другой стороны, великие скорби Господни вспоминает. Господь здесь страдал. О, как видишь Матерь Божию у Креста! Всё это живо себе представляешь, и как за нас так пришлось Ему в Аттике поскорбеть.

О, Господи, идешь и подумаешь, и явится скорбь, и видишь — ходят такие же люди, как тогда, носят плащи, и странная на них одежда прежнего завета, как сейчас, все так и было. И вот слезы текут, дни те подходят, наступил Великий пост — выйдешь из храма, а в храмах этих великие события совершались и Сам Спаситель пролил слезы.

Что реку о такой минуте, когда подходил ко Гробу Христа!

Так я чувствовал, что Гроб — гроб любви, и такое чувство в себе имел, что всех готов обласкать, и такая любовь к людям, что все люди кажутся святыми, потому что любовь не видит за людьми никаких недостатков. Тут у Гроба видишь духовным сердцем всех людей своих любящих, и они дома чувствуют себя отраднo.

Сколько тысяч с Ним воскреснет посетителей. И какой народ? Все простячки, которые сокрушаются, — их по морю Бог заставил любить Себя разным страхом, они постятся, их пища — одни сухарики, даже не видят, как спасаются. Боже, что я могу сказать о Гробе? Только скажу в душе моей: Господи, Ты Сам воскреси из глубины греховной в чертог Твой вечный живота!

О, какое впечатление производит Голгофа! Тут же в храме Воскресения, где Царица Небесная стояла, на том месте сделана круглая чаша, и с этого места Матерь Божия смотрела на высоту Голгофы и плакала, когда Господа распинали на Кресте. Как взглянешь на место, где Матерь Божия стояла, поневоле слезы потекут и видишь перед собой, как все это было.

Боже, какое деяние совершилось! И сняли Тело и положили вниз. Какая тут грусть и какой плач на месте, где Тело лежало!

Боже, Боже, за что это? Боже, не будем более грешить, спаси нас Своим страданием!

Повели нас на Патриарший двор, стали умывать ноги. Боже, какая восстает в уме картина. Умывают ноги, утирают полотенцем, и полились слезы у верующих, все изумлены глубиной поучения, как нас учат смиряться. Что я здесь еще опишу? Боже, смири нас — мы Твои!

Вот усадили нас рядами и поставили старого завета кувшины иудейские: так в душе и восстает Тайной Вечери беседа: с нее начались великие события и был первый намек ученикам о расставании с Ним. Велики страдания, велика любовь Твоя за нас. Сокровище наше, не гневайся на нас — мы не можем быть без Тебя.

Повели нас ночевать. По нотах пели у Гроба акафисты на Голгофе. Боже, какая отрада! Так сердце трепещет от умиления и слез. Потом утром в 12 часов обедня, и запели Пасху. Тут я посмотрел вокруг и сказал: рай земной, не отступи от меня, будь во мне!

Тут в пещере Воскресения крест царя Константина и матери его Елены, которые, как говорится в истории, нашли три креста, и Господь указал, на котором Он был распят. Запели все «Кресту Твоему поклоняемся...» Крест Твой во ограждении чудес послужил. Крест с нами, яко и Бог в нас.

Еще в храме Воскресения против арабского алтаря могила Никодима, который строил гроб себе, а положил Господа. Вот он ранее делал добрые дела и уподобился великого таланта.

Никогда не бойся делать добро, и за добро всегда попадешь в честь — это бес так устраивает, чтобы ты был фарисей, а не уподобился и не был, как Никодим, — вот вся роль беса. Но делай, делай, и венец твой и покой получишь.

Сколько в храме Воскресения престолов! Всех языков престолы христиан, все на разных языках молятся.

Не могу всего описать, многое рассказывают, как когда не поверили и затворили храм и стали у Гроба католики, а разини армяне — на улице, на паперти в колонну Благодать сошла, и один турка плюнул в колонну, и там зубы его остались, и видать, как Бог наказует неверующих.

Боже, спаси и помози!

Повели нас к Успению, где гроб Царицы Небесной, шли мы дорогой и вели нас кавасы с факелами и толпа народа со страхом и разные прокаженные по дороге — все, как бывало во времена Спасителя, и прокаженные так же кричат «подайте паричку». Видели дом Иуды и

Пилата, они недалеко друг от друга — соседи, и теперь о Пилате неизвестно, а Иуда — пример всех недостатков. Достигли с толпой пещеры Божией Матери, и вся толпа запела: «В Рождестве девство сохранила еси, во Успении мира не оставила...» — тропарь и песню Богородице, и прикладывались к Ее гробу и все пели и наслаждались Ее радостью, что Господь Ее Тело взял к Себе.

Посмотрели и опять представили себе, что здесь было, где Небесная Сила взяла Пречистое Тело Ее, Господи, не оставь нерадивых!

Тут же у Нее в пещере и Иосиф похоронен, как говорится в истории, здесь старец почивает. Великий старче! Моли Бога о нас!

Повели нас к Красным воротам, где Господа в последний раз осудили! О, как посмотришь, что такое суд! Кто ежели страдал, всякий про него скажет: нет, вот за то его и преследуют; ах, мне-то еще мало этого, но за то, за что говорят, теперь невинен, а ранее согрешил; но Господь ни теперь, ни прежде не грешил.

Достигли Гефсимании, где Господь нередко беседовал со Своими учениками до Его тяжелых вздыханий и молений о Чаше Смертной. Поклонились недостойные тому месту, где мы Его окровавленными слезами оплаканы и облиты Его кровью; как посмотришь, что мы здесь на том самом месте, где Он молился, вся толпа всколыхнулась, кто плачет, кто глубоко вздыхает, у всякого слезы текут. Камень этот в стене и теперь облит кровью Спасителя, вот это место поневоле научит молиться. Его подвиг у верующих всегда перед глазами, а когда видишь то место, где Спаситель стоял, и знаешь, что в Гефсиманском саду слезы Божии текли реками, то

боязно ступить на землю, всякий камешек свят — описать этого невозможно. Боже, спаси и помилуй нас в Сердце Своем.

Тут же выше видим, где ученики спали на камнях и Господь приходил их будить не раз, а мы почиваем вечно во сне и во зле. Господи, пробуди нас!

Пошли выше и слышим звон колоколов.

О БЛАГОДАТИ ВЕЛИКОЙ СУББОТЫ

О какое ожидание благодатного огня, как томятся все богомольцы до крестного хода! Более суток ожидают этого благодатного огня. Тысяча народов и множество наций. Многие плачут, а арабы хлопают в ладоши, скачут и что-то поют в исступлении, кругом войска и турецкие кавасы. Приходит главная минута: патриарх раздевается, остается в одном белье и входит в кувуклию, где Гроб Христов...

Народ со слезами и с сильным напряжением ожидает, когда патриарх выйдет с огнем... Вот он выскакивает, неся огонь и бежит в храм Воскресения, зажигает свечи неугасимые, а потом выходит к народу, и от его пучка свеч зажигают свечи и поклонники с большим рвением все вне себя от радости и не чувствуют утомления, жгут свечи пучками — тридцать три свечи. В лице поклонников пылает чрезвычайная радость, но большой шум по всему храму. Во всех частях храма и во всех приделах люди набрались радости и наполнились благодатью вместе с зажжением свеч от благодатного огня. Некоторые повезли огонь домой, а другие только обожгли свечи, до трех раз зажигали и гасили. Дивное событие совершилось и совершается. Боже, дай память, чтобы не забыть такое обновление.

Как приятно быть во Святой земле, не посетить ее с верой нельзя, там можно пробыть хоть немного, три месяца и то увидишь всю святыню. А в три месяца не осмотришь, то хоть год проживешь, ничего не увидишь, если ты лентяй здоровый. Бог ленивых не слышит, и века проживешь, да ничего не узнаешь, а узнаешь — да не оценишь. Святыня любит страх. Для Иерусалима нужно побывать везде раз только: посетить все места и оценить. Дома при своих работах и трудах перенестись духом ко Гробу и ко прочим местам святыни. Первый раз непонятная для тебя радость является, а во второй раз начнем хулить, и безверье в нас вкоренится. Кто не бывал, попросит тебя, съезди за послушание и расскажи ему с трепетом, как много ошибок там для молодых послушников и послушниц. Монахиням бывает очень трудно, лучше бы их не отпускали, громадный соблазн, очень враг завидует, и из них делаются многие приживалками и торговками святыни, бегают, говорят «у нас батька святой» и записывают вас.

Вино продают «ракичку на паричку» и пьют его, потому что дешево. Это более делают чернички, афонские (келлиоты); поэтому нельзя черничкам туда ездить, большая часть их помимо Иерусалима живет, объяснить не полагается, а кто был там, тот знает.

Побыл на Иордане, пели тропарь «Во Иордане крещающуюся...» и кондак и погрузились в воды иорданские. Поглядели на пустыню Иорданскую, где спасалась Мария Египетская. На том месте, где Ты, Господи, крестился, все погружаются в воду и думают о разрешении грехов. Большая вера у толпы. Множество наций с трепетом бегут на Иордан для избавления от грехов. Господи, как душа ищет покоя, ей и расстояние нипочем.

Много тысяч из конца в конец земли переносятся телом и душой, чтоб очищение найти. Боже, очисти нас в Своих водах иорданских! Тут и Мертвое море посмотрели, наказание Божие на нем, объял нас страх и ужас. Как Господь разгневался на беззаконие людей: виднеются одни воды, никакое животное, ни насекомое не живет в них, а уж рыбы совсем нет, и смотрим, и плачем. Горе нам! Бог города не пожалел. Господи, пощади нас, постереги на день Суда Твоего!

В этой же пустыне послал Бог Елисею благодать. Место, где Илья был взят на небо, указать невозможно. Вся пустыня Иорданская полна событиями. Растительности в ней мало. И речка небольшая, обросла кустарником и мелким лесом, купальни нет, просто с берега купаются.

В окрестностях много монастырей. Как Иоанн Предтеча и другие подвижники из библейских сказаний совершали подвиги постом и безмолвием, так и потом около Иордана жили иноки, только греки все искалечили, но сама пустыня в сердце остается.

Монастырь Герасима. Тут преподобный Герасим питался неизвестно чем и жил со зверями. Греки приветливые, но не сохраняют событий, которые здесь были, не обращают внимания на библейскую сторону. Здесь всякий камешек освящен святыней, а многим я этого говорить не могу: верую всякая душа живится.

В Иерихоне дом Закхея, о котором говорится в Евангелии. Там нашли раскопки — пол мозаичный, найденный одним академиком из Пантелеймоновского монастыря — я с ним знаком. Смотришь эти места — совсем

все, как было, и представляешь себе, будто вчера здесь толпился народ и Господь снимал тяготу связи земной. Действительно, народ недаром толпился, это видно, и чувство говорит, что как прежде мир теснился, чтобы получить от Бога дар и получал, так и теперь.

В Иорданской же пустыне есть источник пророка Елисея, но кавас туда нас не повел и рассердился.

Тут же смоква Евангелика¹ — эта смоква — наши грехи неочищенные, и мы не хотим очиститься и не боимся Бога и слов Его.

Сорокадневный монастырь находится на высокой горе, где искушал бес Господа. Дивный храм построен, и в нем келейка, в которой помещается тот самый камень, на котором Господа искушал бес, и к нему прикладываются. Действительно, сокрушается дух о Божественном страдании. Он хочет нас искупить от лукавого, и теперь тут же, где Его искушение было, продают и «ракичку» дешево, по-нашему водку. Вот бес хитрый, как он всех ловит!

Неподалеку монастырь Георгия Хозевита, а затем лавра Саввы в горах в пустынном месте над пропастью. Бегут источники, много костей открыто, есть кости особенные, благодатные. В некоторых местах над пропастью чувствуешь, что здесь спасались подвижники.

На пути оттуда гостиница доброго самаритянина, но теперь ею заведуют турки и воды не дают!

Мамврийский дуб! Великая доброта и любовь под Мамврийским дубом. Здесь Авраам приветствовал хле-

¹ Так в оригинале. Имеется в виду евангельская бесплодная смоковница (см. Мф. 21, 18–20). — *Ред.*

бом и солью Господа, который явился в виде трех странников, а теперь эта Троица славится и изображается. Мамврийский дуб, а Сарра и Авраам служат примером своей доброты. Как приятно разделить пищу со странником! Здесь заключается Премудрость в том, что явил Себя Господь в Троице за ласковый привет Аврааму и Сарре и всему их семейству. Припали к дереву, поклонились ему, отслужили молебен. Половина дуба посохла от великой древности, от многих тысяч лет, а есть несколько частей древа, которые по чуду Божию зеленеют — это доброта Божия, и будет она во веки зеленеть и славить Бога. Так и хочется делать добро, так в этом древе доброта и зеленеет, да не загладится память о том, что Господь посетил этот дуб, и останется в сердце у всякого христианина.

По этой же дороге находятся Соломоновы пруды, где поили его скот, и по его премудрости они так устроены, что вода в них совсем не высыхает, хотя и немного ее.

Вифания на пути к Иордану близ Иерусалима. Пробыли на том месте, видели камень и прикладывались к нему, где Иисус сказал Марфе: «О многом беспокоишься, а малое на потребу»¹. Слова эти сильно влияют на этом месте. Тут храм построен, и как места эти ласкают и зовут душу в небесный чертог! Неподалеку отсюда могила Лазаря — так же глубока, как воскресение его звучно в Евангелии.

Едешь мимо этих мест, вздохнешь и подумаешь: «Боже, воскреси мою душу от бездны греховной. Твое воскресение по всей земле представляет себе всякий человек и переносится туда духом — оно доступно всем верующим». Подумаем, сколько там дивных событий

¹ См. Лк. 10, 41–42. — *Ред.*

и как мы должны чувствовать воскресение Лазаря для всех и вся по всей земле.

В Яффе апостол Петр воскресил Тавифу. Побывали в пещере, где он ее воскресил, и так ее пещера ласкает с любовью русского паломника: и видится апостол Петр, и его энергичная молитва ко Господу.

Тут же на берегу развалины ковчега, говорят турки. Ковчег — пример спасенья для христиан, и слова праведного Ноя над нами сбываются... Наше спасение — Церковь, и всякий, кто услышит клик Ноя, да спасется!

Мать наша — Церковь!

В Вифлееме громадный храм, много в нем наций и престолов и всяких удобств, но для русских паломников всегда одни неудобства. Зато когда увидишь ясли Самого Спасителя — забудешь усталость и монастырские разные интриги. Приложились к Его яслям, и не верится от радости, что Бог мнлость Свою явил к нам! Где родился Христос — поклонились, и где положили Его, то место тоже облобызали странники и паломники, и у всех радость в лице! Тут же Ирод избил младенцев. Какое зло и зависть повлияли на него, что он решился в своем городе убить младенцев и не постыдился насмешек своих близких и не сжалился над детьми! Сколь коварна зависть! Тут и пещера всех избитых младенцев, многотысячное число их. Русские поклонники с ужасом посмотрели на Иродово зло и на его коварную зависть, а о младенцах невинных, чьи косточки лежат здесь — поплакали! Каково было матерям с ними расставаться! Зло и зависть до сих пор в нас, между большим и более великим и интрига царствует в короне, а правда, как былинка в осеннюю ночь, ожидает восхода солнца, как солнце взойдет, то и правду найдут.

В том же храме то место, где ангел известил Иосифа, когда Ирод стал замышлять избить младенцев. Мы приложились, и все русские паломники с любовью обласкали это место и глядели на ту самую лестницу, закованную решеткой, по которой Иосиф выходил, чтобы совершить далее бегство в Египет. Мы с любовью и верой посмотрели вслед этой лестнице, куда Иосиф вышел из храма Вифлеемского, на тернистый путь в бегство.

По дороге в Вифлеем недалеко от города находится могила Рахили, которая «плачет о детях своих» и не хочет утешиться.

Из Вифлеема пошли за город и дошли до пещеры пастухов, где ангел возвестил радость пастухам и где пели «Слава в вышних Богу». Пели все паломники и поклонились иконе, на которой изображен ангел, возвещавший великую радость. Пропели Пасху, был второй день праздника. Пещерка порадовала нас, потому что в ней дивное мудрование волхвов, о которых учит история. Господи, в нас недостает премудрости, умудряй нас. Твоя власть, как тогда, так и теперь!

Еще надо помнить в Иерусалиме недалеко от Крестного хода¹ маленький храм Анны Богоприимицы и в нем пещера, где похоронены косточки великого старца Симеона Богоприимца. Как в его пещере отрадно! Как его Господь увенчал. Какое дивное событие с ним было, когда он не поверил изречению пророков и хотел вычеркнуть, что Господь родится от Девы, а ангел удержал его руку, поэтому он утопил свое кольцо в море. Какие события и явления! Сами пророки не верили в Его рождение!

¹ Имеется в виду Крестный путь, Виа Долороса — дорога, которой Господь Иисус Христос шел до Голгофы. — *Ред.*

И вот, чтобы облегчить его неверие, рыба схватила его кольцо в море и попалась рыбаку, рыбак ее на рынок принес, а послушник купил рыбу, принес ее домой и нашел в ней кольцо, которое отнес Симеону. Симеон и сказал: «Воистину Сын Божий родится» — и про себя проговорил: «Когда увидят очи мои спасение мое, тогда отдам дух мой ко Господу» — и так тогда и скончался, когда увидел Господа.

Приложились к премудро написанной иконе, где изображена [и] рыбка.

Когда ехали на пароходе, на обратном пути опять приблизились к тому месту, где кит выбросил пророка Иону, и запели пасхальную песню «яко от кита Иона, воскрес еси от гроба». Вся толпа народа смотрела на то место, где совершилось событие чуда. Там маленький каменный столбик и яма неглубокая четырехугольная, пароход стоял полсуток против этого места.

Крестный монастырь самый древний из всех. В нем показывают место, где росло дерево, то самое, на котором был распят Христос и которое посажено было праведным Лотом. Короче всего сказать, что когда Лот выведен был из Содома, то был искушен соблазном, и вот Господь через одного старца благословил его посадить три головешки и поливать их водой. Три головешки были им посажены, и он носил воду с Иордана и поливал их. Господь услышал молитву его — из одной головешки выросло дерево. Есть изображение этого дерева на иконах и как Лот поливает и сажает его, — все это в пещере изображено. Как Господь даже грешников прославляет! Сама Церковь воспевает это древо, из него Крест был сделан, на котором распят Христос.

Как увенчал Господь праведного Лота, он и раньше был праведный, а потом пал в великий разврат, но покался. Вот первое спасение — если ради Бога кто живет, то хотя искусит его сатана, все-таки спасется, только бы не из корысти, а кто из корысти, тот Иуде брат будет.

В доме Иокима и Анны нашли мозаику — лань приклонила главу к ногам их.

Господи, все животные им покорны!

Много разных народов, и все умные в своем духе, но веры у всех и во всех нациях мало и любви нет. С ними очень нужно быть ласковым, они не понимают, но на любовь твою смотрят как на диковину. И вот в то время, как мы указываем на небо, они с любовью смотрят, и в лице у них делается перемена, и сейчас говорят о пророках. Очень много умных, а веры в них нет, с ними очень нужно говорить, но не о вере, а о любви, спаси их Бог. Критиковать и указывать на свою веру, как она высока — не надо, а надо сперва расположить их, а потом и сеять осторожно и кротко свою веру, но на это годы нужны. Надо показать пример любви и иметь любовь яркую, вот тогда будут христиане, как в первые года, и миссия христианская будет не за деньги служить, а по доброте. Они очень понимают, когда говоришь, и удивительно на них слова отражаются — сейчас садятся крутом и смотрят на тебя. Надо обязательно знать язык их и характер их наций, а всего короче — любовь к Богу иметь, как к другу, а то хоть и постимся, а не умеем с Богом беседовать, то и на людей не подействуем. Как колокол без серебра плохо звучит, так и неопытный всегда только напортит.

Если любишь, то никого и не убьешь — все заповеди покорны любви — в ней великая премудрость, больше, чем в Соломоне, и такая высота, что только одна любовь и существует, а остальное все, как дробь, в ней и через нее выход на небо.

Насколько один маленький кусочек хлеба дороже для человека большого корабля! А сколько денег на корабль надо. Кто уразумеет, тот и разумей.

Действительно, много народа едет на пароходе, несколько сотен, и в этой толпе рассадник веры, только многих бес запутал, но в ней много золота и жемчуга — тайная поддержка государства. Всякий в своем уголке имеет духовную силу, расскажут юношам про Иерусалим, в этих юношах явится страх и полюбят Родину и Царя. Я уверен, если больше веры будет, никакой варвар не подточит корень ее. Надо обратить побольше внимания на паломников — возить их подешевле и так устроить, чтобы миссия не брала с них денег за кипяток, за номера, за барак и раз в день давали бы купать и не возили бы, как скот в трюмах, иногда до семисот вместе, а в этом году 500, менее чем всегда. А то с паломниками обращаются, как со скотом, а деньги отдай и за кипяток, и за барак, и за все.

Паломники ради святыни едут, но много им приходится терпеть. Богатым очень хорошо. И денег много, и номер хороший. Да, надо постараться, чтобы посвободнее возили бедных паломников, очень они поддерживают Россию верой простой, расскажут своим про Гроб Христов — это ничем неоценимая для простого народа великая доброта!

Необходимы обители для простого люда, пусть они [не] ведут себя, как братия, Бог им судия, но есть посреди них движимые Духом Святым и молитвенники. Устав монастырский очень влияет на христианина и служит великой поддержкой для государства. Простачок поклонится святыне и пойдет по селам, расскажет с верой о службе и о уставе монастырском на своем простом языке, видно, что он говорит правду, и вот про-

стота его вселит в семействе любовь к Богу, и юноши выслушают странника и будут помнить его слова, когда пойдут на военную службу. Вселится в них любовь, будут любить монастырь, а в нем самая родина любви, и это правда на самом деле, что кто поносит монастырь, тот и все остальное поносит, а устав монастырский учит любить!

Вот еще большое событие — Пасха католиков в Иерусалиме. Я был очевидцем и сравнивал их Пасху с нашей — у них неделей раньше она была. Что же сказать про их Пасху? У нас все, даже неправославные, радуются, в лицах играет свет, и видно, что все твари веселятся, а у них и в самом храме никакой отрады нет, точно кто умер, и нет оживления: выходят, а видно, что нет у них в душе Пасхи, как у избранников, а будни. Какое же может быть сравнение с Пасхой Православия. Совсем это другое. Ой, мы счастливые, православные! Никакую веру нельзя сравнить с православной. У других есть ловкость — даже торгуют святыней, а видно, что у них нет ни в чем отрады, вот обман, когда даже в Пасху служат, и то лица мрачные, поэтому и доказывать можно смело, что если душа не рада, то и лицо не светло — вообще мрак, — а у православных, когда зазвонят и идешь в храм, то и ногами Пасху хвалишь, даже вещи и те в очах светлеют! Я не берусь судить, а только рассуждаю и сравниваю католическую Пасху с нашей, как я видел во Святом граде служили Пасху у Гроба, а премудрости глубину не берусь судить!

Я чувствовал, как у нас ликуют православные, какая у нас величина счастья, и хотелось бы, чтобы нашу веру не унижали, а она без весны цветет над праведниками, для примера указать можно на о. Иоанна Кронштадтского, и сколько у нас светил — тысяча мужей Божиих!

ПРИЛОЖЕНИЕ

Круг лиц, причастных к судьбе Г.Е. Распутина, в том числе — упомянутых в данном издании

Адрианов Александр Александрович (1862–1917). Генерал-майор Свиты, Московский градоначальник (1908–1915). — 321, 323, 326, 336.

Александр I Карагеоргиевич (1888–1934). Король Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС), с 1929 года — король Югославии. Убит в Марселе вместе с французским министром иностранных дел Ж. Барту хорватскими и македонскими террористами, связанными с фашистской Германией и Италией. — 273.

Александр II Николаевич (1818–1881). Император (1855–1881). Старший сын Императора Николая I. Женат (1841) на принцессе Марии Гессен-Дармштадтской (Максимилиане-Вильгельмине-Августе-Софии-Марии), в России — Мария Александровна (1824–1880). Дети: Александра (1842–1849), Николай (1843–1865), Александр (1845–1894; Император 1881–1894), Владимир (1847–1909), Алексей (1850–1908), Мария (1853–1920). В замужестве (1874) за сыном английской королевы Виктории герцогом Альфредом Саксен-Кобург-Готским), Сергей (1857–1905), Павел (1860–1919). Императрица Мария Александровна умерла 22 мая 1880 года, а 6 июля 1880 года Александр II вступил вmorganaticкий брак со своей давней привязанностью, княжной Екатериной Михайловной Долгоруковой (1847–1922), получившей в 1880 году титул «Светлейшей княгини Юрьевской». Имела от Императора троих детей: Георгия (1873–1913), Ольгу (1873–1925), Екатерину (1878–1959). Александр II был убит в Петербурге 1 марта 1881 года, княгиня Юрьевская умерла в Ницце. — 103, 126.

Александр Михайлович (1866–1933). Великий князь, генерал-адъютант, адмирал, четвертый сын Великого князя Михаила Николаевича, внук Николая I, двоюродный брат Александра III и двоюродный дядя Николая II. Председатель Совета по делам торгового мореплавания (1900), Главноуправляющий торгового мореплавания и портами (1902–1905). Женат (1894) на сестре Николая II Ксении Александровне (1875–1960). Дети: Ирина (1895–1970. В замужестве (1914) за князем Ф. Ф. Юсуповым), Андрей (1897–1981), Федор (1898–1968), Никита (1900–1974), Дмитрий (1901–1980), Ростислав (1902–1977), Василий (1907–1989). Умер на руках дочери Ирины 26 февраля 1933 года в Рокбрюне (кап Мартен) около Ментоны, где гостил у своего друга офицера лейб-гвардии конной артиллерии Чирикова. Похоронен там же. Там же в 1960 году была похоронена и умершая в Англии Ксения Александровна. — 21, 85, 96, 126, 127.

Александр III Александрович (1845–1894). Император России (1881–1894). Второй сын Императора Александра II. Женат (1866) на Марии Федоровне, урожденной датской принцессе Марии-Софии-Фредерике-Дагмар (1847–1928). Дети: Николай (1868–1918, с 1894 года — Император Николай II); Александр (1869–1870); Георгий (1871–1899); Ксения (1875–1969; замужем (1894) за Великим князем Александром Михайловичем); Михаил (1878–1918; женат (1912) на Н. С. Шереметьевской); Ольга (1882–1960; замужем за (1901) принцем П. А. Ольденбургским, разведена (1916). Второй раз замужем (1916) за ротмистром Н. А. Куликовским (1881–1959). — 89, 90, 118, 301.

Александр, протоиерей. — см. Васильев Александр Петрович.

Александра Федоровна (1872–1918) Императрица. Урожденная принцесса Гессенская Алиса-Виктория-Елена-Луиза, супруга (1894) Императора Николая II. Дети: Ольга (1895–1918), Татьяна (1897–1918); Мария (1899–1918); Анастасия (1901–1918); Алексей, Цесаревич (1904–1918). Убита вместе со всей семьей 17 июля 1918 года в Екатеринбурге. В 2000 году Архиерейский Собор Русской Православной Церкви прославил Августейшую

Семью в Лике Стратотерпцев. — 21, 37, 94, 95, 96, 97, 112, 119, 120, 122, 123, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 137, 138, 139, 140, 142, 143, 146, 147, 148, 150, 156, 162, 164, 166, 169, 171, 172, 179, 185, 190, 208, 215, 224, 225, 249, 262, 263, 297, 301, 307, 311, 313, 316, 338, 350, 352, 354, 355, 357, 358, 368, 384, 386, 394, 428, 429, 430, 435, 437, 438, 444, 446, 448, 454, 456, 457, 462, 477, 482, 491, 492, 496.

Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918). Генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии. Окончил Московское пехотное юнкерское училище и Николаевскую Академию Генерального Штаба. Службу начал прапорщиком в 1876 году. С 1908 года — начальник штаба Киевского военного округа. В 1914 году — начальник штаба армий Юго-Западного фронта, в апреле 1915 года — Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, с августа 1915 года — начальник штаба Верховного Главнокомандующего. Состоял в переписке с А. И. Гучковым и другими деятелями Государственной Думы, строившими планы дворцового переворота. Во время Февральской революции (1917) выступил за отречение Государя Николая II от престола. Один из создателей Добровольческой армии. Умер в Краснодаре.

Алексей Михайлович (1629–1676). Второй Царь (с 1645 года) из Династии Романовых. Дети: от первого брака, с Марией Ильиничной Милославской (1626–1669) — Софья (1657–1704; правительница Русского государства (1682–1689), Федор (1661–1682) и Иван (1666–1696); от второго брака, с Натальей Кирилловной Нарышкиной (1651–1694) — Петр I, Царь (с 1682) и первый Российский Император (с 1721). Скончался 30 января 1676 года. Похоронен в Архангельском соборе Кремля. — 118.

Алексей Николаевич (1904–1918). Цесаревич и Великий Князь, пятый ребёнок и единственный сын российского Императора Николая II и Императрицы Александры Фёдоровны, убитый вместе со всей Семьёй. — 144, 214, 353.

Алексей, священник — см. Кибардин Алексей Алексеевич.

Алиса, Великая герцогиня Гессен-Дармштадтская (1843–1878). Урожденная принцесса английская, вторая дочь

английской королевы Виктории, мать Императрицы Александры Федоровны. Замужем (1862) за Людвигом IV Великим (с 1877), герцогом Гессенским (1837–1892). Дети: Виктория (1863–1950), Елизавета (1864–1918; замужем за Великим князем Сергеем Александровичем Романовым (с 1884), прославлена в лике святых Русской Православной Церковью), Ирэна (1866–1953), Эрнст-Людвиг (1868–1937), Фридрих (1870–1873), Алиса (Императрица Александра Федоровна, 1872–1918), Мария (1874–1878).

Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938). Русский писатель и журналист, в первые два десятилетия XX века пользовался всероссийской известностью; один из известнейших русских масонов. За памфлет в адрес Царствующего Дома был выслан в Минусинск (Красноярского края). Впоследствии не принял Окт. революцию и умер в эмиграции в Италии. — 242, 243, 244, 247.

Анастасия Николаевна Черногорская — «*Стана*» (1868–1935). Великая княгиня, жена (1907) Великого князя Николая Николаевича (младшего), дочь Короля Черногорского Николая I Негоша. В первом браке (1889) за герцогом Георгом Максимилиановичем Лейхтенбергским, князем Романовским (1852–1912). Их дети: Сергей (1890–1974), Елена (1892–1971, в замужестве графиня Тышкевич). Детей от второго брака не было. Умерла на Юге Франции в Антибе, похоронена в Каннах в Церкви Архангела Михаила рядом с мужем. — 80, 299, 300, 302, 306, 308, 310, 313, 339, 340, 411.

Андрей Владимирович (1879–1955). Великий князь, генерал-майор Свиты (1915). Третий сын Великого князя Владимира Александровича, внук Императора Александра II, двоюродный брат Императора Николая II. Много лет состоял в интимной связи с балериной М. Ф. Кшесинской (1872–1971), имевшей от него сына Владимира (1902–1974), получившего от Николая II право носить фамилию Красинского, а в эмиграции Великий князь Кирилл Владимирович присвоил ему титул «князя Красинского». В эмиграции его шутливо называли князь «Вово де

Рюси». В 1921 году, в Париже, Андрей Владимирович женился на М. Ф. Кшесинской.

Антоний (Вадковский) (1846–1912). Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. В миру — Александр Васильевич Вадковский; сын протоиерея Тамбовской губернии. Ректор СПб. Духовной академии (с 1887); архиепископ Финляндской епархии (с 1892); митрополит Петербургский и Ладожский (с 1898); первенствующий член Святейшего Синода (с 1900). Один из создателей Религиозно-философского общества в Петербурге (1907–1917). Имел репутацию либерала и подвергался критике в печатных органах «Союза русского народа». Погребен на братском кладбище Александро-Невской Лавры. — 308.

Антоний (Храповицкий) (1863–1936). Митрополит Киевский и Галицкий. В миру — Алексей Павлович Храповицкий; дворянин, сын генерала. Постриг принял в 1880 году, с 1890 года — ректор СПб. Духовной академии, доктор богословия. Архиепископ Волынский (1902), Харьковский (1914); митрополит Киевский (1918). В 1905–1907 гг. поддерживал «Союз русского народа» и др. монархические организации, что снижало ему в либеральных и революционных кругах репутацию черносотенца. Первоиерарх Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) (с 1920). — 241.

Апраксин Петр Николаевич (1876–1962). Граф, гофмейстер Двора Его Величества, флигель-адъютант. Личный секретарь Императрицы Александры Федоровны (с 1913). Женат на Елизавете Владимировне, урожденной княжне Барятинской (1882–1948). Член Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. Председатель Комитета по сооружению Храма-Памятника Царю-Мученику (1945) в Бельгии. Умер в Брюсселе. — 86.

Арапов Александр Викторович (1872–1929). Действительный статский советник, Сибирский вице-губернатор (март 1913–декабрь 1915), Орловский губернатор (с декабря 1915).

Арсений (Стадницкий) (1862–1936). Митрополит Ташкентский. В миру — Авксентий Георгиевич Стадницкий; сын священника Кишиневской епархии. Ректор Московской Духовной

академии (1908); архиепископ Новгородский и Старорусский (1910); в 1917 году возведен в сан митрополита. В 1907 году избран в Государственный Совет от монашеского духовенства. Строгий уставщик; вел активную миссионерскую работу среди старообрядцев-беспоповцев; много сил отдал борьбе с пьянством. В ноябре 1917 года на Поместном соборе был одним из трех кандидатов на Патриарший престол. При большевиках неоднократно арестовывался, в 1925 году выслан в Среднюю Азию. Назначен митрополитом Ташкентским (с 1933). Умер в Ташкенте. — 37.

Арцыбашев Михаил Петрович (1878–1927). Прозаик, публицист, драматург. Начал печататься в 1901. В произведениях после 1905–1907 характерны проповедь аморализма, сексуальной распущенности, отвращение к общественным идеалам. После Октябрьской революции эмигрировал за границу. Умер в эмиграции в Варшаве. — 244, 245.

Бадмаев (Жамсаран) Петр Александрович (1851–1920). Крестник Александра III, доктор тибетской медицины, действительный статский советник. Приехал в Петербург в 1871 году, поступил в Петербургский университет, слушал лекции в Военно-медицинской академии. В 1875 году служил в азиатском департаменте МИДа и одновременно с этого времени начал заниматься врачебной практикой. Поддерживал епископа Гермогена и иеромонаха Илиодора в их борьбе с Распутиным, затем перешел на сторону последнего, особенно сблизился с ним в 1916 году. В 1914 году возведен в дворянское достоинство. В августе 1917 года был выслан Временным правительством за границу, затем вернулся в Петроград, где и умер.

Барк Петр Львович (1869–1937). Тайный советник; сын лифляндского уроженца, лесного чиновника Екатеринославской губернии. В 1892 году окончил юридический факультет Петербургского университета и поступил на службу в Особенную канцелярию по кредитной части Министерства финансов. С 6 мая 1914 по 1 марта 1917 года занимал пост министра финансов, одновременно главного начальника над отдельным

корпусом пограничной стражи. Масон (1915–1916). После Февральской революции был арестован. 17 марта 1917 года освобожден и переселился в Крым. С 1918 года в эмиграции в Великобритании. В 1935 г. принял английское подданство и возведен в рыцарское достоинство.

Барятинская Мария Владимировна (1851–1937). Княгиня, фрейлина Императрицы Александры Федоровны. Урожденная княжна Барятинская, дочь капитана I ранга князя Виктора Ивановича Барятинского (1823–1904) и Марии Аполлинарьевны, урожденной Бутеневой (1835–1906). Умерла в Ницце. — 94.

Барятинский Александр Владимирович (1870–1910). Князь, муж Екатерины Юрьевской (1878–1959), дочери Александра II и княжны Екатерины Михайловны Долгоруковой.

Барятинский Владимир Анатольевич (1843–1914). Князь, генерал-адъютант, состоял при Императрице Марии Федоровне. Руководитель кругосветного путешествия Цесаревича Николая Александровича в 1890–1891 годах. Егермейстер, начальник Императорской охоты.

Батюшин Николай Степанович (1874–1957). Генерал-майор, в начале 1917 года возглавил Комиссию по борьбе со шпионажем при штабе Северного фронта. Умер в Бельгии в доме для престарелых.

Белецкий Степан Петрович (1873–1918). Сенатор, вице-директор (1909–1912), а затем директор (1912–1913) Департамента полиции. Расстрелян большевиками. — 193, 319, 406, 407, 408, 409, 410, 416, 440, 443, 444, 445.

Беляев Афанасий Иванович (1845–1921). Митрофорный протоиерей, настоятель Царскосельского Екатерининского собора, с 1918 года — также Федоровского Государева Собора. Расстрелян большевиками.

Бенкендорф Павел Константинович (1853–1921). Граф, генерал-от-кавалерии, обер-гофмаршал Императорского двора (1893–1917), член Государственного Совета. Женат на Марии Сергеевне, урожденной княжне Долгоруковой. Сохранял верность Семье Царя, но по состоянию здоровья не мог сопрово-

ждать Романовых в Сибирь. При советской власти оставался в Петрограде и получил разрешение на выезд официально лишь в конце 1921 года. Уехал в Эстонию и вскоре умер в городе Нарве.

Берберова Нина Николаевна (1901–1993). Поэт, прозаик, переводчик, литературный критик и исследователь. С 1922 года жила в эмиграции во Франции, где и умерла. — 319.

Берлацкая Хиония Матвеевна (1876-?). Вдова поручика, почитательница Г. Е. Распутина. — 211.

Бехтеев Сергей Сергеевич (1879–1954). Елецкий уездный предводитель дворянства Орловской губернии, поэт. Автор стихотворения «Молитва». Участник Белого движения. Участник Первой мировой войны, корнет Кавалергардского полка. Был ранен, находился на излечении в Царском Селе, где удостоился встречи с Императрицей Александрой Федоровной и Великими Князнями. Посылал в Тобольск Им свои стихи. Эмигрировал из Крыма в 1920 году. Умер и похоронен в Ницце.

Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927). Известный невропатолог, психиатр и психолог, основатель (1908) Психоневрологического института в Петербурге. — 34.

Богданович Александра Викторовна (1835–1914). Урожденная Бутовская, жена генерала-от-инфантерии Е. В. Богдановича (1829–1914), хозяйка петербургского политического салона. — 98, 99, 100, 101, 103, 104, 105, 171, 175, 227, 411, 412.

Богданович Евгений Васильевич (1829–1914). Генерал-от-инфантерии, староста Исаакиевского собора в Петербурге, муж А. В. Богданович.

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955). Советский государственный и партийный деятель, член Коммунистической партии с 1895 года; публицист и издатель, в 1917–1920 годах управляющий делами коммунистического правительства (Совнаркома). — 192, 266, 267.

Борис Владимирович (1877–1943). Великий князь, сын Великого князя Владимира Александровича и Великой княгини Марии Павловны (Старшей), внук Императора Алексан-

дра П. Флигель-адъютант, генерал-майор Свиты, командир Лейб-Гвардии Атаманского полка. Женат (1919) на З. И. Рашевской (1898–1963), умер в Париже.

Боткин Евгений Сергеевич (1865–1918). Действительный статский советник, доктор медицины, участник Русско-японской войны. Пожалован почетным лейб-медиком Двора Его Императорского Величества 6 мая 1905 года. Назначен лейб-медиком Николая II 13 апреля 1908 года. Сопровождал Царскую Семью в Тобольск и Екатеринбург, где и был убит вместе с семьей. — 95, 114, 123, 129, 185, 352, 467.

Боткина Татьяна Евгеньевна (по мужу Мельник) (1899–1986). Дочь лейб-медика Е. С. Боткина, автор воспоминаний о Царской Семье. — 95.

Брасова Наталья Сергеевна (1880–1952). Дочь присяжного поверенного из Москвы Сергея Александровича Шереметевского. По первому браку Мамонтова, по второму — Вульфферт. Морганатическая жена (1912) Великого князя Михаила Александровича. Умерла в Париже, похоронена на парижском кладбище Пасси. Имела сына Георгия (1910–1931), получившего титул графа Брасова, погибшего в Лондоне в автомобильной катастрофе.

Буксгевден София Карловна (1884–1956). Баронесса, дочь шталмейстера барона К. К. Буксгевдена, фрейлина (1904) Императрицы Александры Федоровны. Добровольно последовала за Царской Семьей в Тобольск, но к ней допущена не была. Через Сибирь и Китай эмигрировала в Европу, жила в Лондоне, где написала три книги воспоминаний, в том числе особо значимую: «Венценосная Мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы Всероссийской». Книга издана в Москве в 2006 году. Умерла в Лондоне. — 128, 214.

Бунин Иван Алексеевич (1870–1953). Известный русский писатель, лауреат Нобелевской премии (1933). Умер в эмиграции во Франции. — 24, 32.

Буренин Виктор Петрович (1841–1926). Поэт, критик, сотрудник газеты «Новое время». — 242.

Бурцев Владимир Львович (1862–1942). Участник революционного движения, публицист, издатель исторических журналов. — 28.

Бьюкенен Джордж Уильям (1854–1924). Британский посол в России (1910–1918). — 432.

Варнава (Накропин) (1860–1924). Архиепископ Тобольский и Сибирский. В миру — Василий Александрович Накропин; из крестьянской семьи. Архимандрит, настоятель коломенского Ново-Голутвина Святой Троицы монастыря (1908), затем — коломенского Старо-Голутвина в честь Богоявления Господня мужского монастыря (1910); Олонецкий викарный епископ (1911); епископ Тобольский и Сибирский (1913). Участник монархического движения, член Русского Собрания. Умер и погребен в Москве, чин отпевания совершил Патриарх Тихон. — 107, 465.

Васильев Александр Петрович — «отец Александр» (1867–1918). Протоиерей, духовник Царской семьи (с 1914), пресвитер придворного собора Спаса Нерукотворного Образа при Зимнем Дворце, первый настоятель Федоровского Государева собора в Царском Селе в память 300-летия Дома Романовых; член Главной Палаты Русского Народного Союза им. Михаила Архангела (РНСМА). Передал земле тело Г.Е. Распутина. Служил напутственный молебен при отправлении Царственных Мучеников в сибирскую ссылку. Расстрелян в Петрограде 5 сентября 1918 года. — 279, 357, 494, 495.

Васильев Алексей Тихонович (1869–1928). Действительный статский советник, директор Департамента полиции (1916–1917). Скончался в эмиграции, во Франции. **Васильчикова София Николаевна** (1867–1942). Княгиня, урожденная княжна Мещерская, жена члена Государственного Совета Б.А. Васильчикова (1863–1931). Автор оскорбительного письма Императрице Александре Федоровне, за которое в декабре 1916 года была выслана в свое имение в Новгородской губернии. Умерла во Франции.

Вивьяни Ренэ (1863–1925). Министр иностранных дел Франции (1914), премьер-министр (1914–1915), министр юстиции (1915–1917). — 288.

Виктория I Александрина (1819–1901). Королева Великобритании и Ирландии и Императрица (1876) Индии (1837–1901). Дочь Эдуарда, герцога Кентского, четвертого сына короля Георга III и принцессы Виктории Саксен-Саальфельд-Кобургской. В супружестве (1840) с принцем Альбертом Саксен-Кобургским (1819–1861). Вступила на престол после смерти своего дяди, короля Вильгельма IV. Дети: Виктория (1840–1901), замужем (1858) за Фридрихом-Вильгельмом, Императором германским Фридрихом III; Альберт-Эдуард (1841–1910. Король Эдуард VII 1901–1910), женат (1863) на принцессе Датской Александре; Алиса (1843–1878), в замужестве (1862) за Людвигом Великим (с 1877), герцогом Гессенским (1837–1892); Альфред (1844–1900) женат (1874) на дочери Императора Александра II Марии Александровне; Елена (1846–1923), в замужестве (1866) за принцем Христианом Шлезвиг-Гольштинским; Луиза (1848–1939), в замужестве (1871) за маркизом Джоном Лорном, старшим сыном герцога Арджильского; Артур (1850–1942), герцог Коннаутский, женат (1879) на принцессе Луизе-Маргарите Прусской; Леопольд (1853–1884); Беатриса (1857–1944); замужем (1885) за Генрихом, принцем Баттенбергским. Королева Виктория скончалась 22 января 1901 года. — 133.

Виктория Федоровна — «*Даки*» (1876–1936). Урожденная принцесса Саксен-Кобург-Готская Виктория-Мелита, дочь Великой княгини Марии Александровны (дочери Александра II) и Альфреда, герцога и герцогини Эдинбургских, внучка Императора Александра II и английской королевы Виктории. Ее сестры: королева Румынская с 1914 года Мария (1875–1938), Александра (1877–1942) Гогенлоэ-Лангебургская и Беатриса (1884–1966), жена испанского принца Альфонса Орлеанского. Имела единственного брата Альфреда-Александра-Эрнста-Альберта (1874–1899), покончившего жизнь самоубийством. В первом браке (1894) за Великим герцогом Гессенским и Рейнским Эрнстом-Людвигом, братом Императрицы Александры Федоровны. Имела от него дочь Елизавету (1895–1903). В 1901 году развелась с герцогом и в 1905 году, против желания и без разрешения Нико-

лая II, вышла замуж за двоюродного брата, Великого князя Кирилла Владимировича. Брак был признан в 1907 году, когда она получила титул Великой княгини. Дети от второго брака: Мария (1907–1951), Кира (1909–1967), Владимир (1917–1992). Умерла во Франции, в 1995 году ее прах, и прах мужа Великого князя Кирилла Владимировича перенесены в Великокняжескую усыпальницу Петропавловского собора в Санкт-Петербурге.

Вильгельм II (1859–1941). Император Германский и король Прусский (1888–1918). Вступил на престол в 1888 году после смерти своего отца Императора Фридриха III. Матерью его была старшая дочь английской королевы Виктории принцесса Виктория. Женат (1881) на принцессе Августе-Виктории Шлезвиг-Гольштинской (1858–1921). Дети: Вильгельм (1882–1951), наследный принц Пруссии и Германии, женат (1905) на Цецилии, герцогине Мекленбургской (1886–1954); Эйтель-Фридрих (1883–1942), женат (1906) на Софии-Шарлотте, герцогине Ольденбургской; Адальберт (1884–1948); Август-Вильгельм (1887–1949), женат (1908) на Александре-Виктории, принцессе Шлезвиг-Гольштинской; Оскар (1888–1958); Иоахим (1890 — покончил с собой в 1920 г.); Виктория-Луиза (1892–1980), замужем (1913) за Эрнестом-Августом, Великим герцогом Брауншвейгским. На этой свадьбе присутствовал Николай II. Вильгельм II отрекся от престола в ноябре 1918 года и бежал в Голландию, где и умер. — 30.

Винберг Федор Викторович (1861–1927). Полковник Лейб-Гвардии Уланского Ее Величества Императрицы Александры Федоровны полка, шталмейстер Высочайшего Двора. Один из преданных Царю русских офицеров, отказавшийся принимать присягу на верность Временному Правительству. Умер во Франции.

Витте Сергей Юльевич (1849–1915). Граф (1905), министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1905), председатель Совета министров (1905–1906). Действительный тайный советник, статс-секретарь. В апреле 1906 года уволен в отставку. — 89, 98, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 115, 161, 171, 234, 270.

Владимир (Богоявленский) (1848–1918). Митрополит Киевский и Галицкий; в миру — Василий Никифорович Богоявленский. Митрополит Московский и Коломенский (1898–1912), Митрополит Петербургский и Ладужский (1912–1915), митрополит Киевский и Галицкий (1915–1918). Убит в Киеве в январе 1918 года. Прославлен как Священномученик. — 181.

Владимир Александрович (1847–1909). Великий князь, третий сын Императора Александра II, генерал-адъютант, Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884–1905), член Государственного Совета, Президент Академии Художеств (с 1876). Женат (1874) на принцессе Мекленбург-Шверинской, принявшей в России имя Марии Павловны (Старшей). Их дети: Александр (1875–1877), Кирилл (1876–1938), Борис (1877–1946), Андрей (1879–1956), Елена (1882–1957. С 1902 года замужем за греческим принцем Николаем).

Воейков Владимир Николаевич (1868–1947). Генерал-майор Свиты (с 1909). Окончил Пажеский корпус, флигель-адъютант (1906), командир Лейб-гвардии Гусарского полка (1907–1913), Дворцовый комендант (1913–1917). Женат на дочери министра Императорского Двора графине Евгении Владимировне Фредерикс (1867–1950). Умер в Финляндии. — 28, 312, 325, 349, 439.

Волжин Александр Николаевич (1862–1933). Действительный статский советник, гофмейстер, Седлецкий и Холмский губернатор, директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел (1914), обер-прокурор Святейшего Синода (сентябрь 1915–август 1916), член Государственного Совета. Женат на княжне О. А. Долгоруковой (1867–1946). В эмиграции жил в Италии, последние годы на Юге Франции, умер и похоронен в Ницце. — 440, 445.

Волков Алексей Андреевич (1859–1929). Камердинер Императрицы Александры Федоровны. Сопровождал Царскую Семью в Тобольск и Екатеринбург. Чудом избежал расстрела. Умер в Эстонии. — 214.

Волконский Владимир Михайлович (1868–1953). Князь, внук декабриста С. Г. Волконского, егермейстер (1909), дей-

ствительный статский советник (1912). Член III и IV Государственной Думы (в III думе — товарищ председателя), товарищ министра внутренних дел (июль 1915—декабрь 1916). Женат на Анне Михайловне, урожденной Звегинцевой (1870—1950). Умер в Ницце.

Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837—1916). Граф, генерал-адъютант, генерал-от-кавалерии. Друг Императора Александра III. В 1881—1897 годах — министр Императорского двора, в 1905—1915 годах — наместник на Кавказе и главнокомандующий войсками Кавказского военного округа. Женат (1867) на Елизавете Алексеевне, урожденной графине Шуваловой (1845—1924).

Воскобойникова Надежда Ивановна (1883—?). Вдова подесаула, казачка из Донской области, старшая сестра и заведующая хозяйством в Серафимовском лазарете А. А. Вырубовой в Царском Селе. — 419, 446, 447.

Врангель Николай Егорович (1847—1923). Барон, выпускник Геттингенского университета, доктор философии, известный петербургский предприниматель. — 93.

Вырубов Александр Васильевич (1880—1919). Старший лейтенант, чиновник Морского министерства, делопроизводитель морской походной канцелярии, Полоцкий уездный предводитель дворянства (1913—1917). Бывший супруг (1907—1917) фрейлины А. А. Вырубовой (Танеевой). — 101, 112,

Вырובה Анна Александровна, урожденная Танеева (1884—1964). Ближайший друг Царской Семьи и Распутина. Дочь обер-гофмаршала и Главноуправляющего Императорской канцелярией Александра Сергеевича Танеева (1850—1918) и его жены Надежды Илларионовны, урожденной Толстой (1859—1937). В 1900 году выдержала экзамен при Санкт-Петербургском учебном округе на домашнюю учительницу. С 1904 года — фрейлина Императрицы Александры Федоровны. В 1907 году вышла замуж за старшего лейтенанта Александра Васильевича Вырובה (Полоцкий уездный предводитель дворянства, в 1913—1917). Брак был неудачен и через несколько

месяцев А. А. Вырубова рассталась с мужем. Брак был официально расторгнут только в 1917 году, когда она стала носить девичью фамилию Танеева. В марте 1917 года была арестована и находилась несколько месяцев под арестом. В послереволюционные годы скрывалась несколько лет от большевиков, пока ей с большим трудом не удалось бежать в Финляндию. В 1923 году приняла монашеский постриг с именем Марии в Смоленском скиту Валаамского монастыря. Похоронена на православном кладбище города Хельсинки. — 37, 52, 53, 81, 101, 111, 112, 113, 122, 151, 154, 155, 161, 162, 164, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 174, 175, 177, 178, 180, 185, 194, 219, 220, 239, 250, 252, 272, 274, 312, 354, 366, 371, 375, 419, 420, 421, 435, 436, 438, 439, 444, 445, 446, 447, 449, 457, 481, 482, 487, 491, 492, 493, 494.

Гаар Мария Генриховна. Петербургская потомственная почетная гражданка, почитательница Г. Е. Распутина. — 422.

Гедройц Вера Игнатьевна (1876–1932). Княжна, происходила из древнего, но обедневшего литовского аристократического рода. Практикующий врач, ординатор Царскосельского и Павловского госпиталей (1909–1917). Старший врач Царскосельского лазарета для раненых. В молодости участвовала в революционном движении, печатала стихи под аллонимом Сергей Гедройц (имя умершего брата). При советской власти работала в медицинских учреждениях, преподавала, умерла в Киеве от рака. — 178.

Гендриков Василий Александрович (1857–1912). Церемониймейстер Высочайшего Двора, гофмейстер, состоял при Императрице Александре Федоровне. Женат на Софье Петровне, урожденной княжне Гагариной. Отец графини А. В. Гендриковой.

Гендрикова Анастасия Васильевна (1886–1918). Графиня, фрейлина Императрицы Александры Федоровны, отбыла с Царской Семьей в Тобольск, где преподавала Детям историю. В Екатеринбурге была разлучена с Семьей, арестована и расстреляна в Перми в сентябре 1918 года. — 129.

Георгий Александрович (1871–1899). Великий князь, сын Императора Александра III и брат Императора Николая II, На-

следник престола (1894–1899). В 1890 году заболел туберкулезом и последние годы жизни жил почти безвыездно в местечке Абас-Туман на Кавказе, куда его отправили врачи. Здесь основал самую высокогорную в мире обсерваторию.

Георгий Михайлович (1863–1919). Великий князь, генерал-адъютант, сын Великого князя Михаила Николаевича, внук Николая I, двоюродный брат Александра III и двоюродный дядя Николая II. Женат (1900) на принцессе Марии Греческой (1876–1940). Дети: Нина (1901–1974, в замужестве (1922) за князем П. А. Чавчавадзе); Ксения (1903–1965, в замужестве (1921) за Вильямом Лидзом (развод 1930), второй раз (1946) за Германом Юдом). Расстрелян в Петропавловской крепости.

Герасимов Александр Васильевич (1861–1930). Генерал-майор, начальник Петербургского охранного отделения (1905–1909).

Гермоген (Долганов) (1858–1918). Епископ Тобольский и Сибирский. Сын священника Херсонской епархии; в миру — Георгий Ефремович Долганов. Окончил СПб. Духовную академию. Епископ Саратовский и Вольский (1901–1911), оказывал поддержку иеромонаху Илиодору (Труфанову). С 1911 член Св. Синода, в 1912 исключен из него. В 1917 году назначен епископом Тобольским и Сибирским. Убит большевиками 16/29 июня 1918 года. В 2000 году причислен к лику святых. — 183, 230, 232, 245.

Гиббс (Чарльз Сидней) Сидней Иванович (1876–1963). Англичанин, преподавал английский язык детям Николая II. Добровольно последовал за Царской Семьей в Тобольск, куда прибыл несколько позднее. В дальнейшем сопровождал Детей в Екатеринбург, где был разлучен с Ними. Затем жил в Китае, где принял православие с именем Алексея (1934), а позже — постриг с именем Николай. В 1938 году вернулся в Англию. После Второй мировой войны основал в Оксфорде православный приход. Умер в сане архимандрита. Похоронен на кладбище Хэдинстон в Оксфорде. — 144, 214.

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869–1945). Писательница и поэтесса, жена писателя Д. М. Мережковского. Как общественная

деятельница, известна своим активным участием в религиозно-философских обществах. Умерла в эмиграции во Франции. — 23.

Гирш Густав Иванович (1828–1907). Тайный советник, доктор медицины. Лейб-хирург Александра III и Николая II. — 137.

Голицын Дмитрий Борисович (1851–1920). Князь, генерал-адъютант, обер-егермейстер Императорского Двора, заведующий Императорской охотой. Женат на Екатерине Владимировне Мусиной-Пушкиной (1863–1944). — 401.

Голицын Николай Дмитриевич (1850–1925). Князь, Архангельский губернатор (1885–1892), сенатор (1903), член Государственного Совета (1915), председатель Комиссии по оказанию помощи военнопленным в годы Первой мировой войны, последний председатель Совета Министров (с декабря 1916). После Февраля жил в Петрограде, занимался сапожным делом. Расстрелян в 1925 году. — 27, 401.

Головина Любовь Валерьяновна (1853–1938). Урожденная Карнович, жена камергера Евгения Сергеевича Головина (1837–1897), сестра княгини О. В. Палей, мать М. Е. Головиной. — 52, 384.

Головина Мария Евгеньевна — «*Муля*» (1887–1972). Племянница княгини О. В. Палей, почитательница Г. Е. Распутина. Умерла во Франции, похоронена на кладбище «Коломб» под Парижем. — 53, 54, 68, 81, 216, 369, 384, 385, 387, 388, 401, 422, 459, 460, 468, 480, 481, 482.

Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917). Действительный тайный советник, статс-секретарь, член Государственного Совета. Министр внутренних дел (1895–1898), Председатель Совета Министров (1906, 1914–1916). Арестован в марте 1917 года, в мае освобожден. Проживал на своей даче в Сочи. Там, 11 декабря 1917 года, вместе с женой Александрой Ивановной (урожденной Капгер), дочерью Александрой и мужем дочери дипломатом Иваном Александровичем Овчинниковым, был убит бандой революционных матросов. — 27, 374.

Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) (1868–1936). Русский советский писатель, драматург, основополож-

ник литературы социалистического реализма, родоначальник советской литературы. Работал грузчиком, пекарем. Занимался самообразованием. Участвовал в нелегальных народнических кружках, вел пропаганду среди рабочих и крестьян. После ареста в 1889 находился под надзором полиции. В 1888–1889 и 1891–1892 странствовал по России. Принял активное участие в революционных событиях 1905 года. За прокламацию 9 января 1905 года с призывом свергнуть самодержавие был заключен в Петропавловскую крепость (освобожден под давлением мировой общественности). Летом 1905 вступил в партию большевиков. По совету Горького Илиодор (Труфанов) написал пасквильную книгу «Святой чёрт» о Распутине, которая была опубликована в 1917 году. — 96, 234.

Превениц Владимир Евгеньевич (1868–1916). Барон, капитан I ранга, командир линейного корабля «Полтава», второй муж Д. Е. Кочубей («Долли»). — 104.

Граббе Александр Николаевич (1864–1947). Граф, офицер Лейб-Гвардии Казачьего полка, генерал-майор Свиты. Состоявший при Великом князе Александре Михайловиче, сопровождал его во время кругосветной поездки на Великокняжеской яхте «Тамара» в 1889 году. В 1897–1909 годах — адъютант Великого князя Михаила Николаевича. С 1914 года — командир Императорского конвоя. Женат (1893) на Марии Николаевне, урожденной княжне Оболенской. Умер в Нью-Йорке.

Громогласов Илья Михайлович (1869–1937). Протоиерей, профессор Московской Духовной академии и Московского университета, автор работ по истории раскола и сектантства. Член Поместного собора 1917–1918 годов. После 1918 года неоднократно арестовывался, расстрелян в Твери. В 1999 году канонизирован как месночтимый святой Тверской епархии.

Гумидёв Николай Степанович (1886–1921). Русский поэт, один из ведущих представителей акмеизма. В начале Первой мировой войны поступил добровольцем в уланский полк; был награжден двумя Георгиевскими крестами. 3 августа 1921 был арестован Петроградской Чрезвычайной Комиссией и расстре-

лян как участник контрреволюционного заговора; в 1991 дело в отношении Гумилёва прекращено за отсутствием состава преступления. — 75.

Гусева Хиония Кузминична. Последовательница Илиодора, пытавшаяся убить в 1914 году Григория Распутина, а в 1918 году — Патриарха Тихона. — 36, 391, 392, 393, 394, 396, 397, 412, 415.

Гучков Александр Иванович (1862–1936). Основатель и руководитель партии «Союз 17 Октября», председатель Государственной Думы (1910–1911), член Государственного Совета. Известный общественный деятель, масон. Принимал 2 марта 1917 года отречение Николая II. В марте-апреле 1917 года — военный и морской министр в первом составе Временного правительства. Ненавидел Императрицу Александру Федоровну и распространял клевету про Нее. Умер в Париже. — 19, 28, 253, 254, 256, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 277, 279, 280, 286, 315, 347, 348, 352, 394.

Даманский Петр Степанович (1860–1916). Выпускник Санкт-петербургской Духовной академии, тайный советник (1912), сенатор (1915). С января 1912 по август 1915 года — товарищ обер-прокурора Святейшего Синода. — 277.

Дедюлин Владимир Александрович (1858–1913). Генерал-адъютант, генерал-лейтенант, петербургский градоначальник (1905), Дворцовый комендант (1906–1913). — 276, 277.

Ден фон, Юлия Александровна (урожденная Селим-Бек Смонская, или Смульская) — «Лили» (1880–1963). Дочь генерала Измаила Селим Бек Смольского и его супруги Екатерины Леонидовны, урожденной Хорват. Жена (1907) капитана I ранга Гвардейского экипажа Карла Акимовича (Карла-Александра) фон Ден (1877–1932). Подруга Императрицы Александры Федоровны и Анны Вырубовой-Танеевой. Умерла и похоронена в Риме. Сын — Александр Карлович Ден (1908–1980) — «Тити», крестник Императрицы. Умер в Венесуэле. — 356, 359, 491, 492, 494, 496.

Деревенко (Деревенько) Владимир Николаевич (1879–1936). Почетный лейб-хирург, состоял при Цесаревиче Алексее

Николаевиче с 1912 года. В качестве врача Отряда особого назначения сопровождал Царскую Семью в Тобольск и Екатеринбург. После убийства Царской Семьи работал в лазаретах Красной армии. Арестовывался, провел пять лет в лагерях. В 30-х годах работал в Медсануправлении Днепростроя.

Деревенько Андрей Еремеевич (ум. 1921). Боцман яхты «Штандарт», «дядька» Цесаревича, приставлен к нему в 1905 году. Умер от тифа в Петрограде. — 355.

Джунковский Владимир Федорович (1865–1938). Генерал-майор Свиты, Московский губернатор (1905–1913), товарищ министра внутренних дел и шеф Корпуса жандармов. (1913–1915). После прихода к власти коммунистов сотрудничал с их тайной полицией — ВЧК и ОГПУ. В декабре 1937 Джунковский был арестован и вскоре расстрелян по приговору «тройки» управления НКВД по Московской области. — 10, 315, 317, 318, 319, 320, 321, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 333, 334, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 390, 396, 397, 398,

Дмитрий Павлович (1891–1942). Великий князь, сын Великого князя Павла Александровича, двоюродный брат Николая II. Штабс-ротмистр Лейб-Гвардии Конного полка, флигель-адъютант (1912). Принимал участие в убийстве Г. Е. Распутина, после чего был сослан в Русский экспедиционный корпус в Персии. В эмиграции в 1926 году женился на богатой американке Одри Эмери (1904–1971), (развод 1937). Сын Павел (Пол Ильинский) родился в 1928 году в Лондоне, полковник морской пехоты США. Дмитрий Павлович умер в Швейцарии в Давосе, где лечился от туберкулеза. — 386, 461, 467, 477, 478, 479, 492.

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881). Великий русский писатель и мыслитель. Противоречивость творчества Достоевского определила прямо противоположные интерпретации его деятельности как художника и мыслителя. Одна группа философов считала его христианским вероучителем (В. В. Розанов, Д. С. Мережковский, Н. А. Бердяев); другие стремились превратить его в предшественника ницшеанских идей. — 26, 72.

Дувидзон (Давидсон) Вениамин Борисович. Корреспондент столичных газет «Петербургский листок», «Петербургский курьер» и «Биржевые ведомости». — 391, 392, 393, 394, 395, 396, 398, 399, 424.

Елевферий (Богоявленский) (1870–1940). Митрополит Литовский и Виленский. В миру — Дмитрий Яковлевич Богоявленский, сын сельского псаломщика Курской епархии. Окончил С.-Петербургскую Духовную академию (1904). Епископ Ковенский, vicарий Литовский и Виленский (1911). С июня 1917 г. — управляющий Литовской епархией. Умер после тяжелой болезни в Вильно.

Елизавета Мавриковна (1865–1927). Великая княгиня, урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская, герцогиня Саксонская. В замужестве (1884) за Великим князем Константином Константиновичем («К. Р.»).

Елизавета Федоровна (1864–1918). Великая княгиня, урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская, вторая дочь герцога Людвига IV. Жена (1884) Великого князя Сергея Александровича, сестра Императрицы Александры Федоровны. В 1910 году приняла монашеский постриг. Была убита в Алапаевске 17 июля 1918 года. В 1992 году причислена Русской Православной Церковью к лику святых. — 121, 162, 314, 493.

Ермолова Мария Николаевна (1853–1928). Великая русская актриса. Заслуженная артистка Императорских театров (1902). Народная артистка Республики (1920). Герой труда (1924). — 318.

Жевахов Николай Давыдович (1876–1949). Князь, статский советник, товарищ обер-прокурора Святейшего Синода (с 15 сентября 1916). В эмиграции жил в Югославии и на Западной Украине, умер около Вены в лагере для перемещенных лиц. — 440.

Жильяр (Пьер) Петр Андреевич (1879–1962). Швейцарский подданный, наставник Цесаревича Алексея и преподаватель французского языка для Его Сестер. Сопровождал Царскую Семью в Тобольск и Екагеринбург. В эмиграции женился (1922) на

бывшей няне Царских Детей А. А. Теглевой (род. 1884). — 141, 353.

Завадский Сергей Владиславович (1871–1935). Сенатор, прокурор Петербургской судебной палаты, товарищ председателя Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (март–май 1917). — 30, 486.

Зайончковский Андрей Медардович (1862–1926). Генерал-от-инфантерии, военный историк, с 1916 года — в Красной армии, профессор Военной академии РККА. — 101, 102, 316.

Игнатьева Софья Сергеевна (1850–1944). Графиня, урожденная княжна Мещерская, жена шталмейстера графа А. П. Игнатьева, убитого террористом в 1906 году, хозяйка петербургского «религиозного салона». — 87, 215.

Измайлов Александр Алексеевич (1873–1921). Писатель, публицист, литературный критик. Окончил курс Санкт-Петербургской Духовной академии. — 218.

Иксуль фон Гильденбанд Варвара Ивановна (1846–1928). Баронесса, урожденная Лутковская, хозяйка известного петербургского салона. Умерла в Париже. — 216, 217, 266.

Илиодор (Труфанов Сергей Михайлович) (1880–1952). Иеромонах, из донских казаков, в 1912 году был лишен сана. Умер в эмиграции в США. — 183, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 255, 274, 285, 334, 373, 391, 392, 395, 396, 397, 405, 406.

Иоанн Кронштадтский (Сергиев Иван Ильич) (1829–1908). Протоиерей, святой, праведный. Настоятель Андреевского Собора в Кронштадте. Известно огромное число совершенных по его молитвам исцелений. 19 ноября 1907 г. о. Иоанн первым среди священников вступил в «Союз русского народа». Канонизация праведного Иоанна в Русской Православной Церкви состоялась 14 июня 1990 года. — 79, 170, 372.

Исидор (Колоколов) (1866–1918). Епископ Михайловский, викарий Рязанской епархии, настоятель Тюменского Свято-Троицкого монастыря. В миру — Петр Александрович Колоколов, родился в Петербурге в семье учителя гимназии. Образование

получил в С.-Петербургской ДС (1887) и С.-Петербургской ДА (1891). Отпевал в декабре 1916 года Г.Е. Распутина. Расстрелян большевиками. — 495.

Керенский Александр Федорович (1881–1970). Политический деятель, адвокат, депутат Государственной Думы, министр юстиции, а затем министр-председатель Временного правительства, известный русский масон. Когда в ночь на 25 октября (7 ноября) 1917 года Военно-революционный комитет при Петроградском совете организовал восстание, Керенский бежал из Петрограда. Умер в США. — 5, 6, 7, 19, 20, 22, 23, 28, 29, 30, 32, 36, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 66, 155, 156, 185, 260, 393, 473.

Кибардин Алексей Алексеевич (1871–1964). Протоиерей, настоятель и священник Федоровского Государева Собора в Царском Селе (1913). Закончил Санкт-Петербургскую Духовную академию (1912). После революции дважды репрессирован (1930–1934; 1950–1955). Служил священником в церкви Казанской Божией Матери в селе Вырицы под Ленинградом.

Кирилл Владимирович (1876–1938). Великий князь, старший сын Великого князя Владимира Александровича и Великой княгиня Марии Павловны (старшей), внук Императора Александра II, двоюродный брат Николая II. Окончил Морской кадетский корпус. Контр-адмирал, флигель-адъютант. В 1905 году, нарушив данное Царю обещание, женился на своей двоюродной сестре Виктории-Мелите, принцессе Саксен-Кобург-Готской (1876–1936). Дети: Мария (1907–1951), Кира (1909–1967), Владимир (1917–1992). За самовольный брак уволен со службы, ему был воспрещен въезд в Россию. В 1907 году был прощен, вернулся в Россию, его жена получила титул Великой княгини Виктории Федоровны. С 1915 года — командир Гвардейского экипажа. Еще до отречения Николая II перешел на сторону новой власти. В 1917 году эмигрировал в Финляндию, а затем во Францию. В 1922 году в Париже провозгласил себя Блюстителем Престола, а 31 августа 1924 года принял титул Императора Всероссийского Кирилла I. Умер во Франции, по-

хоронен на родине жены в Кобурге (Германия). В 1995 году прах перенесен в Великокняжескую усыпальницу Петропавловского собора в Петербурге. — 21, 386.

Клейнмихель Мария Эдуардовна (1846–1931). Графиня, урожденная графиня Келлер, жена графа Н. П. Клейнмихеля. Хозяйка известного петербургского салона. Умерла в Германии. — 87.

Климович Евгений Константинович (1871–1930). Генерал-лейтенант, сенатор (1916). Начальник Московского охранного отделения (1906), помощник Московского градоначальника (1906–1907), заведующий Особым отделом Департамента полиции (1908–1909), Московский градоначальник (с июня 1915), директор Департамента полиции (с марта 1916). Умер в Югославии.

Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868–1959). Актриса, жена А. П. Чехова. — 318.

Кобылинский Евгений Степанович (1879–1927). Полковник Лейб-Гвардии Преображенского полка, с марта 1917 года — начальник Царскосельского гарнизона, а затем начальник охраны Царской Семьи в Тобольске. Расстрелян большевиками в Ярославле. — 41.

Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943). Граф (1914), министр финансов (1904, 1906–1914), председатель Совета министров (1911–1914). В эмиграции во Франции, в 1923 году возглавил Союз верных памяти Императора Николая II. — 28, 108, 253, 254, 259, 411.

Константин Константинович (1858–1915). Великий князь, второй сын Великого князя Константина Николаевича и Александры Иосифовны, внук Императора Николая I, двоюродный брат Александра III. Генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии. С 1891 года — командир Преображенского полка, в 1900–1910 годах — Начальник военно-учебных заведений; с 1910 года — генерал-инспектор военно-учебных заведений. С 1889 года — Президент Академии Наук. Поэт, драматург, переводчик (литературный псевдоним «К. Р.»). Женат (1884) на

принцессе Елизавете (Елизавете-Августе-Мари-Агнессе) Саксен-Альтенбургской, получившей в России имя Елизаветы Маврикиевны (1865–1927). — 181, 182, 298, 378.

Комиссаров Михаил Степанович (1870–1932). Жандармский генерал-майор, в конце 1915–начале 1916 года заведовал охраной Распутина, в марте 1916 назначен градоначальником в Ростов-на-Дону. При Временном правительстве был арестован, сидел в заключении в Петропавловской крепости. После прихода к власти большевиков стал тайным агентом ГПУ (ОГПУ), выполнял секретные поручения по развалу монархического движения в Европе. Умер в США в Чикаго при загадочных обстоятельствах (попал под трамвай).

Корнев Сергей Александрович. Полковник Петроградского военно-окружного суда, в 1917 году прикомандирован к Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. — 29.

Коттен (Котен) Михаил Фридрихович (1870–1917). Жандармский офицер, генерал-майор (1914), начальник охранного отделения в Москве (1907–1908), затем в Петербурге. — 408.

Кривошеин Александр Васильевич (1858–1923). Гофмейстер, член Государственного совета, Главноуправляющий землеустройством и земледелием (1908–1915). — 266.

Ксения Александровна (1875–1960). Великая княгиня, старшая дочь Императора Александра III, сестра Императора Николая II. Жена (1894) Великого князя Александра Михайловича. Дети: Ирина (1895–1970, в замужестве (1914) Юсупова), Андрей (1897–1981), Федор (1898–1968), Никита (1900–1974), Дмитрий (1901–1980), Ростислав (1902–1977), Василий (1907–1989). Умерла в Англии, где жила все последние годы безвыездно в коттедже в Виндзорском парке, или в коттедже парка дворца Балморал. Похоронена вместе с мужем на Юге Франции. — 125, 126, 127, 182, 184, 185.

Кугульский Семен Лазаревич (1862–1954). Журналист. Родился в мещанской семье, настоящая фамилия — Кегулихес. Учился в Одесском коммерческом училище. Редактор-издатель

газет «Новости сезона» и «Столичное утро», последняя была закрыта московским генерал-губернатором «в порядке чрезвычайной охраны». — 322, 324.

Курлов Павел Григорьевич (1860–1923). Шталмейстер, генерал-лейтенант по армейской кавалерии. Окончил Военно-юридическую академию, прокурор Московского окружного суда (1897), а затем Тверского окружного суда. С 1909 года — товарищ министра внутренних дел, командир Корпуса жандармов. После покушения на Столыпина (сентябрь 1911), уволен со службы. После Февральской революции был арестован Временным правительством; освобожден; в 1918 году выехал за границу. — 221, 402, 403, 404, 406, 408, 412, 434.

Кусова Вера Илларионовна. Баронесса, урожденная Горленко, дочь жандармского полковника Иллариона Владимировича Горленко и певицы Марии Ивановны Долиной, жена штаб-ротмистра барона Кусова. Одна из самых последовательных поклонниц Распутина.

Кшесинская Матильда Феликсовна (1872–1971). Прима-балерина Мариинского театра в Петербурге. Жена (1921) Великого князя Андрея Владимировича. Умерла в Париже, похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Лазаверт Станислав (Сергей Сергеевич). Врач, прикомандированный к Военно-санитарной организации Петрограда, старший врач отряда Красного Креста, которым руководил В. М. Пуришкевич, участник убийства Распутина. — 483.

Лаптинская Акилина Никитична. (1877–?). Крестьянка Могилевской губернии, поклонница Г. Е. Распутина. — 211, 212, 422, 494.

Лахтина (Лохтина) Ольга Владимировна (1865–?). Вдова генерала-от-инженерии, поклонница Г. Е. Распутина. — 209, 210, 239, 413.

Лейкерт Ольга Алексеевна (1887–?). Урожденная Мордвинова, почитательница Г. Е. Распутина. — 419.

Ломан Дмитрий Николаевич (1868–1918). Полковник, офицер для поручений при Дворцовом управлении, староста «Фе-

доровского Государева собора». Расстрелян большевиками. — 195, 494, 495.

Ломан (Ломен) Николай Николаевич (1843–1909). Капитан I ранга, командир фрегата «Память Азова», на котором путешествовал Цесаревич Николай, впоследствии командир Императорской яхты «Полярная Звезда», генерал-адъютант, адмирал.

Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925). Князь, член I Государственной Думы, глава Временного правительства (март–июнь 1917 года). — 19, 22, 41, 42, 43, 44.

Макарий (Невский) Митрополит Московский и Коломенский (1835–1926). Миссионер, архиепископ Томский и Алтайский (1908), митрополит Московский и Коломенский (1912), член Святейшего Синода. В 2000 году причислен к лику Святителей. — 152.

Макаров Александр Александрович (1857–1919). Действительный тайный советник, директор Департамента полиции (1906–1909), министр внутренних дел и шеф Корпуса жандармов (1911–1912), министр юстиции (1916). Расстрелян большевиками. — 28, 251, 253, 254, 266, 406, 407.

Маклаков Василий Алексеевич (1879–1957). Присяжный поверенный (адвокат), член II, III и IV Государственных Дум, член Конституционно-демократической партии (КД) и один из ее лидеров, посол России во Франции при Временном правительстве. — 475, 476, 478, 479, 486.

Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918). Старший брат В. А. Маклакова. Член Государственного совета, гофмейстер, министр внутренних дел (1912–1915). Расстрелян большевиками. — 28, 397, 401, 406, 409, 415.

Максимович Константин Клавдиевич (1849–1918). Генерал-адъютант, генерал-от-кавалерии, помощник командующего Императорской главной квартирой (с 1915). — 452.

Манасевич-Мануйлов Иван Федорович (1869–1918). Чиновник Департамента полиции, журналист, доверенное лицо С. Ю. Витте, позже Б. В. Штюрмера. — 196.

Манус Игнатий Порфирьевич (1860–1918). Петербургский купец, выходец из еврейской семьи из Бессарабской губернии, окончил гимназию в Одессе, принял Православие, сотрудничал в различных петербургских изданиях, занялся биржевой спекуляцией, быстро разбогател, превратился в крупного финансового дельца. Был арестован летом 1918 года и расстрелян большевиками в октябре 1918 года «за предложение взятки комиссару дома предварительного заключения» в Петрограде. — 361, 362, 363.

Мария Максимилиановна Баденская — «*тетя Маруся*» (1841–1914). Герцогиня Лейхтенбергская, в замужестве принцесса Баденская. Дочь принца Максимилиана Лейхтенбергского (1817–1852), князя Романовского и Великой княгини Марии Николаевны (1819–1876), внучка Николая I. В 1863 году вышла замуж за принца Вильгельма Баденского (1829–1897). Часто приезжала в Россию. 4 апреля 1866 года была свидетельницей покушения на императора Александра II.

Мария Николаевна (1899–1918). Великая княжна, третья дочь Николая II. Убита вместе со Своими Близкими в Екатеринбурге. — 142.

Мария Павловна (Старшая) — «*Михень*» (1854–1920). Великая княгиня, урожденная принцесса Мекленбург-Шверинская Марня-Александрина-Елизавета-Элеонора. Жена (1874) Великого князя Владимира Александровича. Дети: Александр (1875–1877), Кирилл (1876–1938), Борис (1877–1946), Андрей (1879–1955), Елена (1882–1887). Замужем (1902) за Николаем Греческим). Мария Павловна приняла Православие в 1908 году. Эмигрировала из России и умерла во Франции в местечке Контрексевиль. — 87, 140.

Мария Павловна (Младшая) (1890–1898). Старшая дочь Великого князя Павла Александровича, внучка Императора Александра II. В 1908 году вышла замуж за шведского принца Вильгельма Зюндерманладского (1884–1965), с которым развелась в 1914 году. В августе 1917 года вышла замуж за князя Сергея Михайловича Путятина (1893–1966). Развелись в 1923 году.

От первого брака имела сына Леннарта, а от второго — Романа (1918–1919). — 383, 432, 488.

Мария Федоровна (1847–1928). Урожденная принцесса Датская Дагмара (Мария-София-Фредерика-Дагмар), четвертый ребенок в семье датского короля Христиана IX и королевы Луизы. В 1866 году вышла замуж за Наследника Русского Престола, Великого князя Цесаревича Александра Александровича. С 1881 года — Императрица. Дети: Николай (1868–1918, Император Николай II), Александр (1869–1870), Георгий (1871–1899), Ксения (1875–1960), Михаил (1878–1918), Ольга (1882–1960). Покинула Россию в апреле 1919 года на английском броненосце «Мальборо» и последние годы жила большей частью в пригороде Копенгагена в небольшой вилле Видор (Гвидор, Видере) на пенсию (10 тыс. фунтов в год) от английского короля Георга V. Умерла 13 октября 1928 года в Дании на руках своей дочери Ольги. Похоронена в старинном городке Роскилле (около Копенгагена), в отдельном склепе древнего собора (XII век), где находится усыпальница Датского Королевского Дома. В 2006 году прах Марии Федоровны был перенес в Царскую усыпальницу Петропавловского собора в Санкт-Петербурге. — 130, 138, 140, 285, 286, 305, 352, 490.

Марков Николай Евгеньевич (1866–1945). Депутат III и IV Государственных Дум от Курской губернии, лидер фракции «правых». Непримирым враг либеральствующих интриганов в стенах Думы, дискредитирующих Царскую власть. В эмиграции — непримирым борец против большевиков и предателей «февралистов», с 1921 — председатель Высшего монархического совета. Умер в Висбадене. — 258.

Мартынов Александр Павлович (1875–1951). Полковник Отдельного корпуса жандармов, начальник Московского охранного отделения (10.07.1912–27.02.1917). — 323, 324, 325, 331, 332, 334, 335.

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866–1941). Русский беллетрист, поэт, критик, публицист, религиозный мыслитель. В романах (трилогии «Христос и Антихрист», 1895–1905; «Алек-

сандр I», 1911–12, и др.) и пьесах, написанных на историческом материале, — пытался осмыслить мировую историю как вечное борение «религии духа» и «религии плоти». Умер в эмиграции во Франции. — 23.

Милица Николаевна (1866–1951). Великая княгиня, урожденная принцесса Черногорская, жена (1889) великого князя Петра Николаевича. — 79, 80, 139, 151, 162, 169, 181, 190, 200, 201, 290, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 307, 309, 310, 311, 313, 314, 339, 340, 345, 405, 406.

Митя Козельский (Дмитрий Попов). Юродивый из Оптиной пустыни, мещанин города Козельска Калужской губернии. После революции был сослан большевиками в лагерь на Соловках, где и погиб в 1929 году. — 81.

Михаил Александрович (1878–1918). Великий князь, генерал-майор, член Государственного Совета, младший сын Императора Александра III, брат Императора Николая II, Наследник престола в 1899–1904 годах. Осенью 1912 года тайно за границей вступил в морганатический брак с Н. С. Вульфферт, урожденной Шереметевской, по первому браку Мамонтовой (1881–1952). За этот брак над имуществом Михаила Александровича была учреждена опека, а ему был воспрещен въезд в Россию. С началом Первой мировой войны опека была снята, и ему было разрешено вернуться в Россию, а его жене была пожалована фамилия «Брасова» — по названию имени Михаила Александровича в Орловской губернии. В годы войны командовал Дикой дивизией. Михаил Александрович первым из Романовых был варварски убит большевиками в ночь с 12 на 13 июня 1918 года в Перми. От брака с Брасовой у него был сын Георгий (1910–1931), получивший титул графа Брасова. Погиб в Лондоне в автомобильной катастрофе. — 18.

Мосолов Александр Александрович (1854–1939). Генерал-лейтенант (1908), служил с 1873 года в Лейб-Гвардии Конном полку. Начальник канцелярии Министерства Императорского двора (1900–1916), затем -посланник в Румынии. Женат на Елизавете Федоровне, урожденной Треповой. — 357, 443.

Муравьев Николай Константинович (1870–1936). Присяжный поверенный (адвокат) из Москвы, участвовал во многих политических процессах: дело о восстании на броненосце «Потемкин» (1905), дело о покушении на цареубийство (1907), дело Ф. Дзержинского (1916). После Февральской революции 1917 г. назначен Временным правительством председателем «Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданских, так и военного и морского ведомств», с правами тов. мин. юстиции. При советской власти работал в различных учреждениях, арестовывался, умер в Москве. — 27, 29, 30, 31, 155.

Мятлев Иван Петрович (1796–1844). Русский поэт. Потомок старинного богатого дворянского рода. Широкую известность принесли Мятлеву комические и шуточные стихотворения начала 1840-х годов. — 98, 100.

Нагорный Климентий Григорьевич (1886–1918). Из крестьян Киевской губернии, матрос с Царской яхты «Штандарт», «дядька» при Царевиче Алексее. Сопровождал Царскую семью в Тобольск, а затем в Екатеринбург, где и был убит. — 129.

Надсон Семен Яковлевич (1862–1887). Русский поэт. Родился в семье чиновника в Петербурге. Окончил Павловское военное училище (1882), был на военной службе в чине подпоручика. В своих произведениях тяготел к гражданской лирике некрасовской школы. Умер от туберкулеза. — 87.

Нарышкин Кирилл Анатольевич (1868–1924). Флигель-адъютант, генерал-майор, друг детства Николая II. Начальник Военно-походной канцелярии, начальник Главной квартиры Императорского двора. Женат на княжне Е. А. Куракиной обергофмейстерине Императрицы Александры Федоровны. В марте 1917 года К. А. Нарышкин сопровождал Николая II из Ставки в Царское Село, где покинул Царя, судьбой Которого больше не интересовался. — 86.

Нарышкина Александра Николаевна (1839–1919). Урожденная Чичерина, сестра известного профессора Б. Н. Чичери-

на. С 1871 года замужем за обер-камергером Эммануилом Дмитриевичем Нарышкиным (1818–1902). Почетная попечительница Императорского женского патриотического общества, известная благотворительница. Расстреляна большевиками в Тамбове, где она проживала после революции. — 86.

Нарышкина (урожденная Куракина) Елизавета Александровна (1848–1928). Вдова Анатолия Дмитриевича Нарышкина (1829–1883), обер-гофмейстерина Императрицы Александры Федоровны. Мать начальника военно-походной канцелярии генерал-майора Кирилла Анатольевича Нарышкина. — 87.

Никитина Лидия Владимировна. Дочь генерала-от-артиллерии В. П. Никитина, фрейлина (с 1906) Императрицы Александры Федоровны, почитательница Г. Е. Распутина. — 422.

Николай II Александрович (1868–1918). Старший сын Императора Александра III, Император России (20 октября 1894 г. — 2 марта 1917 г.). Женат (14 ноября 1894 года) на Великой княгине Александре Федоровне, урожденной Гессенской принцессе Алисе (1872–1918). Дети: Ольга (1895–1918), Татьяна (1897–1918), Мария (1899–1918), Анастасия (1901–1918), Алексей Цесаревич (1904–1918). Убит вместе с семьей в Екатеринбурге 17 июля 1918 года. Канонизирован вместе с семьей Русской Зарубежной Церковью в 1981 году и Русской Православной Церковью в 2000 году. — 16, 28, 33, 35, 80, 81, 82, 89, 94, 104, 108, 109, 110, 114, 116, 118, 120, 146, 167, 176, 222, 276, 301, 308, 327, 328, 336, 337, 339, 346, 352, 360, 380, 411, 412, 428, 436, 449, 453, 456, 457, 477.

Николай Михайлович (1859–1919). Великий князь, внук Николая I, старший сын Великого князя Михаила Николаевича и Великой княгини Ольги Федоровны. Генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, командующий Кавказской гренадерской дивизией (1897). Историк, энтомолог. Председатель Императорского Русского Исторического Общества и Императорского Русского Географического Общества. Расстрелян 27 января 1919 года в Петропавловской крепости. — 309, 487, 488.

Николай Николаевич (Старший) (1831–1891). Великий князь, третий сын Николая I, генерал-инспектор по инженер-

ной части (1852), командир Отдельного гвардейского корпуса (1862–1864), командующий, а потом Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1864–1880), генерал-инспектор кавалерии (1864), Главнокомандующий армией во время войны с Турцией 1877–1878 г. Генерал-фельдмаршал. Женат (1856) на принцессе Александре Петровне Ольденбургской (1838–1900). Дети: Николай (1856–1929), Петр (1864–1931). — 303.

Николай Николаевич (Младший) (1856–1929). Великий князь, старший сын Николая Николаевича (Старшего) и его жены Александры Петровны, урожденной принцессы Ольденбургской (1838–1900), внук Императора Николая I. Генерал — адъютант, генерал-от кавалерии. Женат (1907) на Анастасии Николаевне, урожденной княжне Черногорской, по первому браку герцогине Лейхтенбергской (1868–1935). Детей от брака не было. Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1905–1914), Верховный главнокомандующий вооруженными силами России (1914–1915). В августе 1915 года уволен от должности и назначен заместителем на Кавказ и командующим Кавказскими войсками. Являлся сторонником отречения Николая II от престола и интриговал против Самодержца. 2 марта 1917 года Николаем II вновь назначен Верховным главнокомандующим и 9 марта отстранен от должности Временным Правительством. Затем находился в Крыму в имении Петра Николаевича Дюльбер, откуда в апреле 1919 года вместе с Императрицей Марией Федоровной отбыл за границу. Умер в январе 1929 года во Франции, похоронен в Каннах в крипте церкви Архангела Михаила. — 302, 303, 304, 305, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 339, 340, 341, 411.

Николай I Петрович Негош (1841–1921). Князь, с 1910 года — король Черногории. Наследовал трон в 1860 году. Женат (1865) на Милене (1847–1923), дочери воеводы Петра Вуковича. У них было три сына и шесть дочерей: Зорко (1865–1890); Милица (1866–1951, жена (1889) Великого князя Петра

Николаевича); Стана (Анастасия, 1867–1935. В первом браке (1889) за князем Георгием Максимилиановичем Романовским, герцогом Лейхтенбергским, во втором браке (1907) за Великим князем Николаем Николаевичем (Младшим); Даниил, наследный принц (1871–1939), женат (1899) на принцессе Ютте (в православии Милина) Мекленбург-Шверинской; Елена (1872–1952), в замужестве (1896) за королем (1900) Италии Виктором-Эммануилом III (1869–1947); Анна (1874–1971) в замужестве (1897) за Иосифом Баттенбергским; Мирко (1879–1918); Петр (1889–1932). — 291.

Нилов Константин Дмитриевич (1856–1919). Герой русско-турецкой войны, адмирал гвардейского экипажа, генерал-адъютант (с 1912), флаг-капитан Его Величества (с 1905). Близкий Николаю II человек. Женат на княжне Марианне Михайловне Кочубей (умерла в Париже). Расстрелян большевиками в 1919 году.

Новоселов Михаил Александрович (1864–1938). Русский православный мыслитель. Жил в Москве, в 1902–1917 издавал серию книг «Религиозно-философская библиотека», вокруг Новоселова сложился «Кружок ищущих христианского просвещения». В 1921 принял монашеский постриг с именем Марк, с 1923 епископ; не принял декларацию митрополита Сергия (1926) и стал деятельным членом «катакомбной церкви». Арестован в 1928, расстрелян в 1938. — 287.

Ольга Александровна (1882–1960). Великая княгиня, дочь Александра III, сестра Николая II. В первом браке (1901) за принцем Петром Александровичем Ольденбургским (1868–1924), сыном принца Александра Петровича и принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской. В 1916 году развелась с ним и в ноябре 1916 года вступила в брак с ротмистром лейб-гвардии Кирасирского полка Николаем Александровичем Куликовским (1881–1959). Летом 1917 года у Ольги Александровны родился сын Тихон (1917–1993), а через год — сын Гурий (1919–1984). В 1919–1920 годах она жила у родственников мужа на Кубани, в станице Невинномысской (здесь родился Гурий). При

подходе красных вместе с семьей уехала через Ростов, Новороссийск в Константинополь, а оттуда — в Данию. После смерти Марии Федоровны семья Ольги Александровны жила на ферме в местечке Баллерупе около Копенгагена. В 1948 году Ольга Александровна переехала в Канаду, где и скончалась в ноябре 1960 года. Похоронена на кладбище «Норс Йорк» в Торонто. — 125, 130, 146, 147, 149, 151, 157, 160, 164, 184.

Ольга Константиновна (1851–1926). Великая княжна, дочь Великого князя Константина Николаевича, внучка Императора Николая I. Замужем (1867) за принцем Датским Вильгельмом, ставшим в 1864 году королем Греции Георгом I. Умерла в Риме.

Ольга Николаевна (1895–1918). Великая княжна, старшая дочь Николая II. Убита вместе со Своими Близкими в Екатеринбурге. — 120, 141, 142, 150, 176, 179, 252, 470, 490.

Орбелиани (Джамбакуриан-Орбелиани) Софья Ивановна (1875–1915). Княжна, отец — князь И. Орбелиани; мать, — урожденная княжна М. Д. Святополк-Мирская. Стала фрейлиной Императрицы Александры Федоровны в 1898 году, с 1905 года тяжело болела и до самой смерти проживала в Александровском дворце. — 128, 162.

Ордовский-Танаевский Николай Александрович (1863–1950). Действительный статский советник, последний Тобольский губернатор (с ноября 1915). В эмиграции принял священническое рукоположение, служил в православной церкви города Палермо. Принял монашеский постриг под именем Никодима и умер схиархимандритом в Италии. — 440, 441, 442.

Орлов Александр Афиногенович (1862–1908). Сын генерал-лейтенанта. Окончил Николаевский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Генерал-майор свиты (1905), командир Лейб-Гвардии Уланского Ее Величества полка (1902–1907), затем — командир бригады 2-й Кавалерийской дивизии. Близкий друг Императора Николая II и Императрицы Александры Федоровны. Умер от туберкулеза. Похоронен на Казанском кладбище в Царском Селе. — 96, 100, 101, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 162, 170, 346.

Орлов Владимир Николаевич (1868–1927). Князь, флигель-адъютант, помощник начальника (1901–1906), затем начальник канцелярии Главной квартиры Двора (1906–1915), помощник по гражданской части наместника на Кавказе (1915–1917). Умер в Париже.

Павел Александрович (1860–1919). Великий князь, младший сын Императора Александра II. С 4 июня 1889 года состоял в браке с греческой принцессой Александрой Георгиевной (1870–1891), имел двоих детей: Марию (1890–1958) и Дмитрия (1891–1842). В 1902 году вступил в морганатический брак с Ольгой Валерьяновной Пистолькорс (урожденная Карнович, с 1915 года — княгиня Палей), имел троих детей: Владимира (1896–1918), Ирину (1903–1990), Наталью (1905–1981). Командир Лейб-Гвардии Конного полка (1890–1896), командир Гвардейского корпуса (1898–1902), генерал-от-кавалерии, почетный председатель Русского общества охраны народного здоровья и покровитель всех поощрительных коннозаводских учреждений в России. В январе 1919 года расстрелян в Петропавловской крепости. — 165, 378, 381, 384.

Палеолог Морис Жорж (1859–1944). Французский посол в России (1914–1917). Имел в России широкий круг знакомств в политических и аристократических кругах Петербурга/Петрограда, настроенных критически по отношению к Императору Николаю II. Его перу принадлежит воспоминания о пребывании в России, а также отдельная книга о Распутине — «Распутин: воспоминания», изданная первый раз на русском языке в 1923 году, состоявшая главным образом из пересказа слухов и сплетен, циркулировавших в высшем обществе России. — 289, 432, 488.

Палей Ольга Валерьяновна (1865–1929). Княгиня, урожденная Карнович, дочь камергера Валерьяна Гавриловича и Ольги Васильевны Карнович (урожденной Мессарош), сестра Любо-ви Валерьяновны Головиной (1853–1933) и артиста Сергея Валерьяновича, по сцене Валуа. Первый раз вышла замуж 30 мая 1884 года за ротмистра Лейб-Гвардии Конного полка Эрика Ав-

густовича Пистолькорса (1853–1935). Имела троих детей: Марианну, Ольгу и Александра. В 1902 году после развода с Пистолькорсом тайно за границей вступила в морганатический брак с Великим князем Павлом Александровичем, имела от него троих детей: Владимира (1896–1918), Ирину (1903–1990) и Наталию (1905–1981). В 1905 году Баварский король пожаловал ей титул графини Гогенфельзен, а в 1915 году (18 августа) она получила в России титул княгини Палей. Умерла в Париже, похоронена на кладбище Коломб. — 165, 166, 376, 377, 387, 393, 433, 488.

Патушинский Григорий Иннокентьевич. Нотарнус в городе Ялуторовске. Он и его жена являлись почитателями Г. Е. Распутина. — 425, 426.

Петр Николаевич (1864–1931). Великий князь, внук Николая I, двоюродный дядя Николая II. — 79, 290, 293, 294, 297, 299, 300, 310.

Пиранг Ричард Юльевич (1870–?). Жандармский полковник; с 1909 года состоял в распоряжении бывшего председателя Совета министров, статс-секретаря Столыпина и заведовал его личной охраной; исполнял должность адъютанта министра внутренних дел (1911–1917). — 237.

Пистолькорс Александр (Аксель) Эрикович (1885–1943). Сын графини Гогенфельзен (княгини Палей) от первого брака, сводный брат Великого князя Дмитрия Павловича. Камер-юнкер, был причислен к Государственной канцелярии, ранее был офицером Кавалергардского полка. В 1908 году женился на сестре Анны Вырубовой — Александре Александровне Таневой. — 165, 166, 377, 379.

Питирым (Окнов) (1858–1920). Митрополит Петроградский и Ладожский. В миру — Павел Васильевич Окнов; сын протоиерея Лифляндской епархии. Окончил Киевскую Духовную академию. Ректор С.-Петербургской духовной академии (1891). В 1911–1913 — епископ Владикавказский, с 1913 архиепископ Самарский, с 1914 — экзарх Грузии, архиепископ Карталинский и Кахетинский, член Св. Синода. В ноябре 1915 года назначен митрополитом Петроградским и Ладожским. 28 февраля 1917 года

в своей келье в Александро-Невской Лавре арестован революционной толпой как «ставленник Распутина» и доставлен под арестом в Таврический дворец. 6 марта 1917 года решением Синода отрешен от церковных должностей и «уволен на покой». Уехал в Пятигорск, где оставался до декабря 1918 года, затем перебрался в Екатеринодар, где и умер. — 272, 440.

Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918). Предприниматель и общественный деятель, депутат III и IV Государственных дум, фракция «октябристов», заместитель («товарищ») председателя IV Государственной Думы. Последний министр внутренних дел Царской России (с сентября 1916 года). В марте 1917 года был арестован, содержался в Петропавловской крепости, затем был перевезен в Москву. Расстрелян по решению большевистского руководства в сентябре 1918 года в Москве. — 28, 272, 341, 440, 447, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 488, 492, 494.

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920). Действительный статский советник, политический деятель. Родился в семье помещика. В 1895 году с отличием окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета в Одессе. С 1904 — чиновник особых поручений в Министерстве внутренних дел при В. К. Плеве. Осенью 1905 вместе с А. И. Дубровиным стал создателем монархической партии «Союз русского народа», а после ее раскола в 1908 возглавил «Русский народный союз имени Михаила Архангела». Член II, III и IV Государственных дум. С началом Первой мировой войны в 1914 прекратил партийную деятельность и стал начальником армейского санитарного поезда. После военных неудач весны-лета 1915 требовал усиления власти для успешной борьбы с революцией и на фронте. В 1916 был одним из участников убийства Г. Е. Распутина. После Февральской революции 1917 выступил против Временного правительства. После Октябрьской революции 1917 создал офицерскую организацию для борьбы за восстановление монархии. В ноябре был арестован Петроградской ЧК и приговорен ревтрибуналом к четырем годам прину-

дательных общественных работ; был амнистирован. Уехав на Юг, сотрудничал с А.И. Деникиным. Умер от сыпного тифа в Новороссийске. — 461, 477, 478, 483, 485, 486, 491.

Путятин Михаил Сергеевич (1861–1938). Князь, генерал-майор, начальник Царскосельского Дворцового Управления (1911–1917). С 1895 года штабс-капитан лейб-гвардии Преображенского полка. На 1 января 1909 года — полковник Преображенского полка. Затем — штабной офицер для особых поручений при управлении гофмаршальской части Министерства Императорского Двора. Женат на Марии Ивановне (1869–1964), урожденной Ендогуровой. В эмиграции во Франции жил и умер в Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, являлся одним из организаторов церкви святого Николая Чудотворца (1927) при Русском доме.

Путятин Сергей Михайлович (1893–1966). Князь, офицер Лейб-Гвардии 4-го Стрелкового Императорской Фамилии полка. Старший сын князя М.С. Путятина, женат (1917) на Великой княгине Марии Павловне (Младшей). После революции им удалось эмигрировать за рубеж. В 1923 году этот брак распался.

Радциг Николай Алексеевич (умер в октябре 1913 года). Камердинер Николая II, служивший при Нем с 1877 года. — 175.

Распутин Ефим Яковлевич (1842–1916). Крестьянин, отец Григория Распутина. — 55, 65.

Распутин Дмитрий Григорьевич (1895–1933). Сын Г.Е. Распутина. Крестьянин. Во время Первой мировой войны служил в 143-м санитарном поезде Ее Императорского величества Александры Федоровны санитаром. По архивным документам удалось установить, что в 1930 году, когда пришла разнарядка раскулачить по Ярковскому району 500 семейств, был сослан как кулак в город Салехард вместе с женой Феокистией Ивановной и матерью Параскевой Федоровной. Вдова Распутина до места ссылки не доехала, умерла в дороге, а Дмитрий вместе с женой до конца 1933 года проживал по месту ссылки в бараке № 14 спецпоселка города Салехарда. Умер от дизентерии. — 55, 63.

Распутина Анна Васильевна (1840–1904). Жена (1862) Е. Я. Распутина, мать Григория Распутина. — 55.

Распутина Варвара Григорьевна (1900–1937). Младшая дочь Г. Е. Распутина. При советской власти работала в управлении юстиции стенографисткой. Обстоятельства ее смерти неизвестны. — 55, 63.

Распутина Матрена (Матрона) Григорьевна (1898–1977). Старшая дочь Г. Е. Распутина. Замужем (1917) за лейтенантом Б. Н. Соловьевым (1891–1926). После революции с Чехословацким корпусом через Дальний Восток эмигрировала вместе с мужем в Европу, а затем — в Соединенные Штаты Америки, где работала в цирке Гарднера. Дети: Татьяна (1919–1982) и Мария (1920–1975). — 55, 58, 59, 63, 252, 361, 365, 484.

Распутина Прасковья Федоровна (1867–1932). Жена (1887) Г. Е. Распутина. Умерла в ссылке. — 55, 62, 63.

Раухфус Карл Андреевич (1835–1915). Лейб-педиатр, директор и главный врач детской больницы Принца Петра Ольденбургского в Петербурге (1869). Окончил курс в Медико-хирургической академии (1857). С 1858 по 1868 г. Состоял прозектором и врачом при Императорском Санкт-Петербургском воспитательном доме. С 1875 по 1883 г. Раухфус заведовал клиникой детских болезней женских врачебных курсов, устраиваемой при больнице; в 1876 г. назначен лейб-педиатром двора Его Величества. — 352.

Ренненкамф Павел Карлович (1854–1918). Генерал-адъютант, генерал-от-кавалерии. Окончил Гельсингфорское пехотное училище. Участвовал в кампании 1900 года в Китае, Русско-японской и Первой мировой войны. В 1906 году участвовал в подавлении беспорядков на Сибирской железной дороге. В начале Первой мировой войны командовал 1-й армией Северо-Западного фронта, участвовал в проведении Восточно-Прусской операции. 3 октября 1915 года уволен от службы. После Февральской революции арестован, и отправлен в Петропавловскую крепость. После прихода к власти большевиков уехал в Таганрог где был убит 12 апреля 1918 года.

Ресин Алексей Александрович (1866–1933). Генерал-майор Свиты, командир Собственного Его Императорского Величества сводного пехотного полка. Умер в Югославии.

Решетников Николай Иванович (род. 1859–?). Сын А. И. Решетниковой, почитатель Г. Е. Распутина. — 373.

Решетникова Анисья Ивановна (1837–1916). Вдова богатого московского купца, почитательница Г. Е. Распутина. — 322, 329, 332.

Родзинский (Радзинский) Исай Иделевич (1897–1987). Большевик, член коллегии уральской ЧК, принимал участие в упичтожении Царской Семьи. Председатель трибунала Петроградского военного округа (1922–1924).

Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924). Русский политический деятель, один из лидеров партии октябристов. Крупный помещик Екатеринославской губернии, сын полковника гвардии, вышедшего в запас в чине генерал-лейтенанта, Владимира Михайловича Родзянко (1828–1893). Окончил Пажеский корпус. С 1877 года в Лейб-Гвардии Кавалергардском полку; в 1882 году вышел в запас в чине поручика. Жил в Екатеринославской губернии. С 1883 года почетный мировой судья, в 1886–1891 году — предводитель дворянства Новомосковского уезда. В 1906–1907 член Государственного Совета. Депутат Государственной думы 3-го и 4-го созывов (1907–1917), с 1911 её председатель. Первоначально поддерживал политику П. А. Столыпина. В годы Первой мировой войны блокировался с кадетами, выступал против Распутина. После победы Февральской революции возглавил Временный комитет Государственной Думы 1917. После Октябрьской революции 1917, в период Гражданской войны, находился при армии генерала Деникина. В 1920 эмигрировал в Югославию, где и умер. Женат (1884) на Анне Николаевне, урожденной Голицыной, дочери сенатора и обер-гофмейстера Двора. Дети: Михаил (1884–1956), Николай (1887–?), Георгий (1890–1918). — 11, 16, 28, 66, 183, 189, 253, 259, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 315, 343, 352, 394, 452, 462, 465, 474, 487.

Родионов Иван Александрович (1866–1940). Полковник, русский писатель; участник Белого движения деятель русской эмиграции. Родился в станице Камышевской, области войска Донского в семье помещика (из донских казаков). Получил военное образование. В годы Первой мировой войны служил при штабе главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала Брусилова, участвовал в «Брусиловском прорыве», был награжден четырьмя боевыми орденами. Отказался присягать Временному правительству. В сентябре 1917 как активный участник корниловского выступления был заключен в тюрьму. После освобождения корниловцев, вступил в ряды Добровольческой армии. В 1920 по просьбе генерала Врангеля был организатором печатного дела на Юге России. В эмиграции был помощником председателя Берлинского монархического объединения (1923), избирался делегатом на Российский зарубежный съезд в Париже (апр. 1926). Умер и похоронен в Берлине на православном кладбище (район Тегель). — 373.

Розаиов Василий Васильевич (1856–1919). Русский религиозный философ, литературный критик и публицист. Родился в Веплуге в 1856 году, окончил Московский университет, был учителем истории и географии в Брянской прогимназии, Елецкой гимназии и Бельской прогимназии; с 1893 года служил в центральном управлении государственного контроля. С конца 1890-х годов — видный журналист позднеславянофильского толка, сотрудник журнала «Русский вестник» и «Русское обозрение», один из ведущих публицистов «Нового времени». Статьи Розанова вызывали резкую критику со стороны революционных марксистов. В 1917 г. Розановы переехали из Петрограда в Сергиев Посад и поселились в трех комнатах дома ректора Свято-Троицкой семинарии (это жилье им подобрал философ о. Павел Флоренский). Перед кончиной Розанов открыто нищенствовал, голодал, похоронен с северной стороны храма Гефсиманского Черниговского скита. — 26, 218, 219, 270.

Рябушинский Павел Павлович (1871–1924). Из старообрядческой семьи фабрикантов. Окончил Московскую Практи-

ческую академию коммерческих наук (1890). С 1900 года возглавил Товарищество мануфактур П. М. Рябушинского с сыновьями, с 1902 года совладелец банкирского дома «Братья Рябушинские» и председатель совета организованного на его основе Московского банка (с 1912). С 1906 старшина (с 1915 председатель) Московского биржевого комитета, член Совета съездов представителей промышленности и торговли, с 1909 года председатель Общества хлопчато-бумажных фабрикантов Московского района. Был избран в Государственный Совет. В Февральскую революцию один из инициаторов создания московского Комитета общественных организаций. Поддержал идею военной диктатуры, после краха корниловского выступления отошел от политики. В 1919 эмигрировал. Его брат Николай Павлович Рябушинский (1877–1951) получил известность как крупнейший русский меценат. — 394.

Саблин Николай Павлович (1880–1937). Морской офицер, участник русско-японской войны, контр-адмирал. С 1911 года — старший офицер Императорской яхты «Штандарт», флигель-адъютант (1912), с 1916 года — командир морской батареи Гвардейского экипажа и Императорской яхты «Штандарт». Личный друг семьи Николая II. Умер в Париже, похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа — 163, 164, 336, 338, 351, 446.

Сазонов Георгий Петрович (1868–1925). Петербургский журналист, редактор-издатель газеты «Россия», издатель журнала «Экономист России», почитатель Г. Е. Распутина. Сын купца; окончил курс в Санкт-Петербургском университете по юридическому факультету. По совету А. И. Кошелева и на его средства занялся изучением условий жизни русского народа. Изъездив Россию в разных направлениях, он изложил результаты своих наблюдений в целом ряде статей, появившихся в «Русской Мысли» и «Земстве». Служа в хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел, составил свод постановлений земства по продовольственному вопросу. — 195, 373.

Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927). Русский государственный деятель, дипломат, гофмейстер, член Государственно-

го Совета. Из дворян Рязанской губернии. На дипломатической службе с 1883. Женат на Анне Борисовне, урожденной Нейдгардт, родной сестре жены П. А. Столыпина. С сентября 1910 по июль 1916 — министр иностранных дел. Продолжал курс на сближение с Великобританией и Японией. Безуспешно пытался сплотить Балканские государства и Турцию в «конфедерацию» под эгидой России против Австро-Венгрии. Вёл переговоры с Германией, завершившиеся Потсдамским соглашением 1911, заключил соглашения с Японией в 1912 и 1916. В 1914–1916 вел переговоры с Великобританией и Францией о сотрудничестве в ходе Первой мировой войны 1914–1918 и об условиях будущего мира. В 1918–1920 член белогвардейских правительств Колчака и Деникина, их представитель на Парижской мирной конференции, где добивался расширения интервенции против Советской России. Умер в эмиграции, в Ницце.

Самарин Александр Дмитриевич (1868–1932). Егермейстер, действительный статский советник. Член Государственного Совета (группа правых) С 1908 года — Московский губернский предводитель дворянства, в 1915 году (июль–сентябрь) — обер-прокурор Святейшего Синода. С декабря 1916 года — председатель Постоянного совета Объединенных дворянских обществ. Участник Поместного собора 1917–1918 годов как представитель мирян. После прихода к власти большевиков, неоднократно арестовывался, в 1925 году выслан в Сибирь, с 1929 года жил в Костроме. — 465.

Седнев Иван Дмитриевич (1886–1918). Матрос с Императорской яхты «Штандарт», лакей Царских Детей. Последовал за Семейем в Тобольск и Екатеринбург, где был арестован и расстрелян большевиками.

Седнев Леонид Иванович (1904–1929). Племянник И. Д. Седнева, товарищ детских игр Цесаревича Алексея. Расстрелян большевиками в Ярославле.

Сергей Александрович (1857–1905). Великий князь, четвертый сын Императора Александра II, дядя и близкий друг Императора Николая II. В 1884 году женился на принцессе Гессен-

Дармштадтской Елизавете, получившей в России имя Елизаветы Федоровны (родной сестре будущей Императрицы Александры Федоровны). С 26 февраля 1891 года — Московский генерал-губернатор, а с 1896 года — командующий войсками Московского военного округа. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, член Государственного Совета, генерал-лейтенант, генерал-адъютант. Организатор и председатель Православного Палестинского общества. Убит 4 февраля 1905 года бомбой террориста. — 80, 187, 304, 317, 318, 381.

Сергей Михайлович (1869–1918). Великий князь, пятый сын Великого князя Михаила Николаевича, внук Императора Николая I, двоюродный брат Александра III и двоюродный дядя Николая II. Генерал-адъютант, генерал-от-артиллерии. Инспектор (1904) и генерал-инспектор (с 1905) артиллерии, полевой генерал-инспектор артиллерии при Верховном Главнокомандующем (1915–1917). Гражданской муж прима-балерины Мариинского театра Матильды Кшесинской. Убит в Алапаевске в июле 1918 года.

Сергий (Страгородский) (1867–1944). Патриарх Московский и всея Руси (1943–1944). В миру — Иван Николаевич Страгородский; родился в Нижегородской губернии в Арзамасе, в семье протоиерея. Окончил СПб. Духовную академию. Ректор С.-Петербургской Духовной академии (1901–1905), Архиепископ Финляндский и Выборгский (1901). В 1906 году председательствовал в Учебном Комитете сессии Святейшего Синода, одновременно занимаясь исправлением текста богослужебных книг. член Святейшего Синода (1911). Участник Всероссийского Свящ. Собора 1917–1918 в Москве. С 10 августа 1917 года архиепископ Владимирский и Шуйский. 28 ноября того же года возведен в сан митрополита. В 1922–1923 — был в обновленческом расколе, затем принес покаяние и был присоединен к Церкви. Митрополит Нижегородский (1924); заместитель Патриаршего Местоблюстителя (1925–1943). Первые годы управления митрополита Сергия Русской Православной Церковью были годами больших разногласий между иерархами, бурных колеба-

ний и расколов. Далеко не все признали митрополита Сергия законным главой Церкви с того самого момента, когда он принимал управление, а многие отделились от него в последующие годы, особенно после Декларации, выпущенной им 16/29 июля 1927 года. Скончался от кровоизлияния в мозг 18 мая 1944 г. Погребен в Николаевском приделе Московского Патриаршего Богоявленского собора. — 77, 78.

Симанович Арон Симонович (1873–?). Петербургский купец I гильдии, занимался покупкой и продажей драгоценных камней, имел ювелирную лавку в Киеве, одно время выдавал себя за «секретаря Распутина», ходатай по делам евреев. В 1916 году за подделку векселей был арестован и выслан из Петрограда. Его сына Семена (Соломона) Распутин вылечил от приступов эпилепсии. — 154.

Соколов Николай Алексеевич (1882–1924). Судебный следователь по особо важным делам при Обском окружном суде, производившей с февраля 1919 года расследование об убийстве Царской Семьи. В 1920 году эмигрировал во Францию, умер и похоронен в Сальбри. Автор книги «Убийство Царской Семьи», изданной первый раз в 1925 году. — 33.

Соловьев Борис Николаевич (1893–1926). Сын Н. В. Соловьева (см.), лейтенант, а марте 1917 года — адъютант А. И. Гучкова, женат (1917) на М. Г. Распутиной. Умер во Франции.

Соловьев Николай Васильевич (1863–1916). Действительный статский советник, казначей Св. Синода. Он и его жена Елизавета Петровна — преданные почитатели Г. Е. Распутина.

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911). Министр внутренних дел и председатель Совета министров Российской империи (с 1906). Гофмейстер, член Государственного Совета. В 1903–1906 Саратовский губернатор: руководил подавлением крестьянских волнений в ходе революции 1905–1907. В 1907–1911 определял правительственную политику. В 1906 провозгласил курс социально-политических реформ. Начал проведение аграрной реформы. Под руководством Столыпина разработан ряд крупных законопроектов, в том числе по реформе местного

самоуправления, введению всеобщего начального образования, о веротерпимости. Инициатор создания военно-полевых судов. В 1907 добился роспуска II Государственной Думы и провел новый избирательный закон, существенно усиливший позиции в Думе представителей правых партий. Смертельно ранен эсером Д. Г. Богровым. — 82, 89, 182, 221, 222, 231, 232, 259, 260, 261, 264, 349, 402, 403, 407.

Стремоухов Петр Петрович (1865–1935). Егермейстер, сенатор. Сувалкский (1904), Саратовский (1911), Костромской (1912) и Варшавский (1915) губернатор. Умер в эмиграции в Германии. — 231.

Сухотин Сергей Михайлович (1887–?). Офицер Преображенского полка, в 1916 году находился на излечении в госпитале Юсуповых, где близко познакомился с Ф. Ф. Юсуповым и стал участником заговора с целью убийства Г. Е. Распутина. — 483.

Танеев Александр Сергеевич (1850–январь 1918). Обер-гофмаршал, член Государственного Совета, почетный член Академии Наук, сын Главноуправляющего Собственной Его Величества Канцелярией Сергея Александровича и его жены, Анны Васильевны, урожденной Бибиковой. Женат на графине Надежде Илларионовне Толстой (1860–1937, Териоки). С 1896 года — Главноуправляющий Собственной Его Величества Канцелярией. Музыкант и композитор. Отец А. А. Вырубовой (Танеевой). — 364.

Татищев Сергей Сергеевич (1872–1915). Действительный статский советник. Граф, егермейстер. В 1906–1910 Саратовский губернатор. С 1912 до конца жизни начальник и председатель совета Главного управления по делам печати МВД. Скончался и похоронен в Петрограде. — 231.

Тальберг Николай Дмитриевич (1886–1969). Русский духовный писатель, публицист, историк. Служил в Министерстве внутренних дел (отдел личного состава Департамента общих дел); затем в Прибалтийском крае (осень 1908); советник губернского правления в Киеве (1910); управление продовольственной части в Петербурге (1911); Малороссии (1913);

чиновник особых поручений при министре внутренних дел (май 1914). Заведовал делопроизводством по выборам в Государственный Совет и Государственную Думу. Статский советник (н. 1917). После Февральского переворота 1917 года вступил в тайную организацию Маркова, ставившую целью освобождение Царской Семьи. С 1920 года — в эмиграции. В 20-е годы — управляющий делами Высшего монархического совета. В 1940-е года староста храма Св. Архистратига Михаила в г. Зальцбург и Свято-Покровской церкви в г. Парш (Австрия). Один из лидеров Высшего монархического совета. С 1950 года преподавал историю в Духовной семинарии при Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле (США). Похоронен на кладбище Свято-Троицкого монастыря.

Татьяна Николаевна (1897–1918). Великая княжна, третья дочь Николая II. Убита вместе со Своими Близкими в Екатеринбурге. — 141, 142, 150, 371, 490, 491.

Теглева Александра Александровна (1884–1955). Потомственная дворянка, семнадцать лет прослужившая в Царской Семье в качестве няни Детей. Осталась с Царской Семьей после Революции. В эмиграции вышла замуж (1922) за П. Жильяра. — 214.

Тернавцев Валентин Александрович (1866–1940). Богослов, публицист, один из основателей Религиозно-философского общества в Петербурге. Чиновник для особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода; работал над толкованием Апокалипсиса.

Тома Альбер (1878–1932). Французский политический деятель, историк. С 1904 сотрудничал в социалистической печати. С 1910 депутат парламента от Социалистической партии (СФИО), один из лидеров реформизма. В годы Первой мировой войны социал-шовинист. В 1915–16 государственный секретарь, а в 1916–17 министр вооружения. В мае 1916 и в апреле — июне 1917 посетил Россию с целью активизировать её действия в империалистической войне. Один из создателей и в 1920–1932 председатель Международной организации труда при Лиге Наций. Автор ряда

исторических трудов, из которых наиболее значителен — «Вторая империя. 1852–1870». Умер в Париже. — 288, 289.

Трепов Александр Федорович (1854–1928). Егермейстер, статс-секретарь, член Государственного Совета (правый), сенатор, младший сын Петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, в которого стреляла В. Засулич. С 1915 года — управляющий Министерством путей сообщения, с 19 ноября по 27 декабря 1916 года — председатель Совета министров. — 443, 456, 457.

Труайя Анри (псевдоним; настоящее имя и фамилия — Лев Тарасов) (1911–2007). Французский писатель. Член Французской академии, лауреат многочисленных литературных премий, автор более сотни томов исторических и художественных произведений, исследователь исторического наследия России. Родился в Москве в купеческой семье, эмигрировал с родителями. Умер в Париже. Его «Русские биографии» многократно переводились на многие языки; по его трудам во всем мире изучают историю и культуру России. — 197, 198.

Тэффи (псевдоним; настоящее имя — Надежда Александровна Лохвицкая; по мужу Бучинская) (1872–1952). Русская писательница и поэтесса. Дочь профессора криминалистики, издателя журнала «Судебный вестник» А. В. Лохвицкого, сестра поэтессы Мирры (Марии) Лохвицкой («русская Сафо»). Тэффи широко публиковалась, считалось, что ее отличает тонкое понимание человеческих слабостей, мягкосердечие и сострадание к своим незадачливым персонажам. Ее произведения очень любили читать все члены Царской Семьи. Умерла в эмиграции во Франции. — 191, 217, 218, 219, 220.

Тутельберг Мария Густавовна (1863–?). Урожденная Тудельс, камер-юнгфера Императрицы Александры Федоровны. Провела Тобольскую ссылку вместе с Царской Семьей. Дальнейшая ее судьба неизвестна.

Тютчева София Иваиовна (1870–1957). Внучка поэта Ф. И. Тютчева, фрейлина Высочайшего двора, воспитательница Великих княжон, уволена (1912) в связи с интригами против

Императрицы. Умерла в Мураново, родовом имении Тютчевых, превращенном в музей. — 183, 319.

Федоров Сергей Петрович (1869–1936). Тайный советник, Лейб-хирург, (с 1913). Во время Первой мировой войны сопровождал Николая II и Цесаревича Алексея в их поездках. Во время фактического «домашнего» ареста Государя 1–3 марта 1917 года убеждал Николая II в неизбежной скорой смерти наследника. Заслуженный деятель науки РСФСР (с 1928).

Феофан (Быстров) — «отец Феофан» (1873–1940). Архиепископ Полтавский и Переяславский. Магистр богословия, духовник Царской Семьи (1909–1910) и Великих княгинь Милицы Николаевны и Анастасии Николаевны (Черногорских). В миру — Василий Дмитриевич Быстров. С 1909 года — ректор Петербургской Духовной академии и епископ Ямбургский, викарий Петербургской епархии. С 19 ноября 1910 года — епископ Таврический и Симферопольский, с 1912 года — епископ Астраханский, с 1913 года — Полтавский и Переяславский. Скончался во Франции. — 69, 78, 151, 152, 153, 158, 159, 195, 208, 210, 291, 313, 314.

Филипп Антельм Ницье (1850–1905). Родился в Савоие, во Франции, в крестьянской семье. В 13 лет начал заниматься знахарством, позже осел в Лионе в качестве «месмериста» (последователя Антона Месмера, лечившего гипнозом, «животным магнетизмом»). Не имел медицинского образования и врачебная практика ему была запрещена, но он продолжал заниматься этим ремеслом и трижды привлекался к суду. Обладал способностью с помощью внушения добиваться блестящих результатов. В 1901 году Царь и Царица посетили Францию и в Компьене познакомились с Филиппом, которого Им рекомендовала Великая княгиня Милица Николаевна, лечившая у Филиппа от падучей своего сына Романа. Филипп по приглашению Царя дважды посещал Россию. — 295, 296, 297, 298, 299, 300, 311.

Фредерикс Владимир Борисович (1838–1927). Барон, граф (1913). Генерал-адъютант, генерал-от-кавалерии. В 1891–1893 годах в звании шталмейстера управляющий придворной конюшенной частью, помощник (1893–1897), затем Министр

Императорского Двора (1897–1917), член Государственного Совета (1905). Женат на Ядвиге (Гедвиге) Алоизовне, урожденной Богушевской (1838–1919). Его зять — дворцовый комендант В. Н. Воейков. В 1921 году покинул Россию, умер в Финляндии в своем имении Монрепо около Выборга. — 360.

Фредерикс Эмма Владимировна. Графиня, фрейлина, дочь министра Императорского Двора графа В. Б. Фредерикса.

Хвостов Алексей Николаевич (1872–1918). Камергер, депутат IV Государственной Думы, Вологодский (1906–1910) и Нижегородский губернатор (1910–1912), министр внутренних дел и командир Корпуса жандармов (сентябрь 1915–март 1916). Расстрелян большевиками. — 28, 343, 431, 441, 443, 444, 445.

Хрисанф (Щетковский) (1869–1906). Епископ Елисаветградский, викарий Херсонской епархии (с 1905). Духовный писатель, миссионер. В миру — Христофор Петрович Щетковский; из семьи диакона станицы Великокняжеской, области Войска Донского. Викарий Казанской епархии (1904). Скончался от чахотки. — 78.

Чеботарева Валентина Ивановна, урожденная Дубягская (ум. в апреле 1918 года). Супруга генерал-лейтенанта П. Г. Чеботарева (1873–1920), старшая сестра Собственного Ее Величества лазарета в Царском Селе.

Чириков Евгений Николаевич (1864–1932). Русский писатель. Из дворян Симбирской губернии; учился в Казанском университете; сначала был юристом, потом естественником. В 1885 выступил в печати со стихами, реалистическими рассказами. Большим успехом пользовались пьесы Ч. «Евреи» (1904), «Иван Мироныч» (1905), «Мужики» (1906) и др. Широко представлен в сборниках «Знание». В 1920 эмигрировал. Умер в эмиграции в Праге.

Шавельский Георгий Иванович (1871–1951). Протопресвитер военного и морского духовенства Российской империи. Родился в с. Дубокрай Витебской губ. в семье дьячка. Окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию (1902). Во время Русско-японской войны был полковым священником, дивизи-

зионным благочинным и под конец главным священником Маньчжурской армии. Законоучитель в Смольном институте (Санкт-Петербург) (1906–1910). Профессор богословия Историко-филологического института (Санкт-Петербург) (1910). Член духовного правления военного протопресвитера (1910). Протопресвитер военного и морского духовенства Российской империи (протопресвитер армии и флота) (1911). Член Синода (1915–1917). Окормлял военное духовенство в Добровольческой армии Деникина до 1919 г. Эмигрировал в Болгарию. Скончался в Софии.

Шаховской Всеволод Николаевич (1874–1954). Князь, гофмейстер, действительный статский советник. Служил на яхте «Полярная Звезда» и в Гвардейском экипаже. Капитан первого ранга, министр торговли и промышленности (1915–1917). Умер в Париже. — 441.

Шереметев Дмитрий Сергеевич (1869–1943). Граф, флигель-адъютант, полковник Кавалергардского полка. Входил в ближайшее окружение Императора Николая II. Женат на Ирине Илларионовне, урожденной Воронцовой-Дашковой (1872–1959). В эмиграции в Италии, умер в Риме. — 86.

Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917). Обер-камергер, действительный тайный советник, член Государственного Совета. С 20 января по 10 ноября 1916 года — председатель Совета министров, одновременно с 7 июля по 10 ноября 1916 года — министр иностранных дел. В марте 1917 года арестован, содержался в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, где и умер осенью 1917 года. — 28, 236, 238, 289, 441, 455.

Шуваев Дмитрий Савельевич (1854–1937). Русский военный деятель, генерал-от-инфантерии (1912). Из почётных граждан Оренбургской губернии. Окончил Александровское военное училище (1872) и Академию Генштаба (1878), служил на штабных должностях, преподавал в военно-учебных заведениях. Командовал дивизией (1905) и корпусом (1907–08). С 1909 начальник Главного интендантского управления и главный интендант, с декабря 1915 по март 1916 главный полевой

интендант. В марте 1916 — январе 1917 военный министр. С января 1917 член Государственного Совета. После Октябрьской революции преподавал в военно-учебных заведениях Красной Армии, в том числе на курсах комсостава «Выстрел». В 1937 арестован органами НКВД. Расстрелян. Посмертно реабилитирован. — 316.

Шульгин Василий Витальевич (1878–1976). Русский политический деятель, один из лидеров националистов, публицист. Из дворян Волынской губернии. Окончил юридический факультет Киевского университета (1900). Во время Февральской революции 1917 член Временного комитета Государственной Думы; 2 марта 1917 вместе с А.И. Гучковым предъявил в Пскове Государю Николаю II требование Думы об отречении от престола. После Октябрьской революции 1917 — один из организаторов борьбы против советской власти. Участвовал в создании Добровольческой армии. После окончания Гражданской войны — в эмиграции.

Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918). Действительный тайный советник, сенатор, министр юстиции (1906–1915). Председатель Государственного Совета (январь–февраль 1917 года). Расстрелян большевиками. — 386.

Щеголев Павел Елисеевич (1877–1931). Историк литературы и общественного движения, пушкинист. В 1899 году исключён из Петербургского университета за участие в организации студенческого и рабочего движения и выслан в Вологодскую губернию. В 1903 году вернулся в Петербург, сдал экстерном экзамен за курс историко-филологического факультета. Первоначально занимался историей русской литературы, потом перешёл к истории общественных движений (сохраняя интерес к истории литературы и позже). В 1905–1917 опубликовал воспоминания декабристов М.А. Фонвизина, Е.П. Оболенского, В.И. Штейнгеля, А.Е. Розена и Н.В. Басаргина. После Февральской революции 1917 года — член Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, вместе с Н.С. Тютчевым разбирал архивы Департамента полиции. После Октябрьской

революции — один из организаторов Петроградского историко-революционного архива (1918, помещался в здании бывшего Сената); с 1919 года член коллегии Петроградского отделения Главархива, с 1920 года управляющий одним из отделений Государственного архивного фонда. Один из создателей Музея революции в Петербурге (сейчас Государственный музей политической истории России). — 167.

Эрнст-Людвиг Гессенский (1868–1937). Брат Императрицы Александры Федоровны. После смерти своего отца Людвига IV в 1892 году стал владетельным герцогом Гессенским и Рейнским. В апреле 1894 года женился на Виктории-Мелите, принцессе Саксен-Кобург-Готской (Великая княгиня Виктория Федоровна), от брака с которой имел дочь Елизавету (1895–1903). Брак распался в 1901 году. В 1905 году женился вторично на принцессе Элеоноре («Онор») Сольмс-Лихе (1871–1937). Имел от этого брака детей: Георга (1906–1937) и Людвига (1908–1968).

Юсупов Николай Феликсович (1882–1908). Князь, старший брат Феликса Юсупова. Закончил Петербургский университет. 22 июня 1908 года на Крестовском острове в Петербурге на дуэли с графом Арвндом Мантейфелем, жена которого — Мария Мантейфель, урожденная Гейден, была любовницей Николая был убит. — 388.

Юсупов Феликс Феликсович, князь, граф Сумароков-Эльстон (1887–1967). Сын З. Н. Юсуповой и Ф. Ф. Сумарокова-Эльстона. Женат (1914) на племяннице Николая II княжне Ирине Александровне (1895–1970). Их единственная дочь Ирина Феликсовна (1915–1983) вышла замуж за графа Николая Дмитриевича Шереметева (1904–1979). После Октябрьской революции эмигрировал в Лондон, а затем в Париж. Во время Второй мировой войны отказался от предложения нацистов вернуться в Россию как наместник вермахта и приветствовал победу Красной армии. До самой смерти проживал в Париже. Похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. — 36, 125, 299, 388, 458, 459, 460, 462, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 478, 479, 480, 482, 483, 484, 485, 487, 488, 489, 492, 493.

Юсупова Зинаида Николаевна, княгиня, графиня Сумарокова-Эльстон (1861–1939). Жена (1882) графа Ф. Ф. Сумарокова-Эльстона (1856–1928). 2 декабря 1891 года Александр III издал жалованную грамоту, разрешающую мужу и жене именоваться князьями Юсуповыми, графами Сумароковыми-Эльстон. Дети: Николай (1883–1908. Убит на дуэли) и Феликс (1887–1967). Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. — 10, 272, 313, 461, 462, 463, 464, 465, 472, 478.

Юсупова Ирина (1895–1970). Урожденная княжна Императорской крови, дочь Великого князя Александра Михайловича и Великой княгини Ксении Александровны, племянница Николая II, жена (1914) князя Ф. Ф. Юсупова (младшего). Умерла в эмиграции в Париже. — 125, 466, 477, 479, 480, 487.

Янышев Иван Леонтьевич (1826–1910). Протопресвитер, духовник Царской Семьи. Сын диакона Калужской губернии. По окончании С.-Петербургской Духовной академии состоял в ней бакалавром физико-математических наук. Священник православной церкви в Висбадене (с 1851 года). С 1856 года — профессор богословия в Петербургском университете, с 1858 года — священник церкви Русской миссии в Берлине. С 1866 по 1883 год — ректор С.-Петербургской Духовной академии. С 1883 года — духовник Императора и Императрицы, заведующий придворным духовенством и протопресвитер Большого в Зимнем дворце и московского Благовещенского соборов. Автор работ по церковным вопросам.

Оглавление

Введение	3
Глава I. Костёр на снегу	14
Глава II. Факты и домыслы	48
Глава III. «Злые языки страшнее пистолета»	84
Глава IV. Венценосная Чета	116
Глава V. Друзья Царского Дома	149
Глава VI. «Исчадие ада» выводят на арену	181
Глава VII. Общественный портрет монаха-авантюриста	224
Глава VIII. Политическое кабаре	256
Глава IX. Чёрный квартет	290
Глава X. Генерал с масонской отметиной	315
Глава XI. Круговорот столичной суеты	349
Глава XII. Полицейский микроскоп с фальшивыми линзами	390
Глава XIII. Последний год	428
Глава XIV. «Герой» столичного бомонда	461
Послесловие	497
Сочинения Григория Распутина-Нового	
Благочестивые размышления	504
Мои мысли и размышления	524
Приложение	
Круг лиц, причастных к судьбе Г.Е. Распутина, в том числе – упомянутых в данном издании	552

Научно-популярное издание

**Боханов
Александр Николаевич**

ПРАВДА О ГРИГОРИИ РАСПУТИНЕ

Главный редактор А.В. Знатнов
Выпускающий редактор И.В. Судникова
Художественный редактор М.Ю. Севбо
Корректор Л.В. Доценко

Обложка и фронтиспис: Клокачева Елена Никандровна (1871–после 1941). «Портрет Григория Ефимовича Распутна». 1914 г. Картон серый, цветной карандаш, пастель. 81,5 x 56 см. Государственный Эрмитаж. Фото Л.Г. Хейфец.

Форзац: Фото Прокудин-Горский Сергей Михайлович (1863–1944). Село Покровское — родина Г.Е. Распутина-Нового. 1912 г.
Нахзац: Населенные пункты Российской империи, где жил, останавливался и куда паломничал Григорий Распутин-Новый (1869–1916).

В книге использованы фотографии из Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб.) и ФГУП РИА «Новости».

АНО «Культурно-просветительный Русский издательский центр»
123022, г. Москва, ул. Большая Ваганьковская, д. 3, стр. 5.
rus-izdat.ru

Сдано в набор 27.11.2010 г. Подписано в печать 01.03.2011 г.
Формат 84x108/32. Усл.-печ. л. 31,92. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Гарнитура Миньон Про.
Тираж 5000 экз. Заказ № 242

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «Типография «Новости»». 105005, г. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

Населенные пункты Российской империи,
где жил, останавливался и куда паломничал
Тригорий Распутин-Новый (1869-1916)

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Александр Николаевич Боханов — доктор исторических наук, профессор, в научном багаже которого сотни статей, более сорока монографий и учебников для школ и высших учебных заведений.

Произведения Боханова отличает любовь к прошлому нашего Отечества, профессиональное отношение к историческому документу, непредвзятое восприятие исторических персонажей. Он обладает удивительной для современ-

ных авторов способностью сочетать в своих работах, с одной стороны, широкий историософский подход, благодаря чему ему удалось создать фундаментальные труды, раскрывающие органические проблемы исторического бытия России. С другой стороны, в его творческом багаже имеются книги с проникновенными, лирическими описаниями людей, их чувств и переживаний. Образно говоря, Боханов выступает искусным реставратором, осторожно, слой за слоем, снимающим искажающие наслоения тенденциозных мнений и суждений, чтобы представить читателю первозданную красоту русской истории.

Он первым в посткоммунистической России опубликовал серию книг о судьбе Царя-Страстотерпца Николая II, трагические перипетии биографии которого отразили драматургию русской истории конца XIX – начала XX веков. Ему же принадлежит и единственное в своем роде жизнеописание Царицы-Страстотерпицы Александры Федоровны.

Желание освободить русскую историю от последующих тенденциозных измышлений и искажений позволило Александру Боханову создать работы, совершенно по-иному интерпретирующие, казалось бы, давно известное. Таковы его книги об Императоре Александре III, Григории Распутине, Императоре Николае I, Царе Иоанне Грозном и Императоре Павле I.